

ББК 84.Гр.1 Р 89

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев {главный редактор},

И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев, И. М. Грибачев, Р. Г. Гамзатов, М. А. Дудин, А. В. Западов, Г. Л. Исаев, М. К. Каноат, Д. С. Лихачев, Э. Б. Межелайтис, Л. Л. Михайлов, Л. М. Мкртчян, Д. М. Мулдагалиев, Б. И. Олейник, А. И. Павловский, С. А. Рустам, Н. Н. Скатов, М. Танк

Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания
А. Г. БАРАМИДЗЕ И С. С. ЦАИШВИЛИ

Редактор В. С. Киселев

47021170002—309

083(02) —88

©Издательство «Советский писатель», 1988 г.

ISBN5—265—01103—X

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ-ГУМАНИСТ

Грузия — родина Руставели — страна древней и богатой культуры. В средние века своего наивысшего развития в политическом, экономическом, социальном и культурном отношениях она достигла в XII веке — в период правления Давида Строителя (1089 — 1125), Георгия III (1156 — 1184) и особенно царицы Тамар (1184 — 1213). Грузия того времени — сильная, централизованная феодальная держава, игравшая значительную роль в истории народов Ближнего Востока.

В жизни грузинского народа это был период могучего подъема его материальных и духовных сил. Восхищают величие и красота дошедших до нас монументальных памятников зодчества, изумительная тонкость и изящество живописи, ювелирного дела, чеканного искусства, художественного ремесла и т. д. Высокий уровень был достигнут и в области науки, общественно-политической и философской мысли, в известной мере свободной от церковного догматизма и схоластики. Говоря словами академика Н. Я. Марра, в XI—XII веках «грузины интересовались в области философии теми же вопросами, какие занимали передовые умы тогдашнего христианского мира как на Востоке, так и на Западе, с тем отличием от других, например от европейцев, что тогда грузины отзывались раньше других на наиболее новые течения философской мысли и работали во всеоружии образцовой для своего времени текстуальной критики непосредственно над греческими

подлинниками».¹

Особенно значительных успехов достигло словесное искусство. Наряду с дальнейшим развитием церковно-религиозной письменности, не позднее начала XII века зародилась и быстро расцвела светская художественная литература. Руставели — закономерный итог, вершина и венец развития грузинской культуры. Его гениальная поэма «Вепхисткаосани» — «Витязь в барсовой шкуре»,² публиковавшаяся в русских переводах чаще всего под названием «Витязь в тигровой шкуре», — непревзойденный образец грузинского художественного слова и шедевр мировой поэзии.

1

Достоверных биографических сведений о Руставели сохранилось очень мало. Главный источник, откуда мы черпаем информацию об авторе поэмы, — это пролог «Витязя в барсовой шкуре».

Согласно эпической трагедии средневековья, в начале пролога прославляется создатель вселенной, божественно-небесная сила, у которой поэт просит содействия и покровительства. Далее автор почтительно воспеваает царицу Тамар и ее мужа-соправителя Давида Сослани, а в заключении говорит о себе, о своем творческом замысле.

Пролог, органически связанный с повествовательной частью поэмы, можно назвать подлинным украшением «Витязя в барсовой шкуре». Его архитектоника стройна и последовательна. Здесь обобщен, можно даже сказать, в теоретическом аспекте декларирован замысел автора, обретший художественную плоть в самой поэме.

Как в увертюре оперы, во вступлении поэмы отчетливо звучит лейтмотив всего произведения. Будучи блистательной прелюдией, концентрированным выражением основных идей и мотивов, пролог служит ключом к пониманию творчества поэта и источником его биографии.

Поэма «Витязь в барсовой шкуре» посвящена царице Тамар:

Воспоем Тамар-царицу, почитаемую свято!

Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то.

Мне пером была тростинка, тушью — озеро агата.

Кто внимал моим твореньям, был сражен клинком булата.

(Перевод Н. Заболоцкого)

Почти вся эта четвертая строфа пролога метафорична. Поэт разъясняет, что в

¹ М а р р Н. Я. Иоанн Петрицкий: Грузинский неоплатоник XI — XII веков//«Записки Восточного отделения Русского археологического общества». Спб., 1910. Вып. 19. С. 61.

² О названии поэмы и его передаче на русском языке см. с. 630.

ходе работы над поэмой чернилами ему служили озера черных, как агат, очей Тамар, а пером — ее стройный, как тростник, гибкий и трепещущий стан. Судя по этим разъяснениям, Тамар была для Руставели подлинной вдохновительницей его поэзии, внушившей ему прекрасные образы Нестан и Тинатин (особенно Нестан). В девятнадцатой строфе пролога поэт говорит: «Узнайте все теперь обо мне: воспеваю я ту, которую воспевал... ее имя тайно (иносказательно) называю я дальше и восхваляю ее» (подстрочный перевод³). Поскольку вместе с Тамар поэт воспекает и ее супруга! — Давида Сослани, постольку «Витязь в барсовой шкуре» создан в период царствования Тамар и Давида, то есть между 1189 и 1207 годами (в 1189 году Тамар сочеталась браком с Давидом Сослани, а в 1207 году Давид скончался).

Смело можно утверждать, что «Витязь в барсовой шкуре» не мог быть первым произведением Руставели. Об этом прямо сказано уже в цитированной выше четвертой строфе пролога.

В прологе автор два раза говорит о себе: «Сел я, Руставели, с пронзенным из-за него (Таризла) сердцем ... Я, Руставели, обезумевший от любви, взялся за подобное дело». Итак, автор «Витязя» — Руставели (архаичная форма — Руствели). Слово «Руставели» означает уроженца или владельца Рустави. Двух лиц — Рустави из Месхетии (Южной Грузии) и Рустави херетского или тбилисского (на территории современного города) — связывают с именем автора поэмы. Некоторые литературные источники, особенно народные предания, называют Руставели месхом. В X—XII веках Месхетия действительно играла очень важную роль в политической и культурной жизни Грузии. Значительным политическим и культурным центром был тбилисский (херетский) Рустави. Продолжаются споры и о том, уроженцем (или владельцем) какого Рустави был автор «Витязя в барсовой шкуре».

Имя Руставели — Шота. Оно засвидетельствовано как аутентичными литературными памятниками (сравнительно позднего происхождения), так и стенной росписью грузинского монастыря Св. Креста в Иерусалиме. На колонне этого монастыря до сих пор сохранился великолепный в художественном отношении портрет Руставели с надписью, в которой уверенно читается имя Руставели — Шота. Ему в этой надписи приписывается честь реставрации и росписи монастыря. Роспись и надпись датируются первой половиной XIII века. В других письменных документах, относящихся к тому же монастырю, Руставели назван «мечурчлетухуцеси», то есть государственным казначеем. На портрете Руставели изображен мудрым старцем в богатом облачении светского вельможи, как и подобало высокому сановнику (вазиру) царицы Тамар. То обстоятельство, что Шота Руставели был выдающимся государственным деятелем, проясняет специфический характер пролога «Витязя», делает более понятным содержание ряда исторических намеков и реалий. Нетрудно увязать отраженную в поэме художественную действительность с исторической.

В Грузии распространены легенды, а среди монастырской общины Св. Креста — предания о пострижении Руставели под конец своей жизни в монахи, о смерти и погребении его в Иерусалимской монастырской обители.

Сомнительно мнение о том, будто поэма «Витязь в барсовой шкуре» и, в частности, ее пролог дают почувствовать читателю интимные переживания

³ Перевод цитат из поэмы, приводимых в прозаических (подстрочных) переводах осуществлен авторами вступ. статьи.

Руставели, трагическая любовь которого к Тамар будто бы довела его до безумства.

В прологе Руставели действительно говорит, что сходит с ума, умирает ради той, «кому послушны рати»; что она — его жизнь. Однако эти взволнованные слова не следует толковать столь прямолинейно: языком поэтических гипербол автор передает свое воодушевление, выражает чувство искреннего уважения своим повелителям и благодетелям — царю и царице Грузии, прекраснейшей из женщин — Тамар. С глубочайшим почтением говорит поэт о достойном супруге Тамар, мужественном Давиде Сослани (именуемом здесь Львом). Но эти патетические строфы не имеют ничего общего с лицемерной риторикой придворного поэта. Руставели, как истинный сын своего отечества, не мог не восхищаться человечностью Тамар, ее обаянием, острым умом, царственным величием. Поэт был современником, свидетелем и участником невиданного расцвета и успехов родной страны, достигнутых при Тамар. Все это, разумеется, вдохновляло его на создание поэтического шедевра и, естественно, нашло отражение в поэме.

Некоторые исследователи считают, что основной причиной или хотя бы непосредственным поводом для изгнания поэта из Грузии и тех преследований, которым будто бы он подвергался, была опять-таки трагическая любовь Руставели к Тамар.

Предположения, согласно которым Руставели преследовали и даже выслали из Грузии, по нашему мнению, неубедительны: высокое общественное положение поэта, занимаемое им до конца его жизни, опровергает эту точку зрения. Иное дело нападки, которым подвергался Руставели как автор поэмы (что засвидетельствовано сравнительно более поздними источниками). Гонения эти, по-видимому, были обусловлены той новой историко-идеологической обстановкой, которая сложилась в Грузии во времена монгольского завоевания. Господствующие церковно-клерикальные круги считали, что бедствия, обрушившиеся на Грузию, якобы являлись божественной карой за распущенность нравов и чрезмерное увлечение земными соблазнами.

В прологе «Витязя» изложены авторские взгляды на поэзию (шаироба) и любовь (миджнуроба). В двенадцатой строфе говорится:

Поэзия (стихотворство) изначально одна из сфер мудрости,
божественное (в ней) следует постигать божественно,
внимающим от нее великая польза,
И здесь насладится внимающий ей достойный человек.
Длинная речь сказывается кратко, тем и хороша поэзия.⁴

Определяя поэзию как «сферу мудрости», Руставели подчеркивает ее познавательный характер. Хотя поэзия и «божественна», она имеет земное

⁴ Р у с т а в е л и Ш. Витязь, в тигровой шкуре/ Подстрочный перевод с грузинского С. Иорданишвили. Тбилиси, 1966. С. 7.

назначение, даруя достойным слушателям и читателям радость эстетического наслаждения.

Руставели разъясняет природу и специфику поэзии. По его мнению, этот вид словесного искусства требует экономии слова, краткого, ясного и четкого выражения мысли. Согласно поэтике Руставели, стихотворные строки должны украшаться глубокомысленными, выразительными и музыкальными «сладостными словами», «сладкозвучным языком».

Поэтическое творчество Руставели сравнивает с богатырским ристалищем; боевым вооружением поэту служат просвещенный ум, утонченный вкус, высокая поэтическая техника и глубокая восприимчивость. И горе тому поэту, которому это оружие откажет. Такой художник никогда не сможет благополучно достигнуть финиша в творческом состязании. По убеждению Руставели, поэт — рыцарь слова. Для того, кто им стать не может, поэзия — не призвание.

В прологе кратко характеризуются поэты нескольких типов. В те далекие времена (XII век) грузинская поэзия была весьма богатой и разнообразной как по содержанию, так и по жанрам. Предпочтение Руставели отдает эпическим жанрам («но поэтом не зовут того, кто не способен сложить длинное произведение»). Именно эпическое полотно, реализация большой темы выявляют даровитость и мастерство поэта, его способность преодолевать трудности словотворчества. Ибо нельзя считать поэтом того, «кто лишь раз или два случайно рифму сплел, да и то нескладно».

Далее Руставели говорит о трех видах любви. Первый — это божественная любовь, «относящаяся к высшему роду», «она дело небесное, дающее воспарение ввысь», и ее «трудно выразить, высказать ясным (понятным) языком». Второй вид — любовь земная, которая «соприкасается с плотью». Поэт подчеркивает, что второй вид любви является «подражанием» первой, высшей (божественной) любви, «если не блудодействуют, а млеют издали». Руставели решительно отвергает третий вид любви — любовь грубо чувственную, низменную. Между нею и истинной любовью — «великая пропасть». Ратуя за божественную любовь, поэт признается, что будет воспевать земные, человеческие («плотские») чувства, морально и духовно возвышающие и облагораживающие людей.

Таким образом, уже в прологе декларируются основы гуманистического мировоззрения поэта, художественно реализованные в повествовательной части поэмы.

В прологе же нарисован обобщенный образ идеального влюбленного (миджнура):

Должен истинно влюбленный быть прекраснее светила,
Для него приличны мудрость, красноречие и сила,
Он богат, великодушен, он всегда исполнен пыла...
Те не в счет, кого природа этих доблестей лишила.

(Перевод Н. Заболоцкого)

В девятой строфе пролога читаем: «Эту персидскую (прозаическую) повесть, переведенную на грузинский язык, я нашел и переложил стихами».

Все попытки обнаружить, признаки заимствования сюжета «Витязя в барсовой шкуре» оказались тщетными: ни персидская (персоязычная), ни какая-либо другая литература не знают аналогичного сюжета. Скорее всего, Руставели сознательно мистифицирует читателя, используя широко распространенный в средневековой мировой литературе (как на Западе, так и на Востоке) прием сюжетной маскировки. Поэт прибег к этому приему с целью завуалировать и скрыть, по-видимому, содержащиеся в его поэме намеки на острые политические события своего времени, а быть может, во избежание возможных нареканий на свои общественно-политические и религиозно-философские мысли. Объявив источником своего произведения «персидское» сказание, Руставели развертывает повествование на обширном географическом фоне (Аравия, Индия, Хорезм, Хатайя и вымышленные страны — Мульгазанзари, Гуланшаро, Каджети). В соответствии с этим некоторых своих персонажей, в том числе Нестан - Дареджан, автор именует на чужеземный лад. Но некоторым героям он все же оставил чисто грузинские имена (Тинатин, Тариэл). По обоснованному мнению грузинского царя Вахтанга VI — первого издателя «Витязя в барсовой шкуре» (в Тбилиси в 1712 году), большого знатока персидского языка (и искусного переводчика с этого языка ряда произведений) и творчества Руставели — «сюжет и стих поэмы» принадлежат самому ее автору.

2

Сюжет поэмы «Витязь в барсовой шкуре» — сложный, интересный и увлекательный. Престарелый царь Аравии Ростеван, не имея сына-наследника, возводит на престол свою единственную дочь, красивую и мудрую Тинатин, питающую любовь к славному рыцарю — полководцу Автандилу. Однажды во время охоты Ростеван и Автандил повстречали чужестранного витязя в барсовой шкуре, погруженного в глубокую скорбь. Все попытки заговорить с ним оказались тщетными; к тому же он бесследно исчез. Огорченного царя охватило уныние, и Тинатин поручает своему возлюбленному во что бы то ни стало отыскать загадочного чужеземца. Автандил охотно берется выполнить поручение своей повелительницы. После долгих и тяжелых странствий он находит этого витязя, по имени Тариэл. Витязь рассказывает Автандилу свою печальную историю: он — отпрыск царственного рода, военачальник и амирбар (царедворец, вазир) самодержца Индии Фарсадана, терзаемый страстной любовью к солнцеликой царевне Нестан-Дареджан. Царь Фарсадан решил выдать Нестан замуж за хорезмийского царевича и объявить его наследником престола, хотя по праву наследником считался Тариэл. Нестан уговорила своего миджнура (возлюбленного) убить соперника и захватить власть. Царевну обвиняют в преступной любви к мятежнику и подвергают суровой каре: после жестоких побоев ее тайно увозят за пределы Индии. Тариэл бросается на поиски любимой, но тщетно. Потеряв всякую надежду отыскать ее, он покидает отечество, уединяется и живет в пещере. Автандил братается с Тариэлом, утешает, обнадеживает его, и они вместе отправляются на поиски Нестан-Дареджан. Наконец отыскивается ее след. Прекрасная царевна заключена в неприступной крепости Каджети (в стране волшебников каджей). Тариэл и Автандил при содействии третьего побратима, Фридона, овладевают крепостью и освобождают Нестан. Радостные, счастливые побратимы-витязи возвращаются в родные края.

В поэме Руставели переплетаются две сюжетные линии: аравийская и индийская. Повествование в «Витязе» едино, цельно и динамично. Сюжетные ситуации поэмы естественно и логически обоснованно следуют друг за другом. Центральные и периферийные сюжетные узлы неразрывно связаны между собой. Основное повествование в поэме обогащено органически входящими в него

эпизодами (охота, история царя Фридоны, купеческая страна Гуланшаро и др.). Эпизоды насыщены большим числом конкретных деталей и сложных ситуаций, причем каждый из них с безупречным художественным вкусом и исключительным чувством меры вливается в единое течение сюжетного развития. Рассказ об охоте царя Ростевана, например, представляет собой вполне самостоятельный, интересный эпизод, имеющий все необходимые сюжетные компоненты: экспозицию, завязку, кульминацию и развязку. В то же время этот эпизод непосредственно подводит к магистральной линии повествования (история неизвестного витязя). Важный и обрисовкой портрета Автандила, и подробностями бытового характера и сюзеренно-вассальных взаимоотношений, эпизод охоты включен автором в ткань повествования для того (и это главное), чтобы связать историю Тариэла с Ростеваном и Автандилом, которые заметили на берегу реки странного, загадочно ведущего себя витязя. Тем самым эпизод охоты становится отправным пунктом сюжетного развития целой поэмы. Так же естественно и непосредственно переплетаются и другие сюжетные линии, эпизоды и отдельные ситуации «Витязя в барсовой шкуре».

Рустанели строит действие в быстром темпе, не отклоняясь от главной линии поэмы, хотя поэта и подстерегало немало соблазнов. Показателен в этой связи рассказ о путешествии Автандила. В поисках Тариэла он преодолел огромные пространства, объехал множество стран, пока не попал на след витязя. За историей Тариэла, поведенной им самим Автандилу, следует рассказ о возвращении последнего в Аравию. Затем читатель узнает о новой встрече Автандила с Тариэлом, о встрече с Фридоном, об отъезде в Гуланшаро...

Средневековые авторы в подобных случаях, как правило, растягивали рассказ, перегружая повествование побочными авантюрно-приключенческими эпизодами.

И в теоретическом плане, и в творческой практике Рустанели — противник перегруженного событиями, растянутого повествования, убежденный сторонник гибкого, лаконичного сказа; он избегает сюжетных повторов и длиннот, не заостряет внимания на мелочах, не снижает темпа действия. Поэта интересует внутренний мир своих героев, их чувства, переживания, размышления, думы.

Рустанели с редким совершенством последовательно и логично осложняет и драматургию сюжета, держит читателей в напряжении, заинтересовывая их дальнейшим ходом событий. Читателя волнует эмоциональный настрой стихов, особенно проникновенный в поворотных пунктах повествования. Динамизму повествования не только не мешают, а наоборот, подчеркивают его так называемые статические места (включенные в текст послания-письма, завещания, лирические пассажи, авторские ремарки, афоризмы, поучения и т.д.). Все они искусно увязаны с сюжетом. У Рустанели трудно найти стихотворные строки, замедляющие или перегружающие повествование. Как динамические, так и статические эпизоды поэмы, гармонически сочетаясь друг с другом, способствуют наиболее яркому воплощению художественного замысла автора.

В движении сюжета раскрываются характеры персонажей Рустанели, их богатый духовный мир. Глубокое психологически и проникновенное изображение героев, внутренней сущности человеческих отношений — яркая черта новаторства Рустанели, непревзойденного мастера грузинского художественного слова и грузинского стиха. Архитектоника поэмы так же безупречна в целом, как совершенно каждое ее отдельное звено. Отмеченные достоинства «Витязя» ставят его в первый ряд величайших творений мировой поэзии.

«Витязь в барсовой шкуре» — неподражаемо пленительный гимн любви.

Как уже отмечено нами, в произведении творчески реализованы те принципы теории любви, которые декларативно изложены в ее прологе. «Любовь нас возвышает», — говорит устами своего героя великий поэт. Эта возвышающая сила любви — не иссякающий и животворный источник нравственного благородства Нестан и Таризэла, Тинатин и Автандила. Она придает смысл их жизни и зовет на подвиги. Нестан-Дареджан с самого начала предупредила обезумевшего от любви Таризэла:

Жалкий обморок и слабость — их ли ты зовешь любовью?

Не приятней ли миджнуру слава, купленная кровью?

(Перевод Н. Заболоцкого)

Любовь, воспетая Руставели, закаляет волю человека, обостряет сознание общественного долга, призывает к патриотической самоотверженности.

Руставели считает, что любовь должна быть основой брака и семьи. Поэт провозглашает полную свободу этого чувства, резко осуждая принуждение и насилие в выборе супруга. Трагедия, случившаяся с Нестан-Дареджан, была вызвана тем, что царь Фарсадан решил выдать ее замуж за незнакомого ей чужестранца. Фарсадан догадывался, конечно, о взаимном влечении Нестан и Таризэла, но что для него было личное счастье дочери в сравнении с жадой политического могущества, которое могло возрасти от брака Нестан с наследником хорезмийского владыки. Намерение царя вполне понятно: «В практике господствующих классов с самого начала было неслыханным делом, — писал Ф. Энгельс, — чтобы в качестве основания для брака взаимная склонность сторон преобладала над всеми другими соображениями».⁵

Таким образом, грузинский поэт XII века отстаивал именно то, что в средние века повсюду считалось «неслыханным делом». Попраение самых сокровенных чувств вызывает у Нестан и Таризэла страстный протест, заставляет их смело выступить в защиту любви. На этой почве возникает неразрешимый, по сути дела, конфликт, и Нестан становится его трагической жертвой.

Руставели показывает, насколько неразумно и несправедливо поступил Фарсадан, который и сам был за это наказан. Полная противоположность ему — аравийский царь Ростеван: узнав о взаимной любви Тинатин и Автандила, он пошел им навстречу, благословя их на супружеский союз.

В «Витязе в барсовой шкуре» ярко запечатлен характерный для средневековой литературы культ женщины. Общественно-политические условия, сложившиеся в христианской Грузии, способствовали развитию этого культа. Известно, что грузинскому народу был чужд гаремно-замкнутый образ жизни женщины. Еще в житии святой Шушаник (V век) и в «Житии св. Нино» (VIII — IX века) подчеркивается, что мужчины и женщины равны перед всевышним. Ряд замечательных женских образов (кстати, тоже обуреваемых любовной страстью) создал крупнейший грузинский писатель X века Георгий Мерчуле.

⁵ Э н г е л ь с Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // М а р к с К. Э н г е л ь с Ф. Соч. М., 1961. Т. 21. С. 81.

Женщины часто играли выдающуюся роль в политической и культурной жизни страны. В национальных преданиях Грузия считалась уделом богородицы, а обращение грузин в христианство приписывается женщине — святой Нино. Церковный писатель XII века, современник Руставели, Николоз Гулаберидзе написал специальный трактат в защиту и похвалу женской чести и женского достоинства. Наконец, нельзя забывать, что Руставели сам был свидетелем могущества Грузии под властью женщины, царицы Тамар, пышного расцвета грузинской государственности и культуры. Век Руставели идейно был вполне подготовлен для восприятия культа женщины. «Культ женщины, идеализованная любовь с преклонением перед нею, — писал Н. Я Марр, — детище изысканно образованного грузинского общества эпохи Тамар».⁶

Преклонение перед женщиной нашло свое отражение в общей направленности поэмы Руставели, звучащей как восторженный гимн женской чести, женской любви. Нестан-Дареджан и Тинатин не только олицетворяют чистоту женской любви: это цельные, живые человеческие натуры, наделенные высокими интеллектуальными и нравственными качествами. Нестан, заточенная в неприступную Каджетскую крепость (символ земного мрака), не теряет самообладания, сохраняет бодрость духа и трезвость мысли. В этих необычайно тяжелых условиях хрупкая телом, но духом могучая девушка произносит слова глубокой мудрости:

Не дожив еще до смерти, кто кончает сам с собою?

Нужен разум человеку, чтобы справиться с бедою.

(Перевод И. Заболоцкого)

Нестан-Дарджан не замыкается в личных переживаниях. Она не поддается отчаянию, очутившись, казалось бы, в совершенно безвыходном положении, а трезво его оценивает. Она не дорожит жизнью. Она думает не о себе. Ее угнетает мысль об участи возлюбленного, о судьбе отечества, родной Индии и безутешных родителей.

Письмо Нестан-Дареджан — ярчайшее поэтическое выражение величия женской любви, торжества разума над эгоистическими страстями, вдохновенная исповедь человека, готового на любые подвиги и на любые жертвы во имя возвышенных целей, во имя любви и защиты родины от врагов.

Особо следует отметить, что мысль о высоком достоинстве женщины и о допустимости вступления царской дочери на престол с правом продолжения династии была основополагающей не только для «Витязя в барсовой шкуре», но и для всей социально-политической жизни Грузии XII века.⁷

Подобно аравийскому царю Ростевану, грузинский царь Георгий III (1156 — 1184) не имел сына-наследника, и на этой почве, как известно, возник династический кризис. Георгий нашел не совсем обычный выход из положения: он еще при жизни

⁶Марр Н. Я. Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой шкуре» Шоты из Рустава: Грузинский текст, русский перевод и пояснения с этюдом «Культ женщины и рыцарство в поэме». Спб., 1910. С. XXXVIII.

⁷Джавახишвили И. А. Вопросы грузинского языка и истории литературы. Тбилиси, 1956. С. 27—28 (на груз. яз.).

(как и Ростеван) возвел на престол свою дочь Тамар. Это обстоятельство это вызвало недовольство участия влиятельной знати, побудив ее междоусобной династической борьбе. Чрезвычайно осложнилось положение молодой царицы после смерти отца Распри, вызванные воцарением Тамар, не утихали. Всей силой художественного слова Руставели решительно выступает в защиту законности и разумности воцарения женщины, явно имея в виду Тамар. Доказывая правомочность подобного политического акта, поэт приводит известный афоризм: «Льва щенки равны друг другу, будь то самка иль самец»⁸ (перевод Ш.Нуцубидзе). Подчеркивая политическую дальновидность царя Ростевана, Руставели осуждает индийского царя Фарсадана, отказавшего своей достойной дочери и в праве на любовь, и в праве на престол, что повергло в пучину горя главных героев поэмы.

Так Руставели ответил на вопрос, волновавший Грузию XII века. Так естественно и ярко отразилась в «Витязе в барсовой шкуре» историческая действительность того времени.

Как уже сказано выше, по-видимому, это обстоятельство и вынудило Руставели обратиться к приему сюжетной маскировки, чтобы завуалировать содержащиеся в его поэме явные намеки на острые политические события.

4

Любовь, воспетую в «Витязе в барсовой шкуре» и героиню, подобную Нестан-Дареджан, нелегко найти в средневековой мировой литературе. По мнению К.Бальмонта, поэма Руставели — «лучшая поэма любви, какая когда-либо была создана в Европе... во всей европейской поэзии ни с чем, быть может, нельзя сравнивать несравненную поэму грузинского певца, кроме лучшей средневековой сказки любви и смерти, — я говорю о бретонской повести «Тристан и Изольда»»⁹ Действительно, в бретонском романе с огромной силой отражена могучая стихия любовной страсти. Но нельзя забывать, что любовь Тристана и Изольды возникла под действием сверхъестественных, волшебных чар (они выпили волшебный любовный напиток). Над действиями Тристана и Изольды тяготеют силы слепого рока. Что же касается любви Тариэла и Нестан, то она возникла вполне естественно, Поступками героев «Витязя» руководят отнюдь не божественная воля или предначертания судьбы. Личная активность героев поэмы Руставели придает их любви ренессансный характер.

Руставели хорошо знал восточную, в первую очередь персоязычную, поэзию. В своем произведении он упоминает героев поэм «Шахнаме» Фирдоуси (Ростома-Рустема), «Вис-о-Рамин» Гургани (Вис и Рамина), «Лейли и Меджнун» Низами (Каэнис-Кайса, Ибн Салама).

Отдельными мотивами, образными выражениями и изобразительными средствами (метафоры, сравнения, афоризмы) «Витязь» несколько напоминает поэму Гургани (середина XI века) «Вис-о-Рамин», существовавшую и в грузинском прозаическом переводе XII века — «Висрамиани».

«Висрамиани» — увлекательный роман, и котором повествуется о любви нежной и пылкой, но необузданной, безудержной и эротической. Морально-этические основы любовной концепции Гургани настолько низки, что некоторые ученые

⁸ На это обратил внимание еще в XVII в. Историк Фарсадан Горгиджанидзе.

⁹ Р у с т а в е л и Ш. Носящий барсову шкуру: Грузинская поэма XII века/ Перевод К.Д.Бальмонта. Париж, 1933. С.VIII,X. (Советское издание перевода Бальмонта: «Academia».М.,1936.С.XXII.)

(например, Е. Э. Бертельс, Ю. И. Абуладзе) резонно считают, что Руставели, возможно, писал свою поэму, сознательно отталкиваясь от произведения персидского автора.

Вполне закономерно сопоставление «Витязя в барсовой шкуре» с поэмами великого азербайджанца Низами — «Лейли и Меджнун» и «Хосров и Ширин». В блистательной поэме Низами «Лейли и Меджнун» рассказывается о чистой, лучезарной, самоотверженной любви, но она, по замыслу автора, не предназначена для земного счастья.

«Хосров и Ширин» — произведение иного характера, иной направленности. Центральный персонаж поэмы — образ прекрасной волевой Ширин, умной и инициативной женщины, тонкой и проницательной, смелой, решительной, умеющей любить и ненавидеть. Любовная страсть иногда как будто подавляет и в какой-то мере заглушает в ней голос честолюбия и даже чувство женского достоинства. Она сравнительно безболезненно примиряется с оскорбительными выходками Хосрова, который не раз унижал ее и даже насмеялся над ней (предложение стать наложницей, кощунственное соболзнование по поводу смерти Фархада, женитьба на Мариам и Шакар и др.). Но беззаветно любящее сердце Ширин прощает Хосрову его безнравственные поступки.

Нестан-Дареджан — героиня другого склада. Когда в припадке ревности ей показалось, что Таризл изменил своему клятвенному слову и тем задел ее женскую честь, она ожесточилась, словно разъяренная пантера, и решила жестоко наказать возлюбленного изгнанием из родной страны.

Образ Ширин стоит особняком в персоязычной литературе Востока вообще и в частности в «Пятерике» Низами Гянджеви (за исключением, пожалуй, Нушабе из его же поэмы «Искандерняме»), выделяясь своей стойкостью, поразительной инициативностью, государственным умом и другими удивительными чертами.

Нужно сказать, что самозабвенная любовь Ширин в конце концов была вознаграждена достойно. Ей удалось перевоспитать, переродить Хосрова. Уже находясь при смерти, Хосров проявил поразительную человечность, нежность и заботу к безмятежно задремавшей у его постели после многих бессонных ночей Ширин. Чудовищный эгоист «преображается и становится другим». «Хосров поднимается в этот миг до уровня героя».¹⁰

В свое время Е. Э. Бертельс писал: «Создать образ Ширин Низами в значительной степени помогла близость к христианским кругам. При смешанном характере Ганджи и ее близости к Грузии поэт не мог не знать о том, что женщина там была свободна и не подвергалась тому унижению, которое было обычно в стране мусульман».¹¹

¹⁰ Б е р т е л ь с Е. Э. Избранные труды: Низами и Фузули. М., 1962. С. 226, 228.

¹¹ Б е р т е л ь с Е. Э. Низами. М., 1947. С. 130 (ср.: Б е р т е л ь с Е. Э. Низами и Фузули. С. 228). Проф. Бертельс считал, что Низами мог знать грузинский язык (а также армянский) и пользоваться литературными источниками на этих языках (Низами и Фузули. С. 106). По мнению ученого, грузинский язык был распространен в высших кругах Ширвана. «Вполне вероятно, — пишет он, — что в домашней обстановке многие Ширваншахи говорили на грузинском языке» (Там же. С. 35, примеч. 20). Поэт Хакани сам свидетельствует: «Как я красавицу грузинку полюбил, Чтоб с ней беседовать, грузинский изучил» (История всемирной литературы. М., 1984. Т. 2. С. 328). Ср.: Б о л д ы р е в А. Н. Два ширванских поэта, Низами и Хакани//Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 137. Грузинские слова обнаружены в стихах Хакани. См.: М а р р Ю. Н. К вопросу о позднейших толкованиях Хакани, Низами, Руставели. М.; Л., 1935. С. 7—14).

Слов нет, у Низами и Руставели немало отдельных общих черт, но в целом, в художественной концепции своих поэм и в трактовке любви, они существенно отличаются друг от друга.

То же самое можно сказать в отношении западных собратьев грузинского поэта. Нельзя не согласиться с Г. Гуппертом (немецким переводчиком «Витязя»), что поэма Руставели по своей внешней форме напоминает рыцарский роман того типа, который возник в Западной Европе.¹² По словам же русского специалиста, «любовь Автандила к Тинатин и Тариэла к Нестан-Дареджан живо напоминает о схожих чувствах европейского куртуазного романа, с одной стороны, а вместе с тем и о романтической страсти, темнящей разум героев арабских и ирано-таджикских поэм», однако «гениальная поэма Руставели занимает свое совершенно особое место среди этих смелых и успешных попыток (поэтов Запада и Востока) создать новый повествовательный жанр».¹³

С этими выводами полностью совпадает и мнение английского литературоведа М. Боуры, который заявляет: «Если сравнить поэму «Витязь в тигровой шкуре» с восточными и западными поэтическими романами, относящимися к тому же столетию, то мы можем увидеть много общего», но грузинский поэт «идет по своему собственному пути». По словам Боуры, для Руставели любовь «является целой системой жизни».¹⁴ «Разница между ним (Руставели) и другими романтическими писателями, — заключает английский литературовед, — состоит в том, что тогда как они интересуются главным образом развлечением и увеселением, Руставели имеет определенную миссию, почти религиозные убеждения... По его мнению, она (любовь) должна существовать и в реальном мире и быть связанной с мужественными деяниями. Более последовательно и тщательно, чем писатели французского или персидского романтизма, он разрабатывает смысл своего учения и показывает, что произошло бы, если бы люди дожили до этого»¹⁵. Примерно в том же духе высказываются и французские академики Эдмон Жалу¹⁶ и Марсель Брион.¹⁷

Некоторые авторитетные руствелологи (например, Н. Я. Марр, И. А. Джавахишвили, Ш. И. Нуцубидзе) считают, что в поэме Руставели над мотивом любви превалирует мотив дружбы. Не разделяя полностью этого мнения, мы признаем, что в «Витязе в барсовой шкуре» дружба играет исключительно важную роль и порой действительно может казаться, что она главенствует над всем. Однако Руставели отнюдь не противопоставляет любовь и дружбу. Наоборот, дружба и любовь у него едины и неразрывны. Более того, дружба порождена всепоглощающей любовью к прекрасной женщине. Герои Руставели подружились (побратались) на основе этого чувства, во имя спасения оказавшейся в беде Нестан-Дареджан.

По словам Руставели, «кто себе друзей не ищет, самому себе он враг». У грузинского поэта крепчайшими узами дружбы связаны не два (как обычно в средневековых произведениях), а три витязя (как это бывает и в грузинском фольклоре). Дружба героев Руставели носит специфически грузинскую форму побратимства, бытовавшую в стране с доисторических времен вплоть до наших дней, особенно у горцев (хевсуров, пшавов, мохевцев). Тариэл и Автандил побратались, поклявшись в вечной дружбе. Чтобы оказать помощь побратиму, Автандил покидает

¹² Н и р р е г т Н. Rustahaweli Schota. Der Recke im Tigerfell. Berlin, 1955. S. 26.

¹³ С а м а р и н Р. Поэма Руставели и мировой литературный процесс XII — XIII веков // «Лит. Грузия». 1967, № 3. С. 75.

¹⁴ В о w r a С. М. Inspiration and poetry. London, 1955. P. 52 — 53

¹⁵ Там же.

¹⁶ J a I o u x E. Un poète géorgien « Le Temps» 1938, 17 juillet

¹⁷ Brien M. A l'assaut des sommets // «Les nouvelles littéraires». 1965, 12 août.

родной край, надолго разлучается с возлюбленной, претерпевает лишения и страдания, но свято выполняет долг рыцаря-побратима. Ведь «надо другу ради друга не страшиться испытаний, откликаться сердцем сердцу и мостить любовью путь» (перевод Г. Цагарели).

Мужественное решение отказаться от личного счастья во имя друга-побратима без колебаний одобрила царственная возлюбленная Автандила — Тинатин. Подвергая опасности любимого человека, она сама лишилась душевного покоя, но, как и ее достойный избранник, готова к самоотвержению во имя торжества священного чувства любви.

Побратимство трех славных витязей поэмы Руставели символизирует и дружбу народов. Араб Автандил, индеец Таризл и мультгазанзарец Фридон не только стали задушевными друзьями-побратимами, но и связали дружескими отношениями свои народы. Несмотря на то что каждый из побратимов имел свою родину, их воодушевляло благороднейшее общечеловеческое стремление, их сблизила единая воля, единая цель. В результате самоотверженных усилий они добились желанной победы над горем и злом. Весьма показателен для поэмы и мотив чистой, трогательной дружбы между девушкой и молодым витязем (Таризлом и Аснат).

Единство возвышенной любви и дружбы — такова этическая природа гуманизма Руставели.

«Витязь в барсовой шкуре» проникнут благородной идеей патриотизма. С большим поэтическим подъемом описаны в поэме героические походы Таризла против вероломного царя-вассала Рамаза, пламенные патриотические чувства охватили индийцев в тревожные дни столкновения между царем Фарсаданом и его военачальником Таризлом. Таризл и Нестан поставили интересы родины, государства выше своих личных интересов. Они гневно выступили против ущемления суверенных прав родной страны. «Нет, не должно чужестранцу в Индостане утвердиться», — говорит Нестан и со свойственной ей пылкостью продолжает: «Наша Индия вовеки не достанется врагам» (перевод Н. Заболоцкого).

Нельзя, наконец, не вспомнить, что заточенная в мрачной крепости каджей Нестан-Дареджаи настоятельно призывала Таризла поспешить на помощь поработанной врагами родной Индии.

5

Политический идеал Руставели — объединенное могущественное и независимое государство во главе с мужественным, просвещенным и гуманным царем. Поэт осуждает феодальные распри и сепаратистские устремления вассальных царьков, стоит за полную централизацию власти, в известной мере ограниченную советом мудрых государственных мужей. Он высоко чтит единоподданых владык (царей), поучает уважать их достоинство и беспрекословно подчиняться их власти. Однако и от самих правителей он требует справедливости и благоразумия. Устами Таризла Руставели резко осуждает политическую близорукость Фарсадана и напоминает царю: «Должен печься лишь о правде, кто порфирию покрывает».

Руставели выступал против деспотизма и тирании. Он идеализирует сюзеренно-вассальные (патрональные) отношения. Любимые герои Руставели (Таризл, Автандил) — честолюбивые, но учтивые, доблестные рыцари, верные до конца чувству любви и долга перед отечеством, перед царем-патроном. Как социальные персонажи они похожи друг на друга: для них в одинаковой мере характерна внешняя и внутренняя красота — этот неотъемлемый атрибут истинного рыцаря. В то же время они щедро наделены индивидуальными чертами. Таризл умен

и рассудителен, добродушен, но безудержно чувствителен. Это личность по преимуществу эмоциональная. Автандил же обладает более уравновешенным характером — он благоразумен, находчив, ловок, хитер, жизнелюбив. В какой-то степени Таризл напоминает Ахиллеса (в «Илиаде» Гомера), а Автандил — Одиссея.

«Витязь в барсовой шкуре» — жизнеутверждающее произведение.

Руставелиевские герои любят духовно богатую, разумную и красивую, достойную благородного человека жизнь. Но любовь к ней неразрывно связана у них с борьбой за человеческие права. В этой борьбе они не страшатся смерти. Устами Автандила Руставели заявляет: «Лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней позор» (перевод Г. Цагарели). По мнению поэта, жизнь облагораживается стремлением к добру, желанием носить доброе имя: «Всех стяжателей богаче, кто стяжает славы дань» (перевод П. Петренко).

Только мужественно преодолевая препятствия на тернистом, полном опасностей жизненном пути, человек завоевывает право на достойное существование. Только тот, кто способен выдержать испытания, перебороть их, имеет право наслаждаться, вкушать сладостные плоды победы: «Не отведав горя, счастья не вкушает человек», «Радость чувствовать приятней, испытав беду сперва» (перевод Ш. Нуцубидзе).

Руставелиевский рыцарь, самоотверженно стойкий и беспощадный в борьбе с врагами, вместе с тем являет собой образец добросердечия и великодушия, он покровитель и защитник слабых, немощных, неимущих, угнетенных.

Руставели бичует, поносит всех тех, кто нарушает клятвенное слово, изменяет родине и другу, кто хвастливой бравадой и шумихой прикрывает свое ничтожество, свою бездеятельность.

Черпая творческий материал из реальной, современной ему жизни, Руставели щедро наделяет своих персонажей лучшими чертами, свойственными прогрессивной для XII века передовой военно-служилой общественности Грузии. Преувеличение, гиперболизация совершенно закономерны в эпико-романтическом произведении средневековья.

Чрезвычайно любопытно, что Руставели иногда сам принимает в поэме как бы роль особого персонажа, персонажа — свидетеля или участника того или иного эпизода. Так, описав пиршество аравийского царя Ростевана, поэт заключает: «Окончилось пиршество, где мы приятно веселились» (подстрочный перевод). Руставели здесь выступает как бы очевидцем первой встречи Автандила и Фатман. Он с лукавым юмором замечает: «Как я заметил, Фатман не была огорчена его (Автандила) приходом». Восхищаясь доблестью своих героев-побратимов, Руставели пишет: «Видел я этих витязей, свет лучей их был сильнее солнца» (подстрочный перевод). Этот живой голос автора — любопытная особенность художественного почерка поэта.

Руставели изображает, в основном, жизнь и быт двух социальных слоев грузинского развитого феодального общества — военно-рыцарского и торгово-купеческого. К купеческому сословию поэт относится явно пренебрежительно. В стране Гуланшаро, в которой оно господствует, ближайший приятель и советник царя — купец Усен, предприимчивый, ловкий в торговых делах, но нравственно низкий человек. И физическое уродство Усена является как бы отражением его низменных душевных качеств, его пороков. Именно к купцу Усену относятся презрительные слова поэта: «Гляньте, как купчина пьяный шустр и быстр, и хват, и льстец» (перевод Ш. Нуцубидзе).

Жене Усена, Фатман, суждено играть в Гуланшаро весьма важную роль. Руставели к ней великодушно-снисходителен, но в то же время в ее характеристике сквозит легкая ирония.

Руставели один из первых в мировой литературе дал колоритную, можно сказать, реалистическую картину купеческой жизни, которую противопоставил идеализированной жизни феодально-рыцарского общества.

6

И по сей день продолжается спор относительно религиозно-философских воззрений автора «Витязя в барсовой шкуре».

В рукописных копиях поэмы (они не древнее XVII века) в самом начале пролога имеется явно подложная строфа, в которой неизвестный нам интерполятор¹⁸ упрекает Руставели в том, что «Витязь в барсовой шкуре» — произведение светское, ибо его автор «сущностью» считает не душу, а плоть, не упоминает единую Троицу. Верно, что в поэме действительно нет прямого упоминания ни Троицы, ни Иисуса Христа, ни богородицы. Это обстоятельство давало повод и для гонений на Руставели со стороны клерикальных кругов общества, и для разноречия в определении вероисповедания поэта и его религиозных взглядов, отраженных в поэме. Никто не отрицает, что Руставели был хорошо знаком с христианским Священным писанием и что он иногда прямо или косвенно ссылается на это «писание». Например, в знаменитом завещании Автандила сказано: «Ты читал, что пишут апостолы про любовь? Что они говорят о ней, Как они восхваляют ее, знай это и уразумей: „Любовь возвышает“, — звонят они, как бубенцы» (подстрочный перевод С. Иорданишвили).

Несомненно, под «апостолами» подразумевается в первую очередь «Первое послание к коринфянам» апостола Павла, где о любви говорится как о священном даре человека.

В поэме читаем (см. диалог Автандила и Асмат): «Ныне все-таки я прошу тебя положиться на меня. Ибо сказано, что следует прощать прегрешение до семи раз». В данном случае Руставели прямо ссылается на вполне определенный источник. И этот источник, — бесспорно, Евангелие (от Луки).

В том же Евангелии от Луки читаем: «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы». То же самое говорит и апостол Матфей. Эти апостольские максимы нашли отражение в поэме Руставели: «В конце концов всякое затаенное станет явным».

Подобных параллелей можно было бы привести немало.¹⁹

Например, у главного персонажа поэмы — мусульманина Тариэла торжественный церемониал приема хорезмийского жениха вызывает ассоциацию с христианским праздником Воскресения. Все это, конечно, не случайно. Автор «Витязя» не может скрыть свою христианскую религиозную ориентацию.

Бог в поэме Руставели характеризуется как абсолютное совершенство,

¹⁸ Интерполяция {лат.} — вставка; интерполяциями занимались переписчики старинных рукописей, нередко владевшие стихом и зачастую считавшие своим долгом «улучшить» чужой текст.

¹⁹ Данный вопрос подробно освещен в работе; Ц и н ц а д з е К. К мировоззрению автора «Витязя в барсовой Шкуре»//Сб. «Историко-филологические разыскания». Тбилиси, 1966. С. 229—274 (на груз. яз.).

«абсолютное благо», как «единосущный-единый», непознаваемый, невыразимый (словами), «вневременный во времени», создатель всего сущего, как личностное, трансцендентное божество, опекающее человека в бренном и полном препятствий мире. Выражение «единодушный-единый», по разъяснению знатоков христианского богословия К. Кекелидзе и К. Цинцадзе, неявно подразумевает св. Троицу.²⁰

Автандил, обращаясь к солнцу, говорит: «Тебя признают образом *солнечной ночи*». «Солнечная ночь», по толкованию К. Цинцадзе, и есть светлый бог. В своей диссертации «К вопросу о мировоззрении Руставели» Манана Гигинейшвили показала, что подобное выражение («солнечная ночь») засвидетельствовано в письмах памятниках разных народов еще дохристианской эпохи, а в христианской (в том числе и грузинской) литературе эпитеты «солнечная ночь» и «вневременный во времени» означают конкретно сына божьего, то есть Иисуса Христа.²¹

Для понимания религиозно-философского мышления Руставели важное значение имеет 1478-я строфа поэмы (по подстрочнику):

Это скрытое дело открывает мудрый Дионис:
бог являет добро, не рождает зло. Он мгновенно
сокращает
зло, извечно возобновляет добро.

Мудрый Дионис — Дионисий, точнее: псевдо-Дионисий Ареопагит, выдающийся христианский мыслитель V века, которому приписывается так называемый ареопагитический корпус, оказавший огромное влияние на философию средневековья и эпохи Возрождения. Дионисиевская идея об абсолютности и вечности добра и безвременности (мимолетности) зла с исключительной точностью отражена в цитированном тексте.²²

Идея непримиримого противоборства добра и зла пронизывает всю художественную структуру «Витязя в барсовой шкуре». Лучезарная, возвышенная (но сугубо земная) любовь, олицетворяющая добро, пробивает себе путь в долгой, полной

²⁰ К е к е л и д з е К. Рецензия на монографию П. Ингорюка «Руста-велиана» 1.//«Мнатоби». 1927, № 2. С. 199 (на груз. яз.); Ц и н ц а д з е К. Цит. статья. С. 235

²¹ Г и г и н е й ш в и л и М.И.К вопросу о мировоззрении Руставели: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1969. С. 8, 11 —12; См. также ее монографию на груз. языке: «Солнечная ночь» „Витязя в барсовой шкуре” и некоторые вопросы христианского мировоззрения». Тбилиси, 1968; Г а ц е р е л и я А. Избр. произв. Тбилиси. 1977. С. 25—26 (на груз. яз.).

В «Житии св. Нино» неизвестного автора VIII—IX вв. «солнце полуночи» прямо идентифицируется с Иисусом Христом (см.: Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Тбилиси, 1964. С. 158 (на груз. яз.); Г и г и н е й ш в и л и М. Автореферат. С. 12.

²² По обоснованному мнению Ш. Нуцубидзе (1889 — 1969) и бельгийского ученого Эрнеста Хонигмана (1892—1954), под именем Дионисия Ареопагита скрывается сирийский церковный деятель V века, грузин по происхождению, Петр Ивер (Петр Грузин). Интересно отметить, что к подобному заключению грузинский и бельгийский ученые пришли совершенно независимо друг от друга (см.: Н у ц у б и д з е Ш. И. Тайна псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1942; Х о н и г м а н Э. Петр Ивер и сочинения пс.-Дионисия Ареопагита /Перевод с французского со вступ. статьей проф. Ш. И. Нуцубидзе. Тбилиси, 1955). Вывод Нуцубидзе — Хонигмана разделяют многие зарубежные и отечественные специалисты.

драматических перипетий и тяжелой борьбе, но эта любовь, в конечном счете, должна быть увенчана полной победой над злом. Сокрушение Каджетской крепости символизирует победу добра над силами зла. Эта оптимистическая идея заложена в основе поэтического творения Руставели.

Итак, в основе религиозных воззрений Руставели, бесспорно, лежит христианское вероисповедание, в частности ее ареопагитическое толкование. Но Руставели чужд конфессиональный догматизм. Поэт проявляет веротерпимость по отношению к другим религиям и религиозно-философским системам.

В центре внимания Руставели — человек, во всей совокупности и непосредственности его чувств, переживаний, страстей, дум и устремлений. Поэт не противопоставляет божественное — человеческому, небесное — земному, а примиряет их; мир он представляет взаимосвязанным, единым, гармоничным и неразрывным. В противовес умственному затворничеству и церковно-аскетической морали Руставели провозгласил свободу человеческой личности, свободу мысли и всей духовной жизни человека. Человек — прекрасное божье создание. Веря в его божественное призвание, поэт в то же время считает, что человек вправе пользоваться земными, материальными благами, ибо «нам, людям, даровал (бог) мир, полный бесчисленных (несметных) красок» (подстрочный перевод).

Поэма Руставели - гимн содержательной, целеустремленной, высоконравственной человеческой жизни, не predetermined и не ограниченной в действиях ни божественным провидением, ни слепым роком. «Великолепные гигантские образы людей, служащих добру... поднимают поэму Руставели над всем богатейшим миром новой эпической поэзии XII—XIII веков и делают ее поистине великим завоеванием мировой литературы... Очевидно, именно эти образы особенно роднят Руставели с эстетикой Ренессанса».²³

В своих этико-моральных, религиозно-философских, социально-политических взглядах и новой концепции совершенного человека Руставели предстает перед нами как гениальный поэт-мыслитель, ярко отразивший в своем творчестве гуманистические идеи и настроения новой эпохи в истории человечества — эпохи Ренессанса.

7

Мы уже говорили о взглядах Руставели на поэзию и ее назначение, изложенных в прологе поэмы. Попутно коснулись и отдельных аспектов его поэтики. Остановимся теперь несколько подробнее на некоторых особенностях художественного слова поэта.

Руставели, конечно, использовал отдельные мотивы богатейшего грузинского фольклора, а также достижения художественного языка христианской письменности, в частности, духовной поэзии (гимнографии). Грузинская гимнография завещала светской поэзии эпохи Руставели отточенную поэтическую речь с развитой системой тропов (метафор, эпитетов, гипербол и т. д.). Например, гимнографию, насыщенную разнообразными образами «света», Руставели подвергнул своеобразной переработке, возложив на нее важную эстетическую функцию.

Грузинская классическая поэзия XII века усвоила кое-что из средневековой восточной поэтики, в частности арабо-персидской литературы. Драгоценные камни, роза и другие цветы ярко сверкают в живописи «Витязя», и в этом отношении многие места поэмы созвучны и пассажам западноевропейской куртуазной литературы. При

²³ С а м а р и н Р. Поэма Руставели и мировой литературный процесс XII—XIII веков. С. 76.

всем этом Руставели соблюдает строгую осмотрительность в выборе поэтических украшений, используя их целенаправленно и с безукоризненным чувством меры.

Естественно, что близкое знакомство с христианской литературой придает определенный колорит поэтической речи Руставели, особенно при выражении религиозных чувств и описании величия божества.

Владея богатой сокровищницей художественных украшений, поэт распределяет их в строгом соответствии с конкретной эстетической задачей. Поэтические выразительные средства варьируются им в соответствии с тем, к группе каких персонажей они относятся. Так, например, образ Фатман, ее внешний и духовный облик обрисованы в поэме сугубо реалистическими штрихами:

Фатман была женщина очень недурная на вид, не молодая,
но молодящаяся,

Телом стройная, смуглая, полнолицая, не сухощавая,

Любительница певцов и музыкантов, не гнушавшаяся вина,

Щеголяла она множеством дорогих нарядов.

(Подстрочный перевод)

Изобразительная манера поэта здесь, как видим, вовсе лишена тропов («недурная на вид», «не молодая, но молодящаяся», «телом стройная», «смуглая», «не гнушавшаяся вина»). Нарисованный в этих стихах портрет Фатман предваряет эпизод, ведущую роль в котором играет чуждая высоких моральных качеств, но добрая и привлекательная женщина из купеческой среды.

Но лишь только в действие вступает идеальный герой, автор сразу обращается к широкой гиперболизации. Первое же появление Тинатин ослепляет читателя солнечным блеском: «И, лицом своим сияя... всех пронзила взором дева, проникая в сонм сердец» (перевод П. Петренко). Даже солнце не выдерживает соперничества с Тинатин: «Тщетно солнце подражало Тинатин ыигрой лучей». Аналогичный прием встречается и при изображении других идеальных героев поэмы — Нестан, Таризэла, Автандила, Фридона.

Тропика Руставели, как уже отмечено, имеет два источника: восточный («солнце», например, привлекается для обозначения красавца и красавицы) и западный. Однако в своих светоносных образах Руставели отходит от обоих источников, и восточного, и западного. Эти тропы для него полны индивидуально-эмоционального смысла. Они ни и коей мере не стандартны. Обычный для грузинской гимнографии образ «незаходящего света», «света без тени», обозначающего божество, Руставели применил для описания женской красоты (Тинатин — «свет, не знающий ночи») «Свет» в его тропике имеет градации — «луна» (очаровательная дева) то окружена «ореолом», то «полная», то «ущербная». Даже традиционную метафору «розы» — одну из наиболее распространенных — Руставели подвергает своеобразным модификациям. Роза, царица цветов, — символ красоты и любви, а ее шипы намокают на тернистый путь к этой любви. Основной пафос поэмы — идея твердости в невзгодах и завоевания счастья в борьбе, трудах, испытаниях блестяще выражен в строках:

Розу спрашивали: «Кем ты столь прекрасной возвращена

И зачем шипами ранишь?» Так ответила она:

«Горечь сладкому научит. Редким редкая цена, —

Красота утратит прелесть, если будет всем дана».

(Перевод П. Петренко)

Любопытно, что тот же образ обыгран и в юмористическом контексте, когда речь идет о любовном влечении Фатман к Автандилу: «Ворон, розу обретая, стать захочет соловьем» (перевод П. Петренко)

Представления Руставели о небесных телах говорят о его широкой образованности, непосредственном знакомстве с достижениями астрономической науки того времени, но для нас в данном случае они интересны и с другой точки зрения. Астральные образы в поэме дифференцированы в соответствии с конкретной художественной задачей, которую ставит перед собой поэт.

«Словно солнце на престоле, возвышалась, (Тинатин)»; «Перед солнцем солнц (Тинатин) склонился юный воин (Автандил), лев из львов». Приведенные примеры (число их легко можно было бы умножить) в большинстве своем иллюстрируют использование астральных образов для изображения, так сказать, статической красоты. Однако и для передачи динамики человеческих чувств поэт, — правда, не так часто, — привлекает образы небесных тел уже в процессе их движения или изменения.

Говоря о печали и страданиях героев, поэт упоминает ущербную луну, готовую погаснуть. Противоположным значением наделен образ полной луны: он предназначен для выражения радости и счастья. Руставели использует также известные ему астральные мифы — к примеру, живший в преданиях многих народов древнейший миф о поглощенной змеем (драконом) луне. В «Витязе в барсовой шкуре» подобный мифологический образ применен к Нестан, освобождение которой из плена каджей составляет сюжетную кульминацию поэмы.

Этот поэтически переосмысленный астральный образ проходит через все произведение и завершается в финальном эпизоде взятия Каджетской крепости. В данном случае победа осмысливается как торжество добра над злом; змея и луна выступают здесь в качестве ключевых образов-символов. Это и логическое завершение идей всей поэмы:

Встало солнце над землею, бездна мрака просветлела,

Зло убито добротой, доброте же нет предела.

(Перевод Н. Заболоцкого)

Руставели был хорошо знаком с астрологической символикой своего времени, отразившейся в замечательном эпизоде «Витязя». Отправляясь в чужие страны, Автандил обращается с молитвой к небесным светилам: Солнцу, Луне и пяти планетам. Поэту известно астрологическое значение каждого из этих светил, и он связывает с ними мучительные чувства и упования героя. Солнце — образ божества,

всемогущее светило, наделенное высшими правами; Зуал (Сатурн) — светило печали и скорби; Муштар (Юпитер) ведает справедливостью; Марих (Марс) — кровопролитием, в его воле — вражда между людьми; Аспироз (Венера) — планета любви и исцеления; Отарид (Меркурий) — светило знания; Луна (по толкованию уже первого комментатора поэмы Вахтанга VI) — покровительница милостивых и болящих. Одухотворение светил, заимствованное христианством из восточных верований, здесь само по себе интересно; представляя эти светила соучастниками человеческой судьбы, поэт словно устраняет границы между человеком и космосом, в результате чего достигается определенный художественный эффект — молитва Автандила воспринимается как космическая песнь, звучащая вне времени и пространства.

Кстати, в этом изумительном астральном гимне и использован блистательный поэтический оксюморон «солнечная ночь» (солнце полуночи), о чем мы уже говорили выше.

Руставели обогатил грузинскую поэзию интересными метафорическими образами. В метафорах выражена творческая индивидуальность поэта, манера его художественного мышления. Влияние традиции для Руставели, по существу, исчерпывается употреблением таких общепринятых метафор, как «чернильные озера» (глаза), «гишер» (ресницы, волосы), «хрусталь» и «роза» (прекрасное лицо или ланиты), «пурпур» (рубинового цвета губы), «жемчужины» (зубы), «вороново крыло» (черные волосы) и т. д. Читателю, не знакомому с восточной поэтикой, это обилие метафор может показаться даже странным, а некоторые образы вообще непонятными. Так, например, в том эпизоде, где повествуется о пребывании Нестан в купеческом государстве Гуланшаро, Фатман описывает безутешную тоску и страдания Нестан в следующих словах:

Перед ней алмазным ливнем был всегда залит ковер,
И гишеровые копья закрывали скорбный взор;
Чаши черные черпали черноту больших озер,
И просвечивали перлы сквозь коралловый раствор.

(Перевод П. Петренко)

Для характеристики душевного состояния Нестан, которая непрерывно рыдает, горько переживая разлуку с возлюбленным, здесь представлено целое созвездие метафор. Но поэтический стиль Руставели определяют и другие — яркие, оригинальные метафоры, которые стоят вне каких-либо литературных традиций и всецело порождены собственной поэтической интуицией автора: «Тело радость окрылила, боль и дрожь вложила в грудь».

Традиционные метафоры, используемые автором «Витязя» для описания внешней красоты персонажей поэмы, в равной степени применяются ко всем идеальным героям. Что касается оригинальных метафор, то они в поэме, как правило, не повторяются и служат одним из средств, позволяющих показать индивидуальные различия между идеальными персонажами «Витязя в барсовой шкуре», имеющие столь большое значение для всей художественной структуры поэмы.

Руставели обращается к таким метафорическим образам, которые, возникнув из однажды сделанного сравнения, проходят сквозь всю поэму и играют важную роль

в развитии сюжета. Один из таких образов — метафора пантеры (барса), перерастающая в образ-символ Нестан. Разъяренная Нестан сравнивается с пантерой: «Так над бездною тигрица (пантера) огневзорая лежит». Этот образ навсегда запечатлелся в сознании Тариэла. Он носит одежду из барсовой шкуры, а увидев во время своих скитаний пантеру (тигрицу), которая сначала предается любовным ласкам, а затем насмерть дерется со львом, герой, почти обезумевший от любви и горя, отождествляет с красивым животным свою возлюбленную и даже пытается поцеловать его. В заглавии же поэмы — «Витязь в барсовой шкуре» — нетрудно заметить подобное же осмысление метафорического образа: здесь совершенно естественно подразумевается не только Тариэл, но и та, в память о которой он носит барсову шкуру.

Поэт нередко обращается и к сравнениям, в основе которых чаще всего лежат конкретные, реальные представления, взятые из самых различных областей жизни, что придает повествованию в отдельных его моментах более «земной», даже бытовой характер. «Со всех сторон окружали меня домашние, как сидевшие в лодке», — вспоминает Тариэл о том, как он лежал, потеряв сознание после первой встречи с Нестан. Плотное уложенное в сундук вооружение сравнивается с «солениями». Для сравнения привлекаются и народные грузинские обычаи: так, прием послов из Хатаети сравнивается с угощением дружек. «Витязь соскочил с коня, схватил ее, как куропатку, попавшую в силки» — так рассказывается о встрече Автандила с Асмаг...

Характеризуя Тариэла, Автандила и Фридона, схожих друг с другом и своей физической силой, и доблестью, и отвагой, Руставели, однако, подчеркивает, что взятие Каджетской крепости выявило среди них самого отважного — Тариэла. Поэт выражает его превосходство следующим образом:

Этих витязей отважных с горным я сравню потоком:

После яростного ливня мчит в ущелье он глубоком,

И ревет он, и грохочет, и, уже незримый оком,

Успокоенный, смолкает только на море широком.

Хоть соперников не знали ни Фридон, ни Автандил —

Состязаться с Тариэлом не хватило братьям сил,

Ибо солнце затмевает даже яркий свет светил...

(Перевод Н. Заболоцкого)

Для стиля Руставели весьма характерна афористическая форма выражения мысли. Чаще всего афоризм выделяется в заключительной, четвертой строке строфы и представляет собой своеобразный логический вывод из рассуждения, представленного в предыдущих строках. Афористические строфы органически связаны с общим ходом повествования и представляют собой своеобразные лирические отступления и реминисценции: их содержание и настроение зависят от конкретной ситуации повествования. Объединять афоризмы в одну систему или тем более пытаться определить через них мирозерцание Руставели будет неправильно.

Стиль Руставели отличает также многократное применение параллелизмов — как положительных, так и отрицательных. Положительный параллелизм подразумевает сочетание двух слов сходного значения, причем одно из них чаще

грузинское, а другое — иностранное. Например: «Я выехал не без ее ведома, не во хмелю (грузинское слово), не в опьянении» (арабско-персидское). Положительный параллелизм встречается в поэме реже, чем отрицательный (например: «мудрый, а не безумный», «полнолицая, не сухощавая»).

Замечательны руставелиевские аллитерации: именно благодаря им достигается пленительная оркестровка стиха «Витязя». Один из богатейших резервов аллитераций — использование в пределах фразы нескольких производных из одного и того же корня слов («дари ар даробс»).

8

Руставели долго оставался неизвестным за пределами Грузии.²⁴

Впервые русский и зарубежный читатель узнал имя грузинского поэта по книге митрополита Евгения Болховитинова «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и ученом ее состоянии» (Спб., 1802). Вскоре книга Болховитинова была переведена на немецкий язык и ее содержание было изложено по-французски. Ныне же стихи Руставели звучат на многих языках мира (на русском, немецком, французском, английском, итальянском, испанском, китайском, японском, арабском, еврейском), на языках стран социалистического содружества и народов Советского Союза.

На русском языке имеется пять полных переводов «Витязя в барсовой шкуре», выполненных Константином Бальмонтом, Пантелеймоном Петренко, Георгием Цагарели, Шалвой Нуцубидзе и Николаем Заболоцким. Переводы некоторых фрагментов принадлежат признанным мастерам русского переводческого искусства (П. Антокольскому, В. Державину, Е. Евтушенко).

В деле популяризации грузинской поэмы, безусловно, исключительную роль сыграл перевод К. Бальмонта. Перевод Г. Цагарели,²⁵ в основном, выполнен непосредственно с оригинала, хотя переводчик пользовался также подстрочником С. Иорданишвили. Цагарели определенно удались афоризмы Руставели. Однако чрезмерно преувеличивать значение его перевода нет оснований.

Перевод профессора Ш. И. Нуцубидзе²⁶ выгодно отличается от других русских переводов сравнительно большей близостью к оригиналу. Но как руствелолог, философ и историк общественно-политической и философской мысли древней Грузии, Нуцубидзе нередко предлагал интерпретацию стихов переводимого художественного памятника XII века применительно к собственному спорному пониманию той эпохи.

В этом издании читатель найдет три наиболее известных перевода поэмы Руставели, принадлежащие Бальмонту, Петренко и Заболоцкому. Какова цель подобного построения книги?

Разумеется, любой из названных переводов способен быть посредником для русского читателя в ознакомлении с бессмертным памятником грузинской поэзии. Не помешает этому знакомству и то обстоятельство, что каждому из переводчиков

²⁴ В этой главе учтены некоторые соображения о переводах поэмы Руставели, высказанные ленинградским поэтом А. А. Щербаковым

²⁵ Р у с т а в е л и Ш. Витязь, в тигровой шкуре/Перевод с грузинского Г. Цагарели, под ред. В. Эльснера. М., 1937. Второе переработанное изд. (ред. перевода и пояснения к тексту В.В.Гольцева): М., 1953

²⁶ Последнее изд. этого перевода: Р у с т а в е л и Ш. Витязь в тигровой шкуре /Перевод Ш. Нуцубидзе. Тбилиси. 1977.

пришлось иметь дело с разными текстами оригинала.

Дело в том, что «Витязь в барсовой шкуре» сохранился лишь в позднейших копиях XVII века, между которыми существуют значительные несовпадения в тексте. Как это было принято в средние века, переписчик нередко брал на себя роль редактора или даже соавтора копируемого произведения. Сообразуясь с собственными вкусами и вкусами своего времени, он подчас перedelывал те или иные места подлинника, сокращал их, дописывал, как ему казалось, не досказанное автором, восстанавливал отдельные строки и целые куски, если они не читались в рукописи или он не сумел разобрать в ней какие-то места.

Задача реконструкции подлинно авторского текста поэмы, то есть устранение позднейших искажений и наслоений, была поставлена еще первым издателем поэмы—царем Вахтангом VI в 1712 году. С течением времени научная критика текста значительно усовершенствовалась, но лишь в недавнее время исследователи памятника приблизились к достаточно аргументированным текстологическим решениям.

Таким образом, когда Бальмонт трудился над своим переводом в 10-е годы, Петренко — в 30-е, а Заболоцкий во второй половине 40-х — начале 50-х годов, грузинский текст, на который они ориентировались, отражал разные этапы в его изучении.

Отсюда такое расхождение в переводах, как неравное количество глав и строф, как смысловые разночтения отдельных строк и т. д. Впрочем, эти различия не сказались на сюжете поэмы, основных ее портретных характеристиках и содержании важнейших драматических эпизодов.

Русскому читателю необходимо знать и о том, что все три перевода «Витязя» не отличаются точностью. Это скорее поэтические переложения, отражающие очень разные переводческие установки, может быть, даже школы переводческого искусства. Но тем самым параллельное прочтение переводов дает возможность полнее представить себе художественное своеобразие памятника, а их сопоставление поучительно для уяснения самих методов стихотворного перевода, что имеет немалое значение и для самой «Библиотеки поэта», в планах которой обширное место занимают переводы поэзии национальных республик.²⁷

Произведение Руставели написано изящными, гибкими, звучными шестнадцати сложными стихами, известными под названием «шаири». Во избежание монотонности поэт пользуется двумя видами шаири, так называемым высоким (4+4+4+4) и низким (5+3+5+3 или 3 + 5+3+ 5 слогов). В обоих случаях главная цезура приходится на середину стиха (8+8).

Строфы шаири обоих видов состоят из четырех строк. Рифмы высокого шаири всегда женские, низкого — дактилические. Исключение составляют

²⁷ Попытка частичного сопоставительного разбора русских переводов «Витязя» предложена в работах С. Б. Серебрякова: «Передача некоторых художественных образов поэмы Ш. Руставели в русских переводах// Вопросы древнегрузинской литературы: Сборник второй. Тбилиси, 1964. С. 261—274; «Некоторые метафоры Руставели и русских стихотворных переводах»//Руставели Шота: Юбилейный сборник. Тбилиси, 1966. С. 261- 282. Краткий сопоставительный разбор всех основных русских переводов «Витязя» дан в книге: Ч и л а ч а в а Р. Пантелеймон Петренко — переводчик «Витязя в тигровой шкуре». Тбилиси, 1984. С. 126; См. также его статью суммарного характера «Эта чудная закавказская Илиада...»//«Лит. Грузия». 1984. № 2. С. 117 — 135.

омонимные (маджамные) рифмы — они обязательно четырехсложные (омонимных строк в поэме всего около двадцати). Рифмовка осуществляется по схеме: а — а — а — а.

Регулярного чередования строк высокого и низкого шаира в поэме нет: оно почти всегда диктуется содержанием текста. Высокий шаир, как правило, появляется в описании быстрого действия, драматических сцен, споров, картин боя и т. п. Низкий шаир господствует в местах с неторопливым рассказом — в описаниях, в беседах действующих лиц. Число слогов и положение цезуры (стихораздела) в строках высокого и низкого шаира одинаково, но ритм их различен. Низкий шаир нельзя, к сожалению, уподобить никакой известной схеме русского классического стиха, высокий — соответствует примерно восьмисложному хорю. И хотя в русской поэзии такого хора тоже не существует, но комбинация из двух строк четырехстопного хора позволяет приблизиться к передаче высокого шаира. Так и поступают все русские переводчики:

Жил в Аравии когда-то царь от бога, царь счастливый.

(Перевод Н. Заболоцкого)

Фактически же независимо от записи цезура разбивает строку на два стиха:

Жил в Аравии когда-то

царь от бога, царь счастливый.

Строки низкого шаира в русских переводах не передаются. Попытку разнообразить строй стихотворного перевода впервые применил Нуцубидзе, который отождествил строфы с мужскими рифмами — с высоким шаиром, а строфы, оснащенные женскими рифмами, — с низким. Примером Нуцубидзе воспользовался Заболоцкий. Однако чередование строк с двумя типами рифм ни в какой мере не отражает в его переводе реальную картину подлинника — Заболоцкий всюду следует однажды избранной симметрии: строкам с мужскими рифмами у него предшествуют две строфы с женскими рифмами. Каждая глава в его переводе начинается с такой пары, а завершается обязательно строкой с мужскими рифмами (кроме главы 47).

Эффектна, но вместе с тем и далека от оригинала структура строфы, принятая в переводе Бальмонта. Вот как, к примеру, описывает он драгоценный холст, захваченный Тариэлом в качестве трофея в войне с хатавами:

Ни с ковром он, ни с парчою был несходен, но с волною,

И цветною и стальною, полюбился очень мне.

Взял я эту ткань оттуда. Всяк, кто глянет, молвит: «Чудо».

Цвет ценнее изумруда, закаленного в огне.

По существу, это восьмистишие со схемой рифмовки (а — а — а — б — с —

c — c — b), которая противоречит руставелиевской:

Ни с ковром он, ни с парчою
Был не сходен, но с волною,
И цветною и стальною,
Полюбился очень *мне*.
Взял я эту ткань оттуда.
Всяк, кто глянет, молвит: «*Чудо*».
Цвет ценнее изумруда,
Закаленного в *огне*.

В строфе у Бальмонта, подкупающе красивой на вид и близкой по ритмическому ощущению к высокому шаири, рифмующихся слов вдвое больше. Одинаковые рифмы обязаны появляться вдвое чаще, свобода в выборе слов резко сокращается: следовать за оригиналом с желаемой непринужденностью переводчик уже не может, подчиняясь жесткому диктату запрограммированной схемы рифмовки. Virtuозный мастер звукописи, Бальмонт тем не менее вынужден идти в своем переводе на холостые подстановки слов ради соблюдения рифмы. Более того, он зачастую нарушает закон совпадения смысловых разделов (во фразе) и стихораздела (в строке).²⁸ Отсюда и нагромождение оборотов с затрудненным выражением смысла:

Всех две тысячи убили. Двадцать лишку в Автандиле
Смерть нашли. В той меткой силе промаху мужу незнаком.
Как наметит, так уж строго — зверю кончена дорога,
А твоих собрали много стрел, рассеянных кругом.

Таков итог состязания в охоте между Автандилом и царем Ростеваном, который подводят наблюдатели. Эта же строфа в переводе Петренко выглядит так:

Вместе оба вы убили сто раз двадцать — мы сочли;
Автандил на двадцать больше. Царь властительный, внемли:
Всеми пущенные стрелы в цель без промаха вошли,
А твои — мы зачастую очищали от земли.

Петренко избрал более простую конструкцию строфы с тем же

²⁸ Это заметно уже в цитированной строфе: «Был несходен, но с волною, // И цветною и стальною».

расположением рифмующихся слов и с той же их частотой, что и в грузинском тексте. Благодаря этому переводчик обеспечил себе куда более широкую возможность словесного маневра, чем Бальмонт. Отказавшись от женской рифмы, Петренко получил возможность приподнять и внутри-строчные консонансы, усилить их игру.

К тому же служебный, неподчеркнутый характер неполнозвучной рифмы позволяет Петренко избежать в какой-то мере ощущения монотонности текста. Его перевод читается намного легче, он лучше запоминается, чтение без труда возобновляется с любого места. Вообще монументальный эпический лад «Витязя» гораздо явственней открывается читателю в переводе Петренко, нежели в переводе Бальмонта.

Смерть оборвала работу Петренко незадолго до ее окончания. Этим объясняется недостаточная отдаленность, местами корявость его перевода.²⁹ Останься переводчик в живых — можно не сомневаться, что его труд получил бы более отточенную и художественно выразительную форму.

Выдающийся советский поэт Заболоцкий был одарен редкой способностью достигать зримой осязаемости изображаемого в стихах. Он много работал над поэмой Руставели и в общем добился немало. Его перевод считается одним из наиболее удачных и удобочитаемых. Есть в переводе поэта настоящие красоты, метко и тонко прорисованные подробности. А как под рукой искусственного мастера заиграла рифма!

Грудь заботливо ей кутал мех прекрасный горностая,
С головы фата спадала, тканью сладостной блистая,
Мрак ресниц впивался в сердце, словно черных копий стая,
Шею локоны лобзали, с плеч коса вилась тугая.

Это строфа с женской рифмой. То, чего избегал Петренко, под пером Заболоцкого принесло свои пусть редкие, но долгожданные и необходимые для поэмы плоды. А в целом этот перевод при всей своей гладкости, рационалистической ясности, лишен внутренней музыки и необходимой близости к оригиналу. Творение Руставели еще ждет такого перевода, который был бы адекватен ему в смысловом и художественно-экспрессивном отношении. Пока такой перевод еще не создан, и современному читателю предлагаются три версии из пяти существующих переводов «Витязя в барсовой шкуре».

В течение многих веков поэма Руставели была любимейшей книгой грузинского народа, неразлучным спутником его в бедах и радостях. Оптимистические и жизнеутверждающие идеи «Витязя» ободряли грузин, вселяли надежду в свои силы, поднимали боевой дух в годы лихолетья, последовавшего за руставелиевской эпохой. Говоря словами академика Н. Я. Марра, произведение Руставели «ярко показывает, на что был способен гений маленького грузинского

²⁹ В подготовке к печати этого перевода принял участие известный руствелолог и поэт Константин Чичинадзе. Ответственным редактором первого издания перевода Петренко (М.:Л., 1937) был большой знаток поэзии Руставели академик И. А. Орбели.

народа, когда он обеспечивал себе урывками мирное, но свободное развитие своих творческих сил».³⁰

В заключение следует заметить, что поэма Руставели с ее гуманистическим мирозерцанием, вся светящаяся жизнелюбием, стала неотъемлемым достоянием культурного наследия всего советского народа.

Вспоминая чрезвычайно тревожные для всего советского народа дни Ленинградской блокады, академик И. А. Орбели, бывший тогда директором Государственного Эрмитажа, между прочим, писал: «Очень характерным для нас и для восприятия творчества Руставели грузинским народом является один стих, который... после Великой Октябрьской революции стал хорошо знаком героям, бойцам Советской Армии,— стих, в течение короткого времени обошедший все фронтовые газеты. Обычно он переводится не совсем точно, но мысль сохранена: „Лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней позор’»³¹

Заняв почетное место в сокровищнице мировой поэзии, «Витязь в барсовой шкуре» и поныне пленяет сердца множества людей.

Александр Барамидзе

Саргис Цаишвили

НОСЯЩИЙ БАРСОВУ ШКУРУ

Перевод К. Д. Бальмонта

ВСТУПЛЕНИЕ

Он, что создал свод небесный, он, что властью чудесной
Людям дух дал бестелесный, — этот мир нам дал в удел.
Мы владеем беспредельным, многообразным, в разном цельным.
Каждый царь наш в лике дельном, лик его средь царских дел.

Бог, создавший мир однажды! От тебя здесь облик каждый.
Дай мне жить любовной жаждой, ей упиться глубоко.
Дай мне, страстным устремленьем, вплоть до смерти жить томленьем.
Бремя сердца, с светлым пеньем, в мир иной снести легко.

Льва, что знает меч блестящий, щит и копий свист летящий,
Ту, чьи волосы — как чащи, чьи уста — рубин, Тamar, —

³⁰ М а р р Н. Я. История Грузии. Спб., 1906. С. 23

³¹ Орбели И.А. Великий певец гуманизма // «Вестник общественных наук АН Армянской

Этот лес кудрей агатный и рубин тот ароматный
Я хвалюю многократной вознесу в сиянье чар.

Не вседневыми хвалами, я кровавыми слезами,
Как молитвой в светлом храме, восхваляю в стихах ее.
Янтарем пишу я черным, тростником черчу узорным.
Кто к хвалам прильнет повторным, в сердце примет он копьё.

В том веление царицы, чтоб воспеть ее ресницы,
Нежность губ, очей зарницы и зубов жемчужный ряд.
Милый облик чернобровой. Наковальню свинцовой
Камень твердый и суровый руки меткие дробят.

О, теперь слова мне нужны. Да пребудут в связи дружной.
Да звенит напев жемчужный. Встретит помощь Тариэль.
Мысль о нем — в словах заветных, воспоминательно-приветных.
Трех героев звездносветных воспоеет моя свирель.

Сядьте вы, что с колыбели тех же судеб волю зрели.
Вот запел я, Руставели, в сердце мне вошло копьё.
До сих пор был сказки связной тихий звук однообразный,
А теперь — размер алмазный — песня, слушайте ее.

Тот, кто любит, кто влюбленный, должен быть весь озаренный,
Юный, быстрый, умудренный, должен зорко видеть сон,
Быть победным над врагами, знать, что выразить словами,
Тешить мысль, как мотыльками, — если ж нет, не любит он.

О, любить! Любовь есть тайна, свет, что льнет необычайно
Неразгаданно, бескрайно светит свет того огня.
Не простое лишь хотенье: это — дымно, это — тленье.
Здесь есть тонкость различенья, — услышав, пойми меня.

Кто упорен в чувстве жданном, он пребудет постоянным,
Неизменным, необманным, гнет разлуки примет он.
Примет гнев он, если надо, будет грусть ему отрада.
То, кто знал лишь сладость взгляда, ласки лишь, — не любит он.

Кто, горя сердечной кровью, льнул с тоскою к изголовью,
Назовет ли он любовью эту легкую игру.
Льнуть к одной, сменять другою, это я зову игрою.
Если ж я люблю душою — целый мир скорбей беру.

Только в том любовь достойна, кто, любя тревожно, знойно,
Пряча боль, проходит стройно, уходя в безлюдье, в сон,
Лишь с собой забыться смеет, бьется, плачет, пламенеет,
И царей он не робеет, но любви — робеет он.

Связан пламенным законом, как в лесу идя зеленом,
Не предаст нескромным стоном имя милой для стыда.
И, бежа разоблаченья, примет с радостью мученья,
Всё для милой, хоть сожженье, — в том восторг, а не беда.

Кто тому поверить может, что любимой имя вложит
В пересуды? Он тревожит — и ее, и с ней себя.
Раз ославишь, нет в том славы, лишь дыхание отравы.
Тот, кто сердцем нелукавый, бережет любовь, любя.

Тот, чей голос — звон свирели, нить свивая из кудели,
Песнь сложил я, Руставели, умирая от любви.
Мой недуг — неизлечимый. Разве только от любимой
Свет придет неугасимый — или, смерть, к себе зови.

Сказку персов, их намеки влил в грузинские я строки.
Ценный жемчуг был в потоке. Красота глубин тиха.
Но во имя той прекрасной, перед кем я в пытке страстной,
Я жемчужин отсвет ясный сжал оправою стиха.

Взор, увидев свет однажды, преисполнен вечной жажды
С милой быть в минуте каждой. Я безумен. Я погас.
Тело всё опять — горенье. Кто поможет? Только пенье.
Троекратное хваленье — той, в которой всё — алмаз.

Что судьба нам присудила, нам должно быть это мило.
Неизменно, что б ни было, любим мы родимый край.
У работника работа, у бойца — война забота.
Если ж любишь, так без счета верь любви и в ней сгорай.

Петь напев четырехстрочно — это мудрость. Знание — точно.
Кто от бога — полномочно он поет, перегорев.
В малословье много скажет. Дух свой с слушателем свяжет.
Мысль всегда певца уважит. В мире властвует напев.

Как легко бежит свободный конь породы благородной,
Как мячом игрок природный попадает метко в цель,
Так поэт в поэме сложной ход направит бестревожный,
Ткани, будто невозможной, четко выпрядет кудель.

Вдохновенный — в самом трудном светит светом изумрудным,
Грянув словом многогудным, оправдает крепкий стих.
Слово Грузии могуче. Если сердце в ком певуче,
Блеск родится в темной туче, в лете молний вырезных.

Кто когда-то сложит где-то две-три строчки, песня спета.
Всё же — пламенем поэта он еще не проблеснул.
Две-три песни — он слагатель, но когда такой даятель
Мнит, что вправду он создатель, он упрямый только мул.

И потом, кто знает пенье, кто поймет стихотворенье,
Но не ведает пронзенья, сердце жгущих, острых слов,
Тот еще охотник малый и в ловитвах не бывалый.
Он стрелою запоздалой к крупной дичи не готов.

И еще. Забавных песен в пирный час напев чудесен
Круг сомкнется, весел, тесен. Эти песни тешат нас,
Верно спетые при этом. Но лишь тот отмечен светом,
Назовется тот поэтом, долгий кто пропел рассказ.

Знает счет поэт усилью. Песен дар не бросит пылью.
И всему он изобилью быть велит усладой — ей,
Той, кого зовет любовью, перед кем блеснет он новью,
Кто, его владея кровью, петь ему велит звучней.

Только ей — его горенья. Пусть же слышат той хваленья,
В ком нашел я прославление, в ком удел блестящий мой.

Хоть жестока, как пантера, в ней вся жизнь моя и вера.
Это имя в ток размера я поздней внесу с хвалой.

О любви пою верховной — неземной и безгреховной.
Стих об этом полнословный трудно спеть, бегут слова.
Та любовь от доли тесной душу мчит в простор небесный,
Свет сверкает в ней безвестный, здесь лишь видимый едва.

Говорить об этом трудно. Даже мудрым многочудна
Та любовь. И здесь не скудно — много щедро — пой и пой.
Всё сказать о ней нет власти. Лишь скажу: земные страсти
Подражают ей отчасти, зажигая отблеск свой.

По-арабски, кто влюбленный, тот безумный. Точно сонный,
Видит он невоплощенной уводящую мечту.
Тем желанна близость бога. Но пространна та дорога.
Это прямо, от порога, досягают красоту.

Я дивлюсь, зачем, бесправно, то, что тайна, делать явно.
Мысль людская своенравна. Для чего любовь — стыдить?
Всякий срок здесь — слишком рано. День придет, не тронь тумана.
О, любовь — сплошная рана. Рану — нужно ль беречь?

Если тот, кто любит, плачет, это только то и значит,
Что в себе он жало прячет. Любишь — знай же тишину.
И среди людей, средь шума об одной пусть будет дума,
Но красиво, не угрюмо, скрытно, всё люби одну.

1.СКАЗ О РОСТЕВАНЕ, ЦАРЕ АРАБСКОМ

Был в Арабии певучей царь от бога, царь могучий,
Рати сильного — как тучи, вознесенный Ростеван.
Многим витязям бессменный знак и образ несравненный,
Птицезоркий, в зыби пенной всё увидит сквозь туман.

Был красивым он и в слове. Дочь имел, дитя любви:
Солнце — очи, ночи — брови, вся — звезда среди светил.
Петь о деве пышнокудрой может разве только мудрый,
Облик девы чернокудрой многих вмиг поработил.

Кто на это солнце глянет, вдруг ее рабом он станет,
Сердце, душу, ум заманит та, чье имя Тинатин.
Да навек пребудет славным, средь столетий полноправным.
Это имя, солнцеравным, будет имя — властелин.

Царь, когда красы царевны в возраст влились полнопевный
Созвал знатных и, безгневный, посадил вокруг себя.
Молвил: «Вот предмет совета. Роза знает время цвета.
Отцвела — нет больше лета, сохнет, венчик свой дробя.

Солнце всходит и садится. Село — смотрим, тьма дымится.
Ночь безлунная клубится. День исчерпан мой сполна.
Потускнела позолота. Старость — груз. Нет горше гнета.
Вот умру — одна забота. И дорога всем — одна.

Где же свет, что тьму просветит? Пусть ваш разум мне ответит.
Пусть венец чело отметит светлой дочери моей».
Все ответили, вздыхая: «Речь твоя зачем такая?

Роза, даже отцветая, всех душистей и светлей.

И ущербный месяц ясен. Луч звезды вполне прекрасен,-
Спор звезды с луной напрасен. Так, о царь, не говори.
От тебя и злое слово — всем нам крепкая основа.
Лик же солнца золотого, дочь твоя, светлей зари.

Дай ей царство, дай царенье. Быть женой ей назначенье.
Но от бога смысл правленья ей указан с вышины.
Отлучался ты когда-то — и сияла без заката.
Уж когда в пещере львята — львица, лев вполне равны».

Автандил вождя был сыном. Он в изяществе едином
Кипарисом по долинам между стройными блистал.
Как хрусталь был знаменитый, звездной шествовал орбитой,
С Тинатин мечтою слитый, без нее он увядал.

Как цветок среди тумана, страсть была в нем скрытой. Рана,
Роза страсти, вновь румяна стала, чуть предстал пред ней.
О, любовь есть истязанье. Тот, кто любит, весь — терзанье.
Всё ж он жаждет приказанья углем стать среди огней.

В час как деве безгреховой царь велел, беспрекословный,
Власти дать приять верховный, веселился Автандил:
«Тинатин — как блеск запястья. Ей пристойно полновластье.
Видеть солнце — это счастье, лик ее — источник сил».

Царь, как мрак дробя алмазом, повелел своим приказом:
«Да пребудет царским глазом, царской волей Тинатин.
Приходите все арабы. В похвалах не будьте слабы,
Здесь — сверканье, и, когда бы ночь была, она — рубин».

Все арабы приходили. Знатных блеск умножен в силе.
Видит крепость в Автандиле многотысячность бойцов.
Весь порядок воинств явлен. И когда был трон поставлен,
Всем народом он прославлен: «Свет его превыше слов».

Тинатин, лицом сияя, воле царской послушая,
Вся горела, золотая, и венец он возложил,
Скипетр дал он чернобровой, дал ей царские покровы,
И она звездою новой воссияла средь светил.

Царь ушел, воздав почтенье. Вознеслись благословенья.
Были молвлены хваленья. Звон кимвалов с звуком труб.
Новый царь с лицом царицы был как в тучке лик денницы:
Цвета ворона — ресницы, пурпур зорь — изгибы губ.

Мнится ей, что недостойна трон отца занять, и стройно
Стан склоняет, беспокойно слезы льет, как дождь в саду.
И отец, увещевая, молвит: «Чадо — жизнь двойная.
Мне равна ты, дочь родная. Я в огне, и я в бреду.

День прошел. Был пир веселый. Пили, ели — точно пчелы
На цветах. Один тяжелой думой царь был омрачен.
С наклоненной головою он сидел перед толпою.

Шепот шумной шел волною: «Отчего печален он?»

Крася ликом пир медовый, властный в бой вести суровый
И как лев скакнуть готовый, солнцеликий Автандил
Был с Согратом знатным рядом, и его проворным взглядом
«Почему так чужд отрадам царь?» — он быстро вопрошил.

«Верно, мысль пришла какая, неприветная и злая. —
Отвечал Сограт, вздыхая, — горя — нет, и весел — час».
Автандил сказал: «Так спросим. Слово шуточное бросим.
Мы без пользы тяжесть носим. Почему стыдит он нас?»

Автандил с Согратом встали, кубки полные им дали,
И веселые упали на колени пред царем.
Говорит Сограт шутливый: «Царь, ты точно день дождливый,
Нет улыбки, нет красивой на немом лице твоём».

И добавил он лукаво: «Впрочем, сердце в скорби право:
Дочь твоя — одна забава, все богатства раздала.
Не давай ей пышной части, и, лишивши царской власти,
Упасешься от напасти и уволишься от зла».

Усмехнулся царь. Такого ожидать не мог он слова.
На советчика скупого всё же глянул он светло.
«Я ценю твое раченье. И достоин ты хваленья.
Но скупое попеченье никогда ко мне не шло.

Нет, не в том моя забота. Старость близится, дремота.
И остаться неохота без достойного бойца.
Дней увяло всё цветенье, и не передал уменя
Быть бойцом без посрамленья никому я до конца.

Это правда, дочь имею, холил дочь, обласкан ею.
Всё ж я сына не лелею. Не дал бог. И нет уж сил.
Кто здесь луком отличится? Или в мяч со мной сразится?
Автандил едва сравнится, ибо я его учил».

Гордый юный, весь — стремленье, слушал эти восхваленья,
И с улыбкою смиренья затаил он торжество.
Как улыбка та пристала к лику юного, где ало
Рот горел,— как снег блистала белизна зубов его.

Царь спросил: «Чего смеешься? И чего ты робко жмешься?
Ну, зачем не отзовешься? Или я тебе смешон?»
Юный молвил: «Разрешенье дай сказать мне, в оскорбленье
Не вменяя дерзновенья. Да не буду осужден».

Царь ответил: «Молви слово. Не приму его сурово.
Скрепа клятвы — святость крова, имя светлой Тинатин».
Автандил сказал: «Так смело молвлю: хвастаться не дело.
Но моя б стрела поспела в цель верней, о властелин!

ՀԱՄԱՅՆՈՒԹՅԱՆ
ՄԱՐԿԱԿԱՆՈՒՄԻ

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ՄԱՐԿԱԿԱՆՈՒՄԻ

Под твоими я ногами прах. Но, меряясь стрелами,
Буду первый — пред полками эту клятву я даю.
«Кто со мной в стрельбе сравнится?» — ты сказал. Тут что ж судиться.
Может этот спор решиться лишь с мячом, стрелой, в бою».

Царь сказал: «Не будем вздорить, на словах не стану спорить.
Дайте лук. Чье имя вторить будут после, так решим.
Пред свидетелями в поле будем мы на вольной воле,
Там о нашей молвят доле: кто ловчей, победа с ним».

Автандил повиновался. И на том их спор прервался.
Каждый весел был, смеялся. Чуждым был им взгляд косой.
Был заклад меж них скрепленный: тот, кто будет побежденный,
С головою обнаженной, три он дня ходи такой.

Если ж кто стрелой лишь ранен, прочь бежит, но бег обманен,
Нет исхода, неустанен этот ток разящих стрел.
И не зеленью, не новью, — все поля покрылись кровью,
Бог, исполненный любовью, в небе гневом возгорел.

Кто смотрел на Автандила, как рука его стремилась
Ход стрелы, как верно била, как к нему кругом всё шло,
Видя зрелище такое, сердце словом тешил вдвое:
«Он прекрасен, как алоэ, что в Эдеме возросло».

Минул день, зверям печальный. Смерян бег равнины дальней.
На краю поток хрустальный об утес волну дробил.
В темной чаще звери скрылись. Кони там бы не пробились.
Отдыхали, веселились Ростеван и Автандил.

Нет предела их утехам. И один сказал со смехом:
«Метче я!» Другой же эхом: «Метче я!» — сказал в ответ.
И зовут двенадцать верных. «Чьих же больше стрел примерных?
Счет чтоб был из достоверных. Правда — сплошь, а лести — нет»,

Отвечают: «Затемненья правде нет, и, без смягченья,
Ты не выдержишь сравненья, царь, тебе враждебен счет.
Хоть убей нас, нет нам дела, но тебе мы скажем смело:
Где его стрела летела, зверь ни шагу там вперед.

Всех две тысячи убили. Двадцать лишку в Автандиле
Смерть нашли. В той меткой силе промах луку незнаком.
Как наметит, так уж строго — зверю кончена дорога.
А твоих собрали много стрел, рассыпанных кругом».

Царь смеется, смех кристален. Злою мыслью не ужален,
Он ничуть не опечален. «Что ж, победа не моя».
За приемного он сына рад — в том счастье, не кручина.
Любит сердце — что едино, любит роза соловья.

Миг вкушая настоящий, вот сидят они у чащи.
Как колосьев строй шуршащий, смотрит воинов толпа.
Возле них двенадцать смелых, ни пред чем не оробелых.
Видно, как в лесных пределах вьется водная тропа.

2. СКАЗ О ТОМ, КАК ЦАРЬ АРАБСКИЙ УВИДЕЛ ВИТЯЗЯ, ОДЕТОГО В ТИГРОВУЮ ШКУРУ

На опушке, над потоком, в тоскованье одиноком,
Странный витязь был, в глубоком размышленьи над рекой.
За поводья вороного он коня держал, и снова
Слезы лились из немого сердца, сжатого тоской.

Как небесными звездами, всё сияло жемчугами,
Млели нежными огнями и доспехи и седло.
Был как лев он, но стекали слезы, полные печали,
По щекам, где розы вяли, а не искрились светло.

Был в кафтан одет он бурый, был покрыт тигровой шкурой,
И сидел он так, понурый, ликом сумрачным склонясь.
Толстый хлыст в руке был зримым. Так сидел он нелюдимым.
Точно был окутан дымом, весь — волшебный, весь — томясь.

Раб идет к нему с вопросом от царя, но пред утесом
Вид тех слез, подобных росам, точно стать ему велел.
Пред такую силой горя замолчи или, не споря,
Плачь, как плачет в пропасть моря дождь, узнавши свой предел.

Раб в великом был смущеньи, трепетанье и сомненьи,
И смотрел он в удивленье на печального бойца.
«Царь велит прийти», — сказал он наконец, вздыхал и ждал он.
Витязь нем, и не слышал он, не поднимет вверх лица.

С наклоненным книзу ликом, весь в забвении великом,
Не внимал окружным крикам, изливал с слезами кровь.
Длил он странные рыданья, трепетал в огне сгоранья,
Нет терзаньям окончанья, слезы льются вновь и вновь.

Свеян ум его куда-то. Мысль его свинцом объята.
Раб идет путем возврата, не добившись ничего.
Снова царское посланье повторял, но нет вниманья,
Никакого нет вещанья розоцветных губ его.

Раб вернулся без ответа. «На мои слова привета
Он был глух. Мой взор от света солнца яркого погас.
Я жалел его невольно. Сердце билось больно-больно.
Вижу, ждать уже довольно, протомился целый час».

Царь дивился. Дивованье перешло в негодованье.
Изрекает приказанье он двенадцати рабам:
«Вы оружие берите, осей толпой к нему идите
И скорее приведите мне того, кто медлит там».

Исполняя приказанье, вот рабы идут. Шуршанье
Слышно ног, звенит бряцанье их доспехов. Витязь встал,
Весь в слезах еще. Но взором вскинул. Видит, тесным хором,
Люди с воинским убором. Вскрикнув: «Горе!» — замолчал.

Вытер он глаза руками, укрепил колчан стрелами,
Меч с блестящими ножами. Вот на быстром он коне.

Что ему — рабы, их слово? Направляет вороного
Прочь куда-то, никакого им ответа,— он во сне.

Тут, его схватить желая, вмиг — к нему толпа живая,
Вот рука, и вот другая устремилась. Смерть им в том.
Одного он о другого раздробил, рукою снова
Чуть махнул — убил, иного до груди рассек хлыстом.

Пали трупы вправо, влево. Царь кипит, исполнен гнева.
Он кричит рабам, но сева смерти жатва собрана.
Юный даже и не глянет на того, кого он ранит,
Кто домчится, мертвым станет,— участь всем пред ним одна.

Царь разгневан, горячится, на коня скорей садится,
С Автандилом вместе мчится, чтоб надменного настичь.
Но, как в искристом тумане, как на сказочном Мерани,
Не принявши с ними брани, он сокрылся, кличь не кличь.

Увидав, что царь в погоне, что за ним несутся кони,
Он, в мгновенной обороне вдруг, хлестнув коня, исчез.
Точно в пропасть провалился или в небо удалился.
Ищут — нет, и след сокрылся. Ничего. Как в мгле завес.

Хоть следов копыт искали — нет, исчез в какой-то дали.
Словно призрак увидали, призрак был один лишь миг.
По убитым плачет кто-то. И о раненых забота.
Молвил царь: «Пришла работа. Видно, злой нас рок настиг».

Он сказал: «Всех дней течение было только наслажденье.
Бог изведаль утомленье — видеть счастье без конца.
Вот и стал восторг обманен,— как и всё, непостоянен, —
Я всевышним насмерть ранен, отвратил он свет лица».

Так вернулся он, угрюмый, затенен печальной думой.
Вмиг забыты были шумы состязаний и пиров.
Стон кругом сменялся стоном. Грусть царя была законом.
Не приученный к препонам, дух легко упасть готов.

Ото всех сокрытый, а дальней царь сидел опочивальне,
Размышлял он всё печальней, что погас веселья свет.
Видел только Автандила. Все рассеялись уныло.
Арфа вздохи не струила, стук не слышен кастаньет

Тинатин о той потере счастья слышит. В полной мере
Чувство в ней. Она у двери. И к дворецкому вопрос:
«Спит ли он, или не спит он?» Тот в ответ: «В тоске сидит он.
И ни с кем не говорит он. Стал он темен, как утес.

Автандила лишь, как сына, приняла его кручина.
Витязь в этом всем причина, странный витязь на пути».
Тинатин рекла: «Уйду я. Но коль спросит он, тоскуя.
В тот же час к нему приду я, как велит к себе прийти»

Царь спросил: «Где та, в которой ключ живой, что точит горы,
Свет любви, что тешит взоры?» Был ответ ему тогда:
«К бледной к ней достигло слово, что печаль в тебе сурова.
Здесь была. И будет снова. Лишь скажи, придет сюда».

Царь сказал: «Скорей идите и ко мне ее зовите.

Лишь в одной жемчужной нити красота всегда светла.
Пусть отцу вернет дыханье. Пусть излечит тоскованье.
Ей скажу, о чем терзанье, отчего вдруг жизнь ушла».

Вняв отцовское веленье, Тинатин, как озаренье,
Полнолунное виденье, перед ним блестит красой.
Он ее сажает рядом, смотрит полным ласки взглядом,
И целует, и к отрадам вновь открыт своей душой.

«Почему не приходила? Или звать мне нужно было?»
Дева кротко возразила: «Царь, когда нахмурен ты,
Кто дерзнет к тебе явиться? Пред тобой и день затмится.
Пусть же ныне разрешится этот скорбный дым мечты».

Он сказал: «Родное чадо! Быть с тобой — моя услада.
Грусть прошла, ты радость взгляда, точно зелья ты дала,
Чтоб рассеять муку властно. Но хоть я терзался страстно,
Знай, не тщетно, не напрасно мысль к печальному ушла.

Повстречался мне безвестный витязь юный. Свод небесный
Был красой его чудесной словно радугой пронзен.
Я не мог узнать причины слез его, его кручины.
Хоть в красе он был единый, но меня разгневал он.

Чуть ко мне метнувши взором, вытер слезы, скоком скорым
На коня вскочил,— я спорым овладеть велел, но вмиг
Разметал моих людей он. Кто он? Дьявол? Лиходей он?
Я без слова был осмеян. Вдруг исчез, как вдруг возник.

Был ли он иль нет, не знаю. Горький ад на смену раю
Я от бога принимаю. Прошлых дней погашен свет.
Этой скорби не забуду, не бывать такому чуду,
Сколько дней я жить ни буду, мне веселья больше нет».

В голос звук вложив напева, «Соизволь,— сказала дева, —
Слово выслушать без гнева. Обвинять нам хорошо ль
Этот промысел всезрящий? Бог и к мошке добр летящей.
Если он раскинул чащи, разве в них он дал нам боль?»

Если витязь был телесным, не видением чудесным,
На земле другим известным он, конечно, должен быть.
Встанет весть, придет к нам слухом. Если ж он лукавым духом
Был и скрылся легким пухом, что ж тоской себя губить.

Вот совет мой, повелитель: над царями ты правитель.
Зри кто хочет,— где тот зритель, чтобы твой измерил свет?
Так пошли людей — пусть ищут, целый мир пускай обрыщут,
Уж они ответ отыщут, смертный это или нет».

Царь зовет гонцов проворных, между лучшими отборных,
Чтобы в поисках дозорных не жалели ни труда,
Ни стараний, ни усилий, чтобы каждого спросили,
Где тот витязь, гордый в силе, и чтоб шли скорей туда.

Вот гонцы в далекой дали. Целый год они блуждали.
Никого не увидали, кто бы витязя встречал.
Все напрасны вопрошанья. Бесполезны их исканья.
Были долги их блужданья,— был успех их вовсе мал.

Пред царем рабы предстали. Преисполнены печали,
Так его оповещали: «Хоть искали мы везде,
Труд бесплоден был, хоть честен, — нам скорбящий лик уместен,
Никому он неизвестен. Укажи, искать нам где?»

Молвил царь: «Мне дочь сказала правду. В скорби смысла мало.
Здесь змея являла жало - это был нечистый дух.
Мне мой враг был с неба свеян, это им я был осмеян.
Да блудит среди затей он, — чист мой взор и волен слух».

Позабыт им дух лукавый. Снова игры и забавы.
Песнопевец ищет славы. Закрутился акробат.
Юным царь велел и старым веселиться.
Светлым чарам Нет предела. Царским даром не один опять богат.

Автандил — полуодетый. Вкруг него играют светы.
Арфы звон, и песни спеты. Вдруг гонец от Тинатин,
Черный раб в его покое: «Та, чей образ — лик алоэ,
Шлет веление такое: к ней иди, о господин».

Светлой вестью очарован, Автандил встает, взволнован.
Тот наряд, что облюбован, самый лучший, он надел.
Видеть розу, быть с любимой — в том восторг незаменимый.
С красотою несравнимой быть — пленительный удел.

Автандил идет к ней смело. Ни пред кем не оробела
Мысль его. И пусть горела много раз слеза о ней,
Хочет видеть лик певучий той, чье пламя — свет горючий
Молний, рвущихся из тучи, кто горит луны сильнеей.

Та жемчужина жемчужин. С горностаем свет тот дружен.
Смотрит взор обезоружен. Ткань на нежной — без цены.
Сердце жгущие ресницы — словно ночь вокруг зарницы.
Шея млечна у царицы, косы тяжкие черны.

Хоть одета в свет коралла, но печали не скрывала,
Автандила привечала, сесть велит ему она.
Юный сел пред ней смиренно. Сердце любит, сердце пленно.
Взор во взор глядит забвенно. Мысль усладой зажжена.

Витязь молвит: «Ты, золотая, светишь, страхи рассевая.
Вот, я нем. В зарю вступая, месяц солнцем вмиг сожжен.
Я не мыслю на досуге. Я не вихрь на вольном луге.
Но в каком волшебном круге, чем твой грустный ум смущен?»

Вот изящными словами, выбрав их, как меж цветами
Те, что ярче лепестками, привлекают больше глаз,
Дева молвит: «Хоть со мною не одною ты стеною
Разделен, но я не скрою — страх твой странен мне сейчас.

Но скажу сперва пред другом, чем терзаюсь, как недугом.
Помнишь день, когда над лугом, близ утеса над рекой,
Над водой реки хрустальной некий витязь был печальный,
Как слезу с слезой хрустальной лил он, мучимый тоской?

С той поры томлюсь всегда я. Мысль о нем, не уставая,
Жалит, жалит, точно злая бысролетная оса.
Знаю я, что ты из смелых. Так ищи его в пределах

Всей земли — до тучек белых, что восходят в небеса.

Сердце в чувстве сердцу радо. Хоть меж нас была преграда,
Но без слов, лишь силой взгляда, увидала ясно я,
В одиноком отдаленье, что в любовном ты плененье,
Что горишь в изнеможенье и дрожит душа твоя.

Видим зорко мы друг друга. Будет мне твоя услуга
Точно витязю кольчуга,— и к тебе идет она.
Ты ведь витязь несравненный. И, любя, ты любишь, пленный.
Витязь тот — твой брат забвенный. Мысль искать его должна.

Ты любовь мою удвоишь. Скорбь мою ты успокоишь.
Злого демона укроешь. И, фиалками маня,
Свеешь розы, расцветишься. И потом ты озаришься,
Лев, ты к солнцу возвратишься, встречу, встретишь ты меня.

Так ищи же мне в угоду. Трижды год уйдет пусть к году.
Но не канул же он в воду. Если ты найдешь его,
Приходи, увенчан славой. Если ж нет, он дух лукавый.
К розе нежной холод ржавый зла не светит своего.

Мой расцвет не затемнится. О, клянусь, любовь продлится.
Пусть хоть солнце воплотится, мужем став,— с ним сердце слив,
Преисподняя пусть злая отсечет меня от рая,
В сердце мне любовь, терзая, смертью внидет, нож вонзив».

Витязь молвил: «Лик денницы! Почему дрожат ресницы?
Почему агат царицы в трепетанье огнем?
Заслужил ли подозренье? Смерти ждал --и жить веленье
Получил. В повиновенье буду я твоим рабом».

Он сказал еще: «Златая! Ты заря, ты солнце, рая.
Бог всевышний, создавая, быть тебе здесь солнцем дал.
Ты велишь — идут планеты. Весь тобой я в блеск одетый.
Мой цветок, живые светы взяв в себя, пребудет ал».

Луч — к лучу, и к слову — слово. Вот они клянутся снова.
Сердце нежное — медово, и любовь подтверждена.
Все минувшие печали чем-то очень легким стали.
Зубы белые блистали, как от молний — вышина.

О, какая им утеха — быть вдвоем, как с эхом эхо,
Средь веселья, шуток, смеха говорят о ста вещах.
Молвит он: «Тебя, златая, можно знать — лишь ум теряя.
Сердце вспыхнуло, сгорая, сердце — пепел, жгучий прах».

Но пришел конец усладам. Он прильнул к кристаллу взглядом,
Побледнел — и слезы градом. Хоть ушел, да не ушел.
Незнакомое с обманом, сердце он, в горенье рьяном,
Отдал сердцу. Так к румяным розам льнут касанья пчел.

Он сказал себе: «Златая! Вот уже разлучность злая.
И рубин мой, увядая, стал желтее янтаря.
Без тебя как быть в разлуке? Но стрела готова в луке.
В честь любимой сладки муки. Смерть приму — тобой горя».

Он в постели, сны мнутся. Брызги слез обильно льются.
Как листки осины бьются, как, скорбя, он трепетал.
Странен уху шорох каждый. Дух его исполнен жажды.
Стала пытка пыткой дважды,— сон о ней он увидал.

В том терзанье отлученья - ревность, помыслы, мученья.
Слез горячих истечение — словно нитка жемчугов.
Но тревожный сон напрасен. Брезжит день — он снова ясен.
На коне своем, прекрасен, едет, путь принять готов.

За дворецким в зал приемный посылает, и, хоть скромный,
Но в стремленье неумный, он царю реченье шлет:
«Мысль мою, о царь, не скрою: ты царишь над всей землею.
Весть о славе, взятой с бою, да ко всем кругом придет.

В путь пойду и не устану. Воевать с врагами стану.
Если недруг, в сердце рану нанесу в честь Тинатин.
Непокорный да смутится, а покорный веселится.
Ток даров не прекратится. Да горит огнем рубин».

Изъявив благодаренье, царь ответил: «Лев! Стремленье
Рук твоих — всегда в сраженье. Смелость молвит твой совет.
В путь иди, в страну чужую, позволение я дарую.
Но коль ты разлуку злую будешь длить, мне счастья нет».

Пред лицом царя представши и почтение воздавши,
Витязь молвит: «Услыхавши звук похвал, я изумлен.
Сколько счастья в этом звуке! Легче с ним расстанья муки.
Бог уменьшит час разлуки. Светлый лик твой — мне закон.

Мысль свидания лелею». Царь упал к нему на шею.
С полной нежностью своею в нем он сына целовал.
Нет таких, как эти двое. Бьется сердце в них благое.
Засветило ретивое в Ростеване слез кристалл.

Вот уходит витязь смелый в чужеземные пределы.
Двадцать дней уж день он белый с черной ночью слил в одно.
В ней, златой, восторг вселенной, клад сокровищ сокровенный,
С Тинатин он мыслью пленной, ею сердце зажжено.

Входит в горы, входит в доли. Чуть он где, там пир веселый.
Речи вьются, точны пчелы. Все приносят щедрый дар.
Солнцеликим, светловзорым, в переходе этом скором,
Слух склоняя к разговорам, он не медлит в свете чар.

У него была твердыня. Замок горный на вершине.
Три он дня там медлит ныне. Шермадин — как верный с ним.
Вся душа его, вся сила, сердце всё — для Автандила,
Но ему неизвестно было, тот горит огнем каким.

Витязь молвит Шермадину: «Стыдно мне, но стыд содвину.
Я скрывал свою кручину. Но теперь откроюсь, верь.
Были пытки, были грозы. Я ронял несчетно слезы.
Но от той жестокой розы — луч отрады мне теперь.

К Тинатин моя истома. К ней любовь, о ней вся дрёма.

Без конца у водоема слезы к розе лил нарцисс.
Боль открыть не мог доньне. Я томился, как в пустыне.
Но теперь конец кручине. Упованья мне зажглись.

Мне сказала: «Неустанный, ты ищи, где витязь странный.
А когда вернешься, жданный, сердцем всё возьмешь свое.
Ты как цвет к цветку над лугом. Лишь тебя возьму супругом».
Пусть утрачу счет услугам. Раб, да вознесу ее.

Я ведь витязь, — так прилично мне служить ей безгранично
.Верность трону лишь обычна. Раз слуга, служи вовек.
Взяв ее бальзам сладимый, стих пожар неукротимый.
Если ж в даях беды зримы, встретить их, встретить — как человек.

Между всех, кто подчиненный, ты один мне приближенный,
Связан дружбой неуклонной я с тобою. Потому
Над моею всей дружиной ты владыка будь единый,
Лишь тебе тот рой орлиный я доверю одному.

Правь же твердою рукою. Для бойцов, идущих к бою.
Ты пример являй собою. И к двору посланья шли.
И в дарах будь вне сравненья. Будь мое здесь повторенье,
Чтоб мое исчезновенье и заметить не могли.

Мною будь в военной славе и в охотничьей забаве.
Так три года честно правя, тайну свято сохраняй.
Может быть, мое алоэ будет цвести себе в покое.
Если ж встречу роковое — плачь по мне, скорби, вздыхай.

Шли царю оповещение, что — увы! — пришло затмение.
Будь как пьян от огорченья. «Нежеланна смерть. — Скажи: —
В край, откуда нет возврата, он ушел». Сребро и золото,
Всё раздай, чем жизнь богата, и ничем не дорожи.

Ты сможешь мне — отменно. Пусть погибнет то, что бrenно.
Но про душу, неизменно помня, медли забывать.
Сон и смерть — в черте соседства. Вспомни наше малолетство
И, мое вспомнив детство, сердцем будь ко мне как мать».

Слышит раб — и весь слезами залился, как жемчугами,
Меркнет взор его, огнями беспокойными сквозя.
«Сердце ль будет веселиться, коль тебя оно лишится?
Но когда твой дух стремится, удержать тебя нельзя.

Мне велишь принять господство. У меня какое ж сходство
Есть с тобою? Превосходство вижу мысли я другой:
Будешь ты один, я внемлю. Лучше ж пусть уйду я в землю.
Но разлуки не приемлю. О, возьми меня с собой!»

Витязь молвил: «Все сомненья прочь отбрось без промедленья.
Тот, кто любит, в ком томленье, пусть лишь в обществе своем
Он тоскует, бродит, бьется. Жемчуг даром ли дается?
Кто ж изменник, да смеется, в сердце раненный копьем.

Тайны кто моей достоин? За тебя же я спокоен.
Будешь верным мне, как воин. Укрепляй оплот твердынь.
Враг забудет приближенье. И, быть может, дней теченье
Принесет мне возвращенье. Боже, вовсе не покинь!

Рок, губя, не знает счета, сто ли здесь, один ли кто-то.
Духов благостных забота не оставит. Верь судьбе.
Не вернусь я в срок трехлетний — ткань надень темней, бесцветней.
Чтоб почтен ты был приветней, дам я грамоту тебе».

3. ГРАМОТА АВТАНДИЛА К ЕГО ПРИВЕРЖЕННЫМ

Пишет к верным витязь славный: «Вы, чей дух всегда исправный,
Приказаньям, тенью равной, внявши, верил и служил, —
Здесь мой голос полнозвучно, да прочесть не будет скучно,
Я пишу собственноручно, прах пред вами, Автандил.

Вы, наставники, внимлите. Вы, приверженцы, склоните
Слух. Вы, юноши, спешите мне внимать, собравшись в круг.
Я хочу на дней теченье только петь, побыть лишь в пенье,
А дневное прокормленье — руки мне дадут и лук.

Я одно замыслил дело, И до дальнего предела
Я один направлюсь смело. Буду странствовать я год.
Я прошу лишь о едином: если враг к моим дружинам
Подойдет разящим клином — верный пусть отпор найдет.

Повинуйтесь Шермадину все, как мне, как господину.
Как отец сияет сыну, будет солнцем он для вас.
С ним и роза не завянет, никого он зря не ранит,
Если ж злой кто — воском станет и растопится сейчас.

Вам известно, как росли мы, тем же чувством единимы.
Он как брат мне, сын любимый. Он второй вам Автандил.
Рог — ему. Его веленья да свершат без промедленья.
Если ж нет мне возвращенья, пусть бы каждый погрустил».

Свиток с выбором богатых слов, сияющих закатом.
Препоясался он золотом и, чтоб ехать одному,
Приготовился. Дружины строй построили единый.
«Я поеду вдоль равнины», — молвил он, — не ждал в дому.

Он не хочет быть с бойцами. Расстается он с рабами.
Поспешает тростниками. Хочет быть теперь один.
Никого ему не надо. Грусть в пути ему услада.
Есть жестокая для взгляда солнце-роза, Тинатин.

В ликование одиноком конь промчался полным скоком.
Вот уж он невидим оком, и кругом не взглянет он.
Кто бы с ним ни повстречался, меч его не засвечался,
Ибо сумрак в нем качался, нежной грустью осенен.

А бойцы его, в печали, всё властителя искали,
Но нигде им не сверкали блески жданного лица.
Лица их в тоске бледнели. Где он? Где? В каком пределе?
И того, кого хотели, тщетно ищут без конца.

Лев! Кого на месте львином бог поставит господином?
Шел тот возглас по дружинам. Ищут там и ищут тут.
Вопрошают, слышат вести: «Образец высокой чести,
Нет его, но был в том месте». И дружины слезы льют.

Всех воителей отборных, благородных и придворных,
Для решений договорных Шермадин сзывает в круг.
Им он грамоту читает, каждый слышит и рыдает,
Каждый грудь себе терзает, точно в тяжкий впал недуг

Все сказали: «Без него мы — будем кем иным ведомы?
Он тебя в свои хоромы с должным правом посадил.
В чем ни будет повеленье, наше в нем повиновенье».
И решению хваленье воздают по мере сил.

4. СКАЗ О ТОМ, КАК АВТАНДИЛ ИСКАЛ ТАРИЭЛЯ

Есть свидетельство Писанья, что достойно состраданья
Видеть тленье увяданья в розоцветных лепестках.
Роза нежная румяна — пред рубином Бадахшана,
Но от едкого тумана алый цвет — морозный прах.

Автандил, в тоске беззвучной, по равнине едет скучной,
Стук копыт четырехзвучный беглеца уносит вдаль.
За арабские пределы он уехал, онемелый,
Грусть его — как колос спелый. «Близ нее прошла б печаль».

Свежий снег упал с морозом. Жало изморози — розам.
Сердце, отданное грозам, он хотел пронзить не раз.
«Рок умножил в девяносто раз печали, даже до ста, —
Он промолвил.— Это просто неизбывность. Горький час.

Уж забыл я ликование, арф и звонких лир бряцанье
И свирели напеванье, той, чье имя нежно, най».
Так в печали безответной вянет пламень розоцветный.
Но в сердечной мгле заветной молвил он: «Не унывай».

Так не вовсе он туманным был в томленье нежеланном.
По местам он ехал странным, не теряя час в домах.
Спросит тех, кто на пороге и кого встречал в дороге.
Взоры грустного не строги — будит ласку он в сердцах.

Ищет он того, чье горе током слез наполнит море.
Прах — постель ему в просторе, а подушкою — рука.
И в разлуке с дорогой мыслит: «Сердцем я с тобою.
Но желанней мне, не скрою, смерть, чем жгучая тоска».

По всему лицу земному, по простору мировому,
По всему его объему он блуждал, не найден след,
И ни с кем он не спознался, кто б с тем витязем встречался.
Срок в три месяца остался,— и трех лет уж больше нет.

Прибыл он к стране безлюдной, неприветливой и скудной.
Проезжал дорогой трудной. Не встречал он никого.
Только скорбь в стране пустынной. Только ряд сомнений длинный.
Вечный помысел кручинный об избраннице его.

Он достиг в пути до склона мощных гор. Кругом — зелено.
Многолиственное лоно опускалось к воде.
Лес вокруг, а там равнина. Но пред ней бежит пучина.
Путь в семь дней возьмет ложбина. Но не виден мост нигде.

Круговым путем блуждая и со вздохом дни считая,

Счел, что в сроках всех до края — лишь два месяца ему.
И скорбит, томясь тоскою: «Как же тайну я открою?
Не родишь себя собою. Не изменишь в солнце тьму».

Он задумался в сомненье. Стал в глубоком размышленье:
«Есть ли смысл мне в возвращенье? Что ж могу сказать звезде?
Сколько дней на вольной воле я блуждал в широком поле.
Что же я узнал? Не боле, как что нет его нигде.

Не вернусь же, будет нужно вновь искать мне, в честь жемчужной,
Снова долгий путь окружный и длиннейший совершать.
Дни меж тем свершатся срока. Будет плакать ум и око.
Шермадин, скорбя глубоко, будет смерть мою вещать.

Он к царю пойдет. Заплачет. Нет меня, я умер, значит.
Мысль иная мне маячит, не хочу я скорби их.
Я везде искал, блуждая. Так не скроюсь, пропадая,
А вернусь». И он, рыдая, спутан в мыслях был своих.

«О, зачем,— сказал,— со мною ты дорогою кривою
Ходишь, боже? Всей землю я обманут на пути.
Или я искал напрасно? Мысль — гнездо, где всё злославно.
Уж не будет в сердце ясно. Уж печалю не пройти».

Снова молвит: «Но терпенье лучше тяжкой мглы сомненья,
Смерть не ищет ускоренья. Да не давит грудь беда.
Что без бога здесь я значу? Лишь напрасно слезы трачу.
Если он не шлет удачу — не случится никогда.

Все, какие есть, созданья видел я среди скитанья
Но о витязе том знанья не имел никто из них.
Не достигнешь цели стоном». Он спускается по склонам.
Тихо едет по зеленым побережьям вод лесных.

Ропот вод, дерев шуршанье будят в нем воспоминанье
О тщете его исканья. Он коня пускает в скак.
Сила длани истощилась. Гордость сердца замутилась.
Ширь долин пред ним открылась. Путь его еще далек.

Он решает возвращенье. Но сердечное мученье
Вздохи льет, воскликновенья. Он глазами мерит путь.
Целый месяц всё сурово. Лица нет нигде людского.
Звери там, и звери снова. Стрел не хочет в них метнуть,

Но хоть весь истосковался, сын Адама в нем сказался —
Автандил проголодался. Застрелил дичину он.
Наземь сел над тростниками. Трав сухих сложил с сучками.
Высек пламень, огоньками для него костер зажжен.

Он коня пустил кормиться. Мясо жарится, дымится.
Вот к нему отряд стремится странных всадников, их шесть.
Молвил: «Бег коней отличен. Вид безвестных необычен.
Он разбойникам приличен. Что-то скрытое здесь есть».

Взял он в руку лук и стрелы и предстал пред ними смелый.
Меж брадатых онемелый, безбородый был ведом.
Он шатался, словно пьяный. Голова его от раны

Кровью искрилась румяной. Он казался мертвецом.

Витязь молвил: «Братья, кто вы? Увидав, как вы суровы,
Думал я — к добыче новой здесь разбойники спешат».

— «Помоги нам,— отвечали.— Будь без страха и в печали.
Будь нам друг, чтоб мы рыдали, видя твой грустящий взгляд»

С опечаленными ими, как окутанными в дыме,
Речь ведет он: «Как вам имя?» Говорят они в ответ:
«Без печали мы, три брата, жили весело, богато
Там, где крепость ввысь подъята, в славном крае Кхатаэт

Слышим, зверь есть для ловитвы. Снарядившись, как для битвы,
Мы отправились в гонитвы, взяв бесчисленных бойцов.
Мы стреляли с звонким криком и в веселии великом,
Взгляд остря на звере диком, мчались возле берегов.

Тех стрелков, что были с нами, мы срамили не словами —
Метко бьющими стрелами. Утверждал любой из трех:
«Лучше я, чем ты, стреляю». — «Нет, я метче попадаю».
Спорам нет конца ни краю. Кто же в споре будет плох?

Нагрузив олени шкуры на бойцов, весь строй их хмурый
С грузом той добычи бурой отпустили мы домой.
Всех защитников отправив, луконосцев лишь оставив,
Сердце вдосталь позабавив, всё ж мы тешились стрелой.

Конским бегом пыль взметая, в зверя в скоке попадая,
Наша вся семья младая веселилась по лугам,
По лесам и по пещерам. Смерть оленям и пантерам!
Взвидим птицу в лете сером, вмиг падет, как камень, к нам.

Споры, шутки, смехи, шумы. Вдруг мы видим: полный думы,
Витязь мрачный и угрюмый, на коне он вороном.
Как на сказочном Мерани. И тигровый мех на стане.
Лик красивый, от сияний небывалым бьет огнем.

Мы глядим на лик блестящий. Трудно вынести свет горящий.
«Это молний блеск летящий. Это солнце на земле», —
Так шептали в изумленье. И хотели в дерзновенье
Взять того, кто в огорченье слезы лить нам дал во мгле.

Старший, я просил меньшого, пусть мне даст бойца лихого,
Средний просит вороного, младший просит боя с ним.
С младшим оба мы согласны. Да спешит он к схватке, страстный.
Витязь едет, весь прекрасный и ничем не возмутим.

Щеки грустного — как розы. На увядших видны слезы.
Нет в глазах его угрозы. Не заводит с нами речь.
Едет, взор к нам не склоняя. Но тому, кто встал, дерзая,
Участь им дана лихая хлыст его упал, как меч.

Отступив с дороги сами, мы смотрели, как пред нами
Едет он,— тут вдруг руками младший брат его схватил.
«Стой!» — вскричал он с дерзновеньем. Тот размеренным движеньем
Поднял хлыст, одним раненьем брата наземь покати.

ՅԵՐԵՅՅԱՆ
ՅՈՒՆԵՍԿՈՒՅԿԻ

С рассеченной головою пал он, кровь бежит струею,
Как земля он стал с землею,— он, как труп, к земле готов.
Так сражен был дерзновенный, с прахом был сравнен смиренный
Он же скрылся прочь, надменный,— смел, и светел, и суров.

Нет, чтоб к нам оборотился. Тихо ехал, тихо скрылся,
Вон там блеск его явился. Видишь, солнце и луна».
Видят очи Автандила: он, чей лик есть лик светила.
Быстро грусть в нем проходила. Значит, правда найдена.

Витязь молвит: «Бесприютный я скиталец, в поминутной
Грусти, с грезой попутной, я искал везде того.
Через вас он найден мною. Пусть господь своей рукою
Разлучит нас с скорбью злою. Сердцем так молю его.

Встретил я мое желанье, вижу сердца упованье.
Пусть вам бог пошлет даянья. Пусть излечится ваш брат».
Свой уют им показал он, и еду свою им дал он.
«Брат ваш ранен, и устал он, отдохнуть здесь будет рад».

Так сказал. С судьбой не спорил. Быстро он коня пришпорил.
Свой полет вперед ускорил, точно сокол в вышине.
Так луна горит младая, встречу солнца упреждая.
И заискрится золотая радость солнца по луне.

Но, подъехав, многодумный, он замедлился, бесшумный.
«Если речь начать, безумный может в ярость впасть вдвойне.
Мудрый трудное деянье совершит без колебанья
И без спешки, твердость знания выявляя в тишине.

Если столь он ослепленный и в рассудке поврежденный,
Что и к речи, обращенной с добрым чувством, слеп и глух,
Мы, сойдясь, придем лишь к бою,— или я его рукою,
Или он, сраженный мною,— вновь исчезнет он, как дух».

Автандил сказал: «Продленье колебанья и мученья
Бесполезно. Нет сомненья, не живет он без гнезда.
Пусть исчезнет предо мною хоть за плотною стеною,
Где очаг его, открою и приду к нему туда».

День прошел, и сумрак сходит. Полночь звезды хороводит
Двое суток путь уводит их обоих всё вперед.
И ни слова не сказали. И нигде не отдыхали.
И не ели. Лишь в печали каждый витязь слезы льет.

Вот с вечернею зарею скалы встали над скалою.
В них пещеры над рекою. Возле влаги камыши.
Не исчислить их, считая. И, к утесам припадая,
Мощь деревьев вековая воздымается в тиши.

В плащ одетый желто-бурый, витязь под тигровой шкурой
Въехал в мрак пещеры хмурой. Автандил же бег коня
Правит к древу, осторожен. Слез. Проворный конь стреножен.
Стал кормиться, бестревожен. Вздох послышался, стена.

Автандил на ветке древа. Смотрит вниз он. Как из зева
Из пещеры вышла дева, в черной мантии она.
С кликом слезы проливала, с плеском волн свой стон мешала
И скитальца обнимала, и печальна, и нежна.

Грустный витязь молвил в горе: «О сестра Асма! В уборе
Ночи! Мост наш рушен в море. Не найти нам той, что жжет».
И рука его терзала грудь его. И слез немало
Дева с грустным проливала. Каждый стонет в свой черед.

Рвут власы, и лес густеет. Юный кровью пламенеет.
Обнял деву и жалеет, а она о нем скорбит.
Стонут с плачем и мученьем. Стонет эхо повтореньем.
Автандил же с изумленьем на рыдающих глядит.

Дева первая устала. И хоть в сердце было жало,
Вороного провожала в глубь пещерную коня.
Расседлала. Также другу помогла снимать кольчугу.
И печальному досугу предались с закатом дня.

Автандил надивовался. Тут какой-то смысл скрывался.
«Как узнаю?» День занялся. Дева, в черном вся, как ночь,
Вышла, звякнула уздою и воздушною фатою
Вытирает, не пустою хочет помощью помочь.

Подает бойцу доспехи. Он не медлит здесь в утехе.
Здесь ни радости, ни смехи неизвестны никогда.
Обнялись. Поцеловала. Снова было слез немало.
И, одна, глядит устало, вся — печаль и вся — беда.

Автандил бойца молодого пред собой увидел снова.
Облик солнца золотого промелькнул, заря ушла.
Дух красавца — дух алоэ. В нем бесстрашно ретивое.
Льва убить ему пустое — так, как льву загрызть козла.

Тот же путь он выбрал ныне, что и раньше, по равнине.
Едет, дух предав кручине, проезжает тростники.
Автандил, смотря, дивился. Он меж веток древа скрылся.
«Бог на зов мольбы склонился. Здесь конец моей тоски.

Тайну выявить наружу деву я, схватив, принужу.
Кто тот витязь, обнаружу. Тайну ей скажу мою.
Бог дарует указанье. Не вступлю я в состязанье.
Не приму меча касанье, и его я не убью».

Полон кротости, не гнева, отвязал коня от древа.
Из пещеры вышла дева, услышавши стук копыт.
Грустной деве показалось—это солнце возвращалось.
Радость в лике отражалась, зарумянилась, спешит.

Лик иной вдруг увидала. Сходства с прежним было мало.
С криком быстро побежала, чтобы спрятаться в скалах.
Витязь скок с коня проворно. Он схватил ее. Повторно
Слышен долгий крик. Упорно бьется птицею в сетях.

И взглянуть ей даже гадко на него. Орлина хватка.
Но трепещет куропатка, убегая от орла.

Тариэля призывая, плачет дева молодая.
Витязь молит, убеждая, чтоб в себя она пришла.

«Тише,— молвит. Нет здесь срама. Я же честный сын Адама.
Не грозит тебе здесь яма. Знаю я, как горячи
Эти розы и фиалки. Знаю, как бледнеют, жалки.
Не жужжи, как ропот прялки. Умоляю. Не кричи.

О, не будь же беспокойной, А скажи, кто этот стройный
Кипарис с красою знойной?» Падал наземь Автандил.
А она в тревоге шумной повторила: «Ты безумный.
Если ж нет, заметь, что гумны цеп ни разу пробил.

Сколь ты легок, вопрошая. Скрыта тяжесть здесь большая.
Но напрасно, поспешая, нудишь ты сейчас ответ.
Грусть чрезмерна, чрезвычайна. Стон не вырвался случайно.
И на зов — „Скажи, в чем тайна”, — я одно промолвлю: „Нет”».

«Если б знала ты, откуда,— молвит он,— вникая в чудо,
Я пришел, тогда б отсюда не гнала с пустой рукой.
Пусть, тебе надоедая, я тесню тебя, но, зная,
Как молю я, убеждая, не робей же предо мной».

Дева молвит: «Кто ты? Что ты? Этот гнет зачем заботы?
Скал угрюмых повороты солнце скрыли от меня.
Ты пришел, морозный холод. Долгой речью ум расколот.
Хоть моли, хоть бей, как молот,— здесь не выманишь огня».

Вновь коленопреклоненья, уговоры, убежденья.
Тщетно всё. От нетерпенья ярим гневом он зажжен.
На лице негодованье, крови брызнуло пыланье.
Деву за косы он дланью, к горлу нож приставил он.

Воскликает витязь страстно: «Что ж, я плакал здесь напрасно?
Так зловолье безучастно? Нас обоих не губя,
Быть не дай в мученье строгом. Или, вот клянуся богом,
Смерть врагу и пред порогом смерть тебе, убью тебя».

Дева молвит: «Цели силой добиваться — путь постыдый.
Раз убил — взята могилой. Тайну гроб укроет мой.
Почему, пока терзанья длятся, делать мне признанья?
Но убьешь — для упованья заодно могилу рой».

И еще она сказала: «Или горя было мало?
Для чего меня искало это сердце? Для чего?
В языке нет сил, ни знанья, чтоб сказать повествованье.
Я — прочтенное посланье. Увидал — порви его.

Знай, что смерть мне не лишенье. Прекратит тщету томленья.
В ней запруда для мученья. Что мне, если я жива?
Мир — мякина мне пустая. Но, тебя совсем не зная,
Как сказать мне, доверяя сокровенные слова?»

Витязь мыслит: «Эти речи, может быть, другим предтечи.
Но они еще далече. Как сплести вернее нить?»
Сел, заплакал. Молвит деве: «На меня ты, знаю, в гнев.
Злое семя было в севе. Это мне не пережить».

Дева в лике омрачилась. Еще сердце не смягчилось.
Витязь плачет. Всё затмилось. Больше он не говорит.
Розоцветный сад светлеет. Нежный цвет росу лелеет.
Дева плачет и жалеет. Сердце к грустному стремится.

Жаль ей витязя. Но дума непокорная угрюма.
Туча так струит без шума на деревья мрак теней.
И с чужим сидит чужая. Витязь, всё в ней замечая,
Видит — вот она другая. На колено стал пред ней.

Говорит, склоняя вежды: «Рассердилась. Нет надежды.
Как без пищи, без одежды — здесь я. Вовсе не затми.
Мне шепнуло помышленье, что простишь ты прегрешенье.
Мы должны давать прощенье, и не раз, а до семи.

Хоть мое начало службы было дурно, почему ж бы,
Пожалев любовь, ты дружбы не явила мне сейчас?
Мне помочь никто не может. Сердце жизнь тебе предложит.
Всё возьми. Но пусть поможет мне сестра на этот раз».

О любви его услыша, дева плачет, громче, тише.
Переменно так по крыше светлый дождь стучит весной.
Вырастает жалоб сила. Влага розу оросила.
Бог к желанью Автандила лик склонил приветный свой.

Мыслит он: «Она, бледнея, уж не роза, а лилея.
Верно любит». И, смелея, снова молвит: «О сестра!
В ком любовь ярит горенье, жалость к тем — без исключенья.
Враг тут знает сожаленье. Смерть в любви — всегда пора,

Я в любви, я влюбленный, словно разума лишенный.
Я, зарей моей зажженный, послан витязя найти.
Где я в поисках скитался, даже день не зажигался.
Сердцем я тебя дождался. Сердце дай мне обрести.

В мысли, в тайне сокровенной, он живет запечатленный.
Лик его как лик священный. Света нет душе моей.
Мчусь безумный в мир суровый. О, разбей мои оковы!
Дай зажечь мне жизнью новой или, скорбь стустив, убей».

Чувства полная иного, уж не так теперь сурово
Дева, глянув, молвит слово: «Больше здесь теперь добра.
Ты вражду сейчас посеял и вражду, печалась, свеял.
Друга ты во мне взлелеял, я вдвойне тебе сестра.

Если, помощи желая, говоришь, к любви взывая,
Я тебе сестра родная, верь в усердную слугу.
Если сердца не явлю я, обезумленный, тоскуя,
Ты погибнешь. Пусть умру я, но тебе я помогу.

Так внимай моим внушеньям. Отнесись с повиненьем
К указаньям и веленьям, и придет конец беде.
Если ж слушаться не будешь — состраданья не пробудишь,
Достиженье не принудишь и, скорбя, умрешь в стыде.

Хоть страдает сердце страстно, но другое — безучастно,
Если ты упрям напрасно. В чем твой долг, ты сам суди».

Витязь, речью довод строя, слово вымолвил такое:
«Где-то странствовали двое. Проходивший впереди

Пал в колодец, не выдавши. Задний, быстро подбежавши,
Вскрикнул: «Горе!» Повздыхавши, молвит другу: «Ты пожди.
Здесь помедли. Я же, ловкий, побегу, вернусь с веревкой
И тебя моей сноровкой кверху вытяну, гляди».

Тот в колодце дивовался, снизу громко рассмеялся:
«А куда бы я девался? Расскажи, куда пойду?»
Так веревкою своею ты, сестра, обвей мне шею.
Без тебя я не сумею разрешить мою беду».

Дева молвит: «Речь угодна мне твоя и с правдой сходна.
Витязь добрый, благородно мыслить ты и говоришь.
Коль, блуждая в чужедали, знал такие ты печали,
Пусть тебе бы отдых дали, пусть ты боль свою смиришь.

Коль в исканье неустанном хочешь сердцем постоянным
Знать о витязе том странном, о себе он скажет сам.
Кто так долго ждал, дождется и того, что он вернется.
Роза снегом не затрется. Не давай ее слезам.

Как зовемся здесь мы сами, знай, владея именами:
С безнадежными мечтами грустный витязь — Таризель.
Я — Асмаг. Всегда сгораю. Нет тоске конца, ни краю
Вздых ко вздоху подбираю и стенаю, как свирель.

О красивом, что на воле бродит, сетуя о доле,
Не могу сказать я боле, хоть желала б, ничего.
Тем кормлюсь, что беспокойный привезет с охоты знойной.
Может, вдруг вернется стройный. Может, долго ждать его.

Подожди. Как возвратится, может, сердце в нем смягчится.
С ним смогу я сговориться, и полюбит он тебя.
Сам тебе он всё расскажет, сердце скорбное покажет.
И венки — твой разум свяжет — той, о ком скорбишь, любя».

Словно нежный звук напева, слушал он, как молвит дева.
Оглянулись — слышен слева от прогалин всплеск воды.
Это месяц, весь лучистый, приближался серебристый,
И они к пещере мглистой спешают от звезды.

Дева молвит: «Витязь, горе бог твое рассеет вскоре.
Горьких слез иссякнет море. Спрячься там внутри скорей.
Всяк ему да подчинится, или злое приключится.
Может, гневность в нем смягчится, овладеть сумею ей».

В глубь пещеры Автандила дева в спешности сокрыла.
Витязь слез с коня. Светило стрел в колчане острие.
Меч его горит блестящий. Плачут оба. Чаще, чаще
Слёзы льют. Поток дрожащий. Скорбь сильна. Не скрыть ее.

Грустный витязь с девой черной в скорби плакали упорной.
Был печален стон повторный. Автандил из-за угла
Видит всё, сокрыт стеною. Повод взяв своей рукою,
Вороного за собою дева молча увела.

Автандил в тюрьме, но волен. Он уж больше не бездолен.
Здесь разгадка,— он доволен. Шкура тигрова снята.
Он на ней сидит, суровый, витязь, знающий оковы
Тяжкой грусти вечно новой. Слез янтарна красота.

Тех ресниц, того агата ткань сквозная кровью смята.
Но добыча дня богата. Дева жарит дичь ему.
Не смотря, кусок он сунул в рот себе, жевнул, отплюнул.
Он не свеял, он не сдунул тень, что клонит ум во тьму.

Он прилег. Уснул. Но вскоре, с болью тайной в разговоре.
Крик за криком, словно в хоре, устремляет он в борьбе.
Палкой в темя ударяет, камнем грудь обременяет.
Дева смотрит и терзает ногтем всё лицо себе.

Плача, дева молвит слово: «Почему вернулся снова?
Что в пути ты встретил злого?» Витязь молвит ей в ответ:
«Там охотничьи забавы. Царь какой-то в блесках славы.
Ловчих целые оравы. Зверя выследили след.

Вид людей мне был докучен. Крик людской был слишком звучен,
В лес я спрятался, измучен, прочь отпугнутый толпой.
Не погонятся за мною — завтра выеду с зарею».
Дева с новою тоскою смотрит, взор блестит слезой.

Говорит ему: «Лишь в чаще твой товарищ — зверь рычащий.
Степь кругом и лес молчащий. Горы в сумрачной тени.
В чем имеешь развлеченье? И кому твое томленье
Доверяешь в миг сомненья? Ты напрасно губишь дни.

Сколь обширна ширь земная. Где же та душа родная,
Чтоб, тебя не раздражая, быть с тобою в беге дней?
И, впадая в раздраженье, не уменьшил ты мученье.
Коль умрешь, тут нет спасенья. Этим как поможешь ей?»

Он сказал: «Сестра! В певучей речи — свет, как свет есть в туче.
Но для этой раны жгучей на земле бальзама нет.
Пусть уж встанет смерть пределом, чтоб душа рассталась с телом.
Стихну сердцем онемелым. Будет в этом нежный свет.

Где под тою же планетой дух явился, в плоть одетый?
Песни, тем же звуком спетой, где знакомая игра?
Кто мои тяготы примет? Тяжесть доли приподымет?
Одного лишь не отнимет мрачный рок тебя, сестра».

Дева молвила с мольбою: «Если мне перед тобою
Суждено моей судьбою быть как визирем тебе,
Не могу скрываться, зная. В том, что крайность, сила злая.
Ты же все пределы края перешел в своей борьбе».

Витязь молвит: «За твоими здесь словами всё как в дыме.
Что сказать ты хочешь ими? Говори ясней со мной.
Как найти могу такого, чтобы в нем была основа?
От страдания немого сам я стал как зверь лесной»

Дева молвит снова: «Знаю, я тебя обременяю.
Но тебя я вопрошаю: если б я нашла кого,

Кто своею доброй волей жить твоей хотел бы долей,
Жить тобой среди раздолья,— ведь не ранишь ты его?»

Отвечает: «Сердцем буду только радоваться чуду.
Той, которой не забуду, кем безумно брежу я,
С ним клянусь я быть любезным, не коснусь мечом железным,
Как звезде в луче созвездном — вот ему любовь моя».

Дева вышла. Автандила ободряя, говорила:
«Он не гневен». Приходила вместе с ним рука с рукой.
Как звезда с луною ясной. Тариэль четой согласной
Восхищен: «Здесь лик прекрасный солнца с утренней зарей».

Тариэль пред Автандилом как светило со светилом.
Свет по тучкам среброкрылым плавит солнце и луна.
Перед ними и алоэ — точно дерево любое
Семь планет в небесном рое — их краса нежна, сильна.

В чем еще найти сравненья? Вот, не чувствуя смятенья,
Хоть чужие, без смущенья, будто были дружны встарь,
Обнялись, поцеловались, розы губ их раскрывались,
Гиацинты изменялись, обращен рубин в янтарь.

Тариэль, схвативши руку Автандила, вылил муку
В токе слезном. Ту науку четко знал и Автандил.
Шепчет им Асмаг внушенья, диво-слово утешенья:
«Да не будет вам затмения. Небо мертво без светил».

Словно утренним морозом холод чуть прошел по розам
Тариэля. Всё же грезам дух его еще открыт.
Говорит: «Ответь!» скорее. Кто ты? Что в уме лелея,
В мир пошел ты? Я, бледнея, даже смертью здесь забыт».

Автандил ему, учтивый, в речи мерной и красивой,
Говорит ответ правдивый: «Тариэль! Смелчак и лев!
Я — араб и приближенный. Край арабов благовонный
Я оставил, весь сожженный, на огне любви сгорев.

Дочь царя, царицу ныне, я люблю. Тебя в кручине
Видел я давно. В пустыне то случилось лесной.
Вспомни день, когда ты, сильный, смерти дал улов обильный,
Устремивши в мрак могильный нападавших целый рой.

На равнине ты томился. На тебя мой царь гневился.
В ссоре этот гнев излился. Звали мы, но медлил ты.
Звали мы тебя трикратно. За тобой пошли солдаты.
Расцвел ты цвет богатый, всё кровавые цветы.

Ты, меча не обнажая, лишь с плеча свой хлыст вздымая,
Ранил, череп рассекая,— свист, и пасть бойцы должны.
Царь в погоню, но в мгновение ты сокрылся, как виденье.
Всех объяло изумленье. Были мы поражены.

В скорби царь был ночи равен. Разум царский своенравен.
Захотел, чтоб был ты явен, обнаружен перед ним.
Розыск шел, и ходом ярым. Все старанья были даром.

И ни юным ты, ни старым не был ведом, был незрим.

Тут она меня послала, та, пред кем и солнце мало,
Не вполне сияет ало, кто нежнее, чем эфир.
Говорит: «Узнай об этом солнцеликом». И с обетом —
«Всё, что хочешь», — как с заветом, я пошел в широкий мир.

Три мне года было срока. Без нее скорбел глубоко.
Я скитался одиноко. Но никто тебя не знал.
Повстречались мне три брата. И на них была подъята
Длань твоя. Страшна расплата. Старший всё мне рассказал».

Бой давнишний, что напрасно начат был, припомнил ясно
Таризель и всё, согласно с точной правдой, влил в слова.
Молвил: «Четко помню дело. Хоть уж много пролетело
Дней с давнишнего предела, память их еще жива.

Вы охотничьи забавы длили, полны гордой славы.
Утоптали всюду травы. Я же плакал над рекой.
Мыслил я о том, чья сила счастье сердца погубила.
Что вам трогать нужно было сердце, взятое тоской?

В этом сумрачном пределе от меня чего хотели?
Сколь несхожи в самом деле смех — и слезы на щеках!
Вы схватить меня желали. К потонувшему в печали,
Вы рабов ко мне послали. Что же? Спят они в гробах.

Раздались повсюду крики. Оглянулся, вижу лики.
Жаль царя мне — и. владыки не коснувшись, скрылся я.
Конь бывает мой незримым. Он исчезнуть может дымом.
Как о нем, неукротимом, скажет лучше речь моя?

Не моргнешь, в мгновенье ока вот уж я совсем далёко.
Те, напавшие, жестоко пострадали от меня.
Только дерзкие посмели, длань качнул я еле-еле —
Руки их оледенели, дерзновенный пал, стена.

Ты же, с помыслом достойным, солнцеликим, солнцезнойным,
Кипарисом встал здесь стройным, ты. испытанный во днях.
Знаешь, что есть сердца смута. Но не каждая минута
Даст того, чье бремя, пута — бог, забывший в небесах».

Автандил сказал: «Меня ли будешь ты хвалить? В печали
Не поблекшему пристали все высокие хвалы.
Мне ль с тобой идти в сравненье? Лик небес, что пал теченье
Дней земных, чрез помраченье ты прошел, не взявши мглы.

Ныне та, чей блеск и сила сердце мне в любви затмила,
Мной забыта. Чтоб служила лишь тебе душа хочу.
Гиацинт горит прекрасно. Но хочу эмали страстно.
Вплоть до смерти, полновластно — ты. С тобой служу лучу».

Таризель сказал: «Смущенный, пред тобой я — изумленный.
У тебя в душе зажженной, вижу, огонь ко мне зажжен.
Что в отплату ты имеешь? Ведь о милой пламенеешь.
Но влюбленного жалеешь, как влюбленный. В том — закон.

Госпоже своей примерный был слуга ты в службе верной.
Бог дорогой достоверной вел тебя: мы здесь сидим.
Как же только я сумею поделиться той моею
Тайной? Чуть в словах я с нею — буду пламя, буду дым».

Тариэль молчал мгновенье. Был он весь воспламененье.
И Асмаг его реченье: «Только твой со мной был лик.
Что ж меня так знаешь мало? Разве вынешь это жало?
Но — и в нем печаль пылала. Я пред витязем — должник ».

Он промолвил к Автандилу: «Посвящая брату силу,
Должно смерть принять, могилу. Здесь утрата не страшна.
Губит бог одной рукою, чтоб спасти кого другою.
Что бы ни было со мною, расскажу я всё сполна».

Он сказал Асмаг: «Пока я буду, мысль свою терзая,
Речь вести, быть может, злая пытка чувств лишит меня.
Ты мне грудь облей водою. Труп же видя пред собою,
Плачь, стеная надо мною, плачь, могилой затеня».

Стал готовиться он к речи. Расстегнулся. Наги плечи.
Был как солнце, что далече, с потухающей зарей.
Роза уст сверкнуть бессильна. Губы сжаты. Скорбь могильна.
Вскрикнул. Слезы льют обильно. Влажный огонь бежит струей.

Простонал: «Любовь! Родная! Мысль моя! Виденье рая!
С древа жизни ветвь живая! Чьей ты срезана рукой?
Столько раз воспламенилось, сердце, ты. Так больно билось.
Как же не испепелилось до сих пор в борьбе такой!»

5. СКАЗ ТАРИЭЛЯ О СЕБЕ, КОГДА ОН ВПЕРВЫЕ СКАЗАЛ ЕГО АВТАНДИЛУ

«Так даруй же мне вниманье. Я скажу повествованье.
Чувство выявлю, деянья — уж таких не будет вновь.
Я не жду той покоя, кем я брошен в пламя зноя,
Ей безумен, мрак свой строя, изливаю током кровь.

Знаешь ты, и всем известно, семь есть в Индии чудесной,
Семь царей. Но повсеместно Фарсадану — шесть корон.
Он властитель был великий, смелый, пышный, львиноликий,
Вождь царей, и в битве дикой предводитель воинств он.

Царь седьмой, и с нравом рьяным, был отец мой. Сариданом
Звался он. Пред вражьем станом не был гибельный вторым.
Кто имел бы дерзновенье, явно ль, тайно ль, оскорбленье
Нанести тому, чье зренье, как копье, пронзит и дым?

Не любя уединенья, он любил охоту, пенья,
Принимал судьбы решенья, не заботясь ни о чем.
Но с грозой идут темноты, и к нему пришли заботы.
Вопросил себя он: «Кто ты?» И сказал: «Беру мечом.

В крае все храню я части от врагов и от напасти.
Недруг прогнан. Тверд во власти, я ведь царь и блеск мне дан.
Так пойду же к Фарсадану, пред властительным предстану.

Перед ним склоняюсь, я встану, новым светом осиян».

Принимает он решенье. Фарсадану извещенье
Шлет: «Всей Индией правленье надлежит царю, тебе.
Сердцем всем и всей душою, ныне я перед тобою
Говорю: твоим слугою буду в славе и в борьбе».

Фарсадан, услыша это, полон радости привета.
Слово шлет ему ответа: «Бога я благодарю.
Царь ты в Индии венчанный, как и я. Когда нежданный
Дар мне шлешь, ты мне желанный. Молвлю брату и царю».

Царством чтит его, как даром. Назначает амирбаром,
Также амир-спасаларом — полководец главный то.
Правя властью полноправной, царь он не самодержавный,
С главным в этом лишь неравный, а в другом над ним никто.

Моего отца с собою равным царь считал. Порою
Молвил: «Горд моей судьбою: где такой есть амирбар?»
То в охоте беспокойной, то в войне и битве знойной —
Всё вдвоем четою стройной. Знак был в нем особых чар.

Я — не он. Хоть благородство есть во мне мое. Но сходства
Нет меж двух. И превосходство было в нем свое всегда.
Был бездетен царь с царицей, хоть лучистой, грустнолицей.
Оттого своей сторицей за бедой пришла беда.

Горе! В час, огнем богатый, гроз готовятся раскаты.
Амирбару в день проклятый был дарован я как сын.
Царь сказал: «Того же рода он, что я,— одна природа.
Пусть он — в этом мне угода — возрастет как властелин».

Царь меня с царицей взяли как свое дитя. Печали
Я не знал. Меня качали, пели ласковый напев.
Люди мудрые учили, возвращали в царской силе.
И как солнце был я или как встряхнувший гриву лев.

Я к Асмаат сейчас взываю. Если ложно, что вещаю,
Ты скажи. Я утверждаю, что, когда пяти был лет,
Нежной розой я светился, льва убить не тяготился.
Фарсадан уж не мрачился, что родного сына нет.

Бледен. Крови в лике мало. Но Асмаат рассвет мой знала,
Знает, как заря блистала, расцветая юный день.
Хороша краса младая. Говорили: «Он из рая».
А теперь я что? Немая мгла того, что было. Тень.

Пять годов — как свет зарницы. А у царской роженицы,
Дочь родилась у царицы». Юный горестно вздохнул.
Грустный взор блеснул слезою. Обомлел он, взят тоскою.
Грудь Асмаат ему водою освежила. Отдохнул.

Молвил: «Сила огневая, что горит во мне, сжигая,
И тогда была золотая. Мой бессилует язык
В похвалах. Пред Фарсаданом, торжествующим, румяным,
Все цари — в усердьи рьяном. Многократный дар велик.

От царей дары богаты. Светлой радостью объаты,

Принимают их солдаты. Гости — в празднестве живом.
Царя с царицей, нас лелея, смотрят вдвое веселее.
Имя той скажу, что, рдея, сердце мне сожгла огнем».

Имя вымолвить он тщится. Взор сверкнет, и взор затмится.
Чувств лишился. Пот струится с побледневшего чела.
В пытке, с этой пыткой схожей, Автандил тоскует тоже.
Тот очнулся. Молвит: «Боже! Ныне смерть моя пришла.

Девы, лик чей светит ало, что семи годов блистала,
Что луной и солнцем стала, имя — Нестан-Дареджан.
С нежной, с ней терпеть разлуку, как такую вынести муку?
Защитишь алмазом руку, сердцу ж где алмаз тот дан?

Так в поре своей напевной возросла она царевной.
Я возрос, чтоб в бой стозевный устремить горячий взгляд.
Вновь к отцу попал я в руки. В мяч играл, был ловок в луке.
Силен в воинской науке. Львов сражал я, как котят.

Царь воздвиг дворец. Как чара, в нем чертог из безоара,
Из рубинового жара, гиацинтов вырезных.
Для нее. А перед домом — садик малый с водоемом.
Розы в зеркале знакомом длили пламень грез своих.

Днем и ночью, в пряном зное, из камильниц в том покое
Дымы синие алоэ, желтых пламеней игра.
То в саду она, где тени. то на башне, в сладкой лени.
В этой светлой мигов смене няня — царская сестра.

Овдовевшая в Каджети, с ней Давар. Не жестки сети.
Дева в ласковом привете научается уму.
В том чертоге озаренном, от других отъединенном,
Дева в мире благовонном провожает день во тьму.

За завесой, как из дыма золотистого, хранима,
За парчой она незримо возросла, кристалл рубин.
С ней Асмаг и две рабыни. Вместе игры без гордыни.
Расцвела, как цвет в пустыне и как дерево долин.

Мне пятнадцать лет уж было. Сердце было полно пыла.
Воля царская взрастила как царевича меня.
Силой лев и солнце взглядом, как взлелеян райским садом,
Предавался я отрадам: стрелы, меч и бег коня.

С тетивы стрела летела — бездыханно было тело
Птицы ль, зверя ли. И смело попадал я в цель мячом.
Пирование без срока. Но отдельно, волей рока,
Был от той, что огнеока с светло-розовым лицом.

Знают смерть и властелины. Умер мой отец. Кончины
Этой день был день кручины для верховного царя.
Скорбь застыла в Фарсадане. Умер — страшный в вихрях брани.
И восторг — во вражьем стане. Льва страшилися не зря.

Уничтоженный судьбою, целый год я был тоскою
Омрачен, как цепкой мглою, не утешенный никем.

Вдруг придворные предстали и приказ мне царский дали:
«Гаризель, не будь в печали. Уж конец рыданьям всем.

Тосковали мы и боле о печальной нашей доле.
Не минуешь божьей воли. Всем приходит нам конец.
Траур кончен. С веком старым день приводит к новым чарам.
Будь отныне амирбаром и служи нам, как отец».

Вспыхнул я, воспламенился. По отце горел, томился.
Рой придворных преклонился, выводя меня из мглы.
И индийские владыки до меня склонили лики,
Как родители велики, но любовны и светлы.

Близ своих сажали тронов, возвещали власть законов,
Чтоб служил я без уклонов, долгу весь отдав свой жар.
Я упрявился, страшился заменять отца. Но длился
Спор недолго. Подчинился. Отдал честь — как амирбар»

6. СКАЗ ТАРИЭЛЯ О ТОМ, КАК ОН ПОЛЮБИЛ, КОГДА ВПЕРВЫЕ ОН ПОЛЮБИЛ

подавив свои рыданья, он продлил повествованье.
«В некий день,— воспоминанье жжет, ему не скрыться прочь, —
От забав охоты дикой я домой пришел с владыкой.
Он сказал мне, светлоликий: «На мою посмотрим дочь».

Руку взял мою... Ужели не дивишься в самом деле,
Что душа осталась в теле, вспоминая эти дни?
Сад увидел я блестящий. Голос птиц там был журчащий.
Не сплет сирена слаще. Водомер струил огни.

Ароматы розы сладки. Ткань над дверью. Златы складки.
Те лесные куропатки, что с охоты нес с собой,
Ей отдать — царя веленье. Тут мое воспламененье.
Здесь начальный миг служенья. Долг, назначенный судьбой.

Чтобы сердце из гранита было чем-нибудь пробито,
Что найдешь? Но жало свито алмазным копьем.
Царь, я ведал, не желая, чтоб была его золотая
Кем увидена, сдвигая ткань завесы, входит в дом.

Я стоял в саду, пред домом, возле роз над водоемом,
Сердцем отданный истомам ожидания и чар.
Слышит ухо шелестенье, речь Асма и повеленье
Дать царевне приношенья, что подносит амирбар.

Колыхнулась ткань волною. За завесой той дверною,
Вижу, дева предо мною. В сердце мне вошло копье.
И Асма взяла добычу. Я же вспыхнул. Вечно кличу:
«Жар! Горю!» Но возвеличу тем лишь рденье мое».

Тот, что солнечного света ярче был, сказавши это,
Не найдя на вскрик ответа, пал, издавши горький стон.
Автандил с Асма рыдали, горы эхо повторяли.
В мрачной молвил печали: «Всех сражавший сам сражен».

Вновь обрызган он водою. Сел, объят кручиной злою.
Стонет. Льется за слезою, щеки жгущая, слеза.
«Горе мне! — его реченье. — Сколь великое волнение!
Только вспомню — помышление, мысль о ней мне как гроза.

Я недаром горько плачу. Тот, кто верует в удачу,
Знал восторг — и скорбь в придачу: обольстит, чтоб обмануть.
Мудрость тех скорей хвалю я, кто не жаждет поцелуя
От судьбы. Всё доскажу я, коль смогу еще вздохнуть.

Были взяты куропатки. Я ж, исполненный загадки,
Не бежал я без оглядки — наземь рухнул, бездыхан.
Как пришел в себя, рыданья вокруг меня и восклицанья,
Словно звуки провожанья мой корабль — до дальних стран.

В пышной я лежу постели. Царь с царицею сидели
Возле. Плач — как звук свирели. Стоны слиты в долгий гул.
Щеки ранят. Кровь струею. И муллы сидят толпою.
Говорят, что надо мною колдовал Веельзевул.

Увидав, что жизнь лелею я еще, меня за шею
Обнял царь рукой своею: «Сын! Хоть слово мне одно!»
Страхом взятый иступленным, снова чувств я был лишенным.
Кровь потоком разъяренным в сердце канула на дно.

А в молчании глубоком все муллы следили оком,
Знак какой здесь послан роком. Был в руках у них Коран.
«Недруг рода здесь людского», — таково их было слово.
Трое суток чуть живого жег огонь, и был он рдян.

Меж врачей опять сомненье и одно недоуменье:
«На такой недуг леченья — нет. Печаль владеет им».
Прыгал, как умалишенный. Речь была лишь бред сплетенный.
Слезы в горести бессонной льет царица. Дни — как дым.

Трое суток во дворце я был, меж смертью-жизнью рея.
Ум вернулся. Разумея, что случилось со мной,
Я сказал: «Увы! Лишенный жизни, призрак я смущенный».
И в молитве вознесенной вскрикнул я: «Создатель мой!

Узри терны затрудненья и услышь мои моленья.
Дай мне сил выздоровленья. Встать с постели дай мне сил.
Тайну здесь я ненароком расскажу в бреду глубоком».
Бог услышал. С должным сроком раны сердца закалил.

Я сидел. К царю послали с вестью: «Кончены печали».
Царь с царицей прибежали. Смотрят с лаской на меня.
С головою непокрытой царь стоял, в молитве слитый
С ней, царицей, и со свитой. Бог щедротен, нас храня.

Сели оба. Подкрепился пищей я. И оживился.
Молвил: «Царь! Возвеселился дух во мне. Я стал сильней.
Я хочу увидеть поле. На коне скакать на воле».
Царь со мной среди раздолий. Мчимся мы в простор полей.

Конский дух исходит паром. По речным проехав ярам,
Мы вернулись к базарам. Возвратился я домой.
Царь простился у порога. Вновь недуг нахлынул строго.
«Что мне ждать еще от бога? Смерть нависла надо мной».

То лицо, что было рдяно, стало ныне цвет шафрана.
В сердце режущая рана, десять тысяч в нем ножей.
Вот привратник в дверь вступает, к управителю взывает.
«Весть какую этот знает? Тот ли мне принес вестей?»

«Раб Асмаг пришел». — «Зови же». — Он вошел. Подходит ближе.
Поклонился низко, ниже. И посланье подает.
В буквах строк — огонь влюбленный. Я читаю, изумленный.
В сердце я другом — зажженный. И в моем — огней полет.

Возрастает удивленность. Как сумел зажечь влюбленность?
И откуда непреклонность — изъяснение в строки влить?
Надлежит здесь послушанье. Обвинила бы молчанье.
Написал в ответ посланье, свивши слов цветную нить.

Дни пришли и миновали. В сердце, знающем печали.
Рденья пламени сгорали. Не ходил я в стан бойцов.
Не являлся ко двору я. Принимал врачей, тоскуя.
Мир, однако, жил, ликуя, дань беря моих часов.

Ничего врачам не зримо. В сердце точно сумрак дыма.
Чем печальное палимо, не узнал никто из них
«Кровь, — сказали, — в ней пыланье». Царь велел кровопусканье
Сделать мне. Чтоб скрыть страданье, дал коснуться рук моих.

Кровь пустили, капли рдели. Грустный, я лежал в постели.
Раб пришел. Мол, речь о деле. «Что такое?» — «Раб Асмаг».
— «Приведи». А про себя я размышляю, вопрошая:
«В этом всем она какая, и к чему ведет мой взгляд?»

Раб вручает мне посланье. Весь исполненный пыланья,
Я читаю указанье: «Нужно мне сейчас прийти».
Отвечаю: «Поскорее. Час торопит. Не робей,
Приходи ко мне смелее и не медли на пути».

Я сказал себе: «Сомнения для чего, когда стеченье
Всех минут дает решенье? Я же царь и амирбар.
Все индийцы мне подвластны. Так не буду я несчастный.
Коль узнают, бурей страстной не такой зажгут пожар».

От царя гонец спешащий. Вопрошает: «Как болящий?»
— «Кровь пустили. В настоящий час отрадней мне дышать.
Я к тебе хочу явиться. Мне пристало веселиться.
Лицезреньем насладиться будет радость мне опять».

Ко двору пришел. «Уж боле, — царь сказал, — не будь в неволе».
На конях мы едем в поле. Без колчана, без меча.
Сокола летят, как стрелы. Куропаток рой несмелый
Вьется рябью серо-белой. И стрелки спешат, крича.

Тем, что были на равнине, дома пир веселый ныне.
Камень красный, камень синий многим дан как дар царем.

И, конечно уж, свирели в этот день не онемели.
Песнопевцы звонко пели. Шум веселия кругом.

Я борьбу с самим собою вел, но взят тоской был злою.
В сердце огненной волною мысль о ней и мысль о ней.
Пламень—током беспокойным. Я сидел в кругу достойном.
Пил. Зовут — алоэ стройным. Пировал среди друзей.

Вдруг я вижу казначея. Шепчет на ухо: «Робея
И покровами белея, амирбара ждет одна,
Кто-то». Скрытность восхвалил он. Я велел, чтоб проводил он
В мой покой ее. Укрыл он там ее. И ждет она.

Встал. Друзья хотят прощаться. Я прошу их не стесняться,
Пировать, увеселяться. «Я сейчас вернусь сюда»
Раб стоял в дверях на страже. Трепеща, как пойман в краже,
Я вхожу и в сердце даже не могу унять стыда.

Женский призрак, как виденье. Изъявляет знак почтения.
Говорит: «Благословенье тем, кто может быть с тобой».
Я дивлюсь на восклицанье. «Нет уменя в ней и знания,
Как любовное признание скромно выразить душой».

Говорит: «Изнемогая от стыда, пришла сюда я.
Мыслишь — мысль во мне есть злая. Но пришел сюда, спеша.
Уповаю я и верю, что простишь стыда потерю.
Этим спехом — счастье мерю. Успокоилась душа».

Говорит: «Мое реченье ты прими без подозренья.
Исполняю повеленье той, в чьем сердце страх тебя.
Госпожи моей желанье — вот откуда то дерзанье.
Принесла тебе посланье. Слово скажет за себя».

7. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ, КОТОРОЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН НАПИСАЛА СВОЕМУ ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

Я взглянул. Прочел посланье от нее, к кому пыланье.
Луч писал слова-сиянья: «Лев! Ты ранен. Рану скрой.
Я — твоя. Не гасни в мленье. Ненавижу расслабленье.
Пусть Асмаат мои реченья повторит перед тобой.

Тоскованье, помиранье, это ль страсть, любви деянья?
Лучше — той, к кому пыланье, мощь свершения яви.
С Кхатаэти ждем мы дани. А они, таясь в обмане
И в зловолье, ищут брани. Эту дерзость оборви.

Еще прежде помышленье мне внушало обрученье.
Не нашла для говоренья я минуты до сего.
Словно насмерть пораженным и ума совсем лишенным,
Зрела я тебя взметенным. Зол недуг. Срази его.

В путь же. В бранные забавы. Да узнают их кхатавы.
И вернись в сиянье славы. Это лучше, говорю.
Так не плачь. Чтоб не снежила влага — роз. От солнца — сила.
Посмотри, я обратила ночь темнот твоих в зарю».

8. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ, КОТОРОЕ НАПИСАЛ ТАРИЭЛЬ СВОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Сам я видел эти строки. И ответ, не медля в сроке,
Написал: «О свет высокий, пронизавший синеву!
Луноликое свеченье. Лишь тебя хочу в горенье».
Был я точно в сновиденье. И не верил, что живу.

Я сказал Асмат: «На это больше нет сейчас ответа.
Молви ей: «Ты солнце лета. Ты взошла, и светел я.
Мертвый, знаю воскресенье. В чем бы ни было служенье,
Позабыв изнеможенье, я служу. В том жизнь моя».

Говорит Асмат: «Сказала мне она: „В том смысла мало,
Чтобы весть о том блуждала. Пусть не знают ничего.
Любит пусть тебя для виду, не вменяя то в обиду.
Он придет, к нему я выйду, встречу должно я его”».

Я внимал словам совета. Мне казалось мудрым это.
Та, что солнечного света не пускала в свой покой,
Возникать не давши следу, даровала мне победу
И дозволила беседу с лучезарною, с собой.

Дал Асмат я в награжденье драгоценные каменья.
Кубок злат. Ее реченье: «Нет. Мне пышный выбор дан.
Но промолвлю без пристрастья: уж имею я запястья.
Лишь одно кольцо для счастья я беру как талисман».

Дева вышла. Свет со мною. И не ранено стрелою
Сердце. С мукой огневою суждено расстаться мне.
Стих пожар. Я вновь с друзьями. Наделяю их дарами.
Смех, вино и шутка с нами. Ликование вдвойне.

9. СКАЗ О ТОМ, КАК ТАРИЭЛЬ НАПИСАЛ ПОСЛАНИЕ И ОТПРАВИЛ ЧЕЛОВЕКА К КХАТАВАМ

Человека в Кхатаэти я послал, и строки эти
Начертал я: «В ярком свете царь индийский вознесен.
Власть дана ему от бога. Верный — сыт с ним.
А дорога Непокорных — знать, как строго покарать умеет он.

Брат и царь, внемли веленье. Да не знаем огорченья.
Приходи без промедленья. Не придешь, так мы придем.
И прибудем не украдкой. Тот удел не будет сладкий
Для тебя. Вот зов наш краткий. В теле кровь щади своем».

Вестник отбыл. Я душою снова с радостью живою.
Нестерпимую струсю уж не жег огонь меня.
Еще радостей немало мне тогда судьба давала.
А теперь тоска опала. Глянет зверь, уйдет, кляня.

В мыслях было дерзновенье. Применял я мощь смиренья.
Но великой жажды тленье отравляло радость мне.
Я с друзьями веселился. Но не раз тоской затмился.
Против рока возмутился не однажды в тишине.

Как-то под вечер сижу я. Мысль о ней, меня волнуя,
Нежно жжет меня. Не сплю я. Ночь в любви светлее дня.
Вдруг привратник шепчет что-то. В нем и радость, и забота.
Возвещает — раб там. Кто-то с тайной вестью до меня.

Раб Асмаг. Она писала, что прийти повелевала
Та владычица, чье жало жгло мне сердце лезвием.
Вмиг сняла с меня оковы. Свет ниспал во мрак суровый.
И, объятый жизнью новой, я пошел своим путем.

В сад вхожу. Уединенье. В сердце чувствую стеснение.
И Асмаг мне в утешенье, улыбаясь, говорит:
«Вот, смягчила я угрозу. В сердце вынула занозу.
Подойди, увидишь розу. Неувядающая горит.

Под волшебным балдахинем, где огонь шел по рубинам,
С ликом прелести единым, восседала там она.
Словно вышнее светило. Очи черны, как чернила.
На меня свой взор стремилась, лучезарна, как весна.

Зачарованный, стоял я. Слова ласкового ждал я,
И — увы! — не услышал я от прекрасной ничего.
Вот к Асмаг она блеснула. Та мне на ухо шепнула:
«Уходи!» Душа вздохнула. Пламя было вновь мертво.

За Асмаг иду, вздыхая. Скрыла всё завеса злая.
И судьбу я обвиняя, молвил: «Вспыхнул в сердце свет.
Было нежное стремление. И вдвойне опустошение
В этой муке разлученья. Больше радости мне нет».

Через сад идем мы двое. Слово мне Асмаг такое:
«Не печалься, будь в покое. Для тревоги дверь закрой.
И открой для ликования. Застыдилась, и молчанье
Было скрытое признание. Оттого была такой».

Я сказал: «Сестра, мятежен мрак души. Бальзам твой нежен.
Чтоб я не был безнадежен, часто вести посылай.
И не делай перерыва. Сердце будет тем счастливо.
Лишь водой живится ива. Влагу жизни не скрывай».

На коня вскочил, и еду. Скорбь — за мной, как бы по следу.
Слезы празднуют победу. Я в постель, и нет мне сна.
Был как цвет я на долине. Был в кристалле и рубине.
Стали щеки густо-сини. Ночь — желанна лишь она.

Вот пришли из Кхатаэти. Я уж думал об ответе.
Были дерзки люди эти. Принесли ответ такой:
«Не трусливы мы сердцами. Мы за крепкими стенами.
Царь твой вздумал править нами. Иль он властен надо мной?»

10. ПОСЛАНИЕ, НАПИСАННОЕ ХАНОМ КХАТАВОВ В ОТВЕТ ТАРИЭЛЮ

Вот слова того дерзанья: «Царь, чье слово — приказанье,
Я, Рамаз, пишу посланье к Тариэлю. Я дивлюсь,
Как послал ты слово зова мне, кто есть племен основа.
Если мне напишешь снова, я прочесть не потружусь».

Я велел созвать дружины. И явились властелины
От границ. Как строй единый, вышних звезд сошлись войска.
Силы Индии могучи. Отовсюду шли, как тучи.
Дали воинов мне кручи, горы, доли и река.

Шли они без промедленья. Осмотрел я их скопленья.
Всё в порядке, всюду рвеньё. Души полные огня.
Словно лес восстал зеленый. Чудо видеть эскадроны.
Кони ржут. Горят попоны. Хваразмийская броня.

Поднял царское я знамя. Черный с красным. Рдеет пламя.
Я с несчетными войсками должен завтра выйти в путь.
Сам я плачу и тоскую. На судьбу пеняю злую.
Как увидеть мне златую? Словно камень пал на грудь.

Полон я тревоги жгучей. Слезы льют, как ключ кипучий.
О судьба меня меня не мучай! Сердце ранено мое,
Вот какой мой рок злостный, говорил я в пытке страстной.
Я коснулся розы красной — я не мог сорвать ее.

Раб пришел. Случилось диво. В сердце стало вновь красиво.
От Асма слова призыва. Проблеск в сумраках борьбы.
Говорило то посланье: «Солнце кличет. Будь в сиянье.
Это лучше, чем рыданье о деяниях судьбы».

В скорби мрачной и суровой засветился свет мне новый.
К дверце я пришел садовой. Сумрак был и тишина.
Там Асма меня встречала, улыбалась, привечала:
«Лев! Ты мучился немало. Смело, ждет тебя луна».

Я вошел для счастья часа. Весь чертог — одна прикраса.
Над террасою терраса. Свет луны был блеск вполне.
Под завесою, в сиянье, и в зеленом одеянье,
Призрак тонкий в очертанье — так она явилась мне.

Я вошел. Взглянул забвенно. На краю ковра смиренно
Я стоял. А в сердце пленно утихал поток огня.
До подушки стан склоняя, блеском солнце затеняя,
Лик свой спрятала златая, быстро глянув на меня.

До Асма ее веленье: «Амирбару знак почтенья».
Сесть велит, и для сиденья вот подушка мне дана.
Сел. А сердце было радо после грусти силой взгляда
Нежить то, что счастьем надо. И сказала мне она:

«В тот последний раз без слова ты отпущен был.
Сурово Это было. Точно злого зноя принял в поле цвет.
И нарцисс засох на камне. Грусть твоя была видна мне.
Но стыдливость суждена мне. В том девический завет.

Пред мужчиною смиренье — это наше назначенье.
Но молчать про огорченья — быть с бедою вдвое злой.
На лице была улыбка. Но как горькая ошибка,
В сердце скорбь дрожала зыбко. Я послала за тобой.

Мало знали мы друг друга. Больше не было досуга.
Но клянусь я, что супруга буду я твоя во днях.
Клятва — с силой неумной. Если ж буду вероломной,
Да сравнюсь с землею темной и не буду в небесах.

В путь! Узнай кхатавов в беге. Есть в победе много неги.
Соверши свои набеги. Битва кличет — так в нее.

Без тебя я в млень сонном. Сердце мне свое, пронзенным,
Ты отдай неразделенным. А возьми взамен мое».

«Этой радостью венчанной, незаслуженной, неожиданной,
Буду, духом необманной, — я промолвил, — весь я твой.
Темен был, но светит чудо. Этот божий свет — оттуда.
Буду я твоим, покуда лик не будет скрыт землей».

И на книге клятв мы клялись. Оба сердцем обещались.
Так слова ее слагались в подтверждение любви:
«Да пошлет мне бог кончину, если я к тебе остыну.
Всё тебе как властелину. Ты меня своей зови».

Я стоял пред ней мгновенья. Нежны были все реченья.
Мы в минуте развлеченья ели сладкие плоды.
И потом, проливши слезы, я ушел от нежной розы.
Унося лелейно грезы, отошел я от звезды.

В том, конечно, было жало — уходить мне от кристалла.
Мне рубина было мало и прозрачного стекла.
Вновь зажглась мне радость в мире. Видел солнце я в эфире.
Мир разъят, и пропасть шире. Всё же тверд я, как скала.

На коне я был с зарею. К битве рог звучал с трубою.
Сколько войск пошло со мною, как рассказ о том вести?
В Кхатаэти, лев суровый, чуя пир войны багровый,
Я пошел стезею новой, по дорогам без пути.

За индийские пределы выйдя, шел я месяц целый.
Вестник был ко мне, несмелый. Хан Рамаз через него
Говорил: «Хоть вы козлами появляетесь пред нами,
Будь мы даже и волками, перед вами всё мертво».

Для снисканья примиренья он принес мне подношенья,
Дар, достойный изумленья. «Говорит тебе Рамаз:
Мы тебе простерли шею. Ты же силою своею
Не губи. Смотри: робею. Всё бери. Детей и нас.

Пред тобой мы согрешили. Не являйся в полной силе.
Если мы не правы были, по стране не мчись грозой.
Да не ведаем отмщенья. Замки все и укрепленья
Отдаем мы без боренья. Лишь отряд возьми с собой».

Я совет держал с вождями, как поступим в этом сами.
Говорили: «Ты — с врагами. Ты неопытен и юн.
Вид их кроткий — лик заемный. Этот люд и злой, и темный.
Дух всегда в них вероломный. Каждый между ними лгун.

Так советуем мы сами: лишь с отборными бойцами
В путь пойдем — и пусть за нами близко следуют войска.
Если явят лик покорный — благо. Если ж дух упорный —
Да прольется гнев повторный на неверных, как река».

Был доволен я советом. Укрепившись мыслью в этом,
Вот я вестника с ответом отсылаю: «Царь Рамаз,
Знаю я твое решенье. Жизнь отрадней убиенья.
Дам войскам отдохновенье. Сам иду к тебе сейчас».

В мысли, в действии проворных, триста взяв бойцов отборных,

Смело я пошел до спорных и неверных этих встреч.
А войскам сказал: «Следите, где пойду, и как по нити
Там же, вслед за мной, идите. Кликну — вам поможет меч».

День прошел, и два дня снова. Хан послал еще другого
И сказал такое слово, не один прислав покров:
«Сильный ты, скажу без лести. Гордый ты и стоишь чести.
В час, когда мы будем вместе, много дам тебе даров.

Правду я тебе вещаю. Сам навстречу поспешаю».
Я в ответ промолвил: «Знаю, щедрый хан твой властелин.
Возвести, что волей бога до него ведет дорога.
Будет радости нам много. Будем мы — отец и сын».

Дальше путь. Вблизи глухого леса отдыха и кровя
Я искал. Послы мне снова. Привели лихих коней.
Мне почет, и мне участие. Ты, мол, солнце средьненастья.
«Быть с тобою — это счастье для властительных царей».

От владыки извещение: «Завтра нам соединенье.
Утром встречу, без сомненья. Из твердынь спешу своих».
Я велел разбить палатки. Взоры светлы, речи сладки.
Не играть мне с ними в прятки. Принял их как стремянных.

И возникла тут услуга. Наградить мне нужно друга.
Из злокозненного круга вывел он меня, любя.
Некий вестник возвратился и со мной договорился:
«Я должник. И грех случился. Не покину я тебя.

Не боясь заботы бремя, твой отец в былое время
Приютил меня. То семя не на пыльный пало путь.
На тебя куются ковы. Против розы нож суровый.
В той измене вскрой основы. Всё узнай и твердым будь.

Ты не верь тем вероломным. Знай, в изменничестве темном,
В месте некоем укромном сотня тысяч ждет солдат.
И в другом еще засада. Тридцать тысяч биться радо.
Предпринять немедля надо мер разумных целый ряд.

Выйдет царь тебе навстречу, в сердце сам готовя сечу.
Ложь избравши как предтечу, войско выстроит тайком.
И пока ты будешь лаской окружен, как хитрой сказкой,
Вдруг нагрянет бой развязкой, ты один, их тьма кругом».

За совет благодарю я. Говорю: «Коль не умру я,
Уж достойно награжу я. Счастлив будешь ты вовек.
Лишь скажи свои хотенья. Коль подобное раченье
Будет брошено в забвенье — я пропащий человек».

Никому о том ни звука. Тайна будет мне порука.
Коль стрела ушла из лука, свист ее услышим мы.
Но своим войскам веленье я послал из отдаленья:
«Все сюда без промедленья. через горы и холмы».

Утром вестников с ответом я послал. И в деле этом
Счел, что с ласковым приветом пусть они идут к врагу.
«Приходи. Иду». Дорога вновь полдня. Здесь всё от бога.
Если смерть приходит строго, где укрыться я могу?

На утес взошел высокий. На равнине на далекой
Пыль клубится поволокой. «Там приходит царь Рамаз. —
Мыслю: — Сеть он мне раскинул. Но копья не опрокинул.
Острый меч мой не содвинул. Приходи же, в добрый час».

Говорю бойцам: «Как стены, станем против мы измены.
О скалу лишь в брызгах пены вал ударит в миге встреч.
Кто за власть идет, вставая, дух того парит, взлетая.
На кхатавов нападая, не напрасно вынем меч».

Гордо, резкими словами, я велел, пройдя рядами,
Чтоб оделись все бронями, в сталь замкнув скопление сил.
Блещут шлемы, светят латы. В бой стремимся мы крылатый.
В этот день, борьбой богатый, меч мой ворога рубил.

Вот из дали из туманной видит враг наш строй, наш бранный,
Вид неожиданный, нежеланный. Шлет к нам вестника Рамаз.
«Для чего же вы некстати в боевой явились рати?
Нет в измене благодати. Огорчаете вы нас».

Был ответ: «Свой час расчисли. Знаю все твои я мысли.
Ковы в воздухе повисли. Порвалась в сплетеньях нить.
Приходи с своей толпою. Буду меряться с тобою.
Поднят меч, готовый к бою, чтоб тебя в бою убить».

Обменялись словами. Тотчас дым пошел клубами.
С двух сторон враги рядами из засады в бой пошли.
Дым огней, всходивший мраком, для бойцов был скрытых знаком.
В токе ринулись двояком, но вредить мне не смогли.

Взяв копье, своей рукою шлем скрепив над головою,
Рвался я, горячий, к бою, быстрой смелостью гоним.
Мною длинный строй построен. Ход стремительный удвоен.
Вид врагов моих спокоен, многочислен, недвижим.

«Он безумен», — говорили. Там, где враг был в полной силе,
Встал я словно в плесках крылий. Двинул в воина копье —
Вмиг коня я опрокинул, их обоих в смерть содвинул.
Треск копья. И меч я вынул, восхваляя лезвие.

Вижу, им довольно пряток. И на стаю куропаток
Сокол пал. В кипенье схваток на бойца швырнул бойца.
Там, где меч мой светом машет, стрекозою воин пляшет.
Смертный плуг мне ниву пашет. Прорван строй их в два конца.

Вкруг меня, шумя, вскипая, плещет вражеская стая.
Я ликую, ударяя. Кровь — как брызги из ручья.
Тот, над кем клинок мой свистнет и кого к седлу притиснет,
Как мешок с коня повиснет. Все бегут, где гляну я.

В час зари, пред ночью черной, с вышины горы узорной
Возгласил к врагам дозорный: «Бой кончайте. Грозный час.
Гнев небесный — полновластный. Прах вздымается ужасный.
Силы ток идет запасный. До конца погубят нас».

Те, кого я за собою вел, призыв услышав к бою.
Шли поспешною стопою, устремляясь до борьбы.
Что утесы им и горы! Сломят всякие запоры.

Бьют литавры, кличут хоры, слышен громкий глас трубы.

В бегство враг пустился смятый. Были овцы их солдаты.
Мы в погоне. Блещут латы. Наше поле. Клик и стон.
Царь Рамаз с коня был скинут, из седла мной опрокинут.
Меч и меч, окрестясь, содвинут. Всех забрали мы в полон.

Вот хватают полоненных, слепотой как бы сраженных,
Рушат наземь побежденных. Страх всесилен, пасть должны.
А моим бойцам — награды. Ждали битвы, битве рады.
Все враги — их смутны взгляды — стонут, точно чем больны.

Миг победы необманен. Отдых светел и желанен.
Лезвием я в руку ранен. Что мне этот царапок!
За дружиною дружина рада видеть властелина.
Сердце их со мной едино. Мною дух бойцов высок.

В сердце смелых восхваленья — за труды вознагражденье.
Те мне шлют благословенья, этим хочется обнять.
Благородные, которым был как сын я, дружным хором
Хвалят, видно было взорам, как мечом кладу печать.

Разослал солдат я всюду. Принесли добычи груды.
Этой битвой горд пребуду. Кровью выкрасил простор.
Кровью тех, кто смерть мне тщился дать. У врат градских не бился.
Каждый город мне открылся, отодвинув свой запор.

Говорил царю Рамазу: «То, что скрыто, видно глазу.
Так оправдывайся сразу, если ты попался в плен.
Открывай свои твердыни. Все сочли их в длани ныне.
А не то, в твоей кручине, счет сочту твоих измен».

Отвечал Рамаз: «Моею волей больше не владею.
Чрез тебя лишь власть имею. Пусть придет ко мне скорей
Из моих любой властитель. В замках каждый охранитель
Будет знать, кто победитель. Замки все в руке твоей».

Словно ветер по долине, власть моя стремилась ныне.
Были отданы твердыни, все, их сколько там ни есть.
Вражых всех вождей собрал я, и раскаяться им дал я
А сокровищ сколько взял я? Столько, столько, что не счесть.

Так, мои твердыни эти. Я прошел по Кхатаэти.
В изобилье, в самоцвете открывалась мне казна.
Тем, что мне ключи вручили, я сказал: «Без страха в силе
Будьте. Чаша изобилии мной не будет сожжена».

Чтоб отметить клад от клада, самоцветы, радость взгляда,
Много времени бы надо, много взял сокровищ я.
Я нашел покров чудесный, был он видом как небесный,
В нем состав волшебно-тесный был как твердая струя.

Ни с ковром он, ни с парчою был не сходен, но волною,
И цветною, и стальною, полюбился очень мне.
Взял я эту ткань оттуда. Всяк, кто глянет, молвит: «Чудо»,
Цвет ценнее изумруда, закаленного в огне.

Это в дар для той лучистой, кто мне светит в жизни мгlistой,

Как светильник золотистый. Из отборного, что есть,
Для царя в родные страны потянулись караваны.
И как дух цветов медвяный — чрез дары благая весть.

11. ПОСЛАНИЕ ТАРИЭЛЯ К ЦАРЮ ИНДИЙСКОМУ, КОГДА ОН ПОБЕДИЛ КХАТАВОВ

Написал царю посланье: «Царь, судьба нам шлет даянья,
А кхатавам наказанье за измену и беду.
Знай из вести замедленной — самый царь их полоненный.
Я, добычей нагруженный, много пленных приведу».

Жив закон, в порядке сила. Так добычи много было,
Что верблюдов не хватило. На быков я грузы клал.
Добыл чести я и славы. Были сломлены кхатавы.
Через бранные забавы получил, чего желал.

Царь кхатавов оробелый был в индийские пределы
Приведен рукою смелой. И отец приемный мой
Возносил мне восхваленья. Тем хвалам, что вне сравненья,
Да не будет повторенья. И как врач он был со мной.

Всё ли сказывать я стану? Он осматривал мне рану.
А потом повел к майдану. Площадь вся была в шатрах.
Кто хотел, вступал в беседу. Зван был к царскому обеду.
Говорил он про победу. Свет горел в его глазах.

Эту ночь мы без печали веселились, пировали.
Утром в город путь держали, удаляясь от шатров.
Царь сказал: «Пусть радость славы явят пленные кхатавы.
Да придет их строй лукавый пред лицо моих бойцов».

Тут для первого я раза, в исполнение наказа,
Привожу царя Рамаза. Ласков был ему прием.
Царь встречает как родного. Об измене ни полслова.
Если храбрость не сурова, доблесть высшая есть в том.

Час не малый, час пристойный, с ним он был в беседе стройной.
Если ток течет спокойный, он не роет берега.
А с зарею, в миг свиданья, слово молвил состраданья:
«Наложу ли наказанье на сраженного врага?»

Я дерзнул сказать: «От бога милосердья к грешным много.
Так и ты суди нестрога пораженного его».
Царь сказал ему: «Прощенье — для проступка заблужденья.
Но уж только повторенья чтобы не было того».

Взяв стократно сто драханы, и кхатаури, и дани,
Как парча, и шелк, и ткани, где главенствует атлас,
Он ему с толпой придворных дал как дар одежд узорных.
И без всяких слов укорных был отпущен царь Рамаз.

От склоненного кхатава — благодарность, честь и слава.
«Богом я клянусь, лукаво поступил я пред тобой.
Но убей меня, коль вдвое совершу еще такое».
С этим отбыл он в покое, взявши всех своих с собой.

Минул час седой рассвета. От царя письмо привета.

Так гласило слово это: «Я с тобой был разлучен.
Уж три месяца томленья. На охоте развлеченья
Я не знал. На приглашенья приходи, хоть утомлен».

Я наряд надел не темный и в чертог пришел приемный.
Встречен был толпой огромной, целой стаей соколов.
Царь — как солнце. В блеске взгляда сердца видится услада.
Вид меня — ему отрада. Я служить ему готов.

Он шепнул царице тайно, — я узнал о том случайно, —
Что ему необычайно мил вернувшись я с войны.
«Тариэль — одно сиянье. В нем и темному сверканье. —
Молвит: — Мы его желанья тотчас выполнить должны.

Вот решение какое принял я: он побыл в бое.
Пусть же тот, чей стан — алоэ, кто как солнце скрыл в лице,
Знает также путь к отрадам и с тобой увидит рядом
Деву-розу с царским взглядом. Встретьте обе нас в дворце».

Целым выводком орлиным по холмам и по стремнинам,
По равнине и долинам, чтоб зверей в бегу настичь,
Мчались весело мы с псами, забавлялись соколами,
Не играли мы мячами, дважды подняли мы дичь.

Чтоб мои увидеть чары. шли толпами на базары.
Те, кто юны, те, кто стары, на меня смотрели с крыш.
Я, в нарядах с бахромою, розой бледной был с росой,
Млели все, пьяняся мною, — то не ложь, а правда лишь.

Я надел покров богатый, у кхатавов с бою взятый.
Каждый, блеском чар объятый, от меня с ума сходил.
Вот мой царь с коня спустился. Мы в дворце. Там лик светился
Солнцесветлой. Я смутился. Задрожал в упадке сил.

Облечен был стан прекрасной пышной тканью желто-красной,
Строй был дев за ней согласный — словно воды в берега
Влились, ток мягча разлива. Рдели розы щек красиво.
Заревого свет отлива, и коралл, и жемчуга.

Я стоял там. Стройно тело. Но одна рука висела
На повязке. Поглядела тут царица па меня.
С трона быстро восставала и как сына целовала.
«От тебя твой враг, — сказала, — побежит как от огня».

Я царями был уважен, рядом с ними был посажен.
Против — солнце. Лик тот важен и прекрасен был в огне.
Мы почти сидели рядом, мы тайком менялись взглядом.
Весь я отдан был усладам. Жизнь без них — отрава мне.

Начат пир. Всё время наше. В бирюзовой пышной чаше
Свет вина. И в цвете краше по лазурному рубин.
Ликованье вне сравненья. От царя — постановленье
«Не уйдет без опьяненья с пированья ни один».

Был я радостен в избытке. В том причина не напитки.
Золотые в сердце слитки и расплавленная медь.
В сердце я смирял пожары, молний пламенных удары.
Сколь пленительны те чары — на любимую глядеть.

Песни звонкие звучали. Вдруг певцы все замолчали.
Царь велел. Ему внимали. Молвил: «Сын мой Таризель,
Мы ликуем в упоенье. Враг наш в тяжком пораженье.
Ты как светоч в вознесенье. Твой удар доходит в цель.

Ты склонять не должен вежды. На тебя всех нас надежды
Нужно б дать тебе одежды, но нельзя снимать твоих.
Твой наряд — наряд прекрасный. И зарей горюшь ты ясной.
Славой светишь полновластной. Сто богатств — имеешь их».

Вновь, веселый, он садится. Пьют вино, и песня длится
Арфы нежный звон струится. Веселится пенье лир.
В мгле закатной огневицы отошли к себе царицы.
К краю сна зовут ресницы. Тут уж больше пир не пир.

Ночь идет, ведет туманы. Встали мы. Долой стаканы.
Мы и так довольно пьяны. Вот я в комнате своей.
Над собой утратил власть я. Пленник нежного участия.
Вспоминаю, полон счастья, как смотрела. В мысли — с ней.

Раб пришел. Восторг мне внове. Ждет там женщина в покрове.
Это вестница любви. Я вскочил. Горит мой взгляд.
Я бегу скорей навстречу. Лаской вестницу привечу.
Знаю счастья предтечу, то пришла ко мне Асмат.

Весь я в ласке необманной. Ведь приходит от желанной.
От Нестан, лучом венчанной. Удержав ее поклон,
С поцелуем обнимаю, на постель с собой сажая,
«Ты как тополь, — возглашаю. — Он красивым сотворен.

Говори о ней. Внемлю я. Только ей горю, тоскую».
Отвечает: «Всё скажу я. Но не только счастье есть.
Вы друг друга повстречали. В этом отдых от печали.
Взоры, встретясь, свет качали. От нее несую я весть».

12. ПОСЛАНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К ВОЗЛЮБЛЕННОМУ ЕЕ

Мне дала она посланье. Я взглянул. Там луч сиянья.
Так гласило написание: «Поспешая на коне,
Самоцвет ты был блестящий. После боя, как из чащи,
Глянул ты, цветок горящий. Вижу, плакать нужно мне.

Если бог дает мне слово — чтоб хвалить тебя. И снова
Я без света дорогого умирать должна в борьбе.
Сад для льва, цветник, где розы, и родник, струящий слезы,
Сад, где солнечные грезы, всё мое даю тебе.

Ты скорбел, но не напрасно. К нам судьба не безучастна.
Милый, всё в тебе прекрасно. Тем, кто смотрит на тебя.
Всяк завидует глядящий. Ткань твою, кушак блестящий,
Мне, в любовной мгле грустящей, подари, прошу, любя.

Дай твое мне украшенья. Будет встреча, в то мгновенье
Ощутишь ты наслажденье, что украшена я им.
Нам обоим будет счастье. И надень мое запястье.

Чуя нежное участие, в ночь не будешь ты томим».

Таризель остановился. Словно в зверя превратился.
Плачет. Пыткой дум упился. Сняв запястье, он до губ
Приложил его, бесценный талисман в тоске забвенной.
И, скорбя о несравненной, рухнул он без чувств, как труп.

Недвижим и весь застылый, как в преддверии могилы,
Так лежал он. Вид унылый. Горький, бил он в грудь себя.
Грудь покрылась синяками. И Асмат себе ногтями
Ранит щеки. И струями на него кропит, скорбя.

На недвижного взирая, Автандил грустил, вздыхая.
Слезы, камни прожигая, у Асмат струятся вновь.
Но пожар смягчен водою. Таризель вздохнул с тоскою:
«Мучим я судьбою злою, испивающею кровь».

Он глядел ошеломленным. Бледный, сел, с лицом смущенным.
Был он стеблем затененным. Роза стала как шафран.
Ничего не говорил им. Был безгласным и унылым.
Смертный час ему был милым, но ему он не был дан.

Вот он молвит Автандилу: «Слушай. Чуть имею силу,
Но о той, кем я в могилу ввержен, кончу я рассказ.
Для меня одна отрада: в скорби друга видеть надо, —
Есть мне этот свет для взгляда и поддержка в горький час.

Встретил я в Асмат участие от сестры в путях несчастья.
Я надел тогда запястье, здесь, на руку на мою.
С головы покров тот странный снял и в дар послал желанной,
Ткань с игрою осиянной, плотно-крепкую струю.

13. ОТВЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ ТАРИЭЛЯ К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ ЕГО

Я писал: «Заря золотая. Луч твой, в сердце упавая,
Поразил его, и, тая, смелый дух попался в плен.
Я безумен, я тоскую. И, зарю узнав золотую,
Чем уважу я младую? Что я дам тебе взамен?»

Помирал совсем я прежде, смертный сон склонялся к вежде
Ты велела быть надежде. Я на верном берегу.
Не тону в мрях несчастья. Ты являешь мне участие.
Я ношу твою запястье. Чем явить восторг могу?

Но в горении порыва вся душа моя правдива.
Ткань, которая красива, ты хотела получить.
Плащ еще такой же шлю я. И вздыхая, и тоскую, —
Не покинь, приди — молю я. В мире мне кого молить?»

Дева вышла. Лег и спал я. Так приятно задремал я.
Но внезапно задрожал я. Вижу милую во сне.
Я проснулся. Где виденье? Отошло в одно мгновенье.
Жизнь мне бремя и мученье. Милый звук не слышен мне.

Тьма и время день творили. В этот час, в дремотной силе,
Я разбужен. Пригласили во дворец—как бы в семью.
Прихожу. В их лицах, мнится, что-то словом озарится.

Чуть вошел, велят садиться. Сел пред ними на скамью.

Говорят: «Наш век преклонный. Возраст наш — изнеможенный.
Нет уж больше окрыленной легкой юности — ушла.
Не был сын судьбой дарован. Всё ж удел наш облюбован.
Дочь сияет. Дух не скован, и не видим здесь мы зла.

Нужен муж царевне стройной. Где найдется он, достойный,
Чтобы мысль была спокойной, чтобы трон одеть в лучи, —
Чтоб в себя он принял сходство, лик наш, полный благородства,
Чтобы враг, ища господства, не точил на нас мечи?»

Молвил я: «У вас нет сына, и, конечно, а том кручина.
Но опора наша львина. Светит ярким солнцем дочь.
Зять, кого бы вы ни взяли, будет править без печали.
Что скажу? Вы всё сказали. Видно, как беде помочь».

Мы менялись советом, что пристойней в деле этом.
Стало тьмой, что было светом. Я молчал, томясь тоской.
Царь сказал: «Хваразмша силен, Хваразмийский край обилен.
Сын Хваразмши юн, умилен. Есть ли где еще такой?»

Всё вперед они решили. Приговор был в полной силе.
Речи сдержанны их были. Чем бы мог я помешать?
Возражать им не дерзал я. Как земля, как пепел стал я.
В сердце трепетном дрожал я. Трудно было мне дышать.

Задержу ли ход я тучи? Я сорвался точно с кручи.
«Царь Хваразмша — царь могучий. Зять прекрасный — сын его».
Так царица говорила. Согласиться нужно было.
Час судьба постановила низверженья моего.

Весть Хваразмше посылаем: «Нет царевича над краем.
Мужа дочери желаем, чтоб имела с ним детей.
Если к ней пришлешь ты сына, примем здесь как властелина.
Нежеланна ей чужбина. Пусть же он придет скорей».

Вестник прибыл, с ним и дани, драгоценнейшие ткани.
Весь исполнен обаяний, царь Хваразмша шлет слова:
«Бог послал благословенье, наше выполнил хотенье.
Ваше чадо — упоенье. Да пребудет век жива».

К жениху опять послали. «Будь без горя и печали, —
Через вестника сказали. — Приходи сюда скорей».
В мяч играл я, утомился, у себя уединился.
Дух печалью тяготился в скрытной горести своей.

В сердце скорбь горела знойно. Точно нож там беспокойно
Трепетал. Но гордо, стройно принял весть я от Асмат
«Та, чей стройный стан — алоэ, шлет веление такое:
„Поспеш, мы будем двое. Твой да здесь увижу взгля”».

На коне приехал к саду. За его прошел ограду.
В сердце чувствую отраду. Перед башенкой, смотрю,
Ждет Асмат. И ждет, и плачет. Вид такой не озадачит.
Знаю я, что это значит. Ничего не говорю.

Вижу лик ее суровый. Полон я печали новой.
На устах застыло слово — молча, плачет лишь, бледна.

Раньше мне была улыбка. Ныне грусть трепещет зыбко.
Это горькая ошибка, мне не лечит боль она.

Мысль далёко — во вчерашней, в светлой радости всегдашней.
Вот иду я с нею башней. И завеса поднялась.
Я вошел. Луна сияла. В сердце вдруг утихло жало.
Скорбь ушла. Но было мало в сердце счастья в этот час.

Грусть и здесь владела кровом. Свет был светом, но суровым.
Лик золотой был скрыт покровом, что прекрасной я послал.
Несравненное виденье, в том зеленом облаченье,
Вся в слезах, в изнеможенье, полный росами фиал.

Скорбь исчерпав полной мерой, разъяренную пантерой,
Что скалой крадется серой, вот не солнце уж она.
Не луна и не алоэ. Сел вдали я. В сердце — злое.
В сердце вдруг копьё сквозное. Села. Хмурит взор. Грозна.

Говорит: «Дивлюсь, неверный, клятв ломатель беспримерный,
Для чего, недостоверный, ты пришел, обман тая?
Вижу, слабым был всегда ты. От небес дождешься платы.
И ответишь им тогда ты». Я сказал: «Что знаю я?»

Молвил: «То, о чем не знаю, без ответа оставляю.
В чем теперь я прегрешаю? Ты ответь мне», — говорю.
Говорит в печали темной: «Что сказать мне, вероломный?
Я в обиде неумемной. Я обманутой горю.

Что ж, Хваразмша — нареченный? Ты советчик был смиренный.
С клятвою твоей забвенной там давал советы кто?
Растоптав бывшее рвенье, весь ты в зыби измененья.
О, когда б твои внушенья обратила я в ничто!

Вспомни, вспомни, как, вздыхая, жил ты, слезы проливая,
Как твоя недужность злая не нашла себе врачей.
О, изменчивость мужчины! Ты отрекся, ты, единый!
Отрекись и я. Кручины будут чьи сильнее и злей?

Знай, хоть в этом ты лукавил, ты плохой совет составил:
Кто бы Индией ни правил, буду править также я.
Здесь не быть тебе, — пред богом, — ты пойдешь по всем дорогам
Иль убью я в гневе строгом». Витязь воскликнул: «Жизнь моя!»

Он сказал: «Услышав это от нее, как звук привета,
Принял я упрек, и света власть во мне струилась вновь.
Ныне нет в глазах сиянья. Как сношу существованье?
Мир! Зачем мои терзанья? Пьешь зачем мою ты кровь?»

В неге, с болью перевитой, на подушке на забытой
Вижу там Коран раскрытый. Богу слава, в боге свет.
«Солнце! — я сказал. — Сжигая, всё ж даешь мне жить, золотая!
Я, тебе хвалы слагая, дать дерзну теперь ответ.

Если ложь тебе скажу я, если хитрости сплету я,
Пусть же небо, негодуя, вмиг сожжет меня в огне.
Ничего не делал злого». Отвечает: «Молви слово».

И ко мне добрее снова. Головой кивнула мне.

Я сказал: «Коль, вероломный, я во лжи пребуду темной,
Молний пусть огонь изломный существо пронзит мое.
В чьем лице я солнце встречу? Лаской я кого привечу?
Буду ль жить и как отвечу, если ты вонзишь копье?»

Ко двору меня позвали. Там мой дух застыл в опале.
Что совет? Всё раньше знали и решили мать с отцом.
В чем я мог явить боренье? Множить лишь свои мученья.
Я сказал себе: «Терпенье. Твердым будь в себе самом».

Что мой дух свершить посмеет, если царь не понимает,
Что над Индией не смеет стать никто другой, лишь я?
С правом я лишь притязаю — быть царем родному краю.
Кто придет сюда — не знаю. В этом воля не моя.

Я сказал: «То дело злое. Что-нибудь найду другое.
Не тревожься, будь в покое». В сердце был я словно зверь.
Я хотел бежать равниной, устремить полет орлиный.
«Разлучусь ли я с единой? Вдруг ли взять тебя теперь?»

Я для сердца продал душу. Башня — рынок. Всё разрушу.
Как волна бежит на сушу, я пришел, чтоб быть в огне.
Дождь холодный стал теплее, роза красная нежнее.
Жемчуг ждал, в коралле млея. «Что ж в неправом быть и мне?»

Так, вздохнув, она сказала. Гнев устал, исчезло жало.
«Да, в тебе измены мало. Бога чтишь и помнишь ты.
Обо мне царя проси ты. Будем мы друг с другом слиты.
Трон займем мы знаменитый в крае, полном красоты».

Разъяренность где пантеры? Вновь нежна она без меры.
И кругом не сумрак серый, светит солнце и луна.
Вот меня сажает рядом. И, лаская светлым взглядом,
Предает меня усладам. Стих пожар, душа нежна.

Возвещает: «Осторожный, не пойдя тропой тревожной,
Лучший путь найдешь возможный, согласуя мысль с судьбой.
Жениху прийти мешая и царя тем раздражая,
Что свершишь ты? Ссора злая растерзает край борьбой».

А придет жених — нам мука, нам терзанья и разлука.
Вместо радостного звука, песня траура и зол.
Нам страданья в грозной силе, им же — блески изобилии.
Не хочу, чтоб захватили персы власть и наш престол».

Я сказал: «Да не случится, волей бога да свершится,
Сватовство да отвратится. Если ж юноша придет,
Он узнает, где могила, как моя отважна сила.
Сколько б с ним ни приходило, кончат в Индии свой счет».

Отвечала: «Для любви я живу. Пролитье крови
Не идет к моей основе. Так велит мой женский пол.
Быть зерном раздора больно. Жениха убей — довольно.
Правосудью сделать вольно, чтоб и ствол сухой зацвел».

Лев мой, вождь необычайный, да не будет смерть бескрайной.
Жениха убей ты в тайной быстрой скрытности, один.
За дружиной же дружину убивая как скотину,
Лишь умножишь ты кручину. Бремя крови — тяжесть льдин.

Как убьешь его, так пути разомкнутся. И царю ты
Скажешь: «С шеею, согнутой для персидского ярма,
Быть так — я не разумею. Будет Индия — моею.
А коль мне разлучность с нею — будет в граде бой и тьма».

Что моей любви ты хочешь, скрой. Ты тем успех упрочишь
Счастье лишь на час отсрочишь. Будет царь молить вдвойне.
Я в твои предамся руки. Будем царствовать без муки.
Песть одна в согласном звуке, я к тебе, и ты ко мне».

Был согласен с ней я в этом и обрадован советом.
Меч пойдет мой за ответом к приходящему врагу.
Встал. Хочу уйти, немею. Просит сесть, помедлить с нею.
Я обнять ее не смею. Быть в отраде не могу.

Медлил я еще мгновенья. Ухожу в отъединенье.
В разум пало ослепленье. Предо мной идет Асмат.
Плачу горько, слезы жгучи. Скорби выросли, как тучи.
И душой, в тоске тягучей, уходя, стремлюсь назад.

Раб сказал: «Жених приходит». Горе горьких тайно бродит.
То, к чему судьба приводит, если б знал он, был живой.
Царь позвал, был светел взглядом. Мне велел садиться рядом.
Мыслил — час ведет к усладам, и кивнул мне головой.

Говорил мне: «День веселый. Как медовый сот тяжелый.
Поработали тут пчелы. Свадьбы час не за горой.
Раздадим-ка людям клады. Веселит подарок взгляды.
Где дары, сердца там рады. Скупость — глупость, лик тупой».

За сокровищами всюду я послал, и, чудо к чуду,
Принесли сокровищ груды. Да не медлил и жених.
Хваразмийцы прибывают, наши их толпой встречают,
И поля уж не вмещают столько полчищ — сонмы их».

Царь сказал: «Шатры заране приготовь ты на майдане.
Солнце спит в ночном тумане. И жених пусть отдохнет.
В этом лишь твой труд единый. Без тебя придут дружины.
Здесь сойдутся властелины. Всё наступит в свой черед».

Вот шатры, уют для часа, там из красного атласа.
Юный весел, как прикраса, как картина, где весна.
Есть ли грусть в мечтах любовных? Много ходит там сановных.
И в рядах солдаты ровных образуют племена.

Кончив труд свой запоздалый, сонм шатров построив алый,
Я пришел домой усталый, чтоб в постели быть своей.
Спешной раб идет походкой, от Асмат письмо от кроткой.
«Та, чей стан — прямой и четкий, говорит: приди скорей».

Мой ответ на то посланье — в том же миге послушанье.

В лике девы след рыдания. Впрошаю: «Почему?»
Отвечает: «Не умею быть защитою твою
Непрестанно перед нею. Есть смущенье тут уму».

Мы вошли в пределы крова. На подушке, грозно снова,
Там сидит она, сурово смотрит, клонит гибкий стан.
Говорит: «Чего зриаешь? Битвы день — ты это знаешь?
Или снова покидаешь? Или вновь в тебе обман?»

Гнев во мне, негодованье. Быстро я, храня молчанье,
Ухожу и на прощанье, обернувшись, говорю:
«Ныне лик свой явит сила. Храбрость, что ль, во мне остыла,
Чтобы женщина учила, как сражать, что сотворю?»

Я замыслил убиенье. Отдал сотне повеленье:
«Приготовьтесь для сраженья». Был уж ночи поздний час.
Этой ночью схороненный, наш отряд поехал конный
Через тихий город сонный. И никто не видел нас.

Был набег мой не напрасный. И вступил в шатер я красный.
Расскажу ли вид ужасный я свершенья моего?
С головой своей пробитой там лежал жених убитый,
Мертвый, с кровью непролитой, хоть кричала кровь его.

Те мгновенья были кратки. Срезал я конец палатки.
И, ворвавшись без оглядки, ноги спящего схватил.
Головой о столб. В могиле. Те, что двери сторожили,
Дивным воплем возгласили. Конь мой в скак, что было сил.

Целый строй летел за мною. Но покрыт я был броней.
Меткой бью моей рукою тех, кто гонится вослед.
Мчусь, как ветер по равнине. Вот уж я в моей твердыне.
Приходи кто хочет ныне. Я не ранен. Входа нет.

Я послал к моим дружинам весть: «Сижу в гнезде орлином.
Будем в действии едином. Приходите все сюда».
Те, что гнались за мною, ночью шли густой толпою.
Но, признав меня, без бою отошли. Страшит беда.

В час, как мрак в рассвет сменился, я в наряд мой облачился,
На совет послов явился. Весть царя ко мне пришла.
Так гласило это слово: «Знает бог, что дорогого
Сына я в тебе родного видел. Ныне ж — бремя зла.

Для чего на дом мой чинный пролил крови ток невинной?
Если гнев не беспричинный, жаждал дочери моей, —
Для чего ж скрываться было? Ныне жизнь моя постыла.
Мне б твоя служила сила до конца преклонных дней».

Я послал царю посланье: «Царь. Из бронзы изваянье
Мягче, чем мое дерзанье. В смертных я огнях храним.
Пусть события плачевны. Будь судья, но будь не гневный.
Не ищу руки царевны. Солнцем я клянусь твоим.

Сколько в Индии есть тронов, знаешь ты. И власть законов,
Как вещанье громких звонов, говорит: наследник — я.
Край и край, где связь соседства. — знаю это с малолетства, —

Через тебя мое наследство. Это собственность моя.

Я к твоей взываю чести. Говорю тебе без лести:
Сына нет, есть дочь. Невесте будет мужем и царем
Царь Хзаразмша, — мне взамену что ж осталось? Эту стену
Я, владыка правый, в пену обращаю моим мечом.

Камни брошу я на камни. Дочь твоя? Да не нужна мне.
А нужна в удел страна мне. Вторю. Индия — моя!
Каждый, кто мое отнимет, он немедля кару примет.
Меч с земли его поднимет. Умертви! Но прав здесь я».

14. СКАЗ О ТОМ КАК ТАРИЭЛ УСЛЫШАЛ ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Весть отправил я с послами. Ум мой полон был углями,
Сумасшедшими огнями неизвестности томим.
Со стены смотрю в равнину. То узнал, что вдруг я стыну.
Но, узнав мою кручину, духом был несокрушим.

Там идут два пешехода. Я встречаю их у входа.
С ними шествует невзгода. Раб и скорбная Аснат.
Разметалась волосами. Кровь лицом течет струями.
Не приветными огнями, не улыбкой полон взгляд.

Нижу издали — с бедою. Дрогнул я и взят тоскою.
Восклицаю: «Что с тобою? Что несет огнистый час?»
Плачет горестным рыданьем. Чуть лепечет восклицаньем:
«Небо дышит наказаньем. Ополчился бог на нас».

Подхожу. Вопрос мой снова: «Что случилось с нами злого?
Если правда и сурова, говори». Рыданья вновь.
Скажет, вновь молчит, вздыхая. Бьется мука огневая.
Грудь моча и обагрят, со щеки струится кровь.

Наконец она сказала: «Для чего бы я скрывала?
Но тебе услады мало будет в повести моей.
Так имей же состраданье. И, узнав мое сказанье,
Прекрати мое страданье. Перед господом убей.

Как свершилось убиенье жениха, в одно мгновенье
Поднялось везде смятенье. Царь вскочил и оробел.
Чует, весть подходит злая. Кличет он тебя, взывая.
Дома нет тебя. Вздыхая, как о том он пожалел.

Тут ему промолвил кто-то: «Он проехал за ворота».
И умножилась забота. Царь сказал: «Всё видно мне.
Дочь мою любил он, знаю. Пролил кровь — несчастье краю.
Слишком четко понимаю. Было сердце их в огне.

Так клянусь же головою. Ту, кого зову сестрою,
Я, убив, землей покрою. Был о боге мой приказ.
Как же дочь она взрастила? В сети дьявола вместила!
Чем любовь их так прельстила? Смерть пред богом ей сейчас».

Царь чтоб клялся головою? Это редкость. И грозою
Он не медлит над виною. Клятву молвил — вот удар
Божий враг ту клятву слышит. Он к Давар той вестью дышит.
Даже в небе всё расслышит эта каджи властью чар.

Брат мой клялся головою, что не буду я живою.
Эта весть идет толпою. — Говорит она, стена: —
Эта гневность беспричинна. Знает бог, что я невинна.
Пусть же знает, кем пустынна я и кто убил меня.

Госпожа моя такая всё была, как, убегая,
Видел ты, заря золотая. Ткань волшебная к ней шла.
Тут Давар явила жало. Слов таких я не слыхала.
«А, распутная! Немало ты, убийца, встретишь зла!

Ах, развратная ты сила! Жениха зачем убила?
Для чего ты погубила вместе с ним и кровь мою?
Не погибну я напрасно. Будешь мучиться ужасно.
И его, что любишь страстно, от тебя я утаю».

Тотчас руку налагала, и за волосы таскала,
И побоям подвергала, в кровь изранила Нестан.
Стонет та, не видя света, и вздыхает без ответа.
Вся как в кровь и синь одета. Не залечишь этих ран.

Вот Давар терзать устала. Казни всё в ней было мало.
Вмиг рабов она призвала. Каджей кликнула она.
Те носилки приносили, наглы, дерзки в грубой силе,
Солнце в скрытность поместили, и золотая пленена.

Мимо окон тех, что в море смотрят, шествуют.
В просторе крылось солнце. Горе, горе! И промолвила Давар:
«Кто за то меня камнями не побьет? Сыта я днями».
Нож схватила. Кровь струями. Нанесла себе удар.

Не дивишься, что жива я? Что копьем не пронзена я?
Коль со мною весть такая, умоляю богом я
Этой жизни сбросить бремя, остановится пусть время,
Растопчи же злое семя». Льется, льется слез струя.

Я сказал: «Сестра! Родная! В чем вина твоя? Какая?
Чем тебя я награждая, долг отдать сумею свой?
Путь мой ныне — за золотою. Я землю и водою
Всё за ней пойду». Душою стал я каменной скалой.

Ужас в сердце пал огромный, с лихорадкою истомной.
Ум безумный стал и темный. Молвил я: «Не умирай.
Если в тишь уйдешь могилы, расточишь напрасно силы.
Лучше в путь пойдем за милой. Кто со мной? Я в дальний край».

Вот я в латах, на коне я. Вот со мною, не робея,
Стая верных, нет вернее. Их число — сто шестьдесят.
Воля — строю боевому. К побережью путь морскому.
Здесь корабль. Ему как дому я с отрядом смелых рад.

Полны бьются, волны в споре. С кораблем мы вышли в море.
Долго плавал я в просторе. Вел опрос я кораблей.
Ничего не услышал я. Вовсе разум потерял я.
Божий гнев такой снискал я, что забыт был в бездне дней.

Месяц к месяцу двенадцать. Год прошел. И словно двадцать

В каждом месяце. Двенадцать! Не помог мне даже сон.
Сны ее мне не являли. Те, что мне в моей опале
Были верны, погибали. Божья воля. Бог — закон.

Не иди же против бога! Я скитался слишком много.
Будет. Водная дорога заменилася землей.
Счет утратил я потерям. Сердцем стал я диким зверем.
В жизнь когда уж мы не верим, бог хранит от доли злой.

Лишь Асмат была на свете. С ней делиться мог в совете.
Два раба еще. И эти души были отдых мне.
Где Нестан? Где радость взгляда? Вести нет. А знать мне надо.
Слезы — вся моя отрада. Горько плакать в тишине.

15. СКАЗ О ТОМ, КАК ТАРИЭЛЬ ВСТРЕТИЛ НУРАДИНА-ФРИДОНА НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

В ночь простился я с волнами. Берег был покрыт садами.
Зрелся некий град. Скалами ходы выдолблены там.
Вид людей мне был постылый. В сердце пламень с полной силой.
Лег я там, где мрак унылый ткань развесил по стволам.

Спал. И вновь напрасна пряжа. Пробудился. В сердце сажа.
Что узнал в скитаньях? Даже нет мне нити для путей.
Так томясь и так тоскуя, под деревьями лежу я.
Что же ныне предприму я? Слезы льются, как ручей.

Крик я слышу ненароком. Вижу, витязь мчится скоком.
На побережье недалеко он скакал во весь опор.
Вид его был гневно-странен. Меч был сломан, он был ранен.
Смысл проклятий был туманен. Был угрозы полон взор.

Горячил он вороного. Мой теперь он. И сурово,
Словно ветер, шумел он снова. Выражал кипучий гнев.
С ним беседовать хочу я, и раба со словом шлю я:
«Стой! Кому ты, негодуя, шлешь свои угрозы, лев?»

Он не слышит слово это. Не приносит раб ответа.
Сам, исполненный привета, на коне спешу к нему.
«Стой! Ответь! — кричу я смело. — В чем твое, скажи мне, дело?»
Что-то в нем ко мне пропело. Вижу, нравлюсь я ему.

Бег сдержал он беспокойный. Глянул. «Боже! Тополь стройный
Здесь мне явлен в муке знойной». Говорит, склонясь к коню:
«Я врагов считал козлами. Оказались ныне львами.
С вероломными ножами. Не успел надеть броню».

«Час пришел отдохновенью, — я сказал. — Под этой тенью
Ход дадим мы рассужденье. Дальше — власть меча ясна.
Не отступим». За собою я веду его. Красною
Восхищаюсь молодою. Прелесть юного нежна.

Раб мой мастер был леченья, болям дал он облегченье.
Обвязал все пораненья и извлек головки стрел.
Только кончились заботы, и его спросил я: «Кто ты?
Кто сводил с тобою счеты?» О себе он восскорбел.

Молвил: «Ты кто — я не знаю. Кто велел быть грустным маю?
Лик твой словно клик: «Сгораю!» Ты ущербная луна.
Солнце цвет обезопасит, — холод розу не украсит.
Бог свечу зачем же гасит, коль она им зажжена?

Этот град — Мульгхазанзари. Невелик он в нежной чаре.
Но когда в красивом даре всё желанно, ценен он.
Я с тобой у самой цели: вы здесь стали на пределе.
Здесь царю на самом деле. Нурадин зовусь Фридон.

Часть отцу, другую дяде отдал дед, и быть бы в ладе,
Это верный путь к отраде. Дяде остров дан морской.
Ранен я его сынами. Там охота. Между нами
Спор был в этом, длился днями. А за ссорой — этот бой.

Спорим мы или не спорим, в этом, мыслил, только вздорим.
Я охотился над морем, переплыв через зыбь валов.
Я не брал с собой отряда. Пять загонщиков лишь надо.
Мне охотиться — услада. Пять беру я соколов.

Силой быстрого порыва проплываю в глубь залива.
Малый мыс глядит красиво. Я не брал бойцов моих.
Что бы там я делал с ними? Остров полон был моими.
С зовом, с криками лихими был я там отнюдь не тих.

В чем я видел развлеченье, усмотрели в том презренье.
Вижу цепь я окруженья. Нет дороги к кораблям.
И двоюродные братья — чем так вызвал их проклятья?
Чем в толпу их мог согнать я? — вижу, едут биться там.

Блеск мечей я вижу четко. Я к воде. Качнулась лодка.
Поплыла со мною ходко. Вражьи силы — как прилив.
Много их, и воров в силе. Путь готовят мне к могиле.
Окружают, окружили, всё в кольцо не заключив.

Но еще идут рядами. Тут не могут взять мечами —
Там достать хотят стрелами. Не дерзнуть лицом к лицу
Встать со мной. Я смело бился. Я на меч мой положился.
Меч иззубренный сломился. Стрелы все пришли к концу.

Ослабел в неравном споре. На коне я прыгнул в море.
И поплыл в его просторе, изумленье возбуждив.
Всех, что были там со мною, всех густой своей толпою
Умертвили. Я ж с волною плыл, примчал меня прилив.

Воле божьей — быть свершенной. Кровь моя неотомщенной
Не останется. Смущенный взор их встретит новый мир.
Будет утро их — мученье. Будет вечер их — смятенье.
Их тела я брошу в тленье. Кликну воронов на пир».

Мне тот юный полюбился. Сердцем я к нему склонился.
«Этот случай пусть случился, — я сказал. — Отмщенье ждет.
Знай, что я рука с рукою против них пойду с тобою.
Двое, вызовем их к бою. Покараем в свой черед.

Расскажу мои скитанья. В должный час повествованье
Встретит должное вниманье. Но не час еще теперь».

Молвил: «Всё есть, что мне надо. Велика моя отрада.
Жизнь возьми — твоя награда. Буду твой до смерти, верь».

В град вошли, идя равниной. Был он встречен там дружиной.
Все исполнились кручиной. Ранил всяк себе лицо.
Прах, скорбя, они вздымали и героя обнимали,
Меч избитый целовали, рукоятку и кольцо.

Я в них вызвал удивленье. Говорили восхваленья:
«Солнце, нам твое явленье день безоблачный сулит».
В город мы вошли красивый. Всюду красок переливы.
Стройной радостью все живы. Всяк одет там в аксамит.

16. СКАЗ О ТОМ, КАК ТАРИЭЛЬ ПОМОГ ФРИДОНУ И КАК ОНИ ВОСТОРЖЕСТВОВАЛИ НАД СВОИМИ ВРАГАМИ

Залечил свои он раны. Стал здоровый и румяный.
Конь под ним играл. И, рьяный, надевал уж он броню.
Снарядили мы галеры. Строй бойцов, и строй не серый.
Все бесстрашные без меры, все подобные огню.

Видеть их — молиться богу. Приготовились в дорогу.
Вижу вражью я берлогу. Там готовы дать отпор.
Вот ладьи передо мною. Пнул одну своей ногою.
И покрыл ее волною. Плачут, словно женский хор.

Вот к другой я обратился, за перед ладьи схватился
Каждый в море очутился. Убивал я их мечом.
Все другие устрашились. Поскорее в пристань скрылись.
На меня смотря, дивились. Был восхвален я во всем.

Вот мы к берегу пристали. На конях враги нас ждали.
В бой. Нам в битве нет печали. В схватке люб был мне Фридон.
Лев в сраженье, ток прибойный, солнце ликом, пламень знойный,
Он сражался, тополь стройный, весь красиво-разъярен.

Два двоюродные брата — в нем им гибель без возврата.
Были целыми когда-то — пальцы рук им обрубил.
Двое их, ведет двоих он. В бое быстр и в схватке лих он.
Каждый вражий витязь — стих он. Каждый наш — он весел был.

Прочь бежали их дружины. Миг не тратя ни единый,
Мы за ними, бьем их в спины. Камнем ноги пополам.
Кожу в шкуру превратили. Смерть мне, сколько изобилии.
Там какие клады были. Все сокровища их — нам.

Мы сразили вражьи рати. Всё, что было, было кстати.
Наложил Фридон печати на сокровища врагов.
Двух зачинщиков раздора взял и кровь их пролил скоро.
Обо мне как песня хора: «Божий тополь, свет лесов».

Воротились в град Фридона. Ото всех нам честь поклона.
Вторят: «В вас нам оборона». Ликованье и почет.
Как бойца и властелина, и меня и Нурадина
Вознесли. «В вас сердце львино. Кровь врагов еще течет».

«Царь Фридон! — кричат солдаты. Мне: «Ты царь царей богатый!»»

Все покорностью объята. Вышний им владыка я.
В мрачном духе пребывал я. Роз румяных не срывал я.
Еще сказ им не сказал я. Повесть трудная моя.

17.СКАЗ О ТОМ, КАК ФРИДОН СООБЩАЕТ ТАРИЭЛЮ ВЕСТИ О НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

По пространствам я зеленым раз охотился с Фридоном.
Мы цеплялись горным склоном. Мысом к морю шел тот срыв.
Мне сказал Фридон: «Охота — до крутого поворота
Раз пришла. Я видел что-то. Вид, который был красив.

Я спросил. Фридон ответил: «Помню, день был очень светел.
В море что-то я заметил. Утка ль там в морской волне?
Сокол, что ли, вьется смелый? Я следил за точкой белой.
Шел мечтою в те пределы. Сам сидел я на коне.

Проезжаю так утесом. Сам дивуюсь я вопросом:
«Что так быстро под откосом по волне спешит морской?»
Я смотрел, и я дивился. Смысл явления не открылся.
Я понять напрасно тщился. Прыти я не знал такой.

«Зверь иль птица? Что такое? Поле меряет морское».
Паруса трепещут в зное. Рулевой ладью стремит.
Я смотрю. Там в паланкине — словно месяц на картине.
На девятом небе ныне быть бы должен этот вид.

Дева, светов всех светлее. Что же дальше? Жду, немея.
Два раба, смолы чернее, на песке уж с девой той.
Длинные волосы густые. С чем сравню красы такие?
Блески молний сны пустые перед этой красотой.

В сердце дрогнуло томленье. Полюбил я то явление,
Эту розу вне сравнения, что как будто сорвана. Мыслю:
В скок пушу лихого моего я вороного.
Прежде чем достигнет слово, там я буду, где она».

С сердцем я своим не спорил. Вороного вмиг пришпорил.
В тростниках был шум. И вторил валу вал. Простыл их след.
Всё побережье озирая, вижу, гаснет там золотая,
Путь свой к дали продолжая. Я горю. И где мой свет?»

Вот какой был сказ Фридона. В сердце, там, где всё палено,
Новый вспыхнул пламень стона. Вниз я бросился с коня.
С прахом скорби я сравнился. Кровью щек я обагрился.
Смерть мне! Свет мой здесь светился и горел — не для меня!

В сердце друга удивленье. Странно это поведенье.
Всё ж в нем сильно сожаленье. Слезы капая из глаз.
Блещут очи жемчугами. И, как сын отца, словами
Ласки — светит мне лучами, чтоб смягчить мне трудный час.

Воскликает он, вздыхая: «Что сказал я, огорчая
Так тебя? О, доля злая! В этом был безумен я».
— «Брось! Беда в том не большая, — я сказал. — Луна золотая —
Мой огонь. И, в нем сгорая, вот скажу, в чем боль моя».

Всё Фридону говорю я. Отвечает он, горяя:
«Стыд свой в разум не возьму я. Что такое я сказал?
Царь индийский ты всеильный. Что ж ты путь избрал столь пыльный?
Трон тебе, дворец обильный, твой блестящий каждый зал».

Говорит: «Коль волей бога кипарис ты, пусть тревоге
Ранит сердце, пусть в нем строго повернется лезвие, —
Сам о нас он порадеет, громы с неба он ответит,
В горе счастье возлелеет, ответит свое копьё».

Мы пошли домой в печали. Во дворце мы восседали
Я сказал: «Из дальней дали я пришел к тебе сюда.
Ты один моя подмога. Нет таких других у бога.
Не страшна с тобой дорога. Ты мне светишь, как звезда

Ты горишь, как свет жемчужный. В час тебя я самый нужный
Повстречал. Мы стали дружны. Дай теперь мне свой совет
Что теперь мне сделать надо, чтобы ей и мне отрада
Засветилась светом взгляда? Ждать во мне уж силы нет»

Он сказал: «К тебе участие выражать — мне только счастье
Ты мне свет среди ненастья. Царь индийский, ты велик
Долей счастлив я такую. Не сменю ее с иною.
Вот, стою перед тобою, раб и вечный твой должник.

Этот город — путь-дорога кораблям. Их видим много.
Здесь им отдых и подмога. С ними много и вестей.
Даст их множество морское что-нибудь тебе такое,
Чтоб бальзам пролился в зное, как конец тоски твоей

Моряков, бывалых в море, мы пошлем искать в просторе
Мы развеять сможем горе и узнаем, где луна.
А пока скрепи терпенье. Не навовсе же мученья.
Будет им и завершенья. Радость будет суждена».

Вот и люди перед нами, что направят бег морями.
«Вы плывите с кораблями там, где свет, и там, где темь
Вы исполните хотенье сердца, где любви горенье.
Тысячу приняв лишений, а не восемь или семь».

Он велел: «Ищите честно. Где есть пристань, повсеместно
Может, что-нибудь известно где-нибудь», — сказал Фридон
Ждать мне было утешенье. Тяжким пыткам облегченье
Знал я даже наслажденье. Ныне этим пристыжен.

Трон велел он мне поставить, чтоб меня сильней прославит!
Говорил: «К чему лукавить? Не видал, кто ты такой.
Царь индийский, чем возможно угодить тебе неложно
Кто не хочет бестревожно быть во всем твоим слугой?

Длитель ли мне повествованье? Были тщетны все исканья.
По пустым местам скитанья — руки пусты каждый раз.
Вести нет, и я тоскую. И плывут в страну другую.
Нет. Утратил я златую. Слезы льют и льют из глаз.

Так Фридону возглашаю: «Нет тоске конца, ни краю.
Говорить о том — страдаю. Мне свидетель в небе бог.
Без тебя вся жизнь мне бремя, день и ночь — ночное время.

Вижу, цепко злое семя. Радость — где? Всё сердце — вздох.

Больше вести уж не жду я. Что ж мне медлить здесь, тоскуя?
Отпусти меня, прошу я. Позволения я молю».

Услыхал Фридон — ив слезы. Окропил он кровью розы.
«Ныне дни мои — морозы. Больше жизнь я не люблю».

Он дает мне имя брата. И для каждого солдата
Мой уход — печаль, утрата. На колени предо мной.
Плачут все, я с ними плачу. Скольких здесь друзей утрачу.
«Не покинь. Нам дай удачу. Дай всю жизнь нам быть с тобой».

Я промолвил к ним: «Разлука мне, как вам, тоска и мука.
Сердце вам мое порука — нет мне жизни без нее.
Как я пленную покину? Как в огне моем остыну?
Все преграды я содвину. Должен в путь. Хоть на копье».

Тут Фридон для дорогого брата — ласковое слово
И приводит вороного. Молвит: «Глянь же, твой он, конь.
Кипарис ты солнцеликий, дар возьми, хоть невеликий.
Будет люб тебе он, дикий и проворный, как огонь».

Провожал меня. С слезами расставались. И устами
Целовались. И сердцами все нелживыми грустя,
Не словами, а на деле, целым войском там скорбели.
Мы, прощаясь, так горели, как родитель и дитя.

Я один ушел в скитанья. Продолжал везде исканья.
Я не вынудил признанья у земли в путях потерь.
Прах молчал, молчало море. Я с судьбой в напрасном споре.
В тщетном с кем-то разговоре. Обезумел я, как зверь.

Я сказал себе: «Не буду тщетно я скитаться всюду.
До меня пути нет чужды. Буду жить среди зверей».
Семь иль восемь слов с рабами и к Аснат: «Я вас скорбями
Утомил. Вы сыты днями. Сыты горестью моей.

Разорвите ж эти нити. Не со мной услад ищите.
Плачу горько, не глядите. Слезы пусть текут из глаз».
Чуть услышали в печали: «Горе! Горе! — мне вскричали. —
Что уста твои сказали! Что промолвил ты до нас!

О другом чтоб господине стали думать мы отныне!
За тобой хоть по пустыне, за конем, где знак подков.
Лишь с тобой, и прочь сомненья! Ты — прекрасное виденье».
Кто изведаль власть мученья, он своих не слышит слов.

Речью слуг я так смутился, что от них не отлучился.
Но в пустыню удалился от людей, как от чумы.
Лучше, мнил я, быть с козлами и с оленьими стадами.
Я бродил один лугами и взбирался на холмы.

Лучше птицы, в их напеве. Ряд пещер, где были дэвы,
Встретил, — в схватке, в диком гневе, духов всех яистребил.
Против них был в полной силе. Но рабов они убили.
Латы их не защитили. Дождь судьбы меня кропил.

Видишь, брат, стеснен я днями. Без ума брожу полями.

Обольюсь порой слезами. Рухну, тяжкий, словно медь.
Эта дева лишь со мною. Той же горечью больною
Всё по ней скорбит душою. Что осталось? Умереть.

Тускло всё, темно и серо. Как тигрица иль пантера
Мне она. В нее вся вера. Эта шкура — мне как герб.
Эта женщина, вздыхая, видит — скорбь как ночь густая.
Я — как колос, увядая. Тщетно рядом острый серп.

Об утраченной тоскую. Где найду зарю златую?
Жизнь влачу как кару злую. Зверь, живу среди зверей.
Смерть была бы мне желанна. Смерть одна лишь необманна.
Смерть я кличу постоянно. Нет ее в темнотах дней».

Он лицо свое терзает. Щеки-розы разрывает.
И рубин преобразает он в янтарь, тоской томим.
Воскликает: «Смерти, боже!» Автандил тоскует тоже.
Сердце с сердцем в пытке схоже. Дева плачет перед ним.

Таризель, Асмат смягченный, Автандилу, огорченный,
Говорит: «Тоски бессонной ныне знаешь ты рассказ.
Рассказать всё было надо. Брату в том была отрада.
В путь теперь. Твоя услада ждет тебя. И близок час».

Автандил сказал: «Расстаться мне с тобою — с горем знаться
И слезами обливаться. Брошу брата моего.
Но хотя заплачу снова,— не серчай на это слово, —
Толку нет в том никакого для терзанья твоего.

Если врач — пускай похвальный — сам узнал недуг печальный
Тут, в нужде многострадальной, он другого позовет.
Скажет, в чем его горенье, где страданья и мученья.
И другой найдет лечение — лучше, чем он сам найдет.

Слушай, крик напрасен шумный. Ты меня не как безумный,
Слушай мудро. В многодумной ты проверке всё проверь.
Тот, кто сердцем столь свирепый, в деле все разрушит скрепы.
К той, чьи чары нежно-лепы, я, горя, пойду теперь.

На нее взглянуть хочу я, сердце милой подтвержу я,
Что узнал, ей расскажу я и любви услышу вздох.
А тебя прошу как друга, — в том взаимная услуга —
Будем помнить друг про друга, небо в небе, бог есть бог.

Если дашь мне обещанье претерпеть здесь ожиданье,
Обещаюсь все скитанья предпринять я для тебя.
Пусть томлений будет много, в честь тебя легка дорога,
И найду я, с волей бога, ту, кем ты горишь, любя».

Он ответил: «Чужестранный, любишь ты меня, желанный,
Как в любви необманной любит розу соловей.
Как же я тебя забуду? Ты чудесен, верю чуду.
Бог дозволит, снова буду с юной прелестью твоей.

Если ты со мной, алоэ, я взгляну в лицо живое, —
Сердцем в поле я пустое — для чего к козлам пойду?
Коль солгу перед тобою, строгим будь мне бог судьбою.
Ты придешь и колдовскою чарой прочь умчишь беду».

Клялись тут они сердцами, братья с мудрыми словами
И безумными умами, гиацинты с янтарем.
Дружбы пламенем палимы, говорили побратимы.
Ночь пока струила думы, были все часы вдвоем.

Тариэль до Автандила. Тот к тому. Их грусть роднила.
Утро светы засветило, и прощались две тоски.
Тариэль был весь взметенным. Автандил был огорченным.
С сердцем ехал он стесненным, путь держа чрез тростники.

Провожая Автандила, и Асмаг его молила,
Заклиная, говорила: «Твой приезд — всегда пора».
Пальцы кверху поднимала. Было горьких слез немало.
Как фиалка, увядала. Тот сказал: «Вернусь, сестра».

Правде верь, не нерь обману. Замедляться там не стану.
Он же да не мучит рану. Не пускай блуждать его.
Чрез два месяца — свиданье. Коль промедлю ожиданье —
В том постыдное деянье. Знак несчастья моего».

18. СКАЗ О ТОМ, КАК АВТАНДИЛ ВОЗВРАТИЛСЯ В АРАБИЮ ПОСЛЕ ТОГО, КАК НАШЕЛ ТАРИЭЛЯ И РАССТАЛСЯ С НИМ

Путь держа в далекой дали, он, конечно, был в печали.
Руки розы разрывали, и едва он мог вздохнуть.
И хоть ехал он к победам, путь кровавый зверю ведом.
Зверь лизал ту кровь и следом продолжал за юным путь.

Прибыл к месту расставанья. Дождались бойцы свиданья.
Началось ликование. К Шермадину в тот же час
Вести шлют, бегут проворно: «Без кого всё было черно,
Прибыл, день горит узорно, солнце вновь горит для нас».

Он идет к нему до встречи. Говорит такие речи:
«Истребитель в ярой сече! Это ты, и ты не тень?»
Руки он ему целуя, молвит: «Сплю или не сплю я?
Жив, здоров ты и, ликуя, к нам пришел, как яркий день».

Витязь низко поклонился. Ликом к лику приложился.
«Случай злой здесь не случился. Слава богу!» — говорит.
Праздник встречи длится, строен. Целовали, кто достоин.
Всяк сановный, всякий воин, все ликуют — светлый вид.

Восклицают: «Слава богу!» Всею толпою в путь-дорогу
К новозданному чертогу. Видеть все хотят его.
Он за светлый пир садится. Гордый, смелый веселится.
Сколько слов ни сгромоздится, не опишешь здесь всего.

Шермадину повествует, как нашел того, кто чует
В сердце жало и тоскует. И, глаза полузакрыв,
Говорит о Тариэле: «Он мне солнце, цвет в апреле.
В сакле бедной, во дворце ли, без него я жив не жив».

Знак являя должной чести, Шермадин во всем с ним вместе.
Говорит о доме вести: «Твой отъезд был скрыт от всех.
Всё — как дал ты повеленье». В этот день — отдохновенье.
Пир с друзьями, развлеченье и безоблачность утех.

На коне уж он с зарею. Шермадина пред собою
Выслал с вестию благою: «Возвести, что я, мол, тут».
Быстроты исполнен вспевной путь в три дня десятидневный.
Узрит лев красы царевны, что так солнечно цветут.

Весть он шлет царю: «Властитель. Мощный, гордый повелитель!
Осмотрительный служитель — пред величеством твоим.
Сам себе я был презренный, не узнав, кто тот забвенный.
Ныне — с вестью полноценной, весел, здрав и невредим».

С Ростеваном солнце рядом. Шермадин к нему с докладом:
«Витязь некий встречен взглядом. Всё разведаль Автандил».
И промолвил царь могучий: «Вот господь развеял тучи.
Я о том в тревоге жгучей бога ревностно молил».

К Тинатин, к заре безночной, обращенье с вестью точной:
«Он приходит в час урочный. Вести светлые несет».
От нее — огонь привета, ярче солнечного света.
Дар богатый в знак ответа. И одет ей весь народ.

На коня Ростен садится, встречу витязя стремится.
Солнцеликий не затмится, расточив свои огни.
Встреча — радость. Два верховных полны светлых чувств любовных.
И толпа кругом сановных. Словно пьяные они.

Пред минутою сближенья витязь прочь с коня в мгновенье.
Воздаст царю почтенье. Отмечая торжество,
Царь дает ему лобзанье. И в дворец для пиროванья.
Там пресветлое собранье, чтоб приветствовать его.

Солнце солнц от льва над львами поклоненье.
Хрусталами, Розоцветными огнями светит нежная краса.
Этим нежным током света как зарей она одета.
Их жилище, нет, не это, — их обитель-небеса.

Радость пира свет-картина. Ласков лик у властелина.
Любит витязя, как сына. И на свежие снега
Нежно падают снежинки, и на розе дрожь росинки.
Но обильней, чем слезинки, рассыпает жемчуга.

Пили, ели, упивались. Гости хмельные расстались.
Лишь сановные остались, внемлют витязю кругом.
Он к царю на иопрошанья говорит про испытанья,
Также всё, что в днях скитанья он узнал о странном том.

«Не дивись, что, повествуя, много раз о нем вздохну я.
С солнцем смелого сравню я, с солнцем в зыби облаков.
На него едва кто глянет, без ума сейчас же станет.
Ах, далёко он, и вянет, диво-роза средь шипов.

Если рок сразит обманом и откроет сердце ранам,
Станет здесь кристалл шафраном и терновником тростник».
Щеки тут у Автандила влага грусти оросила.
Рассказал он всё. как было, как к безумцу он проник.

«Там, где дэвы обитали, пребывает он в печали.
Верность девы в этой дали служит витязю в скорбях.

В шкуру тигрову одетый, бархат, золото и светы
Презирает — лишь согретый в пожирающих огнях».

Вот предмет для тоскованья, кончил он повествованье.
К зорям нежного сиянья, взор его стремится к ней.
Силу рук его хвалили. Дивовались грустной были.
Дни тебя не истребили — истребитель ты скорбей».

Тинатин в вестях услада. Есть и пить сегодня рада.
Пленник принял ласку взгляда. Он вошел в ее покой.
Путь тревожный был не вечен. Он приятным словом встречен,
Солнцеликою отмечен. Полон радости живой.

Витязь горд, горит очами, полон нежными речами.
Лев, бродил в полях он с львами и утратил цвет лица.
Был он витязем единым, драгоценнейшим рубином,
Встретил сердце сердцем львиным, только так живут сердца.

Смело солнце на престоле. Цвет алоэ в нежной доле.
Юный стебель в райской воле. Окропил его Евфрат.
Брови дугами подъяты. И волос блестят агаты.
«Я б афинян — там богаты красноречьем — слушать рад.

Сам хвалю — и не умею». На скамье он сел пред нею,
Пред владычицей своею. Люб им стройный разговор.
Говорят они красиво. Их беседа так учтивая.
«Встретив беды терпеливо, ты не тщетно шел в простор?»

Он ответил: «Коль хотенье знает счастье достиженья,
Говорить про огорченье — вспоминать о дне, что был.
Мною найден тополь дальный, что омыт рекой кристальной.
Роза — лик его печальный, цвет он, вянувший без сил.

Кипарисом тонкостанным, в тоскованье непрестанном,
Он во сне каком-то странном. Потерял он свой хрусталь.
Нет пути соединенья. В пытке вечной он горенья.
Вместе с ним терплю мученья, и о нем моя печаль».

Рассказал он все печали, что его повсюду ждали
В дни скитаний в чужедали. Рассказал, как бог судил,
Чтоб нашел, чего искал он. «Жизнь и мир, всё отвергал он.
Средь зверей, среди диких скал он — словно тень среди могил.

Не проси, чтобы хваленья я сказал для разуменья
Ворожащего виденья. Глянь — и в мире лучше нет.
Смотришь, нет, не цвет шафрана — роза, пусть и не румяна.
И фиалки среди тумана, в целый свяжешь их букет».

Всё, что знал, сказал подробно. Как Асмат в скорбях беззлобна.
«Тигру дикому подобно, ходит он, и след за ним.
Свет его лишь сумрак серый. Дом его — лишь глубь пещеры.
Там страдает он без меры. Жизнью каждый зверь томим».

Услыхав повествованье, дева молвила: «Желанье
Сердца — вот». И в ней сиянье. Полнолунная она.
Возвещает: «Как привечу? Как на зов такой отвечу?»

Чем, такую ведав сечу, рана будет смягчена?»

Отвечал: «Того нам трудно знать, в ком сердце безрассудно.
Мы страдаем обоюдно. Хочет он гореть борьбой.
Не его в том назначенье. Обещал я возвращенье.
На себя принять лишенья, солнце, клялся я тобой.

Хоть бы тяжкие услуги, другу помощь только в друге.
Сердце — сердцу. Через выюги верный путь, и мост — любовь.
Но печаль ложится дымом — видеть грусть в лице любимом.
Снова быть судьбой гонимым, по тебе томиться вновь!

Без него ничто отрада. В самом счастье капли яда».
— «Всё, что сердцу было надо, — нить ведет она словам. —
Найдена тобой утрата. И любовь твоя не смята.
Цвет в ней, полный аромата. Сердцу я нашла бальзам.

Как природе, нам знакомы — солнце светлое и громы.
То мы к радости влекомы, то бывает сердцу жаль.
В небе нет грозы и злобы, нет угроз земной утробы,
В мире радость, — для чего бы стала нежить я печаль.

Клятву молвил ты неложно, изменить ей невозможно.
Сердцу друга, что тревожно, посвети полет огня.
Знай незнаемое ныне. Излечи его в кручине.
Но в какой мне быть пустыне! Свет уходит от меня!»

Витязь молвил: «Я с тобою — стало семь скорбей с восьмьюю.
Над горячею водою не согреется мороз.
Дуй не дуй, а быть тут сизу. И закат раскинет ризу, —
Хоть целует солнце снизу, росы тут как капли слез.

Быть с тобой — с собой быть в бое. Прочь идти — терзанье злое,
В десять сотен раз лихое. В сердце стрелы бьют, как в цель.
Ветер жгучий веет в очи. Стала жизнь моя короче.
Полны горя зреют ночи, и тоска — моя постель.

Слышал я твое реченье. Сердцем понял повеленье.
В розе нежное горенье, но растут и острия.
Солнце, будь моей зарею и, прощайся со мною,
Дай мне знак, чтобы живою жил в пути надеждой я».

Он настойчив, не докучный, витязь в горести разлучной.
Звук грузинской речи звучной на устах его как мед.
Благо к благу, око в око. Слово нежного урока
Говорит. Вздохнув глубоко, дева жемчуг отдаёт.

Что нежней? Прижать агаты до рубинов. И богаты
От алоэ ароматы. Строен возле — кипарис.
Возрасти в саду их рядом. Но скажи «прости» усладам,
Кто разлучным смотрит взглядом, где дороги разошлись.

Весь восторг их — в долгом взоре. И расстались. В сердце горе.
Если между ними море, не нагнать струе струю.
Солнце красное палимо. Молвит скорбный как из дыма:
«О, судьба ненасытима, испивая кровь мою!»

Витязь, грудь свою терзая и удары повторяя,

Плачет. Сердце, любя, говорит в себе: «Горю!»
Если солнце скрылось в туче, темны доли, темны кручи.
И разлуки мрак тягучий ночь ведет, а не зарю.

Кровь и слезы льют щеками, точат тропки ручейками.
«Солнце, — молвит, — облаками затянулось предо мной.
Жертва пусть моя невольна, солнце всё же недовольно.
О, дивлюсь, как в сердце больно. Но хочу я жить — тоской.

Райским быть вчера лишь дровом, быть овяну напевом,
И судьба с внезапным гневом нож вонзает, счастья нет.
Гнет тоски как тяжесть гири. Я в сетях. Огонь всё шире.
Так идут дороги в мире. Мир есть сказка. Мир есть бред».

Брызги слез, дрожанье, лепет. В сердце вздох, и стон, и трепет.
Час разлуки чуть зацепит, он идет до дна сердец.
Быть с любимой — жизнь золотая. Быть в разлуке — ночь глухая.
Ах, начало пеленая, саван вьет всегда конец.

У себя, в своем покое, витязь в пламени и зное.
Но лицо ее живое где-то близко. Дышит свет.
Чувств лишился. Сердце тает. Тополь в стуже, увядает.
Ах, без солнца не блистает, а темнеет розоцвет.

Что есть сердце человека? Ненасытнейший калека.
В свет идет, и в тьме от века. Путь не видящий слепец.
Всё в превратном цепенеет. Жить для жизни не умеет.
Даже смертью не владеет. Острия плетет в венец.

С сердцем так он спор сердечный вел в минутной скоротечной.
Жемчуг взял и свет тот млечный приложить к губам был рад.
Этот знак душе был нужен. Ум в тоске обезоружен.
Слёзы льёт он до жемчужин, током светлым, как Евфрат.

Ко двору зовут с зарёю. Бодрой он пошёл стопою.
Встречен людною толпою. Он склоняет гордый стан.
Царь оделся для охоты. Да развеются заботы.
Утро в блесках позолоты. Кличет рог и барабан.

Повесть этой пышной были как расскажешь в полной силе?
Всех литавры оглушили. Слово на ухо кричи.
Солнце скрыто соколами. Своры псов бегут полями.
Рдеет пурпур как цветами, — словно речь вели мечи

Были ловля, были крики. Возвращаются владыки.
Все цари здесь, светлолики. Сел Ростен, сияет взор.
Был шатёр воздвигнут красный не один с игрой атласной.
Арфы с лютней — звук согласный. Полнозвучный грянул хор.

Витязь рядом с властелином. Так отец бывает с сыном.
Их кристалл горит с рубином. Вспышки молний — свет зубов.
Кто достоин — в приближенье внемлет сказу о томленьи.
А дружины — в отдаленьи. Таризель — над вязью слов.

Витязь с горечью заботы возвращается с охоты.
Луч один в его темноты проникает — нежный лик.

То он встанет, то ложится. От безумных сон стремится.
Если сердце загорится, кто придет на этот крик?

Лёг и молвит: «Утешенье в чем найду для огорченья?
Я в печали разлученья. Ты в далекой стороне.
Райский стебель, цвет достойный, над волной всегда прибойной
Ты тростник светло-спокойный. Появись мне хоть во сне».

И течет слеза, другая. Снова сердце унимая,
Молвит: «Мудрость золотая — в том, что нужно — так терпи».
Если в боге нам отрада, и печаль принять нам надо.
Не томи напрасно взгляда. Ночь сгустила сумрак. Спи».

Снова к сердцу увещанье: «Знаю, смерть твое желанье.
Но — живи и знай терзанье. Не жалея для жертвы кровь.
И, боясь чужого зренья, ты скрывай свое горенье.
Недостойно есть любленья выявлять свою любовь».

19. СКАЗ О ТОМ, КАК АВТАНДИЛ ОБРАТИЛСЯ С ПРОСЬБОЙ К ЦАРЮ РОСТЕВАНУ, И О ТОМ, ЧТО СКАЗАЛ ЕМУ ВИЗИРЬ

Час рассветный засветился, витязь в строй свой нарядился.
«Если б огонь любви длился, — молвил, — в скрытности во мне».
Просит сердце о терпенье. Луноликое виденье.
К дому визиря стремленье. Вот он едет на коне.

Визирь слышит и, встречая, говорит: «Заря золотая
Входит в дом ко мне, блистая: этот день есть весть услад.
Как цветок благоуханный — звук привета золотканый.
Если гость пришел желанный, и хозяин сердцем рад».

И хозяин просит к дому. Быстро к гостю дорогому.
Слезть с коня помог младому. Тотчас под ноги ковер.
Из богатого Хатая. В доме гость как солнце рая.
Молвят: «Розы рассвечая, легкий веет ветер с гор».

Сел. Безумеют сердцами, кто приник к нему глазами.
В честь вменяют — рдеть огнями, перед юным обомлеть.
Лик его — им наслажденье. Вздохи — счет их вне численья.
Уходить — их повеленье. Круг домашний стал редеть.

И когда их стало двое, слово к визирю такое
Молвит тот, чей лик алоэ: «Ты в чертоге, где совет,
Знаешь всё, открыта тайна. Царь тебе необычайно
Верит. Слушай же. Бескрайна боль моя. Пролей мне свет.

Чудный витязь, в ком горенье, он мое воспламененье
Я убит, во мне томленье. В тот, где он, я замкнут круг.
Жизнью он не покусится для меня. Кто так щедрится,
Равным он да озарится. Друга любит верный друг.

Увидал его — и в свете. И трепещет сердце в сети.
Неразрывны узы эти. И мое терпенье — с ним.
Бог, такого создавая, создал солнце, зажигая.
И Асмат мне как родная. Как сестрой, я ей любим.

В час как с ними я прощался, клятвой страшною я клялся:

«Я вернусь. Я обещался. Враг твой будет посрамлен.
С сердцем здесь ты затемненным. Лик явлю твой озаренным».
Мне пора идти к стесненным. Оттого я весь сожжен.

Это слово не хвастливо. Речь моя сполна правдива.
Я задержан в миг порыва. Брошен хворост в мой костер.
Чтоб безумным был безумный брошен в скорби многодумной, —
Где ломатель клятв неумный не вступил чрез то в позор?

Не могу свершить измену. Так иди к царю Ростену.
Не предаст меня он плену — я уйду и с ним прощусь.
А пленит — что толку в этом? Помоги и будь мне светом.
Сердцем, в пламенах одетым, головой царя клянусь.

Я уйду. И молви снова: «Хвалит каждое здесь слово
Властелина. Лик живого света в небе, видит бог,
Как боюсь тебя. Немое горе — вот. Но он алоэ,
Витязь, кем сожжен я в зное. Сердце взял он. Сердце — вздох.

О, пойми же, царь, что ныне без него я здесь в пустыне.
Что могу свершать? В кручине этой — дух мой вовсе мал.
Если друга не оставляю, я тебя же тем прославлю.
Коль спасенья не доставлю, всё ж я клятву не сломал.

Если раб твой удалится, гневом царь да не затмится.
И печалью не мрачится. В божьей воле я пойду.
Коль победа, вновь с тобою твой слуга. Коль смертью злою
Взят я — ты цари зарею и неси врагам беду».

И до визиря он снова говорит: «Внемли живого
Сердца звук и это слово передай сполна царю.
Да пребудет в снах согласных. А тебе сто тысяч красных,
В златоцвете полновластных, подкуп щедрый, я дарю».

Отвечает тот с улыбкой: «Слово здесь твое — с ошибкой.
Мне наградою — что, гибкий стебель, ты пришел сюда.
Но царю могу ль при встрече передать твои я речи?
Сложит дар он мне на плечи, что запомню навсегда.

Клясться я уполномочен: казни миг, он будет точен,
Ни на краткость не отсрочен. Будет золото с тобой.
Смерть мне. С преданным слугою, будет гроб один со мною.
Жизнь люблю, того не скрою. Не скажу я речи той.

Не могу, во имя бога. Не суди меня в том строго.
Чрез дорогу ведь дорога неспособна пробежать.
Царь сживет меня со света. Что он молвит для привета?
«Сумасшедший, что ли, это?» Нет, уж лучше здесь дышать.

Даже если царь дозволит, — кто же войско приневолит
Быть слепым? Кто обездолит сам себя, пишась лучей?
Ты уйдешь, и ворог грянет, руку жадную протянет.
Впрочем, с ястребом не станет вровень малый воробей».

Витязь плачет и, тоскуя, молвит: «В сердце нож вонжу я
Визирь, слышишь ли? Люблю я. Знал ли ты, что есть любовь?
Знал ли силу обещанья? Клятву? Дружбу? Ты в незнанье.

Это ведая страданье, радость знать могу ли вновь.

Солнце ход свой повернуло. Что б его назад вернуло?
Сладок звук лесного гула. Возвратим к себе весну.
Но слова мои напрасны. Слеп к другому безучастный.
Этой речи ток неясный слов лишь множит пелену.

Для царя я — бесполезный. Как безумный я над бездной.
И войскам рукой железной я не буду в миге сеч.
Не устану слезы лить я. Предпочтительней отбытье.
Клятву как бы мог сломить я? Сердце в деле явит речь.

Преодо мной, тоской объатым, как же сердцем ты проклятым,
Визирь, можешь быть несмятым? Воском стала бы здесь сталь.
Умягчились бы утесы. Не помогут глаз здесь росы.
В час, когда в беде мы босы, вскрикнешь — будет ли мне жаль?

Коль не даст мне дозволения, совершу исчезновение
Я тайком. Я весь горенье. Сердце пламеням предаю.
Да вступлю же я в пожары. А тебе не будет кары.
Молви: „Все снесу удары, хоть бы пытки ждали там”».

Визирь молвит: «Я твоими тоскованьями — как в дыме
И в огне, — пребуду с ними — в мир исчез, с тобой скорбя.
Лучше слов — порой молчанье. Речь меняет очертанья.
Но — скажу. И что страданья! Пусть умру я за тебя».

Визирь встал. Вошел смущенный во дворец он позлащенный.
Видит — царь там, облаченный, весь как солнце перед ним.
Он испуган, он робеет, вести той сказать не смеет.
О войне, не разумеет, что решить умом своим.

Видя это онемень, царь явил недоумень.
«Что случилось? В чем сомненье? В чем есть грусть души твоей?»
Молвит тот: «Царя благого огорчу. Убьешь сурово,
Но и право, слыша слово удивительных вестей.

Так скорблю я поневоле, что ни менее ни боле
Изменить не силах доли. Я посол, но утрашен.
Автандил, прося прощенья, слово шлет к тебе моленья.
Отпусти. Туда стремленье, где тот витязь, — молит он».

Робко, полон спасенья, все сказал он изъясненья,
Как весь мир ему мученье, как стрелою ранен лев.
«Я бессилен — не скажу я, как он бьётся там, тоскуя.
Всё ж ты прав, коль, негодуя, на меня низвергнешь гнев».

Царь, услыша слово это, глянул, лик лишился цвета,
Мысль безумием одета. Кто б увидел, знал бы страх.
Вскрикнул: «Верно, без ума ты! А не то мне никогда ты
Не сказал бы так. Отплаты, верно, ждешь? Ты будешь прах!

О предатель вероломный! Точно радость вести скромной
Рассказал. Изменой темной остается лишь добить.
Сумасшедший! Для лихого смел ко мне явиться слова.
Это — визирь! Мне такого нужно ль? Здесь тебе не быть!

В чем досада, в чем кручина, не должны ль от властелина

Утаить? А тут лавина глупых слов — им слух готовь.
Уж оглох бы я скорее, чем тут слушать лиходея.
Грех моя отбросит шея, коль твою пролью я кровь».

И еще сказал: «Когда бы, раб неверный, раб ты слабый,
Был не послан им, с плеча бы — голова. И разум наш
Не узнал бы скорби нудной. Ишь безумный, безрассудный!
Прочь, сказитель сказки трудной! Сделал дело — и шабаш».

Он нагнулся, стул хватает. В стену — стену раздробляет.
В цель свою не попадает. Но алмазом стал ивняк.
«Как ты мог, хоть бы в намеке, боль мою ускорить в сроке?»
Визирь плачет, белы щеки, в помутневшем взоре мрак.

Видя этот гнев ужасный, визирь прочь бежит злосчастный.
Больше речи нет напрасной. Как лиса, он выполз вон.
В самом сердце больно ранен. Сколь успех непостоянен.
Как придворный, был желанен — и самим собой сражен.

Размышляет он: «О боже, есть ли больше скорбь? И что же
Думал я, его тревожа? Чем так был я затемнен?
Кто б он ни был, кто не дело властелину молвит смело,
Пусть достигнет он предела. Скорбь, как я, да знает он».

Как вошел, глаза сияли. Вышел визирь уж в опале.
Автандилу он в печали говорит, душой скорбя:
«Вот спасибо. Я придворный — светлый был, а ныне черный.
Людам лик явлю зазорный, сам утративши себя».

Просит подкуп. Хоть тревожит душу скорбь, он шутики множит.
Как еще шутить он может? Или шутит как в бреду?
Говорит: «Кто договора не исполнит, с тем и ссора,
Путь крутого разговора. Подкуп нужен и в аду».

Молвит: «Как я был привечен! Как царем я был отмечен!
Человек недолговечен. Мог уж быть я неживым.
Как глупец перед ним предстал я. Честь и разум потерял я.
Как еще живой бежал я? Верно, был господь над ним.

А ведь тут не заблужденье. Знал, что делал, без сомненья.
Предумышленность стремленья. Гнев его предвидел я.
В том печаль моя двойная. Но страдаю за тебя я.
Значит, жертва не пустая, хоть бы смерть пришла моя».

Отвечает витязь смело: «До его уйду предела.
Если роза облетела, умирает соловей.
Улетает за живую он водою ключевою.
Коль, не смочен он росой, жаждой он сожжен своей.

Без него здесь не живу я. Сесть ли, лечь ли не могу я.
Если так томлюсь, тоскуя, как же хочет Ростеван,
Чтоб блистал я пред войсками и сражался я с врагами?
Кто с угрюмыми мечтами, свет ли помощи в нем дан?

Я сказал царю однажды. Я скажу ему и дважды.
Пусть он видит пламя жажды, сердце сушащей мое.
Коль не дашь мне разрешенья, я тайком исчезновенье
Совершу без позволенья. Смерть грозит? Давай ее».

После речи беспокойной визирь пир затеял стройный,
Их обоих пир достойный. Рассыпает он дары.
Юных, старых награждает. Пир веселием блистает.
Витязь-солнце отбывает. Час ночной пришел поры.

Автандил царю посланье шлет: «Какое мне деянье
Совершить для сказанья благодарности царю?
Раб я твой, пока живу я. За тебя с мечом умру я.
Равность веса сохранию я. За любовь—любовь дарю».

Несравненный даже в этом. Верный мужества заветам.
Как воспеть его? Он светом весь оваян, как хвалой.
И к нему пришло смятенье. Если встало затрудненье,
В ком есть помощь и спасенье? Брат поможет и родной.

20. СЛОВА АВТАНДИЛА К ШЕРМАДИНУ ПРИ ТАЙНОМ ОТБЫТИИ ЕГО

Лик и образ господина, как до брата или сына,
Говорит до Шермадина: «Ныне день надежд моих.
Мне он явит, что ты можешь, чем ты мне в беде поможешь».
Песня, ты хвалу им сложишь! Их деянья красят стих!

Он сказал: «На удаленье нет Ростена позволения
Нет в нем вовсе разуменья, как один живет в другом.
На чужбине иль в отчизне, но без друга нет мне жизни
Что ж, мне быть всегда на тризне? Против бога быть с грехом?»

Лжец наказан будет строго. Вероломный — враг есть бога.
Решена моя дорога. Но горю я весь в огне.
Без него мне где отрада? Ничего душе не надо.
Только он есть радость взгляду. Сердце кличет: «Горе мне!»

Если друг, так почему ж бы не явить во имя дружбы
Сердцу три благие службы? Служба первая — тоска,
Нежеланье отдаленья, и вторая — щедрость, рвенье,
Третья — с другом путь, стремленье, хоть дорога далека.

Но к чему нам длить беседу? Сократим ее. Я еду.
И не дам возникнуть следу. Сердце так лишь излечу.
А теперь, пока с тобою, укрепись своей душою,
Был во всем научен мною, и еще я научу.

Пред владыками вниманье. — это первое деянье.
Смелость выяви и знанье. Всё пусть точно видит взор.
Да увидит всякий, кто ты. И о доме пусть заботы
Не падут никак в темноты, — был ты светел до сих пор.

Враг грозит — не будь беспечным, щедрым будь с односердечным,
Кто же будет двуконечным и неверным — убивай.
Да не знает власть утраты. Если я вернусь, богатой
От меня дождешься платы. Служба помнится. Прощай».

Вняв приветствие прощанья, Шермадин, сдержав рыданье,
Вскликнул: «Как же тоскованье здесь я вынесу один?
В сердце сумрак водворится. Дай с тобой не разлучиться.
Если где беда случится, я слуга, ты господин.

Кто слышал, чтоб так далёко витязь ездил одиноко,
Пропадал бы так без срока, сам в скорбях, берег — слугу?
Мня, что ты погиб там где-то, как здесь быть, не видя света?»
Витязь молвит: «Тщетно это. Взять тебя я не могу.

Плачь не плачь, но невозможно. Любишь ты меня неложно.
Дай отбыть мне бестревожно. Так велит моя стезя.
Эту вынеси потерю. Дом кому же я доверю?
Я тобою верность мерю. Взять тебя нельзя. Нельзя.

Должен, если я влюбленный, быть в тоске отъединенной.
Кто же, в сердце пораженный, не скитается один?
С кем любовь, пред тем дорога. В путь, блуждать и ведать много
Дней тоски по воле бога. Не борись с игрой судьбин.

Буду я с тобой в разлуке — ты люби меня без муки.
Враг не страшен. Сильны руки. Приказать нельзя рабам,
Сам, как раб, себе, ликуя, без печали послужу я.
Смелый дышит, не тоскуя. Будит в нем боязнь — лишь срам

Я не старец тот сугубый, что, свои утратив зубы,
Огурцы собирал, да грубы оказались для него.
Умереть за друга мило. Солнце путь благословило.
С ней расстаться трудно было. Всё иное ничего.

И возьми, вот завещанье. В нем Ростену указанья
И мольба, чтоб он вниманье царски выявил тебе.
Коль умру, черта предела. Не убей себя: то дело
Сатаны. Удар свой смело встречь. И плачь. И верь судьбе».

21. ЗАВЕЩАНИЕ АВТАНДИЛА, ПОСЛАННОЕ ЦАРЮ РОСТЕВАНУ ПРИ ТАЙНОМ ОТБЫТИИ ЕГО

Сел писать он завещанье, столь прискорбное писанье:
«Царь! Прости непослушанье. Огонь зажегшего в крови
Я ушел искать. В разлуке с ним не в силах быть я. Муки
Сердца — слово здесь поруки. Лик мне божеский яви.

Знаю я, мое решенье в этот час есть дерзновенье,
Но его без осужденья примешь в днях. Есть зов? Спеши.
Жертва другу — власть закона. Царь, вспомни мысль Платона:
«Ложь двуличья — порчи лоно и для тела, и души».

Ложь — источник злоключенья. Бросить друга? Униженье.
Ближе друг в огне сцепленья, чем рожденный в братстве брат
Что мне мудрые, их знанье? Друг, так к другу и в скитанье.
Это путь для ликованья воинств света, их громад.

Глянь в апостольское слово о любви, ключе живого,
Как там хвалят, вновь и снова: «О, любовь возносит нас!»
Что любви есть чудесней? То припев священной песни,
Каждый светлый с ней чудесник, загоревшись в первый раз.

Он, творец мой, он, который мною вражеские хоры
Поразит, подмогой спорой явит малое ничто,
Закрепляющий границы, бог в мгновение зеницы
Сто сведет до единицы, и один вдруг будет сто.

Что без божьего хотенья может видеть совершенье?
Если нет лучей горенья, где фиалка? Розы нет.
Что красиво, то любимо, глаз влечет неотразимо.
Без него, как в мраках дыма, как же буду, зная свет?

Гнев узнав негодованья, ты прости мне послушанье.
В ковы взят зачарованья, не послушаться не мог.
Не уйти в тот миг стремящий — быть душой в печи горячей.
Где ни быть, что горы, чащи, если волю я сберег?

Не поможет тоскованье. Слез бесплодно проливанье.
Если свыше приказанье, не свершить его нельзя.
Наши предки завещали нам борьбу и гнет печали.
С богом разве в бой вступали те, кому чрез плоть стезя?

В чем господне предрешенье обо мне, придет в свершенье.
Сердце после возвращенья уж не будет здесь золой.
Ты да светишь величавый в многосвете пышной славы.
Он мой свет, и не лукавый с ним порыв сердечный мой.

Это, царь, мое решенье. Смерть мне, если кто реченье
Может молвить осужденья. Не скорби об этом дне.
Не могу я быть ни лживым, ни в свершении трусливым
В вечном взглядом прозорливым он в лицо посмотрит мне.

Память в друге свет в потомство. Ненавижу скопидомство,
Ложь, измену. Вероломство не свершу и для царя.
Это было бы бесстыдно. И подумать, так обидно.
Где ничтожней долю видно — запоздать, колеблясь зря?

Что случиться может хуже — смертный страх увидеть в муже?
В бой пошел, так почему же ведать страх? Кто враг, тот враг.
Не всегда ж дышать фиалкой. Кто труслив, тот в доле жалкой,
Точно женщина за прялкой. Слава лучше всяких благ.

Смерти узкая тропинка не задержка, не заминка.
Дуб пред ней или былинка, слабый, сильный — скрутит нить.
Перед ней никто не правый. Юный, старый скосит травы.
Лучше смерть, но смерть со славой, чем в постыдной жизни жить.

А теперь, о царь, с опаской говорю. Не тешу сказкой:
Смерть с мгновенною развязкой ждет всегда нас в тишине.
День и ночь в одно свивая, вдруг приходит роковая.
Коль умрешь ты, жизнь немая будет быстрой зыбью мне.

Если это воля рока, что умру в пути до рока,
Сиротой, один, далёко, вне родной страны моей,
Не оплаканный родными, не одетый в смерти ими,
Ни друзьями дорогими, — сердцем нежным пожалей.

Велики моя владенья. Кто их взвесил? Нет счисленья.
Дай же бедным сбереженья. И свободу дай рабам.
Тем, кто скудны, кто сироты, не спросивши: «Кто ты? Что ты?»,
Дай, яви мои заботы: буду близок их мечтам.

Не возьмешь чего в казну ты, на сиротские приюты
Ты отдай. Потоки — путы: часть возьми ты на мосты.

Ничего я не жалею. Щедрым будь казной моею.
Лишь тобой смягчить сумею пламень нижней темноты.

От меня уж больше вести не дойдет. Я с этим вместе
Говорю тебе без лести: вот душа, ее печать.
Дьявол тут, своею властью, не придет ко мне за частью.
Ты же чужд не будь участью. Что мы можем с мертвых взять?

Сердце я во властелине и о том тревожу ныне:
О моем — о Шермадине — ты подумай в должный час.
В счете дни обильней стали: день добавочный — печали.
Чтобы слезы не бежали, слез не дай для этих глаз.

Завещанье написал я. Сам его здесь начертал я.
Ты, кого от детства знал я, глянь, пришла разлука нам.
Ухожу, а в сердце крики. Но пресветлые владыки
Да пребудут яснолики и царят на страх врагам».

Написавши завещанье, Шермадину то писанье
Отдал он. Сказал: «Посланье это ты отдай царю
В час свой. Ум твой это знает». И его он обнимает.
И над верным проливает кровь с слезами как зарю.

22. МОЛИТВА АВТАНДИЛА И БЕГСТВО ЕГО

Он молился: «Бог могучий, бог земель и неба жгучий,
Ты пошлешь порою тучи. Ты пошлешь порой лучей.
Царь ты царств неизреченный, непонятный, неизменный,
Дай быть твердым в муке пленной, вождь сердечных всех речей.

Боже, боже, умоляю! Ты в горах ведешь по краю.
Дал любовь, и я сгораю. Дал любви ее закон.
Я с зарей моей взнесенной впредь пребуду разлученный.
Да не будет тот зажженный огонь ко мне испепелен.

Боже, боже, кто с тобою здесь сравнится? Надо мною
Ты проходишь вышиною. Будь подмогой мне в пути.
Сохрани от бездны моря, от врагов, сильнейших в споре,
От ночного зла, от горя. Дай, живя, к тебе идти».

Совершив свое моление, на коня без промедленья.
Тайно отбыл в отдаленье. Был отослан Шермадин.
Грудь себе терзает верный. Плачет в скорби беспримерной.
В ток какой вступить размерный, коль не виден господин?

В этот день Ростен был мрачен. Был прием не обозначен.
Новый день блеснул, прозрачен,— он проснулся, раздражен.
Пламя с лика точно смыто. «Визирь где?» — сказал сердито.
И ведут того,— в нем скрыта дрожь, он бледен, утрашен.

23. СКАЗ О ТОМ, КАК ЦАРЬ РОСТЕВАН УСЛЫХАЛ ОБ АВТАНДИЛЕ И О ТАЙНОМ ОТБЫТИИ ЕГО

Чуть, униженный и скромный, визирь в зал вошел приемный,
Как Ростен сказал: «Истомной был я полон темноты.
Был в беспомыслии вчера я. Чем-то мучил ты, терзая.

В том была и гневность злая, визирь, сердце сердца ты.

Не припомню, что там было, в чем нужда у Автандила.
Что мне было столь немило? Гнев подобен был ручью.
Молвят мудрые: «Закляты в злобе пропасти и скаты».
Что мне там сказал вчера ты? Повтори-ка речь свою».

И вчерашнее тут слово визирь в страхе молвит снова.
Царь прослушал, и такого был ответа звук: «Еврей
Левий, верно, я свирепый. Или ты совсем нелепый.
Позабудь свои зацепы. Или, смерть, иди скорей».

Визирь — в поиски, печальный. Не находит, где кристальный.
Лишь толпой в тоске опальной слезы льют рабы ручьем.
Весть о бегстве, онемелый, слышит. Молвит: «Есть кто смелый —
Так — к царю. Я в те пределы не пойду — уж слышал гром».

Визирь всё не прибывает. Царь другого посылает.
Вестник медлит, не вступает. Кто дерзнет принести тот сказ?
И в Ростене подозренья. В десять раз больней мученья.
«Видно, тот, кто весь боренье, от моих сокрылся глаз».

С головою ниц склоненной, мыслит сильно огорченный.
Вздых за вздохом повторенный. Повелел рабу: «Иди.
Да придет злочно-скупный». Входит визирь злополучный.
Бледный, скорбный и беззвучный, со стеснением в груди.

Видя это привиденье, царь спросил: «Итак, горенья
Солнца нет? В нем измененье? Он превратная луна?»
Полным сказано всё сказом, как исчез, кто был алмазом.
«Солнца нет над нашим глазом, и погода не ясна».

Царь, услышав слово тайны, вскрикнул. Вопль необычайный.
В боли он скорбит бескрайной: «Милый сын мой, где же ты?»
Рвет он бороду, терзает. Лик ногтями разрывает.
«Где же светоч мой сияет? Я один средь темноты.

Если сам ты там с собою, ты не будешь сиротою.
Я же, сын, один с тоскою. Ты меня осиротил.
В язвах быть мне, болям длиться, без любимого томиться.
Час пока не даст нам слиться, — как терплю — сказать нет сил.

Не вернешься без заботы ты в веселый час охоты.
Самоцвет, кому темноты неизвестны. Стройный стан.
Не услышу дорогого. Нежный голос птицелова
В чуткий слух не кликнет снова. Что дворец? В нем мрак мне дан.

Знаю я, ты силен, молод. Лук с тобой, насытишь голод.
Кто твоей стрелой уколот, тот сейчас же в смертном сне.
Мудрость бога — всеблагая. Но коль, плача и стеная,
Сын, умру здесь без тебя я, кто ж поплачет обо мне!»

Шум раздался. Рой придворных. Воздух полон слов укорных.
Рвут брады свои в повторных удареньях скорбных рук.
«Были мы тобой богаты, — молвят, — с нами был когда ты.
Ныне день для нас проклятый — солнца нет и тьма вокруг».

Увидав ряды сановных как родных своих и кровных,

Царь в скорбях беспрекословных молвил: «Редок блеск лучей.
Солнца нет, мы слабы в силе. Чем пред ним мы согрешили?
Кто на битву взмахом крылий поведет полет мечей?»

Все с скорбящим восскорбели. И затихли, присмирели.
Царь спросил: «С слугой в том деле витязь был или один?»
И пришел, сдержав рыданье, весь в тревоге ожиданья,
И царю дал завещанье, мертвый в жизни, Шермадин.

«Вот послание какое, — молвил он, — в его покое
Я нашел. И в смутном рое лишь рабы скорбели вкруг.
Скрылся он своей тропею, никого не взяв с собою.
Смерть мне! С этою судьбою жизнь мне тягостный недуг».

Прочитали завещанье. Снова долгие стенанья.
И дает он приказанье: «В войске — черный цвет цвети.
Будем в скорби с сиротами мы молиться и с вдовами,
Бог да сжалится над нами и ведет его в пути».

24. СКАЗ О ТОМ, КАК ВТОРИЧНО ВСТРЕТИЛСЯ АВТАНДИЛ С ТАРИЭЛЕМ

Если месяц волоконце разовьет вдали от солнца,
Смотрит ярко он в оконце, если ж близко — бледен свет.
Но бессолнечность для розы есть бесцветность, мгла угрозы.
Как печальны наши грезы, если милых с нами нет.

Вот, расскажет песнопенье, как тот витязь в отдаленье
Отбывает, и кипенье в горьком сердце, плач и стон.
Едет, едет, обернется. Что, коль солнце, свет чей льется,
Солнцем сердца там зажжется? В обомленье меркнет он.

В полуобмороке млея, обессилел он, немея.
Только слезы, не редая, льет, не видит ничего.
Где же помощь? Где подмога? Только скорбь терзает строго.
Он не видит, где дорога, конь куда несет его.

Говорит: «Моя золотая! Без тебя изнемогая,
Если будет мысль — немая, мысль — проклятьем назови.
Сердце всё к тебе стремится, хочет к милой возвратиться.
Кто в любви, да подчинится он сполна своей любви.

До того, когда мгновенье принесет соединенье,
В чем найду отдохновенье? Я б себя убил сейчас.
Я б ушел из жизни вольно. Ты была бы недовольна.
И тебе бы стало больно. Лучше слезы лить из глаз».

Молвит: «Солнце! Нежа очи, образ солнечной ты ночи
Перед тем, кто средоточий есть единство, в бурях тишь.
Ты, что всем телам небесным быть даешь в пути чудесном»
За скитанием безвестным дай мне с нею быть. Услышь.

Для премудрых в жизни сменной образ бога ты нетленный.
Помоги. Я ныне пленный. В кандалах железных я.
Через горы и равнину я к кристаллу и рубину
Путь держу — сам, бледный, стыну. Ранит близь и даль моя».

И, «прости» сказав покою, в плаче тает он свечою.
Опоздать страшась, порою поздней едет между гор.
Пала ночь, и звезды встали. Отдых в них его печали.
С ней сравнил их в синей дали, с ними держит разговор.

Он до месячного круга молвит: «Страстного недуга
Огнь ты шлешь. Любить друг друга ты велишь. Страдать, любя
И бальзам даешь терпенья. С той, в ком лунное горенье,
Дай мне с ней соединенье через пламя — чрез тебя».

Ночь была ему услада. День лил в сердце капли яда.
Словно отдыха средь сада, ждал, когда придет закат.
Видит ключ, остановился. До журчанья наклонился.
И опять он в путь пустился, не стремя уж взор назад.

В одиночестве так вдвое плачет тот, чей стан — алоэ.
Хочет пищи всё живое. Застрелил себе козла.
Ел, зажарив. Стал бодрее. Лик воинствен, пламенея.
Молвит: «Жизнь без роз беднее и совсем невесела».

Всё о нем не расскажу я, как он ехал там, тоскуя,
То отраду в сердце чуя, то скорбя о гнете зол.
И не раз глаза краснели. Но уж путь дошел до цели.
Вон пещеры засерели. Прямо к входу он пошел.

Вон Аснат. К нему душою рвется. Хлынули струею
Слезы. Радостью такую не зажжется дважды взгляд.
Витязь прочь с коня скорее. Обнял. Сердцу веселее.
И целует. Если, млея, ждет кто друга, встрече рад.

Он спросил ее: «Владыка где?» И слезы льются с лика
Юной девы. Горше крика безглагольная печаль.
Молвит: «Чуть ты удалился, стал блуждать он, вовсе скрылся.
Быть в пещере тяготился. Где он? В чем он? Скрыла даль».

Столь был витязь огорченный, словно был копьем пронзенный
Прямо в сердце. И, к смущенной обратись Аснат, сказал:
«О сестра! Как некрасиво! Лгать тому, в ком всё правдиво?
Иль он клялся торопливо? Иль, поклявшись, он солгал?»

Целый мир в ничто считал я. Клятву дал, ее сдержал я.
В нем был мир — и потерял я всё, когда превратен он.
Света нет мне никакого. Как он смел нарушить слово?
Впрочем, что же? Рока злого властью весь я омрачен».

Дева молвила стыдливо: «Прав ты в этот миг порыва.
Но суди же справедливо и в пристрастье не вини:
Сердце может обещаться — клятву выполнить, не сдаться, —
Сердце вырвано — скитаться должен он, сжигая дни.

Сердце, дух и мысль — в слиянье. Сердца нет — и те вскитанье.
Кто в том странном сочетанье потеряет сердце вдруг,
Он, как вихрями носимый, от людей бежит, гонимый.
Знал ли ты, какие — дымы, если пламени — вокруг?»

С побратимом разлученный, прав ты в боли огорченной.
Но какой он был взметенный! Как скажу о пытке той?
Изменяют здесь слова мне. Возопить могли бы камни.

Та видна была тоска мне, под моею злой звездой.

Еще не было сказанья о такой тоске страданья.
Тут в скалу войдет терзанье. Влагу рек придашь ручью.
Эта огненная пытка больше всякого избытка.
А ума в любом не жидко, если кто другой в бою.

Как пошел он, так, сгорая, молвлю я: «Твоя сестра я.
Автандил придет — тогда я что ж отвечу, побратим?»
Он сказал: «Коли придет он, здесь меня легко найдет он.
Молви: «Брат твой — близко, ждет он». Клятву я сдержу пред ним.

Слово дал, не жди другого, не нарушу это слово.
Буду ждать, хотя сурова пытка дней, что суждена.
Коль умру, пусть похоронит и свое «увы» обронит.
Если жив я, значит, стонет дух и жизнь уж неверна».

С той поры я и донныне всё одна в моей кручине.
Солнце было на вершине и сокрылось там в горах.
Вся исполнена отравы, увлажняю грустью травы.
Дух безумья — дух лукавый. Я забыта смертью в днях.

Камень есть в краях Китая. Надпись там на нем такая:
«Кто не ищет друга — злая жизнь его, себе он враг».
Но зачем бродить по странам? Кто, как роза, был румяным,
Ныне желтым стал шафраном. В путь к нему, — и всяких благ».

Витязь молвил: «Осуждая, что бранил его тогда я,
Ты права. Но глянь, какая также в этом боль моя.
Раб любви, к рабу другому я бежал, уйдя из дому,
Как олень, тая истому, до ручья стремился я.

Только он был сердцу нужен. С той, в ком нежный свет жемчужин
С хрусталем, рубином дружен, был я счастлив без конца.
И не мог быть с ней счастливым. Скрылся в беге торопливом
Богоравных тем порывом оскорбил, пронзил сердца.

Царь, кому я сын приемный, от кого мой свет заемный,
Перед ним я вероломный, бросил в старости его.
В самом сердце окровавлен, беглецом он там оставлен.
Божий гнев здесь будет явлен. Ждать ли доброго чего?

В том, сестра, и тоскованье, что усердные скитанья
Привели не на свиданье. А спешил я день и ночь.
К свету шел — и нет мне света. Он ушел — и там он где-то.
Сердце лаской не согрето. Скорбь не в силах превозмочь.

Но уж больше нет досуга словом тешить здесь друг друга.
Что ж, еще одна услуга: поищу и поброжу.
Иль найду я побратима, или сам умру — и мимо.
Знать, судьба неотвратима. Что я богу сам скажу?»

Так сказал он, скорбно-строгий, и пошел своей дорогой.
Миновал он скат отлогий. За скалой прошел поток.
Тростниками — до равнины. Ветр такой, что в ветре льдины.
Заморозились рубины. Упрекал он в этом рок.

И вздыхает он всё чаще: «Бог всеильный, бог всезрящий!
В чем же грех, меня чернящий? Разлучен с друзьями я.
Для чего сюда заманен? О двоих я мыслью ранен.
Сколь мой рок непостоянен! Да погибнет жизнь моя.

Друг мне прямо в сердце кинул роз пригоршню — иглы вдвинул.
Эту клятву он низринул. С ним я ныне разделен.
Если с другом я судьбою разлучен, я с мукой злою.
Друг иной передо мною обещан, посрамлен».

Молвил: «Это прямо диво: грусть и в умном говорлива.
Ну чего ронять со срыва слез тот брызжущий ручей?
А не будет ли виднее поразмыслить и скорее
В путь к тому, чей стан стройнее, чем взнесенье камышей?»

Вот, обрызганный слезами, витязь кличет. Ищет днями.
Ищет темными ночами. Вновь искать, кричать чуть свет.
Побродил он там на воле. Лес прошел, и дол, и поле.
И не менее не боле — трое суток. Вести нет.

И исканье тут не гоже, ни к чему. Он молит: «Боже!
В чем я грешен? И за что же так тобой наказан я?
Боже, боже, эта пытка превзошла размер избытка!
Буквы огненного свитка — мне ли? Правый ты судья».

Бледный, витязь-привиденье говорил свои реченья
И взошел на возвышенье. На равнине тень и свет.
В камышах, там у густого у куста, он вороного
Видит. «Он там. Никакого здесь сомненья больше нет».

Радость в витязе блеснула, сто в нем раз переплеснула.
Сердце витязя скакнуло и притихло в тот же час.
Роза — в красном сне богатом. Блеск стал блеск, агат — агатом.
Мчится, ветром стал подъятым, не сводя горящих глаз.

Таризля увидел он, как не думал не гадал он.
Лик был смертно-бледен, впал он. Зачарованней, чем ночь.
Воротник — весь лоскутками. Головою — кровь ручьями.
Смотрит тусклыми глазами. Он шагнул из мира прочь.

Справа лев лежал сраженный, меч, весь кровью обогранный,
Слева, с шкурой испещренной, труп пантеры, бездыхан.
Сам он, призраком могильным, слезы током льет обильным.
В нем пожар огнем всеильным сердце жжет, и дик, и рьян.

Взор задернулся, туманен. К смерти близкий, лик тот странен
Видно, в сердце юный ранен. Витязь кличет, будит слух.
Говорит ему о встрече. И припал к нему на плечи.
И напрасно нудит к речи. Брат являет братский дух.

У объятого тоскою слезы стер своей рукою.
Сел с ним. Речью огневою будит брата своего:
«Сердце, что ль, в тебе остыло? Иль не знаешь Автандила?»
Говорит о том, что было. Неподвижен взор его.

Было всё — как повествую. Вот смягчил тоску он злую.

Душу чувствует живую. К Автандилу — долгий вздох.
И признал, и обнимает. Брата братски он лобзает.
Мир других таких не знает — мне живой свидетель бог.

«Брат,— сказал он,— то, в чем клялся, что сдержать я обещался,
Я сдержал — не отлучался. А теперь, в томленье дней,
Ты оставь меня с тоскою. Буду биться головою.
Как умру, покрой землею, тело скрой ты от зверей».

Витязь молвит: «В чем страданье? Злого хочешь ты деянья.
Кто любил, тот знал сгоранье, схвачен огненной волной.
Средь людей ты исключенье. Уклоняясь от мученья,
Мысля самоубиенье, взят ты, что ли, сатаной?»

Мыслишь — лучше, станет — хуже. Мудрый дрожь не множит в стуже.
Муж? Прилична стойкость в муже, и как можно реже плач.
Раз печаль идет волною, крепостною будь стеною.
Кто в несчастье — он виною. Наша мысль для нас палач.

Мудрый ты, а изреченья мудрых ввергнул в небреженье.
В чем есть мудрость, в чем свершенье? Тосковать среди зверей?
Помираешь из-за милой — а себя сокрыл могилой,
Будто слаб — когда ты с силой. Раной тешишься своей.

Кто ж любил, не зная сгоранья, ярких пламеней касанья,
Кто о ком-нибудь терзанья не прошел в огне часов?
Молви словом достоверным: что здесь было беспримерным?
Не лети же легковерным. Роз не встретишь без шипов.

Молвят розе, в час цветенья: «Почему с шипами рденья
И прекрасной находженья не свершится без беды?»
Роза дать ответ умела: «Сладость — с горьким, с духом — тело.
Коль любовь подшевелила, то — сушеные плоды».

Если так цветок бездушный мыслит, мудрости послушный.
Где же ты прием радушный встретишь сердцу без борьбы?
Жатву радости без горя, в мире с дьяволом не споря,
Не оберешь ты. В приговоре наших дней — устав судьбы.

Слушай, что тебе скажу я: на коня — и, не тоскуя,
В путь иди, с тобой пойду я. Не веди свою межу, —
Лишь свою, с своим советом. Скорбь дана нам здешним светом.
Верь. что прав я в слове этом. А уж лести не скажу».

Таризель сказал: «Немею, брат мой. С той тоской моею
Вряд ли дать ответ сумею. Обезумленный, я глух.
Видит так твое сужденье, что легко терпеть мученье.
Ныне — смерти приближенье. Вот уж я почти потух.

Да, конец земному краю. И о ней я умоляю.
С нею здесь не встречусь, знаю. Но любовного огня
Свет живет. Здесь — разделенье, там — восторг соединенья.
Да приходит погребенье. Бросьте землю на меня.

Как любимую любимый не увидит через дымы?
Мы в ином соединимы. К ней светло пойду туда.
Встречу, встретит. В миг свиданья будет сладостным рыданье.
Против слова увещанья сердца слушайся всегда.

Вот мое постановление: смерти чую приближенье.
Умираю, нет сомненья. Что тебе до мертвеца?
Коль в живых мне оставаться, нужно с разумом расстаться.
Птицы к душам вверх стремятся — так и тело ждет конца.

Что сказал ты, речи друга понимать мне нет досуга.
Поли душевного недуга, вижу смерть, она близка.
Жизнь лишь беглое мгновенье. К миру только отвращенье.
Мне с землей соединенье. В ночь ведет моя тоска.

Мудрый! В чем есть мудрость эта? От безумца ждать ли света?
Сам будь полон я совета, твой совет бы взял, не лгу.
Роза — в солнце. Солнце тает — роза в грусти увядает.
Друг меня да покидает. Уходи. Уж не могу».

Автандил к нему с другою речью доброй и живою.
«Нет, клянусь я головою. Делать этого нельзя.
В том не лучшее свершенье — пожелать уничтоженья».
Но напрасны убежденья. Слово падает, скользя.

Наконец сказал: «Прекрасно. Если речь моя напрасна,
Если внемлешь безучастно, что ж мне слово длить сейчас?
Смерти хочешь? Без ошибки смерть придет. Мгновенья зыбки.
Вянут розы и улыбки. Вянь». Блеснул слезою глаз.

«Лишь одно мое моленье ты сверши. Есть где-то рденье
Розы, есть агатов мленье,— от всего укрылся я.
Поспешил, всего лишился. И с царем я разлучился.
От меня ты отделился. В чем же радость есть моя?

Не отвергни же сурово, а мое исполни слово:
Раз еще тебя я снова пусть увижу на коне
Ты души был ворожащим, похитителем блестящим.
Не уйду же я грустящим. В этом будь послушен мне».

«На коня!» И для моленья уж не нужно повторенья.
Знал он сердцем без сомненья: не дружна с конем печаль.
Тот тростник до конской шеи склонит лик — и веселее.
Радость в той была затее. Уж не рвутся стоны вдаль.

Молвил грустный: «Я поеду. Дай коня». В душе победу
Чует тот. Идет по следу. Помогает сесть в седло.
Он его не нудит ныне. Едут вместе по равнине
Гибок стройный. И в кручине стало легче и светло.

Говорит. И блещут зубы. И коралловые губы
Знают речи, что не грубы, а уходят прямо в слух.
Стал бы юным тут и старый, слыша слово в свете чары.
И смиряются пожары. И не так печален дух.

Есть гашиш и для печали. Розы бледно увядали, —
Видит витязь, ярче стали. Радость — зелье для ума,
Для безумья — жалоб вздохи. Ну, дела не так уж плохи.
Были разума лишь крохи, а теперь светлеет тьма.

И гуторят эти двое. Молвит слово он прямое:
«Изъясни мне, что такое на руке там на твоей?
Это нежной той запястье, кем ты ранен? Что ж, в нем счастье.

Над тобою полновластье? Расскажи — потом убей».

Молвит тот: «В чем есть сравненье несравненного виденья?
В этом жизнь, восторг, мученье. Это лучше мне, чем мир.
Что земля, вода, деревья! Что людские все кочевья!
В этом скрыта чара девья. Только с этим сердцу пир».

Тот сказал: «Я мыслил верно. Ты ответил беспримерно.
Но и я уж достоверно льстить не стану пред тобой.
Бросить так Асмат — злосчастье больше, если то запястье
Потерять. Быть без участия — выбор худший, не худой.

То запястье золотое драгоценщик сделал в зное.
И остыло неживое, и бездушна в нем игра.
Для Асмат — отъединенье. Вот так верное сужденье.
Но с твоей в ней есть сплетенье. И она твоя сестра.

Связь меж нею и златою, для кого была слугою.
Чрез нее и та с тобою, а прекрасна и она.
Между ними единенье. Что же, ей лишь небреженье?
Ну, шабаш! Твое сужденье — глубина совсем без дна».

Тот ответил: «Справедливо. Речь твоя вполне правдива.
Жаль Асмат. Без перерыва скорбь. Душой она с Нестан
И меня всё зрит такого. Жить уж я не думал снова.
Ты терзанья огневого боль смягчил, но всё — туман».

Но, Асмат вспоминая, едет к ней. И речь живая
Между братьями — как стая птиц в час утренней поры.
Как скажу им восхваленья? Зубы — жемчуг, губы — рденье.
И змея, оцепененье сбросив, смотрит из норы.

Витязь молвит: «Для тебя я, ум и сердце раскрывая,
С ними душу отдавая, всё пожертвовать готов.
Но не будем трогать рану. И указывать не стану,
Что подобен клад обману, если скрытан меж кустов.

Тек и мудрость, если ею сам я править не умею.
Скорбен? Всё ж тоской своею не обрежь течение дней.
Смерть придет и не обманет. Роза сразу не завянет.
Бог позволит — солнце глянет, лишь уверуй и посмей»

Грустный молвит: «То ученье сколь достойно разуменья.
Умный любит наставленье. Даже глупый им пронзен.
Но и мудрость светит скудно, если мне чрезмерно трудно,
И тебе ведь с этим нудно. На укор твой удивлен.

Воск с огнем горячим сроден: светит — свет тот благороден.
Но с водою он не сходен: в воду пал — и вдруг погас.
Если в ком есть огорченье, он составит заключенье,
Что в другом. Мое горенье мог бы ты понять сейчас.

Всё, что было здесь со мною, расскажу тебе, не скрою.
Правосуден будь со мною, поразмыслив обо мне.
Ждал тебя я там сначала. Но пещера раздражала.
В ней простора было мало. Я к равнине на коне.

Тростником мой путь измятым. Пробираюсь этим скатом.

И с пантерой вижу льва там. Любовался ими я.
Лик казался их влюбленным. Сразу стал я восхищенным
И потом я был смущенным. Ужаснулась мысль моя.

Здесь на скате, над равниной, были двое те картиной
Двух влюбленных, сон единый. Лев с пантерой бьи мне мил.
И потом меж них сраженье, и борьба, и озлобленье.
Он за ней. Того виденья вынести я не в силах был.

Раньше весело играли. В ссоре бешеными стали.
Лапы резко ударяли. Смерть была им не страшна.
Вдруг в пантере обомленье, словно в женщине смущенье.
Лев погнался. Раздраженья в нем кипучая волна.

Я не мог им любоваться. За любимой так погнаться?
И терзать ее, и драться? Нет, такая удаль — срам.
Меч блеснул мой обнаженный, и копьём он был сраженный.
С головой своей пронзенной, он простился с жизнью там.

Меч я в сторону бросаю. Прыг к пантере и хватаю, —
Я обнять ее желаю в честь моей, в ком всё — мое.
Но на то движенье веры — рев и когти мне пантеры.
Это было мне — вне меры. Тут убил я и ее.

Я искал пожар тот страстный укротить. Порыв напрасный.
И во мне тут вспыхнул властный гнев. Изранен весь мой лик.
Хвать — и в землю. Стихла злая. Вспомнил милую тогда я.
Но душа — во мне. Страдая, разрешил я слез родник.

Видишь, брат мой, что со мною. Как же боль мою укрою?
Жизнь мне — бремя. Но судьбою присужден я длить мой час.
Жизни нет, а жизнь всё длится. Смерть прийти ко мне боится».
Смолк. И слез поток струится. Сколь печален тот рассказ.

25. СКАЗ О ТОМ, КАК НАПРАВИЛИСЬ ТАРИЭЛЬ И АВТАНДИЛ К ПЕЩЕРЕ И КАК УВИДЕЛИ ОНИ АСМАТ

Видеть это горе было — боль души для Автандила.
Но сказал: «Еще есть сила. Потерпи. Всему есть час.
Милосердье есть у бога, хоть твое страданье строго.
Будь вам разная дорога, он в любви не свел бы вас.

Кто в любви, с ним злоключенье, в жизни знает огорченье.
Но, узнав сперва мученье, знает после радость он.
У любви свои законы: в смерть ведет и будит стоны.
Обезумлен ей ученый — неученый научен».

Так поплакавши, отбыли. По равнине серость пыли.
До пещеры путь стремили. Встречу им бежит Асмаат.
Были слезы, целовались. С плачем нежно обнимались.
И вестями обменялись. Верный верных видеть рад.

Говорит Асмаат: «Могучий боже! Ты, в ком гром и тучи,
Ты, как солнце, лаской жгучей нас наполнил, дал нам сил.
Как, хваля, могу с хвалою достохвальной пред тобою
Быть? Стократною слезою ты меня не истребил».

Тариэль сказал, вздыхая: «О сестра моя! Родная!

Слезы вечно проливая, я скорблю о том же здесь.
Знали радость — с ней мученье: в том судьбы постановление.
О тебе лишь сожаленье, а не то б я в смерти — весь.

Если жажда мучит злая, кто же здоровый, пить желая,
Брызжет, воду проливая? Слезы льются, как ручей.
Если влагу кто иссушит, смерть придет и всё разрушит.
Ах, печаль язвит и душит! Нет жемчужины моей».

Также в сердце Автандила вспоминанье болью было.
«О зря! Златая сила! Без тебя живой ли я?
Без тебя и жизнь томленье. Как сказать мои мученья?
И какой тоской горенья сожжена душа моя?

Роза как без солнца станет расцветать и не завянет?
И каким удел наш глянет, если солнце за горой?
Дух во мне единовеца со цветами: вянет сердце.
Всё ж есть где-то к встрече дверца. Каменей, но будь собой».

Душу вздохом утишили, хоть огонь был в полной силе.
Больше слов не говорили. В том же, сердцем, и Асмат.
Жара также в ней немало. Шкуру тигра им постлала.
Сели. В них печаль устала. И светлее говорят.

Хорошо бы хлеба-соли. Да в такой живут тут доле —
Хлеба нет, а мяса боле, и поменее гостей.
Тариэля угощают. Тело пищи не вмещает.
Пожевал кусок — бросает. И конец трапезе всей.

Нет отрады в слове спора, есть уютность разговора.
Сердце с сердцем может скоро сговориться в час любой.
Вот в беседе много чары. Замолкают тут пожары.
И судьбы сносней удары в миге радости живой.

Эту ночь те львы, герои, говорили про былое.
День пришел — беседа вдвое многословна и полна.
Всё друг другу рассказали, что там было в чужедали.
Обещанья подтверждали, клятва вновь меж них дана.

Тариэль сказал: «Словами не расскажешь, что меж нами.
Долг отдам свой лишь с годами, бог порука, даст мне сил.
Клятва клятву держит туго. Не забыть в разлуке друга.
Это высшая услуга,— тут не пьяный говорил.

А теперь прошу правдиво, ты сдержи полет порыва:
Здесь не труп и не огниво, это пламя ты не тронь.
Для тебя — твоё горенье, тут закон миротворенья.
Так иди до места рденья, где твой солнечный огонь.

Излечить меня уж трудно и ему, кем многочудно
Создан мир, где свет нескучно, щедро царствует над тьмой.
Разумел я тоже что-то до минуты поворота.
Вот безумье, вот забота. Ныне бред — мой часовой».

Автандил сказал: «Какого ждать ответа, если слово
Полно разума живого? Ты как мудрый говорил.
Но оспаривать я стану, что нельзя такую рану
Залечить. Всеми изъяну есть конец. Жди в боге — сил.

Для чего б, вас создавая, вас любовью обвивая,
Бог вас, вечно разлучая, обезумил, в смерть гоня?
Путь любви есть путь по бедам. Здесь тоска крадется следом.
Но восторг вам будет ведом,— а не то убей меня.

В чем же гордость человека? В чем он муж, а не калека?
Боль терпеть хоть век из века и не гнаться с гнетом зол.
Труден мир, да бог подмога. Научись же хоть немного.
Знание — верная дорога. Не идет ей лишь осел.

Так скажу тебе, дерзая. Слушай, будет речь какая.
Мне позволила золотая отлучиться. Молвил ей:
«С сердцем я испепеленным. С ним я — помыслом бездонным.
Что ж здесь буду огорченным? Только грусть душе твоей.

В этом слов пусть будет мало». И она мне отвечала:
«Дружба дружбу увенчала. Этим я не огорчусь».
И пошел я к дальним странам. Был не хмельным я, не пьяным.
Что ж теперь? Вернусь с обманом? Покажусь пред ней как трус?

Делай дело — размышляя. Роза вянет, засыхая, —
Польза в ней себе какая? А другой ей будет рад.
Сам себе что сделать можешь? Только сердце растревожишь.
А захочешь, мне поможешь. С братом братски будет брат.

Где ты быть ни пожелаешь, там и будь себе как знаешь:
Мудро сердце — отдыхаешь. Ум безумен — закипай.
Но в тиши и в боли крика сохраняй ты стройность лика.
Не растрать всю силу дико и гори, но не сгорай.

Чтоб добиться нашей цели, чтобы весть принести веселий,
Год прошу с одной неделей. Я вернусь в цветенье роз.
И сюда в пещеру это ликование снов и цвета
Донесет огонь привета. Вздрогнешь. Чу! залаял пес.

Превзойду ли меру срока, ты же будешь одиноко
Ждать меня — в том воля рока, это значит — умер я.
Это будет указанье, что захочешь — дли рыданья
Или бросься в ликование. Как захочет мысль твоя.

Может быть, бужу печали? Ты — один, я — в чужедали.
Корабли ведь изменяли. Конь споткнется на скаку.
Как узнать, где ждет потеря? Нет чутья, нет глаза зверя.
Бог решит. И, в бога веря, я вступаю здесь в реку».

Он промолвил: «Продолженье слов — одно лишь утомленье.
Для чего тут рассужденья? Нет вниманья, смысла нет.
Если друг не за тобою, ты иди его стопою.
И в конце, что скрыто тьмою, станет явным, видя свет».

А когда всё будет явно, и увидишь ты подавно,
Как здесь трудность своенравна, хоть блуждай иль не блуждай.
Я снесу безумья бремя, хоть стучит мне молот в темя.
Но коль смерть придет в то время, как скажу тебе: „Прощай!”»

Завершилось говоренье. Клятвы — снова повторенье.
И в равнину их стремленье. Каждый стрелы взял и лук.

Настреляли там дичины. Но в сердцах туман кручины.
Уж остался день единый. Завтра — врозь и больше мук.

Ты, что с словом песнопений по тропе идешь мучений, —
Как быть сердцу в миге рдений, коль без сердца сердце то?
Если сердцу весть разлуки — это нож, он режет руки, —
В смерть уводят эти звуки. А без пытки был ли кто?

Утро бледными лучами застает двоих с конями.
Дева с ними. И слезами взор блеснул, бежит ручей.
В смутных ликах цвет жасмина. Их зовет к себе равнина.
Эти львы, чье горе львино, спешают в мир зверей.

Покидают путь пещерный. Крик печали — звук безмерный.
И Асма, сестры их верной, плачет жалоба вдвойне:
«Кто вам плакальщицей будет? Львы! Вас песня не забудет.
Солнце звезды гасит, нудит быть во тьме. О, горе мне!»

Так скорбит она в печали. Вот «прости!» они сказали.
Вместе к морю путь держали. Побережье — вот оно.
Вновь проводят время ночи. Делят пламя. Ночь короче.
О разлуке плачут очи. Всё скорбеть им суждено.

К Тариэлю Автандила таковое слово было:
«Слезы сохнут. Грусть остыла. Не пойму я, почему
Так Фридон тобой оставлен. К солнцу путь там будет явлен.
Будет мною он восславлен. Покажи тропу к нему».

Тариэль без промедленья указывает направленье.
«Там Фридон, — его реченье. — Всё иди ты на восток.
Вплоть до берега морского. Коль увидишь дорогого,
Так от брата — ласки слово. Помнит брат, хотя далек».

Вот козла они убили. Как поешь, так будешь в силе.
За собою потащили. Разложили там костер.
И поели, сколь возможно. Было древо; страх дорожный.
У корней их сон тревожный. Груб, судьба, твой приговор

Вот заря горит жемчужно. Встали. Им расстаться нужно:
Сердце с сердцем плачет дружно. Что слова, когда — уж путь.
Как слова перекликались! Как они там обнимались!
Долго, тесно прижимались, у разлучных с грудью грудь.

Были вздохи сожаленья, лиц ногтями пораненья.
И уж розно их стремленье, тот назад, а тот вперед.
Проезжают тростниками. Достают пока глазами,
Кличут скорбно голосами. Ах, тут солнце станет лед!

26. СКАЗ О ТОМ, КАК ОТПРАВИЛСЯ АВТАНДИЛ К ФРИДОНУ, КОГДА ОН ВСТРЕТИЛ ЕГО В МУЛЬГХАЗАНЗАРИ

Мир прискорбный. Рок бессонный. Что ты крутишься, взметенный?
Чем ты вечно огорченный? Кто уверует в тебя,
Тот, как я, поймет мученье. Стой! Куда ты мчишь стремленье?
Вывешь, вырастив, растенье. Всё ж нас видит бог, любя.

Автандил в скорбях разлуки воздымает к небу руки.
Вопль его исполнен муки. «Кровь лилась, бежит опять.

Так же трудно расставанье, как и в небе нам свиданье.
Меж сердцами отстоянье. Сердцу сердце не понять»

Плачет. Звери полевые жадно слезы пьют живые.
Он не в силах огневые пытки сердца превозмочь.
Тинатин в его печали. Скорби душу укачали.
Розы губ кристалл встречали. День печальному как ночь.

И коралл его тускнеет. Роза вянет и темнеет.
Как лазурный камень млеет то, что было как рубин.
Путь уходит, сер и пылен. Смертный страх над ним бессилен.
Молвит: «Мрак кругом могилен. Гаснет солнце среди равнин».

Молвит к солнцу: «Лик прекрасный! Тинатин ты образ ясной!
Оба мир счастливить властны. По лугам струите свет.
Я в безумии туманном и с упорством непрестанным
Взором — с ликом тем желанным. Что ж я вами не согрет?»

Солнца нет — зима как в дыме. Я ж с двумя расстался ими.
Так печалью какими полон дух, придя на срыв?
Не страдают только скалы. Я же весь в тоске усталой.
Нож не лечит рапы алой, причиняет лишь нарыв».

И, до неба восклицая, к солнцу вопли обращая,
Кличет: «Солнце! Власть живая! Ты, кем светит каждый край,
Ты, в лучах непобедимый возноситель и хвалимый,
Дай мне быть с моей любимой, день мой в ночь не обращай!»

Ты, Зуаль, звезда томленья, дай мне слез и дай мученья,
Черной тенью огорченья сердце скорбное закрой.
Грусть пусть ляжет с грудой груди, точно тяжесть на верблюда.
Но скажи к моей отсюда: «Не покинь его. Он твой».

О Муштхар, ты правосудный, ты благой судья, хоть трудный.
Так приди же в час мой судный, сердце с сердцем рассуди.
Не тесни меня узором, круто свитым приговором.
Не удвой удар, которым я уж ранен ей в груди.

О Марикх, планета мщенья, ты копьем без сожаленья
Проницай меня, чтоб, рденье крови зная, был я ал.
Как терзаем я скорбями, расскажи, скажи словами,
Чтобы знала, как ночами знаешь ты, каким я стал.

Аспироз, звезда леченья, дай немного облегченья.
Я в нещадное горенье ввергнут ею и судьбой.
Ты сияешь прихотливо, и тобой она красива.
Я же, брошенный у срыва, обезумлен здесь тобой.

Отарид, планета знанья, лишь с тобой, через терзанье,
Схож я: с Солнцем нам слиянье и раздельность; ты горишь,
Я горю. В огне вращенья запиши мои мученья.
Вот чернила — слез теченье, вот перо — в росе камыш.

Свет высокий благородства, и с тобой, Луна, есть сходство:
Солнца чуя превосходство, я меняюсь среди пустынь.
То я весел, ярко око, то хUDEЮ одиноко.
Молви ей: «Не будь жестока. Весь — к тебе он. Не покинь».

Глянь на звезды, есть в них зренье. В Семизвездье — подтвержденье.

В Отариде, в Солнце — мленье, и Муштхар, Зуаль — в огне.
И тоскуют надо мною Аспироз, Марикх с Луною.
Взят я огненной волною. Без нее пожар во мне».

Молвит к сердцу он: «В кручине не убью себя я ныне.
Ясно, с дьяволом в пустыне побратался. Знаю сам —
Та, чьи косы, та, чьи очи — крылья ворона и ночи,
Ум безумит мой. Но в мочи вынести боль — путь к счастью нам.

Коль стерплю всех пыток грудю, к ней я, к солнечному чуду,
Возвращусь. Не вечно ж буду я стонать. Душа жива».
И запел он светлогласно, хоть сдержат тоску — напрасно.
Так звучала песнь прекрасно — соловей пред ним сова.

Витязь пел. И, слыша пенье, звери в чаре удивленья
Приходили. С негой мленья камни встали из волны.
И дивились, и внимали. Плакал — плакали в печали.
Песню грустную качали волны, тихие, как сны.

Всем живым напевы милы. В песне чара тонкой силы.
Вон морские крокодилы, рыбы, звери без конца.
Птицы ветра как в тумане. И индийцы, персияне,
Руссы, франки, египтяне — все пришли на зов певца.

27.СКАЗ О ТОМ, КАК ПРИБЫЛ АВТАНДИЛ К ФРИДОНУ, КОГДА ОН РАССТАЛСЯ С ТАРИЭЛЕМ

Витязь, чувствуя истому, к побережью морскому
Дней уж семьдесят, как к дому, направляет бег коня.
Там вдали, где в пене море, моряки в его просторе.
Кличет он с огнем во взоре: «Кто научит здесь меня?

Кто вы? Это чьи владенья?» Говорят, явив почтенье:
«О прекрасное виденье! Ты, приятно-странный сон.
Взор твой — светлая зарница. Глянем, гаснем, ум темница.
Здесь турецкая граница. Рядом царствует Фридон.

Если чувств мы не лишимся, на тебя смотря, — потщимся
Дать ответ. Мы здесь гордимся тем, что царь наш — лик чудес.
Смелый, щедрый и могучий, на коне наездник жгучий,
Нурадин Фридон — горячий свет с далеких нам небес».

Витязь молвит: «Благодать я повстречал здесь с вами, братья.
Он мне нужен. Где искать я должен вашего царя?
Как долга к нему дорога? Укажите, ради бога».
В них пришла ему подмога. Провожают, говоря:

«Это путь в Мульгхазанзари. Там, в своей блестящей чаре
Он, чей меч горит в ударе, чья стрела свистит, летя
Десять дней пути отсюда. Но, рубиновое чудо,
Кипарисный, ты откуда? Ты сжигаешь нас, блестя».

Витязь молвит: «Это греза в вас какая-то. Мороза
Вкус узнавши, разве роза может радовать вас так?
Вот когда мы без печали приходящих привечали,
Это верно, засвечали светлым взглядом ночь и мрак».

Погуторили немного. И один. И путь-дорога.

Где-то встреча? Свод чертога? Строен он, и сердце — сталь.
Конский топот мчит, мелькая. Вслух он мыслит, вздыхая.
Из нарциссов дождь, стекая, моет влагою хрусталь.

Повстречаются чужие — вот они уж с ним родные,
Говорят, склоняя выи. В нем им радость и уют.
С ним дорога изумрудна. Он им светит многочудно.
И расстаться с ним так трудно. Повожатого дают.

Он уж близко, он у цели. Там равнина на пределе.
В круге воины глядели, замыкая луг кольцом.
Луки с силой напрягают. Стрелы зверя настигают.
Столько дичи убивают, словно косят хлеб кругом.

Вот ему навстречу кто-то. Вопросает: «Чья охота?
Топот, шум, людей без счета». И ответ ему: «Фридон,
Властелин Мульгхазанзара, — на охоте, полон жара.
Звери ждут его удара, завлеченные в загон».

Он ликует. Без сравненья, он чарует, он виденье.
Как вложу я в песнопенье тонкостанную красу?
Кто посмотрит — озарится, мерзнет — если отлучится.
Всякий с ним возобновится, как весенний куст в лесу.

В средоточье, где облава, вдруг орел взлетел. Лукаво
Глянул витязь, мыслит: «Слава!» Лук направил он сейчас.
«Не паду лицом здесь в пыль я». Сбит орел. Разъяты крылья.
Скок с коня. И без усилия срезал их не торопясь.

Вновь в седле сидит он, стройный. Круг стрелков тут беспокойный,
Прекратив стрельбу, прибойной поспешил к нему волной.
Разомкнулася облава. Эти слева, эти справа.
Мыслят: «Кто он? Величаво светит взор. Он кто такой?»

На лугу был холм высокий, и Фридон там светлоокый.
Свиты круг глядит широкий, сорок лучших там стрелков.
Автандил туда стремится. Ток толпы за ним струится.
И Фридон, сердясь, дивится: «Что в рядах моих полков?»

Шлет раба с таким реченьем: «Что объяло их смятеньем?
Словно взяты ослепленьем, почему идут сюда?»
Быстро раб туда приходит. Видит — диво. Глаз не сводит
Ум его в забвенье бродит. Он ослеп. Пред ним звезда.

Автандил его заметил и к нему со словом, светел,
Обратился и приветил: «Вот владыке доложи.
Чужеземец одинокий из страны пришел далекой.
Тариэль прислал высокий. Побратим его, скажи».

Раб Фридону слово это говорит: «Там пламя света.
Солнце там, даятель лета. Тут впадет и мудрый в бред.
Весь похож он на картину. Как помыслию, прямо стыну
Он к Фридону Нурадину, Тариэля с ним привет».

Услыхал о Тариэле, рад Фридон. И заблестели
Слезы. Скорби просветлели. Сердце бьется. Меньше мглы.
Роза чует ветер с юга, но от век стремится вьюга.

Вот приветствуют друг друга. Одному в другом хвалы.

Нурадин с холма спустился. Витязь тут же очутился.
И Фридон, смотря, дивился. «Коль не солнце, кто же ты?»
То, что молвил о победном раб в хвале, всё было бледным.
Полны чувством заповедным, слезы льют, смешав мечты.

Обнялись. И без опаски расточает сердце ласки.
Два звена в одной завязке. Ум впадет, их видя, в блажь.
Смерть мне, если в этой чаре, или ныне, или встари,
Блеск подобный на базаре купишь ты или продашь.

Где есть витязи-герои, как Фридон в лучистом зное?
Но еще ценней алоэ и достойнее хвалы.
Светлым сном горят планеты — солнце гасит эти светы.
Свечи дымкою одеты днем и светят лишь средь мглы.

На коней, и до чертога их ведет теперь дорога.
Уж зверей убито много. И охоты больше нет.
И дружины громоздятся Автандилом любоваться.
«С чем бы мог живым сравняться этот дивный солнцесвет?»

Он к Фридону молвит слово: «Знаю, полон ты живого
Любопытства — из какого края я и как я брат
Тариэля. Побратимы с ним мы. Он сказал, любимый:
«Брат!» — и мы неразлучимы. Я ему рабом быть рад.

Ростеван мой царь. Сановный, я в Арабии верховный
Вождь дружин, средь них — их кровный. Называюсь Автандил.
Из семьи я благородной и возвращен царем, как сродный
С властью, смелый и свободный. Кто меня бы оскорбил?

Как-то раз, когда охота уж кончалась, видим: кто-то
Горько плачет, в нем забота. Это плакал Тариэль.
Мы смущались, царь дивился. Звали, к нам он не явился.
Царь чрезмерно рассердился. Как нам знать, что в нем метель?

Царь велел своим дружинам взять его. Но с гневом львиным
Вмиг, порывом он единым, ранил тех, а тех убил.
Размахнулся не напрасно. Лишь тогда нам стало ясно,
Что удерживать не властно месяц в шествии светил.

Царь был в гневе превеликом. Сам поехал с смелым ликом,
Чтоб схватиться в бое диком. Тариэль, признав сейчас
Царский сан, влагает в ножны меч, и бой стал невозможный.
Конь не конь, а дух тревожный, — скок, и скрылся он из глаз.

Мы искали, мы глядели. Это дьявол, в самом деле?
И следа не усмотрели. Царь забыл пиры и сон.
Так он крепко огорчился. Я — искать, и тайно скрылся.
За разгадкой устремился. Был я пламенем зажжен.

Мне искать была свобода, — три искал я долгих года.
Это случая угода, кто кхатавов увидал
Так его нашел когда-то. Вижу — роза, желтовата.
И взлюбил меня, как брата. И ему как сын я стал.

После битв, где кровь без меры изливал он в сумрак серый,

Взял и дэва он пещеры. Ходит там за ним Асмаг.
Старый там очаг дымится. Пламя скорби вечно длится.
Кто с прекрасным разлучится, обяжись тот в черный плат.

И в пещере той глубокой дева в скорби одинокой.
Дичь стреляет львиноокий. Лев накормит львят своих.
Он блуждает непрестанно. Так душа его туманна —
Только с ней побыть желанно. Он не терпит лиц людских.

Рассказал он мне, чужому, всю сердечную истому.
Он как брату мне родному дивный сказ любви явил.
Речь того, кто сумасшедший, не расскажет происшедший
Ужас весь, тот мрак нисшедший, мысль о той, в ком власть могил.

Месяц бродит неизменно. В сердце горе бьется пленно.
На коне твоём бесценно ездит он и не сойдет.
Говорящих сторонится, от людей, как зверь, стремится.
Больно мне о нем томиться. В нем о ней какой же гнет!

Мысль о витязе том странном жжет терзаньем постоянным.
И, о нем скорбя, желанном, потерял я разум сам.
В сердце бешеное горе. Даль прошел, проплыл я море.
И к таящим грусть во взоре возвратился я царям.

Я просил соизволенья длить исканья и стремленья.
Впал властитель в раздраженье. Тайно я бежал тогда.
И войска мои в печали «Горе! Горе!» восклицали.
Вот, ищу бальзама в дали. И гляжу туда, сюда.

Он сказал мне, как вы стали с братом брат в его печали.
Я пришел к тебе из дали, несравненного нашел.
Я иду за солнцесветом и, твоим ведом советом,
Буду счастлив в деле этом. Где искать скончанья зол?»

И Фридон тут держит слово. Говорит про дорогого
Брата. Оба плачут снова, нет терпения в сердцах.
И достойная хваленья грусть их — словно пенопенье.
Розы в росах окропленья затерялись в тростниках.

И при виде той кручины вопль идет в рядах дружины.
Не остался ни единый равнодушным в этот час.
Семилетняя разлука для Фридона — стон и мука.
Как стрела летит из лука — свет блеснет и свет погас.

Говорит Фридон: «Любимый! Видишь? Плачут побратимы.
Ты в словах невыразимый. Весь ты солнце на земле.
Солнца с неба ты хититель, близких всех твоих живитель.
Звезд грустящих озаритель, свет единственный во мгле.

Чуть расстаться нужно было, жизнь мне сделалась постыла.
Мыслить мне о том немило, что живешь ты врозь со мной.
Мне же только огорченье, без тебя все дни томленье,
Мир, внушая отвращенье, для меня лишь дом пустой».

За печалью долгодневной он, Фридон, тот вздох плачевный
Вылил в жалобе напевной. Стих. Покой кругом глубок.

С цветом воздуха — для взора, Автандил — краса узора.
На чернильные озера лег агатный потолок.

Светит взор, хотя загашен. В град вступают. Разукрашен.
Там дворец среди стройных башен. Всё в порядке. Всюду лад.
И рабы стоят рядами, безупречные, как в храме.
Каждый зоркими глазами Автандила видеть рад.

Вот они вступили в зданье. Превеликое собрание.
Не простое заседанье. Сто сановных с двух сторон.
В стороне сидят те двое, лучезарные герои.
Их рубин — тепло живое. Их кристалл — сияет он.

Начинают пированье. Умножают ликованье.
Лучших здравиц пожеланья. Льется светлое вино.
Автандила угощают, в нем родного привечают.
В тех, что здоровье возглашают, сердце юным сожжено.

Этот день они сидели и без счета пили, ели.
Захмелеть тут, в самом деле, даже пьяницы могли.
И заря горит в кристалле. Автандила искупали,
В пояс пышный наряжали и шелками облекли.

Витязь полон нетерпенья. Всё ж усладам развлеченья
Должен дать он дней теченье. На охоту ходит он.
Разны игры и забавы. Как стрелок, он полон славы.
Кто вступал с ним в спор неправый, в достиженьепосрамлен.

Витязь молвит до Фридона: «Быть с тобою — оборона.
Разлучиться — горечь стоны, смерть. Но трудно дольше ждать
Есть другой огонь, он строго жжет меня, зовет дорога.
И в душе моей тревога — ведь могу и опоздать.

От тебя уйти — мученье. Но сегодня — отлученье.
Оттого иное жженье, — с ним сейчас мои мечты.
Медлить путнику опасно — пусть поймет он это ясно.
Укажи, где солнце красно у волны увидел ты».

Тот ответил: «Без сомненья, ты не встретишь затрудненья
От меня. В тебе пронзенье вдаль зовущего копья.
Бог с тобой. Иди, прекрасный. Враг да сгинет твой, не властный.
Но скажи мне, витязь ясный, без тебя как буду я?

Но скорбеть теперь бесплодно. Лишь одно скажу свободно:
Одному идти негодно. Дам тебе я верных слуг.
Меч, доспехи, мул и кони — с ними будешь в обороне.
Меж сподвижников, в их лоне, свергнешь трудности вокруг».

Вот воители, четыре. С верным сердцем. В целом мире
Путь проложат дальше, шире. Будут в латах до конца.
Красным блеском светит золото. Снарядил Фридон богато
В путь, и дал он без возврата — огневого жеребца.

Для постели не убогой повезет всё крепконогий
Мул далекою дорогой. Провожает в путь Фридон.
В тех, что мига ждут разлуки, загорелся пламень муки.

От Фридона — жалоб звуки: «Если б здесь был светлый он!»

Грустный слух идет умами. Торговать ли тут шелками
Или сочными плодами? Горожанки все толпой
Сгромоздились. Тоскованье, сожаленья и рыданья.
Громы в воздухе, стенанья: «Где он, солнце, день златой?»

Вот и город миновали. Шум волны в приморской дали.
Автандил с Фридоном стали там, где видел солнце он.
Там из слезного затона кровь течет под звуки стона.
Повесть слышится Фридона, как планетный лик пленен.

«Солнце, чьи так белы зубы, чьи — рубиновые губы,
Двое черных, дики, грубы, выводили на песок.
На коне летел из дали, чтоб сразить их силой стали.
Увидали, побежали, быстрой птицей был челнок».

Тем рассказом дух волнуем. Путь в нем к новым слезным струям.
Приникают с поцелуем, обнимает брата брат.
Скрепой слиты неразлучной, всё ж расстались в миг докучный.
Мысль и мысль — в тоске созвучной. Стройный витязь ранит взгляд.

28. СКАЗ О ТОМ, КАК ОТБЫЛ АВТАНДИЛ ОТ ФРИДОНА, ДАБЫ ОТЫСКИВАТЬ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Полный месяц, отбывая, витязь думает, вздыхая.
В сердце бьется мысль живая о прекрасной Тинатин.
Молвит: «Как судьба жестока. Я один, и ты далёко.
Но бальзам, по воле рока, дан тобой среди кручин.

Почему всегда герои в тосковании и в зное?
Как скала, мое живое сердце бьется со скалой.
Три копья — пронзенье злое — в сердце мне вошли, как в бое.
Не даешь мне быть в покое, мой дурман, с отравной мглой».

Витязь с четырьмя рабами над прибрежными волнами
Держит путь прямой песками. Тариэлю где бальзам?
День ли, ночь ли, всё едино, ищет. Жизнь его — кручина.
Что весь мир ему? Мякина, и не больше, в мире там.

Где бы путников ни встретил, вопрошает, чуть приветил,
Где тот блеск, чей луч так светел. Путь в сто дней — томлений ряд.
Видит холм, на нем верблюжий караван с поклажей дюжей,
И купцы, в тоске досужей, нерешительно стоят.

Караван тот бесконечный — с виду вовсе не беспечный.
Каждый в нем — с тоской сердечной рад вперед, а вот стоит.
Витязь словом привечает, и его хвала встречает.
«Вы купцы?» — он вопрошает. «Вы откуда?» — говорит.

Мудрый муж с лицом румяным главным был над караваном.
Звался он Усам, и станом он до юного склонясь,
Говорит благословенья: «Солнце, наше утешенье.
Ты с коня хоть на мгновенье испустишь, обрадуй нас».

Сделал так. Им в том отрада. Что ж не сделать, если надо.

«Мы торговцы из Багдада, Мухаммед у нас пророк.
Вина новые не пьем мы. В град царя морей идем мы.
Караван с добром ведем мы. Наш товар не лоскуток.

Привело сюда скитанье. Человек здесь без сознания
На песке лежал. Старанья приложили мы к нему.
Помогли. Стал снова в силе. И его мы спросили
«Кто?» Сказал: «Таких насилий не покличу ни к кому.

Из Египта с караваном мы поплыли к новым странам.
Вдруг пираты. Бьют тараном. С кораблем стряслась беда.
Зацепляют нас баграми. Убивают нас мечами.
Я не знаю, как волнами был я выброшен сюда».

Лев и солнце, оттого-то наше горе и забота,
Коль назад, так в чем работа? Нам убытки во стократ.
А поедем мы волнами, вдруг беда стрясется с нами.
Как нам быть, не знаем сами. Путь — вперед или назад?»

Молвит: «Числить нет нам смысла нам неведомые числа.
Коль с высот беда нависла, не сотрешь ее приход.
Смелость быть должна в основе. Биться мне с врагом не внове.
Кто захочет вашей крови, кровь его мой меч прольет».

Все, что были в караване и томились, как в тумане,
Стали веселы. «В изъяне с этим смелым быть ли нам?
Мы трусливы, а в герое сердце вовсе не такое».
Манит поле их морское. И поплыли по волнам.

Мчит корабль их ходом рьяным. Веселятся днем румяным.
Автандил им атаманом. Смелый быть велит смелей.
Вон корабль. На нем пираты. Длиннен вымпел их разъятый,
И таран грозит рогатый для разлома кораблей.

Ближе, ближе, завопили. Кличут, в трубы протрубили.
В страхе все торговцы были пред воинственной толпой.
Витязь молвит: «Те пожары, мы лишим их страшной чары.
Всех сразят мои удары, или час здесь смертный мой.

Что написано, свершится. Вся земля пусть ополчится,
Рок решит, и не случится злоключенья никогда.
А решит, вот копьа ныне. Не помогут тут твердыни,
Ни друзья, хотя б в дружине. Знай, и будешь смел всегда.

Вы, купцы, народ несмелый, в деле битвы неумелый.
Полетят от них к вам стрелы — уходите-ка за дверь.
Посмотрите, как единым здесь я встану исполином,
Волю дав размахам лвиным, кровь их всех пролью теперь».

Быстрый барс, надел он латы. По броне огонь богатый.
С тяжелой палицей подъятой перед вражьем кораблем
Он стоит неустрашимый, в смелой мощи несравнимый.
Взором витязя крушимый, враг сражен его мечом.

Вот спешат всем вражьем станом, возопили гласом пьяным.
И хотят метнуть тараном. Вот таран приблизил рог.

Он проворным взором кинул. Тяжкой палицею ринул.
И таран сломил, содвинул. Львиной хваткой подстерег.

Метко. Где таран рогатый? Вот он с палицей подъятой.
Враг бежать, трепещет, смятый. Он молотит, как цепом.
Вынул меч, мечом их рубит. Каждый взмах их страх сугубит.
Здесь никто уж не затрубит. Все иссечены кругом.

Как козлиное их стадо. Смерть пирует. Так и надо.
Их ли будет здесь засада? Трупы мечет в море он.
Одного он о другого и седьмого о восьмого.
Те, кто жив меж мертвых, — крова ищут, сдавливают стон.

Всё, как ждал. Герою ведом достоверный путь к победам.
Тот, другой кровавым следом подползет — в его ногах.
С умоленьем жалким взгляда. «Не убей! — зовут. — Пощада!»
Благовестье вспомнить надо: «До любви приводит страх».

Человек, своею силой не хвались: вмиг будешь хилый
И спознаешься с могилой, коль помочь не хочет бог.
Искра вспыхнет — ив пожары лес облекся. И удары,
Если с богом, будут яры, — тут чурбан не будет плох.

Автандил бросает взгляды. В корабле он видит клады,
Караван зовет, и рады тем сокровищам купцы.
И Усам развеселился. Перед юным преклонился.
Так в хвалах он изловчился, что из слов он сплел венцы.

Для хвалений Автандила быть должна такая сила,
Что и тысячи бы было не довольно языков.
Караван вскричал: «Создатель! Солнца ты ниспосылатель!
В нем сияний нам даятель. Вышли к дню мы, бросив ров».

Вкруг него они ликуют. Лик пленительный милуют.
Руки, ноги все целуют. И с него не сводят глаз.
На красивого кто глянет, тут и мудрый глупым станет.
Хор твердить не перестанет: «Из злосчастья спас ты нас».

Витязь молвит: «Божья воля. Как решит, так будет доля.
Что с небесного нам поля снизойдет, то суждено.
Силы высшие наставят. Нужно — то, что скрыто, явят.
Глупы те, что здесь лукавят. Что идет, прийти должно.

Бог явил вам состраданье, не дозволил излишня
Вашей крови. В том деянье — не мое. Что я? Земля.
Всё ж убил врага лихого, и свое сдержал я слово,
Всю добычу вы с чужого принимайте корабля».

Если витязь в схватках славных, среди деяний своенравных
Превзошел своих же равных, сколь прекрасен этот вид.
Поздравляют. Он — взнесенный. Вид у прочих пристыженный.
Ранен он. С рукой пронзенной. Но не очень там болит.

Так низвергнуты пираты. Их корабль, где клад богатый,
Он — амбар теперь разъятый. Там добыча хороша.
Все богатства изобилии на корабль к себе сносили.
Жгли его и потопили. Он не стоит ни гроша.

Шлет Усам до Автандила весть: «Гласят купцы: ты сила.
Нас та мощь освободила. Дал ты нам не пасть на дно.
Что имели, в полной чаше всё твое. Ты солнца краше.
Что нам дашь, то будет наше. В том составили звено».

Витязь молвит: «Братья, ныне вашей бог помог кручине.
Не дал смерть найти в пучине. Что ж томитесь вы, стена?
Я при чем тут? Не умею ваших слов постичь.
Моею Волей что свершу? Имею — лишь себя я и коня.

Мне в сокровищах отрада здесь какая ж? Всё, что надо,
Я имел на радость взгляда, — и шелков моих не счесть.
Что же делать мне с дарами, предлагаемыми вами?
Я лишь друг вам над волнами. Мысль во мне иная есть.

Здесь сокровища несчетны. Выбирайте в час охотный.
Мой подарок — безотчетный. Я не стану вас судить.
Но одно мое желанье сообщу я вам для знания.
Цель имею для скитанья. Нужно тайну сохранить.

До тех пор, как час настанет, кто ни спросит, кто ни глянет,
Каждый пусть его обманет: главный я средь вас купец.
Я не витязь. Одеваться буду так и торговаться.
Только чур — не проболтаться. В братстве тайну скрыть — венец».

Чуть он высказал желанье, между ними ликование.
Молвят: «В этом упованье было наших всех сердец.
Ты сказал,— той самой цели мы в умах своих хотели:
Послужить тебе на деле, солнца лик и образец».

Больше час свой не теряли и без горя, без печали
В путь дальнейший отплывали, с жаждой видеть берега.
Видеть витязя им мило. Им погода ворожила.
Пели песнь про Автандила и дарили жемчуга.

29. СКАЗ О ТОМ, КАК ПРИБЫЛ АВТАНДИЛ В ГУЛЯНШАРО

Стройный стан и свет во взоре. Автандил проехал море.
Вот и берег. И в просторе — город, тонущий в садах.
Это всё очарованье как вложу я в описание?
Сколько разного сиянья в заколдованных цветах.

Всё в дыханье аромата. И к ограде, что богата,
Три тяжелые каната протянули свой конец.
Стал корабль. И за товаром ходят крючники — не даром.
Витязь — с малым он и старым, точно главный он купец.

И садовник тут из сада, увидав зарницы взгляда,
Поспешил к нему. «Что надо?» Рад служить, склонился весь.
Автандил его сердечно привечает безупречно:
«Чьи вы люди? И, конечно, есть и царь над вами здесь? —

Молвит: — Как у вас ведется? Что дороже продается?
Что дешевле отдается? Вот товар, — как быть нам с ним?»
— «Солнце с ликом ты красивым, — молвит тот, — неторопливым

Словом всё скажу правдивым, с указанием не кривым.

Край Морей зовется это царство, полное расцвета.
Гуляншаро — город света. Гулян-Шахр — тот град цветов.
Что красиво, всё, что в славе, к нам плывет, — и сны здесь в яви.
Царь же наш — Мелик Суркхави, благ, достоин он даров.

Десять месяцев в просторе корабли из моря в море
К нам сюда. Здесь в дружном хоре — игры, песни, пир и пляс.
Зиму, так же как и лето, здесь цветы в огнях расцвета.
Старый юн здесь. Знают это и враги, глядя на нас.

Кто сноровист, покупает, продает, глядишь, теряет,
Изловчился, наживает. Не сидим мы тут без дел.
Здесь товар не залежится. Покупатель не скупится.
Даже бедному случится — в месяц, в год разбогател.

У Усена полноправный я садовник. Сам он главный
Из купцов. Хозяин славный. И устав его таков.
Этот сад — здесь отдыхают и товары выставляют.
Что ценней, ему являют из заветных сундуков.

Те купцы, что покрупнее, дар ему, и не жалея,
Поднесут — и веселее станет вмиг, — торгуй любой.
Для царя товар богатый, наилучши, — тотчас платой
Он покрыт. И тороватый сразу торг обмыслит свой.

Он встречает с неизменной лаской, если кто почтенный
Прибыл. Здесь бы бесспорно был, да нет его в дому.
А не то б иные речи, он бы рад был этой встрече.
Ну, да это недалече. Помощь есть у нас всему.

Фатьма Кхатхун здесь, супруга. В ней любезность и услуга,
Встретит ласково, как друга. Будешь в доме как в своем.
К ней дорога не окольна. Встретит гостя хлебосольно.
Там всего у нас довольно. Город видеть нужно днем».

Молвит витязь, с лаской взгляда: «Сделай так, как сделать надо».
И бежать тому — отрада. До груди струится пот.
Он к владычице стремится. «Ну, могу я похвалиться!
Там такой, что не приснится. Юный глянет — свет блеснет!

Караван ведет торговый. С речью ласковой, медовой
Кипарис он, месяц новый. Тот коралловый тюрбан
Как идет к нему. Как стройно он стоит. Спросил спокойно:
„Как устроить всё достойно? В чем обычай этих стран?“»

Фатьма в радостях безмерных. Посылает десять верных.
И для выставок примерных вот он, караван-сарай.
И приходит розощекий, тот агатно-светлоокый.
Лев он поступью широкой. Ноги тигра. Примечай.

Эта выставка — не лавка. Уж какая же там давка!
Не товары брать с прилавка. Юный светит. Он заря.
«Это видеть — хоть до ночи». Души взяты. Смотрят очи.

Что мужья! Им ум короче. С ними быть — томиться зря.

30. СКАЗ О ТОМ, КАК ПРИБЫЛ АВТАНДИЛ К ФАТЬМЕ, КАК ПРИНЯЛА ОНА ЕГО И КАК ВЕЛИКА БЫЛА ЕЕ РАДОСТЬ

Там, где вход и где ограда, Фатьма гостя встретить рада,
На лице ее услада. И Усенова жена,
Говоря привета слово, просит гостя дорогого
Сесть. Увидевши чужого, не соскучилась она.

Фатьма, взоры притягая, хоть не юная, живая,
Круглолица, не сухая, смуглолицая притом.
И любительница хоров, выпить между разговоров.
Головных у ней уборов и нарядов полон дом.

Гостя ужинать с ней просит. Метко молвит, метко спросит.
Он подарки ей подносит. Всё красивые дары.
И хозяйка ликовала. И сидела, и вставала.
Витязь пил и ел не мало. Спать. Уж час ночной поры.

Утром вынул он товары. В них игранье пышной чары.
Смотрит малый, смотрит старый. И цена всему своя.
Для царя — что поценнее. Нагрузил купцов скорее.
«Продавайте, не робея. Не откройте лишь, кто я».

Как купец он был одетый. Не доспехов светят светы.
Фатьма шлет ему приветы. Навещает Фатьму он.
И сидят, и говорливы. Речи между них учтивы.
А уйдет к себе красивый, ум ее тоской пленен.

31. СКАЗ О ТОМ, КАК ПОЛЮБИЛА ФАТЬМА АВТАНДИЛА И КАК НАПИСАЛА ОНА ЕМУ ПОСЛАНИЕ СВОЕ

Лучше, вот слова зарока, быть от женщины далёко.
От игранья и намека быстро к власти перейдет.
Завладеет до пронзенья и предаст в одно мгновенье.
Слова тайны и значенья вслух к ней сдерживай полет.

Фатьме сердце страсть пронзила, возжеланье Автандила.
И любви возрастала сила, жгла ее своим огнем.
Скрыть ее она хотела. Скрыть пожар? Пустое дело.
И владычица скорбела. Слезы падали дождем.

«Если я скажу признанье, гнев в нем, и прощай свиданья.
Не скажу — вдвойне терзанья, буду в пламени вокруг.
Нет, скажу я, без сомненья. Смерть иль жизнь — его решенье.
Как же врач найдет леченье, коль не знает он недуг?»

И, раскрыв свои страданья, пишет юноше посланье.
Очень жалостно писанье, преисполнено тоски.
То посланье образцово. Глянь, не бросишь, — будешь снова
Видеть, как любовь сурова, — не порвешь письмо в клочки.

32. ЛЮБОВНОЕ ПОСЛАНИЕ ФАТЬМЫ К АВТАНДИЛУ

«Солнце! Богу так угодно, чтобы солнцем ты свободно
Лил лучи. Терзанье сродно с тем, кто от тебя вдали.
Кто вблизи, тобой сжигаем. До планет ты восхваляем.
Глянешь — сердце дышит раем. Увидал тебя — хвали.

Ты посмотришь — где угрозы? В сердце свет влюбленной грезы.
Ты — красивый стебель розы. Трепетать бы соловью.
Лик твой — цвет садовый ранит. И моя краса здесь вянет.
Если луч твой не достанет, жизнь иссушишь ты мою.

Бог свидетель, с словом-лаской я иду, полна опаской.
Но терпенье стало сказкой, — нет его, и в сердце тьма.
Вечно ль в муках быть повторных — от ресниц, от копий черных?
Помоги, без слов укорных, а не то сойду с ума.

До тех пор, пока ответа на мое посланье это
Нет — не знаю, ждать ли света, ты убьешь иль дашь мне жить, —
Всё ж еще я существую, но терплю я пытку злую.
О часы, когда тоскую! Жизнь иль смерть? Нельзя решить».

Это к витязю признание Фатьма шлет, полна терзанья.
Он читает то посланье как сестры или родной.
«Ей искать меня не стыдно. Сердце ей мое не видно.
И сравнить ее обидно с той, возлюбленную мной.

Разве ворон, пролетая, нужен розе? Здесь живая
Не достанет, воспевая, песнь хваленье соловья.
То, что сделать непристойно, бесполезно и нестройно.
Что за вздор тут пишет знойно! Что за речь, чтоб слушал я!»

Предаваясь размышленьям, так он думал с осуждением.
И с таким он был решением: «Можешь мне лишь ты помочь.
Если, в путь пойдя, ищу я той, кем друг горит, тоскуя,
Чтоб найти, всё совершу я. И другие мысли — прочь.

Здесь проходит путь-дорога. Эта женщина здесь много
Видит всяких. У порога путник — ей желанный друг.
Пусть изведу горенье — к ней явлю соизволение,
Нить найду в ней для стремленья. Долг ей мой отдам я вдруг».

Молвил: «Женщина, влюбляясь, с милым сердца не стесняясь,
Всё расскажет, открываясь. Что ей стыд и что позор!
Так. Для этого влюбленья дам свое соизволение.
Может, вдруг оповещенье проскользнет в наш разговор».

Сам себе слова совета молвит: «Ежели планета
Ворожит — свершится это. Нужно — нет, не нужно — вот.
Так со мной, и я в тумане. Мир весь в сумеречной ткани.
Что бы ни было там в жбане, опрокинь — и потечет».

33. ОТВЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ АВТАНДИЛА К ФАТЬМЕ

«Ты писала и хвалила. То прочесть мне было мило.
Ты меня предупредила. Больше я, чем ты, томим.
Хочешь ты. Мое хотенье также в пламенах горенья.
Решено соединенье, если оба так хотим».

Чуть письмо дошло до взгляда Фатьмы, вся она услада.
И ему ответить рада: «Слезы я лила в тиши.
Будет. Я жива тобою. Я вечернею порою
Буду ждать тебя душою. Буду я одна. Спеши».

Вот и ночь идет немая. Витязь в путь. Его встречая,
Раб другой — и весть другая: «Нет, сегодня я не жду.
Для тебя я не готова». Он читает это слово.
Всё ж идет, сказав сурово: «Это что же всё — в бреду?»

За отменой приглашенья он пришел. Полна смущенья
Фатьма там. Ее волнение ясно видит Автандил.
Беспокойна, облик странный. Но, чтоб быть ему желанной,
Прячет страх свой, точно жданный он сюда свой лик явил.

Начинают целоваться, играм нежным предаваться.
Вдруг — как может это случиться? — стройный юноша в дверях.
Раб за ним, и меч рукою, крепко держит щит другою.
«Здесь я встретился с горою», — молвит юный, чуя страх.

Увидал он Автандила. Покидает Фатьму сила.
Обомлела. Было мило обниматься, а теперь?
Гость сказал: «Пришел некстати. Не прерву твоих объятий.
Но уж завтра час проклятий ты с зарей узнаешь, верь».

Ты меня здесь в миг свиданья предаешь на посмеянье.
Отплачу за то деянье. Будешь собственных детей
Есть своими ты зубами. Так свершу. Иль — не словами —
Плюнь мне в бороду плевками — пусть бешусь среди полей».

Тут тряхнул он бородою, сжав ее своей рукою.
Вышел. Биться головою Фатьма в скорби начала.
Лик ногтями разрывает. Кровь со щек как ключ стекает.
«Камень! Камень! — восклицает. — Чтоб толпа убийц пришла!»

И скорбит, и возопила: «Вот, супруга я убила.
Малых деток погубила. Разметала я как сор
Наши пышные владенья, драгоценные каменья.
Мне самой уничтоженье. И слова мои позор».

Витязь эти восклицанья слышит, слушает рыданья.
«В чем причина тоскованья? — вопрошает, сам смущен. —
Успокойся, молви слово. Что в тебе нашел он злого?
Почему грозил сурово? И зачем бродил здесь он?»

Говорит она, стеною: «Лев! От плача без ума я.
Что скажу? Минута злая! Вот, застигла, жизнь губя.
Я детей моей рукою умертвила. За тобою
Погналась в любви душою и убила тем себя».

Неприменно так случится с тем, кто тайной тяготится,
Болтовней разоблачится, в суесловье видит мед.
Всем теперь скажу с рыданьем: «Помоги мне тоскованьем».
Что тем делать с врачеваньем, кто свою же кровь испьет?

Здесь не два, одно лишь слово. Ничего не жди другого.
Можешь, так того лихого, ночью, тотчас же убей.
Весь мой дом от погубленья и меня от убиенья

Ты спасешь. В час возвращенья скорби смысл скажу моей.

Если ж нет, не ожидая кары, весь товар слагая
На олов, спешу из края, — твой побег сокроет тьма.
Тек он это не оставит. При дворе меня ославит.
Предо мной детей поставит, чтоб я съела их сама».

Слыша те воскликновенья, гордый, полон дерзновенья,
Витязь встал свершить решение. Твердый жезл в руке его.
Как он смел и как прекрасен. «Смысл всего теперь мне ясен».
В миге схватки он ужасен, не похож ни на кого.

И его до Фатьмы слово: «Дай кого-нибудь такого,
Чтоб средь сумрака ночного показал дорогу мне.
Лишь дошли бы верно ноги, там не нужно мне подмоги.
Расскажу, как были строги эти руки, мстя вдвойне».

С ним раба она послала. Будет вырвано то жало.
И вослед ему вскричала: «Головня сгорит когда,
Вспомни в час, как огонь дордеет, жечь меня уж не посмеет, —
Он кольцо мое имеет — принеси его сюда».

Автандил с огнем во взоре вышел за город, где море.
Там вздымался на просторе изумрудно-рдяный дом.
Там в покоях, радость часа, всюду пышность и прикраса.
Над террасою терраса. И велик его объем.

Автандил, туда ведомый, видит пышные хоромы.
Он, в душе лелея громы, слышит шепот: «Это тут.
На террасе там стоит он. Ночью там лежит и спит он.
А пред тем в мечтах сидит он, сокращая бег минут».

Где сплелась лихая пряжа для злосчастливого, два стража
Перед дверью спят. И, даже не шурша, он в быстрый срок
Там. Беззвучная походка. Та, другая сжата глотка.
Стиснул головы он четко. Мозг и волосы — в комок.

34. СКАЗ О ТОМ, КАК УМЕРТВИЛ АВТАНДИЛ ШАХ- НАГИРА И ДВУХ ЕГО СТРАЖЕЙ

Он лежал в своем покое, юный, с сердцем в гневном зное.
Как видение ночное, вдруг, кровавый перед ним
Автандил, без промедленья, встать не дав ни на мгновенье,
Хвать — и кончено свершенья, вмиг убил ножом своим.

Солнце он для всех глядящих, зверь врагам и ужас в чашах.
Палец с перстнем, весь в блестящих самоцветах, срезал он.
Поднял сильными руками труп. В окно. Лежи с песками.
Море будет бить волнами. Не в могиле погребен.

Звука не было в той схватке. Витязь вышел без оглядки.
Ах, цветы у розы сладки. Что в нем вспыхнуло огнем?
То откуда озлобленье? Это прямо удивленье.
Как свершил он убиенье, вышел тем же он путем.

Лев, умильно говорящий, витязь, солнцем здесь горящий,
К Фатьме в дом приходит спящий. Говорит: «Не жив уж он.
Раб твой в этом поклянется. Свет пред юным не зажжется».

Палец с перстнем вот. И льется кровь с ножа, он обагрен.

Дай теперь мне изъяснение слов своих и возмущенья.

Чем грозил он? Нетерпенье говорит через меня»

И, обняв его колени, Фатьма молвит: «Лик свершений!

Больше нет моих мучений. Ныне выйду из огня.

Не возникнет путь к изменам. Я теперь, с моим Усеном

И с детьми, не смята пленом, не погибну в жалкий час.

Льва хвалить — всё будет мало. Кровь пролив, ты вырвал жало.

Всё поведаю сначала. Слушай долгий мой рассказ».

35. СКАЗ ФАТЬМЫ К АВТАНДИЛУ О НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

«Есть у нас обыкновенье в этом граде в день рожденья

Года нового — забвенья всяких дел, торговли нет.

В путь никто не выезжает. Всяк себя да украшает.

И владыки назначают пышный царственный обед.

Мы идем, народ торговый, ко двору — для встречи новой,

Поднести дары готовы и принять их от царей.

Девять дней звучат кимвалы, тамбурины. Старый, малый

В мяч играют. Праздник алый. Копья, смех и бег коней.

Муж, Усен мой, над купцами, я над женами, и сами

Всё мы знаем, тешась днями, всей согласно толпой.

Те, что бедны и богаты, дар царице к ней в палаты.

И, весельем все объаты, возвращаемся домой.

Новый год — в лучах денницы. Мы с дарами до царицы.

И она своей сторицей дар дает богатый нам.

Послужили и не служим. Веселимся, а не тужим.

Все друг с дружкой, а не с мужем, забавляемся мы там.

Вечер. Вышла я до сада. Жен купеческих мне надо

Занимать. И нам услада — в пенье радостных певцов.

Было песен там немало. Как ребенок, я плясала.

Цвет волос я изменяла, облеклась в другой покров.

Были там в саду чертоги, и возвышенны и многи.

Стоя в каждом на пороге, можно море созерцать.

И из окон видно море, в голубом его просторе.

Там в веселом разговоре вся в пирушке наша рать.

Все себя там веселили. Пир наш длился в полной силе.

Вдруг, когда мы ели, пили, без причины млею я.

Увидав недомоганье, эти сестры ликованья

Распростились. И молчанье. В сердце сажа — как струя.

В сердце грусть свой мрак внедрила. Вот окно я отворила.

И тоски растущей сила отошла, дышать могу.

Что-то малое, мелькая, зверь ли, птица ли морская,

В море бьется, достигая края волн на берегу.

То, что в дали, с влагой ходкой, было птицей, — в близи четкой

На побережье стало лодкой. Черных два по сторонам

Человека. Лица черны. Вид внимательно-дозорный.

Женский лик меж них в узорной ткани. Видно всё глазам.

Изнутри я наблюдала. Лодка к берегу пристала,
Против сада. Против вала переменный быстрый бег.
Вышли, смотрят, вражья сила их нигде не сторожила.
Всё безгласно, как могила. Спит и зверь, и человек.

Ларь из лодки вынимали. Крышку бережно снимали.
И в красивейшей печали вышла дева, как в мечте.
Изумрудно облаченье. Черной ткани затененье
Вкруг лица. Зари явленье не сравнится в красоте.

Дева лик свой повернула, молний щек ко мне блеснула,
Светом в небо заглянула, в светах тихая гроза.
Я завесой дверь прикрыла, и меня не видно было.
Так лучей горела сила — я прищурила глаза.

Четырех рабов зову я. Наказав, им говорю я:
«Красоту красот воруя, что индийцы держат здесь?
Тихо, быстро приходите. Не бегите, а скользите.
Продадут, тогда купите. Вот вам клад, отдайте весь.

Если ж нет, их не жалеите. Взять ее, а их убейте.
Сделать ловко всё сумеите. Чтоб сюда прийти с луной».
И невольники скользили. Начат торг, не уступили.
Были черные не в силе. Лик у них был очень злой.

Я с высокого предела из окна на них глядела.
Вижу всё. Кричу им: «Смело! Смерть им!» Вмиг средь тишины
Прочь им головы по плечи. В море, там иные речи.
И к красавице до встречи. С нею вместе от волны.

Эти чары, упоенье как вложу я в восхваленья?
Где найду я ей сравнения? Солнце — солнце лишь для глаз.
А она и в сердце светом, разожженным и согретым,
Солнцем, в пламенах одетым, солнцесветла каждый час».

Фатьма лик свой рвет ногтями. Слезы витязя — ручьями.
Лишь о ней полны мечтами, что безумным дорога.
Вот друг другом позабыты. С ней, далекой, мысли свиты.
Слезы глаз их вновь излиты на нежнейшие снега.

Так наплакались, что больно. Автандил сказал: «Довольно,
Продолжай». И Фатьме вольно длить сказание свое.
«Всё ей дать — казалось мало. Всю ее я целовала.
Утомила, обнимала. Полюбила я ее.

Говорю ей, вопрошая: «Из какого рода, края?
Солнцесветлость золотая! Как до черных тех рабов
Ты от гроздий звезд спустилась?» Посмотрела, омрачилась.
И ни слова. Только лилось слезных сто из глаз ручьев.

За вопросом я с вопросом. Счета нет нежнейшим росам.
По агатовым откосам из нарциссов льется ток.
И рубины влагой мочит, хрустали продленьем точит.
Ничего сказать не хочет. Я сгорела. Хоть намек.

Вот промолвила, вздыхая: «Ты мне мать. Ты мать родная.
Что б сказать тебе могла я? В чем бесплодный мой рассказ?

Сказка в долгий час ненастья. Ты являешь мне участие.
Но всевышний мне злосчастье умножает каждый час».

Я подумала: «Не время отягчать страданий бремя.
Муки сердца — злое племя. Обезуметь можно так.
Я не вовремя пытаю. Солнце спрашивать, златую
Ту денницу молодую — мучить мне нельзя никак».

Этот свет необычайный отвожу в покой я тайный.
И в тоске по ней, в бескрайной, упадаю сердцем ниц.
И в парчу ее одели. Не в худое, в самом деле.
Плачет. Розы помертвели. Снежный вихрь летит с ресниц.

Солнцеликое алоэ в тайном скрыла я покое.
Существо туда живое не входило. Тишина. Отделенность.
Только верный черный раб — слуга примерный.
Я, чтоб быть в том достоверной, к ней входила лишь одна.

Не смогу изображенья дать тебе ее томленья,
Все причуды поведенья. Плачет, плачет день и ночь.
«Так нельзя,— скажу,— томиться». На минуту подчинится.
Как же так могло случиться, что она исчезла прочь?

Скрылось солнце почему же? Было хуже всё и хуже.
Слезы там скоплялись в луже, где она склоняла лик.
В черной бездне там агаты. Острия ресниц разъяты.
И над жемчугом гранаты, и коралл, и сердолик.

Только слезы то и дело. В скорби не было предела.
Расспросить я не успела, кто она и в чем беда.
Лишь спрошу, трепещет в зное, кровь струится из алоэ.
Сердце может ли людское снести такую боль когда?

На постели не лежала. Ей не нужно одеяла.
Только шалью лик скрывала. Был один на ней покров.
И подушкой тяготится, прямо на руку ложится.
Очень редко согласится съесть хоть пять, хоть шесть кусков.

Нужно мне сказать вначале о воздушной этой шали.
Здесь мы кое-что видали, но такого никогда.
Вещество мне неизвестно. Мягкость тонкая чудесна.
Но состав так сложен тесно, точно скована руда.

Так прекрасную скрывала. И прошло уж дней немало.
Мужу я не доверяла. Разболтает негодяй.
При дворе он всё расскажет, руки-ноги этим свяжет.
Если путь ко мне покажет, и сокровище прощай.

Мне приходится таиться. Часто нужно отлучиться.
Я на что ж должна решиться? — размышляю я с собой.
Отчего скорбит сердечно? И скрываться можно ль вечно?
Муж узнает — он, конечно, будет мой убийца злой.

Как скрывать уединеньем солнце с пламенным гореньем?
Как помочь ее мученьям? Должен быть оповещен
Муж мой. В чем же тут измена? Клятву я возьму с Усена.
Слово чести ведь не пена. Клятв ломать не будет он.

К моему иду супругу. Ласков, нежны мы друг к другу.
Говорю: «Яви услугу. Что-то я тебе скажу.
Но клянись мне чрезвычайно, что сохранной будет тайна».
Клятвы речь не краснобайна: «Пусть, как колос на межу, —

На скалу с высот паду я. Хоть бы смерть пришла, связуя,
Этой тайны не скажу я — и ни другу, ни врагу».
Мой Усен добросердечный. Стала тотчас я беспечной.
«Свет тебе я безупречный покажу, что берегу».

Встал, пошел, и мы в чертоге. И застыл он на пороге,
Подкосились даже ноги, как увидел солнце он.
Молвит: «Что ты мне явила? В ней какая светит сила?
Если б речь моя сравнила блеск с землей, я осужден».

Молвлю: «Вот и я, не зная, из какого это края,
Дух иль женщина земная, всё томлюсь. Нам знать пора,
Если вид наш не наскучит, кто ее безумьем мучит,
Пусть расскажет, пусть научит, да пребудет к нам добра».

Мы вошли к ней осторожно. Были скромны, как возможно.
И уважили неложно. «Солнце, ты нас здесь сожгла.
Чем твоим помочь нам ранам? Месяц бледный с тонким станом,
Стала в грусти ты шафраном, а рубиновой была».

Но не слушает, не слышит. Роза сжалась, только дышит.
Змеи врозь она колышет. Отвернулся пышный сад.
Тени шествуют в зеленом. Солнце в сумраке спаленном
Затемняется драконом, не роняет зорный взгляд.

Уговаривали тщетно. Та пантера безответна.
В гневе — это нам заметно, — а причины никакой.
Мы всё то же и сначала. Ничего не отвечала.
«Я не знаю, — лишь сказала. — Дайте мне побыть одной».

Так мы с нею там сидели. Уговаривать нет цели.
И напрасно там скорбели. Как душа тут быть должна?
Мы лишь кротко прошептали: «Будь спокойна, без печали».
Ей плодов каких-то дали, но не стала есть она.

Говорит Усен: «Кручины — не одна, а их дружины, —
Все ушли: тот лик единый все их стер. Волшебный вид.
Солнце этих щек достойно. Человеку непристойно
Их лобзать. Кто видел — знойно он в сто двадцать раз горит.

Коль милее дети глазу, да сразит господь их сразу».
Верь не верь душой рассказу, были взяты в сеть сердца.
Мы стонали, мы шептались. Этим видом услаждались.
Чуть от дел освобождались — к ней, и смотрим без конца.

День прошел, и сумрак сходит. Ночь ушла, и день приводит.
Речь со мной Усен заводит: «Повидать хочу царя.
Как решишь ты в деле этом — дар хочу снести с приветом».
— «В этом, — молвлю, — с божьим светом. Ты пойдешь к нему не зря».

Жемчуг ценный, прямо чудо, с самоцветами, на блюдо
Он кладет, идет отсюда. До него веду я речь:
«Ко двору твоя дорога. Встретишь пьяных, там их много.

Смерть мне! Клятву помнишь строго?» Молвил: «Так, как рубит меч».

За столом царя застал он. Дружен с ним, и пировал он.
«Благодетель! — восклицал он. — Дар прими, ты свет сердец».
Тот его с собой сажает. Вид даров восторг внушает.
Глянь теперь, какой бывает во хмелю своем купец.

Пред Усеном царь был пьяным. И, стакан там за стаканом
Влив в себя в усердьи рьяном, он и клятвы влил во мглу.
А уж ежели кто пьяный, что там Мекки и Кораны!
Не уважат розу враны, и нейдут рога к ослу.

Как напился он не в шутку и сказал «прощай» рассудку,
Царь промолвил прибаутку: «Ты откуда дар такой
К нам несешь? Как исполины — жемчуг твой, твои рубины.
Нищи тут и властелины, поклянуся головой».

Воздаст Усен почтенье: «Царь, ты наше озаренье.
Живы лишь тобой творенья. Подкрепитель наших сил.
Что тебе ни поднесу я, клады, золото даруя,
Всё тебе лишь возвращу я — от тебя же получил.

Да скажу, из дерзновенья: к стати ль тут благодаренья?
Вот невесту, восхищенье, дам я сыну твоему.
Это будет дар богатый. Он достойнее отплаты.
И не раз вздохнешь тогда ты: „Превратил ты в солнце тьму”».

Что мне длить повествованье? Клятву, власть ее влиянья
Он нарушил, и сиянье девы той вложил он в сказ.
Царь явил благоволенье. Отдает он повеленье,
Чтоб волшебное виденье до него пришло сейчас.

Я сию спокойно дома. Что есть вздох, мне незнакомо.
Вдруг, как звук нежданный грома, вождь рабов пришел царя.
Шестьдесят, по положенью. Предаюсь я удивленью.
Мыслю: «Всё ж их появленью есть причина, то не зря».

«Фатьма, — молвят мне с приветом. — Солнце хочет, в миге этом,
Видеть ту, что ярким светом здесь двусолнечна. Ее
Должен взять сейчас с собою». Свод небесный надо мною
Рухнул. Бешенство волною в сердце ринулось мое.

«До сокровища какого вы пришли?» В ответ их слово:
«Мы до лика золотого. Нам сказал о нем Усен».
Я узнала, что им надо. Вижу, кончилась услада.
Отнимают радость взгляда. Вся дрожу я, взята в плен.

Всё в душе в свиванье дыма. К той вхожу, что мной любима.
Молвлю: «Я судьбой гонима. Я совсем истреблена.
Небо в гневе надо мною. Предана я. За тобою
Царь послал. Где свет мой скрою? Прямо в сердце сражена».

Говорит: «Сестра! Такая мне судьба, а не другая.
Уже столько знала зла я, что чего ж дивиться тут?
Так терзаюсь я сурово и должна терзаться снова.
Ничего не жду благого от течения минут».

Слезы льются. Где им мера? У нее погасла вера.

Встала бодро — как пантера иль боец, идущий в бой.
Рада ль? Нет, она не рада. Нет и горя в силе взгляда.
Ей прикрыться только надо — просит — белой фатой.

В сердце я моем тоскую. Вот иду я в кладовую.
Там жемчужины — любую вынь — и купишь целый град.
Ей дарю. Всё мыслю — мало. Словно пояс навязала
На нее. А в сердце жало, в черном молнии горят.

Молвлю: «О моя! Быть может, случай тот тебе поможет.
В это горе пользу вложит». Солнцеравную рабам
Отдаю. Царю уж ведом миг прибытья. Гулы следом.
Звук литавр как зов к победам. Но она безгласна там.

Любопытные волною восхищаются, луною.
Даже стражники толпою не владеют. Радость глаз,
Кипарис тот тонкостванный царь, увидя в миг желанный,
Вскликнул: «Лик ты осиянный! С неба как сошла сейчас?»

Так красы ее сверкали, солнцеликой той в вуали,
Что смотрешные мигали. Соизволил царь изречь:
«Видел, — с нею слеп я ныне. Бог велел ей быть в картине.
Прав безумец, коль в пустыне бродит, алчет с нею встреч».

Он ее с собой сажает. Речью сладкой утешает.
«Кто ты? Что ты? — вопрошает. — Из какого рода ты?»
Но сиянье солнцесвета не дает ему ответа.
Нежный лик, но без привета. Скорбью взятые черты.

С головою наклоненной, не внимала умиленной
Речи царской. К отдаленной дали сердцем унеслась.
Сжаты, розы светят ало. Жемчугов не выявляла.
«Где душа ее блуждала?» — всякий думал в этот час.

Молвил царь: «Что думать надо? В чем теперь для нас отрада?»
Тут возможны два лишь взгляда: иль она кого-нибудь
Любит — в помыслах с единым, в мыслях он лишь властелином.
С тем любимым по долинам, в мысли, вместе держит путь.

Иль, молчанье сохраняя, здесь провидица немая,
Скорбь ли, радость ли какая — ей не радость, не печаль.
Счастье, горе — лишь зарница, вся и жизнь ей — небылица.
Улетает голубица от всего, что близко, вдаль.

Бог великий, он рассудит. Сын мой юный да прибудет.
Солнце здесь готовым будет для победного него.
Может, выманит реченье. Нам в нем будет изъясненье.
До тех пор луне затменье здесь без солнца своего».

Я скажу, чтоб смысл был ясный: тот царевич, он прекрасный,
Юный, смелый и в опасной битве мужество свое
Явит точно. Той порою он задержан был войною.
Мнил отец — его женою видеть звездную ее.

Принесли наряд ей новый, благолепные покровы.
Вдоль сияющей основы многосветный самоцвет.
А венец горел едино, из сплошного был рубина.

Вся светилась, как картина. Лучше этой розы нет.

Царь дает распоряженье, чтоб чертог ее был мленье,
Златокрасное горенье. Где возлечь ей, там — закат.
Этот царь самодержавный той царевне солнцеравной
Зал назначил самый главный. Ослеплен ей каждый взгляд.

Стража там такого рода: девять евнухов у входа.
Пировать царю угода, как прилично для царей.
За златую ту — взамену дивный дар дает Усену.
Трубы кличут через стену, и литавры бьют слышной.

Затянулось пированье. Питию нет окончанья.
Солнцедева вскрик стенанья пружестоккой шлет судьбе:
«Ты безжалостна. Ты злая. Для кого здесь без ума я?
Что начну я, так сгорая? Погибать ли мне в борьбе?»

И опять она сказала: «Розу смять — в том смысла мало.
Чтобы роза расцвела, неразумно смерть призвать.
Тот, в ком разум зрит высоко, смерть не будет звать до срока
Напряги в темнотах око, пользы нет в них изнывать».

Кличет стражей: «Вы внимлите и в рассудок свой войдите.
По неверной здесь вас нити повели, не до судьбы.
В том желанье властелина взять женой меня для сына.
Мнит — уж вот добыча лъвина. Бьют литавры. Зов трубы.

Но не буду вам царицей, будь жених — хоть солнцелицей.
Мне не здесь сиять денницей, путь ведет мой не туда.
О другом скажите слово. От меня вам ждать иного.
Не свершения такого. С вами жить? Да никогда.

Я убью себя, и верно. В сердце нож взойдет примерно.
Царь казнит вас достоверно, и земной ваш краток час.
Лучше вот что предложу я: клад под поясом ношу я.
Клад возьмите — да бегу я. А не то — беда на вас».

Самоцветы, что скрывала, с жемчугами отдавала.
И чтоб не было им мало — и рубиновый венец.
И склоняла понемногу: «Дайте мне, молю, дорогу.
Долг заплатите вы богу. Будет легким ваш конец».

У рабов глаза зардели. Клад великий, в самом деле.
Царь? Забыть царя умели. Где там староста? Далек!
Путь открыли несравненной. Через злато — воля пленной.
Злато — корень, цвет — забвенный, ветка — дьявольский крючок.

Не дает отрады злато. Сердце жадностью объято,
Но в богатстве не богато и не может не хотеть.
Притекает, утекает, в недовольство повергает,
Гнет на душу налагает — дух не может взлететь.

Совершились договоры, и рабы идут, как воры.
Их недолги были сборы. Дал один ей свой покров.
И прошли в другие двери. Главный зал был в полной мере
Предан пьянству. Без потери месяц плыл средь облаков.

И рабы бежали с нею. Вот пред дверью пред моею

Тень. Стучат. И я робею. Имя Фатьмы говорят.
Я иду — и удивленье. Там она как привиденье.
Не идет на приглашенье. У нее тревожный взгляд.

Молвит: «Тем, что даровала, — а богатства там не мало, —
Я себя высвобождала, выкупала из цепей.
И к тебе придет награда. Больше быть мне здесь не надо.
Дай коня лишь, чтоб из ада ускакала поскорей».

Я послушна. Кто послушней? Быстро я иду конюшной.
Конь оседлан. Конь воздушней ветра быстрого в степях.
И она уж не томленье. Вся она есть озаренье.
Солнца с львом соединенье. Был напрасен труд мой. Ах!

Вот уж снова вечереет. Слух возник, и он густеет.
Чу! Погоня подоспеет. Город в смуте, осажден.
На допросе отвечаю: «Обыщите дом. Не знаю.
Пред царями, коль скрываю, будет долг кровавый мой».

Обыскали все строенья. Нет следов исчезновенья.
Нет ее. Полны смущенья. И в дворце веселья нет.
Все оделись в цвет лиловый. Солнце было, свет наш новый.
Солнце скрылось. Мрак суровый — там, где рдел нам солнца свет.

Я продлю повествованье, где теперь горит сиянье.
Но сначала — указанье, отчего грозил мне тот.
Ах, была его козюю, и козлом он был со мною.
Та жена полна виною, что себя не соблюдет.

В муже трусость — безрассудство, а в жене — ее беспутство.
Муж мой худ, в лице — паскудство. А красив был Шах-Нагир.
И любились мы в любви, хоть не буду траур вдовый
Я носить. Его бы крови выпить — это был бы пир.

Я как женщина болтала, как глупица рассказала,
Как я солнце здесь скрывала, как она ушла лисой.
Я раскрылась, — он был дорог. Стал грозить мне недруг, враг.
О, без всяких оговорок: смерть его — мне быть живой.

Чуть во время разговора между нас возникнет ссора,
Он грозил отметить мне скоро. Как тебя я позвала,
Я не знала, что он дома. Весть он шлет — в ней звук мне грома.
В сердце пала мне истома. Я тебя уж не ждала.

Осторожно отгласила. Не хотела — нужно было.
Ты пришел. Мне стало мило, и восторг мне стал знаком,
Оба вы сошлись здесь вместе. Слово гнева, голос чести.
Возжелал он смертной мести, и не только языком.

И, не будь убит тобою, весь исполнен мыслью злою,
Он бы смерть послал за мною: полон злобного огня,
Он донес бы, царь бы гневный присудил мне рок плачевный
Съесть детей, и за царевной камнем в ад послал меня.

В боге пусть твоя награда будет пышною, как надо.
От змеиною ты взгляда беззащитную упас.

Уж не правит ныне мною рок с зловещею звездой.
Враг смешался мой с землею. Больше нет змеиных глаз».

Автандил сказал: «Средь праха ворог твой. Не ведай страха.
От единого он взмаха прочь из жизни унесен.
Вот и в книге изречение: злоба друга — очернение,
В ней тягчайшее паденье. Кто разумен, скрытен он.

Это сделано деянье. Бесполезно вспоминанье.
Но продли повествованье про чудесную ее».
Фатьма вновь заговорила. Слез опять текуча сила.
«Солнцеравная светила. Где же солнце то мое?»

36. СКАЗ ФАТЬМЫ К АВТАНДИЛУ, КАК ВЗЯЛИ КАДЖИ В ПОЛОН НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

О судьба, ты вечно злою ложью схожа с сатаною.
Ты измену кроешь мглою, и ее рассмотрит кто?
Вероломство — во врагине. Солнцесвет где спрячешь ныне?
Всё здесь — зыбкий прах в пустыне, не устойчиво ничто.

Фатьма молвит: «Солнце скрылось, радость мира удалилась,
Жизнь сама испепелилась, между пальцев разошлась.
И во мне лишь огорченье, неустанно слез теченье,
От бессменного мученья — без конца ручей из глаз.

Ненавистны дом и дети. Как одна была на свете,
Чуть засну, дремота в сети завлечет, живу я сном.
Сны о ней, всей ночью темной. А Усен мне, вероломный,
Чужеверец стал бездомный, с ненавистнейшим лицом.

Жизнь всё кажется плачевней. Раз иду я пред харчевней.
Это дом убогих древний. Взор чуть смотрит из-под век.
Вижу, дверь полуоткрыта. Мысль о ней. Душа убита.
Про себя твержу сердито: «В клятве проклят человек».

Изнывает сердце в плаче. Вот приходит раб бродячий.
Три товарища, как клячи, вместе с ним. Покров на них —
Грубый хлопок. Накупили на копейку всякой гнили
И сидели, ели, пили. Смех меж ними не затих.

Наблюдала я за ними. Вот речами разбитными
Власть натешились. «Чужими мы сошлись здесь, — говорят. —
Мы не знаем друг о друге, кто в каком кружился круге,
Так расскажем, для услуги, кто что знает, все подряд».

Трое путников вначале рассказали всё, что знали.
Учит путь. Есть сказка в дали. Говорил последним раб
«Братья, вас я не обижу, коль жемчужины нанижу.
Вы мне проса дали, вижу. Мой рассказ не будет слаб.

Раб я царский. Царь прекрасный. Каджи все ему подвластны.
На него недуг опасный вдруг напал, и умер он.
Помощь вдов, сирот подмога, друг всего был, что убого.
Но его сестрою строго был порядок укреплен.

Дулярдукхт была сестрою. Стала всем она горою.
Не обижена судьбою, но обижены ей все.

Два племянника — ей дети. Росан, Родья — дети эти.
А она — как царь в Каджети. Звать — Могучая в красе.

Слух о смерти за морями шел, дошел и узнан нами.
Смерть сестры ее. И сами даже визири молчат.
Мыслят: «Знать подвластным вредно, что угас тот лик бесследно.
Рошак — раб. В боях победно он рабов построит ряд».

Рошак молвит: «Быть в кручине — что скитаться мне в пустыне.
Нет, сберу рабов я ныне, и добыча вся — моя.
Буду грабить и, богатым, буду вовремя с возвратом.
С царской скорбью и с закатом вместе быть сумею я».

К нам, любимцам, он с такою речью смелой и прямою:
«Я иду, а вы — за мною». Взял сто избранных рабов.
Днем набегу, днем мы грабим. Ночью зоркость не ослабим
В караванах душам рабьим пышный клад всегда готов.

Как-то в ночь равниной дикой бродит строй наш многоликий.
Вдруг мы видим свет великий, он идет равниной той.
Солнце, что ли, заблудилось? С неба к праху опустилось?
В нас смущение явилось с напряженной мечтой.

Кто твердит: «Звезда дневная». А другие: «Золотая
Там луна». Ряды ровняя, к свету мы идем в тот час.
Видел близко я всё это. Пред собою, а не где-то.
Круг сомкнули мы. От света некий голос был до нас.

Словно бисером по нити, слово к слову: «Расскажите,
Как зовут вас? Изьясните, кто вы? Я же весть несу.
Гуляшаро в ясном свете кинув, путь держу в Каджети».
Круг сомкнули мы, как сети, и увидели красу.

На коне была младая солнцесветлость золотая.
В лике — молнии, блистая, озаряли всё кругом.
Чуть что скажет в назиданье, от зубов ее сиянье.
И агат смягчит сверканье под ресницами — там гром.

Мы дивились этой встрече. Были нежны наши речи.
Кудри падали на плечи. То не раб, не вестник был.
То царевна. Рошак видит. Едет рядом, не обидит.
Пусть в наш круг надежный внидет. Он ее не отпустил.

К ней повторно обращенье: «Кто ты? Дай нам изьясненье.
Солнцесветлое горенье, ты тропой идешь какой?
Озарительница ночи». Но у ней лишь плачут очи.
Больно видеть, свыше мочи, месяц, пожранный змеей.

Но ни слова, ни намека, почему так одинока,
Кто обидел так жестоко огорченный лунный диск.
Эта дева, та царевна, отвечала срывно, гневно.
То преклонит взор плачевно, то взметнет, как василиск.

Рошак отдал приказанье: «Прекратите вопрошанья.
Это дело вне познания. Что-то странное есть в ней.
Вот судьба царицы нашей: как напиток в полной чаше.
Что в сравненье с прочим краше, бог пошлет в подарок ей.

Такова судьба юницы быть подарком для царицы.
Уж она своей сторицей наградит нас. Если ж мы
От нее сокроем чудо, будет горе нам оттуда.
Наказаний будет груды и угроза нам тюрьмы».

Все мы в этом — согласились. С вопрошаньем не теснились.
И в Каджети воротились, а ее вели с собой.
Мы уж ей не докучали. А она была в печали.
Слезы-жемчуг упали нескончаемой струей.

Я к вождю: «Дай разрешенье отлучиться на мгновенье.
В Гуляншаро не именье, всё же некий есть товар».
Разрешил он отлучиться. Здесь пришлось мне очутиться.
А уж дальше как случится». В сказе было много чар.

Как играющим алмазом, пленена была я сказом.
С каждым словом, с каждым разом, как проскальзывал намек,
Узнавала я приметы и угадывала светлы.
Призрак, в пламени одетый, был усладой в быстрый срок.

Тут рабу я повелела, чтоб сказал мне сказ свой смело.
Что из тайного предела услышала, слышу вновь.
Вся исполнена вниманья для того повествованья.
В угнетенье тоскованья чую радость и любовь.

Черных двух рабов имела. Колдование — их дело.
И проворно и умело невидимкой могут стать.
Я их тотчас призываю и в Каджети отправляю.
«Через вас о ней да знаю. Чтоб недолго пропадать».

Это им — как радость шуток. Путь свершили в трое суток.
И чрез несколько минуток знаю всё о ней от них:
„В путь готовилась царица. С ней высокая денница.
Вся она как огневица. Юный Росан — ей жених.

Таково ее веленье, Дулярдукхт постановленье:
«Ныне в сердце огорченье. В сердце пламени огней.
Свадьбу после я устрою. Быть ей Росана женою».
В башне солнце, за стеною. В замке евнух есть при ней.

Путь царицы через море. Но она вернется вскоре.
Путь опасен. Враг с ней в споре. Но с царицей колдуны —
Дома витязи лихие. Зорки там сторожевые.
Вот пройдет пути морские и вернется от волны.

Город каджи — город крупный, для врага он недоступный.
Там внутри есть свод уступный, в самом городе утес.
И пробраться этим сводом — путь лишь выдолбленным ходом.
Там звезда, что дышит медом золотым пьянящих грез.

В круге мощного оплота три проходят поворота,
И у каждого ворота. Десять тысяч стражей там.
По три тысячи у входа, охраняют путь до свода”».
Сердце! Мир тебе невзгода. Где конец твоим цепям?

Автандил, что розой дышит, светлый, эту повесть

слышит. Кто восторг его опишет? В нем лишь радости
игра. Восхваляет сердцем бога: «Довела меня дорога,
Ныне радостного много чья-то молвила сестра».

К Фатьме молвит: «Дорогая, ты душе моей родная.
Речь твоя была живая. Благодарность ты прими.
Но скажи мне о Каджети. Ведь бесплотны каджи эти.
Как же могут здесь на свете представляться нам людьми?»

К этой деве состраданье я узнал, и весь сгоранье.
Но ведь женщина — создание. Что бесплотным делать с ней?»
Фатьма молвит: «Нет, не джинны — эти каджи, но единый
Им оплот — скала, стремнины, где в обрывах нет путей.

Имя каджи — лишь прозвание: ловки в силе колдованья
И превыше пониманья тесно сплочены всегда.
Невредимые другими, ранят чарами своими.
Кто захочет биться с ними, ослеплен и полн стыда.

Чудеса они свершают, взоры вражьи ослепляют,
Ветры, бури поднимают, топят в море корабли.
По волнению морскому вдруг бегут, как по сухому.
Тучу выведут, быть грому. Тьма была, ее зажгли.

По такой-то вот причине всех живущих в той твердыне
И прозвали каджи ныне. А у них есть кровь и плоть».
Витязь ей благодаренья говорит: «Мое горенье
Ты смягчила. Восхищенья полон я. Велик господь».

Витязь, слезы проливая, говорит: «Господь, живая
Помощь наша. Ты, смягчая наши муки, в этот час
Нас извел из скорби пленной. Ты, творец неизреченный,
Утешитель несравненный, милосердья полн для нас».

Он за то осведомленье воссылает восхваленья.
Фатьма, полная горенья, хочет счастья своего.
Витязь тайну сохраняет, и любить соизволяет,
Фатьма друга обнимает и целует лик его.

В эту ночь она лежала, Автандила обнимала.
В нем охоты к ласкам мало. Мыслит он о Тинатин
Ненавистны эти ласки. Тайной полон он опаски
И в безумии и в сказке сердцем мчится средь равнин.

В Автандиле скрытно горе, но струятся слезы в море,
В черной бездне, на просторе, там агатовый челнок.
Мыслит: «С розой был для милой. Соловей был с звонкой силой.
Здесь же ворон я унылый и над грязью одинок».

Слезы так упорны в силе — даже камень бы смягчили,
Их агаты запрудили — пруд средь розовых полей.
Фатьма сердцем веселится, ей желанно усладиться.
Роза — вот, вороне мнится, что ворона соловей.

Светом брезжит день алмазным. Солнце видит луч свой грязным.
За оконченным соблазном искупать спешит себя.
Для него у ней готовы и тюрбаны, и покровы.

«Всё, что хочешь, чернобровый! Всё отдам тебе, любя».

Автандил сказал: «Предела всё достигло. Нынче смело
Лик явлю и молвлю дело». Износил он вид купца.
Будет он вдвойне богатый в красоте, надевши латы.
Лев, к прыжку с земли подъятый, с солнцесветлостью лица.

Фатьма друга проводила. Вновь к обеду Автандила
Ждет. Пришел. И всё в нем мило. Этот новый странный вид.
Не в купеческом покрове, люб ей светлый витязь внове.
«Сколь достоин ты любви. Так ты лучше», — говорит.

Полон силы, полон света. Фатьме нравится всё это.
От него ей нет ответа. Улыбнулся про себя.
«Видно, просто не признала». И она его желала.
Но забылся с ней он мало, хоть влекла его, любя.

Вот поели. С ней простился, и к себе он возвратился.
Он слегка вином упился. Лег, и весел он во сне.
Час вечерний — пробужденье. Луч его — в полях горенье
Шлет он к Фатьме приглашенье: «Я один. Приди ко мне».

Вот она в его покое. Тоскование такое
Слышит витязь: «Тем алоэ я убита в неге грез».
Всю зажженную к томленью, преклонил ее к сиденью.
И ресницы пали тенью на цветник воздушных роз.

Автандил сказал: «С тобою, Фатьма, был я.
Что открою, Этим будешь, как змеею, ты ужалена сейчас.
Но узнай прямей и проще: есть влиянье нежной мощи.
Я убит агатной рощей, что растет вокруг черных глаз.

Мнишь, что я из каравана главный. Я ж у Ростевана
У царя за атамана, главный вождь его дружин.
Все войска его за мною людной вмиг пройдут волною.
И над всей его казною я верховный господин.

Знаю я, что друг ты верный, без предательства в примерной
Службе будешь достоверной. Царь имеет дочь одну.
Это солнце, свет медвяный. Ей зажжен я, ею — рьяный.
Ей в иные послан страны. Бросил я мою страну.

Эту деву, что имела здесь, — до крайнего предела
Я ищу, блуждая смело, это солнце между дев.
Будет найдена золотая, в честь того, кто, ей сгорая,
Знает бред, себя теряя, ей сраженный, бледный лев».

Автандил весь сказ зажженный рассказал. В нем был взметенный
Таризель испепеленный в шкуре тигровой своей.
Молвил Фатьме: «В том мученье ты бальзам прольешь смягченья.
Дашь ресницам тем смиренность, что как ворон близ очей.

Помоги же мне немного. Путь теперь идет отлого.
Пусть им будет в нас подмога. В звездах радость быть должна.
Нам хвала. Мы этой новью будем им живую кровью.
Тем, что связаны любовью, встреча будет суждена.

Пусть колдун твой лик свой явит. Пусть в Каджети путь направит.

Знать ей всё он предоставит, что мы сами знаем здесь.
Эта дева не преминет весть нам дать, свой луч докинёт.
Бог захочет. Горе минет. Каджн край сразим мы весь».

Фатъма молвит: «Богу слава. Иль я ныне в сказке, право?
Так всё это величаво — день с бессмертием сравнен».
Черный знахарь, ворон в цвете, внял приказ: «Иди к Каджети.
Сам с собой всегда в совете, путь найдешь, хоть долог он.

Превратишь свое ты знанье в чародейное деянье.
Погаси скорей сгоранье. Я устала от огня.
Солнцу явишь излеченье». И в ответ его реченье:
«Завтра точное свершенье. Всё узнаешь чрез меня».

37. ПОСЛАНИЕ ФАТЬМЫ К НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Фатъма так сложила строки: «О звезда, чьи сны высоки.
Солнце мира. Свет в потоке. Ты, кому грустящих жаль.
Ты, красивая в реченье. В звучном слове словно в пенье.
Ты в одном соединенье огонь рубина и хрусталь.

Ты мне вести не послала. В сердце грусть была как жало.
Правду всё же я узнала. Таризель тобой сожжен.
Он безумен. Утешенье ты пошли из отдаленья.
Да придет к вам единенье. Ты фиалка, роза он.

Побратим его здесь смелый, Автандил, в боях умелый.
Из Арабии в пределы этих мест — он за тобой.
Не оставь его без вести. Он достоин этой чести.
Будем радоваться вместе на ответ премудрый твой.

Раб доставит строки эти. Напиши же нам в ответе,
Что там нового в Каджети? Каджи все пришли домой?
Сколько всех бойцов, скажи нам. Счет хотим мы знать дружинам.
Кто там стражи, опиши нам. Кто там вождь сторожевой?

Всё, что знаешь, то и это, заключи в слова ответа,
Знак желанный для привета ты любимому пошли.
Всё, что знала ты страданья, обратится в ликование.
Тех да будет сочетанье, что друг к другу подошли».

Фатъма строки завершила. Колдуну письмо вручила.
«Той, в ком солнечная сила, ты послание вручишь».
В плащ зеленый, как в горенье изумрудного свеченья,
Он облекся и в мгновение улетел превыше крыш.

Камнем, брошенным из сети, долетел он до Каджети.
Всё уж в сумеречном свете утупало в этот час.
Как окутан смутным дымом, он прошел толпой незримым.
Он донес очам любимым свет любовно ждущих глаз.

Чрез замкнутые ворота, будто вдруг их отпер кто-то,
Он прошел — и где забота? Он пред солнечной стоит.
Черный раб и волосатый, был он страшен ей, косматый.
Пал шафран на цвет богатый. Роза в страхе. Грустный вид.

Но, ее он утешая, говорит: «Здесь весть не злая.

Я от Фатьмы, поспешая, приношу тебе привет
Вот прочти ее посланье. Солнце вновь пусть льет сиянье,
И причин для увяданья у прекрасной розы нет».

Свет красивейших миндалин, взор очей ее печален,
Но опять горит кристален и дрожит агат ресниц.
Дал ей раб своей рукою то посланье. И с тоскою
Прочитала. За слезою слезы жарко пали ниц.

Говорит рабу золотая: «Кто узнал, что я живая?
Отыскать меня желая, хочет кто прийти сюда?»
Тот ответил: «Я дерзаю отвечать лишь то, что знаю.
Нет тоске конца, ни краю с дня, когда ушла звезда.

С сердцем, копьями пронзенным, но ночам, с тех пор бессонным,
Фатьма плачет, повторенным током слез поит моря.
О тебе ей весть я прежде приносил. Но путь к надежде
Был закрыт. Усталой вежде лишь теперь зажглась заря.

Витязь смелый и красивый к нам пришел. Он цвет над нивой.
О тебе красноречивый слышал полностью рассказ.
Он герой, и он целитель, твой он будет избавитель,
Всех обид твоих отмститель, я же вестник в этот час».

Так красивая сказала: «Всё здесь правда, лжи здесь мало.
Всё же, Фатьма как узнала, кто меня умчал сюда?
Верно, он, кем зажжена я, помнит, думает, вздыхая.
Напишу. Скажу, как злая здесь томит меня беда».

38. ПОСЛАНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К ФАТЬМЕ

«Солнцеликая, тоскуя, мать моя, тебе пишу я.
Ты достойна поцелуя, лучше ты ко мне, чем мать.
Вот смотри, судьба какая. Я пред ней, главу склоняя,
Как раба. Но весть благая даст мне сил в страданье ждать.

Упасла от чародеев ты от двух меня злодеев.
Но теперь в гнезде я змеев. Каджи — целая толпа.
Царство целое — мне стража. Ни пойти, ни глянуть даже.
Я бежала — но куда же? Я была тогда слепа.

Что скажу еще в ответе? Я живу как бы в запрете.
Не пришли еще в Каджети каджи, нет здесь и царя.
Но меня хранят дружины. Все они как исполины.
Не спасись мне от кручины. Не придет ко мне заря.

Ах, искать меня напрасно. Кто идет, горит он страстно.
Им владеет полновластно окружение огня.
Солнце видел он, однако. Не живет, как я, средь мрака.
Я ж в местах, где нет ни знака, что спасенье ждет меня.

Раньше я не говорила, как моих терзаний сила
Сердце всё мое пронзила. В муке пряталась моей.
Убеждаю, говорю я, о возлюбленном тоскуя,
Не искать меня, молю я. Извести его скорей.

Страшно горе роковое. Да не будет больно вдвое
Видеть счастье живое. Видеть смерть его — увы!
Мне помочь здесь невозможно. Это знаю я неложно.
Воля рока непреложна. Не поднять мне головы.

Просишь знак послать привета. Вот ему отдай же это.
Лоскуток — намек, примета — от подарка от его,
От желанного покрова, он мне здесь как ласки слова.
Утешения другого нет мне здесь, и всё мертво».

39. ПОСЛАНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К ВОЗЛЮБЛЕННОМУ ЕЕ

«Плача, с дрожью поцелуя, вздыхая и тоскуя,
Вот любимому пишу я. Кто любимую зажжен,
Кто, простившись с бирюзою, распален и огнях грозою,
Он единственной слезою той любимой освежен».

Слов закончено течение. Кто постигнет их значенье,
В сердце примет он пронзенье. Розы дух излился весь.
«О мой милый! Я писала. И пером мне было жало.
Как чернила, кровь бежала. Закрепилось сердце здесь.

Что есть мир, ты видишь, милый. Весь простерся он могилой.
Самый свет — мне мрак унылый. Я стенаю здесь, скорбя.
Мудрый видит смысл мирского. Шаткость счастья в нем основа.
Ах, как трудно, как сурово жить, любимый, без тебя!

Милый мой! Ты видишь, бремя. Кто-то злой здесь сеял семя.
Перекрученное время между нами как стена.
Нет тебя, и всюду дымы. Где твой путь неисследимый?
Сам ты знаешь всё, любимый. Только в сердце глянь до дна.

Это горе как я скрою? Сердце порвано тобою.
Без тебя с своей борьбою сердце может ли дышать?
Жив ли ты, ведь я не знала. Тьма кругом не отвечала.
Но напрасно тьма молчала. Ты сорвал ее печать.

Ныне знаю, солнце живо. Силен бог, и я счастлива.
Я смиренная, как нива. Грусть светла. Тебя люблю.
Ты живешь — и мне довольно. Сердцу больно и не больно.
Я любовь взрастила вольно. Я любовь мою кормлю.

Милый мой! Рассказ мой длинный. Речью связной и картинной
Расскажу ли путь пустынный, где вела меня судьба?
В Фатьме было мне спасенье от волшебного плененья.
Ныне вновь судьбы веленье, чтоб была я как раба.

Рок велел, чтоб в нашей доле горе к горю, боли к боли
Накоплялись и в неволе мы томились долгий срок.
Беды — рост морского вала. Снова к каджи я попала.
Всё, в чем мы узнали жало, присудил нам это рок.

В замке я сию высокою. Глубины не смеришь оком.
Не проникнешь ненароком — всюду стражи, их не тронь.
Днем и ночью к смене смена. Охраняют путь из плена.

Все пред ними словно пена,— облакают как огонь.

Ты не думай, что такие все они, как и другие.
Я терплю терзанья злые — да не встречу больше зла.
Если ты с мечом предстанешь, если ты убитым глянешь,
Насмерть ты мне сердце ранишь. Будь же твердым как скала.

Отрекись! Луна золотая всё равно твоя, сияя.
Я у самого здесь края скал — камням себя предаю.
Только верность не нарушу. Брошусь, как волна, на сушу
И, тебе предавши душу, улечу я к небесам.

За меня моли ты бога, чтоб смягчился он немного,
И откроется дорога до желанья моего.
Даст он крылья, полечу я, на пресветлое взгляну я,
Взором жадным утону я в солнце, в золоте его.

Без тебя не будет солнца, ибо ты частица солнца.
Здесь есть светлое оконце. В зодиаке светит Лев.
Там тебя я видеть буду, там прильну к тебе, как к чуду.
В смерти эту жизнь избуду и зажгусь тобой, сгорев.

Смерть уж больше не страшна мне, коль в тебе она дана мне.
В сердце я, как в крепком камне, заперла мою любовь.
Колеваться я не стану. Но не множь за раной рану.
Если жить я перестану, сердце скорбью не суровь.

Пусть же в Индию дорога поведет тебя. Не много
Сил в отце. Ему подмога будешь ты в борьбе с врагом.
Он грустит, в тоске немея, обо мне. Его, жалея,
Ты утешь. А я здесь, рдея, буду плакать об одном.

Все судьбинны огорченья. Рок пошлет им завершенье.
Правда есть в его решенье. Сердце с сердцем — как звено.
Через тебя, тобой дышу я. Для тебя в плену умру я.
Но пока еще живу я, о тебе скорбеть дано.

Вот тебе как знак, как слово — лоскуток. Он от покрова,
Что от друга дорогого получила в сладкий час.
О любимый! Дар желанный — всё, что есть мне в скорби странной.
Колесо тоски туманной повернулося на нас».

Вот письмо она свернула, где печаль переплелася.
И с очей слезу смахнула. И обрезала кайму
От покрова. Дух небесный от волос исшел чудесный,
Волос к волосу так тесно веял воронову тьму.

Отбыл раб. В одно мгновенье — в Гуляншаро. Достиженье
Не узнало промедленья. Он пред Фатьмой. Автандил,
Видя, как его дорога до желанного порога
Довела, сердечно бога, как разумный, восхвалил.

Фатьме молвил: «Так стремленье довело до завершенья.
В чем возможно награжденье? В этом медлю я пока.
Не в другом. Нет больше срока. Буду с ним в мгновенье ока.
Каджей всех, решеньем рока, поразит его рука».

Фатьма молвила: «Могучий! Пламень вдвое ныне жгучий!

Без тебя как лес дремучий будет жизнь. Но не жалей.
А не то сойду с ума я. Если каждей сила злая
Подойдет, оплот скрепляя, будет вдвое вам трудней».

Он позвал рабов Фридона. «Мы здесь знали звуки стона.
Были трупы. Ныне — звона животворного волна.
Весть, которой ждали, с нами. Посмеемся над врагами.
Страх прочтится их рядами. Мощь их будет сражена.

С этой вестью поспешите. Всё Фридону расскажите.
Туго, крепко свиты нити. Нагоняю цель мою.
Сильный голос силен в кличе. Я лечу дорогой птичьей.
Всей богатою добычей вы владейте. Отдаю.

Долг велик, скажу по чести. Но когда с Фридоном вместе
Будем, я не словом лести — делом долг отдам сполна.
Всё, владели чем пираты, вам даю как часть отплаты.
Дар еще вам дам богатый, да не здесь моя казна».

Тот корабль, что ведал волны, а теперь стоял безмолвный,
Всех вещей красивых полный, слугам верным отдал он.
Полноценное даянье. «Вот мое еще посланье.
В нем прочтет повествованье побратим и друг Фридон».

40. ПОСЛАНИЕ АВТАНДИЛА К ФРИДОНУ

Он писал: «Фридон высокий! Царь царей и львиноокий!
Солнце! Ток лучей широкий! Знак от бога! Блеск побед!
Расточитель вражьей крови! Слушай голос светлой нови.
Брат твой младший — звук любви — шлет далекий свой привет.

Знал довольно я смятенья. За упорное стремленье
Получил и награжденье. Воплотился помысл мой.
Я узнал о той, в чьем взоре светит солнце, тают зори,
Мысль о ком лелеет в горе лев, сокрытый под землей.

Так. В плену она, в Каджети. Взяли солнце каджи эти.
Быть за это им в ответе. Шутка мне пуститься в бой.
Из нарциссов — дождь кристальный. Роза вся в росе печальной.
Каджи в край сокрылись дальный. Но бесчисленен их рой.

Сердцем радуюсь той весте. Час не слез, а верной мести.
Там, где ты и брат твой вместе, трудность пала, даль светла.
Силой вашего хотенья достоверно достиженье.
Кто восставит вам боренье? Не преграда вам скала.

Прочь ведет меня дорога. Снизойди. Пожди немного.
Стережет враждебность строго ту плененную луну.
Но примчимся мы, ликуя. Не томиться ей, тоскуя.
Что тебе еще скажу я? К брату брат — волна в волну.

Верность слуг твоих — громада. Слышать это — будет рада
Мысль твоя. А им награда быть высокая должна.
Кто с кем вместе, примет сходство. С благородным — благородство.
Явно здесь твое господство. Доблесть сильного видна».

Слов изящных ценный слиток, чувств своих излив избыток,

Он свернул скрепленный свиток и рабам Фридона дал.
На словах сказал, что нужно, синевласый, — с розой дружно,
Рот его сверкнул жемчужно, свет коралловый в нем ал.

Грустен миг разлуки смутной. Вот он в горести минутной.
Но, найдя корабль попутный, он свершит мечты свои.
Солнце с ликом полнолунным, он пойдет путем бурунным.
Плачет Фатма гласом струнным. Кровь и слезы льют ручьи.

Все твердят ему с слезами: «Что ты, солнце, сделал с нами?
Жег нас жаркими огнями. Для чего ж ввергаешь в мрак?
Праздник мучает, кончаясь. Мы здесь умерли, отчаясь.
Схорони нас, разлучаясь. Схоронил уж нас и так».

41. СКАЗ О ТОМ, КАК ОТБЫЛ АВТАНДИЛ ИЗ ГУЛЯНШАРО И ВСТРЕТИЛСЯ С ТАРИЭЛЕМ

Вот плывет корабль в просторе. Автандил проехал море.
Радость светится во взоре. Будет счастлив Тариэль.
Скоро кончится тревога. Верный путник хвалит бога.
Необманчива дорога, и уж близко светит цель.

Лето светит изумрудом. Веет ветер с тихим гудом.
Скоро розы нежным чудом розоликому мелькнут.
Солнце путь переменило. Стройный едет, млеет сила.
Кипарис вздохнул — так мило видеть розы там и тут.

Их не видел с давних пор он. Гром прокаркал, словно ворон.
Дождь пролился, прахи стер он, охрусталил ширь долин.
Розы-губы с поцелуем к розам льнут, и он, волнуем
Грезой, шепчет: «Мы здесь чуем диво-розу Тинатин».

Но, о друге помышляя, вот слеза и вот другая.
К Тариэлю поспешая, едет, слышен стук подков.
Всё пустынно, дико, серо. Если ж лев или пантера
Рыкнут, — сила в нем и вера, — бил их в чаще тростников.

Он пещеры замечает. Взор их тотчас же признает.
Рад, но всё же размышляет: «Побратим и друг мой здесь.
Заслужил я с ним свиданье. Вдруг не выйдет? Вновь страданья.
И напрасно ожиданье. Труд тогда погибнет весь».

Если ж здесь он, верно, ныне не в пещере. По равнине
Ход дает своей кручине, в поле мечется, как зверь.
Посмотрю за тростниками». Даль он меряет глазами.
И поспешными шагами конь, свернув, идет теперь.

Вот опять пустился скоком. На просторе на широком
Весел. Песня. Ненароком — солнце в полной красоте.
С ликом ярким и горящим Тариэль с мечом блестящим
В тростниках блуждал по чашам и застыл на их черте.

Он стоял как в землю врытый. Лев пред ним лежал убитый.
Кровью львиною омытый, меч горел в руке его.
Зов услыша Автандила, вздрогнул он, проснулась сила.
Побежал. Увидеть мило брату брата своего.

Светлый миг развеял думы. Соскочил с коня любимый.
Обнялися побратимы. Шея к шее нежно льнет.

Точно что-то их сковало. Цель близка, слабеет жало.
Роза розу целовала. В поцелуйном звуке мед.

Тариэль истаял в столах. Но как луч сияет в кленах,
Он, в словах резных, точеных, сердцу дал явить свой свет.
Возвещает тополь стройный: «Ты со мной — и муки знойной,
Восьмикратной, беспокойной в озаренной мысли нет».

Отвечая сердцу эхом, Автандил исполнен смехом.
Манит друга он к утехам. Зубы светятся лучом.
Молвил: «С вестью я желанной. Роза, луч приявши жданный,
Снова глянет осиянной. Не печалься ни о чем».

Тариэль сказал: «Отрада — быть с тобой. Ты радость взгляда,
Больше мне услад не надо. А прольет господь бальзам,
Будет божье утешенье. Ты же знаешь изречение:
В чем небесное решенье, предоставим небесам».

Видя это в Тариэле, что в печали он как в хмеле
И что вести в нем не пели, Автандил спешить решил.
Вынул он кайму покрова той, в ком вечно розы снова.
Тариэль глядит. Ни слова. Дрогнул. Вмиг ее схватил.

Почерк он признал посланья. В лоскутке прочел признание.
И к лицу он, без дыханья, прижимает талисман.
Дух ушел. И, онемелый, скошен, пал он розой белой.
Скорби той отяжелелой сам не снес бы Саламан.

Вот лежит он бездыханный. Автандил к нему с желанной
Речью. Тщетно. Обаянный острой мыслью, он сражен.
Что слова тому, чье рденье до черты дошло горенья?
Знак ее был знак пронзенья. Весь он пламенем сожжен.

Пред бедою неминучей Автандил в печали жгучей.
Слышен стон его певучий. Рвет он волосы свои.
Сжал персты — алмазный молот, им рубин лица расколот.
В сердце страх и в сердце холод. Щек кораллы льют ручьи.

Сам себе лицо он ранит. Кто же помощь здесь протянет?
Мыслит: «Разве мудрый станет так испытывать огонь?
Как безумный поступил я. В жар смолы горячей влил я.
Лишком радости сразил я сердце. Сердце так не тронь».

Друга я убил и брата. Мне за то какая плата?
Торопливостью измята нежность тонкая души.
Разве можно безрассудным позволять быть в деле трудном?
Медлен будь. Явись хоть скудным, но и с благом не спеши».

Тариэль лежит, как сонный, непробудно — как спаленный.
За водою, огорченный, витязь шествует, один.
Видит льва и видит, хмурный, лужу львиной крови бурной.
Грудь как камень он лазурный омочил — и стал рубин.

Тариэль от крови львиной, словно тронут скользкой льдиной,
Дрогнул. Глянул взор орлиный. Он раскрыл свои глаза.
Смог присесть. Но были сини эти пламени пустыни —
Месяц бледный на долине, где возрастает бирюза.

Прежде чем придут морозы, цвет роняя, вянут розы.
Лето жжет, в них гаснут грезы, — нет целительных дождей.
Жар сжигает, холод студит. Там и тут терзанье будет.
Но на ветках ночь пробудит звонкой песней соловей.

Таризель глядит в посланье. Он читает начертанья.
Он безумеет. Рыданье жжет. Не видит ничего.
Слезы глаз в завесу слиты. Свет как мрак стал ядовитый.
Автандил встает сердитый. Резко стал бранить его.

Молвил словом осужденья: «Нет, такое поведенье
Недостойно уваженья. Нам — улыбки ткать для дней.
Встань. Идем искать златую, солнце сердца. Ту живую
Приведешь ты к поцелую. Я тебя увижу с ней.

Были в мраке, ныне в свете. Счастье шлет нам ласки эти.
И направимся в Каджети. Путь укажут нам мечи.
Спины каджи будут ножны. Душ наш будет бестревожный.
Путь осилим невозможный. Встанет враг — его топчи».

Таризель взглянул светлее. Не страдает больше, млея.
Поднял он глаза. В них, рдея, черно-белых молний свет.
Как цветы идут вдоль пашен, так улыбкой он украшен.
Счастлив дух, с небесных башен увидав любви привет.

Автандилу — восхваленья. Говорит благодаренья:
«Где подобное уменье и успех еще нашлись?
Ключ был горный на вершине, им поишь ты цвет в долине.
Слезный пруд не нужен ныне, без него цветет нарцисс.

Не смогу найти отплаты. Бог заплатит, он богатый.
Мощен трон его подъятый. Даст с высот тебе награду».
На коней своих воссели. К дому. Радовались. Пели.
Наконец-то, в самом деле, нужно дать поесть Асмат.

А Асмат, полуодета, у пещеры. В дымке света
Таризель, конечно, это? И на белом на коне
Витязь тот с осанкой львиной. Едут, близятся равниной.
С звонкой песней соловьиной. Или это всё во сне?

Возвращался он доселе не таким. В глазах блестели
Капли слез. О чем запели? Отчего их звонкий смех?
Голове тут закружиться. Встала, думает, боится.
Точно пьяной, всё ей снится. Ведь вестей не знает тех.

Увидав Асмат, вскричали, зубы в смехе показали:
«Гей, Асмат! Прошли печали. Божья милость нам сошла.
Знаем мы, где солнце скрылось, та луна, что нам затмилась.
Что желали, совершилось. Грусти нет. Душа светла».

Автандил с коня спустился. Пред Асмат он очутился.
С гибкой веткой веткой слился. Обнял он ее рукой.
А она лицо и шею целовала. «Что же с нею? —
Вопрошает. — Плачу, млею. В чем рассказ желанный твой?»

Показал он ей посланье, той красивой начертанья.
Словно в них луна сиянье бледно льет, увидев день
«Вот взгляни. Была тревога. Но теперь ее немного.
К солнцу нас ведет дорога. Мы легко содвинем тень».

На письмо Асмат смотрела. Задрожала, побледнела.
Говорит она несмело, наваждения страшась:
«Я ушам своим не верю. Что сказал ты? Ту потерю
Я с находкой нашей мерю. Весь ли правда — твой рассказ?»

Был ответ ей Автандила: «Да, нам радость засветила
Там, где тьма была как сила, а теперь горит заря.
Тени более не тени. Ночь окончилась мучений.
Зло слабей в игре борений. Благо шествует, творя».

Царь индийский улыбался, и с Асмат он обнимался.
Всяк и плакал, и смеялся. Точно вороновый хвост,
Росы свеяли ресницы. Розы щек — что свет денницы.
От людской идет станицы вплоть до бога верный мост.

Вознесли ему хваленья. «Благи, бог, твои решенья.
Не судил уничтоженья голос твой рабам твоим.
Мудр и благ ты свыше меры». И от солнца в сумрак серый
Есть пошли они в пещеры, и Асмат служила им.

Таризель промолвил другу: «Окажу тебе услугу.
Не одну тебе кольчугу — и другое покажу.
В дни, когда в жестоком гневe здесь избил толпу я дэвов,
Предрешил я жатву в севе,— этим кладом дорожу.

Те волшебные чертоги, что в утесы врыты, строги,
И сокровища в них многи. До сих пор их не взломал».
Тот доволен. Слово — дело. И Асмат уж не сидела.
Сорок входов вскрыли смело. За волшебным залом зал.

В каждом зале клад богатый. Самоцветы, ароматы.
И такие жемчуг-скаты, как огромные мячи.
Истонченные узоры. Тут и там резьба, уборы.
Золотые слитки — горы, груды злата льют лучи.

Тот дворец, от духов взятый, был добычею богатой
Полон весь. Горели латы. Верно, бились здесь и встарь.
Также вырублен был новый для оружия шкаф кленовый.
Рядом с ним стоял суровый, запечатан, тяжкий ларь.

Был он с надписью, гласящей: «Здесь доспехи. Строй блестящий.
Шлем, нагрудник, меч, разящий сталь, как мох, игрой своей.
Если каджи — рой несметный, сила дэвов — гром ответный.
Кто откроет ларь запретный, убиватель он царей».

На ларе печать сломили. Три убора находили
Чтоб трем витязям быть в силе, полный был запас во всем.
Шлемы с крепкими бронями, нарукавники с мечами,
Изумрудами, как в храме, всё горит живым огнем.

Каждый был в своей кольчуге. Каждый видел брата в друге.
Шлем с цепочкой скреплен в круге. Меч железо бьет в ничто.
Уж они его ценили. С чем сравнить в красе и силе?
Никому б не уступили. Меч такой найдет ли кто?

«В этом, — молвили, — примета, что дли боя мысль одета.
Глаз господень взором света нам сияет на пути.
Два убора, каждый, взяли. И еще один связали.

Улыбаяся, сказали: «Чтоб Фридону поднести».

Взяли кое-что из злата. Взяли также жемчуг-ската.
Вновь хранилище объято, запертое, тихим сном.
Автандил сказал: «Отныне меч в руке. И не пустыне,
Понесу его к твердыне, не замедлясь ни на чем».

Вот, художник, пред тобою — побратимы, и судьбою
Каждый венчан со звездой, — звезд любовники они.
Каждый в славе, в ярком свете. И когда пойдут в Каджети,
Копья в копья, братья эти распалят в сердцах огни.

42. СКАЗ О ТОМ, КАК ОТПРАВИЛИСЬ ТАРИЭЛЬ И АВТАНДИЛ К ФРИДОНУ

В путь отправились с зарею. И Асмат берут с собою.
На коне за их спиной — к Нурадиновой стране.
Там еще коня купили. Ценным златом заплатили.
Им вожатый — в Автандиле, знает этот путь вполне.

Вот знакомая равнина. Видны кони Нурадина.
У индуса-властелина мысль такая — он ведь юн:
Говорит он Автандилу: «Ну-ка, явим нашу силу.
За кобылою кобылу будем гнать его табун».

Весь табун перед собою мы погоним. С вестью тою
Пастухи — к нему, он — к бою, чтобы кровь пролить скорей.
Глянь налево и направо — это мы. Веселым — слава.
Если добрая забава, с ней и гордый веселей».

Хвать они коней отборных. Пастухи огней дозорных
Свет зажгли и до проворных кличут: «Витязи, зачем
Здесь разбоем заниматься? Есть хозяин. С ним встречаться
И с его мечом спознаться, не вздохнувши будешь нем».

Вот взялись они за стрелы. Пастухи бегут, несмелы.
Кличет рой их оробелый: «Убивают, грабят нас!»
Зов за зовом, крик за криком и в смятении великом
Пред Фридоном, с бледным ликом, возвещают свой рассказ.

Вмиг Фридон вооружился, в строй он бранный нарядился,
На коня и вскок пустился. На полях войска и крик.
Солнцеликих и морозом не спугнешь. Спешат к угрозам.
Смех скользит по скрытым розам. Под забралом спрятан лик.

Вот на поле на зеленом Тариэль перед Фридоном.
«Да, готов он к оборонам, это вижу», — говорит.
Поднял шлем, а сам хохочет. «Что Фридона сердце хочет?
Битву он гостям пророчит. Ну, хозяин! Добрый вид».

Тут Фридон с коня проворно. Также те. И вмиг повторно
Обнимались. Не зазорно и лобзание друзей.
Целовались. Радость — в боге. И ему хваленья многи.
И вельможи к ним не строги в этой радости своей.

Говорил Фридон: «Скорее ждал я вас. И в чем затея
Будет ваша, не робея и не медля, весь я ваш».
С солнцами двумя согласный, мнилось, месяц там прекрасный.

Лик до лика — образ ясный. Радость трех цветочных чаш.

В дом нарядный едут трое. Сели в царственном покое.
Таризель на золотое сел покрытие, пышный трон.
Автандил садится рядом. Строй доспехов, радость взглядам,
Бранным надобный отрадам, получил от них Фридон.

Отвечали: «Мы дарами скудны здесь, и нет их с нами.
Но богатыми огнями засияют в должный час».
Но Фридон к земле склонился, в благодарности излился:
«Этот дар мне полюбился. Он вполне достоин вас».

В эту ночь им отдых жданный. Баней тешатся желанной.
Ткань с красую необманной — красоте их молодой.
Им Фридон дает наряды. Их глаза подаркам рады.
Крупный жемчуг тешит взгляды. Яхонт в чаше золотой.

Молвит: «Я не краснобаен. Буду я плохой хозяин.
Но скажу: не чрезвычайен должен быть вам отдых здесь.
Медлить — скудная затея. Если каджи нас скорее
Будут там, и нам труднее будет сбить с них эту спесь».

Что нам людные дружины? Малый строй с душой единой
Будет выводок орлиный. Триста хватит нам бойцов.
Каджи бить — до рукоятки меч вонзать в горячей схватке,
Ту найдем, чьи очи сладки превратят нас в мертвецов.

Был однажды я в Каджети. Как придем, твердыни эти
Глянут грозно в вышнем свете. Срывы горные кругом.
Невозможен бой открытый. Не с полком, а с верной свитой
Приходи дорогой скрытой. Проникай туда тайком».

Правда мудрой показалась. Награжденная, прощалась
И одна Асмат осталась. Триста смелых — на конях.
Все, боец к бойцу, герои. Уж себя покажут в бое.
Смелый в силе — силен вдвое. Бог им помощь. С ними страх.

Вот с победою во взоре пересекли сине море.
То молчат, то в разговоре, едут к цели день и ночь.
Знал Фридон все нити сети. Скоро области Каджети.
Уж теперь не едут в свете. Должен мрак ночной помочь.

В этом был совет Фридона. Да не видит оборона.
Мысль его — как звук закона. Днем коням их отдых есть.
Вон и город. Там крутые всходы скал. Сторожевые
В переключке часовые. Столько, столько их — не счесть.

Десять тысяч там дозорных у ворот проходов горных
Видят львы. Зубцов узорных свет касается луны.
Так решают, не робея: «Сотня — тысячи слабее.
Но коль путь возьмут вернее, сонмы тысяч сражены».

43. СКАЗ О ТОМ, КАК СОВЕЩАЛИСЬ ФРИДОН, АВТАНДИЛ И ТАРИЭЛЬ О НАПАДЕНИИ НА ТВЕРДЫНЮ КАДЖЕТИ

Говорит Фридон: «Дорога здесь трудна, и нас немного.
Только хитрость здесь подмога. Впрямь на приступ здесь пойти
Может разве что громада. Чуть замкнут, ворот преграда
И твердынь кругом ограда — крепки так, что нет пути.

В дни, которым нет возврата, в детстве, ловкость акробата
Я развил в себе. Со ската прямо прыгнуть я могу.
Если будет здесь веревка, даст возможность мне сноровка
Так по ней взобраться ловко, что сейчас приду к врагу.

Кто, качнувши сильным станом, ловко здесь мелькнет арканом,
Даст начало многим ранам, петлю к вышке прикрепив:
Как по чистому я полю тело к бегу приневолю.
Там внутри врагов похолою, будет вид у них спесив.

В полноте вооруженья, щит держа без затрудненья,
Словно ветра дуновенье, ринусь прямо на солдат.
И поспешною рукою я ворота вам открою.
Вы же явитесь грозой — там, где будут бить в набат».

Автандил сказал Фридону: «А! Даешь ты оборону.
Смело рушишь ты препону. Львиной хочешь бить рукой.
Знаешь заговор на раны и советы-талисманы.
Но не слышишь — кличут враны, кличет близко часовой.

Ты пойдешь, и звук доспеха стукнет, звякнет, дрогнет эхо,
Вмиг поднимется потеха. Часовые прибегут.
Хоть бы ты взбирался ловко, и у них ведь есть уловка,
Будет срезана веревка. Нам не это нужно тут.

Всё неладно в этом ладе. Так не будешь в крепком граде.
Лучше вот что. Вы в засаде в ожиданье бранных сеч.
Я ж отправлюсь без опаски как купец. Сплету им сказки.
А на муле будут в связке — шлем, броня и острый меч.

Не пойдём туда мы трое. Заподозрят в этом злое.
Незамечен и в покое, как купец пройду туда.
Бог поможет мне в успехе. Облекусь тайком в доспехи.
И пойдут тогда потехи. Кровь польется, как вода.

Вмиг мечом сниму дозоры. Руки в деле будут споры.
Разломаю все запоры. Вы ударите вовне.
Как ворота вам открою, вдруг ворветесь вы волною.
Если мыслию иною победим — скажите мне».

Таризель сказал: «Геройство — ваше истинное свойство.
В вашем сердце беспокойство не вместится никогда.
Зря ли вам махать мечами? Вы с могучими сердцами.
Вы туда скорей бойцами, где всего грозней беда.

Но и мне пусть выбор будет. Ту, что ум к безумью нудит,
Свалки шум в дворце пробудит — солнце станет в высоте.
Глянет вниз — там бой могучий. Нет меня в грозе кипучей.
Спрячьте лести звук певучий. Нет, слова напрасны те.

Тут пятно есть. Лучше это нам принять, как зов совета:

В самый ранний час рассвета три отряда с трех сторон.
Понесутся наши кони. Будет мниться обороне,
В верном будем мы уроне. Что весь строй наш? Малый он.

Мы же, сильные, не кто-то. Не замкнут они ворота.
Мы уж там. Пойдет работа. Те — извне, те — изнутри.
Грянем мощным мы тараном. Пусть идут хоть целым станом.
Счет потерян будет ранам. Всех, кто там, на меч бери».

Говорит Фридон: «Яснее стало всё. Как быть, виднее.
Конь, что был моим, быстрее, чем какой-либо другой.
Если б знал, что может случиться, будем к каджи мы врываться,
Я б не стал с ним расставаться. В этом скуп — уж я такой».

Но словами он такими потешается лишь с ними.
Вот решеньями своими дело сделали видней
Рады дружеской потехе. Облеклись они в доспехи.
Наигравшись в светлом смехе, вот садятся на коней.

Мысль, что встала в Таризле, так они уразумели,
Приведет вернее к цели. Духом все они легки.
Разделилось три отряда. В каждом — сто, на радость взгляда.
Сердце конское им радо. Закрепляют шишаки.

Вижу их в сиянье этом. По семи идет планетам
Луч, чтоб их овеять светом. Вкруг героев столб огня.
Так решенное свершая, едет их семья живая,
Всех врагов своих сражая, всех же любящих пьяня.

Вот их образ, вот сравненье: дождь, ниспав на возвышенья
Гор, струит свое теченье, как разметанный поток, —
Но когда, натешась в споре и вдали увидя море,
Он расширится в просторе, он спокоен и глубок.

Автандил — огонь стремленья. Смел Фридон, он — дерзновенье.
С Таризлем им сравненья всё ж в красе отваги нет.
Солнце светит, — где планеты? И в Плеядах гаснут светы.
Им теперь хвалы пропеты. Гляньте в бурный ход побед.

Трое врат, и смелых трое. С ними войско небольшое.
С каждым сто. Но в этом рое каждый витязем глядит.
Ночью спешные разведки в достиженьях были метки.
Луч зари скользнул — до ветки. В путь. У каждого есть щит.

Раньше ехали нестройно и, как путники, спокойно.
Страху быть тут непристойно. Замыкается кольцо.
Не тревожась, смотрят стражи. Кто они? Занятно даже.
Вдруг помчались в город вражий — и забрало на лицо.

Дрогнул каждый конь, пришпорен. Этот бел, а этот черен.
Стук копыт. Полет проворен. Все в ворота. Смело в бой.
Заиграли барабаны. Звуки флейт и дудок пьяны.
В срывах дрогнули туманы, вдруг прожженные трубой.

Тут излился на Каджети божий гнев. И в солнцесвете
Встал пожар. И были плети — раскаленные лучи.
В колесе небес, в их круге, зрелись огненные дуги.

Пали трупы друг на друге. Смертный сеют сев мечи.

Рубит острый меч, не целя. Как густого полный хмеля,
Грозный голос Тариэля и нераненых мертвит.
Прах пред смелым вражьей брони. С трех сторон ворвались кони.
Топчут в бешеной погоне. К башне быстрый бег их мчит.

Лев Фридон, по вражьим силам пролетевши быстрокрылым,
Повстречался с Автандилом. Шлют друг другу звонкий клич.
Их набег увенчан славой. Враг разбит. Поток кровавый.
«Тариэль где величавый?» Взором где его настичь?

Где он? Скрылся как виденье. К башне замка их стремленье.
Там мечей нагроможденье и обломки лезвия.
Десять тысяч обороны мертвы. Еле слышны стоны.
И стекает, крася склоны гор, кровавая струя.

Все изранены, избиты, стражи замка с прахом слиты.
И врата в него раскрыты. Тут и там, со всех сторон,
Где оплот был, были скрепы, ныне смотрят только щепы.
«Бурей доблестно-свирепой здесь прошел, конечно, он».

Вот идут готовым ходом. Гул шагов вослед по сводам.
Видят, яд сменился медом, и луне открылся путь.
К солнцу. Змей сражен. Смеются токи света. Кудри вьются.
Шлем откинут. Нежно жмутся шея к шее, к груди грудь.

Две звезды, предавшись чарам, поцелуйным светят жаром.
Скорбь-Зуаль с борцом-Муштхаром сочетались в красоте.
Если розы в окруженье солнце света — вдвое рденье.
Им под солнцем наслажденье, бывшим долго в темноте.

Розы губ повторно слиты. Стебли пальцев перевиты.
Тут и двое верной свиты. Автандил и с ним Фридрн.
Вышли. Трое — побратимы. Вот он, солнца лик любимый.
Да пребудут же хранимы те, пред кем глубок поклон.

Нестан-Джар, друзей встречая, светлым ликом привечая,
Блещет солнцем, золотая. Гордый их поцеловал.
И с нарядными словами, вот, стоят перед бойцами,
Что окончили сердцами подвиг тот, что был не мал.

Тариэля восхваляют. Как победный бился, знают.
И себя не умаляют. Всем пристоеен звук хвалы.
Им оружие послужило. Меч рубил, кипела сила.
Их стремленье львиным было. Были против львов козлы.

Триста было их вначале. С честью там сто сорок пали.
Хоть Фридону в том печали, всё ж и радуется он.
Разметалась вражья сила. Всем им, злым, нашлась могила.
А уж что сокровищ было, клад не может быть сочтен.

Всё, что было быстроногого, — мул, верблюд и конь — их много
Взято. Пышная дорога. Их три тысячи голов.

Груз оценят властелины. Гиацинты и рубины.
И чтоб блеск вернуть единый, паланкин уже готов.

Шестьдесят бойцов в Каджети, чтоб хранить твердыни эти,
Оставляют. В ярком свете едут ныне в град морей.
Путь туда не бесконечный, хоть далекий, но беспечный.
Фатьму видеть — долг сердечный. Нужно им предстать пред ней.

44. СКАЗ О ТОМ, КАК ОТПРАВИЛСЯ ТАРИЭЛЬ К ЦАРЮ МОРЕЙ И К ФРИДОНУ

До царя морей, для знанья, Таризель послал посланье:
«Вражьей силы растоптанье, Таризель, с огнем лица,
Солнце я мое в расцвете приношу из тьмы Каджети.
Ты прими приветы эти — в честь родного и отца.

Каджи край — уж мой он ныне. Все богатства и твердыни.
От твоей лишь благодости здесь заря моя жива:
Фатьма ей была сестрою, больше — мать родною.
Расплачусь я как с тобою? Ненавистны мне — слова.

Приходи. Твоим здесь краем мы идем и поспешаем.
Я, поспешностью сжигаем, замедляться не могу.
Каджи край и их твердыни от меня прими ты ныне.
Будешь грозным для гордыни, будешь страшен ты врагу.

Речь моя — и до Усена. Ту, в которой блесков смена.
Фатьма вырвала из плена, — пусть же к нам придет,светла.
Кто желанней ей — желанной, ярким солнцем осиянной,
Ярче звезд, как первозданный луч светлее, чем смола?»

Получивши извещение, царь морей пришел в волненье, —
Весть нежданная смятенье пробуждает в тишине.
Восхвалил в словах покорных он владыку высей горных.
И не ждал вестей повторных. Вмиг поехал на коне.

Взял даров и взял не злата, а пригоршни две агата.
Свадьба будет там богата. И уходит караван. Фатьма с ним.
Их путь далекий. Прах взметался поволокой.
В день десятый — свет высокий: лев и солнце, светоч стран.

Царь морей свой путь кончает. Трое их его встречает.
Каждый, спешась, привечает. Кротко их лобзает он.
Таризлю восхваленья. С ним она — как озаренье.
Лик, достойный удивленья, весь лучами окружен.

Фатьма в пламени и тает. Вот целует, обнимает.
Поцелуи принимает к лику, шее и руке. Шепчет:
«Боже — пред зарею мрак не властен надо мною.
Буду я твоей слугою. Свет велит молчать тоске».

Обнимает Фатьму дева. Нежно, словно звук напева,
Говорит она без гнева: «В сердце было много слез.
В сердце ночь была бурунна. Но теперь я полнолуна.
Солнце светит многострунно. Роза — вот, и где мороз?»

Медлит царь морей неделю. Благодарен Таризлю.

Свадьбе час, любви и хмелю. Счет даров — как россыпь звезд.
Блещет золото с самоцветом. По золатым они монетам
Как по праху ходят светом. Золотой до счастья мост.

Кучей там парча с шелками. С гиацинтами-камнями,
Тариэлю, словно в храме, злат венец дарует он.
Гиацинты золотисты, в них сияет пламень чистый.
Также царственно-лучистый, вырезной дарит он трон.

И покров, где всё румяно, свет-рубины Бадахшана,
Гиацинтов алых рана, — он подносит Нестан-Джар.
Дева с юношей, сияя, как гроза там молодая.
Взглянет кто на них, мечтая. — новой страсти в нем пожар.

Автандилу дар богатый, и Фридону жемчуг-скаты,
И седло с красой несмятой, и отличный в беге конь.
И плащи горят огнями, небывалыми камнями.
Молвят: «Ты восхвален нами. Будь богатым, как огонь».

Тариэль благодаренье красит ласкою реченья:
«Царь, полны мы наслажденья: мы увидели царя.
Ты неложно царь всесильный. И дары твои обильны.
И сюда дороги пыльны, но мы шли к тебе не зря».

Царь морей ответом ясным молвит: «Лев с лицом прекрасным.
Смелый, жизнь твоим подвластным, убиватель нежный тех,
Что с тобой живут в разлуке, — к звуку счастья где есть звуки
Как ответ? Я буду в муке: без тебя — и без утех».

Тариэля к Фатьме слово — как от брата дорогого:
«Долг велик, сестра. Такого долга — что придет под стать?
Пышность каджи, клад до клада, всё твое, тебе для взгляда.
Ничего мне здесь не надо и не буду продавать».

Фатьма кланяется низко: «Кто с тобой, властитель, близко,
Хоть не лик твой василиска, но в огне он сам не свой.
Я с тобой во власти чуда. Но когда уйдешь отсюда,
Что я буду? Пепла груды. Горе тем, кто не с тобой».

Губы жемчуг расцвечали, — два лучистые в печали
До царя морей сказали: «Без тебя нам трудно быть.
Уж не будем забавляться, звуком арфы опьяняться,
В громкой музыке встречаться. Но дозвошь теперь отплыть».

Будь отец нам, наш родитель. Дома нашего строитель.
И корабль нам дай, властитель». Царь ответил: «Что не дам?
Сердце ваше успокою. Буду сам для вас землею.
Коль спешишь, сейчас устрою, сильный, путь-дорогу вам».

И корабль к дороге дальней снаряжает царь печальный.
Наступает миг прощальный. Тариэль — среди зыбей.
Те, объятые скорбями, бьются оземь головами,
Фатьма слезы льет ручьями, умножая глубь морей.

Побратимы, эти трое, поле всё прошли морское.

Слово данное — живое. Клятва их подтверждена.
Отдыхают их доспехи. Им пристали — песни, смехи.
Светы губ горят в утехе, и кристальность в них ясна.

Весть Асмат идет благая. И в дома вождей другая,
Тех, что, в битве выступая, за Фридоном мчались в бой.
«Он сюда приносит светы, да сияют все планеты.
Будем ныне мы согреты, отдохнем от стужи злой».

Солнце в светлом паланкине. Путь проходит по равнине.
Уж конец пришел кручине. В них веселие детей.
В край пришли они Фридона. Всё цветисто и зелено.
Их родное манит лоно. Слово песни — свет лучей.

Их встречают дружным хором. И Асмат, блестя убором,
Приковалась нежным взором к солнцу, Нестан-Дареджан.
Утешенье им друг в друге. Кончен долгий путь услуги.
Два цветка в цветистом круге. Миг свиданья верным дан.

И целует, обнимая, Нестан-Джар ее золотая.
Молвит: «Сколько тьмы и зла я принесла моей родной.
Скорбь была неравномерна. Но и благ господь безмерно.
Если сердце беспримерно, где награды взять такой?»

Говорит Асмат: «Хваленья всеблагодару. Разуменье
Зрит, что было в тьме стеснения. Роза тут и жемчуга.
Жизнь иль смерть — мне всё едино. Над картинами картина,
Если любит господина сердцем преданным слуга».

Возглашает строй сановных: «Коль в решениях верховных
Бог дарует дней любовных, так восхвалим же его.
Мы в кострах огней сгорали, лик явил он — нет печали.
Стали близью наши дали. Воскресил он, что мертво».

Целованья и объятья. Царь сказал им: «Ваши братья
Были жертвой. Восхвалять я буду смелых каждый час.
В вечном — жизнь за сновиденьем. С вышним слитый единеньем,
Лик их светит озареньем, лучевым в сто двадцать раз.

И хоть смерть их мне страданье, их бессмертный дар — сиянье,
Век о них воспоминанье. Принял их небесный царь».
Он сказал и плачет нежно. И лицо благого снежно.
Стынут розы, и мятежно веет в цвет седой январь.

Видя слезы в Таризле, все мгновенно восскорбели.
Словно стон прошел свирели. И внезапно стихли все.
И промолвили с почтеньем: «Если солнечным ты зреньем
Стал для мудрых, озареньем засветись, как луч в росе.

Да пребудет всяк спокоен. Кто же этих слёз достоин?
За тебя сраженный воин — он счастливее живых».
И кругом смягчились лики. И сказал Фридон к владыке:
«Были скорби, и велики, — в светлых днях потопим их.

Помоги нам в этом, боже». Автандил сраженных тоже
Восхвалил. «Но для чего же, — молвил, — плакать лишний раз?
Грусти дан был час грустящий. Снова лев с зарей блестящей.
Так смеяться будем чаще, а не слезы лить из глаз».

Весел град Мульгхазанзари. Бьют литавры как в угаре.
Кличут трубы. К нежной чаре много льнет различных чар.
Чу, грохочут барабаны. Медь звучит. Все точно пьяны.
И красавицы румяны все сбежались, пуст базар.

И торговцы приходили. Их ряды забыты были.
И порядок наводили стражи с саблями в руках.
Челядь, дети — все толпятся. Тем вперед, а тем податься.
Только б как-нибудь пробраться. «Посмотреть!» — у всех в глазах.

У Фридона Нурадина весь дворец — одна картина.
Все рабы — до господина. И на каждом пояс злат.
Всё парчой горит златою. И ковры там под ногою.
И они над головою мечут золото как град.

45. СКАЗ О ВЕНЧАНИИ ТАРИЭЛЯ И НЕСТАН-ДАРЕДЖАН ФРИДОНОМ

Свадьба справлена Фридоном. Честью честь им, с белым тронем,
Словно в брызгах окропленным в желто-красный самоцвет,
Автандилу желто-черный также дан престол узорный.
Ждет толпа. В ней вздох повторный. Вижу, тут терпенья нет.

И певцы там не молчали. Песни льются без печали.
Свадьбу весело сыграли. Был шелков роскошный дар.
Нежный блеск необычаен. Добрый тот Фридон хозяин
Лик улыбки как изваян в ворожащей Нестан-Джар.

Счет даров сполна ли нужен? Дар с подарком явно дружен.
Девять царственных жемчужин, как гусиное яйцо.
Яхонт также драгоценный, в солнцесвете несравненный,
Ночью в блеске неизменный, хоть рисуй пред ним лицо.

Также дал им ожерелье, чтобы шее быть в веселье, —
Уж какое рукоделье: гиацинты — нить кружков.
Автандилу-льву дал чудо — и поднять-то трудно — блюдо,
Не пустым унес оттуда это блюдо враг врагов.

Всё хозяин жемчугами уложил его с краями,
И с пристойными словами эта дань дана была.
Весь чертог обит парчою, тканью нежно-золотою.
Таризель к нему с хвалою, стройно сложена хвала.

Восемь дней с усладой верной, свадьбы праздник беспримерный.
Ток даров струей размерной, каждый день им как венец.
И конца нет узорочью. Арфа с лютней днем и ночью.
Глянь, увидишь ты воочью: юный — с девицей наконец.

Таризель сказал, смягченный, до Фридона: «Брат рожденный
Ближе быть не мог. Взметенный, ранен насмерть, по волнам

Я бродил,— явил ты сушу. Клятву сердца не нарушу.
И как дар отдам я душу — брату, давшему бальзам.

Сам ты знаешь Автандила, как его служенье было.
Преисполненное пыла и готово до всего.
Я хочу служить взамену. Положил конец он плену.
Сам пусть знает перемену. Жжет костер — гаси его.

„Брат,— скажи ему, милоя,— как за службу заплачу я?
Бог, дары свои даруя, света жизни даст твоей.
Коли я твое хотенье не явлю как исполненье,
Не хочу отдохновенья даже в хижине моей.

Будет в чем моя подмога? Пусть — нам смело, с волей бога,
До Арабии дорога. Ты мой вождь, а я твой друг.
Нежных мы смирим речами, а воинственных — мечами.
Ты к своей жене с дарами, иль моей я не супруг”».

Чуть услыша Тариэля это слово, — словно хмеля
Вдруг сказала неделя, — Автандил в веселый смех.
«Мне помощник? Где ж печали? Каджи в плен мою не взяли.
Я не ранен, не в опале. Розе снов — во всем успех.

Солнце светит на престоле. И царит по божьей воле.
Не в Каджети, не в неволе, не во власти колдунов.
Все к ней с лаской и приветом. Помогать ей, что ли, в этом?
Не дождешься тут с приветом от меня ты лестных слов.

Если хочет провиденье, так небезысленные виденья
Принесут мне утешенье в этой огненной печи.
И тогда по смерти буду льнуть я к солнечному чуду.
Счастья здесь искать повсюду — хоть ищи, хоть не ищи.

Передай ответ правдивый: «Чувства, царь, твои красивы.
Был слуга я твой радивый прежде, чем я был рожден.
Пусть же я перед тобою буду только лишь землю
До тех пор, как ты, с хвалою, не получишь царский трон».

Ты сказал: «Хочу слиянья твоего с звездой сиянья».
В том благое пожеланье. Но не рубит здесь мой меч.
И не властно здесь реченье. Лучше буду ждать свершенья
От небес и провиденья. Да узнаю радость встреч.

А чего теперь хочу я? Чтоб ты в Индии, ликуя,
Власть на тронах знаменуя, воцарившись, поднял стяг.
И чтоб этот свет небесный, облик с молнией чудесной,
Был с тобой в отраде тесной. И чтоб был сражен твой враг.

Совершится — жизнь восславлю и тебя тогда оставлю,
Путь в Арабию направлю. Ближе к солнцу. И она
Мир души моей упрочит. И загасит, коль захочет,
Тот пожар, что сердце точит. Речь, как видишь, не длинна».

Четко всё в словах ответа. Тариэль, услышав это,
Говорит: «Зима не лето. Лета я ему хочу.

Он нашел зарю златую, чем живу и кем ликую.
Жизнь и он пускай живую встретит, мной ведом к лучу.

Той заботой мысль объята. Да явлю в том доблесть брата.
Вот, скажи: „В путях возврата до приемного отца
Твоего — мне возвращенье. Попросить хочу прощенья
За рабов, их убиенье. Умягчить хочу сердца”.

Молви: „Завтра в путь мне нужно. Больше медлить недосужно.
С словом «если» жить содружно — смерть для сердца моего.
Царь арабский — он уважит сватовство мое и скажет
То, что ум ему прикажет. Буду я молить его”».

Весть пришла через Фридона. В этой речи звук закона.
Сердце вновь его спалено. В сердце дым и головни.
«В путь, и тщетно промедленье». В сердце витязя боренье.
Так, владыкам — уваженье. Да велят сердцам они.

Автандил пришел смущенный. И, коленопреклоненный,
Тариэлю, как сраженный, обнимает ноги он.
Говорит он: «Сердцу больно. Пред Ростеном, хоть невольню,
Вин моих уже довольно. Да не буду раздвоен.

Быть хочу односердечным. Ты не сможешь перед вечным
В этом миге скоротечном правосудным быть сплеча.
В сердце старца-властелина обо мне теперь кручина.
Не могу на господина я, слуга, поднять меча.

Будет тут зерно раздора, между мной и милой ссора,
Из разгневанного взора будет жжение огня.
Без вестей мне быть случится, от нее вдали томиться.
Кто прощенья добиться здесь сумеет для меня!»

Солнцеликий смехом ясным, Тариэль, с лицом прекрасным,
Руку взяв движеньем властным, Автандила поднял вдруг.
«Ты мне сделал всё благое. Чрез тебя мой дух в покое.
Дай же быть счастливым вдвое. Знать, что счастлив брат и друг.

Ненавижу опасенья, в друге чопорность, сомненья,
Лик оглядки, охлажденья. Тот, кто друг сердечный мой,
Пусть меня к себе он тянет, предо мной открыто станет.
Если ж нет, разрыв не ранит, он с собой, а я с собой.

Сердце я твоей желанной знаю в чаре необманной.
Мой приход не будет странный. Чрез меня придет жених.
А царю скажу я разное то, что нужно и приязно.
И желанью сообразно вид желанный встречу их.

Сердце старое покоя, лишь скажу царю одно я,
Чтоб, чертог блаженства строя, доброй волей отдал дочь.
Если цель есть единенье, для чего ж вам разлученье?
Вам друг в друге озаренье. Нужно вам цвести помочь».

Автандил, увидев ясно, что препятствовать напрасно,
Поступил во всем согласно, с Тариэлем отбыл он.
А Фридон отряд отборный выбрал свитой им дозорной.
Сам он — с ними. Друг бесспорный, с ними должен быть Фридон.

5

46. СКАЗ О ТОМ, КАК СНОВА ИДЕТ ТАРИЭЛЬ К ПЕЩЕРЕ И ВИДИТ СОКРОВИЩА

Мудрый Дивнос сокровенье нам явил в словах реченья:
«В боге благо, возрожденье. Не из бога дышит зло.
Злой им в миге укорочен. Ход благого им упрочен.
В совершенстве вышний точен. Вне низин души светло».

Эти львы, всегда живые, эти солнца золотые,
В дали шествуют иные. С ними дева с ликом зорь.
Крылья ворона синеют. В этих косах свету млеют.
И рубины щек алеют. Самоцветы с ней не спорь.

Это солнце в паланкине нераздельно с ними ныне.
Вот охота по долине. Кровь течет. Свистит стрела.
Где б они ни проходили, той красе и этой силе
Взоры всех восторг струили, им дары и им хвала.

Словно это свод небесный. Между лун, в семье их тесной,
Солнца лик горит чудесный. Дни пути — и ближе цель.
Между гор, что в мгле как в дымах, для людей недостижимых,
Строй туда идет любимых, где томился Тариэль.

Молвит витязь: «Буду ныне вам хозяин. Там в стремнине
Недостатка нет в дичине. И накормит нас Асмаг.
Поедим, повеселимся, а притом обогатимся.
Мы в дарах здесь не скупимся, многосветел пышный клад».

Спешась, вот идут в пещеры, в тот чертог утесов серый.
У Асмаг дичин без меры. Режет вкусные куски.
Радость. Кончена дорога, где страданий было много.
Восхваляют сердцем бога — счастье вывел из тоски.

Вот в скалах, через пустоты, чрез иссеченные гrotы,
Где сокровища как соты, где печати по дверям,
Всей толпой они проходят. Забавляясь, в залах бродят.
И богатствам счет не сводят. Не воскликнут: «Мало нам!»

Есть для каждого блестящий там подарок подходящий.
Каждый был там предстоящий Тариэлем награжден.
А потом из несочтенных тех сокровищ сгроможденных,
Как из житниц нагруженных, каждый воин наделен.

До Фридоны молвит слово: «Хоть бери еще и снова,
Я должник твой, и такого долга — как покрыть объем?
Но, благое совершая, верь — награда ждет у края.
Этим кладом обладая, в царстве им блистай своим».

Воздаст Фридон почтение и, исполненный смиренья,
Говорит благодаренья: «Царь, я твой, тебя любя.
Ты как в бурю голос грома. Всякий враг твой лишь солома
Счастье мне тогда знакомо, как смотрю я на тебя».

Повелел Фридон — верблюжий караван доставить дюжий,
Чтоб богатства в час досужий перевезть к себе домой.
И в Арабию оттуда держат путь. Исполнен чуда,
Ветер шепчет весть про чудо. К солнцу месяц молодой.

Долгодневное томленье. Вот из дымки отдаленья
Видны замки и селенья. То Арабия, она.
После дней тоски суровых, для восторгов встречи новых,
В голубых толпа покровях, к Автандилу столь нежна.

Тариэль до Ростевана шлет сказать: «Душа медвяна.
Роза в цвете и румяна. Не сорвал никто ее.
Царь индийский, духом ясный, до Арабии прекрасной
Я дерзнул прийти, о властный, пред величество твое.

Вид мой раз в тебе волненье пробудил и раздраженье.
Наложить хотел плененье на меня и на коне
Гнался. Было то не право. Вспыхнул гнев во мне, как лава.
И налево и направо смерть рабы нашли во мне.

Потому я пред тобою ныне с прошлою виною.
Грех свой бывший не укрою — бывший гнев покрыл его.
Я в дарах не благодетель. В этом мне Фридон свидетель.
Дар один принес радетель: Автандила твоего».

Слов где взять мне подходящих, чтоб явить восторг горящих?
В блеске трех лучей блестящих млеют щеки Тинатин.
Задрожавшие ресницы оттеняют свет зарницы.
Под бровями — огневицы. Алым светится рубин.

Чу! Литавры. Гул их льется. Смех и говор раздается.
Воин с воином смеется. Под уздцы берут коней.
Седла все в огнях узорных. Много витязей проворных
На конях своих отборных жаждут встречи, будут в ней.

Едет царь, с ним властелины. И вокруг владык дружины,
Словно дружный хор единый. Благодарны богу все:
«Нет у зла существованья. Для благого лишь деянья
Есть и жизнь, и ликование. Свет в готовой ждет красе».

Уж они не за горами. И нежнейшими словами
Говорит, горя глазами, к Тариэлю Автандил:
«Видишь эту пыль равнины? В этом дым моей кручины.
В сердце пламени лучины. От огня лишаюсь сил.

Это мой отец приемный. Я же, точно вероломный,
И безродный, и бездомный, медлю встретить, пристыжен.
Я в узор вступил нежданный. Стыд мой — слово сказки странной.
Но мечты моей желанной вестник — ты и друг Фридон».

Тот ответил: «Лик смиренья пред владыкой — знак почтенья.
Здесь побудь в отъединенье. Не предам тебя огню.
Коль решение такое есть у бога, будь в покое:
Солнце с обликом алоэ я с тобой соединю».

Льву надежды эти сладки. В малой ждет он там палатке.
Радость взглядов и оглядки, ждет и Нестан-Дареджан.
Дрожь ресниц волной урочной — ветер северо-восточный.
Царь индийский полномочный едет прямо, строен стан.

И Фридон с ним едет вместе. О прибытье были вести.
Царь арабский этой чести ждет. И едут наконец.
Таризель лицом склонился. Прочь с коня, и озарился.
Царь к царю светло явился, сын — один, другой — отец.

Таризеля почитанье — Ростевану знак вниманья.
Он дарит ему лобзанье, удовольствуя свой рот.
Таризелю — ласка слова: «Блеск ты солнца золотого.
Без тебя не будет снова светел день, как ночь пройдет».

Царь глядит на обаянье, он исполнен чарованья.
Хвалит все его деянья, достижение побед.
И Фридон явил почтенье, пред владыкой преклоненье.
Царь исполнен утомленья: Автандила с ними нет.

В нем смущение велико. Таризель сказал: «Владыка,
Твоего достигши лика, сердце предал я судьбе.
Я дивлюсь, как предо мною слово молвил ты с хвалою.
Автандил когда с тобою, кто же будет люб тебе?»

Чую я в тебе томленье и, конечно, удивленье,
В чем причина промедленья. Сядем здесь на этот луг.
Тайну я тебе открою, почему он не со мною.
Снизойди своей душою. Просьбу вымолвлю я вдруг».

Вот садятся властелины. Сонмом едут вокруг — дружины.
Юный светит как рубины, всё лицо озарено.
Смехом, ликом, той игрою он владеет всей толпою.
Начал речью он такую, как к зерну кладя зерно:

«Царь, хотел бы речью стройной усладить твой слух достойный.
Но робею, беспокойный. Как молить тебя смогу?
И о светлом молвить мне ли? Сам я темен, в самом деле.
Только им лучи зардели, чрез него свечу, не лгу.

Ныне оба мы дерзаем вблизи прийти и умоляем.
Я был мукою терзаем, Автандил мне дал бальзам.
Он забыл, что в боли равной, в муке тяжелой и отравной
Был со мной он полноправный. Но не час быть в этот нам.

Утомлять тебя не стану. Излечи же в сердце рану.
Длиться ты не дай изъяну. Он ее, она его,
Оба любят. Пламень ярый пусть не множит в них удары.
Дочь твоя, чьи сильны чары, будь супругой для него.

Сердце мрамор, сам гранитный, да пребудет с нею слитный.
Вот с какой я челобитной». Тут платок на шею он
Навязал и преклонился, на колено становился.
Словно школьником явился. Всяк был сильно удивлен.

Таризеля как сраженным и коленопреклоненным
Царь увидя, был смущенным и далеко отступил.
И, явив ему почтенье, наземь пал. «От огорченья, —
Молвил ,— скрылось наслажденье, что в твоём я виде пил.

В ком же было б дерзновенье не свершить твое хотенье?
Ни на миг во мне сомненья. Дочь хоть в рабство я отдам.

Да свершится тотчас слово. Где бы ей искать другого?
Где бы ей найти такого, хоть блуждай по небесам?

Видеть зятем Автандила — радость мне, в нем свет и сила.
Дочь уж царство получила. Ей приличествует трон.
Цвет опал мой, цвет завялый. А она, с красой немалой,
Дышит, светит розой алой. Будь же с нею счастлив он.

Если б ты раба супругом выбрал, только бы друг другом
Были счастливы, — к услугам, я перечить бы не мог.
Тщетно было бы боренье. Автандил же — вне сравненья.
В этом богу восхваленье. Да войдет же он в чертог».

Слыша царские признанья, Таризель, храня молчанье,
Лик являет почитанья, наземь пал лицом своим.
Воздаст и царь почтенье. Каждый в сердце полон рвенья.
Говорят благодаренья, и совсем не скучно им.

На коня Фридон скорее. Мчится, светлой вестью вея.
Автандил заждался, млея. И к царю опять, вдвоем.
Полон радости великой, но смущен перед владыкой,
Преклонился луноликий, светит дымчатым лучом.

Царь встает, его встречая. Витязь, лик платком скрывая
И смущенно наклоняя, стал, как вешний куст в цвету.
Цвет, подернутый туманом, солнце в туче над курганом.
Но ничто в горенье рьяном не сокроет красоту.

Кроткий царь его лобзает, лаской слезы осушает.
Ноги старцу обнимает умягченный Автандил.
Молвит царь: «Восстань, смущенье подави. Ты удаль рвенья
Лишь явил и для служенья мне всю верность сохранил».

Всё лицо его лобзая, говорит: «Горячка злая
Жгла и жгла, меня терзая. Поздно ты пришел с водой.
Всё же ты залил горенье. Завтра, лев, соединенье
С солнцем, ждущим расцветенья. Поспеш к заре златой».

Ласку всю явив герою, усадил его с собою
Царь. Над бывшей раньше мглою разожглась лазурь светло.
Юный с царственным во встрече рады взорам, рады речи.
Вон уж где оно, далече, то, что было и прошло.

Витязь молвит властелину: «В ожидании я стыну.
На пресветлую картину нужно ль медлить нам взглянуть?
Встретим солнце, — в утре этом золотым засветим светом.
Кто идет зарей одетым, луч роняет он на путь».

Вот и блещут в солнцесвете, с Таризелем, двое эти.
Голиафы о привете тосковали — с ними он.
Что хотели, повстречали. Победили все печали.
Не играя меч качали, вынимая из ножен.

Царь сошел с коня. Ресницы чуть трепещут у царицы,
Нежных щек ее зарницы светят, как заря сама.
В паланкине, из сиянья, от нее ему лобзанье.
Он роняет восклицанья. Впрямь лишился он ума.

«Как хвалить мне солнце это? Приносительница лета.
Мысль безумием одета, посмотрев на этот свет.
Солнцелика, лунноясна, ты звездой горишь прекрасно.
Мне смотреть теперь напрасно на фиалки, розоцвет».

Сладко мтели, в самом деле, все, которые глядели
На зарю в златом апреле. Этим видом взор пронзен.
Но еще, еще взирая, чуют — тихнет боль живая.
Где ни явится младая, к ней толпы со всех сторон.

На коней они садятся, к дому светлому стремятся.
Семь планет, — их блеск сравнятся с этим солнцем толькомог.
Красота без изъяснения. Тут их меркнет разуменье.
Вот и в место назначения, в царский прибыли чертог.

Тинатин была на троне, и со скиптром, и в короне,
Вся как в светлой обороне в ворожащем взор огне.
От ее лучей горящих падал свет на предстоящих.
Царь индийский средь входящих смелым солнцем шел к весне.

И с царицей молодою Тариэль с своей женою
Речь ведет, и к ней волною — от обоих свет зарниц.
Не уменьшилось горенье, а достигло удвоенья.
И рубин в щеках, и рденье, и дрожит агат ресниц.

Тинатин зовет их оком на престоле сесть высоком.
«Решено всевышним роком, — Тариэль промолвил ей, —
Что престол тебе, блестящий, ныне вдвое подходящий,
Здесь с зарею зорь горящей посажу я льва царей».

Ликованье в этом звуке. И берут за обе руки
Светлоликого, и муки по желанной разошлись.
Двое их как в светлых дымах, лучше зримых и незримых.
Лучше всех в любви любимых. Лучше, чем Рамин и Вис.

С Автандилом так сидела дева робко и несмело
И мгновенно побледнела, сердце ходит ходуном.
Молвит царь: «Зачем стыдлива? Слово мудрых прозорливо:
«Любит если кто правдиво, так конец горит венцом».

Ныне бог да даст вам, дети, десять дружно жить столетий,
В славе, в счастии и в свете и не знать болезни злой.
Быть не шаткими душою, в ветре дней пребыть скалою.
И чтоб вашу рукою был засыпан я землей».

И наказ дает дружинам: «Автандил вам властелином,
Волей бога, с ликом львиным, ныне всходит на престол.
Я уж стар, и мне затменье. Так воздайте знак почтения.
И чтоб верность он служенья в смелых вас, как я, нашел».

Воздавали честь дружины: «Тем, что наши властелины,
Чрез кого наш свет единый, да пребудем мы землей.
Возвеличен ими верный. Ток врагов рекой безмерной
Прочь отброшен. И примерной карой всяк наказан злой».

И хвалу, и знаки чести Тариэль вознес невесте.

Молвил деве: «Вот вы вместе. Брат мне верный твой супруг.
Будь и ты моей сестрою. Я твой путь щитом покрою.
Если ж есть кто с мыслью злою, чрез меня исчезнет вдруг».

47.СКАЗ О СВАДЬБЕ АВТАНДИЛА И ТИНАТИН, ВОЛЕЮ ЦАРЯ АРАБСКОГО

Ныне светит огнеокий Автандил как царь высокий.
Взором черным с поволокой светит рядом Таризель.
Нестан-Джар, прельщенье взглядам, с Тинатин сияет рядом.
Мир земли стал райским садом, две зари — один апрель.

Вот несут хлеб-соль солдатам. Под ножом, стократ подъятым
Бык, баран, числом богатым, пали. Счесть ли? Мох сочти.
Всем несут дары-даянья по достоинству их званья.
И на лицах всех — сиянье, точно солнце на пути.

Гиацинтовые чаши. Из рубина кубки, краше
Зорь весной. Кто души наши усладит хвалой всего,
И сосудами цветными, и блюдами вырезными,
Спевши строки, молвит ими: «Праздник тут, гляди в него».

В песнопеньях диво-девы. И кимвалы льют напевы.
Скорби здесь не сеют севы. Гул веселия кругом.
Здесь даянье не утрата. Груды яхонтов и злата.
В ста ключах вином богато брызжет пышный водоем.

Никого, кто был без дара. Хром ли, нищ ли — всем есть чара.
Шелк и жемчуг. Блесков жара, кто ни хочет, всяк бери.
Солнце трижды в небе плыло. Дружкой был для Автандила
Царь индийский. В смехе сила, от зари и до зари.

Чуть оставивши постелю, снова к играм, снова к хмелю.
Царь арабский Таризэлю молвит: «Солнечно Нестан.
Царь царей ты солнцелицей. Царь царей и царь царицы.
Мы пред вами — прах темницы. Лишь от вас нам пламень дан.

На одной черте с царями, не должны сидеть мы с вами.
Вот ваш трон, а здесь мы сами». Он престолы разместил.
Таризель на месте главном. Ниже, за самодержавным,
Автандил с сияньем равным, Тинатин, огонь светил.

Царь арабский сам хозяин. Хлебосолен, краснобаен,
Всем прием здесь чрезвычайен. Для него никто не мал.
Никого не спросит: «Кто ты?» Хвалят все его щедроты.
С Автандилом, без заботы, сел Фридон и с ним блистал.

Дочь индийскую с супругом царь дарит. Над вешним лугом
Солнце встанет пышным кругом, изумрудный озарен.
Вне числа и описанья все роскошные даянья,
Скиптры, полные сиянья, блеск пурпуровых корон.

В ряд с уделом вознесенных те дары: камней зажженных,
Римской курою снесенных, дал он тысячу для них.
И в дарах не безоружен, дал он тысячу жемчужин,
Лик с яйцом от горлиц дружен тех жемчужин отливных.

Также тысячу отборных, неподдельных, непритворных

И как ветер степей проворных, тех арабских скакунов.
А Фридону — с жемчугами девять блюд, полны с краями,
С десятью еще конями, седла — блеск, превыше слов,

Царь индийский, в знак почтения, воздает благодаренья,
Истов, нет в нем опьянения, хоть испил вина царя.
Длится ли мне повествованье? Целый месяц ликование.
Самоцветы льют сиянья, жив рубин, огнем горя.

Грусть и радость порубежны. Таризель, как роза, нежный,
Дождь свежая белоснежный, Автандила с вестью шлет
К Ростевану: «Быть с тобою было радостью большою.
Но страной моей родною враг владеет, грозен гнет.

Те, чей ум — осведомленье, кто знаток в игре боренья,
Принесут уничтоженье тем, кто в знанье скудно плох.
Пресеку я путь к прорехам и вернусь к твоим утехам.
Овладеть бы лишь успехом. Да поможет в этом бог».

Ростеван сказал: «Владыка, для чего смущенье лика?
С звуком радостного клика войско всё пойдет толпой.
Автандил пойдет с тобою. И промчитесь вы грозой,
Тех разя, кто мыслью злою был изменник пред тобой».

Автандилу отвечая, Таризель сказал: «От рая
Кто ж уходит? Сохраняя те хрустальные плоды,
Ты ли, солнце, что с луною лишь недавно порою
Слито, — в путь пойдешь со мною, убегая от звезды?»

Автандил сказал: «Лукавишь, говоря — меня оставишь.
Сам уйдя, меня ославишь: «Он остался там с женой.
Он таков. Судьба супруга». Чтобы кто оставил друга,
Будь он с севера иль с юга, — стыд сказать, какой дрянной».

Таризель блеснул улыбкой. Точно роза влагой зыбкой
Иль серебряною рыбкой заигравшая волна.
Молвил: «Мне с тобой разлука, о тебе томленье, мука.
Так со мной же! В том порука, что судьба у нас одна».

Автандил созвал дружины. Встали все как строй единый.
Экий выводок, орлиный! Тут сто тысяч есть бойцов
С хваразмийскими бронями и арабскими конями
Позвенели стремями, и к войне тот строй готов.

Две сестры в любви, бледнея, расставаясь, пламенея,
К груди грудь и к шее шея, плачут, сердце их клялось.
И у тех, кто видит это, — что в разлуке май и лето —
Нет в глазах скорбящих света, в зренье всё в душе сожглось.

Если с утренней звездой месяц ровень над чертою
Гор, раскинутых грядою, вместе путь ухода им.
Если ж месяц зачарован, не уходит, как бы скован,
И деннице заколдован путь возврата к золотым.

Тот, кто создал их такими, кто велел пребыть им — ими,
Повеленьями крутыми может их разъединить.
Вот совсем они склонились. Роза с розой нежной слились.

Те, что были там, дивились. Нити две — едина нить.

Нестан-Дареджан сказала: «Если б я тебя не знала,
Я бы рано не вставала, расставаясь здесь с зарей.
Напишу. Пиши мне строки. Будем мы теперь далеки.
Я тобой — в горячем токе. Ты, вдали, зажжешься — мной».

Тинатин сказала: «Взгляда солнцесветлая услада.
Правда ль нам расстаться надо? Как оставлю жизнь мою?
Не о днях молю я бога. Лучше смерть пусть глянет строго.
Дней тебе пусть даст он много. Столько, сколько слез пролью».

И, опять, одна другую предавая поцелую,
Делят скорбь они двойную. И оставшаяся здесь
Взор к ушедшей устремляет. Оглянувшись, та сгорает,
К ней свой пламень посылает. Кто рассказ доскажет весь?

Ростеван среди вздохов шумных был безумнее безумных.
Он в сомненьях многодумных изливал кипенье слез.
Тариэль, грустя мечтою, был ущербною луною.
Нежной снежною волною лепестки струились роз.

Тариэля обнимая, царь целует, цвет сжимая.
Говорит: «Виденьем мая был ты здесь и сном весны.
Ты уйдешь — и вот терзанья. В двадцать раз сильней страданья.
Через тебя существованье, и тобой мы сражены».

Тариэль при расставанье шлет царю с коня прощанье.
От всеобщего рыданья оросилися луга.
Говорят ему солдаты: «Поспеш к заре, когда ты
До зари идешь». Трикраты грустны нежные снега.

С Автандилом и Фридоном Тариэль спешит зеленым,
Уж вперед идущим лоном, с ними людный караван.
Восемьдесят тысяч смелых вороных коней и белых
Устремляют до пределов тех, иных далеких стран.

И уходит путь-дорога. Хоть людей на свете много,
Нет таких троих у бога. Быть им раз лишь суждено.
Всяк, кто встретится, в мгновенье изъявляет подчиненье.
В вечер — их отдохновенье. И не сливки пьют, вино.

Дар блестящий, дар веселый, Тариэль с женой, как пчелы,
Мед снискали, те престолы, лучезарных семь число.
Пышность этих утешений — отдых им от всех мучений.
Не поймет тот наслаждений, кто не ведал близко зло.

Глянь туда, где эти двое. Что здесь солнце золотое.
Весь народ, в великом рое, здесь приветствует царя.
Бьют в литавры, в барабаны. Кличут трубы. Клики рьяны.
Все на пир великий званы. В этих двух для всех заря.

Приготовили два трона. Автандила и Фридона
Усадили. Волны звона. Восхваление владык.
Все рассказ о них узнали. Все поведаны печали.
Повесть дивную встречали — одобрение и клик.

Под игранье свирели веселились, пили, ели.
Свадьбу праздновать умели. Праздник свадьбы — свет сердцам.
Четверым — подарок равный, достоверный, достославный.
А еще рукой державной — дар просыпай беднякам.

Автандила и Фридона хвалят. Честь для них поклона.
«Вы, — им вторят, — оборона». Всех индийцев им почет.
Смотрят все на них с почтеньем. Властным служат с поклоненьем.
Все просторы их хотеньям. Каждый к ним с любовью льнет.

До Асма, сестре в неволе, разделительнице доли,
Царь индийский молвит: «Боле, чем твоих свершений круг,
Сын отцу и мать для сына не свершит. Так воедино
С нами правь, твоя — седьмина. Нежный с нежным, с другом друг —

Так цари над той седьмою частью. Нам же будь слугою
И, кого своей душою мужем выберешь, возьми».
Пав к ногам его, целует их Асма: «Тобой ликует
Жизнь моя и торжествует. Службу дав, не отними».

Эти трое, побратимы, подчиненными любимы,
Веселятся. Но уж дымы грусти знает Автандил.
К Тинатин летит мечтами. Уж ни чудо-жемчугами,
Ни горячими конями больше рок ему не льстил.

Таризель его томленье и к избраннице стремленье
Замечает: «Омраченье вижу сердца твоего.
Тайных семь твоих печалей мне еще восьмую дали.
Счастье было, счастье взяли. Разлучимся, нет его».

И Фридон для удаления также просит позволения:
«Я домой хочу. Но мленье сердца — к этому двору
Каждый раз, как, старший, будешь звать меня, слугу пробудишь,
Лань к ручью прийти понудишь в день, дабы унять жару».

Автандилу для Ростена — малых ценных мантий смена
И сосуд, где емкость плена держит яхонты в числе.
«Вот возьми и в послушанье отвези мои даянья».
Молвит тот: «Существованье без тебя — как жизнь во мгле».

Тинатин, как дар священный, от Нестан покров бесценный,
Также плащ воздушно-пенный, лучезарнее зари.
Кто возьмет, тот взял не даром. Ночью солнечным пожаром
Светит. Нет предела чарам. Огонь, откуда ни смотри.

Автандил с коня прощался. С Таризелем расставался.
В них обоих разгорался пыл расстанного огня.
И от слез индийцев травы влажны — жаль им этой славы.
Автандил сказал: «Отравы мира жалят, жгут меня».

Ехал он с Фридоном рядом. И поздней, меняясь взглядом,
Разлучились. Всяк к отрядам путь направил свой — к своим.
Ждали каждого утечи. Радость полная в успехе.
В край арабский без помехи прибыл тот, кто в нем любим.

Автандил — в красивой силе. И арабы выходили.

Привечали. Тучки плыли и растаяли сполна.
С ней сидел он на престоле. Что желать им было боле?
Свет верховный в этой доле. И корона им дана.

Три властителя друг друга навещали в час досуга.
Их желанья полность круга знали, светлые, во всем.
Устраняя все напасти, расширяли область власти.
Кто чужой захочет части, усмиряли тех мечом.

Их дары — как хлопья снега иль река, что грани берега
Залила. Повсюду — нега. Бедным — помощь, бич — над злом.
И вдова от них богата. И овец сосут ягнята.
Светом вся страна объята. Волк, кормясь, дружит с козлом.

Сказ о них — как сновиденье. Миг в ночи — его явленье.
Отошли, как блеск мгновенья. Век земной чрезмерно мал.
Всё ж они сияли в яви. Я, певец села Рустави,
Из Месхети, песню славе здесь сложил и записал.

Для грузинской я богини, луноликой, чьей святыне
Царь Давид, во всей гордыне блесков солнечных, слуга,
Ей, чьим страхом все объято от Востока до Заката,
Песнь сложил, в ней повесть сжата, для царицы — жемчуга.

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Перевод П. А. Петренко

ВСТУПЛЕНИЕ

Ты, вселенную создавший, силой собственной велик,
Дуновеньем животворным бездыханное проник,
Людям дал весь мир — несметной многоцветности цветник,
Странам дал владык, и в каждом отражается твой лик.

Бог единый, ты — прообраз всех земных и горних тел,
Дай мне силу, чтобы дьявол полонить меня не смел,
Дай любить еще, доколе смерть не вырубит предел,
Облегчи грехи, что телу навсегда даны в удел!

Льву приличны меч и пика, медный щит ему пристал,
Солнца блеск идет царице, чье обличье — алый лал.
Как осмелиться, не знаю, мне излить поток похвал?
Взору в дар Тамар явилась, но хвалы отдарок мал.

Слез кровавых дождь хвалебный только ей да будет мил!
Темных слов мы не сказали, и творил я без чернил:
Не перо — тростник высокий черным озером поил,
Чтоб хвалебный стих иному, точно меч, по сердцу бил.

Петь уста, ресницы, брови — долг почтительный певца,
Зубы выложены ровно, два блистающих венца;
Бело-розовый точеный люб овал ее лица.
Раздробит и камень твердый наковальня из свинца.

Мне нужны язык и сердце, чтобы славить и хвалить,
Дай уменье мне и силу с песнопеньем разум слить,

Чтоб смогли мы Тариэля словом пламенным почтить.
И да свяжет трех героев неразлучной дружбы нить!

Этот плач о Тариэле не иссякнет, вечен он.
Сядьте все вокруг Руствели, кто рожден, как он рожден.
Я пою о нем стихами, в сердце копьями пронзен,
Вышив повесть жемчугами, дал я прозе перезвон.

Я, Руствели, сказ певучий до исхода доведу
Для тебя, царица войска, иль умру здесь на виду.
Обессиленный любовью, я спасения не жду.
Коль спасти меня не можешь, схорони со мной беду!

Сказка персов по-грузински мною песенно дана.
Перешла из рук на руки, как жемчужина, она;
Мной наряженная в рифмы, здесь она вознесена.
Омрачившая мой разум, не отвергни письмена!

Проясниться снова жаждет ослепленный ею взор,
И, стесненное любовью, сердце в доли я простер.
Я душою возрождаюсь, подымаясь на костер.
Три воспетых цвета смогут исчерпать стиха простор.

Должен каждый примириться с предназначенной судьбой:
Пусть работает работник и уходит воин в бой,
А влюбленный пусть палящий сохраняет в сердце зной,
Пребывая безупречным в сокровенной страсти той.

Есть в поэзии течение слов премудрых и святых,
Счастлив, кто благоговейно высоту ее постиг
Весь простор могучих мыслей заключает краткий стих —
Тем прекрасна речь поэта, тем отлична от иных.

Как по длинным перегонам проверяют скакуна,
Как по взмаху и размаху ловкость мячника видна —
Так и силы стихотворца мерит повести длина.
Не должна же сокращаться в затруднениях она.

На певца тогда смотрите, как опасность велика!
Чтоб слова не поредели и не стала речь мелка,
Напрягаться всё сильнее нужно силам ездока:
В мяч без устали чоганом пусть разит его рука.

Кто случайно два-три слова склеит рифмой тут и там,
Тщетно чтит себя поэтом, к славным тянется певцам,
Сложит стих, другой приложит, хоть нескладность видит сам,
Но твердит: «Всех превзошел я и затмил!» — как мул упрям.

Есть иного рода песни, дара малого удел,
Что сердца рассечь способных слов составить не сумел;
Словно слабый лук подростка, перед хищником несмел,
Лишь на мелкую дичину тратя мелочь робких стрел.

Есть еще род песен, годный для забавников пустых,
Для любовных объяснений, для пиров и шуток злых;
Эти песни нам любезны, если красит ясность их,
Но поэт лишь тот, кто в песнях величавости достиг.

Тратить попусту не должно дарование свое,
Для единой страсти должно в сердце выстроить жилье.
Надо всё творить искусно, коль творится для нее,
И не ждать, чтоб воздаянье протянула длань ее.

К той, что прежде восхвалял я, вновь летит моя хвала.
По достоинству я славил, и не ждет меня хула.
Жизнь моя и беспощадность леопарда в ней жила,
Пел я имя несказанной, что единственно светла.

Чувство истинное — это отраженье высших сил.
Надо, чтоб язык поэта несказанность изъяснил.
Есть возвышенная сила широко растущих крыл —
Тот, кому она открылась, всё страданию открыл.

Не поймут любви подобной и мудрейшие земли,
Коль признаньями и уши и язык уже сожгли.
Я сказал: земные чувства те, что с плотью расцвели,
Горним вторят, избирая лишь томление вдали.

По-арабски однозвучны и «безумен» и «влюблен»:
Кто влюблен и кто безумен — тщетной грезой омрачен,
Кто возносится любовью — тронет дланью небосклон,
Кто телесным очарован — крылья к травам клонит он.

Коль высокой страсти служишь, то, как солнце, будь красив,
Будь свободен ты и молод, мудр, богат, красноречив,
Будь и чуток, и уступчив, и меж витязей ретив, —
Коль достоинств не имеешь, удержать сумей порыв!

Есть краса в искусстве чувства, и рекут мои уста:
Сочетать служенье сердца с грешной скверною — тщета.
Меж любовью и развратом — грозной бездны пустота.
Меж несходными да будет непрейденною черта!

Коль возлюбленной влюбленный посвятил себя вполне,
Разлучась, он должен вздохи учащать наедине,
Должен верным оставаться и в пучине и в огне.
Бессердечных поцелуев звон веселый мерзок мне.

Пусть никто любовь такую настоящей не зовет,
Где сегодня той все ласки, завтра этой весь почет,
Лишь себе ни в чем отказа, в детской страсти, без забот.
Но влюбленный всё мирское в жертву милой принесет.

Тот, кто истинно полюбит, ото всех любовь таит,
Вдаль страдания уносит, одиночеством сокрыт.
Ведь душа в самозабвенье, если пламенем горит,
От любимой примет кротко даже горький яд обид.

Обретя любовь, не должно молвить слово ей во вред.
Надо скрыть любовь, чтоб люди не нашли ее примет.
Если чувства не заметят — и смущенья вовсе нет.
Надо пламенем одеться, счастья блеск творить из бед!

Лишь безумной люб с нескромным откровенный разговор,
Разглашающий приносит и себе и ей позор.
Как, любимую ославив, снова встретить нежный взор?
Пусть не ранит сердца милой дорогого наговор!

Как возлюбленному верить, коль с предателем он схож?
Сам не выиграв — любимой он готовит слезный дождь.
Что ж возвел ее высоко, если низко низведешь?
На земле всего милее злому сердцу — злая ложь.

Если плачут о любимой — эти слезы всех светлей,
Одиночество зачтется, как уход в простор полей.
В долгих думах о единой неразлучно слейся с ней;
Пусть же будет чувство это неприметно для людей.

СКАЗ 1 О РОСТЕВАНЕ, ЦАРЕ АРАБОВ

Ростеван был царь арабский, божьей милостью храним;
Войск бесчисленных властитель, был он щедрым и простым.
Мудр, любезен, правосуден, прозорлив, неотразим,
Кроме доблести прославлен красноречием своим.

Не имел детей державный, кроме дочери одной.
Ум и сердце созерцавших уносившая с собой,
Солнцем солнц она сияла, посылала блеск и зной.
Нужен мудрый, чтобы словом славить облик световой.

Тинатин ей было имя, пусть узнает это свет.
Расцвела, восхода солнца стал ясней ее расцвет.
Царь призвал визирей, сел он, и в очах печали нет,
Усадил и обратился к ним, пришедшим на совет:

«Я спрошу у вас о деле достождном, не о зле:
Свой цветок иссушит роза и развеет по земле,
И исчезнет, но воскреснет новым цветом на стебле,
А для нас померкло солнце, видим ночь в безлунной мгле.

Старость, худший из недугов, смертный бой ведет со мной,
Умирать не нынче завтра — на земле закон земной.
Что нам свет? Зачем он, если ночь за ним грозится тьмой?
Дочь моя светлей светила на престол воссядет мой».

Изрекли царю визири: «Не терзай себя тоской!
Если роза отцветает, то венец ее сухой,
И тогда, благоухая, все цветы затмит красой.
Блеск звезды не смеет спорить и с ущербною луной.

Царь, твоя не гаснет роза, много лет не вянуть ей!
Твой приказ, недобрый даже, доброты других добрей.
Хорошо, что речью вылил тайной горечи ручей.
Пусть над нами воцарится та, что ярче всех лучей.

Хоть царем девица будет — и ее создал творец.
Что царить она достойна, в том никто из нас не льстец,
Лишь ее лучам подобен добрых дел ее венец.
Львенок львенком остается, будь то самка иль самец».

Сын амира-спасалара был спаспетом Автандил,
Станом стройный, словно тополь, он луной и солнцем был,
Гладкий лик имел хрустальный, молод, мужествен и мил.
Взор царевны Автандилу блеском сердце истомил.

Он, любовь свою скрывая, превратился в беглеца,
Солнца лик его лишился и лишился багреца,
Растравляла рану встреча с алым пламенем лица.
Сожаления достойна страсть, губящая сердца.

Ростеван сказал: «Царевну царь на царство воцарит».
Был спаспет, как цвет отцветший; днесь — рубином он горит,
Молвил: «Буду видеть часто тот хрусталь, что так блестит,
Может быть, от угасанья блеск мне сердце исцелит».

Повелителя веленье всей Аравии речет:
«Тинатин, по воле отчей, днесь на трон свершен восход.
Пусть, как солнце, просветляет весь подвластный ей народ,
Пусть несет ей всякий зрячий уваженье и почет».

И сошлись аравитяне всех племен со всех сторон.
Автандил, водитель войска, был как солнце озарен;
Был визирь Сограт из многих приближенных приближен;
Был двумя поставлен ими драгоценный царский трон.

И, лицом своим сияя, Тинатин возвел отец,
Возложил своей рукою на чело ее венец,
Дал ей скипетр и закутал всю во золото и багрец.
Всех пронзила взором дева, проникая в сонм сердец.

Царь и войско поклонились, отступив пред ней назад.
Днесь, царем провозглашая, все мольбы о ней творят.
Тут кимвалы загремели, и ударили в набат.
Дева плачет, льются перлы, крылья ворона дрожат.

Деве мнилось: «Недостойна я воссесть на отчий трон».
Оттого-то ливнем долгим был к земле склонен бутон.
Царь учил: «Родивший должен быть рожденным замещен;
Буду в пламени, доколе не исполнен сей закон».

Приказал: «Не плачь и слушай, что велит отец родной:
Дочь моя, ты царь-девица, ныне призванная мной,
Ты отныне станешь править Аравийскою страной;
Будь же знающей и кроткой, мудро долг исполни свой».

Солнце розам и навозу шлет равно дары лучей:
Ты большим и малым также царской ласки не жалея,
Так отвязанных привяжешь мощной щедростью своей.
Воды снова притекают, вытекая из морей.

Щедрость царская подобно древу райскому растет,
Даже подлый покорится воздаятелю щедрот.
Снедь полезна, а хранимый бесполезным станет плод.
Что отдашь — твоим пребудет, что оставишь — пропадет».

Дева, чуткая к теченью поучающих речей,

Отчей мудрости училась, и не скучно было ей.
Царь, беседа за чарой, становился веселей.
Тщетно солнце подражало Тинатин игрой лучей,

Дева ключницу позвала и сказала: «Я звала,
Чтоб замки с моих сокровищ и печати ты сняла.
Дайте всё, что я имела, как царевною была».
Принесли сокровищ груды, блеск без меры и числа.

Всё, что в юности имела, тут же выдала она,
Знать и чернь обогатила, осчастливила сполна
И сказала: «Я учиться отчей благодати должна,
Из сокровищниц не будет сокровенной ни одна.

Все сокровища откройте, не оставив тайника,
Пригоните много мулов и коней издалика!»
Привели, и раздарила, и утрата ей легка.
Как разбойники морские, загребали всё войска.

С тяжкой кладью уходили, словно с боя овладев,
С жеребцами, что стояли в царских стойлах раздобрев.
Как метель неистоцима, Тинатин, свершая сев,
Без даров не отпустила ни воителей, ни дев.

Длился пир весь день. Гремело ликование кругом,
Много ратей услаждалось царской пищей и питьем,
Только царь сидел безмолвно с отуманенным челом.
Чем от был обеспокоен? — много спорили о том.

Во главе сидел, сияя, всем любезный Автандил,
Полководец славный, ловкий, словно лев в расцвете сил.
И визирь Сограт почтенный с Автандилом рядом был.
Говорили: «Что же нынче царь так бледен и уныл?

Он дурное, верно, мыслит, если пир ему не мил;
Ведь никто его как будто здесь ничем не омрачил.
Пусть решит наш спор». К Сограту обратился Автандил:
«С ним дерзнем шутить, за то что скукой нас он осрамил».

Сразу встали от застолья и предстали пред царем
И, наполнив свои кубки, подошли к нему вдвоем.
Вот, коленопреклоненный, со смеющимся лицом
Вольно речь визирь слагает изощренным языком.

«Царь, в лице твоём погасла днесь веселости заря;
Прав ты, блеск сокровищ редких столь прискорбно гибнет зря,
Дочь раздать всё злато хочет частодарная твоя.
Что ж венчал ее на царство, горе сам себе творя?»

Слыша это, улыбнулся повелитель всеблагой,
Удивился он визирю: «Как дерзнул шутить со мной?
Хорошо ты сделал, — молвил, — полный милостью одной,
Порицать меня за скупость будет лживой болтовней.

Мне, визирь, не это в тягость, есть на сердце гнет иной:
Побелел я, исчерпавший чашу младости златой;
Не рожден в пределах наших только юноша такой,

Чтоб обычаю могучих ныне был обучен мной.

Только дочь одну имею; я любя ее взрастил;
Сына не дал мне всевышний; был бы юный сердцу мил.
Кто царю в стрельбе и в играх на арене равен был?
Хоть отчасти мне подобен мной возвращенный Автандил».

Слову царскому внимая, смелый юноша поник
И улыбкою украсил ослепительный свой лик.
Зубы снежные устлали светом бледным поле вмиг.
Царь спросил: «Чему смеешься? Или стыд меня постиг?

Что во мне ты порицаешь? Чем постыдна речь моя?»
Кротко юноша ответил: «Если нет запрета, я,
Не сердись и не обидься, всё открою, не тая.
Не сочти за дерзость слово стража славы твоя!»

Молвил царь: «Когда же злое слово вымолвил ты здесь?»
И поклялся жизнью девы, затмевавшей свет небес.
Автандил сказал: «Дерзну я говорить с тобою днесь:
Не хвались стрельбой из лука, лучше слово точно взвесь!

Автандил, ваш прах, пред вами. Лук и стрелы здесь лежат.
Ваших подданных расспросим, будем биться об заклад.
Кто мне равен в ратных играх, препираться я не рад.
Пусть на деле дол и стрелы этот спор наш разрешат!»

«Если принял ты решение, воплотить его сумей,
Коль дерзнул стрелять, старайся оказаться не слабей!
Как свидетелей правдивых мы возьмем с собой людей.
Пусть решится на арене, кто достойней и славней».

Так на том и порешили. Подчинился Автандил.
Разговор их был приветлив, и ласкателен, и мил,
Был заклад положен ими — уговор меж ними был,
Чтоб три дня, кто проиграет, не покрыв чела, ходил.

И охотникам велел он: «Обойдите всё кругом,
Всех зверей с полей сгоняя, для того мы вас берем».
А потом войска призвал он быть как зрителям при том.
Пир был прерван, где сидели все за радостным питьем.

Рано, стройною лилеей, вышел витязь, бел, румян.
Был хрусталь и лал он ликом, был наряжен статный стан.
Златотканый шарф накинул, при себе имел колчан,
На коне подъехал белом, приглашая на мейдан.

Снарядившись, на охоту царь поехал, и потом
Поле ратью окружил он, оцепил его кругом.
Войско поле покрывало, шумно тешась торжеством,
Ради царского заклада стрелы частым шли дождем.

Вызвал царь: «За мной, двенадцать сопричисленных людей!
Лук и стрелы подавайте вы властителю скорей!
Верно выстрелы считайте и число добычи всей».
Звери двинулись стадами с опоясанных полей.

Стадом стад пришла добыча, велика, издалека:

Лань, кулан, коза и серна с дивной дальностью прыжка;
К ним помчались царь и витязь, созерцали их войска.
Вот стрела, и лук жестокий, и без устали рука.

Блеск небес угас, увидя отблеск конского следа.
Мчались конные, стреляя. Кровь хлестала, как вода.
Не хватало стрел, и люди подавали их тогда.
Все в крови, вперед ни шагу не могли ступить стада.

Но стрелки стада согнали и погнали пред собой;
Истребили. В небе сущий бог разгневан был резней.
Стали красными долины под кровавою рекой.
С драгоценным райским древом юный сходен был герой.

Так долину проскакали. Наступил конец игры.
Протекал поток за полем, за потоком шли бугры.
Дичь в леса уйти успела, где и кони не быстры.
Утомились и герои, больше не были бодры.

«Ловче я тебя», — с улыбкой повторяли те вдвоем,
И смеялись, и шутили, словно равные во всем.
А потом рабы приспели, вслед скакавшие верхом.
Царь велел: «Скажите правду, вашей лести мы не ждем!»

Те осмелились: «Мы правду без боязни подтвердим;
Лук спасета на могли бы встарь мы сравнивать с твоим,
Но теперь помочь не в силах; хоть убей — он несравним.
Дичь, намеченная юным, мертвой падала пред ним.

Вместе оба вы убили сто раз двадцать, мы сочли.
Автандил на двадцать больше. Царь властительный, внемли!
Все им пущенные стрелы в цель без промаха вошли.
А твои мы зачастую очищали от земли».

Но царю та весть — как будто в нарды легкая игра.
Проиграть он рад питомцу, и душа его добра.
Он любил его, как розу соловей. Пришла пора,
Отошла печаль от сердца, омраченного вчера.

У деревьев для прохлады в тень сошли они с коней,
И войска стекаться стали, затопляя ширь полей.
За спиной царя двенадцать молодых богатырей,
Для очей его забавой были берег и ручей.

СКАЗ 2

О ТОМ, КАК ЦАРЬ АРАБОВ УВИДЕЛ ЮНОШУ, ТИГРОВУЮ ШКУРУ НОСЯЩЕГО

У потока сидя, чуждый, чудный юноша рыдал,
Льву подобный, в поводу он тьмы темней коня держал,
Удила, седло и сбрую крупный жемчуг покрывал,
Слезный дождь из сердца хлынул, и на розу иней пал.

Шкуры тигра одеянье стан прекрасный облекло,
И шелом из той же шкуры облачал его чело.
С длани мощного героя плеть свисала тяжело.
Это видящих виденье увидеть вблизи влекло.

Раб отправился, чтоб слово молвить юноше тому,
Что склонил чело и плакал, недоступный никому.
Озарил хрустальный ливень желобов гишernih тьму.
Раб растерянный не властен передать приказ ему.

Раб дерзнуть не смел; от страха в столбняке стоял без сил,
Долго силился промолвить, очарован и уныл;
Доложил: «Велел...» Вплотную подошел и вновь застыл.
Тот не чует и не чаёт, целый мир ему не мил.

Так раба и не услышал сокрушенный скорбью лев,
Шума войск не замечая, он сидел, оцепенев,
И рыдало сердце, словно в нем огней свершался сев.
Слезы, будто сквозь запруды, просочились, покраснев.

Грозных мыслей вихрь отсюда в область грез его отнес.
Повеление владыки раб еще раз произнес,
Но не внял ему чудесный, не унял теченья слез:
Он, увы, раскрыть не властен красный куст прекрасных роз.

Раб дерзнул, представ пред очи государя своего:
«Я узнал, от вас тот витязь не желает ничего.
Ослеплял он, словно солнце, дивен, будто колдовство.
Слух его был глух к призывам: я промешкал оттого».

Царь немало удивился, стал надменен и суров
И послал к ручью двенадцать сопричисленных рабов:
«Вы оружие возьмите! Не идущего на зов,
Там сидящего, схватите, и узнаем, кто таков».

Подошли рабы, раздался гром оружия в тишине,
И тогда лишь вздрогнул юный с сердцем, плачущим в огне.
Огляделся и увидел рать, готовую к войне,
Молчаливый и угрюмый, только крикнул: «Горе мне!»

Очи вытер, удаляя застилавший их покров,
Укрепил колчан и меч свой, в путь таинственный готов,
Сел на лошадь, не желая даже выслушать рабов.
Не внимая, повернул он и поехал вдаль без слов.

Протянуть посмели руки, пересечь дерзнули путь.
Он же — каждый пожалел бы, даже недруг злейший будь, —
Перебил одним другого, не хотел мечом взмахнуть,
А иных ударил плетью, рассекая их по грудь.

Пуще прежнего разгневан, царь погнал рабов за ним;
Тот же, словно их не видит, равнодушен вовсе к ним.
Лишь когда его догнали, он сразил их, несразим,
Вмиг, раба в раба швыряя, всех рассеял, нелюдим.

На коней тогда вскочили Автандил и Ростеван;
Уходил тот горделиво, колыхая статный стан.
Солнце по полю несется, конь героя — как Меран.
Слышит юноша погоню, весь, как зарево, багрян.

Своего коня внезапно лишь коснулся плетью он,
В тот же миг исчез, от взоров неприметно схоронен.

Словно в бездну провалился иль взлетел на небосклон
Вкруг нигде следа не видно с четырех со всех сторон.

След его ища, дивились, что нигде не обретен,
Только дэвы так бесследно исчезают, словно сон.
Всюду павшие остались, всюду плач стоял и стон.
Царь промолвил: «Этой встречей светлый праздник омрачен.

Я, досель счастливый, богу надоед, и оттого
Мне печалью увенчал он дорогое торжество.
Днесь до смерти уязвлен я, не спасет и волшебство.
Что ж! Хвала творцу — то было провидение его».

Так промолвив, опечален, вспять он путь направил свой,
Не продолжил он потехи, отточил тоску тоской.
Все ушли, и той охоты был расстроен стройный строй.
Кое-кто подумал: «Прав он», а иной: «О, боже мой!»

Царь вошел в опочивальню, раздосадован, устал,
Автандил его в покой, словно сын, сопровождал,
Из семейства ни единый Ростевана не встречал.
Все расстроилось веселье, лютня смолкла и кимвал.

Тинатин тотчас узнала, что отца печаль мрачит,
Подошла к дверям, имея непосильный солнцу вид,
Тихо стольника спросила: «Ныне бодрствует иль спит?»
Доложил: «Сидит, страдает, гаснет цвет его ланит.

Автандил при нем один лишь, там сидит он перед ним.
Царь был очень опечален странным юношей одним»
Дева молвила: «Не в пору я пришла. Коль спросят, им
Скажешь: „Здесь была, к покоям в тот же миг ушла своим”».

Скоро царь спросил о дочке: «Что с единой, что с одной,
Что с моим утешным лалом, с милой жизненной водой?»
Стольник молвил: «Приходила, схожа с бледною луной,
Всё узнав, ушла, чтоб снова скоро свидеться с тобой»

Царь велел: «Терпеть нет силы. Ты ступай, осмелся ей
Доложить: „Зачем вернулась, жизнь отца и свет очей?
Приходи, спасенье сердца, горе нежностью развей!
Расскажу я, чем затмилась ясность радости моей”»

Повелению послушна, Тинатин пришла одна,
Лик ее светился, словно неущербная луна.
Царь, целуя, слово молвил, тихо слушала она.
Он сказал: «Неужто зова моего ты ждать должна?»

Доложила дева: «Царь мой, в час, когда ты омрачен,
Кто дерзнет тебя увидеть — пусть гордится этим он
Скорбь твоя светила свергнет, сотрясет и небосклон,
Но решимость в деле лучше, чем страдание и стон»

Молвил царь: «Хотя и ранен я свирепою судьбой,
Оживаю, лик твой милый лицезрея пред собой.
Ты, целительная, тучи разгоняешь красотой:
Всё узнав, ты оправдаешь скорбь и стон унылый мой.

Некий юноша чудесный взор мой странностью привлек,
Шел сияньем над вселенной от него лучей поток.
Он рыдал, а я не ведал, чем его измучил рок.

Не меня пришел он видеть, я за ним бежал, жесток.

Слезы вытер, сел на лошадь, чуть меня завидел он,
Я схватить его пытался — был я войска им лишен.
Не приветствуя, пропал он, словно бесом схоронен;
Так доньше и не знаю, явь я видел или сон.

Что увидел, удивило: кто он был — я не пойму;
Словно вихрь кровавый, мчался он по войску моему,
Из телесных так исчезнуть невозможно никому.
Разлюбил меня создатель, погрузил меня во тьму.

Так даров его сладчайший вкус мне горек стал потом,
О былых счастливых летах я забыл, бедой ведом.
Всё мне скорбью угрожает, нет отрады мне ни в чем,
И вовеки я сжигаем буду горестным огнем».

Дочь осмелилась: «Лукавый сердце отчее мрачит.
На судьбу зачем твой ропот? Или бог тебе не щит?
В чем винишь того, чей миру животворный взор открыт?
И зачем добра создатель злое чудо сотворит?»

Царь царей, дозвожь поведать думу дочери родной:
Ты владеешь беспредельной, безграничною страной!
Пусть пойдут искать повсюду отягченного виной
И узнают о безвестном, неземной он иль земной».

На восток, на север, запад и на юг людей тогда
Разослали, приказали: «Не боясь беды, труда,
Всюду юношу ищите, что сокрылся без следа,
А куда и не дойдете, письма шлите вы туда».

Диво-юношу искали эти люди целый год
И спрашивали всюду ими встреченный народ,
Но не встретили выдавших, был напрасен их поход,
И вернулись, огорчаясь тщетной тягостью забот.

Те рабы дерзнули молвить: «Обошли мы лик земли,
Но того, кого искали, мы увидеть не смогли.
Кто б на свете с ним встречался — и такого не нашли.
Мы ничем помочь не можем. Средств иных искать вели!»

Молвил царь: «Наверно, правду отгадала дочь моя:
В самом деле, злую силу у ручья увидел я.
Знать, явилось то виденье для затмения бытия.
Ни о чем уж не заботясь, грусть отрину я, друзья».

Так на радостях он молвил и умножил ряд затей:
И певцов и лицедеев повелел собрать скорей.
Раздарил подарков много верной челяди своей,
Ведь создал его создатель всех властителей щедрей.

Автандил в опочивальне был в одежде распашной,
Легкой песней услаждался, вторя арфе золотой.
Появился негр царевны передать приказ такой:
«Облик солнца, стройный тополь, склонен свидеться с тобой!»

И досталось Автандилу дело всех желанней дел.

Встал и лучшее из лучших платье быстро он надел;
Торопясь увидеть розу, был он радостен и смел.
Приближения к желанной сладко ждуть себе в удел!

Горделивый, без смущенья устремился Автандил
И увидел ту, которой столько слез он посвятил.
Дева молнии подобна, блеск обличья грозен был,
Расстилаемый до неба, он и свет луны затмил.

Горностай нагое тело тяготил ей снеговой,
Ниспадало покрывало, злату равное ценой,
Сердце рать ресниц разила, черных копий строгий строй,
Шею белую ласкали кудри пышные волной.

Так пурпурно покрывало, так нахмурен, чуден взгляд.
Автандилу сесть велела, тихих слов был ровен лад;
Раб ему скамью придвинул; сел он, робостью объят...
Заглянул в глаза ей витязь, преисполненный услад.

«На устах я чую горечь, нахожу слова с трудом;
Что сказать я не хотела, умолчать нельзя о том:
Я должна тебе поведать, почему призвала в дом
Почему мрачна сижу я с помутившимся умом».

Он сказал тогда: «Ты сердце огорчить не можешь мне.
Перед солнцем лучезарным как сиять еще луне?
Догадаться я не в силах, словно вижу всё во сне...
О, поведай все тревоги и доверься мне вполне».

Как достойно, к Автандилу обратилась дочь царя:
«Хоть вдали досель держала от себя богатыря,
Ныне радости сердечной приближается заря,
Но сперва скажу о горе, скорбным пламенем горя.

Помнишь день, когда с владыкой ланей стрелам ты обрек,
Диво-юноша был виден, но мгновенно стал далек...
Чтобы доблестей спасета не коснулся наш упрек,
Вслед бесследному обследуй землю вдоль и поперек.

От тебя хотя видала я почтительность одну,
Но любви твоей безмолвной понимала тишину.
День за днем слезами розе придавал ты белизну
И, подавленный любовью, сердцем был у ней в плену.

Ты служить теперь обязан мне прилежнее вдвойне:
Ни единого с тобою мы не ставим наравне,
А к тому же, как влюбленный, пребываешь ты в огне,
Так найди ж его, хотя бы в отдаленнейшей стране!

Это сделай ты и в чувстве неизменном укрепись,
Чтобы, скорбью омраченной, мне опять открылась высь.
Мне надежд фиалки в сердце насади и возвратись,
И с тобой соединюсь я, ты со мной соединишь.

Ты ищи его три года по окраинам земным,
Коль найдешь, приди с победой, провидением храним.
Убедимся в чародействе, коль не встретишься ты с ним.

Мною, розой неотцветшей, будешь встречен и любим.

Я, клянусь, твоей останусь, безупречною во всем.
Даже солнце, став мужчиной, если в мой проникнет дом,
Пусть лишусь тогда Эдема, поглощенная огнем,
Пусть любовь твоя во гневе поразит меня мечом!»

Молвил он: «Твои ресницы обратил в гишеры бог.
Что сказать еще дерзну я, и какой я дам зарок?
Я погибели страшился, ты продлила жизни срок.
Ведь себя уже издавна я рабом твоим нарек».

Вновь дерзнул: «Тебя, о солнце, бог светлейшей сотворил.
Оттого тебе подвластны все движения светил.
Слыша сказанное слово, снова радость я вкусил.
Цвет ланит моих не блекнет, мне лучи придали сил».

Поклялись тогда друг другу посвятить себя они,
Стали речи их потоку полноводному сродни.
Он не чует больше горя, что досель мрачило дни.
Зубы, перлами сверкая, мечут молнии огни.

Сели вместе и шутили, разговор их нежным стал,
И свою вкусили радость, свив гишер, хрусталь и лал.
Молвил юноша: «Безумен, кто хоть раз тебя видал.
В грудь огонь, тобой зажженный, мне стократно проникал».

Хоть не мог разлуки вынести, хоть в очах стоял туман,
Он ушел, не обернулся, был безумьем обуян.
Град побил цветок хрустальный, зашатался статный стан,
Посвятил он сердцу сердце и горенье жгучих ран.

Он сказал: «Не может роза жить без солнечных лучей.
Был хрусталь и лал обличьем, янтаря я стал желтей.
Что же делать, коль надолго разлучаюсь ныне с ней?
Я скажу себе: ты жизни для единой не жалея».

Он прилег в опочивальне, падал долго слезный град,
Будто в бурю тополь гнется, статный стан бедой объят,
Будто милую он видит, грезы дразнят и казнят.
То он вздрогнет, то застонет, то к земле он клонит взгляд.

Он, с желанной разлученный, пожелал ее втройне,
Перлы сыпал, уподобил розу блекнувшей луне.
А когда настало утро, подготовленный вполне,
Ко дворцу, к собранью свиты устремился на коне.

И послал он царедворца к повелителю послом,
Поручил сказать: «Осмелюсь доложить перед царем:
Все края земли раздольной покорили вы мечом,
Если надо, пусть узнают снова недруги о том.

Я пойду границы ваши защищать от злых племен.
Будет в честь державной девы каждый недруг усмирен,
Будет весело покорным непокорных слышать стон.
Дань царю пускай подносят, низкий деляя поклон».

Царь изрек в ответ на это благодарственную речь:

«Знаю, лев, что никогда ты не боялся ратных встреч,
И твое решенье славно, как воинственный твой меч.
Но старайся гнет разлуки снять пораньше с наших плеч».

Автандил к царю явился, низко кланяясь ему:
«Царь, излишне благосклонны вы к спаспету своему.
Если снова мне создатель осветит разлуки тьму,
К вам, веселому, веселый взор я снова подыму!»

Целовались, словно были нежным сыном и отцом.
Воспитатель и питомец где такие в мире сем?
Встал спаспет и вышел; день тот черным стал разлуки днем,
Слезы лить царю досталось мягкосердному о нем.

Вышел юноша походкой величавою своею,
Двадцать дней он ехал кряду, ехал столько же ночей.
Он, подобный утру мира, был всех радостей светлей;
Неотвязно мучил сердце знойный свет ее очей.

Он к своим владеньям прибыл; шла хвала ему вослед,
Знать дары несла навстречу, говоря ему привет;
Солнцеликий не отвлекся тем от шествия спаспет,
Мимолетный, тешил встречных, словно радостный рассвет.

Пограничная твердыня всем врагам была видна,
Ей скала была оградой, не на извести стена.
Лев три дня был на охоте — там была она славна, —
И решил он Шермадину сердцем ввериться сполна.

«Шермадин, мне стыдно стало, что лежит меж нами мгла.
Хоть, со мной ходя повсюду, знаешь все мои дела,
Но не знаешь ты, что роза от бессонных слез бела;
Та, чей блеск меня измучил, днесь утеху мне дала.

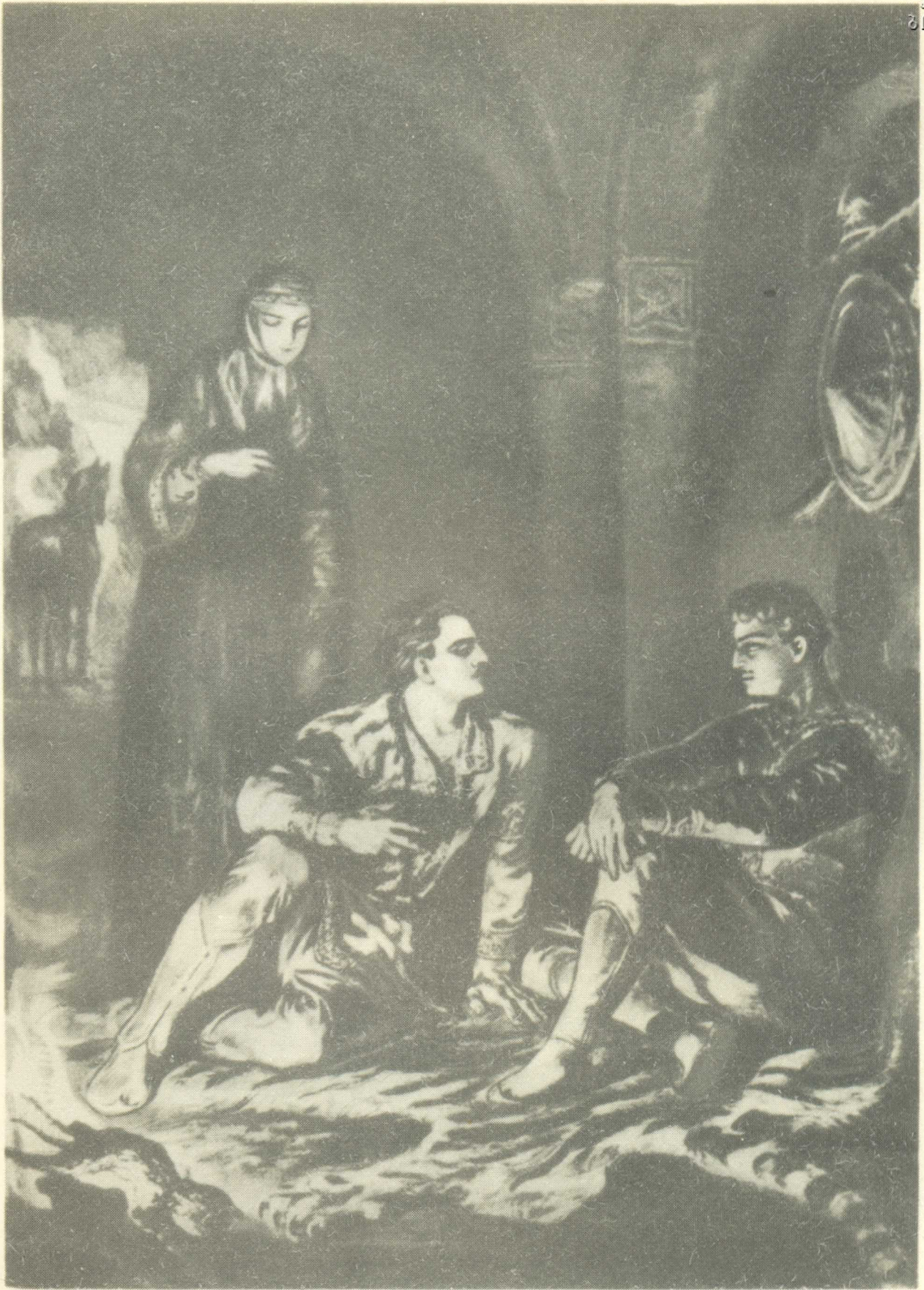
Тинатин меня сразила, жизнь мою сожгла любовь.
Ливни слез цветущей розе останавливали кровь.
Лишь теперь себе я молвил: «Сердце к счастью приготовь!
Днесь дана надежда ею, оттого я весел вновь».

Мне рекла: «Ищи повсюду ты о витязе вестей.
Всё разведает, вернешься, назовешь меня своею.
Не отдам иному сердца, будь он тополя стройней!»
Солнце страждущую душу исцелило от скорбей.

Как подвластный, я обязан этот выполнить зарок,
Подчиненный властелину дань уплачивает в срок.
Уняла она тот пламень, что на смерть меня обрек,
Твердый сердцем, не склоняясь, должен встретить грозный рок.

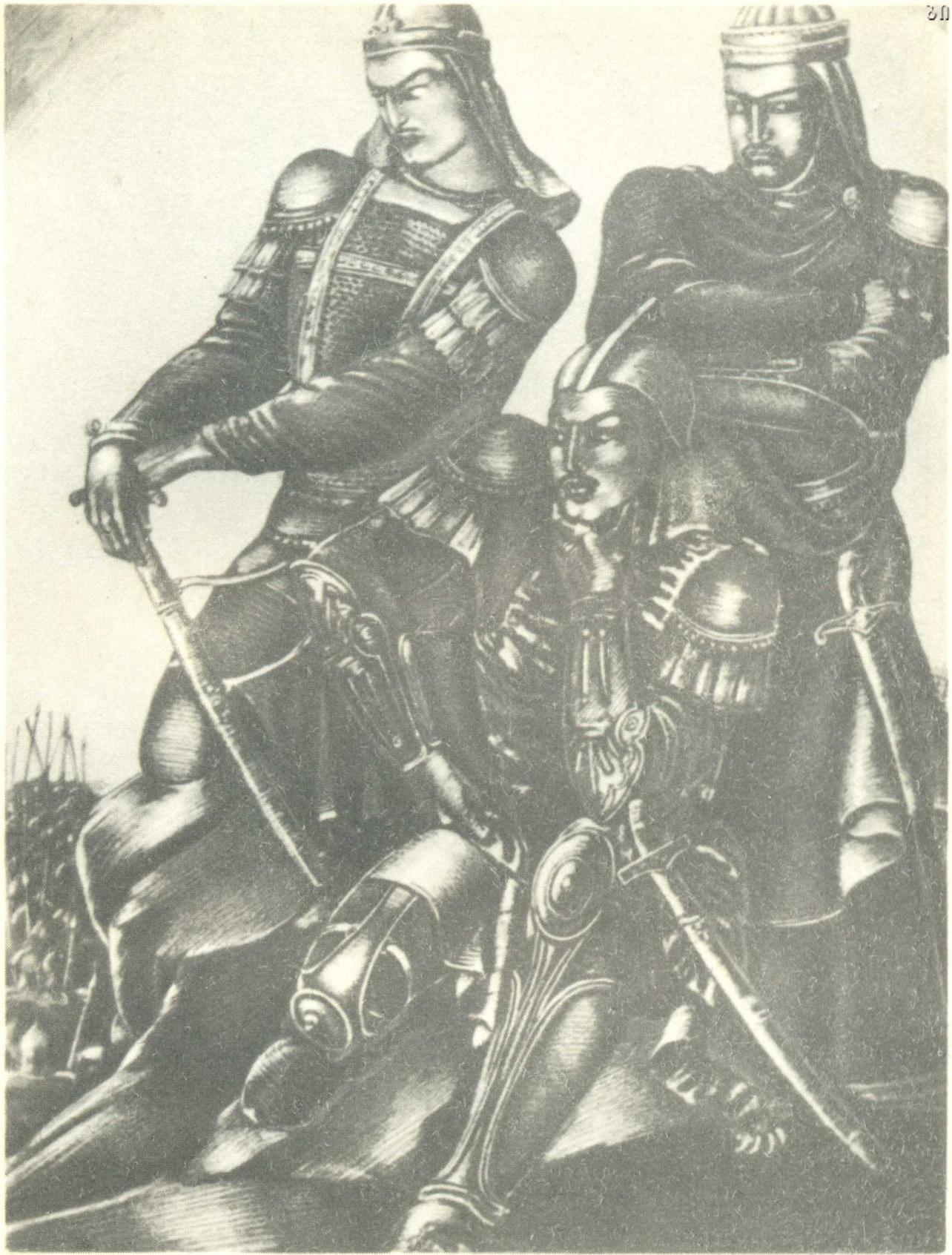
Из господ и слуг с тобою мы дружнее всех друзей.
Ты, внимая этой речи, всё в душе запечатлей.
Уходя, тебя оставлю править вотчиной моею.
Всё тебе я доверяю — от сокровищ до мечей.

Заставляя войска и знатных на врагов идти войной,
Во дворец к царю с вестями пусть гонец приходит твой,
За меня царю шли письма и казну его удвой.
Скрой мое исчезновенье, замени меня собой!

7

Уподобься мне повсюду — на охоте, на войне,
Жди меня три года, тайну сохраняя в тишине.
Покажусь, быть может, снова я в родимой стороне.
Коль не будет возвращенья, то заплачешь обо мне.

Доложи царю о деле, не желанном для него,
Доложи ему, что тело Автандилово мертво,
Что утратил на чужбине я земное естество.
Нищим выдай медь и золото, не жалея ничего.

Там в помощнике нуждаться буду я еще сильней,
Не изгладь меня, прошу я, ты из памяти своей,
О душе моей заботься, горячо молись о ней
И, горюя, плачь о смерти преждевременной моей!»

Ужаснулся раб, услышав о решении таком;
Слезы-перлы уронил он, застонал, клонясь челом,
И дерзнул: «Тебя утратив, сердцу чем дышать потом?!
Не останешься ты, знаю, — потому молчу о том.

Заменить тебя могу ли? И на что приказ такой?
Как господствовать сумею? Как сравняюсь я с тобой?
Без тебя я исстрадаюсь и в земле найду покой.
Лучше скроемся мы оба потаенною тропой!»

Тихо юноша ответил: «Слушай, верь и не забудь:
Коль бежит в поля влюбленный, то один свершает путь.
Разве перл дается даром, без затрат, кому-нибудь?
Ведь изменник вероломный должен пасть, пронзенный в грудь.

Коль не ты, то кто бы тайну охранить достойно смог?
Без тебя кому спокойно вверю власть на долгий срок?
Укрепи границу, чтобы враг не ведал к нам дорог.
Возвращусь я невредимый, коль того захочет бог.

Одного иль сотню року погубить не всё ль равно?
Одиночество не губит, коль погибнуть не дано.
Не вернусь — твое да будет одеяние черно.
Дам тебе письмо, отныне власть отдаст тебе оно».

СКАЗ 3

ЗДЕСЬ ПИСЬМО АВТАНДИЛА К ПОДДАННЫМ

«И кормильцы и питомцы, все внимайте вы сему,
Верноподданные наши, днесь я голос подниму,
Вы, скользющие как тени вслед желанью моему,
Соберитесь и внемлите Автандилову письму!

Мною, вашим властелином, сей завет подвластным дан,
Он рукой моею писан для моих аравитян:
Предпочел теперь утехам я объезд далеких стран.
Пусть меня отныне кормит полный стрелами колчан.

Дело некое имея, я далеко им влеком.
Должен, странствуя, три года я пробывать в краю чужом.
Я — проситель и сердечно умоляю об одном:
Дайте вновь увидеть царство, не разбитое врагом!

Я оставил Шермадина заменить меня в стране,
До тех пор пока известья не получит обо мне.
Пусть при нем зардеют розы и раскроются вполне;
Вредных, воску уподобив, он растопит на огне.

Я растил его как брата и с собою наравне.
Словно мне, ему служите на охоте и войне
Коль затрубит он — собирайтесь, а не стойте в стороне.
Если в срок я не приеду, с ним скорбите обо мне».

Так письмо dokonчил, слаще слов не сыщет, кто ни будь.
Золотой надел он пояс, облачился в дальний путь.
«В поле выеду», — он молвил; рать стеклась к нему примкнуть,
В тот же миг он вышел, в доме не замешкался ничуть.

«Мне защитников не надо!», — крикнул юный властелин;
Удалив рабов, умчался в даль неведомых равнин,
Тростники проехал быстро, опечален и один,
Вспоминая смертоносно-ясный пламень Тинатин.

Вмиг долиной проскакал он. не нашли следа войска.
Кто вдали его увидел, мчался вслед издалека.
Неспроста над ним простерся белый меч — ее рука,
От нее печали ноша и достойна и тяжка.

А когда войска узнали, что спасета с ними нет,
Потускнели все ланиты и утратили свой цвет.
Горем радость заменяя, ожидая новых бед,
Быстроконные скакали, не могли напасть на след.

«Лев, кого ж господь возвысит? Кем ты будешь замещен?»
Собирали вести всюду, шли гонцы со всех сторон.
Тщетно воины искали, за предел сокрылся он.
Об утраченном рыдали, был погибелен урон.

Шермадин созвал скорбящих, и пришли они на зов,
Автандилово посланье каждый выслушал без слов.
Вняв ему, сердца заныли у господ и у рабов.
Били в грудь себя, и каждый заколоться был готов.

Все дерзнули: «Хоть без солнца мы едва ли расцветем,
Лишь тебя иметь хотел бы на престоле он своем,
И тебе, конечно, будем мы покорными во всем».
Князем сделали вассала, били все ему челом.

СКАЗ 4

УХОД АВТАНДИЛА НА ПОИСКИ ТАРИЭЛЯ

Мудрый Ездра и Дионос эту правду подтвердят:
Жарких слез достойна роза, коль замерз ее наряд;
Так же тот, кто ликом лалу, станом тополю собрат
Если он отчизну бросит, жаждой странствия объят.

Быстро по полю промчался белоконый Автандил
И, Аравию покинув, на чужбину путь продлил.
Но с возлюбленной разлука отняла немало сил;
Возгласил он: «Будь я с нею, слез бы не пролил».

Свежий снег скрывает розу, чтобы цвет ее погас.
Ах! не раз кинжал хватал он, жаждой смерти разъярясь;
Молвил: «Горе стало горше и тяжеле во сто раз,
Ведь ушел я, не дослушав арфы радостной рассказ!»

Солнца нет, и роза вянет, ей дарит разлука тьму.
«Потерпи». — просил он сердце, и не пал он потому.
Сколько страшных мест встречал он, верный долгу своему!
Сколько встречных указало направление ему!

Так шли поиски, и слезы дотекали до морей.
Так рука была подушкой, ложем плат нагих полей;
Повторял он: «О, царица, сердцем преданным владей!
За тебя мне смерть была бы долголетия милей!»

Он лицо земли объехал, нетерпением гоним.
Больше места нет под небом, не исхоженного им.
Были поиски напрасны, след желанный был незрим:
Без трех месяцев три года он по странам жил чужим.

И попал он в каменистый край затерянных теснин,
И, не встретив человека, месяц ехал он один.
Вис невзгод таких не знала, не изведал их Рамин.
Днем и ночью он томился, вспоминая Тинатин.

В долгих поисках стоянки до вершины он добрел,
И оттуда показался вдалеке лежащий дол:
Там внизу потоком узким был размыт скалы подол.
Оба берега объемля, лес раскинувшийся шел.

Дням оставшимся он в страхе на вершине счет вершит:
Два лишь месяца осталось. Против рока нет защит.
«Преждевременно оплачут, буду я стыдом убит!
Вновь родиться кто сумеет? Зло в добро кто обратит?»

На вершине он в раздумье сам себе сказал тогда:
«Коль обратно путь направлю, что же выйдет из труда?
Как скажу я лучезарной, что потеряны года,
Что и слухов я не слышал, где искать его следа?»

Если вспять не поверну я — сколько времени опять
Мне искать того, о ком я ничего не мог узнать.
Шермадин слезами скоро станет щеки омывать
И придет к царю, утратив упований благодать.

И, моей согласно воле, скажет: „Умер Автандил“.
Им, справляющим поминки, станет ясный свет не мил.
Как тогда живым вернусь я, раз обета не свершил!»
Долго в думах нестерпимых на горе он слезы лил.

«Почему ты справедливость от меня отвел, господь,
И зачем заставил тщетно путь огромный побороть?
Выврав радости, дозволил горю сердце исколоть.
Ах! Душа устала плакать, пусть же прахом станет плоть!..

Должен быть я терпеливым, — так подумал Автандил, —
Буду жизнь влачить, доколе мне господь определил;

Без него любое дело — лишь пустая трата сил.
Не бывало, чтобы смертный обреченье отвратил.

Был я всюду, всё живое вопрошая об одном,
И, однако, не разведал я нигде вестей о нем.
Может, вправду он, как дьявол, нас опутал колдовством,
И напрасно эти слезы проливаю я дождем?»

Но, спустившись, пересек он перелесок и поток;
Ехал долом, тростниками, скуку шелест их навлек,
Та м он бодрости лишился и от горя изнемог.
Шли гишеровая поросль по полям хрустальных щек.

Он в раздумье тяжком ехал, стала даль еще мрачней.
Но степи свой путь измерил взором плачущих очей;
Ехал месяц он в безлюдье и терзался всё сильней.
Став к охоте не охочим, не преследовал зверей.

Хоть стремленья все затмила в нем сердечная тоска,
Но для всех в роду Адама мука голода тяжка.
Дичь сразил стрелой длиннее, чем Ростомова рука,
И, сойдя с коня, устроил он костер из тростника

Лишь на вертеле изжарил он добычу, как привык, —
Видит: шесть каких-то конных подъезжают напрямик;
Он разбойниками счел их; был тот край суров и дик,
Не бывало, чтобы добрый человек туда проник.

К ним направился веселый — пусть напасть они дерзнут.
Видит: двое бородатых безбородого ведут,
На челе заметна рана, струйки алые текут,
Слезы льются, жизнь уходит, взор безжизненно сомкнут.

Закричал им: «Братья, кто вы! Не добра я ждал от вас».
Отвечали: «Помоги нам, чтоб лихой огонь погас,
Коль не сможешь, разжигай же горе, горем распалясь,
И, ланиты окровавив, с нами сетуй в скорбный час!»

Он расспрашивал с участием причитающих людей,
И они рыдали, вторя горькой повести своей:
«Мы — три брата, потому-то слезы льются всё сильней.
Близ Хатайи много наших неприступных крепостей.

На охоту мы собрались, долго мчались, вдоль долин,
У реки остановились в окружении дружин;
Там мы вместе оставались месяц радостный один,
Дичь несметную мы били с побережий и вершин.

Мы, три брата, посрамили всех стрелявших в месте том;
И поэтому друг с другом мы поспорили потом.
«Я убью!» — «Нет, я всех лучше!» — горячились мы втроем.
Не смогли решить и, ссорясь, похвалялись в споре злом.

Отпустили мы добычей отягченные войска
И сказали: «Днесь решится, чья разительней рука,
Чья стрела на самом деле неминуема метка.
Что указано иными — бить негоже для стрелка».

Трое трех оруженосцев взяли в путь, он был не мал;

Всем войскам уйти велели, ведь беды никто не ждал;
Обошли, охотясь, поле, и леса, и перевал,
Били зверя; и крылатый мимо стрел не пролетал.

Вдруг явился некий юный, с опечаленным лицом;
И, как будто на Мерани, он сидел на вороном.
Шкура тигра шерстью кверху хороша была на нем.
Красоты его и отблеск человекам незнаком.

Мы на блеск его смотрели, пламя вынесли едва.
То сошло на землю солнце. Что людей ему слова?
Но пленить его дерзнули мы, земные существа.
Оттого сейчас и плачем, очевидцы колдовства.

Я хотел проехать мимо, чтобы не было хлопот,
Но коня его мой младший похвалил за быстрый ход
И пленить его просился; мы сказали: «Пусть берет».
Вскачь пустились, но, красуясь, ехал так же тихо тот.

Розы бледные окрасил с лалом смешанный алмаз,
Все мечтания разрушил и развеял он тотчас,
Он опомниться не дал нам, он обрушился на нас,
Плетью дерзость наказал он так, что свет в очах погас.

Брата младшего пустили, чтоб не старший начал бой.
Он схватил его, дерзая неземному крикнуть: «Стой!»
Тот рукой не тронул сабли, береглись ее одной.
Плетью в голову ударил, и склонился брат родной.

Брату череп раскроил он, сбил ударом лишь одним,
Он с седла его на землю сбросил, яростью палим.
Без труда он обессилил дерзко спорившего с ним
И отъехал, нами зримый, смел, надменен, нелюдим.

Больше вспять не глянув, тихо он поехал в тишине.
„Видишь: едет в отдаленье, равный солнцу и луне”
Показали Автандилу — с небосклоном наравне
Словно солнце колыхалось величаво на коне.

Автандил уже не будет орошать слезами щек.
Значит, был бесполезен трудных странствований срок.
Если цель своих исканий человек увидеть смог,
Вспоминать ему не надо прежних бедствий и тревог.

Он сказал: «Я странник, братья, и в пустыне изнемог,
Вслед за витязем от дома отдалился, одинок.
И, лишь вас найдя, нашел я ныне цель своих дорог.
Так пускай же вас от скорби охранит отныне бог!

Как душа моя больная исцелилась навсегда,
Брату вашему пусть так же бог не сделает вреда!»
На свою стоянку братьям указал спاسпет тогда;
«Брата вашего, — сказал он, — отвезите вы туда».

Мигом с этими словами он пришпорил скакуна,
Словно сокол скинул привязь и унесся в синь без дна,
Или к солнцу устремилась окрыленная луна.

Снова сердце озарилось, жгучесть мук угашена.

Догоняя, размышлял он: «Что скажу ему сперва?
Взбесят бешеного больше неразумные слова.
Без сомненья, в деле трудном достигает торжества
Тот, кто разума степенность ставит выше удалства.

Так как всюду он блуждает, свой рассудок потеряв, —
Ни взглянуть, ни молвить слова не дозволит, одичав.
Коль настигну, витязь этот свой безумный явит нрав.
Тут один из нас погибнет...» — и скрывается меж трав.

«Почему остаться втуне должен мой тяжелый труд?
Кто бы ни был он, имеет где-то тайный свой приют.
Пусть домчится он до места, неустанен, тверд и лют.
Там найду такие средства, что победу мне дадут».

Двое суток мчались двое и вперед они и вкось,
Днем и ночью утомленным насыщаться не пришлось.
По пути остановиться им нигде не довелось,
На безлюдное пространства море слез их пролилось.

День угас, и в час вечерний ввысь вознесся очерк гор.
Там пещеры были, ниже проходил реки узор.
Обрямлял берега потока тростников густой убор,
И до кряжа лес высокий ветви длинные простер.

От ручья до скал тот витязь доскакал во весь опор.
Автандил с коня слезает, на деревья бросил взор;
На одно из них взобрался, чтоб с него свершить обзор.
Видит: юноша тот едет, пробираясь через бор.

Облаченный в шкуру тигра лишь покинул сень ветвей,
Дева в черном из пещеры вышла, полночи мрачней.
Шумных слез ее потоки докатились до морей.
Соскочил с коня тот витязь и упал в объятья к ней.

Витязь молвил: «В бездну моря наши рухнули мосты,
Не достичь нам той, что землю озаряла с высоты».
В грудь рукою он ударил и оплакал все мечты;
Кровь с лица друг другу стерли, стали снежными черты.

Лес тот чаще стал от чащи ими сорванных волос.
Так рыдали, обнимаясь, проливая реки слез;
От стенаний их по скалам эхо долгое несло.
Автандилу удивляться их деяниям пришлось.

Дева слезы осушила, стала вновь она светла,
Скакуна ввела в пещеру, сняв седло и удила,
А с наездника доспехи и оружие сняла.
Лишь внутри сокрылись оба, день отцвел, спустилась мгла.

«Как узнать их тайну?» — думал Автандил всю ночь без сна.
Рассвело, и вышла дева снова в черном и грустна.
Тонким вычистила платом вороного скакуна,
Оседлала, и доспехи тихо вынесла она.

Дома редко оставаясь, он скитаний бремя нес.

В грудь бия себя, та дева чашу вырвала волос.
Обнялись. На вороного сел струящий токи слез.
И скорбящей омрачиться пуще прежнего пришлось.

Автандил вблизи увидел вновь сияние чела,
Гладкий облик безбородый, внешность солнца столь светла.
Кипарисный дух разнесся, сладость ветра возросла.
Мог, казалось, этот юный льва убить, как лев — козла.

Вновь поехал он дорогой, ими пройденной вчера.
Позади остались скалы и лесистая гора.
Автандил тогда подумал: «Мне сойти уже пора.
Этот случай мне поможет, ожидаю я добра.

Это было мне от бога. Что желать еще сейчас?
Я пленить обязан деву, чтобы вынудить рассказ,
У нее узнать всю правду про отрадного для глаз,
Чтоб сразившим иль сраженным здесь не стал один из нас».

Быстро с дерева спустившись, отвязав коня скорей,
Он доехал до пещеры, до незапертых дверей,
И навстречу вышла дева, жгучих слез лия ручей;
Верно, думала, вернулся свет, отрадный для очей.

Но примет того героя не найдя в его чертах,
Ужаснулась и к пещере побежала впопыхах.
Вмиг настиг ее, хватая, словно горлинку в сетях
Крики девы повторяло эхо долгое в горах.

От него лицо сокрыла, так ей вид его претил,
Как в когтях орла голубка, быстро выбилась из сил;
Тариэль какой-то тщетно призываем ею был.
Перед нею на колени пал с мольбою Автандил.

Говорил ей: «Успокойся, я приехал не со злом.
К бледнолицкому герою я душою был влеком.
О подобном кипарису, что-нибудь скажи о нем.
Опасения напрасны, ты столкнулась не с врагом».

Прозвучала приговором девы жалоба тотчас:
«Коль безумен — образумься, коль умен — сокройся с глаз.
Как легко услышать хочешь ты о тягостном рассказ,
Но о нем ты не узнаешь, неразумен твой приказ.

Что ты хочешь, дерзновенный? Что сказать тебе в ответ?
И пером ведь не опишут несказанных этих бед.
Раз ты скажешь: «Расскажи мне», я сто раз отвечу:
«Нет!» — Слезы смеху предпочла я, и не мил мне белый свет».

«Ты не знаешь, сколь далеких я дорог изведал жуть,
Сколько времени искал я, сколь печален был мой путь.
Отчего же для рассказа уст не хочешь разомкнуть?
Расскажи теперь всю правду, не стыдись меня ничуть».

Та в ответ: «О, чуждый витязь, что меж нами за совет?
Ты, как иней, появился, лишь сокрылся солнца свет.
Слово длинное обидно, будет краток мой ответ:
Что ты хочешь, то и делай, — знай, о тайном речи нет».

Снова клялся и просил он на коленях перед ней;
Стал просящему противен тщетный шум своих речей:
Он, от гнева багровея, скомкал шелк ее кудрей,
Острый нож приставил к горлу бледной пленницы своей.

Ей сказал: «Угрозой стала моему ты бытию,
Хочешь ты, чтоб вечно лил я слезы так, как ныне лью;
Если ты всего не скажешь — жизнь утратишь ты свою:
Пусть врагов моих погубит бог, как я тебя убью!»

Та в ответ: «Нашел ты средство бесполезное, увы!
Ничего не отвечают те, которые мертвы.
Коль убьешь, на мне для речи уж не будет головы.
Что скажу тебе, доколе не видна мне цель молвы?»

Кто ты, чтоб допрос чинить мне, к моему придя жилью?
Повесть горькую, живая, я навеки утаю,
Я себя для убиенья добровольно предаю.
Как посланье роковое, разорви ты жизнь мою.

Смерти вовсе не боюсь я, ты того не сознаешь,
Твой меня лишит лишений и от слез избавит нож.
Мир соломинке подобен, — с ней, мне кажется, он схож.
Если я тебя не знаю, вдруг доверюсь для чего ж?»

Понял юноша: «Тут сила ни к чему не приведет.
Лучше дело мне обдумать, чтоб иной найти подход».
Отпустив ее, он рядом сел и градом слезы льет,
И речет: «Тебя разгневал; добрый где найду исход?»

Хоть она еще сердилась, ветер облако пронес.
Автандил рыдал и больше ничего не произнес.
Слез запрудилась запруда в цветнике румяных роз;
Деву тронули рыданья, сердце кровью залилось.

Слезы юноши увидев, дева слезы пролила,
Всё же чуждому чужая молвить слова не могла.
Понял витязь: «В этом сердце не осталось больше зла».
Пал пред нею на колени и склонил хрусталь чела.

Он сказал: «Мне казнь готова, чтобы я в огне угас,
Сильно я тебя разгневал, сиротою стал сейчас,
Днесь тебе я доверяюсь, озари алмазы глаз:
Ибо сказано в Писанье: грех прощается семь раз.

Хоть принять меня не можешь за хорошего слугу,
Сожалеть влюбленных должно! В этом разве я солгу?
Больше нет во мне надежды, я — что роза на снегу.
За тебя отдам я душу, что отдать еще смогу?»

Лишь о страсти незнакомца довелось услышать ей,
Не ручей из водоема — ливень грянул из очей;
Снова дева застонала, зарыдав еще сильнее,
Бог утешил Автандила сладкой милостью своей.

Видит витязь: этим словом взор ее преображен,
Как влюбленная в кого-то, учащает крик и стон.

Молвил ей: «Врага жалеют, если этот враг влюблен.
Знаешь ты, как жаждет смерти тот, кто страстью уязвлен?»

Я — влюбленный до безумья, тяжек мне удел земной.
Вслед за этим лучезарным послан я моей луной,
Не бывать там, где бывал я, даже туче грозовой,
И во мраке вашей тайны вы предстали предо мной.

Лик возлюбленной прекрасный мне сопутствует везде;
Из-за этого безумный шел в огне я и в воде.
Умертви иль дай мне волю, о твоём прошу суде!
Или жизнь мне подари ты, иль прибавь беду к беде!»

Дева вновь заговорила, стал приветливее взор:
«Это слово лучше тех, что говорил ты до сих пор.
Волновал меня доселе, порождая только спор,
А теперь тебе я буду самой доброй из сестер.

Ты любовь себе на помощь в деле этом обратил,
Оттого я и смирилась, гнев мой яростный остыл;
Ты, мое упорство видя, стал растерян и уныл;
За тебя теперь умру я, больше сделать — свыше сил.

Если примешь ты покорно дружелюбный мой совет,
Ты найдешь своих исканий ускользающий предмет;
Если мне не подчинишься — будешь инеем одет,
Перед всеми осрамишься и оставишь этот свет».

Он ответил: «Это дело мне напомнило о том,
Как по некой шли дороге люди некие вдвоем.
Тот, кто сзади шел, увидел — пал передний в водоем.
Подбежал, взглянул, захохотал и сказал ему потом:

«Подожди меня, товарищ, время малое будь там,
За веревкою схожу я и пропасть тебе не дам».
Друг же снизу засмеялся, удивляясь тем словам,
Закричал: «Куда я скроюсь? или ты не видишь сам?»

Лишь в твоих руках веревка с шеи сдавленной моей,
Стеснены мои движенья, и ребенка я слабей.
Ты — болящему лекарство, что захочешь, то содей.
Кто же голову обвяжет, если боли нету в ней?»

Та ответила: «Не спорю, хорошо ты рассказал,
От мудрейших ты достоин слышать множество похвал.
Эту боль претерпевая, стал ты сердцем тверже скал,
Потому скажу я: „Слушай, ты искомое сыскал!”

Этой повести не сыщешь, хоть пройдешь по всем путям,
Кто ж о нем расскажет, если не поведаст он сам!
Ожидай его, покуда не вернется снова к нам;
Замолчи теперь и розу запрети разить снегам.

Я скажу, коль ты желаешь слышать наши имена:
Таризель — тот юный витязь, чья душа омрачена,
Имя мне — Асмаг, и плачу, столь печаль моя сильна.
Длятся долгих воздыханий роковые времена.

А для большего рассказа мой язык да будет нем!
В поле странствует прекрасный, тот, чей стан взрастил Эдем;
С ним живу я и дичину, им застреленную, ем;
Мимолетный, он нагрянет, но ускачет вновь затем.

Я прошу, не уходи ты, страстотерпец молодой;
Умолю я Таризля, как приедет он домой,
Вас тогда сведу друг с другом, пусть подружится с тобой,
Пусть он сам тебе расскажет про удел тяжелый свой».

И, словам ее внимая, Автандил не восстает.
Оглянулись. Из ущелья плеск слышали, и вот —
Появилось то светило, выходящее из вод.
Эти двое отстранились, не промешкав у ворот.

Дева молвила: «Желаньям бог свершения дает,
По содей себя незримым, схоронись, ведь близок тот,
Перед кем у самых буйных своеволье пропадет.
Может быть, смогу добиться, чтоб стерпел он твой приход».

И в пещере Автандила быстро спрятала Асмат.
Соскочил с коня тот витязь, обнял женщину, как брат;
К океану докатился слез безрадостных каскад.
В тайнике сидящий быстро устремил к ним острый взгляд.

Стал хрусталь, в слезах омытый, сходен с желтым янтарем.
Дева та рыдала долго с дивным юношей вдвоем;
Увела коня под своды и внесла доспехи в дом.
Нож гишернаый срезал слезы, опустел их водоем.

Словно узник из темницы, Автандил глядел в окно;
Шкуры тигровые стлала та, чье сердце сожжено;
Сел на них воитель юный, вновь вздыхать ему дано,
В строй гишернаых стрел прекрасных лалов пламя вплетено.

Развела огонь та дева, дичь поджарила, горда,
Что изжаренная славно будет вкусною еда.
Взял кусок он с неохотой, видно, стоило труда;
Но уста отвергли пищу, так тяжка была беда.

Он прилег, заснул, но скоро был тоской развеян сон,
Вздрыгнул, вскрикнул, встрепенулся, явью вновь ошеломлен;
Поражал себя рукою, бил себя в безумье он.
И Асмат терзала щеки, заглушая стоном стон.

«Что так быстро ты вернулся?» — дева молвила с трудом.
Он сказал: «Я был застигнут на пути одним царем.
Вслед войскам его несметным был обоз большой ведом;
И, охотясь там, войсками царь усеял всё кругом.

На меня тоску нагнало созерцание людей,
Приблизиться не желал я, убежать хотел скорей,
Повернул я в чащу леса и сокрылся меж ветвей,
Чтоб не встретить их и утром ускакать тропой своей».

Дева слезы заструила, от очей сокрыла свет,
Нарекла: «В лесу ты ходишь, лишь звериный видя след,
Никакого человека не приблизишь для бесед;
Это делу твоему же не на помощь, а во вред.

Ты объехал всё на свете: горы, доли, глушь и гладь,
Неужели человека не нашлось тебе под стать,
Чтобы мог он от безумья разум твой оберегать?
Ты умрешь, она погибнет — разве в этом благодать?»

Молвил он: «Сестра, хоть сердцем был совет подсказан твой,
Нет на свете исцеленья этой муке огневой.
Разве может быть отыскан непришедший в мир земной?
Пусть же смерть скорей разрушит связь меж телом и душой!

Бог едва ль создал иного под планетою моей,
Потому не жду я дружбы и сочувственных речей.
Кто страданья эти стерпит? Жизнь — погибели мрачной.
Брата в мире не нашел я, ты, сестра, меня жалея».

Та в ответ: «Тебя прошу я, будь не гневен и не зол.
Так как бог в твои визири лишь меня одну возвел,
Лучше свой, тебе на благо, утвержу я произвол;
Неумеренность постыдна, ты же меру перешел».

Молвил: «Я тебя не понял, хоть внимал твоим словам.
Как для дружбы человека я без господ создам?
Что стараться мне, коль это неуютно небесам!
Нет сомненья, одичал я, подражающий зверям».

Та в ответ: «Я многословьем твой нарушила покой.
Если друга приведу я и пойдет он за тобой,
То увидишь, сколь отраден друг, ниспосланный судьбой.
Дай мне клятву, что с пришедшим ты не вступишь в смертный бой».

Объявил он: «Я по чести повстречаться с ним хочу,
И клянусь своей луною, той, которую ищу,
Что ничем того скитальца никогда не огорчу,
Взором любящим ответчу я очей его лучу».

Встала дева и явилась к Автандилу без тревог,
Объяснила, что желанный благосклонен и не строг;
Как луну, для озаренья, в горный вывела чертог.
Таризель, его увидев, уподобить солнцу смог.

Таризель навстречу вышел. Стало два, подобных дню.
Стлался отблеск по долине и по горному гребню.
Их, стройнейших, даже с пальмой самой стройной не сравню.
Как семи светил сверканье рос огонь, прильнув к огню.

Не стесняясь незнакомством, обнимаются они.
Зубы, розу разрывая, мечут молнии огни.
Целовались и рыдали — был огонь огню сродни, —
Янтари теперь, где были прежде яхонты одни.

Обернулся юный, руку Автандила взял рукой,
Сели рядом и рыдали, слезы их лились рекой;
И Асмат их утешала речью дивною такой:

«О не плачьте, солнца в небе не окутывайте мглой!»

Нежный розан Таризля легким инеем покрыт.
Молвил: «Пусть твои скитанья твой рассказ мне озарит!
Кто ты, друг, куда идешь ты, где страна твоя лежит?
Я не светом лишь покинут, даже смертью позабыт».

Автандил ему ответил, красноречием богат:
«Слушай, лев, меня, пришельца, нежно встретивший, как брат.
Я — араб, в стране Арабской все дворцы мои стоят;
Я любовью уничтожен, буйным пламенем объят.

Моего владыки дочь я томительно влеком,
И сама она в державе именуется царем.
Видел ты меня бесспорно, хоть со мною незнаком.
Помнишь, ты рабов могучих истребил одним бичом?

Ты, скитающийся в поле, был замечен за рекой.
Господин мой рассердился, мы погнались за тобой;
За отвергшим приглашенье понеслись рабы гурьбой,
Ты окрестности окрасил кровью алою людской.

Рассекал людей ты плетью, не оружием стальным.
Царь погнался, но напрасно ты, чудесный, был гоним.
Перед нами ты сокрылся, словно бес неуследим,
Поразив исчезновеньем неожиданным своим.

Избалованный властитель, ставший мрачного мрачней,
Чтоб тебя искали всюду, разослал своих людей;
Не нашли нигде нашедших даже след ноги твоей.
А потом меня послала та, что пламени светлей.

Повелела: «Весть разведай про исчезнувший тот свет,
Твоему тогда я сердцу дам желаемый ответ!»
Без нее страдать велела в продолжение трех лет.
Нестерпимое терпел я, твой выслеживая след.

Я блуждал, тебя узревших в мире целом не узрев;
Вдруг нашел я тех, дерзнувших рассердить тебя, о лев.
Одного ты плетью ранил, и упал он, обомлев.
На тебя мне указали испытавшие твой гнев».

Таризель тогда припомнил с аравийской ратью бой.
Молвил: «Помню, хоть и было дело давнею порой;
Воспитатель твой, как видно, на охоте был с тобой
Там рыдал я, вспомнив облик смертоносно-дорогой.

И зачем же был вам нужен я, столь чуждый и чужой?
Вы беспечно забавлялись, я рыдал, объятый мглой;
Чтоб схватить меня, послали вы рабов отряд большой,
Но, конечно, не меня вы — мертвых взяли вы с собой!

Оглянулся я, увидел, господин твой был за мной.
Как царя, его жалея, не коснулся я рукой
И избрал исчезновенье вместо дерзости иной;
Ведь подобен невидимке конь мой верный вороной.

Человек ни глаз зажмурить не успеет, ни моргнуть,
Как умчусь я, если встречный неприятен чем-нибудь.
Турок тех вдали увидя, не желал им зла ничуть,
Поплатились, потому что мне пресечь посмели путь.

Ныне ты пришел на благо, милый взору моему,
Станом равный кипарису, ликом — солнцу одному.
Ты измучился безмерно, в этом я тебя пойму,
Нелегко найти безумца, богом брошенного в тьму».

Автандил сказал: «От мудрых ты хвалы достоин всей,
Что ж меня превыше меры славить ты, кто всех славней!
Ты — любимый облик солнца, блеск небесных областей,
Изменить тебя не властны слезы, сколько их ни лей!

Этот день забыть заставил всё затмившую во мне.
Я служить тебе намерен, твой отныне я вполне.
Яхонт радостней эмали и прекраснее вдвойне.
Быть с тобой до смерти жажду, мир оставлю в стороне!»

Тариэль сказал: «От сердца твоего мое в огне,
Чем за дружбу отплачу я, что питал наедине?
Ведь любовнику любовник посочувствует вполне:
Разлучать тебя с любимой не приличествует мне.

Ты во славу господина своего ушел за мной,
Нелегко меня нашел ты, трудолюбец и герой.
О себе мне что поведать? Путь зачем влачу земной?
Коль скажу — огнями вспыхну, лягу легкою золой!»

Изрекла Асмаг: «Слезами не потушишь ты огней;
Как просить мне изложенья жгучей повести твоей!
Ты воителю, как видно, света белого милей;
О причине ран узнавший врач их вылечит верней!

О тебе узнать старался, исторгал моря из глаз;
Как могла я твой чудесный пересказывать рассказ?
Если он про всё узнает, это будет в добрый час.
Чую я, что осчастливить провиденье хочет нас».

Страстью в пепел обращенный, призадумался; потом
Он сказал Асмаг: «В скитаньях долгих были мы вдвоем,
Как не знаешь, что спасенья нет в мучении моем?
Но и этот витязь юный, плача, жжет меня огнем».

Молвил юноша: «Кто брата иль подругу обретет,
Ради них да не страшится пасть под бременем забот!
Как спасет одних создатель, коль других не обречет?
Хоть умру, но всё, что было, расскажу тебе вперед».

Он Асмаг сказал: «Воды мне подносить не позабудь,
Если в обморок паду я, обмывай мне ею грудь,
Если мертвого увидишь, доброй плакальщицей будь
И сама могилу вырой, где бы мне навек уснуть».

Обнажил он грудь, уселся, приподняв свои плеча,
Как заоблачное солнце не бросал еще луча
Уст еще открыть не в силах, он, зубами скрежеща,

Глубоко вздохнул и, плача, громко крикнул сгоряча.

Причитал он: «Дорогая, не найти твоих дорог!
О, надежда, жизнь и чувство, сердце, полное тревог,
Насажденное в Эдеме кто срубить алоэ смог?
Опаленного стократно, как огонь меня не сжег?»

СКАЗ 5

ТАРИЭЛЯ ПЕРВЫЙ РАССКАЗ О СЕБЕ, АВТАНДИЛУ ПОВЕДАННЫЙ

«Я хочу, чтоб со вниманьем ты в рассказанное вник,
В то, что я едва заставлю выговаривать язык.
От которой стал безумен, безутешен, бледнолик,
Та вдали, а я, скорбящий, кровью плачущий, поник.

Всем известно, что царило в Индостане семь царей.
Парсадан шесть царств индийских сделал вотчиной своей;
Был царящий над царями всех богаче и щедрей,
Станом — лев, а ликом — солнце, побеждал других вождей.

Был седьмым царем отец мой, устрашитель вражьих стран.
Не таясь, вступал в сраженье мой родитель Саридан.
В царство враг войти боялся, был он ждан или неждан,
И охотой услаждался царь, удачей осиян.

Но свобода надоела, стало сердце тосковать,
Он сказал: «Врагов привык я отражать и поражать,
Отовсюду их отбросил, и велик мой пир опять.
Что ж, отправлюсь наше царство Парсадану передать!»

И тогда же к Парсадану он гонца послать велел,
Поручил сказать: «Ты целым Индостаном овладел;
Силу сердца твоего я днесь изведать захотел,
Пусть же верной службы слава мне достанется в удел!»

Парсадан веселый молвил: «Пусть на пир все поспешат»
Саридану весть отправил: «Славлю бога многократ,
Ибо, в Индии мне равный, царь ко мне явиться рад.
Приезжай, тебя я встречу, как родитель и как брат!»

Амирбарством и уделом был отец мой наделен;
Там амиром-спасаларом амирбару быть — закон.
В этой должности высокой славы всей достигнул он.
Амирбар царю подобен, только цезарства лишен.

Царь с отцом моим достойным обращался, как с ровней,
Говорил: «Тебе подобных нет в державе ни в одной».
Шел он в бой, — с мольбой о мире шли враги наперебой.
С ним настолько я не сходен, сколь со мною кто иной.

Были царь с женой бездетны, труден был их жизни путь,
Неутешно горевали, и в тоске сжималась грудь.
День пришел, и я родился — день несчастный проклят будь!
Царь сказал: «Взращу, как сына, нам не чуждого отнюдь».

Я, четою царской взятый, к царской пышности привык,

Для господства был воспитан, чтоб над войском стал велик;
Мудрецы меня учили по велению владык.
Стал я львиной силой славен, словно солнце светолик.

Сколь померк я, знает это свет мой видевшая там.
Мне завидовало солнце, словно сумерки утрам.
Все шептали: «Он подобно древу рая, свеж и прям».
Днесь я тень того сиянья, прежним преданного дням.

Зачала царица наша, было мне тогда пять лет
Разрешилась дочерью...» — молвил и вздохнул, теряя цвет.
Грудь ему Асмаг омыла и очам вернула свет. Вновь сказал:
«Светлейшим солнцем был тогда же мир согрет.

Я сказал о несказанном, и мала моя хвала.
Парсадан развеселился, торжествам пора пришла,
И сошлись цари с дарами дорогими без числа.
Рать навек даров раздачей осчастливлена была.

Так окончились родины. Стали нас растить вдвоем.
Солнца треть она являла и тогда в лице своем.
Были мы равно любимы и царицей и царем.
Назову я ту, мне сердце заменившую костром».

Чувств лишился витязь юный, вспомнив имя дорогой.
Автандил заплакал также, тронут горестью такой.
Свет очам Асмаг вернула, грудь обрызгала водой.
Таризель промолвил: «Слушай, ныне смерть пришла за мной.

Царской дочери той имя было Нестан-Дареджан.
Был царевне семилетней богом ясный разум дан,
Облик, лунному подобный, был чудесно осиян.
Даже сердцу из алмаза не стерпеть подобных ран!

В бой вступить я мог, она же взоры нежила, созрев.
Царь гордился, для правленья в ней помощницу узрев.
Был отцу обратно отдан я, стройнее всех дерев,
Не однажды, словно кошка, был растерзан мною лев.

Царь для дочери особый приказал построить дом.
Безоар, рубин и яхонт заменяли камень в нем;
Брызгал розовой струею водомет перед дворцом,
Где жила та дева, сердце мне спалившая огнем.

День и ночь к ней из курильниц вился ладан голубой.
То она сидела в башне, то сходила в сад густой;
И Давар, вдове каджетской, что была царю сестрой,
Дочь свою отдал в ученье он, владеющий страной.

Во дворце парча повсюду взор узорностью влекла,
Там росла для нас незримо эта роза из стекла;
Лишь Асмаг и две рабыни знали дверь, что к ней вела.
Как возвращенным в Габаоне станом там она росла.

Парсадан меня, как сына, лет пятнадцать опекал,
Был я с ним все дни, меня он даже спать не отпускал;

Силой льву, красою солнцу, станом пальме равен стал,
На полях и на арене всех похвал я достигал.

В поле промаха не зная, била дичь моя стрела,
А с охоты на арену в мяч игра меня влекла,
После игр на пир веселый шел с друзьями без числа;
Но теперь меня та дева с милой жизнью развела.

Мой отец ушел из мира, смертный час его настиг.
Царь индийский омрачился, всех утех лишенный вмиг.
С облегченьем те вздохнули, что дрожали, как тростник.
Каждый враг отвык от плача, каждый друг в слезах поник.

Целый год я находился в черной келий одной,
И, горя днем и ночью, позабыл я свет дневной;
Чтобы вывести из мрака, от царя пришли за мной,
Он велел: «Прошу, как сына, Тариэль, расстанься с тьмой.

Мы ведь больше сожалеем, был он с нами наравне».
Подарил мне сто сокровищ, траур сжечь велел в огне,
Пожаловать отцовский Парсадан изволил мне:
«Тариэлю амирбарство в нашей отдано стране».

Я огнем горел, горя о родном отце своем,
Но из мглы меня исторгли слуги царские силком.
В честь мою назначен праздник был царицей и царем,
Далеко навстречу вышли, как родители, вдвоем.

Ими был, как сын, посажен я поближе к их местам,
И поведали, что надо мне защитой быть царям.
Попытался отдалиться, стал от робости упрям,
Но цари не отступились. Амирбаром стал я там.

Много лет прошло, о многом я забыл, судьбой гоним.
Труден мне рассказ подробный. Витязь, верь словам моим!
Мир изменчивый и лживый в злых делах неутомим,
На меня упали искры, высекаемые им».

СКАЗ 6 ТАРИЭЛЯ РАССКАЗ О ТОМ, КАК ВПЕРВЫЕ ОН ПОЛЮБИЛ

После долгих вздыханий он рассказ продолжил свой:
«Помню я, с охоты доброй возвращались мы домой,
Царь сказал мне: «Дочь увидим», руку взял мою рукой.
Удивляюсь, что дышу я, вспоминая день былой.

Турачей велел властитель отнести в покой ее.
Дичь забрал я, отправляясь на сожжение свое;
Жизни долг платить я начал, стало грозным бытие.
Сердце каменное ранит лишь алмазное копьё.

Краше радостного рая сад расцвел передо мной:
Птицы там сирен искусней пели в зелени густой,
Водоем многофонтанный брызгал розовой водой;
В башню вход был занавешен тяжелой тканью золотой.

Знал я, царь хотел царевну уберечь от всех очей,
Я остался пред завесой, он вошел в покои к ней;
Ничего не мог я видеть, слышал только шум речей,
Был приказ: у амирбара взять в подарок турачей.

Подняла Асмат завесу, заглянул я в то жилище,
И узрел ее, и в сердце мне ударило копьё.
Турачей Асмат просила, тело вспыхнуло мое.
Горе мне, с тех пор не гаснет жар, палящий бытие!

Но исчезло то светило, что светило для светил!»
Он не снес воспоминанья, пал без чувств, лишенный сил.
Плач Асмат и Автандила эхо долгое будил:
«Ах, зачем врагоубийца длани грозные сложил!»

Грудь ему Асмат омыла, вновь глаза открыл герой,
Время долгое молчал он с сердцем, скованным тоской,
Сел, заплакал, и смешались слезы с черною землей;
Крикнул: «Множит боль и ужас отзвук радости былой!

Пробавляется ничтожным, кто влеком к мирским вещам,
Под конец дарит измену этот мир, любезный нам.
Жизнью сей непокоренным мудрецам хвалу воздам.
Слушай дальше, если дух мой не взовьется к небесам.

Турачей Асмат я отдал и дошел, до забытья,
Там упал и обмер, сила изменила мне моя;
А когда очнулся, слышал — громко плакали друзья,
Окружив меня, как будто те — пловцы, а я — ладья.

Во дворце на пышном ложе я лежал, как неживой.
Царь с царицей неутешно горевали надо мной,
На своих щеках ногтями след чертили кровяной.
Маги званые сказали, что сражен я сатаной.

И лишь только я очнулся, чуть коснулся свет очей,
Царь воззвал: «Ты жив, о сын мой, слово вымолви скорей!»
Не разжал я уст и вздрогнул, как безумный средь людей.
Снова я упал и обмер, кровяной лия ручей.

Все ученые смущались тяжким недугом моим,
Все в руках Коран держали и читали над больным,
Я не слушал их, болтали, будто — бесом одержим.
Был три дня в бездушном теле тот огонь неугасим.

Лекаря, дивясь, решили: «Знаем мы, чем болен он:
Не томим ничем лечимым, но тоскою истощен».
Зачастую, как безумный, гнал я выкриками сон;
Царских слез росой обильной был я щедро окроплен.

Так, ни жив ни мертв, лежал я во дворце три дня без сил.
А потом господь сознание мне внезапно прояснил,
Догадался я, несчастный, отчего мне свет не мил,
И терпения у бога всемогущего просил.

Я сказал: «Создатель, сжался над повергнутым рабом,
Превозмочь мученья дай мне, позаботься о больном,
Здесь любовь свою я выдам, отведи меня в мой дом».
И железным стало сердце, закаленное творцом.

Я привстал. Ко мне ходили люди царские гурьбой,
И царю они сказали: «Встал без помощи больной».
Властелин вбежал в волнение с обнаженной головой,
Он творца прославил громкой, люди — тихою хвалой.

Дали мне испить чего-то, отхлебнул я влаги той
И промолвил: «Государь мой, тело вновь сошлось с душой».
Захотел я дол изъездить вдоль излучины речной;
Привели коня, и сел я, и поехал царь со мной.

Мы пробрались по долине, долгий видели поток,
К дому царь со мной доехал, я вступил на свой порог:
Дома вновь предался власти прежних болей и тревог,
Прошептал: «Приблизься гибель, я от жизни изнемог!»

И от слез неосушимых стал шафрана я желтей,
Думы сердце рассекали, словно тысячи мечей,
Вратарем, вошедшим в спальню, уведен был казначей;
Думал я: что знает этот или тот? И ждал вестей.

«Раб Аснат». — «Впустите!» — было приказание дано.
Тот вошел с письмом любовным, странно было мне оно,
Усмехнулся: как другою будет сердце сожжено?
Мог ли эту заподозрить? Мне ли это суждено?

Изумился я: чем вызван дерзкой женщины призыв?
Если буду несговорчив, то, невеждою прослыв,
У нее, отняв надежду, злобный вызову порыв.
Мой ответ на то посланье был любезен и красив.

Проходили дни, и сердце всё жесточе пламень жег.
В поле шли войска для игрищ, я ж, веселью чуждый, слег;
Во дворец не шел; врачами наполнялся мой чертог;
И долги земные начал я уплачивать, как мог.

Но врачи не помогали, стал мне белый свет не бел,
И никто не мог заметить, что в огне я пламенел,
Тяжесть крови усмотрели, царь мне руку вскрыть велел;
Разрешил я, чтобы спрятать рой застрявших в сердце стрел.

Так лежал со вскрытой жилой я, сжигаемый огнем.
С чем вошел мой раб, я взором спросил его о том,
«Раб Аснат пришел». Велел я, чтоб его впустили в дом,
Осудив ее за дерзость в помышлении своем.

Вновь пришлось отдать вниманье неманящему
В том письме желанье встречи письму, было видно по всему;
Я в ответ: «Пора возникнуть удивленью твоему, —
Призовешь, и я поспешно приглашение приму».

Сердцу молвил: не откройся, хоть печали натиск лют!
Ведь индийцы амирбара, ими правящего, чтут,
И меня они осудят, если слухи к ним дойдут,

И по всей стране прохода мне тогда уж не дадут.

Человек явился царский, объявил: «Царь вести ждет;
Кровь пустил ли? — вопрошает, преисполненный забот».

Я ответил: «Руку вскрыл я, улучшение настает,
К блеску царскому из мрака будет весел мой приход».

Я к царю вошел, он молвил: «С этих пор всю боль забудь».

Дал коня мне, тетиву же не позволил натянуть;
В небо ястребов пустил он, турачей сковала жуть.
В поле лучники усердно славословили наш путь.

А когда пришли с охоты, царь затеял славный пир
С неустанным пеньем хора, с ликованием арф и лир;
Драгоценности швырял он тем, кто немощен и сир,
Одарил и приглашенных, и немолчно певший клир.

Тосковал я, не терпевший ни притворства, ни лганья,
Вспоминал, ярилось пламя, содрогалась грудь моя;
Взял ровесников к себе я, любовались мной друзья, —
Чтобы скрыть страданья, праздник я устроил, скорбь тая.

Тихо на ухо сказал мне мой домашний казначей:
«Дева спрашивает, можно ль амирбара видеть ей?
Хоть чадрой лицо закрыто, но видна краса очей».
Я сказал: «В опочивальню отведи ее скорей».

Встал я; те, что пировали, повскакали второпях,
Я сказал: «Вернусь немедля, оставайтесь на местах».
Заходя к себе, поставил копьеносца при дверях.
Обязал к терпенью сердце, волю всю свою напруг.

В дверь вошел я. Вижу, дева пала наземь. Я смущен.
Слышу: «Истинно, да будет этот час благословлен».
Я дивился: кто ж содеет пред возлюбленным поклон?
Тихо села бы, коль ею навек страсти обретен.

Я взошел на возвышенье; в отдалении, одна,
Та на край ковра присела, уважения полна.
Я промолвил ей: «Приблизься, раз любовью зажжена».
На слова скупясь как будто, не ответила она.

Наконец проговорила: «Ныне стыд мне сердце жжет:
Ты подумал, что предпринят мой для этого приход?
Но теперь твоя же скромность мне надежду подает;
Недостойна и не знала я божественных щедрот.

Я сознание теряю, правит страх моей душой:
Ведь направлена к тебе я солнцеликой госпожой;
Эта царственная смелость подобает ей одной.
Вот письмо от повелевшей мне беседовать с тобой».

СКАЗ 7
ПЕРВОЕ ПИСЬМО НЕСТАН-ДАРЕДЖАН
К ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

Я узрел письмо той девы, что казнит, огнем одев;

Солнца луч писал: «Ты рану скрой, мучения стерпев:
Обмирание и мленье только вызовут мой гнев.
Я в уста Асमत влагаю речь мою к тебе, о лев.

Эти обмороки, слезы я за службу не сочла,
Соверши ты для любимой небывалые дела.
Многолюдная Хатайя нашей данницей была;
Нам терпеть не должно ею причиняемого зла.

Я иметь хотела мужем лишь тебя, желанный мой, —
Дело давнее сказалось только нынешней порой;
Из светлицы я узрела: обезумел ты, герой;
Всё слыхала я оттуда о случившемся с тобой.

Верь словам моим правдивым, не печалься ни о чем
И, нагрянув на Хатайю, там прославь меня мечом.
Не терзай напрасно розу слез томительных ручьем!
Я рассеяла твой сумрак, споря с солнечным лучом».

СКАЗ 8 ПЕРВОЕ ПИСЬМО ТАРИЭЛЯ К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Тут Асमत уже со мною говорила без тревог.
Ясность радостей несметных мой наполнила чертог;
Я дрожал в самозабвенье, сладкий трепет сердце жег.
И шафран в хрусталь и лалы превратить я снова смог.

Положил я пред очами дорогие письма
И ответил: «Можно ль солнцу одолеть тебя, луна?
Бог свидетель, что не будешь мною ты огорчена.
Ах, живу я или умер, или это грезы сна?»

Я сказал Асमत: «Отвечу то, что сердце изречет:
Доложить осмелюсь: солнце, мне ниспослан твой восход.
Ведь меня ты воскресила, указала мне исход,
Сослужу тебе я службу, не отвергну я забот».

Та сказала: «Мне царевны повеление гласит:
Пусть ко мне его прихода здесь никто не проследит,
Увлеченного тобою сохранять он должен вид;
Пусть по совести поступит, чтобы не было обид!»

Мне понравился столь мудрый девы царственный совет;
Даже солнцу стал угрозой огневой ее расцвет,
Мне досталась от любимой не обида, а привет.
Ах! В лучах ее терялся полдня яростного свет!

И камня дорогие в чаше подал я Асमत;
Дева молвила: «Не надо, всем довольна я стократ».
Лишь одно взяла колечко небольшое, наугад:
«Пусть оно на память будет, не хочу других наград».

И ушла Асमत, из сердца моего копьё изъяв.
Тьму надежда осветила, я почувал счастье въявь.

И к пирующим вернулся для питья и для забав;
Одарил друзей, веселый,— веселее стал их нрав.

СКАЗ 9 ПИСЬМО, К ХАТАЙЦАМ НАПИСАННОЕ, И ОТПРАВЛЕНИЕ ГОНЦА

Я послал с письмом в Хатайю человека моего,
Написал: «Царю индийцев мощь дарует божество;
Царь покорное любое насыщает существо:
Кто проявит непокорство — пострадает оттого.

Вы, наш брат, не пожелайте стать причиной скорбей,
Сей приказ прияв, придите к нам по-братски поскорей;
А когда не поспешите — звон услышите мечей,
Берегитесь, чтобы кровью не окраситься своей».

С тем послал я человека. Стал я сердцем веселей
И, воскреснув, услаждался снова в обществе царей.
Одарял меня в то время мир изменчивый щедрей;
Ныне я, лишась рассудка, мерзок даже для зверей.

Я хотел уйти скитаться, но потом огонь утих,
На пирах я появлялся среди ровесников моих;
Но желаний разрастанье отравляло радость вмиг,
Мной печаль овладевала, белый свет казался лих.

Как-то раз домой вернулся я из царского дворца,
Вспоминал ее, не спалось, реял свет ее лица;
Я письмо держал во мраке, сладко грезя без конца,
Тут рабу сказал привратник о прибытии гонца.

«Раб Аснат». Велел я в спальню провести его живей.
Был я призван той, что в сердце мне всадила сталь мечей.
Мне во мгле блеснула радость, легче стал мне груз цепей;
Взяв с собой раба, поехал, чтоб увидеть свет очей.

Неприметно в сад безлюдный я пробрался без помех,
Вдруг Аснат пошла навстречу и промолвила сквозь смех:
«Шип я вырвала из сердца, и дождешься ты утех.
Подойди! Увидишь розу, что цветов прекрасней всех».

Тяжкий занавес с усилием кверху вздернула Аснат.
Засверкал престол, большими бадахшанами богат, —
Там сидела та, чей солнце ослепит внезапный взгляд.
Черных двух озер сверканьем был я, замерший, объят.

Долго я стоял. Безмолвно восседая предо мной,
Дева сладостно смотрела, словно был я ей родной,
Подошла ко мне служанка, пошептавшись с госпожой:
«Уходи, невмочь сегодня ей беседовать с тобой».

Мне Аснат открыла выход, снова занавес подняв;
Произнес я: «Мир мгновенный, я познал твой низкий нрав;
Исцеляя, ты готовишь для принятия отрав,

Пустоту приносишь сердцу, нежной грезой истерзав».

Но Асмаг, когда мы с нею проходили сад густой,
Прошептала: «Уходящий, не терзай себя тоской
И, закрыв калитку страха, двери радости открой:
Та безмолвием спасалась от смущенья пред тобой».

Я сказал ей: «Врачеванья от тебя, сестра, я жду, —
О, не дай с душой расстаться, удали мою беду;
Посылай почаще письма, не покинь меня в саду;
Знаю, ты не будешь скрытной, в письмах правду я найду».

Я в слезах уехал, чуя в сердце трепет огневой.
Угасить не смог я в спальне неусыпный пламень свой,
И хрусталь и лал в безумье облекая синевой,
Предпочел я ночь и утра не желал, полуживой.

И пришла пора вернуться из Хатайи вестовым;
Лишь заносчивые речи там пришлось услышать им:
«Мы не трусы, крепостями не бедны и постоим!
Кто такой ваш царь, и как он господином стал моим?»

СКАЗ 10
ПИСЬМО ЦАРЯ ХАТАЙЦЕВ К ТАРИЭЛЮ,
В ОТВЕТ НАПИСАННОЕ

«Тариэль, к тебе посланье начертал я, царь Рамаз.
Удивился я, увидя твой предерзостный приказ.
Как ты звал к себе владыку, победившего не раз?
Никаких посланий больше не хочу иметь от вас!»

Прочитав письмо Рамаза, я велел созвать войска.
Рать индийская, как чаша звезд небесных, велика.
Шли войска из мест окрестных, шли ко мне издалека,
Наполняя поле, скалы, лес и дебри тростника.

Все пришли без промедленья и предстали предо мной,
На смотру я любовался их доспехов красотой,
Чудной удалью, с которой перестраивался строй,
Быстротой коней и славной хорезмийскою броней.

Черно-красный стяг я поднял, извещая воевод,
Что на завтра выступленье, лишь светило дня взойдет,
Но подумал: без свиданья как судьба нас разведет?
С лучезарной не увидясь, как отправлюсь я в поход?

Я пришел домой в раздумье, полный горестных тревог,
Ливнем слез неудержимых сердце скорбное разжег,
Говорил: «Благоприятным и теперь не стал мой рок;
Коль схватил рукою розу, что ж сорвать ее не смог?»

Раб вошел, и мне досталась утешенья благодать:
От Асмаг письмо вручил он; быстро я сломал печать
И прочел: «Желанным солнцем ныне призванный опять,

Лучше ты приди, чем дома на судьбу свою пенять!»

Взволновал меня чрезмерно новый знак ее щедрот;
Я пошел, едва стемнело; снова в сад открылся вход,
И Асмат, как и впервые, появилась у ворот;
Улыбаясь, объявила: «Льва луна в чертоге ждет».

И вошел я в дом красивый, где терраса не одна;
В очи хлынула оттуда блеска белого волна.
Там, за занавесом сидя, вся в зеленом, та луна
Мне открылась одинока, огнеока и стройна.

Я вошел и перед нею стал поодаль у ковра;
Проясниться стало сердце, омраченное вчера.
Та придвинула подушку, лучезарна и добра,
Открывала и скрывала лунный лик ее игра.

Приказала: «Амирбара пригласи присесть, Асмат».
Та подушку положила у источника услад;
Злой судьбе противореча, сел я, радостью объят.
Как, слова ее промолвив, я из жизни не изъят?

Изрекла: «Уход безмолвный пал, как снег, на цвет ланит,
И, от солнца отлученный, изменил цветок свой вид.
Вижу я, в твоих нарциссах долгих слез роса дрожит.
Мне пред взором амирбара быть стыдливой надлежит.

Хоть стыдливость пред мужчиной деве следует, но я
Наихудшее познаю, муки смертные тая;
Улыбалась я, но в сердце ощущала сталь копья;
Знаешь сам, тебе сказала всё прислужница моя.

С той поры, как поделились этой тайной мы с тобой,
Знай, тебе не изменю я и за гранью гробовой!
Это слово я скрепляю ныне клятвой роковой:
Коль солгу, пускай утрачу этот мир и мир иной.

На неверную Хатайю ты направь свое копьё
И вернись ко мне с победой, если даст господь ее.
Буду света ждать, в разлуке проклиная бытие.
Мне отдай навеки сердце и возьми себе мое!»

Я ответил: «Для тебя я брошусь в бурный вихрь огней!
Мне дозволив жить, убийцей ты не сделалась моей;
Значит, ты, подобно солнцу, станешь светом для очей!
На хатайцев я обрушусь льва могучего грозней.

Чем меня ты удостоишь, то земным не входит в часть.
Ты, неожиданная, — как милость, что спешит с небес упасть,
Озаряя, не позволишь сердцу в сумраке пропасть.
Буду твой, пока не скроет плоть мою могилы пасть».

Я над книгою поклялся; дорогая в свой черед
Страшной клятвой подтвердила, что себя мне отдает:
«Если мне любовь другая кровь когда-нибудь зажжет,
Да убьет меня всевышний, да замкнет небесный вход!»

Мы для нежных слов остались время некое вдвоем;
Сладко яства мы вкушали за беседой, а потом
Уходить настало время, встал я с горестным лицом.
Надо мной ее мерцанье звездным ширилось венцом.

Трудно было мне покинуть облик тот, хрусталь и лал.
Обновился мир. Я много новых радостей познал.
Блеск, эфир объяввший, мнилось, только мне принадлежал.
Ныне дивно, что в разлуке стал я сердцем тверже скал.

Утром, выехав, велел я затрубить во все рога.
Не исчислить, сколько войска ополчил я на врага;
Всех направила в Хатайю, для войны, моя рука.
Потекла по бездорожью войск бесчисленных река.

Так в хатайские пределы за отрядом шел отряд.
Вдруг навстречу раб Рамазов вышел, робостью объят,
Передал мне он посланье, услаждающее взгляд:
«Ведь волков хатайских даже ваши козы поедят».

Получил я от Рамаза ряд невиданных щедрот;
Царь писал: «Пусть меч твой острый смерти нас не предаст!
Нерушимую присягу принесет тебе народ
И к тебе с детьми своими и с имуществом придет.

Днесь повинную приносим мы, сгорая от стыда;
Коль простишь, то войск несметных не вводи в страну тогда,
Чтобы небо не обрушил бог на наши города;
Крепость в дар прими, с дружиной небольшой войди туда».

Но сказали мне визири на совете боевом:
«Амирбар, ты млад, мы седы, оттого сказать дерзнем,
Что не раз измена сладким изъяснялась языком.
Берегись, или хатайцы умертвят тебя тайком!

Ты с храбрейшими отправься, мы даем тебе совет,
Пусть войска неподалеку за тобой идут вослед;
Коль не лгут хатайцы, клятву пусть дадут не делать бед,
А когда не покорятся, не прощай творящих вред».

Я решил, что не напрасно так судил визирей ряд,
Поручил сказать Рамазу: «Я, прочтя письмо, был рад.
Жизнь ты выбрал, а не гибель, от не знающих преград;
Я иду к тебе без войска, малый взяв с собой отряд».

Триста юношей храбрейших мой составили конвой;
Войск несметность я покинул, им отдав приказ такой:
«Всюду следуйте за мною, втайне, той же стороной,
Вас на помощь позову я, если встретят нас войной».

Шли три дня, потом с хатайским снова встретились гонцом,
Им богатых одеяний дар чудесный был несом;
Речь Рамаза передал он: «Солнца блещущего ждем!
Знай, даров подобных много амирбару поднесем!

Изреченное правдиво от начала до конца!
Тороплюсь навстречу свету Тариелева лица;
Твой приказ я выполняю; не узришь во мне лжеца;
Наша встреча будет слаще встречи сына и отца».

Мы, уйдя оттуда, стали на привал, под сень дерев,
И опять пришли посланцы, сладко льстили нараспев;
В дар веда коней ретивых, что блестели, раздобрев,
Говорили: «Царь возжаждал повидать тебя, о лев!»

Он сказал: «Тебе навстречу я иду со всем двором,
Завтра утром я увижу солнце в облике твоём». —
Тех посланцев задержал я под раскинутым шатром,
Обласкал их и устроить на ночлег велел потом.

Не приходится за добрым делом доброму пропасть.
Из послов один прокрался, чтоб к ногам моим припасть,
Он сказал: «Должник твой вечный, жажду выплатить хоть часть,
Я тебя отдать не в силах лютой гибели во власть.

Знай, отцом твоим возвращенный, начинаю эту речь.
Про измену я разведал и пришел предостеречь.
Страшно думать, что решили розы щек земле обречь.
Всё я выскажу, дослушай до конца и не перечь!

Ты не верь напрасно людям этой ласковой страны:
Ведь сотысячная скрыта рать с одной лишь стороны,
Со второй же тридцать тысяч на тебя напасть должны.
Если ты упустишь время, то мгновенья сочтены.

Выйдет царь, спеша увидеть всем желанный облик твой;
Тайно в латы облачится рать, сокрытая листвою,
Пыль вздымая, окружая, отовсюду выйдут в бой.
Руки тысяч, копьё ударят, верх одержат над тобой».

Я сказал тому, чьим словом был сей умысел раскрыт:
«Дар получишь, если недруг Тариэля не сразит;
А теперь вернись к уснувшим. Пусть никто не проследит.
Если я тебя забуду, богом буду я забыт».

Эта весть от приближенных мной была утаена.
Будь что будет. Всем советам одинакова цена.
Но к войскам людей послал я, хоть дорога и длинна,
Дал приказ: «Пройдите быстро горы, пропасти без дна».

Утром я сказал посланцам: «Да услышит царь Рамаз:
Мы идет к нему навстречу, пусть и он встречает нас»
Я до полдня без боязни шел на смерть, и взор не гас.
Где я скроюсь, копьё захочет рок приблизить смертный час?

На хребет горы вступая, в поле пыль увидел я,
Крикнул: «То расставил сети царь Рамаз, вражду тая!
Всё же меч мой их настигнет, пригвоздит удар копьё».
Над моим затихшим войском загремела речь моя:

«Братья, ныне нас изменой род хатайский встретить
рад. Ваша твердость не уступит, не отступите назад.
За царя в бою погибших души на небо летят.
Приготовьтесь! Не напрасно ведь мечи у вас висят!»

Надевать скорей доспехи был приказ мой громовой.
Быстро в латы облачаясь, снарядилось войско в бой;

Строй построив, устремился я с большою быстротой.
В этот день удары сеял меч над вражеской толпой.

Враг заметил, что в доспехах мы идем, не для забав,
Мне отдал гонец посланье, от Рамаза прискакав.
Царь писал: «Не злой, а добрый мы выказывали нрав,
Но, как видно по доспехам, род ваш злобен и лукав».

Передать велел я: «Вижу ваших мыслей злую тьму,
Все затеи ваши зная, говорю — не быть тому!
Подходите и сразимся по закону своему!
Я на вас для истребления ныне руку подыму!»

Возвратился к ним посланец — с чем прислали бы опять?
Дым поднялся: этим знаком приглашая выступать,
Из-за двух прикрытий сразу вышла их двойная рать,
Строй сомкнулся многорядный, но меня им не сломать.

Взял копьё и шлем надел я, к бою жаркому готов,
Возбужденный сильной жаждой истребления врагов;
Поле быстро перерезав, доскакал до их рядов;
Вид построенного войска был недвижим и суров.

Я приблизился. «Безумец!» — мне кричали их войска.
К чаще копий устремился, точно в заросль тростника,
Поразил копьем тяжелым и коня и седока;
Хоть копьё мое сломалось, сталь меча была крепка.

Бил я, коршун, куропаток, расшибал врага врагом;
Я из конных и неконных воздвигал холмы кругом;
Мною брошенный вертелся воин вражеский волчком.
Их войска передовые истребил я целиком.

Подошли и остальные, завязался бой большой;
Где ударю — строй расстроен; на седло в той сече злой
Я разрубленного вешал переметною сумой.
Вскачь летел, враги бежали, чтоб не встретиться со мной.

Вечеру их караула со скалы раздался глас:
«Поспешайте! Небо снова грозно глянуло на нас!
Пыль, клубясь, до нас доходит, чтобы каждый взор погас.
Истребит нас без остатка рать несметная сейчас».

То войска мои, что мною взяты не были с собой,
Шли всю ночь, когда известье им доставил вестник мой.
Доли, заросли и горы захлестнул бойцов прибой;
Грозно грянули литавры с громозвучною трубой.

Всё узрев, хатайцы в страхе разбежались второпях;
Мы прошли войной долины, воцарились в тех местах;
Я с коня Рамаза сбросил, с ним сразился на мечях,
Все войска его пленил я, не добил разбитых в прах.

Был настигшими бегущий неприятель окружен,
С лошадей их посшибали и забрали всех в полон,
Вместо сна пришла к неспавшим ночь, похожая на сон,
А плененным, и здоровым, и больным — достался стон.

Отдохнуть мы захотели от губительных забот;
Длань мою отметил раной той неистовый поход.
Для хвалы и созерцанья приходил ко мне народ,
Говоря, что слов достойных языку недостает.

Всей доступной людям славы мне досталась благодать.
Те меня благословляли, те хотели целовать;
Воспитавшие героя стали знатные рыдать.
Мной разрубленных увидя, там давалась диву рать.

Разослал бойцов, чтоб каждый, дерзок, яростен и смел,
Волю полную имея, всей добычей овладел;
У искавших крови нашей, кровь я выточил из тел;
Крепостей врага не руша, взять без боя повелел.

Объявил Рамазу: «Видно, в злых делах ты несравним.
Ныне пленный, оправдайся, постарайся стать иным,
Сдай все крепости по счету, допусти свободно к ним,
А иначе сей проступок я причту ко всем иным».

Отвечал Рамаз: «Я ныне всех бессильней и бедней.
Одного лишь царедворца мне оставь из свиты всей,
Чтобы мог его послать я к гарнизонам крепостей,
И тебе отдам я в руки всё, что есть в стране моей!»

Я дозволил, и поехал царедворец по стране,
И привел он гарнизоны, передавшиеся мне;
Сдали крепости. Хатайя в той раскаялась войне,
И несметностью сокровищ я пресытился вполне.

Я вошел в Хатайю, чтобы обозреть ее кругом,
И ключи от всех сокровищ принесли, бия челом.
Повелел я: «Да вернется каждый житель в мирный дом».
Равный солнцу, всех простил я, не спалив своим огнем.

Рассмотрел я по порядку дань, доставшуюся нам,
Тех сокровищ непомерных обозреть нельзя очам;
Шарф и платье обнаружил удивительные там;
Взорам собственным не веришь даже если видишь сам.

Я не мог понять искусства, что с волшбою наравне;
Ткань не видана такая ни в одной земной стране;
Не ковровой, не шелковой эта ткань казалась мне,
Точно выкована кем-то, точно спаяна в огне.

Для пресветлой предназначил я наряд чудесный тот.
Для царя дары собрал я, не жалеющий забот;
Нагруженных кладью мулов и верблюдов десять сот
Я послал к нему с известьем, что удачен был поход.

СКАЗ 11

ПИСЬМО ТАРИЭЛЯ К ИНДИЙСКОМУ ЦАРЮ, ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НАД ХАТАЙЦАМИ НАПИСАННОЕ

Написал я: «Царь, да будешь ты счастливей всех царей!
Мне хатайцы изменили, но прияли тьму скорбей;

Потому вестей отправить я не мог к тебе скорей.
Привезу добычу, пленных и царя Хатайи всей».

Так в Хатайе всё устроив, к возвращению готов,
Все сокровища унес я из Рамазовых дворцов;
Мне верблюдов не хватало, и навьючил я волов;
Я желаемое сделал, славным стал среди бойцов.

Увлечен был царь хатайский мною в Индию, в полон,
И пошел ко мне навстречу Парсадан, покинув трон;
От его похвал безмерных был я, радостный, смущен,
Развязал и мягкой тканью обвязал мне руку он.

Царь на площади раскинул не один большой шатер,
Говорить со мною жаждал, не выдавши с давних пор.
Был веселый пир затеян в тех шатрах, что он простер;
Видел я перед собою полный ласки царский взор.

На пиру мы ночь сидели, радость шла тоске взамен;
Поутру, покинув площадь, городских достигли стен.
Царь велел: «Войска сберите. Этот день для нас блажен.
Вы покажете сегодня нам хатайцев, взятых в плен».

Я к царю привел Рамаза, с трона свергнутого мной,
Был он принят Парсаданом, словно сын его родной.
Верноподданным я сделал покривившего душой.
Так выказывает храбрость благородную герой.

Пленный был, как гость, обласкан, принял царь его тепло.
Слово царское хатайца исцеляло, а не жгло.
На заре меня позвали. Молвил царь, подняв чело:
«Враждовавшему доньше, я теперь прощаю зло».

Я ответил: «Как прощает нас владыка неземной,
Так прости того, чьи силы уничтожены войной».
Царь велел ему: «Прощенный, ты отправишься домой,
Но себя таким позором ты вторично не покрой».

Был Рамаз обложен данью в десять тысяч серебром;
Шелк, парчу, атлас он взялся присылать еще притом;
Царь одел его и свиту — засияли в золотом.
Был плененный не задержан, награжден за зло добром.

Благородный, пред владыкой он склонился, прошептал:
«Бог изменника заставил изменить свой низкий нрав,
Страшной казнию казните, если стану вновь лукав».
Смолк Рамаз и удалился, всех своих с собою взяв.

Царский раб ко мне явился, передал приказ такой:
«Я три месяца томился и не виделся с тобой,
Не вкушал я дичи, в поле убиваемой стрелой.
Если ты не утомился, приходи, воитель мой».

Там увидел я гепардов и псарей большую рать,
Столько соколов сидело, что нельзя и сосчитать.
Вышел царь вооруженный, солнцу ясному под стать;
Было радостно владыке стан мой статный созерцать.

От меня таясь, тихонько царь сказал жене своей:
«Гариэль, с войны пришедший, так желанен для очей!
Озарит он даже сердце, что темней густых ночей.
Не откладывая, надо дело сделать поскорей.

Без тебя обдумал это, но узнай и ты о том:
Так как дочери в наследство Индостан мы отдаем,
Да увидит пальма рая, кто судьбою к ней ведом.
Во дворец встречайте обе, как с охоты мы придем».

Поохотились мы в поле, обошли подножье гор,
Много ястребов пускали, много соколов и свор;
Лишь окрестностей ближайших совершили мы обзор,
Не сыгравши в мяч, обратно понеслись во весь опор.

С крыш разубранных и улиц люди зрели облик мой,
После долгого похода я в одежде вырезной
Красовался бледной розой, чей расцвет омыт росой.
Чувств лишался каждый зритель, так хорош я был собой.

Был хатайский шарф чудесный украшеньем удальца,
И вокруг сердца безумных волновались без конца.
Царь сошел с коня. Вошли мы в двери царского дворца.
Оробел я от сверканья лучезарного лица.

Был оранжев солнцеравной огневейущий наряд,
И прислужницы стояли позади, за рядом ряд.
Дом и улицу лучами осыпал слепящий взгляд,
Средь кораллов красовался жемчугов блестящий ряд.

Длань моя повязкой белой перевязана была.
Встала Индии царица и навстречу мне пошла.
Словно сыну, не жалела поцелуев без числа,
Говорила: «Разве может враг сразить тебя, орла!»

Был посажен с ними рядом, и досталась радость мне;
Солнцеликая — напротив; сердце дрогнуло в огне.
Друг на друга наши взоры набегали в тишине;
Отведешь глаза — и снова жизнь со смертью наравне.

Мощи собственной приличный пир устроил властелин.
Кто бы вспомнить мог такое изобилье яств и вин!
Чаша каждая сверкала, бирюза или рубин,
И царем отпущен не был даже пьяный ни один.

Там усладам беспредельным был я предан, близкий к ней;
Только встречусь с нею взглядом, затихает вихрь огней;
Хоть скрывать безумье должно сердцу в обществе людей,
Что блаженней созерцанья обольщающих очей?

Замолчать цари велели музыкантам и певцам;
Мне сказали: «Сын любезный, несказанно сладко нам,
Что тебя имеем ныне мы на зависть всем врагам.
Ты достоин восхваленья, это каждый видит сам.

Хоть должны одеть на славу мы защитника царей,
Но одежды не найдется здесь прекраснее твоей;

Сто сокровищ в дар прими ты, свет, желанный для очей,
И, пред нами не стеснясь, что желаешь, то и шей!»

Сто ключей от ста хранилищ поднесли в подарок мне;
Поклонился я державным, равным солнцу и луне,
И меня облобызали дорогие всей стране;
Всех осыпали дарами побывавших на войне.

Снова сел владыка славный, стали пить и петь кругом,
Снова пиршество продлилось и веселье за столом.
Пир оставила царица вместе с кончившимся днем.
Мы до часа сна беспечно услаждались вином.

А потом большие кубки стали тяжкими для нас.
Разошлись. В опочивальню я направился тотчас.
Стал беспомощен, плененный, пламень яростный не гас,
Утешала только память о спасительной для глаз.

Раб вошел в мои покои с вестью радостной такой:
«Видеть вас желает дева, белой скрытая чадрой».
Догадался и вскочил я, от смущенья сам не свой —

То Асмат ко мне явилась, по велению дорогой.

Ради властного светила и рабыне был я рад.
Ниц упасть я не позволил, быстро обнял я Асмат;
Усадил с собою рядом эту вестницу отрад
И спросил: «К себе пришла ли пальма, нежащая взгляд?»

Расскажи о ней, иного мне теперь не перенести».
Та ответила: «Услышишь речь правдивую, не лесть.
Друг на друга вы глядели, не могли очей отвести;
Вновь Нестан меня послала о тебе доставить весть».

СКАЗ 12

ПИСЬМО НЕСТАН-ДАРЕДЖАН, К ВОЗЛЮБЛЕННОМУ НАПИСАННОЕ

От Асмат письмо я принял, мне писало пламя дня:
„Чистоту воды алмаза в светлом облике храня,
Статным станом красовался ты, пришпоривший коня.
Ах, недаром так обильно слезы льются у меня!

Мой язык тебя прославит, бог его обогатит.
Коль покинешь, то погибну я без жалоб и обид.
Для тебя гишер и розы блеск небесный да взрастит.
Твоему, о солнце, лику мой приличествует вид.

Знай, не тщетно слезы лились, не бесплодные они!
А теперь уйми стенанья, скорбь от сердца отгони!
Увидать тебя стараясь, люди ссорятся в тени.
То, чем лоб твой был окутан, для меня ты сохрани!

Подари мне тот хатайский шарф, что так тебе идет,
Чтоб твоей красы прикрасу я надела в свой черед.
Сей браслет надень ты, если дар мой радость принесет!
Для тебя рассвет подобный пусть вовек не рассветет!»».

Тариэль заплакал, дрогнул, страшным пламенем задет,
Молвил: «Вот он дар любимой, с дорогой руки браслет».
Драгоценность снял, которой и цены на свете нет,
Приложил к лицу и обмер, как мертвец, утратил цвет.

Так лежал подобно трупу иль тому, кто обречен
Дланью мощной, поразившей грудь нагую с двух
сторон. Взяв кувшин, Асма, чей облик был истерзан, искажен,
Вновь струёй воды смывала с Тариэля страшный сон.

Вздрогнул юноша, увидев, что повергнут в прах герой.
Дева камень просверлила жгучей слезною струёй,
Льву сознание возвратила, угасив огонь водой.
Молвил он: «Я жив, хоть кровью вновь упился мир земной».

И привстал он, побледневший; озираясь, он утих.
Облик розы, прежде алый, белизны теперь достиг.
Говорить не мог он долго и не мог смотреть на них;
Этой жизни ужасался вновь оставшийся в живых.

Он сказал: «Хотя мой разум затемнен судьбою злой,
Доскажу, что испытал я со своею госпожой.
Рад в тебе увидеть друга повстречавшийся с тобой.
Удивляюсь, как не умер я, от мук полуживой!

Я в Асма сестру увидел, возвратившую мне свет,
И когда письмо прочел я, мне дала она браслет.
Дар тот на руку надел я и отдарок дал в ответ:
Снял с чела тот шарф, имевший искрометно-черный цвет.

СКАЗ 13 ПИСЬМО ТАРИЭЛЯ К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ, В ОТВЕТ НАПИСАННОЕ

Написал я ей: «О солнце, к твоему припав лучу,
Сердце я пронзил, и смелость стала мне не по плечу.
Ослеплен твоим сияньем, весь от страсти трепещу,
За нежданное блаженство чем тебе я отплачу?

Ты с душой не захотела разлучить меня вполне,
Столько блеска не бывало ни в одном прошедшем дне.
Твой браслет надев на руку, не погибну я в огне;
Всех отрад прошедших слаще радость нынешняя мне.

Шарф, который ты просила, я спешу тебе послать.
Посылаю также платье, что одной тебе под стать.
Не покинь меня, больного, вспомни скорбного опять.
Лишь тебя одну хочу я в мире этом почитать».

Вышла дева, и, улегшись, впал я скоро в забытье,
Вздрогнул я, во сне увидя солнце жгучее свое.
Лишь проснулся, всё исчезло. Мерзким стало бытие.
Так провел я ночь, не слыша даже голоса ее.

Рано вызванный к державным, чуть забрезжила заря,
Ко дворцу я устремился, нетерпением горя:
Там нашел я трех визирей, и царицу, и царя.
Усадили тут же рядом и меня, богатыря.

Изрекли: «Изнемогая, обрели мы седину,
Время старости настало для утративших весну.

Нам наследник не дарован, мы имеем дочь одну;
Но не тужим, вместо сына озарит она страну.

Для нее теперь, как должно, мужа доброго найдем,
Свой престол ему оставим, воплотим наш образ в нем,
Власть над царством предоставим, нам да будет он щитом,
Чтобы враг на одряхлевших не обрушился с мечом».

Я сказал: «Не скрыть от сердца, у достойных сына нет,
Но достаточно надежды в ней, затмившей солнца свет.
Вам в зятя отдавший сына будет радостью согрет.
Сами знаете, что делать. Что скажу еще в ответ?»

Сердце обмерло, услыша об утрате неземной.
Я подумал: не поставишь им преграды никакой.
Царь сказал: «Хорезмшах правит Хорезмийскою страной,
Коли он отдаст нам сына, кто сравнится с ним другой?»

Что давно свершили выбор, говорил их каждый знак.
Так слова согласовали, переглядывались так;
Не дерзнул я прекословить замышлявшим этот брак.
Сразу в прах я превратился, поселился в сердце мрак.

И царица подтвердила: «Хорезмиец славный нам
Сына даст в зятя, который не под стать ничьим сынам».
Я поспорить не решился о желательном царям,
Согласился я, и день тот жизнь рассек мне пополам.

И в Хорезм пошел посланец взять наследника в зятя.
«Без царевича, — сказали, — наша Индия — ничья.
Дочь у нас одна, как солнце, украшение бытия.
Ничего не опасаясь, дай нам сына для нея!»

Человек привез, вернувшись, много платьев, покрывал;
Хорезмийский шах воспрянул, просиял, возликовал,
Приказал сказать: «Стремленью бог свершенье ниспослал!
Нам желанна дочь такая, что превыше всех похвал».

Вновь послали за желанным хорезмийским женихом,
Поручив просить: «Идите и не медлите, мы ждем!»
Наигрался в мяч, устал я, отдохнуть вошел в свой дом.
Беды сердце обступили, стал богатый бедняком.

В грудь свою клинком ударить я, не медля, был готов.
Раб Асмат вошел, и снова стал я весел и здоров;
Взял письмо, прочел: «Стан пальмы, цвет невянущих садов,
Днесь тебе повелевает: поспеши прийти на зов!»

К саду быстро подскакал я, бурной радостью объят,
И увидел — там, под башней, трепеща, стоит Асмат,
И невысохшие слезы на щеках ее дрожат.
Ни о чем не вопрошал я, всё сказал печальный взгляд.

Первый раз Асмат при встрече так была невесела,
Смех былой она забыла, из очей глядела мгла,
Мне и слова не сказала, слезы чистые лила,
Старых ран не исцелила, много новых нанесла.

Больше в сердце упованье не сияло ни одно.

В башне занавес открылся, точно в божий рай окно.
Я вошел, увидел солнце, стало больше не темно.
Сердце сразу озарилось, но растаяло оно.

Упадал на ту завесу блеск безрадостных лучей,
Был, накинутый небрежно, златотканый шарф на ней;
Возлежащая в зеленом, божьих гроз была грозней.
Обливали слезы очерк огнемечущих очей.

Так над бездною тигрица огневзорая лежит.
Был блистательнее солнца пальмы властвующий вид.
Сесть Асмаг мне предложила, был я зрелищем разбит.
Встала грозная во гневе, перлы падали с ланит.

Объявила: «Удивляюсь, как явился во дворец
Ты, предатель и изменник, преступивший клятву лжец?
По достоинству заплатит за дела твои творец!»
Я сказал: «Непониманьем скован слов твоих ловец.

Если правды не постигнем, объяснения не найдем,
Обвиненный, я с причиной обвинения не знаком».
Вновь сказала: „С вероломным мне беседовать о чем?
Я по-женски обманулась и теперь горю огнем!

Хорезмийцу отдана я, это знаешь или нет?
Дал на то и ты согласие, приглашенный на совет.
Ты свою нарушил клятву и служения обет.
Я, оставленная, страшный на тебе оставлю след!

Помнишь, как стонал, слезами омывая ширь полей,
Как лежал ты, окруженный целой ратью лекарей?
Что же может быть в мужчине этой лживости гнусней?
Знай, отвергнутого отвергнуть я смогу еще больней!

Кто великим и обильным Индостаном ни владей,
Я владычицей пребуду, не останусь без путей!
Не бывать тому. Ступай же ты в ловушку лжи своей!
Мысли все твои подобны самому тебе, злодей!

На изгнание из царства, знай, ты мною осужден;
Коль посмеешь ты остаться, будешь тут же умерщвлен.
Равной мне не сыщешь, даже тронув дланью небосклон!”»
Речь свою прервал прекрасный и опять заплакал он.

Молвил: «Я обрел надежду, возвращенный бытию,
Вняв речей ее горячих возмущенному ручью;
Но над бездною безумья я теперь опять стою.
Что ж ты, мир непостоянный, пьешь так долго кровь мою!»

Я привстал, Коран открытый в изголовий нашед,
Восхвалил творца, а после — расстилающую свет,
Ей дерзнул сказать: «О солнце, свод небес тобой согрет!
Ты меня не убиваешь, я одно скажу в ответ.

Коли сказанное мною будет низкой клеветой,
Пусть разгневаётся небо и сокроет светоч свой!
Некривящего душою правосудья удостой!»
Соизволившая слушать мне кивнула головой.

Я промолвил: «Коль нарушил я зарок, что мною дан,
Божий гнев да покарает оскорбившего Коран!
Для меня чужой не станет облик солнцем, пальмой стан.
Коль копьё пронзит мне сердце, как я жить смогу, Нестан?»

На совет меня позвали, хоть жених, угодный им,
Для тебя давно был выбран, в царских помыслах таим.
Неучтиво было б спорить с повелителем своим.
Я сказал себе: покорствуй, будь пока невозмутим!

Как дерзнул бы я перечить, если даже Парсадан
Позабыл, что без владельца не остался Индостан,
Что лишь мне он весь подвластен и иным не будет дан.
Коль прибудет соискатель, то себя введет в обман.

Я решил — необходимо средство тяжкое весьма:
Не спасешься в этом деле изворотами ума.
Зверем по полю блуждал я, поселилась в сердце тьма.
Отдана ты мной не будешь, не украл себя сама!»

Обратил я в рынок башню, за любовь я душу дал.
Дождь утих, что прежде розу непрерывно заливал.
Улыбнулся войско перлов окружающий коралл.
«Как могла я так подумать, — голос ласковый сказал. —

Нет, не верю, чтоб изменой ты ославился, герой,
Чтобы господу за щедрость не был верным ты слугой,
Помолись, чтоб дал тебе он власть над Индией и мной.
Мы на трон воссядем вместе полновластною четой».

Всю жестокость угасила, состраданьем смягчена,
Мир собою осенила, словно светлая луна,
Разрешила сесть мне близко, вновь безоблачно-ясна.
«Стих огонь, меня сжигавший», — тихо молвила она.

Приказала: «Кто разумен — от поспешности далек:
Надо здраво поразмыслить и спокойно встретить рок.
Царь вспылит, коль ты непустишь хорезмийца на порог.
Спор ваш Индию рассек бы и пустыней стать обрек.

Только впустишь хорезмийца, обвенчают деву с ним,
Мы расстанемся навеки, радость в траур обратим;
Победителями станут, от печали мы сгорим,
Не позволю сделать перса я наперсником своим».

Я промолвил: «Коль нарушил я зарок, что мною дан,
Божий гнев да покарает оскорбившего Коран!
Для меня чужой не станет облик солнцем, пальмой стан.
Коль копьё пронзит мне сердце, как я жить смогу, Нестан?»

На совет меня позвали, хоть жених, угодный им,
Для тебя давно был выбран, в царских помыслах таим.
Неучтиво было б спорить с повелителем своим.
Я сказал себе: покорствуй, будь пока невозмутим!

Как дерзнул бы я перечить, если даже Парсадан
Позабыл, что без владельца не остался Индостан,
Что лишь мне он весь подвластен и иным не будет дан.
Коль прибудет соискатель, то себя введет в обман.

Я решил — необходимо средство тяжкое весьма:

Не спасешься в этом деле изворотами ума
Зверем по полю блуждал я, поселилась в сердце тьма.
Отдана ты мной не будешь, не украв себя сама!»

Обратил я в рынок башню, за любовь я душу дал.
Дождь утих, что прежде розу непрерывно заливал.
Улыбнулся войско перлов окружающий коралл.
«Как могла я так подумать, — голос ласковый сказал. —

Нет, не верю, чтоб изменой ты ославился, герой,
Чтобы господу за щедрость не был верным ты слугой,
Помолись, чтоб дал тебе он власть над Индией и мной.
Мы на трон воссядем вместе полновластной четой».

Всю жестокость угасила, состраданием смягчена,
Мир собою осенила, словно светлая луна,
Разрешила сесть мне близко, вновь безоблачно-ясна
«Стих огонь, меня сжигавший», — тихо молвила она.

Приказала: «Кто разумен — от поспешности далек:
Надо здраво поразмыслить и спокойно встретить рок.
Царь вспылит, коль ты непустишь хорезмийца на порог.
Спор ваш Индию рассек бы и пустыней стать обрек.

Только вступишь хорезмийца, обвенчают деву с ним,
Мы расстанемся навеки, радость в траур обратим;
Победителями станут, от печали мы сгорим,
Не позволю сделать перса я наперсником своим».

Я сказал: «От сей женитьбы бог его да отвлечет
Только станет мне известен персов в Индию приход,
Покажу себя пришельцам, с ними вмиг свершу расчет,
Ни один из них обратно невредимым не уйдет!»

Та в ответ: «Природы женской не хочу менять ни в чем,
Потому не допущу я, чтоб лилася кровь ручьем.
Войск чужих не истребляя, жениха срази мечом!
Правый суд плоды рождает и на дереве сухом.

Сделай так, мой лев, сильнейший из живущих ныне львов:
Жениха убей, подкравшись. Не прибавь к нему рабов,
Не закалывай несчастных, словно мулов и коров.
Удержи свою десницу, тяжела невинных кровь!

Жениха убей, а после ты царю дерзни сказать:
«Я не дам презренным персам наше царство пожирать.
И ни драхмы не позволю им из Индии отдать.
Покорись, иль в прах твой город я сумею разметать!»

Перед ним не уподобься ты несчастным женихам;
Нежеланием женитьбы большой вес придашь словам,
И с надломленною выею умолять начнет он сам.
Я тогда твоею буду, блеск, дарованный очам!»

Эту речь дослушав, мудрость я нашел в ее словах,
И врагам своим сулил я моего меча размах.
Я поднялся. Хоть склонялась та с улыбкой на устах,
Не дерзнул желанный тополь ощутить в своих руках.

И, промедливши немного, я ушел, огнем объят.
Щедро слезы проливая, предо мною шла Асмат.

Так единой стала радость, боль — сильнее во сто крат.
Я оглядывался часто, не спешил, бредя назад.

Человек пришел и молвил: «Хорезмиец к нам грядет!»
Но не знал жених, что будет роковым его приход.
Этой вестью царь индийский услаждался без забот,
Мне сказал он: «Приходи же, ныне празднествам черед!»

Объявил он: «День сей будет для меня утешным днем.
Свадьбу праздновать мы станем, как достойно, с торжеством;
Мы сокровища для свадьбы отовсюду соберем,
Всё раздарим! Ведь не стану я, владетельный, скупцом!»

Я послал людей повсюду совершить сокровищ сбор.
И жених приехал также, не медлителен, а скор.
Вышли встретить хорезмийцев наша рать и царский двор,
Войск, собравшихся в долине, не вмещал ее простор.

Царь велел: «Шатрами площадь разукрасьте, взяв шелка,
Отдохнет наш гость, прибывший в Индостан издалека.
Пусть пойдут ему навстречу царедворцы и войска,
Ты же встреть его в чертоге, и достаточно пока».

Там на площади поставил я шатров атласных строй.
Зять приехал, день, казалось, был не пятницей страстной.
Выход начался придворный, поразрядный, не простой,
И войска навстречу вышли многостенной пестротой.

Я к закату утомился от обязанности той,
Так меня ко сну клонило, что вернулся я домой.
Раб Асмаг с посланьем новым появился предо мной:
«Пальме стройной непременно надо свидеться с тобой».

Я с коня не слез, поехал, поспешил что было сил,
Всю в слезах Асмаг я встретил, о причине спросил.
Та сказала: «Кто ж, с тобою встреться, щек не оросил?
Обеляемый пред милой, вновь себя ты очернил».

Мы вошли, и сдвинул брови на лице светила гнев,
Мир, как солнце, та царевна озаряла, заалев;
Объявила: «Что же медлишь, бранный день узревший лев?
Лучше скройся, если предал, к тайне нашей охладев!»

Огорчился и воскликнул, быстро выйдя от нея:
«Обнаружится сегодня, кто возжаждал, коль не я!
Девой послан в бой, как будто ослабела длань моя!»
Я домой пришел, убийство в быстрых помыслах тая.

Сто рабов тогда собрал я, и в порядке боевом,
Оседлав коней, за город мы поехали тайком.
Я в шатер вошел: царевич там лежал, объятый сном.
Я убил его без крови, не рубил меча мечом.

Я полотнище палатки острой сталью раздвоил,
Гостя за ноги схватил я, головой о столб хватил.
Плач нежданно пробужденных всю долину огласил.
Я, в кольчугу облаченный, поскакал что было сил.

Доносился крик погони, хорезмийцев дикий вой.

Изрубить пришлось мне многих, устремившихся за мной.
В город собственный, высокой опоясанный стеной,
Я сокрылся, не затронут ни единою стрелой.

Вестовому приказал я: «Все войска собрать на сход:
Каждый, кто помочь захочет, пусть ко мне сюда придет!»
Появлялся неприятель темной ночью у ворот,
Но, узнав меня, спешил он защититься в свой черед.

Встал я в час, когда ночное небо стало розоветь.
Царь устами трех визирей мне изволил повелеть:
«Ты, возвращенный вместо сына, мой воспитанник, ответь,
Для чего мое веселье ты заставил потускнеть?»

Почему невинной кровью запятнал ты царский дом?
Если дочь мою хотел ты, почему молчал о том?
Почему покрыв кормильца несмываемым стыдом,
Почему же не подумал ты о дряхлом и седом?»

Передать ему велел я: «Царь, я тверже, чем гранит!
Оттого огонь смертельный жизнь мою не прекратит.
Должен печься лишь о правде, кто порфирию покрыт,
От меня желанье брака ваша мысль да отстранит!

Знаем, сколько в Индостане и дворцов и тронов есть,
Все повымерли владельцы, вам досталась власть и честь.
И того добра наследник, что пришлось вам приобрести,
Днесь лишь я один по праву на престол могу воссесть.

Отстою права! Клянусь я в этом вашей добротой!
Сыном бог не одарил вас, только дочерью одной;
Если трон отдать чужому, что же будет взято мной?
Меч возьму я, коль на царство сядет в Индии иной!

Вашей дочери не ищу я и не стану женихом.
Здесь хозяин я! Другому не царить в краю моем!
Кто забрать мое захочет, распростится с бытием!
В этом деле не нуждаюсь я в содействии ничьем».

СКАЗ 14

ТАРИЭЛЬ УЗНАЕТ ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Отослав послов, остался я от мук полуживой;
Ничего о ней не зная, убивал себя тоской.
Встал на стену, что воздвигнул я над ширью полевой.
Головы не потерял я, устрашаемый судьбой.

Двое пеших показались, к ним я кинулся бегом;
Раб и женщина предстали, я узнал ее с трудом:
То Асмат, с облитым кровью, изменившимся лицом,
Больше мне не улыбаясь, шла безмолвно за рабом.

Обезумел, растерялся, размышлять едва я мог;
Крикнул издали: «Что с нами? Кто же счастье наше сжег?»
Прерываясь от рыданий, голос горестный изрек:

«Почему на нас, несчастных, небосвод обрушил бог?»

Подошел я, вопрошая: «Что за горе принесла?»
Дева снова зарыдала, снова слезы пролила,
Бед своих десятой доли рассказать мне не могла,
Грудь ее алела кровью, что с ланит ее текла.

Наконец проговорила: «Слушай правду, свет очей!
Как тебя утешу ныне, так меня ты пожалей:
Не давай мне жить на свете! О, внимли мольбе моей,
Коль спасешь меня от жизни, станешь господу милей.

Слух дошел, что хорезмиец умерщвлен твоей рукой;
Царь вскочил, от боли дрогнул, словно раненный стрелой
Громко звал тебя, и стража понеслась к тебе домой;
Но ни с чем пришли те люди, что ходили за тобой.

Доложили: «В доме пусто, видно, он пустился в путь».
Царь сказал: «Не удивляюсь происшедшему ничуть:
Дочь любя мою, дерзнул он поле кровью захлестнуть.
Как увидятся, не могут друг на друга не взглянуть.

Головой клянусь: Давар я уничтожу без суда,
Сети дьявола раскинуть приходившую сюда.
Чем ее околдовали эти твари без стыда?
Коль прощу ее, да буду проклят господом тогда!»

Редко клявшийся, поклялся царь своею головой;
Исполнял всегда немедля он зарок ужасный свой.
Потому служитель некий, услышав о клятве той,
Всё тотчас поведал тетке, достигавшей звезд волшбой.

Так Давар, сестре владыки, молвил этот божий враг:
«Царь главой своей поклялся превратить тебя во прах».
Та сказала: «Я невинна, видит бог на небесах,
И расстанусь я с душою не у брата на глазах».

Как при вашем расставанье, облик розы был пунцов,
Был на ней тобою данный тот сверкающий покров.
И Давар заголосила,— я таких не знала слов:
«Блудодейка, ты нас губишь, но и твой удел суров!

Для чего ты приказала жениха убить, змея?
Чтоб за кровь его безвинно пролилась теперь моя?
За твои проделки брат мой надо мною судия,
Но твоей злодейской страсти помешать сумею я!»

И за косы потащила ненаглядную она,
Беспощадно избивала, став лицом, как ночь, темна.
Дева ей не отвечала, лишь стонала, смятена.
Я была ей бесполезна, страха дикого полна.

Ведьма удержу не знала в озлоблении своем.
Черноликие, как бесы, два раба явились в дом,
Принесли с собой носилки, не сказали ни о чем,
Солнце, взятое под стражу, усадили с торжеством.

Быстро к морю устремились, и пропало пламя дня.
Ведьма взвыла: «Кто камнями не побьет теперь меня?!

Ныне казни я избегну, лишь сама себя казня!»
Закололась и упала, жизнь погибшую кляня.

Диву дайся, что дышу я, не пронзенная копьем!
Поступи как подобает с известившей о таком.
Лев, избавь меня от жизни! Гибель будет мне добром!»
Из очей ее молящих слезы падали дождем.

Я сказал: «За что я должен убивать тебя, сестра?
Госпоже твоей подвластный, я хочу тебе добра.
Ныне в море отправляться за исчезнувшей порой!»
Сердце в горе стало тверже, чем гранитная гора.

В жар и дрожь меня бросало; говорил я сам с собой:
«Умертвив себя, помочь я не сумею дорогой.
Лучше в поисках объехать неоглядный круг земной.
Час настал, и кто захочет, пусть последует за мной!»

На коня я сел, увидел юных сверстников отряд,
Удальцов, со мной возросших, на подбор, сто шестьдесят.
Вслед за мною поскакали, стройно выстроившись в ряд;
С ними к морю я примчался, морем горести объят.

На корабль я сел, желая вдалеке искать вестей,
Не оставил без осмотра проходящих кораблей;
Ничего я не разведал и с ума сходил по ней,
Стал я богу ненавистен, стала боль еще сильнеей.

Целый год не расставался я с пустыней водяной.
И во сне мне не являлся ее видевший земной
Все позымерли, погибли люди, бывшие со мной.
И сказал я: «Не дерзаю спорить с богом и судьбой».

К берегам я возвратился, больше плавать я не мог,
Не внимал ничьим советам, одичал и изнемог.
Растеряв людей, лишь горе нестерпимое сберег.
Вряд ли вынесшего столько человека бросит бог.

Два раба с Ас мат остались от моей прислуги всей;
Вразумлять меня старались, но страдал я всё сильнеей.
Даже равной весу драхмы вести не было о ней,
Плач казался мне отрадой, кровь сочилась из очей.

СКАЗ 15

ПОВЕСТЬ О НУРАДИНЕ-ПРИДОНЕ, КОТОРОГО ТАРИЭЛЬ ВСТРЕТИЛ НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Ночь проездив, я увидел на прибрежий сады,
Близость города являли в скалах выбоин ряды.
Избегать людей старался я под бременем беды,
В чаще отдыха искал я, несший тяжкие труды.

Под деревьями уснул я; те рабы вкушали хлеб;
После встал, теряя силы, обращая сердце в склеп.

Не узнал ни лжи, ни правды, от растерянности слеп.
Слезы землю оросили, натиск горести окреп.

Крик слышался, взглянул я: вижу — витязь молодой,
Разъяренный болью раны, объезжает брег морской:
Сабли рдеющий обломок сжав могучею рукой,
Всё кому-то угрожает и врагов зовет на бой.

Моего коня ты видишь; он сидел тогда на нем;
Словно бурный ветер мчался, оглашал поля кругом.
Я раба послал вдогонку в жажде встречи с удальцом;
Поручил спросить героя: «Кто же дерзок был со львом?»

Моего раба не слушал этот бешеный ездок.
Я на лошадь — и вдогонку, хоть он был уже далек.
Крикнул: «Стой! Я тоже буду ко врагам твоим жесток!»
Он взглянул, остановился; вид мой витязя привлек.

Вопросил творца тот витязь: «Как столь стройный тополь взрос?»
После мне сказал: «Отвечу я теперь на твой вопрос.
Бесколючужный, натерпелся я изменничьих угроз,
Львами стали, кто доселе обращались мною в коз».

Я сказал: «Постой, не сетуй, здесь под сень дерев сойдем;
Не попятится отважный от разящего мечом».
Он пошел со мной охотней, чем любимый сын с отцом,
Я дивился, видя нежность в ратоборце молодом.

Раб мой, лекарем служивший, перевязку сделать мог;
Безболезненно из раны острие стрелы извлек.
И спросил героя: «Кто ты? Кто с тобою был жесток?»
Рассказать он согласился, зазвучал речей поток.

«Кто ты будешь? С чем сравню я твой печальный, гордый вид?
Что тебя, о тополь, сушит, или что тебя казнит?
Что покрыло белизною лепестки твоих ланит?
Бог зачем светильник гасит, что, зажженный им, горит?»

Недалек отсюда город, где на царство я воссел.
Нурадин-Придон мне имя, Мулгазар мне дан в удел.
Там, где вы остановились, царства нашего предел.
Край наш, малый, но богатый, и теперь не оскудел!

Моего отца и дядю разделил когда-то дед.
Остров на море мне в долю предназначен с давних лет,
Но теперь захвачен дядей, чьи сыны творят мне вред:
Больше места для охоты мне, ограбленному, нет.

Нынче вышел на охоту, увидал морскую гладь;
Не хотел с собой на остров я большую свиту брать,
И войскам своим велел я возвращенья ожидать;
А сокольных с собою взял на остров только пять.

Островной косы достигли, берег тронуло весло.
Я своих не остерегся и подумал: что за зло?
Если воины трусливы, безразлично их число.
Хоть кричал я на охоте, к нашим эхо не дошло.

Чада дядины, не помня, что Придон из их семьи,
На отряд мой покусились в безрассудном забытьи
И, меня опережая, обнажив мечи свои,
Чтобы путь мне перерезать, сели в быстрые ладьи.

Увидал я блеск металла, клич военный услышал.
Быстро прыгнув на галеру, громозвучно я вскричал.
В море встала предо мною вражья рать, как бурный вал,
Повалить меня пытались, но пред ними я не пал.

Сзади войско появилось, больше первого втрое,
Отовсюду обступили, но привычен я к войне.
Все приблизиться боялись и стреляли в спину мне.
Меч могучий мой сломался, и колчан иссяк вполне.

На коне я спрыгнул в волны и уплыл, неудержим.
Неприятели, галеру окружив кольцом сплошным,
Всех людей моих убили, я же тщетно был гоним;
Вспять быстрейших обращал я, обращая взоры к ним.

Да грядет судьба, что людям их создателем дана!
Долг отдам я, коль угрозам будет мощь моя равна;
Станет жизнь их днем и ночью одинаково черна,
Воронье на пир покличу — станет прахом их страна».

Взволновал меня тот юный львиной яростью своей.
Я сказал: «К чему поспешность? Ты сдержать себя сумеи!
Я пойду с тобой, те люди не сберут своих костей;
Распадутся в прах, увидя нас, двоих богатырей.

Не сегодня расскажу я повесть мрачную мою;
Если будет время, после ничего не утаю».
Он вскричал: «Ты возвращаешь блеск и радость бытию,
И отныне до кончины жизнь тебе я отдаю».

Мы вошли в его столицу. Город был красив, но мал.
Все войска его встречали, каждый грудь свою терзал,
Обнажал чело и пеплом в знак печали посыпал,
Целовал края одежды и меча его металл.

Я им также поллюбился, полюбившийся ему,
И хвалу мне воздавали: «Солнце, ты рассеешь тьму!»
Шло сверканье отовсюду, взор на что ни подыму:
Всё в парче, богатство было там заметно по всему.

СКАЗ 16 ПОМОЩЬ ТАРИЭЛЯ ПРИДОНУ И ПОБЕДА ИХ НАД ВРАГАМИ

Зажила рука, окреп он для доспехов и коня.
На корабль взошли отряды, снаряжением звеня,
Лицезреть отрядно было храбрецов при свете дня.
Как отметил воитель юный, ты услышишь от меня.

И враги надели шлемы. Доносился шум большой:
Лодок восемь, или больше, появилось предо мной.
Я переднюю повергнул, не ушел никто живой;

Раздробил ее пятою, прекратил их бабий вой.

Я настиг ладью вторую и рукой за борт схватил.
В море вверг ее с бойцами, безрассудных утопил;
Лишь на бегство к побережью остальным хватило сил.
Кто увидел — удивился, похвалил, не осудил.

Мы на твердь сошли. Помчалась вражья конница на нас,
Но для них творец в несчастье обратил сраженья час.
Поражал врагов нещадно Нурадин и в этот раз,
Был, сияющий как солнце, ослепителен для глаз.

И с коней двух братьев скинул острой сабле
Придон. Кисти рук он отрубил им, забирая их в полон,
Вместе пленников связал он, жаждой мести распален.
Смех в войсках его раздался, в стане вражьем — плач и стон.

Отступающие быстро мы рассеяли войска,
Ниспровергли укрепления, простоявшие века;
Нами взятая столица стала грудой песка,
И была добычи тяжесть непомерно велика.

Всех сокровищниц печати в этот день сломал Придон.
Злые родичи героя понесли большой урон,
Был в отмщение их кровью берег моря окроплен.
Бога славили за то, что я столь стройным сотворен.

Мулгазар наполнил шумом наших воинов приход,
И молитвенной хвалою нас приветствовал народ.
Восхищаясь, горожане оказали нам почет,
Говорили: «И доньше с ваших дланей кровь течет».

Звали все царем Придона, а меня — царем царей,
Мне кричали: «Всеми нами, как рабами, ты владей!»
Только я не улыбался среди ликующих людей,
И не ведали те люди грустной повести моей.

СКАЗ 17 ПРИДОН РАССКАЗЫВАЕТ ТАРИЭЛЮ ИСТОРИЮ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Поохотиться однажды мы поехали вдвоем,
На хребет поднялись горный, в море вдавшийся углом.
Говорил Придон: «Однажды проезжая здесь верхом,
Нечто странное узрел я в отдалении морском».

Рассказать его просил я, и поведал мне Придон:
«На охоту я поехал. Конь мой черный закален:
На волнах он — словно утка, в поле — словно сокол он.
Я отсель следил, как ястреб рассекает небосклон.

Часто очи в даль морскую обращал я с этих гор,
Был отмечен точкой малой моря блещущий простор.
Бег ее, едва заметной, удивительно был скор,
Распознать ее старался мой упорствующий взор.

Зверь диковинный иль птица мчится по морю, как бес?
Нет, корабль подъемлет крылья многоскладочных завес.
Широко глаза открыл я, видя чудо из чудес:
В паланкине облик лунный краше всех семи небес.

Два раба на сушу вышли, словно дьяволы черны,
Деву высадили. Вижу: косы чудной толщины
Обрамляют белый облик бесподобной той луны.
Светом взора страны света были все освещены.

Тело радость окрылила, боль и дрожь вложила в грудь,
Розу неба полюбил я, в ней увидел жизни суть.
Вознамерился к светилу в тот же миг направить путь.
Разве даст мой конь умчаться от него кому-нибудь!

Тростников свистящих трепет я прорезал второпях,
Те почуяли чужого и растаяли в очах;
Я достиг волны. В закатных, еле видимых лучах
Уходящая терялась, обратив меня во прах».

Задрожало сердце, сжалось, жгучий выслушав рассказ.
Ослабев, с коня упал я, проклиная мир сто раз.
В кровь ланиты истерзал я, слезы хлынули из глаз.
Я сказал: «Ее ты видел! О, срази меня сейчас!»

И, страданьями моими несказанно поражен,
Заключив меня в объятья, утешал как мог Придон;
Обласкал меня, как сына, и унял немолчный стон,
Снегом слез своих жемчужных угасил мой пламень он.

«Ах, зачем поведал это я, безумием тесним!»
Я сказал: «Не плачь! Слезами мы тоски не истощим.
Мне пылать осталось, был я лучезарною любим.
Всё скажу тебе, раз хочешь быть товарищем моим».

Рассказал я, что содеял злого рока произвол.
Он ответил: «Как безумец, я с тобою речь повел.
Ты, высокий царь индийский, для чего бы ни пришел,
Одному тебе пристали и чертоги, и престол.

Тело пальмы бог возвысит, стан прекрасный укрепит.
Удалит стрелу из сердца, хоть сначала грудь пронзит;
С неба милости нахлынут, гром гремевший отгремит.
Горе в радость обратится, возвратится цвет ланит».

Во дворец, грустя, вернулись двое с горестью одной,
Я сказал: «Ты щит единый, обретенный в мире мной
Бог тебе не уподобил освещаемых луной.
Я твою изведаль дружбу, и не надо мне иной.

Подарило небо друга не имевшему друзей,
Помоги же мне, страдальцу, речью мудрою своей!
Посоветуй, как добиться приближенья встречи с ней!
Если здесь не сыщем средства, вдаль поеду поскорей!»

Он сказал: «Сулил мне счастье царь заоблачных глубин,
И пришел меня утешить ты, индийский властелин!

Знай, иных утех вовеки не захочет Нурадин!
Для служенья предстоящий раб твой верный я один.

Этот город — путь идущих отовсюду кораблей
И прилежный собиратель всевозможных новостей.
Здесь расспросим о лекарстве против немощи твоей.
Если бог того захочет, станет жизнь твоя светлей.

Мореплавателей славных мы повсюду разошлем,
Светозарную пусть сыщут, о которой слезы льем.
Потерпи, уйми пыланье в сердце горестном своем!
Позабыть заставит радость о страдании былом».

И, созвав людей тотчас же, он пришедшим дал завет:
«Корабли вы снарядите, оплывите белый свет,
Лучезарную найдите, чтоб очам вернула свет,
Бедствий тысячу вкусите, а не семь иль восемь бед!»

Он из гаваней окрестных моряков отправил в путь,
Приказал: «Ищите всюду, чтоб разведать что-нибудь!»
Было счастьем ожиданье, и вздохнула легче грудь.
Дни бессолнечных веселий я хотел бы зачеркнуть!

На престол в своих палатах посадил меня Придон
И сказал: «Я ошибался и поднесь не умудрен,
Как почтить того, кто вправе занимать индийский трон?
Величавостью твоею кто не будет покорен?»

Срок истек, и возвратились те искатели вестей,
Но напрасно исходили тьму нехоженных путей,
Ничего не разузнали, не разведали о ней.
Неумный ливень снова заструился из очей.

Я Придону молвил: «Снова испытанье мне дано!
Должно выговорить слово, хоть и горькое оно.
Без тебя и днем и ночью одинаково темно.
Ныне радости лишен я, сердце с горем сращено.

Мне в неведенье тяжелом пребывать не станет сил,
И поэтому прошу я, чтоб меня ты отпустил».
Услышав, Придон заплакал, ливнем поле оросил,
Молвил: «Мир отныне станет мне, царящему, не мил».

Хоть колена преклоняли все войска передо мной,
Но, не внемля их молениям, я простился со страной;
Обнимали и лобзали умолявшие с тоской:
«Оставайся и господствуй! Мы рабы твои, герой!»

Я сказал: «Разлука с вами нелегко дается мне,
Но без милой нет веселья в самой ласковой стране.
Я изменником не стану той украденной луне,
Не поддамся увещаньям, доносящимся извне!»

Был тогда мне конь подарен Нурадином дорогим.
Он сказал: «Ты, солнцеликий, станом с тополем сравним,
Знай, останешься доволен иноходцем вороным;
За горячность и ретивость будет он тобой любим!»

Проводил меня скорбящий, слезный дождь одел холмы.
После долгих поцелуев, застонав, расстались мы,
Все войска рыдали громко, в этой горести прямы.
Как родные, разлучились, обретая бремя тьмы.

И опять искать я начал счастья, взятого в полон,
Все края земли изъездил, обозрел со всех сторон,
Но нигде ее следами взор мой не был озарен.
Уподобился я зверю, тщетной страстью разъярен.

И, размыслив, что напрасно буду в поисках упряма,
Возомнил найти забвенье в приближении к зверям;
С увещаньем обратился я к Асмат и двум рабам:
«Знаю, горя и страданий причинил я много вам.

Но теперь меня оставьте и спасайтесь кто куда,
Позабудьте слезы наши, что струятся, как вода!»
Люди выслушали это и сказали мне тогда:
«Отмени приказ жестокий. Да минует нас беда!

Нам иного господина да не даст вовеки бог.
Да позволит нам всевышний у твоих остаться ног,
Чтобы ты, прекрасный тополь, возвышаясь, взоры влек
Как влагает бессердечье в сердце благостное рок?»

Отослать рабов не смог я, внял молящим их словам,
Обиталища людские опротивели очам;
Где зверей жилища были, останавливался там
Всё покинул, протоптал я путь по долам и горам.

Вот пещерные жилища дэвов мерзостной гурьбы,
Завоеванные мною после яростной борьбы.
Были дэвами убиты в схватке той мои рабы.
Вновь познал я вероломство злого мира и судьбы.

С той поры я здесь уныло увядаю, милый брат,
Убегаю в поле, плачу, забываюсь, тьмой объят.
Об утраченной со мною плачет верная Асмат.
Мне отрадна только гибель, жизни больше я не рад.

В чудном образе тигрицы прозреваю я ее,
Оттого я взял у зверя одеяние свое.
Эта женщина то плачет, то берется за шитье.
Раз пронзить себя не властен, что ж острил я острие?

Ту достойно не прославишь, не родившись мудрецом.
Об исчезнувшей мечтаю, истомясь в краю чужом.
С той поры звероподобен, и, живущий со зверьем,
Кроме гибели у бога не прошу я ни о чем».

Разорвал безумный розу, лепестки кровоточат
И хрустальное обличье раздробил жемчужный град
Автандил рыдает рядом, влажен стрел гишерных ряд.
На коленях умоляет, утешает их Асмат.

Таризель промолвил другу, полюбившему его:
«Я тебе доставил радость, не имея ничего.
Рассказал я, как терзало злого рока торжество,

А теперь иди навстречу блеску солнца своего!»

Автандил сказал: «В разлуке станет жизнь еще страшней:
Если я с тобой расстанусь, хлынут слезы из очей.
Не разгневайся, прекрасный, правду выслушать сумей.
Для возлюбленной ты гибнешь, оттого не легче ей.

Если врач, хоть самый славный, поражен болезнью злой,
То, познав врача другого, он недуг откроет свой,
Все мученья изъясняет, ощущая дрожь и зной.
Знай, советчик наилучший для чужого — лишь чужой.

Слушай! Мудро, не безумно, говорю тебе сейчас:
То, что враз нельзя запомнить, надо выслушать сто раз.
Разве доброе содеет распаленный, разъярясь?
Я теперь хочу увидеть ту, что заревом зажглась.

Поспешу я убедиться в том, что ею я любим,
Доложу ей всё, что слышал, не займусь ничем другим.
Если бога считаешь, увещаньям верь моим!
Заклучим союз навеки, дружбу клятвой утвердим.

Дай мне клятву, что отсюда не уедешь в край иной,
И клянусь, что никогда я не пожертвую тобой!
Возвращусь к тебе, играя жизнью брэнною земной.
Да поможет бог умерить мне жестокий пламень твой!»

Таризель сказал: «Как близок ты чужому бытию!
Жаль тебе меня покинуть, словно розу соловью.
Как же я тебя забуду, тополь, выросший в раю?
Дай мне бог еще возросшей высоту найти твою!

Если снова, тополь стройный, ты вернешься к чужаку,
Сердце в поле не ускачет, словно серна к ручейку.
Если лгу я, гнев небесный на себя да навлеку!
Только лик твой светлый сможет разогнать мою тоску».

Расцветая, обменялись этой клятвою святой
Зори пламенных рубинов, славных слова красотой.
Так друг друга полюбили, опаленные судьбой,
Два товарища прекрасных были вместе ночью той.

В скорбном сердце Автандила лютый пламень не утих;
Рассвело. Поцеловались. Час пришел разлуки их.
Таризель с душой угрюмой грани горестей достиг.
Автандил с челом склоненным исчезал меж трав густых.

Тут Аснат за Автандилом со скалы спустилась вслед,
Увядала, как фиалка, повторяла свой завет,
На коленях умоляла: «Возвращайся к нам, спаспет».
— «Кроме вас кого я вспомню? — прозвучало ей в ответ. —

Возвращусь без промедленья, не забуду к вам дорог;
Лишь бы снова не покинул он угрюмый свой порог
На два месяца уеду, не продлится этот срок,
Если даже растерзает сердце любящее рок».

СКАЗ 18
ВОЗВРАЩЕНИЕ АВТАНДИЛА В АРАВИЮ

Он, оттуда отдаляясь, стал от смерти недалек,
Превратил в скребницу руку, расцарапал розы щек;
Звери кровь его лизали — так он был к себе жесток.
Долгий путь ездою быстрой укорачивал ездок.

Автандил туда приехал, где оставил он войска.
Увидали, распознали, стала радость велика;
Шермадина известили: «Прискакал издалека
Тот, без коего была бы пышность пиршества горька».

Шермадин к нему помчался, приложил уста к руке,
Целовал, и слезы счастья уподобились реке;
Говорил: «Ужель положен вьявь предел моей тоске?
Разве я достоин видеть облик твой невдалеке?»

Господин рабу ответил и лицом к лицу припал
«Небесам хвала, коль счастлив ты, достойный всех похвал!»
Пали ниц пред ним, и лучших, удостоив, он лобзал.
Всюду люди веселились. Ликовал и стар и мал.

Автандил вошел в готовый для его приема дом;
Лицезреть его собрались обитавшие кругом.
Сел он, трапезу возглавил, схожий с пальмовым стволом.

Дня наставшего отрадность не расскажешь языком.

Он поведал Шермадину всё увиденное им,
Как нашел того героя, что, как солнце, несравним;
И ресницы задрожали, подступили слезы к ним.
«Без него дворец — лачуга», — молвил видевшийся с ним.

О делах своих поведал Шермадин ему потом:
«Никому не рассказал я об отбытии твоём».
Целый день он пробыл дома, отдыхая за питьем,
А когда рассвет забрезжил, в путь отправился верхом.

Место пиршества покинул он, желанный для очей.
Шермадин к царю помчался с вестью светлою своей,
Кончил путь десятидневный в продолжение трех дней:
«Переспорившую солнце хочет лев узреть скорей».

Он послал сказать: «Ты, царь наш, горд, возвышен и велик;
Со смирением и страхом молвит рабский мой язык:
Об исчезнувшем не знал я, устыдился и поник,
А теперь могу поведать, ибо в тайное проник».

Восседавшему во славе властелину ратных сил,
Всей Аравии владыке раб усердный доложил:
«Диво-юношу нашедший к вам приехал Автандил»
Молвил царь: «Узнал я ныне то, о чем творца просил!»

Той, не знающей затмения, Шермадин сказал, вошед:
«Пред тобой предстанет ныне с вестью светлою спасет».
Ею, сладостнее солнца излучающего свет,
Был он, с близкими своими, в ткани яркие одет.

На коня воссел властитель, встретить славного спешит;
Вновь возрадовался витязь, чей подобен солнцу вид,
И волнение увлажняет гладь стеклянную ланит.
Царедворцев радость встречи озаряет и пьянит.

Автандил царя встречает и спешит сойти с коня,
Ростеван его лобзает, за провинность не вина.
Во дворец они въезжают, вид сияющий храня,
Радость всех обуревают, повстречавших солнце дня.

Перед солнцем солнц склонился юный воин, лев из львов,
Тут хрусталь, гишер и розу разукрасила любовь.
Тем, чей блеск светлее света, не пристал домашний кров,
Надлежало бы воздвигнуть им дворец из облаков.

Все на празднество собрались, полилось вино рекой,
По-отцовски Ростеваном юный встречен был герой.
Снова розы засверкали, окропленные росой.
Царь для собранных рассыпал перлы щедрою рукой.

Кончен пир, уходят гости, опьяненные вином;
Лишь визири остаются с Автандилом и царем.
Рассказал спаспет о трудном испытании своем
И о странном незнакомце стал рассказывать потом:

«Не дивитесь, что о нем я буду тягостно вздыхать;
Лишь краса светил небесных красоте его под стать.
Он в безумие ввергает всех дерзающих взирать.
Увядавшую розу терний злых терзает рать».

Кто несчастье в мире стерпит? Он лишен терпенья сам.
Стал хрусталь с шафраном сходен, а тростник сродни шипам
Автандил о друге вспомнил, волю дал своим слезам,
Здесь рассказывая повесть, им услышанную там.

«Витязь, взятую у дэвов, обратил пещеру в дом,
И его луны служанка там находится при нем.
Сделав платьем шкуру тигра, не нуждается в ином
И теперь не видит мира, пожираемый огнем».

Досказал внимавшим чутко он рассказ печальный свой
Про не знающего равных, ослеплявшего красой.
Увлеченные рассказом отмечали похвалой:
«Славы большей не бывало! Из героев ты герой!»

Повесть выслушав, отраду ощутила Тинатин,
Проходил сей день отрадней в быстрой смене яств и вин.
С Автандилом возле спальни повстречался раб один,
Доложил: «С тобою встречи лучезарней чаёт крин!»

И, к любимой поспешая, юный воин засиял,
Лев могучий, что со львами злые дали разделял.
Был жемчужиною мира нежно радующий лал,
Но для сердца он на сердце всё же сердце променял.

Словно солнце на престоле возвышалась Тинатин,
Орошенная Евфратом пальма пламенных равнин.
Был гишером изукрашен бело-розовый рубин.

Смолкну. Пусть ее прославят все философы Афин!

Та, прекрасная, спасета посадила пред собой;
Озарялись два светила нежной радостью одной.
Их беседа веселила. Дева молвила: «Открой,
Сколько горя перенес ты в долгих поисках, герой!»

Молвил: «Если исполняет мир мечтаемое, верь,
Вспоминать уже не должно прежних болей и потерь.
Отыскал я тополь стройный, мне в Эдем открылась дверь;
Он лицом подобен розе, цвет теряющей теперь.

Угнетенный статный тополь, он вздыхает тяжело
И твердит: «Хрусталь утрачен, остается мне стекло.
Нас, двоих скитальцев, пламя равносильное сожгло».
Рассказал, с безумцем бедным в жизни что произошло.

Все страданья трудных странствий перечислил перед ней.
Как желанного достигнул — говорил еще грустней.
Тяготит того, как зверя, приближение людей;
Скорбный, с тиграми блуждает вдоль безрадостных полей.

Нет хвалы, его достойной; он сиянием одет;
Для людей, его узревших, больше нравящихся — нет.
Юный облик мучит взоры, словно солнца жгучий свет.
Гаснет роза, и ланиты обрели фиалки цвет.

Всё, что слышал, знал и видел, рассказал он дорогой:
«Как в берлоге тигр, в пещере поселился тот герой,
С ним служанка пребывает, умаляет пламень злой.
Ах, на муки обрекает всех живущих мир земной!»

Повесть чудную услышав, успокоилась она;
Просветленный лик явила восходящая луна
И сказала: «Что на это я ответственность должна?
Чем же тягостная рана может быть исцелена?»

Он ответил: «Двоедушный в ком доверие найдет?
В день условленный приеду я к достойному забот;
Я тобой ему поклялся, солнце, полное щедрот.
В ожиданье он сожженью ныне сердце предаст.

Друг пусть другу верно служит, не шадя себя ни в чем;
Должно сердцу быть для сердца и дорогой и мостом;
От влюбленного влюбленный проникается огнем.
Все отрады безотрадны мне, грустящему о нем!»

Солнце молвило: «Свершилось, внял господь моей мольбе:
Ты с победою вернулся и любезен стал судьбе.
Насаждаемое мною чувство выросло в тебе,
И мое окрепло сердце, ослабевшее в борьбе.

С человеком, как погода, поступает мир земной:
То обрадует лучами, то обрушится грозой.
Горе в радость обратилось, луч блеснул передо мной.
Если в мире есть отрада, для чего дружить с тоской?

Вижу: данная тобою клятва истинно крепка.

Другу предан ты на деле, и разлука с ним горька,
Отыскать лекарство надо, хоть задача нелегка;
Но уедешь ты, и солнце облачится в облака».

«Горе с близостью твоею возросло,— сказал спасет, —
Чтоб замерзшему согреться, дуть на воду толку нет.
Кто свои целует вздохи, истомясь, теряет цвет.
Если я с тобой — беда мне, без тебя — не счислю бед.

Горе мне, коль буду брошен на сожжение в простор.
Ныне целью стало сердце, стрелы бьют его в упор,
Потому две трети блеска потерял цветок с тех пор.
Больше скрыть нельзя страданий, распознает правду взор.

Внял я сладостным реченьям; этот мир теперь не лих,
Знаю я, с шипами роза, но зачем встречать лишь их?
Будь мне светом неущербным, чтоб огонь во мне утих,
Дай мне что-нибудь на память, ради всех надежд моих!»

Витязь юный, сладкогласный, средоточие красот,
С лучезарною царевной речь почтительно ведет.
Дева жемчуг подарила совершившему поход.
Этой радости создатель полноту да ниспошлет!

Сладко витязю гишером оевать рубинов гладь
Или тополь возле пальмы посадить и поливать,
Налагать лучи на зрящих, на незрящих — тьмы печать.
Разлученному с любимой остается горевать.

Созерцание друг друга наслажденьем было им.
Автандил простился, вышел, вновь отчаяньем казним;
Солнце плачет, слезы льются, хлещут ливнем кровавым,
Стонет: «Кровь мою вкушая, этот мир неумолим!»

В грудь себя ударил витязь, лег синяк близ синяка.
В сердце любящее входит нестерпимая тоска;
Солнце землю затемняет, заходя за облака.
Омрачающая душу с ней разлука нелегка.

Кровь и слезы бороздили белизну его ланит.
Молвил: «Бывшее защитой солнце больше мне не щит,
Как ресницы те пронзили сердца гордого гранит?!
До свидания с любимой мир для радостей закрыт.

Был вчера в эдеме тополь насажден и орошен,
А теперь кинжалом острым я безжалостно пронзен.
Истязаемое сердце взято пламенем в полон.
Нее дела земного мира лишь бессвязный, лживый сон».

С причитаньями такими молодой скакал храбрец;
Стан красивый изгибался, стал шафрановым багрец.
Расставаньем омрачилось озаренье двух сердец.
Облекается лишь в саван жизнь мирская под конец.

Он вошел в опочивальню, лег, печалью опален;
Только мыслью неотступной он с возлюбленной сращен.
Как под снегом луг зеленый, цвет лица теряет он, —

Увядает куст цветущий, с ликом солнца разлучен.

Ненасытное людское сердце проклято судьбой,
В жажде ласки все терзанья выносящее порой.
Сердце, удержу не зная, страсти отдано слепой,
И над ним ни смерть не властна, ни сильнейший царь земной.

Те сердечные от сердца сердцу высказав слова,
Снял с руки подарок солнца витязь, видящий едва;
Перлы белые, как зубы дорогого существа,
Приложил к устам, и слезы обагрили очи льва.

На заре приказ прислали: «К нам немедленно скачи!»
Не сомкнув очей, помчался расстилающий лучи.
Толпы шли его увидеть, суматошно-горячи.
Царь собрался на охоту. Затрубили трубачи.

На коня воссел владыка, гулко дрогнула земля.
Затрещали барабаны, оглушая, веселя,
Солнце соколы сокрыли, псы наполнили поля.
Орошали землю кровью, славу поровну деля.

Все натешились охотой и вернулись во дворец;
Всех вельмож ввели с войсками, всякий принят был стрелец.
В зале, к пиршеству готовой, сел в веселье царь-отец.
Отзывался чанг чагану, затмевал певца певец.

Спасалара сын за чарой разговаривал с царем,
И уста казались лалом, зубы — молнии огнем;
Рядом правящие были, дальше — воинство кругом;

Все далекого героя вспоминали за питьем.

Он пришел с тяжелым сердцем, слезы по полю текли.
Перед взором ходит солнце, мирно спящее вдали.
Он то встанет, то приляжет, сон виденья унесли.
Чьи сердца внимали просьбам и терпенью обрели?

Лежа в спальне, стонет: «Сердцу нет надежды в мире зла,
В отдалении отцвел я, ты в эдеме расцвела;
Очи видящих сияют, а незрящих мучит мгла.
Наяву не удостоишь, хоть во сне бы ты пришла!»

Причитал прекрасный витязь, чья тревога глубока:
«Да протянется терпенье, словно мудрости река
От несдержанного сердца да отвяжется тоска,
День узревший должен видеть и ночные облака!

Не спеши распасться, сердце, обрати себя в алмаз!
Жить, служа своей любимой, благороднее в сто раз.
Пусть твои страданья станут незаметными для глаз.
Ведь любви не подобает выставляться напоказ».

СКАЗ 19 ПРОСЬБА АВТАНДИЛА, К ЦАРЮ ОБРАЩЕННАЯ, И РАЗГОВОР С ВИЗИРЕМ

Рассвело, и, снаряженный, вышел рано Автандил;

Возгласил: «Помилуй, боже, скрыть мученья дай мне сил!»
О терпении он сердце своенравное просил,
А потом поехал к дому, где советник царский жил.

Рек визирь: «Сегодня солнце гостем сделалось моим!
Светлый знак добро вещает, значит небом я любим».
Он уважил Автандила восхвалением большим.
Гостю должно быть желанным, а хозяину благим.

С обхождением благородным тот советник был знаком;
И легла под ноги гостю ткань хатайская ковром.
Как светило землю, витязь осветил собою дом.
И рекли: «Дыханье розы, ветром данное, вдохнем!»

Сел. Сердца затрепетали, восхищенья не тая;
Видя блеск, с ума сходили, доходя до забытья;
Удивлялись и вздыхали, слезы радости лия.
Но уйти им повелели; удалилась вся семья.

Обратил к визирю витязь речь сердечную свою:
«Царских тайн хранитель, ходишь ты по царскому жилью.
Царь, какую пожелаешь, просьбу выполнит твою.
Что лечимо, залечи мне! Ран сердечных не таю.

Я того героя горем бурнопламенным палим,
Без него я погибаю; мой прекрасный побратим,
Он во мне души не чаял, и в долгу я перед ним.
Независтливый и щедрый, друг да будет дорогим!

Расстилаясь в сердце сетью, жажда встречи возросла.
Там остался друг любимый, чья наружность столь светла,
Что смотрящего греет силой света и тепла;
И Асмат себя сestroю Автандила нарекла.

Уезжая, дал я клятву перед небом и землей:
«Я приеду и увижу непоблекший облик твой;
Для тебя ищу я света, друг, окутавшийся тьмой».
Час отъезда наступает, предо мною — путь прямой.

Только правду изрекаю, не хвалюсь я, видит бог!
Там он ждет, а я не еду, словно другом пренебрег.
Знай, горящего, горящий, не предам огню тревог!
Где же клятвы нарушитель торжества достигнуть мог?

Доложи ты Ростевану, во дворец пойди к нему;
Головой его клянусь я, голос к небу подниму!
Коль не свяжет — я отправлюсь, свяжет — буду ни к чему.
Помоги мне, чтобы сердце не низвергнулось во тьму!

Доложи: «Тебя прославит всякий, кто правдив и строг!
Не страшусь я, пусть покажет сам источник света — бог!
Но меня тот витязь юный, тот прекрасный тополь сжег,
Навсегда красую сердце пораженное привлек.

Без него я жить не в силах, слово горестное взвесь!
У него оставив сердце, вновь к нему стремлюсь я весь.
Коль помочь ему сумею — ты прославлен будешь здесь,

Не нарушится присяга, повторяемая днесь.

Пусть же вас не опечалит мой негаданный уход,
Пусть я, путник, испытаю, что создатель мне пошлет,
Пусть господь мне даст победу, вам же вашего вернет;
Вы господствуйте во славе и не ведайте забот!»

Вновь сказал подобный солнцу: «Ты явись его очам
До прихода приближенных, доложи, припав к стопам;
Отпуск вымоли спасету, не щади себя ты сам.
Золотых за то в награду я тебе сто тысяч дам».

Отвечал визирь со смехом: «Придержи свое, спаспет;
И того с меня довольно, что навел меня на след,
Лишь услышит царь об этом, озарит визиря свет:
Наградит меня по-царски, а добро стяжать — не вред.

Им клянусь, меня убьет он, в тот же миг, на месте том;
Ты останешься со златом, я же стану мертвецом.
Хоть убей, а лучше жизни ничего мы не найдем.
Нет, такого не скажу я, хоть пронзи меня мечом!

Не пойду к нему напрасно жизнью жертвовать своей.
Царь накинется и крикнет: «Отчего же ты, злодей,
Не сказал ему о дерзкой пустоте его затей?!»
Жить приятней, чем погибнуть, — это мне всего ясней.

Если царь отпустит — рати не обманешь ты, спаспет,
И зачем же отпускать им расстилающего свет?
Ты уйдешь, а нас потопчет враг, в Аравию вошед.
Как орлом не станет голубь, так тебе исхода нет».

Молвит юноша сквозь слезы: «Поражу себя ножом!
О визирь, ты, очевидно, с чувством дружбы незнаком!
Или ты нигде не видел клятвой связанных вдвоем?
Если видел, как сулишь мне свет в разлуке с белым днем?!

Солнце чудное очнулось; думал, вряд ли оживет;
Если мы ему поможем — нам лучи оно пошлет.
Кто ж верней меня изведал, в чем несчастье, в чем исход!
Разговор с людьми дурными только горе принесет.

Чем служу царю и войску я, терзаясь всё сильней,
Ливни слез неистощимых источая из очей?
Лучше я поеду; клятва — испытание друзей.
Он изведал все страданья, убивавшие людей.

Как стерпеть сумело сердце свой немолчный плач и стон?
Будешь, будучи железным, легче воска размягчен;
Не воздашь ему за слезы, хоть из глаз излей Джеон.
Помоги мне, и не будешь мною помощи лишен.

Не отпустит — не останусь, тайно сяду на коня,
За того безумца кинусь в средоточие огня.
Знаю, царь тебя не будет обижать из-за меня.
Отправляйся ради дружбы, в сердце мужество храня!»

Рек визирь: «Меня затронул неумемный пламень твой;

Для тебя я постараюсь, хоть бы рухнул мир земной!
Иногда полезно слово, но и пагубно порой.
Чтоб тебе прибавить жизни, я пожертвую собой».

Ко двору визирь тотчас же устремился напрямик.
Царь сидел уже одетый, и сиял владыки лик.
Опечалить не решаясь, придержал визирь язык,
Как сказать ему, не ведал и в смятении поник.

Царь, его безмолвным видя, соизволил спросить:
«Что же так тебя смутило и заставило грустить?»
Отвечал визирь: «Не знаю, что и как вам доложить...
Вы глашатая такого в праве будете убить».

Властелин, моей заботой трепет сердца побежден.
Я страшусь, хотя не должен быть посланец утрашен.
Автандил уйти желает, он тоской отягощен,
Жизнь в разлуке с тем скитальцем ни во что не ставит он».

Убеждал царя он речью осторожною такой:
«Передать я вам не в силах, как болеет он душой,
Как терзается и плачет столь прославленный герой!
Вправе будете вы гневом разразиться надо мной».

Царь, услышав это, сразу стал запальчив и сердит,
Содрогаясь и бледнея, он свирепый принял вид,
Закричал: «Лишь сумасшедший так со мной заговорит!
Раньше всех узнать дурное человек дурной спешит».

Поспешил ты, словно радость, принеси печаль сюда.
Лишь убийца тайный больше смог бы сделать мне вреда.
Как язык твой повернулся? Слуг таких иметь — беда!
Ты визирем быть не можешь, не годишься никуда!

Разве раб робеть не должен пред лицом своих господ?
Разве должно пустословью предаваться без забот?!
Пусть оглохну, не услышу, как болтает сумасброд!
Коль убью тебя, безумца, на меня же кровь падет!

Если б ты не Автандилом был сейчас подослан к нам,
То пришлось бы распрощаться с головой твоим плечам.
Прочь, безумец, вон отсюда! Что за дерзость, что за срам!
Полюбуйтесь человеком, чьи слова равны делам!»

Стул схватил Ростен и в стену бросил, вдребезги разбил,
Промахнулся, злобно глянул и во гневе возопил:
«Как дерзнул мне доложить ты, что уедет Автандил?»
Задрожал визирь, слезами щеки бледные облил.

Произнести не в силах слова, ощущая страх и стыд,
Как лисица прошмыгнул он, пожелтевший от обид.
Вышел в страхе царедворец. Так беду язык творит.
Больше, чем врагу противник, человек себе вредит.

Он подумал: «Наказует за грехи меня благой.
Ах, зачем я так зазнался, стал заносчивым слугой!
Коль войдет к нему кто-либо снова с дерзостью такой,

Пусть его постигнет то же и утратит он покой!»

Так домой визирь вернулся, проклиная свой удел.
«Как тебя благодарить мне, — он спасету прохрипел, —
Что сегодня ради дружбы я успех такой имел?
Жизнь и счастье потерял я, положил всему предел».

Как шутить еще он может, словно горем не убит?
Он сквозь слезы Автандилу о подарке говорит:
«Тот хадатая обидит, кто его не одарит,
Ибо сказано: „Пред взяткой даже ад не устоит”.

Как меня бранил, владыка — передать не станет сил:
Он меня и злым, и глупым, и безумным объявил.
Обесчещен я навеки. Всё погибло, Автандил
Одному лишь удивляюсь, как меня он не убил!

Хорошо я знал, что делал, и, представ перед царем,
Я предвидел, что беседа не окончится добром.
Кто спасется, если роком он к гибели влеком?
За тебя я рад погибнуть, мне мученье нипочем!»

«Не могу я не уехать, — отвечал ему спаспет, —
Соловью не надо жизни, коль увянет розы цвет;
Чтоб найти ей каплю влаги, он обыщет целый свет;
Чем же сердце он излечит, коль нигде лекарства нет?

Без него мне жизнь постыла, силы нет ее терпеть;
Предпочту, в лесах скитаясь, одичать и озвереть.
Здесь, как воин заболевший, чем полезен буду впредь?
Без друзей остаться лучше, чем унылого иметь.

Иновь скажу царю, какая б ни грозила мне беда,
Что за огонь меня снедает, пусть рассудит он тогда.
Если снова не отпустит, тайно выеду туда,
Иль моя, со мною вместе, знай, закатится звезда».

Царедворец тот устроил в честь спаспета пир горой
И поднес ему подарки, поражавшие красой;
Свиту гостя одарил он также с щедростью большой.
На закате распрощались, гость отправился домой.

Дома тысячу червонных солнцеликий отсчитал,
Триста штук атласа — щедрость, всех достойная похвал, —
Шестьдесят камней бесценных, чей оттенок нежно-ал,
И в подарок царедворцу с человеком отослал.

Повелел сказать визирю: «Да прославится твой дом!
Что найду в отплату? Стал я неоплатным должником.
Если жить дано — останусь вечно я твоим рабом,
Чтоб любовь моя с твоею поравнялася потом».

Доброту его большую восхваляю многократ;
Поступал всегда достойно он, достойный всех наград
Пусть нуждающимся братьям так всегда благодворят, —
Ведь в нужде бывает нужен человеку друг и брат!

БЕСЕДА АВТАНДИЛА С ШЕРМАДИНОМ ПЕРЕД ТАЙНЫМ ОТЪЕЗДОМ

Шермадину светозарный Автандил вещает весть:
«Наступает день счастливый, чтобы радостям расцвести.
А тебе дает он случай заслужить на службе честь».
Чтобы повесть их прославить, надлежит ее прочесть.

«Царь и слушать не желает про желанный мне уход, —
Очевидно, он не знает, кто, зачем и кем живет.
Мне без друга жизнь и дома, и вдали — тягчайший гнет.
Никому на злое дело бог согласья не дает.

Я зарока не нарушу — слышит речь мою творец;
Обещанье забывая, забывает бога лжец.
С ним в разлуке стало сердце самым скорбным из сердец,
Все утехи оттолкнуло и измучилось вконец.

Есть три рода доказательств, чтобы дружбу доказать:
Горькой мучаясь разлукой, вечной близости желать,
Щедро всё без сожаленья дорогому отдавать,
Угождать ему и счастья для него везде искать.

Но не буду многословен, день сегодня не такой,
Мне одно лишь остается — мчаться тайною стезей;
Перед скорым расставаньем обещаю, служитель мой,
Свято выполнить в разлуке завещаемое мной!

Ты слугою царским станешь по отбытии моем.
Прояви своих достоинств высоту перед царем.
Предводительствуй войсками, охраняй добро и дом,
Будь и впредь таким усердным и рачительным рабом!

Охраняй границы наши, укрепись, не оскудей,
Не скупись для слуг усердных, а неверных не жалеи.
Возвратясь, тебя за службу награжу я всех щедрей.
Власть имущему полезных как не жаловать людей?»

Шермадин, рыдая горько, отвечал ему с тоской:
«Не боюсь один остаться, господин пресветлый мой,
Но когда тебя не будет — облачится сердце тьмой...
Послужу тебе, чем хочешь, коль возьмешь меня с собой!

Кто слышал, чтоб одинокий совершал подобный путь,
Чтоб от горя господина раб стремился ускользнуть?
Будет подлостью скитальца издалека помянуть».
Автандил сказал: «Слезами не смягчишь меня ничуть.

Я в тебе не сомневаюсь, не боишься ты забот,
Но твои стремленья тщетны — жизнь по-своему идет.
Мой дворец кому доверить, если ты уйдешь в поход?
Нет! Велю тебе остаться близ властительных господ.

Я, любовью распаленный, к одиночеству влеком.
Разве можно быть на людях слезы льющему ручьем?
Думать некогда о смерти сердцу в бегстве роковом.
Так-то создан мир мгновенный, наконец уверься в том.

По отъезде, как и прежде, продолжай меня любить.
Сам себе приду на помощь — враг не сможет утратить.
Даже в бедствиях отвагу муж обязан сохранить,
Он и постыдном положении никогда не должен быть.

Жизни сей ценою равен перезрелый огурец.
Ради друга я с весельем встречу дней своих конец.
Как, отпущенный светилом, здесь останется беглец?
И кого же не покинет, кто покинул свой дворец?

Я тебе для Ростевана завещанье передам,
Да хранит тебя властитель, навсегда любезный нам!
Коль погибну, не теряйся — это на руку врагам,
Но оплачь меня, как должно плакать преданным сердцам!»

СКАЗ 21 ЗАВЕТ, ОСТАВЛЕННЫЙ РОСТЕВАНУ АВТАНДИЛОМ ПЕРЕД СВОИМ ТАЙНЫМ ОТЪЕЗДОМ

«Ныне сел я, полный скорби, начертать тебе завет,
Снова к солнцу устремляюсь, расточающему свет
Если с пламенным не встречу — для меня спасенья нет.
Ты пошли благословенье и прощание вослед!

Знаю, после не осудишь, хоть поступок мой неждан.
Разве мудрым будет брошен друг в огне сердечных ран?
То, что сказано Платоном, не забудь, о Ростеван:
«Вслед за телом губят душу двоедушье и обман».

Коль во лжи лежит начало всех несчастий и утрат,
Как могу в беде покинуть друга, лучшего, чем брат?
Надругательство над дружбой — это с мудростью разлад
Ведь с божественным порядком нас науки единят.

Царь, апостолов читал ты, о любви они твердят,
Прославляют, объясняют, сердцу знание дарят.
«Нас любовь возносит!» — миру неспроста они гласят.
Ты не веришь, как же неуч этой правде будет рад?

Кто создал меня, тот волен в битве дать мне торжество;
От его незримой силы всё земное не мертво.
Он, бессмертный, властен мощью помышленья своего
Одному дать силу сотни, сотне — слабость одного.

То, что богу не желанно, не исполнится вовек.
Коль цветок не видит солнца, то наряд его поблек.
Льнут к чудесному все очи и сомкнуть не могут век.
Без него и я не в силах до конца дожить свой век.

Не сердись, что повеленью твоему я изменил:
Мне, как пленному, в томленья пребывать не стало сил.
Кроме бегства, я, палимый, чем бы пламя погасил?
Где бы ни был я, мне воля и простор открытый мил.

Слезы горю не помогут, понапрасну их не лей,
Предрешенное не сходит с предначертанных путей.
Не ропща встречать нам должно все невзгоды жизни сей,

Из телесных кто способен избежать судьбы своей?

Да приидет все, что вышний начертает надо мной,
И вернусь, приемля в сердце, вместо горести, покой.
Пусть, пирующих, найду вас в блеске славы боевой,
Мне ж, коль другу буду в помощь, славы надо ли иной?

Пусть беда меня настигнет, коль достоин я суда.
Царь, ужель на ясный лоб твой ляжет гнева борозда?
Если друга я забуду, то под бременем стыда
Как лицом к лицу в надмирном мире встречу с ним тогда?

Дума долгая о друге сердцу зла не принесет.
Проклинаю пламя лести, сокрывающее лед.
Как державному герою друг единственный солжет?
Кто презренной ратоборца, опоздавшего в поход?

Кто презренной ратоборца, приходящего на брань
И дрожащего от страха, видя близкой смерти длань?!
Человек трусливый сходен со старухой, ткущей тканьь.
Всех стяжателей богаче, кто стяжает славы дань.

Нет дороги, что для смерти показалась бы узка,
Слабых с мощными равняет и разит ее рука,
Зарывает прах младенца вместе с прахом старика.
Жизнь покрытого позором горше смерти смельчака.

А теперь, о царь, подходит слова трудного черед.
Слаб, кто каждое мгновенье той безжалостной не ждет,
Что, сливая ночь и полдень, в каждый дом находит вход.
Помяни меня, державный, если жизнь моя уйдет!

Если буду я погублен беспощадною судьбой,
Ели в странствии безвестном припаду к земле сырой,
Путник, в саван не одетый, не оплаканный родней, —
Пожалей меня, властитель, всепрощающе-благой!

Раздари мои богатства, пусть сойдутся все на зов:
Сделай бедных богачами, отпусти моих рабов,
Обеспечь несчастных сирот, нищих, немощных и вдов.
Будет каждый одаренный помянуть меня готов.

Из того, в чем для владыки не окажется нужды,
Часть отдай на богадельни, часть на новые мосты.
Пусть наполненные станут все хранилища пусты.
Кто мое потушит пламя, если в том откажешь ты?

От меня уже известий не получишь ты потом,
Я тебе вверяю душу завещательным письмом.
Никому не будет прока в сделке с дьяволом-лжецом.
Дай прощенье, ибо тяжба невозможна с мертвецом.

Будь не строг с моим подручным, Шермадином дорогим;
Этот год он долгим рядом бедствий яростных язвим;
Успокой своею лаской столь привычного к моим,
Чтобы слез кровавых токи не струил, тоской палим.

Вот рукой моей подписан этот горестный завет;
Я бегу с безумным сердцем вожделенному вослед.
О цари! Не облакайтесь мглой моих докучных бед

И на страх врагам царите без печали много лет»,
Дописал и к Шермадину обратился он потом:
«Отнеси к владыке это и поведай обо всем.
Ты в усердии великом несравненным был рабом».
Он, обняв слугу, излился слез кровавым родником.

СКАЗ 22

МОЛИТВА АВТАНДИЛА ПЕРЕД ТАЙНЫМ ОТЪЕЗДОМ

Он молитву произносит: «Боже неба и земли,
Приближающий утехи, настигающий вдали,
Всех властителей властитель, истомленному внемли!
Ты, царящий над страстями, силу сердцу ниспошли!

Роком грозным разлученный с блеском солнечных лучей,
Я молю тебя, владыка неба, суши и морей,
Для любви любовь создавший и законы давший ей,
Не давай любви угаснуть у возлюбленной моей!

Мой единый покровитель, вездесущий, всеблагой,
Защити меня в дороге, огради своей рукой
От врагов, от ураганов и от нечисти ночной!
Если выживу, то жертвы принесу тебе с хвалой».

Сел на лошадь, помолившись, тайно выехал он в путь
Отпустил я Шермадина; горя вновь пришлось хлебнуть.
Слезы льет слуга усердный, бьет себя нещадно в грудь, —
Как, не видя господина, сможет раб легко вздохнуть?

СКАЗ 23

ЦАРЬ РОСТЕВАН УЗНАЕТ О БЕГСТВЕ АВТАНДИЛА

Я начну иную повесть, поспешу за беглецом.
В день тот не было приема: во дворце своем пустом
Изрыгал, казалось, пламя царь, снедаемый огнем.
Привели визиря; в страхе он трепещет пред царем.

Устрашенного увидев, царь тотчас же объявил:
«Всё сегодня позабыл я, что вчера наговорил;
Я в сердцах не удержался: так меня ты рассердил,
Что усердного визиря бессердечно я бранил.

Что хотел он? И о чем ты приходил здесь умолять?
Ведь известно, огорченье — огорчений многих мать.
Знай, оплошности подобной ты не должен повторять.
Мне подробно о вчерашнем расскажи теперь опять».

И визирь доклад вчерашний повторил перед царем.
Властный, выслушав, спаспету передать велел потом:
«Будь я Левиим-евреем, если ты богат умом!
От тебя я отрекаюсь, коль напомним вновь о том!»

Не нашел нигде спаспета тот, покинувший царя,
Но когда пришли, о бегстве со слезами говоря,
Молвил: «Как явлюсь к владыке, от вчерашнего горя?»

Пусть докладывает смелый; я осмеливался зря». Царь визиря не дождался и послал за ним тогда. Раб, узнав дурные вести, разомкнуть не мог уста. Над смятанным Ростеваном всё сгущалась темнота, Молвил он: «Бежал, наверно, выходящий против ста!»

Он задумался и, горем угнетаемый, поник; Оглушил слугу владыки негодующего крик: «Приведи лжеца, и снова пусть развяжет он язык!» Возвратясь к царю, советник был смущен и бледнолик.

Во дворец визирь явился с опечаленным лицом. Царь спросил: «Исчезло снова солнце в сумраке ночном?» Рассказал визирь подробно, как ушел герой тайком: «Озарявшийся лучами день окончился дождем».

Своды криком оглашает старец в горести своей, Рвет он бороду в порыве, удивляющем людей: «0 питомец, ты навеки от моих ушел очей! Ах, куда ты закатился, золотой венец лучей?

Ты не будешь одиноким, находясь с самим собой, А Ростену лишь недуги будут посланы судьбой; И кому я буду нужен с искаженной душой, Полный мук неизъяснимых, в беспросветности ночной!

Не увижу, как с охоты мчишься весело домой; Наигравшись, тополь стройный, не предстанешь предо мной, Здесь не будет раздаваться сладкозвучный голос твой. Без тебя престол не нужен и господство над страной!

Не умрешь ты, ускакавший в чужедальние края, Знаю я, тебя прокормят стрел твоих же острия, Но ужель неисцеленной боль останется моя? Коль умру с тобой в разлуке, кем оплакан буду я?»

Весть разносится повсюду, ко дворцу спешит народ, Царедворцы в исступленье не щадят своих бород. Лица яростно терзают, по ланитам кровь течет, Говорят: «Светило скрылось, тяжек сумрака приход!

Царь, вельмож своих увидев, зарыдал, тоской палим, И промолвил: «Солнце стало для Аравии скупым; Чем его мы огорчили? Для чего ушло к другим? Кто сберечь сумеет войско, здесь оставленное им?»

Все оплакивали долго солнцеликого уход; Царь спросил: «Один уехал иль подвластных взял в поход?» Вот робеющий, смущенный Шермадин к нему идет И, рыдая, завещанье Автандила отдает.

Говорит: «Нашел я это, заглянув в его альков; Ныне все осиротевший мы оплакиваем кров. Он сокрылся потаенно и не взяв проводников. Осудить меня вы в праве, ныне к смерти я готов!»

Завещанье прочитали, зарыдали вновь. Потом Всем войскам одеться в траур было ведено царем:

«Ныне сироты и вдовы пусть помолятся о нем,
Чтобы странника всевышний вел счастливейшим путем»

СКАЗ 24

ВТОРИЧНЫЙ ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА И СВИДАНИЕ ЕГО С ТАРИЭЛЕМ

Уходя от солнца, ярче разгорается луна,
Солнце жжет ее, приблизясь, уплывает вдаль она,
Но без света роза вянет, жаркой ласки лишена, —
Так с возлюбленной разлука будит горести от сна.

Я начну рассказ о бегстве, за скитальцем проследим.
Едет он и горько плачет, злой разлукою казним,
Озираясь, молит солнце беззакатно быть над ним,
Оторвать не может взора, предается мукам злым.

Так в беспамятстве не мог он языком пошевелить,
Из очей волнами Тигра слезы падали на грудь,
Обращался вспять порою, чтобы сердце обмануть,
А когда вперед стремился, был слезами заслан путь.

Молвил: «Проклят, кто спокоен, потеряв красу лучей!
Пусть и сердце к ней вернется, раз остался разум с ней.
Взор со взором жаждет слиться, слезы льются из очей,
Лучше любящим отдаться огневой любви своей!

Чем утешиться смогу я? Без единственной как быть?
В жажде смерти не прерву я этой жизни жалкой нить,
Ибо смерть моя могла бы облик солнца омрачить.
Лучше с жизнью помириться, боль слезами облегчить».

Солнце, образ светлой ночи! Ведь в тебе отобразен
Тот один, единосущный и стоящий вне времен,
Чей и сонмы звезд смиряет неизменчивый закон!
От меня твой лик прекрасный да не будет отвращен!

Ты, кого за образ божий встарь философы сочли,
Мне, закованному в цепи, милосердье ниспошли!
Я при поисках рубина потерял эмаль вдали;
Близость жгла, огни разлуки сердце смерти обрекли».

Как свеча, горел и таял всадник, сердце сокрушив,
Опоздания страшился, страстный мчал его порыв,
В темный вечер восторгался, как небесный свод красив,
Вел со звездами беседу, их с возлюбленной сравнив.

Заклинал луну страдалец грозным именем творца:
«Ты влюбленных вдохновляешь, страсть влагаешь в их сердца,
Знаешь средство, как с терпением не расстаться до конца,
Лик, тебе подобный, встретить дай зеницам беглеца!»

Витязь радовался ночи, предпочтя заре закат,
И с коня сходил, увидя вод стремительных каскад,
С ними смешивал он реки слез, не знающих преград,
И опять в седло садился, жаждой странствия объят.

Телу тополя подобный источал потоки слез;

По ущельям пробираясь, убивал он диких коз,
У костра вкушал и дальше сердце раненое нес,
Говорил: «Фиалки ныне заменили яркость роз».

Передать я не сумею жалоб, высказанных им;
Мы слова тех уст прекрасных только с перлами сравним!
Розу казни предавал он, снег — потокам кровавым,
Вид пещер его утешил, поскакал скиталец к ним.

От восторга растерялась та, чья преданность крепка,
Из очей ошеломленной вышла слезная река;
Обнял деву прискакавший в этот край издалека.
С долгожданным человеком радость встречи велика.

«Где владыка твой сокрылся?» — молвил женщине ездок.
Шумно к морю покатился из очей ее поток.
«Ты исчез — и он умчался, оставаться здесь не смог.
Я в неизвестности тяжелой пребываю долгий срок!»

Простонал спаспет, печалью распалемый опять:
«Ах, таким одна лишь гибель в состоянье благо дать!
Не солгал я Тариэлю; как решился он солгать?
Если выполнить не в силах, для чего же обещать?»

Я скорбел без побратима, он же мною пренебрег,
Позабыл меня он скоро, горя вынести не смог.
Как забвению он предал данный верному зарок?
Но зачем дивлюсь я, видя мне сопутствующий рок?»

«Хоть печаль твоя уместна, — молвит юноше она, —
Не сочти меня пристрастной, буду истине верна!
Чтобы выполнить обеты, разве воля не нужна?
Он же твердости лишился, только смерть ему красна.

Воля, сердце и сознание цепью связаны одной:
Если воля исчезает, остальных берет с собой.
Человек, утратив сердце, жизнью брезгует людской
Ты не знаешь, что за мукой он терзаем огневой!

Можно гневаться, не встреться брату с братом дорогим,
Но не знешь ты, насколько господин мой стал иным,
Ведь язык иссохнет, сердце изведется перед ним;
По тому сужу, что видеть довелось очам моим.

О его страстях услышав, задрожит и хладный прах,
Даже камни вздрогнут, видя облик сладостный в слезах,
Что и Тигр вместить не смог бы в необъятных берегах;
Впрочем, прав ты, что ни скажешь, — всякий мудр в чужих делах.

Знай, когда он в путь собрался, спросила я тогда:
«Что же делать Автандилу, как приедет он сюда?»
Молвил: «Пусть меня отыщет, я не скроюсь без следа,
Этих мест не брошу, клятву не нарушу никогда.

Мой обет не будет мною позабыт иль обойден.
Буду ждать его до срока, умножая плач и стон;
Коль найдет мой труп, да буду добрым братом погребен,
А когда в живых застанет, удивиться должен он!»

Так свершилось расставанье солнца красного с землей;
На равнину льются слезы бесконечной рекой;
Обрекаемая роком, что я сделаю с собой?
Я, увы, забыта смертью и растерзана судьбой!

Есть в земле китайской камень и начертано на нем:
„Не разыскивая друга, станешь сам себе врагом.
Прежде с розой несравнимой стал шафрановым потом.
Сделай то, что подобает, поищи его кругом”».

Витязь молвил: «Осудила ты упрек неправый мой,
Но пойми, что я для друга был усерднейшим слугой.
Бросив дом, к нему я мчался, как олень на водопой,
И разыскиваю друга среди полей, объятых мглой.

Был я там, где в перламутре беспримерный перл сокрыт,
И ушел, не наглядевшись на расцвет ее ланит;
Омрачил я бегством старца, что в Аравии царит,
И за все его щедроты дал в отплату боль обид.

Изменил царю, что к славе приближал меня, возрадив,
Что, как небо, щедр, возвышен, всемогущ и справедлив;
Изменил ему, умчался, дерзкий выказав порыв,
Божьих благ не жду я больше, пред кормильцем согрешив.

Из-за друга я на сердце принял тяжкий этот гнет:
Днем и ночью поспешал я, чтоб ускорить свой приход.
Но спешил я понапрасну, и потерял снова тот,
И сквозь слезы вижу тщетность мной испытанных невзгод.

Оборвем беседу, ибо мчится времени ладья;
Слову мудрого покорный, о былом не плачу я.
Будет мною найден друг мой или злая смерть моя,
Как начертано судьбою в темной Книге бытия».

Смолк и вдаль, скорбя, поехал, чтобы выполнить обет;
Миновав поток и чащу, в поле выехал спастет.
Бушевал холодный ветер, блекнул розы алый цвет.
Он судьбу корил: «Зачем ты от меня сокрыла свет?»

Вопрошал творца: «Что сделал я, не знающий грехов,
Что с любимыми жестоко разлучен тобою вновь?
За двоих один страдаю, жжет вдвойне меня любовь,
И не стану сожалеть я, коль моя прольется кровь.

Друг изранил так нежданно сердце мне шипами роз,
Обещанья не исполнил и страдание принес.
Грозный рок, разлука эта горше всех твоих угроз!
Ах, другой ему в замену в мире этом не возрос».

«Горю мудрого дивлюсь я, — снова молвит свет очей, —
Ни к чему рыданьям долгим предаваться среди полей.
Лучше дело мне обдумать, чтобы действовать верней,
Чтобы статное светило отыскалось поскорей».

Так с собою говорил он и блуждал в краю чужом,
Звал, кричал, искал собрата черной ночью, белым днем:
Он в три дня объехал дебри, оглядел поля кругом,

Но не встретил Тариэля, не узнал нигде о нем.

Воскликнул: «О боже правый, чем тебя прогневал я?
И за что тобой от сердца все оторваны друзья?
Просьбу выслушай одну лишь, вездесущий судия:
Сократи мои страдания, пусть прервется жизнь моя!»

СКАЗ 25 АВТАНДИЛ НАХОДИТ ТАРИЭЛЯ, ЛЬВА И ТИГРИЦУ УМЕРТВИВШЕГО

Снова юноша, рыдая, до вершины путь вершит,
А внизу в лучах заката дальний дол меняет вид.
Перед порослью, чернея, конь разнузданный стоит.
«Это он!» — воскликнул витязь, и зарделся цвет ланит.

Лишь увидел побратима, засиял он ярким днем,
Сразу радость разгорелась и погасло горе в нем.
Солнце розу озаряет, и хрусталь горит огнем,
Словно вихрь, в долину мчится всадник, сросшийся с конем.

Витязь видом Тариэля был безмерно поражен:
Там сидел, как перед казнью, с искаженным ликом он,
Бледный, с грудью оголенной, весь изранен, обагрен;
Жизни грань перешагнул он, погруженный в грозный сон.

Слева меч в крови валялся и лишенный жизни лев,
Распластался бездыханный справа тигр, окоченев;
Витязь был меж них безмолвен, совершая слезный сев;
Не угас губящий пламень, скорбным сердцем овладев.

Тариэль в оцепененье тяжких век не мог поднять,
Приближалась гибель к сердцу, что устало тосковать.
Автандил напрасно кличет: спит гишернах копий рать.
Соскочив с коня, спешит он другу дружбу доказать.

Другу слезы отирает, преисполненный забот,
И, подсаживаясь, кличет, громким голосом зовет, —
Неужели не узнает призывающего тот?
Обомлевший не внимает, даже бровью не ведет.

В повестуемом от правды я нигде не отступил.
Возвратил сознание другу понемногу Автандил,
Тот узнал, вскочил и брата вмиг в объятья заключил.
Видит бог, ему подобных в небе не было светил.

Тариэль сказал: «Не лгал я, был с тобой правдив и прям,
И живой, исполнив клятву, я предстал твоим очам
Но уйди, остаток жизни горю и тоске отдам.
Погреби, не дай останков на съедение зверям!»

Витязь молвил: «Что с тобою? Что творишь ты над собой?
Кто из смертных не метался в вихре страсти огневой?
Но как ты не поступаешь испуганный никакой,
Ты себе желаешь смерти, совращенный сатаной!

Мудрых знать обязан мудрый, их совет одноглас:

Надо быть мужчине твердым и поменьше сеять слез;
Надо в горестях окрепнуть, словно каменный утес!
В жизни каждый переносит то, что сам себе принес.

Ты хоть мудр, но преступаешь предписание мудрецов.
Что найдут в пустыне очи, источающие кровь?
Если мир возненавидишь, позабудь свою любовь!
Для чего, могучий, плачешь, растрavляешь рану вновь!

Кто любви не поддавался, кто от страсти не горел,
Сердце чье не трепетало от ее крылатых стрел?
Для чего же убиваться? Горе всем дано в удел.
Кто, с шипами не встречаясь, алой розой овладел?

Розу спрашивали: «Кем ты столь прекрасной возвращена
И зачем шипами ранишь?» Так ответила она:
«Горечь сладкому научит. Редким — редкая цена,
Красота утратит прелесть, если будет всем дана».

Если, сердца не имея, роза истину рекла,
Как изведает блаженство тот, кого любовь не жгла?
Где добро на свете видел ты без горести и зла?
Беспримерными находишь ты обычные дела.

Друга верного послушай, на коня теперь садись,
От безрадостных видений поскорей освободись
Нежелаемое сделай, обрати ты очи ввысь,
Чтобы светлые надежды в темном сердце родились!»

Таризель сказал: «От боли я лишаяюсь языка,
Ничему внимать не в силах, мука слишком велика!
Как подумал ты, что пытка мне, болящему, легка?
День отрадный наступает, смерть желанная близка.

В лютых муках умирая, обращаюсь я с мольбой:
Пусть разъятых миром этим сочетает мир иной,
Чтобы встретились мы снова на дороге неземной!
О друзья, меня засыпьте вы могильною землей!

Как любимую покинуть воспылавшему огнем!
К ней иду, навстречу выйдет осиянная лучом,
И, сойдясь в потоках света, слезы радости прольем...
Сотню выслушай советов — сердца слушайся во всем!

А теперь тебе хочу я объявить еще ясней:
Брат, оставь меня, я тешусь близкой гибелью своей!
Мне, объятому безумьем, смерть милее жизни сей,
Существо мое распалось, я вступаю в сонм теней.

Что сказать, не разумею, всё невнятно мне, поверь!
Миг единый жить осталось в мире скорби и потерь.
Пуще прежнего противным свет мне кажется теперь,
И в заплаканную землю для меня разверзлась дверь.

Кто мудрец? Зачем безумца именуешь мудрецом?
Уж давно рассталась мудрость с помутившимся умом,
Чохнет роза от разлуки с ярким солнечным лучом.
На покой спешу и спорить не хочу я ни о чем!»

Речь на все лады меняя, убеждал спаспет, как мог:
«Ты своею смертью дела не исправишь, видит бог.
О, не будь самоубийцей! Разве нет иных дорог?»
Но советами спаспета исступленный пренебрег.

Автандил сказал: «Не хочешь ты внимать моим словам,
Я сейчас тебя оставлю, ведь напрасно спорить нам.
Если жизнь тебе противна, поступай, как знаешь сам.
Лишь одну исполни просьбу». Волю дал спаспет слезам.

«Я оттуда, где гишером украшается хрусталь,
Удалился, не промешкав; поскакал я в эту даль,
Своеволием повергнув своего царя в печаль.
Где же радость обрету я, коль тебе меня не жаль?

Не гони меня отсюда с сердцем, раненным вдвойне,
Дай мне раз еще увидеть Тариэля на коне!
Может быть, удастся этим успокоить сердце мне;
Я тогда тебя оставлю и помчусь к родной стране».

«На коня садись!» — молил он, оросив слезами дол,
Чтоб ездой быстрой витязь душу скорбную отвел.
Опускал шатры гишера тростника склоненный ствол.
Убедил он Тариэля и от радости расцвел.

«Приведи коня, я сяду», — был ответ спаспету дан.
Усадил страдальца витязь, тайным счастьем осиян;
На коне заколыхался Тариэля статный стан;
В поле стала уменьшаться злая боль сердечных ран.

Автандил его беседой несравненной развлекал,
И красиво шевелился драгоценных уст коралл;
И старик помолодел бы, если б речь его слышал.
Грусть рассеивал прекрасный и терпенье возвращал.

Лишь заметил исцелитель, что болящий облегчен,
Был нежданною отрадой облик розы озарен.
Так для мудрых врач приятен, а для глупых в тягость он.
Словом, сказанным разумно, неразумный осужден.

И, беседу продолжая, говорил ему спаспет:
«Будь со мною откровенен и пролей на сумрак свет:
В честь возлюбленной ты носишь на руке своей браслет.
Этой маленькой вещицей дорожишь ты или нет?»

Тот ответил, омрачаясь от нечаянных речей:
«Он — единый охранитель жизни горестной моей,
Он земли, воды, растений, мира целого ценней!
Как ты мог сказать такое, что и укуса кислей!»

Витязь молвил: «Угадал я, что уста проговорят.
На твои слова ответить я без лести буду рад:
Лучше было вещь покинуть, чем усердную Асмат.
Неудачно сделан выбор, непохвально это, брат.

Ты хранишь браслет, что спаян златоделовой рукой;
Вещь бездушную, пустую почему-то счел святой.
Ты усердную отвергнул, что была с твоей луной,

Ты отвергнул ту, что стала самому тебе сестрой!

Вас она соединила, ты сестрой ее нарек,
И беседы удостоил, и доверием облек.
Был рабыне обреченьем госпожу настигший рок.
В чем ты видишь справедливость, если ею пренебрег?»

Тариэль ответил: «Правду ты изрек, любимый брат:
Сожаления достойна неизменная Асмат.
Ты успел унять мой пламень; близкой смерти был я рад,
Раз остался жив — поеду, хоть безумием объят»,

И направились к пещерам пальмы, росшие в раю.
Перед ними я восторга до конца не изолюю!
В розах уст блеснули перлы в том безрадостном краю.
Можно речью сладкозвучной из норы извлечь змею.

Автандил сказал: «До гроба другом буду я твоим,
Но напрасно не терзайся ты безумием таким.
Не научишься у мудрых, уподобившись глухим.
Для чего тому богатство, кто не пользуется им?

Не помогут вздыханья, бесполезных слез не лей!
Как без бога жизнь уменьшишь или сделаешь длинней?
Знай, три дня не вянет роза в ожидании лучей.
Если господу угодно, повстречаешься ты с ней».

Тот сказал: «Вселенной эти наставленья стоят мне!
Страшен глупому наставник, с умным — сдружится вполне;
Но скажи, что делать, видя беды грозные одне?
Как, подобное познавший, хладно судишь об огне?

Воск огню сродни и может загораться без труда,
Но и жгучий пламень гасит с ним несродная вода;
Не должна быть для страдальца чуждой ближнего беда,
Тает сердце Тариэля, как же боль тебе чужда?»

СКАЗ 26 ТАРИЭЛЬ РАССКАЗЫВАЕТ АВТАНДИЛУ О ТОМ, КАК ОН УМЕРТВИЛ ЛЬВА И ТИГРИЦУ

«Расскажу тебе подробно происшедшее со мной,
А потом суди по правде, сердцем истину открой.
Истомленный ожиданьем, я не вынес пытки злой,
От пещер в поля поехал, распаленный тоской.

Этих зарослей достиг я, вниз спустился я с высот.
Вижу: лев идет к тигрице и она к нему идет.
Как ведомые любовью, облегчали сердца гнет,
Но ужасен был и странен их свидания исход.

От заигрываний нежных перейдя к вражде опять,
Принялись они друг друга без пощады поражать,
Но как женщина тигрица обратилась быстро вспять,
И, борьбою распаленный, лев пустился догонять.

Льву сказал я: «Безрассудный, в чем же мужество твое,
Если ты подругу мучишь и преследуешь ее?»

Я накинулся на зверя, извлекая лезвие,
И, по темени ударив, погрузил в небытие.

Меч отбросивши, тигрицу я в объятия заключил:
Целовать ее хотел я в честь светила из светил.
Лютый нрав острокогтистой эту нежность отвратил,
Я убил ее во гневе, что сдержать не стало сил.

Тщетно сиюсь успокоить отвечающую злом,
Я схватил ее и наземь бросил в бешенстве глухом,
И, с возлюбленной своею ссору вспомнивши потом,
Чуть с душою не расстался я в страданье огневом.

Рассказал я всё о роке, не жалеющем обид.
То, что вид мой изменился, почему тебя дивит?
Я от жизни убегаю, но и смерть меня бежит!»
Он вздохнул и сбросил перлы на хрусталь своих ланит.

СКАЗ 27 ПРИЕЗД ТАРИЭЛЯ И АВТАНДИЛА В ПЕЩЕРУ И ВСТРЕЧА С АСМАТ

Плача, плачущему другу молвил юноша опять:
«Потерпи, не убивайся, для чего себя терзать?
Рок луну твою не сгубит; бог, творящий благодать,
Разлучить решив, не стал бы вас вначале сочетать.

Хоть случается влюбленным смерти жаждать, как венца,
Но отраду обретает претерпевший до конца;
Смертных к смерти приближает страсть, губящая сердца,
Мудреца ума лишает, умудряет простеца».

Плачут сладостные взору и к пещерам путь вершат.
От восторга обезумев, подбежала к ним Асмаат,
И по скалам покатился светлых слез ее каскад;
Причитающую обнял господин ее, как брат.

Воскликнула дева: «Боже, как чудны твои дела!
Ты с небес ниспосылаешь столько света и тепла.
И какая же прославит непостижного хвала?
Не сгубили сердца слезы, что без них я пролила!»

«О сестра — сказал прекрасный — где же счастье без помех?
Слезы мир берет в оплату за веселие и смех,
Не отныне, а издревле так положено для всех.
Ты несчастна, мне же гибель всех желаннее утех.

Тот безумен, кто, возжаждав, будет воду проливать;
Ах, зачем очам несчастным в жгучей влаге утопать!
Странно лить из глаз потоки и от жажды погибать!
Цвета пышного лишает розу тления печать».

Автандил воскликнул в горе, вспомя облик дорогой:
«Как дышать еще могу я, от тоски полуживой!
Этой жизнью одинокой тяготится витязь твой, —
Если б знала ты, как тяжело сердцу в муке огневой!

Солнцем брошенная роза сохранит ли прежний цвет?

Что за жизнь, когда печально за холмы уходит свет?
Сердце, стань скалою твердой, будь бесстрашным в буре бед, —
Может, свидеться придется с той, кому дало обет!»

Оба витязя умолкли, хоть огонь их не утих,
И Асмат пошла с друзьями в тех же муках огневых,
Шкуру тигра, как обычно, разостлала для двоих.
Сели оба, и беседа обнадеживала их.

Дичь зажарив, приступили к скромной трапезе втроем:
Хлеба не было и крохи на пиру печальном том.
Таризля приглашают, он же, в думах о другом,
Оторвет кусочек с драхму и глотнет его с трудом.

Хорошо, когда достойный речь приятную ведет;
Внемлют слушатели, слово ни одно не пропадет,
А затем ослабевают и тягчайшей скорби гнет.
Если высказано горе — облегченье настает.

Львы, не знающие равных, провели всю ночь вдвоем
И поведали друг другу о страдании своем.
Мгла рассеялась, и, встретясь с загорающимся днем,
Снова клятвой обменялись богатырь с богатырем.

Таризель сказал: «Бесцелен лишних слов обильный град;
Жертв твоих величье только небеса вознаградят.
В полном разуме творимой нам довольно клятвы, брат.
Друг ушедший да не будет из груди моей изъят!»

О, не будь столь беспощадным, вновь казненного казня;
Не из кремня выбит пламень, пожирающий меня,
Ты унять его не сможешь, сам падешь в поток огня...
Возвратись к тому светилу, что блистательнее дня!

И творец едва ли сможет сделать боль мою слабей;
Потому, поймите это, я ушел в простор полей!
Как разумному пристало, жил и я среди людей,
Но теперь лишен рассудка роковой судьбой своей».

Витязь молвил: «Что ответить? Согласиться я готов.
Ты сказал такое слово, что достойно мудрецов.
Как же ран твоих не может залечить творец миров
Покровитель всех посевов и раститель всех ростков?»

Что же было делать богу? Вас такими он родил,
Вас он вместе не оставил, свел с ума, разъединил;
Но стерпевших все терзанья он скрестит пути светил.
Если ты ее не встретишь, да погибнет Автандил!

Как героем назовется, кто трудами утрашен,
Кто откажется от горя, отвернется от препон?
Скуден мир, но щедр создатель, и тебе поможет он.
Умудряйся мудрым словом и уйми сердечный стон.

Если внемлешь, будь послушен, умоляю я тебя!
Я у солнца отпросился, Таризля возлюбя;
Доложил ей: «Сердце страждет, о товарище скорбя,
Не могу я оставаться, горемычного губя!»

Та ответила: «Прекрасно это мужество, клянусь!
И, как службой мне, твоею службой славному горжусь».
Ощущал в разлуке с нею я полыни горький вкус.
Что отвечу, если спросит: «Почему вернулся, трус?»

Если с этим согласишься, будет лучше во сто крат.
Будь разумен, безрассудно дел труднейших не творят.
Что подарит жизни роза, созерцая свой закат?
Не себе, так мне поможешь. Поступай по-братски, брат!

Будь кем хочешь, где угодно, в состоянии любом,
Будь с разумным сердцем или с помутившимся умом,
С этой славною осанкой, с гордым станом и челом,
Но в огне старайся выжить, не сжигай себя живьем!

Умоляю, жди до срока: коль угодно богу так,
Через год войду с вестями я в пещерный этот мрак;
Усмотри в цветенье вешнем моего прихода знак.
Вздروгни, друг, заметив розы, словно слыша лай собак.

Если в срок я не приеду, не вернусь к тебе сюда,
Знай, что смерть меня застигла, совершилася беда,
И пойми, что мы с тобою разлучились навсегда.
Хочешь — радуйся, а хочешь — скорбь усиливай тогда.

Из-за сказанного мною не рыдай, не кличь беду,
Хоть не знаю, из седла я или с лодки упаду.
Как же я, не бессловесный, всё не высказав, уйду?
Свод крутящийся зажжет ли путеводную звезду?»

Тот ответил: «Речью мучить не хочу тебя, герой:
Если следовать не склонен друг любимый за тобой,
То стезей его желаний надо следовать порой.
С тайных дел покров снимает день, указанный судьбой.

Всё узнав, уразумеешь, как трудны мои дела,
Безразлично, быть недвижимым или мчаться в мире зла,
Всё я сделаю, как хочешь, хоть кромешной станет мгла,
Знай же, долгая разлука другу будет тяжела».

Закрепив условие это, сели братья на коней
И, вдвоем объехав поле, подстрелили двух зверей;
Возвратились в скалы снова; слезы, прежних горячей,
Мысль о завтрашней разлуке исторгала из очей.

Вот и ваши очи плачут, о читатели стихов!
Как прикованному сердцу тяжело выйти из оков!
Зла разлука неразлучных, словно смерти грозный зов.
Кто не знает, как бывает расставанья день суров!

С наступлением рассвета сели братья на коней;
Вместе плакали, прощаясь со служанкою своей
Их ланит знамена кровью обагряться всё грозней,
Львам они уподоблялись, загораясь от огней.

От пещер помчались к полю братья, плача и крича.
«Как оплакать львов?! — служанка причитала, трепеща. —
Солнце вас испепелило, два лазоревых луча.
Жизнь, оставь меня в покое, горечь слишком горяча!»

Долго ехали светила, белый день сменился мглой,
Вечеру для остановки берег выбрали морской
И огонь печальной ночи разделили меж собой;
Там оплакали разлуку, истомленные тоской.

Таризлю витязь молвил: «Слушай, слезы я уйму;
С львом, тебе коня отдавшим, ты расстался почему?
Только он сыскать поможет увлеченную во тьму;
Покажи ты мне дорогу к побратиму твоему».

Амирбар сказал спасету о дороге к той стране,
Всё, что выговорить в силах погибающий в огне:
«Брат, к востоку направляйся по приморской стороне.
Если ты найдешь Придона, всё поведай обо мне».

Там козла они убили, сели рядом у костра.
Пить и есть им было трудно, так тоска была остра;
Под деревьями улегшись, спали вместе до утра.
Мир то щедр, то скуп и злобен, не верна его игра.

Братья встали, чтоб расстаться; день коснулся славных
глав, Всякий должен был растаять, их беседу услышав.
Выходя из чащ гишерных, родники прошли меж трав,
Обнимались два светила, двуединым солнцем став.

Так расстались те скитальцы в исступленье огневом;
В страны разные помчались в бездорожии степном,
И, пока они не скрылись, слезы падали дождем.
Солнце видело печальных и печалилось о том.

СКАЗ 28

О ТОМ, КАК ОТПРАВИЛСЯ АВТАНДИЛ К ПРИДОНУ

О, зачем ты, мир неверный, нас ввергаешь в вихрь тревог!
Всё твоё, как я, рыдает, преступая твой порог.
Кто предвидит место смерти и узор своих дорог?
Но ярмо твоих предательств с человека снимет бог!

Автандил, скорбя о брате, небо голосом рассек:
«Снова кровью истекаю, обрекаемый навек!
Расставание не легче встречи у небесных рек.
Ах, во многом не подобен человеку человек!»

Звери жажду утоляли тех рыданий родником.
Ярым пламенем вздымалась грусть о друге дорогом.
Сердце вновь и вновь скорбело, страсть мечом стучала в нем,
Красил розы жемчуг, росший над прекрасным багрецом.

Роза вяла и желтела, тополь ветви наклонял,
И в лазурь преобразались белизна и рдяный лал.
Он от гибели спасался и над пропастью рыдал:
«Что же тьме я удивляюсь, если солнце потерял!»

После к солнцу обратился: «Ты, подобье Тинатин!
Два лица дарят лучами дебри гор, дома долин,
Потому-то мне желанен светлый образ твой один,
Но зачем же вы низвергли это сердце в тьму кручин?»

Отойдет на месяц солнце, налетит зимы порыв
Без обоих как не плакать? Путь бессолнечный тосклив!
О скалу кто будет биться, расшибется не пробив.
Нож не лечит рану — срежет или вызовет нарыв».

Плача, к солнцу обратился витязь в горести своей:
«Пожалей меня, молю я, ты — сильнейшего сильней.
Ты даешь величье малым, а счастливым власть царей;
Не терзай меня разлукой, не меняй на ночи дней!

Ты, Сатурн, приди на помощь и прибавь слезу к слезе,
Темнотой окутав, сердце ты предай ночной грозе;
С ношей скорби, словно мула, к тайной выведи стезе;
Ей скажи: он твой и казни для тебя приемлет все.

О Юпитер справедливый, соверши свой суд скорей,
Дай сердцам открыть все тайны перед тем, кто всех мудрей;
Не вини того, кто честен, не губи души своей.
Пусть, коль прав я, не останусь средоточием скорбей.

Снизойди, о Марс нещадный, порази меня мечом,
Тело пусть мое омоет кровь пурпуровым ключом,
Ты правдиво ей поведай о мучении моем;
Видишь, сердце холодеет в теле бледном и худом.

Помоги мне, о Венера! Опалила та меня,
Что кораллом окаймила перлы с отблеском огня.
Ты красавиц украшаешь, дух и плоть воспламеня,
Как меня, ты всех чаруешь, разум грезами казня.

О Меркурий, ты к чудесным поручениям привык!
Видишь, я охвачен солнцем, яркий жар в меня проник.
Рядом сядь. Чернил не надо, слез кровавых рдян родник;
Не пером пиши, а телом тонким, стройным, как тростник.

Ты, Луна, как я в ущербе, наклонись и пожалей!
Становлюсь и я от солнца то полнее, то худей.
О моем безумье грозном расскажи любви моей.
Жизнь хранил я для нее лишь и отдать хочу лишь ей.

Семь свидетелей имею, зорких звезд чудесный ряд:
Солнце, Марс, Луна, Меркурий и Сатурн со мной скорбят,
И Юпитер, и Венера, что сочувствием горят,
Скажут ей, как я терзаюсь, вечным пламенем объят».

Он сказал: «О, эти слезы! — сколько лет они текут.
Не спасет самоубийство, строит козни дьявол тут.
Косы — вороновы крылья — без конца к себе влекут.
Трудно справиться с печалью, а веселие — не труд.

Если я живым останусь, тени сгинут без следа,
Если солнце я увижу, отойдет моя беда».
Автандил поет и плачет, длится скорби череда.
Соловьи, ему внимая, стали совами тогда.

Вышли звери к Автандилу, — так он пел, тоской тесним

Из пучины вышли камни, чтоб словам внимать живым.
Сладкогласному дивились, он заплачет — все за ним.
Всюду был рожденный песней слезный дождь неистощим.

СКАЗ 29 ПОСЛЕ РАЗЛУКИ С ТАРИЭЛЕМ

Семь десятков дней вдоль моря ехал тот, чей скорбен вид.
Заприметил издалека: лодка по морю скользит.
Подождал, окликнул: «Кто вы? Этот путь куда лежит,
Это что за государство и кому принадлежит?»

Молвят лодочники: «Витязь, чудный станом и лицом,
Не случилось нам встречаться с столь прекрасным пришлецом.
До сих пор — владенья турок; дальше — край, где мы живем.
Скажем всё, коль не растаем в озарении твоём.

Нурадин-Придон владеет нашей славною страной,
Витязь добрый, щедрый, храбрый, быстроконный, удалой;
Царь, подобный солнцу, силе не подвластный никакой,
Наш владыка лучезарен, словно пламень неземной».

Юный витязь молвил: «Братья, добрых встретил я людей.
Как доехать до Придона, объясните мне скорей,
Какова к нему дорога, сколько ехать мне по ней?»
Те по берегу морскому проводили свет очей.

«Вот, сказали, путь, ведущий к Мулгазару напрямик,
Там найдешь царя, который в деле воинском велик.
В десять дней туда доедешь, золотого солнца лик.
Ах, зачем к нам свет палящий для сожжения проник!»

«Вы скитальца удивили, — им ответствовал спаспет. —
Чем взирающих чарует зимней розы блеклый цвет?
О, когда бы наблюдали вы мой утренний расцвет!
Кто видал меня в то время — был сиянием одет».

Те ушли, и одинокий устремился витязь вдаль.
Тело сходно было с пальмой, сердце было словно сталь;
Было радостей прошедших быстроскачущему жаль,
Из нарциссов ливень грянул на тускнеющий хрусталь.

Взоры встречных говорили: «Господином нашим будь!»
Восхищенные, старались миг разлуки оттянуть,
Расставаясь, горевали, что нельзя его вернуть,
Провожатого давали и показывали путь.

К Мулгазару приближался пребывающий в огнях.
Войско целое явилось на охоту в тех местах,
И с оцепленного поля подымали к небу прах.
Тучи стрел зверей косили, как колосья на полях.

Встретив путника, спросил он, этой бурей оглушен:
«Чей повсюду раздается топот, грохот, гул и гон?»
Тот ответил: «Это скачет мулгазарский царь Придон,
Тростниковый лес псарями властелина окружен».

Автандил к войскам помчался, позабыв свою тоску.

Я красы его достойных слов, пожалуй, не сотку.
Замораживал отставших, ослеплял на всем скаку
И с ума сводил взиравших стан, подобный тростнику.

Над широким кругом ловчих воспарил большой орел.
Автандил туда помчался и к лазури взор возвел
Ловко пущенной стрелою он орла низринул в дол
И ему отрезать крылья, не спеша, с коня сошел.

Обомлев, стрелки забыли о приказах, данных им;
Строй охотников распался, Автандил — толпой тесним,
Заходили справа, слева, а иные шли за ним,
«Кто ты?» молвить не дерзали, уподобились немым.

На холме, луга венчавшем, находился царь Придон;
Сорок лучников отборных при себе оставил он.
И спаспет к нему поехал, всюю ратью окружен.
Был расстроенной охотой мулгазарец удивлен.

Царь велел рабу: «Разведай, что же делается тут?
Почему, посты покинув, как ослепшие бредут?»
Раб умчался и увидел стан чудесней всех причуд.
Всё забыто. К телу пальмы в ослепленье очи льнут.

Догадавшись, что Придоном прислан раб узнать о нем,
Витязь молвил: «Господину своему скажи о том,
Что скиталец чужестранный, я, покинувший свой дом,
Побратимом Тариэлем послан свидеться с царем».

Был властитель мулгазарский извещен рабом своим:
«Тот пришелец огнеликий даже с солнцем несравним,
И мудрец утратит разум, очутившись перед ним.
Он сказал: к Придону прибыл Тариэлев побратим».

Просиял Придон отважный, слыша имя «Тариэль»,
Дрогнул, слезы покатались, как весенняя капель,
И с ресниц его на розы бурно дунула метель.
Славный славного увидел, оба славятся досель.

И с холма, навстречу гостю, поспешил сойти Придон;
Увидав его, воскликнул: «Коль не солнце, кто же он?»
Был похвал превыше витязь, что слугою вознесен.
С плачем встретились герои, озаряя горный склон.

Стали витязи друг друга без стеснения обнимать,
Восхищенными очами обретая благодать.
Что пред ними и светила! Я согласен жизнь отдать,
Если где-нибудь возможно им подобных увидать.

Удальцов, Придону равных, в целом мире поищи!
Но хвалы достоин высшей расстилающий лучи.
Солнце звезды затмевает, словно слабый свет свечи.
Днем сиять она не может, а лучи горят в ночи.

Ко дворцу тогда помчались Нурадин и Автандил.
Статный стан своим явленьем ту охоту прекратил.
Все войска, толпясь, глядели на светило из светил,

Говорили: «Кто чудесный этот светоч сотворил?»

Говорит Придону витязь: «Ты узнаешь обо всем;
Кто я родом и откуда, почему к тебе влеком,
Как я встретил Тариэля, как сроднились мы потом,
Как я стал его собратом, недостойный быть рабом.

Я — воитель аравийский, Ростеван — мой властелин,
Автанდიлом прозываюсь, возглавитель всех дружин,
Благородный по рождению, я возвращен, как царский сын.
С непреклонностью моею не поспорит ни один.

Царь однажды на охоту с войском выехал своим.
Был рыдавший над рекою Тариэль замечен им;
Приглашенный властелином, он остался недвижим.
Мы разгневались, не зная, чем рыдающий палим.

Царь велел схватить пришельца — эту дерзость я клянусь,
Но войска, что взять пытались не бывавшего в плену,
С перебитыми костями обретали смерть одну,
Постигая, что не могут совратить с пути луну.

Услышав, что в плен не дался войску целому герой,
Поскакал к нему державный в жажде схватки боевой.
Пред собой царя увидев, не вступил скиталец в бой:
Отпустив поводья, скрылся с неземною быстротой.

Не нашли того, кто сгинул, словно дьявол, без следа.
Царский праздник прекратился, черных дней пришла череда.
Я в неведенье тяжелом пребывать не смог тогда,
Тайно в розыски пустился, рыскал долгие года

Я искал его три года по окраинам земным,
На него мне указали люди, раненные им.
Я шел уже поблекшей розу с цветом дорогим.
Он меня, как сына, принял. Стало радостней двоим.

Он пошел в пещеры дэвов, уничтоженных мечом,
В обиталище безлюдном лишь одна Асмат при нем.
Он пылает неизменным и негаснущим огнем.
Кто прекрасного покинул, должен сетовать о том.

В той пещере вечно плачет одинокая Асмат;
Для нее он дичь приносит, точно лев для малых львят,
Но тотчас же исчезает, нетерпением объят,
И, встречая человека, отвращает влажный взгляд.

Не стеснясь, что дотоле был со мною незнаком,
О себе он всё поведал и о пламени своем.
Сколько вытерпел страдалец — не расскажешь языком.
Об исчезнувшей печальюсь, пламенеет он огнем.

Он скитаньем непрерывным уподобился луне,
Никогда не отдыхая, жизнь проводит на коне;
Избегая всех, живет он с диким зверем наравне.
Горе гибнущей без друга, горе другу, горе мне!

Я сгорел среди объяввших иступленного огней;
Обезумел, сожалея сожалевшего о ней;
Захотел искать лекарства, чтоб спасти его скорей,
Возвратясь домой, увидел омраченными царей.

Царь вскипел при повторенье просьбы трепетной моей.
Я войска свои покинул, огорчил своих людей;
Вдаль сокрылся, сбросив бремя, что давило всё сильней,
Порешил спасти безумца и, кружась, ищу путей.

Рассказал мне бесподобный, как брался он с тобой.
Вижу я, не приукрашен ты высокой похвалой.
Посоветуй, где искать мне солнце, скованное мглой,
Блеск, невидящих манящий и выдавшим дорогой».

А потом Придон поведал о безумце, потемнев.
Льва возвышенное горе разделял отважный лев.
Их сердца затрепетали, жгучей боли не стерпев,
Розы нежные купались, орошал их слезный сев.

По войскам тогда промчался горя лютого порыв:
Кто срывал чалму, кто падал, щеки кровью обагрив.
Боль разлуки семилетней в плаче пламенном излив,
Закричал Придон могучий: «Мир земной, ты вечно лжив!»

Причитал: «Земное солнце, где хвалу тебе найти?
Пребывающее в небе солнце сводишь ты с пути.
Взоры видящих лаская, заставляя расцвести,
Свет небес уничтожая, бесконечность освети!

Разлученное с тобою сердце страждет в мире бед,
Не желающего встречи, я ищу тебя, мой свет.
От меня вдали ты счастлив, без тебя мне счастья нет.
Опостылел опустевший, омраченный этот свет!»

Отзвучал красноречивый и печальный разговор;
Успокоившись, умчались оглашавшие простор.
Солнцеликий, стройным станом изумляя каждый взор,
Скрыл завесою гишера черноту больших озер.

Так вошли они в столицу и вступили в сень палат,
Где Придоновы чертоги и приказов царских ряд;
Был среди рабов порядок, был прекрасен их наряд,
Все с восторгом на спаспете останавливали взгляд.

Вот вошли в чертог высокий, где прислужников не счесть:
Слева, справа царедворцы пригласили их воссесть.
И друзья воссели рядом, чья хвала почтит их честь?
На полях хрустальных сладко лалам сладостным расцвествь.

Был их пир числом напитков самых редкостных богат,
Угощал Придон спаспета, словно свата добрый сват;
Вновь и вновь неся сосуды, шел служителей отряд
Солнцеликого героя созерцать был каждый рад.

В день тот пили, пировали с удальцом иной земли,

И омыть спаспету тело люди поутру пришли,
Драгоценного в одежду дорогую облекли,
Опоясали богато, от восторга расцвели.

Время некое промедлил, хоть и дальше он спешил;
Поохотиться с Придоном согласился Автандил.
Он вблизи и в отдаленье одинаково разил
И стрельбой бой своей искусной всех стрелявших устыдил.

Возвестил Придону витязь: «Добрым слушателем будь!
Я могу с тобой расставшись, душу господу вернуть,
Но, поверь, иной, горчайший мне огонь терзает грудь:
И отправиться обязан без задержки в долгий путь.

Кто с тобою разлучится — слезы горькие прольет,
Но, двойным огнем пылая, должен я спешить в поход;
Ведь преступно промедленье, если путь великий ждет.
Отнеди меня на берег, где ты видел светоч тот».

«Я удерживать не должен, — так отвечивал Придон, —
Знаю: в долгий путь спешащий, ты иным копьем пронзен;
Будет бог тебе водитель, враг твой будет обречен.
Если друг тебя утратит, как разлуку стерпит он?

Не отправься одиноким, покидаемых казня;
Дам тебе я слуг усердных, облакает их броня;
Дам тебе вооруженье, также мула и коня.
Если взять их не захочешь, то обидишь ты меня».

Четырех привел он стражей, что измены не свершат,
Выбрал сам вооруженье, весь набор отборных лат,
Злата красного отвесил добрых фунтов шестьдесят,
Подарил коня лихого, изумляющего взгляд.

Мула сильного дорожной он постелью нагрузил,
На коня вскочил и друга дорогого проводил;
Трепетал он, ожидая, что уедет Автандил,
Говорил: «Приблизься, солнце, у зимы не станет сил».

Опечалившая город, разносилась весть кругом.
Продавцы шелков и фруктов собрались перед царем;
Вопли воздух сотрясали, словно с неба грянул гром;
Все кричали: «Мы без солнца очи скорби предаем!»

Львы приехали на берег; лишь увидеть довелось
Место, где перед Придоном солнце жгучее зажглось, —
Побратимы зарыдали и пролили реки слез
О блистательной плененной говорить царю пришлось:

«Два раба ее на лодке привезли сюда с собой;
Жемчуг лалы окружали, трепетал гишер густой.
Я, коня пришпорив, мчался вызвать дьяволов на бой;
Но мгновенно этот берег был покинут их ладьей».

Разлучаясь, обнимаясь, вновь заплакали они,

Снова в сердце запылали беспощадные огни;
Львы разъехались, друг другу ныне ставшие сродни.
Удалился убивавший оставляемых в тени.

СКАЗ 30
ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА ИЗ ЦАРСТВА ПРИДОНА
НА ПОИСКИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Едет витязь лучезарный, словно полная луна;
В сердце любящем хранится греза властная одна.
Он твердит: «Судьбой жестокой ты со мной разлучена;
Только ты от ран глубоких излечить меня вольна.

Разлученного с троими мчит житейская река.
Сердце так окаменело, что скала не столь крепка;
Три копья его не могут окровавить и слегка,
Но, рожденная тобою, омрачает мир тоска».

С четырьмя близ моря едет неустанный Автандил,
Всюду ищет он бальзама для лишаемого сил;
Был скорбящий днем и ночью одинаково уныл.
Он соломинки дешевле мир подлунный оценил.

Где он путника ни видел, расспросить его был рад;
Так, расспрашивая встречных, ехал сотню дней
подряд. Перевал переезжая, видит он верблюдов ряд:
Караванчики печально над пучиною стоят.

На широком побережье караван чего-то ждет
И не может ни остаться, ни отправиться вперед.
Их приветствует прекрасный, и ответ хвалу несет.
«Кто вы будете, торговцы?» — громко спрашивает тот.

Тех людей начальник мудрый именуем был Усам;
Восхвалил он Автандила, столь желанного очам,
Молвил: «Ты для утешенья из-за туч явился к нам,
О, сойди с коня, светило, и внимай моим словам!

Мы багдадские торговцы, наша родина славна,
Магомета почитаем и не ведаем вина.
Мы к царю морей спешили, с ним торговля не бедна,
Велики товаров наших настоящая цена.

Мы узрели человека, умирающего тут;
Тяготила речь скитальца, как недуг иль тяжкий труд.
Мы спросили: «Кто ты, странник, кем изранен и разут?»
Он сказал: «Не отплывайте, или в море вас убьют!

На корабль взойдя в Египте, мы со стражей вышли в путь;
Повезли шелков немало, но теперь их не вернуть.
Всех пираты перебили; как сумел я ускользнуть,
Как попал сюда избитый, не известно мне отнюдь!»

Потому-то, лев и солнце, здесь недвижно мы стоим.
Если вспять мы обратимся, как убыток возместим?
Если пустимся по морю, жизнь пиратам отдадим:
Мы не можем ни остаться, ни путем уйти своим».

Витязь молвил: «Не годится ощущать напрасный страх,
Не избегнуть нам дороги, предрешенной в небесах.
Я за вашу жизнь отвечу. Сила есть в моих руках.
Иступлю клинок свой острый на разбойничьих костях!»

Караванщики внимали Автандиловым словам
И шептали: «Этот витязь так уверен, тверд и прям,
На его неустранимость положиться должно нам».
На корабль вошли с товаром и поплыли по волнам.

Их пути не потревожил разъяренный ураган;
Вдаль всмотрелся их водитель, слава всех аравитян.
Вот корабль с широким флагом показался сквозь туман;
На носу его — с железным наконечником таран.

То пираты приближались, поднимая трубный вой;
Караванщики страшились этой силы боевой.
Витязь молвил: «Не пугайтесь их напористости злой,
Я сегодня истреблю их иль расстанусь с головой.

Не судьба — так не погибну и среди несметных орд,
А когда судьба приступит — как пылинка буду стерт,
Не спасут меня ни войско, ни высокий этот борт,
Это знающий — пребудет, мне подобно, сердцем тверд.

Труссы, вижу, вы боитесь приближения бойцов,
Поскорей от стрел попрячьтесь вниз, под палубный покров.
Я один иду! Подъята длань, смиряющая львов!
Я окрашу море кровью поспешающих на лов».

С быстротою тигра витязь облачился сталью лат,
Холод палицы железной был в руке его зажат;
На корму спокойно вышел, устремил разящий взгляд.
Был не менее жестоким и меча его булат.

Хоть враги взывали грозно в иступленье боевом,
Хоть ударили свирепо в борт окованным бревном,
На корме воздвигся витязь, с чувством страха незнаком,
И разбил таран огромный тяжкой палицы броском.

Так стоял и невредимым оставался Автандил.
Отступить враги пытались, грозных ужас охватил,
На корабль их перепрыгнув, он разбойников косил;
Мало кто в живых остался от немалых вражьих сил.

Словно коз, врагов безумных юный витязь убивал,
О корму их разбивал он, море ими волновал,
Ударял их друг о друга, и валился вал на вал.
Кто в завале тел скрывался, не взывая, изнывал.

Одержал победу витязь, и возник молящий зов:
«Ради бога твоего же, пощади своих врагов!»
Переживших эту битву обратил спаспет в рабов.
Из Писания известно: «Страх внушает нам любовь».

Силой собственной хвалиться — дело пьяных и повес,
Без господней воли силе не дается перевес;

Искра малая возникнет — и сгорит великий лес.
Как мечом, разрежешь древом, заслужив любовь небес.

Там сокровища большие обнаружил Автандил,
Караванщиков сзывая, с кораблем корабль сцепил;
И Усам не грусть, а радость, оживляясь, изъявил:
В славословии красивом он героя восхвалил.

Должно славить Автандила целой сотней языков,
Да и те едва ль расскажут, сколь он грозен и грозов.
Небесам благодаренье изрекли уста купцов:
«Полночь в полдень обращая, вышел блеск из облаков!»

И купцы облобызали с головы до ног его,
Бесконечно восхваляли за красу и удалство:
«Обезумеет разумный от сверканья твоего!
Ты от смерти нас избавил и доставил торжество!»

Он сказал: «Благодаренье вездесущему отцу,
Всех начал неисчислимых и началу и концу,
Тайных сил и светлой яви всемогущему творцу!
Верить в будущее свято подобает мудрецу.

Жизнь оставил вседержитель вашим немощным телам.
Я же — тлен и прах, не больше! Что сумел бы сделать вам?
Но исполнил обещанье, меч прошелся по врагам!
Вот корабль с богатой кладью подношу в подарок вам».

Хорошо, когда достойный торжествует над врагом,
Затмевая и содружных в добром деле боевом.
Пусть униженно поздравят ратоборца с торжеством,
А его украсит рана, нанесенная мечом.

Тот корабль пиратский кладью был наполнен до краев;
Невозможно перечислить завоеванных даров.
Всё к себе перетасили с корабля своих врагов,
Разнесли его, спалили, не продав на драхму дров.

И услышал от Усама речь смиренную спаспет:
«Пристыженные, тобою мы избавлены от бед.
Всё твое, что мы имеем, и об этом спору нет.
Что угодно дай в подарок, так решает наш совет».

Автандил тогда ответил: «Полно, добрые друзья!
Видел бог, как вы дрожали, слез горючих не тая.
Он от смерти вас избавил, в этом слава не моя;
Обладаю лишь собою и конем единым я.

Я, с богатствами излишней избегающий возни,
Дома много их оставил, мне не надобны они.
Ваших также не желаю, ими пользуйтесь одни;
Делу трудному, иному посвятить решил я дни.

Из бесчисленных сокровищ, что добыты мной в бою,
Да возьмет любое каждый, их легко я отдаю;
Но прошу я без отказа просьбу выполнить мою:
Я свое меж вами званье, если можно, утаю.

Что не я ваш возглавитель — умолчите вы о том,
Пусть не витязем я буду называться, а купцом.
По-купчески оденусь, торговать начну потом.
Нашим братством заклинаю, тайну эту бережем!»

И обрадованы этим, караванщики, опять
Преклоняясь, возгласили: «Ты нам счастье хочешь дать;
Не тебе, а нам об этом подобает умолять.
Мы, рабы твои, о солнце, обретаем благодать!»

Дальше двинулись торговцы, оставаться не могли;
Принося попутный ветер, дни благие потекли.
Автандилом восторгались, восхваления рекли
И, зубов его оттенка, перлы в дар ему несли.

СКАЗ 31 О ПРИЕЗДЕ АВТАНДИЛА В ГУЛАНШАРО, КОГДА ОН ПРИЧАЛИЛ К БЕРЕГУ МОРЯ

Витязь, море пересекший, перейти на сушу смог,
И увидел — город белый в густоту садов залег.
Взоры пестрыми цветами тешил каждый уголок.
Несказанной красотой этот край себя облек.

Свой корабль они поспешно привязали у садов.
Автандил купцом оделся, к делу новому готов.
Скоро грузчики собрались, прибежавшие на зов.
За торговлю взялся витязь, словно главный из купцов.

Прилегающего сада к ним садовник подоспел;
Белой молнии подобный, облик юный он узрел
И услышал голос властный, что ответить повелел:
«Чьи вы люди, и какого государя здесь удел?»

Приказал прекрасный витязь: «Расскажи подробно мне:
Здесь в цене какие ткани и какие не в цене?»
Тот ответил: «Ты сияешь, словно в солнечном огне!
Сообщаемое мною будет истинно вполне.

Царства нашего морского не объехать и за год,
Гуланшаро, город славный, всех чарует и влечет,
К нам редчайшее привозят корабли далеких вод.
Здесь Мелик-Сурхав, счастливо нами правящий, живет.

К нам приехав, даже старец, явит юношеский нрав.
Это — край пиров, ристалищ, пенья, зрелищ и забав.
Здесь равны зимой и летом все цвета цветов и трав,
Цепкий зависть ощущает, наше царство увидав.

У торговцев богатейших лишь такая прибыль тут:
Купят, сбудут, наживутся, проиграют, проживут;
Бедный вдруг разбогатеет. Все богатства к нам плывут.
Неимущему товары накопить — недолгий труд.

Я садовник у Усена, возглавителя купцов;
Заведенный здесь порядок объяснить я вам готов:
Он — владелец послуживших вам для отдыха садов;

Всё ему вы покажите, долг приехавших таков.

Богатейшие, приехав, дар несут Усену в дом,
Распаковывать товары все обязаны при нем.
Что получше, будет взято за наличные царем,
Без стеснения торговцы торговать вольны потом.

Как достойно принимает он почтеннейших господ,
Содержателям постоев приказанья отдает.
Но сейчас Усен в отлучке, а когда сюда придет,
Вам он выказать обязан много дружеских забот.

Остающаяся дома возглавителя жена
Не груба, гостеприимна, обходительна, нежна;
Извещу ее, и примет вас, как надобно, она.
Вам раба навстречу вышлет, в град войдете до темна».

«Как желаешь, так и сделай», — ослепительный речет.
Мчится радостный садовник, по лицу струится пот,
Госпоже Фатман вещает: «Лучезарный к вам грядет,
Пред его лучами бледен даже солнечный восход.

Он купец и возглавляет преизрядный караван;
Он — как месяц семидневный, кипариса стройный стан;
И халат его наряжен, и убор чела багрян.
Хочет знать, какие цены на шелка у поморян».

Госпожа Фатман навстречу десять выслала рабов,
Для хранения товаров был особый дом готов.
Гость вошел, розоланитен, снежнобел и не суров.
Все шептали: «Он имеет ловкость тигров, силу львов».

Городское население там собралось целиком;
Трепеща, зывали: «К солнцу как приблизиться дерзнем!»
Вожделенно восторгаясь чудным станом и лицом,
От мужей своих презренных жены бросились бегом.

СКАЗ 32 ПРИБЫТИЕ АВТАНДИЛА К ФАТМАН, ПРИЕМ, ЕМУ ОКАЗАННЫЙ, И ЕЕ РАДОСТЬ

Из дверей навстречу вышла и Усенова жена,
Поклонилась, улыбнулась, явной радости полна.
После ласковых приветствий сели вместе, и она,
Как заметил я, пришедшим не была огорчена.

Та Фатман, в годах не юных, всё ж казалась молодой:
Точно выточено тело, облик смуглый, не худой.
Посидеть она любила и за чарой круговой;
Не один убор имела непомерно дорогой.

У Фатман в ту ночь скиталец угощался без тревог;
Он прекрасные подарки поднести любезной смог,
За пирушку дорожную заплатил ей щедро бог.
Витязь, вдосталь упоенный, спать отправился и лег.

Развернул свои товары, чуть забрезжила заря,
Что получше, отбирая на продажу для царя.

Повелел купцам: «Несите!» Нагрузил их, говоря:
«Продавайте, как хотите, тайну должную творя!»

Не свою одежду носит, а купеческий кафтан.
То к себе Фатман попросит, то является к Фатман
Речью тешилась изящной. Исчезая, статный стан,
Словно Вис уход Рамина, наносил ей много ран.

СКАЗ 33

ФАТМАН ВЛЮБЛЯЕТСЯ В АВТАНДИЛА, ПИШЕТ И ОТСЫЛАЕТ ЕМУ ПИСЬМО

От прелестниц, если сможешь, отдались, не то — беда!
Словом ласковым доверья достигая без труда,
Обольстившая изменит и наделает вреда.
Женщин с тайнами знакомить не годится никогда.

Вожделенье к Автандилу, светоносцу дальних стран,
В грудь всё глубже западало изнывающей Фатман.
Тщетно скрыть она старалась глубину сердечных ран;
«Что мне делать? — восклицала, и в очах стоял туман.

Если я ему откроюсь — вдруг сокроется, вспылит;
Если скроюсь — будет разум грозным пламенем обвит.
Нет, откроюсь, возликую иль не вынесу обид.
Как того излечит лекарь, кто не скажет, что болит?»

Автандилу написала и отправила она
То письмо, где боль открыта и любовь изречена.
Эта исповедь печальна и страдания полна,
И должна быть не забыта, а навек сохранена.

СКАЗ 34

ЛЮБОВНОЕ ПИСЬМО, ФАТМАН К АВТАНДИЛУ НАПИСАННОЕ

«Солнце, богу захотелось, чтобы солнцем стало ты!
Без тебя и жизнь богатых — горше всякой нищеты.
Кто приблизится — сгорает, разглядев твои черты,
И планеты лицемерьем красоты твоей горды.

Взор, познавший блеск, безумьем истязуем в забытии.
Как, тебя узрев, о роза, не трепещут соловьи!
Без лучей цветы увянут, увядают и мои;
Я, мертвея, жду рассвета, льются слезные ручьи.

Видит бог, страшусь прочтенья вами этого письма,
Но ничем иным от смерти не спасу себя сама.
Сердце вынесет ли пытку? О, ресниц разящих тьма!
Если ты мне не поможешь, я тогда сойду с ума.

И доколе не получен ожидаемый ответ,
И покуда я не знаю, смерть явилась или нет,
Буду ждать я терпеливо в окруженье тяжких бед.
Пусть решится: жить останусь иль оставлю этот свет!»

Написав письмо, послала к Автандилу поскорей;
Как письмо сестры, без дрожи прочитал он свиток сей

И сказал: «Кого люблю я — неизвестно это ей.
Как сравнить ее с царевной несравненно моей!

Для чего вороне роза? Кто в них общность усмотрел?
Соловей о ней, конечно, ни один еще не пел.
Скоротечность и бесплодность — дел безнравственных дел.
Что за вздорное посланье! Вот безумия предел?»

Но потом себе в раздумье витязь юный говорит:
«Кто тебе защитой будет, если ты себе не щит?
Ради той, из-за которой мне скитаться надлежит,
Я снесу любое бремя, сердце стерпит боль обид.

Здесь Фатман живет и видит приезжающих гостей,
Принимает проходящих из различных областей;
Обо всем она расскажет при покорности моей,
Я могу узнать не мало, если дружен буду с ней.

Как уток основе, сердце отдает любви жена,
Стыд бесстыдной недоступен, совесть вовсе не нужна;
Если тайное узнает, разболтает всё сполна.
Лучше с нею согласиться, дело сделает она.

Кто изменит провиденье, кто изменит бытие?
Нежеланное имею, что желанно — не мое.
Всё смеркается на свете, сам он — сумерек тканье.
Изливается из чаши лишь налитое в нее».

СКАЗ 35 ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО АВТАНДИЛДА К ФАТМАН

Написал спаспет: «Прочел я, вознесен письмом твоим;
Ты меня предупредила, хоть и жарче я палим
Вижу ныне: обоюдно пламенею и горим;
Связь имеет оправданье, коль желательна двоим».

Сердцу страждущей достались ныне радости одне.
Написала: «Слез не мало пролила я в тишине;
Но сегодня же со мною будешь ты наедине.
Поспеш же на свиданье, ввечеру явись ко мне?»

На закате, лишь стемнело, витязь, вняв ее письму,
Вышел в путь, но раб — навстречу, передать спешит ему:
«Этой ночью не являйся, не готова я к тому».
Он, обидевшись, воскликнул: «Что такое? Не пойму?»

Не вернулся, хоть обратно приглашение взяла,
И явился он, стройнее кипарисного ствола.
Он заметил: в беспокойстве пригласившая была,
Но из преданности страха обнаружить не могла.

Сели вместе и, целуясь, изъяснялись без препон.
Вдруг явился гость пригожий, что прекрасно был сложен,
А за ним оруженосец, тяжело вооружен.
Увидав спаспета, дрогнул, словно в бездну глянул он.

А Фатман, его увидев, стала вздрагивать, бледнеть.
Тот промолвил, продолжая на обнявшихся смотреть:

«Я теперь не помешаю, злая тварь, ласкаясь млеть,
Но с утра тебя заставлю об измене пожалеть?»

Потаскуха, опозорен я по милости твоей,
Но в ответе будешь завтра, и посмотрим, что больней.
Ты, как хищница, зубами будешь рвать своих детей
Или в бороду мне плюнешь, и сокроюсь от людей?»

Бороды своей коснулся и скрывается, кляня;
А Фатман метаться стала, причитая и стена.
Было слышно, как журчали слезы в отблесках огня,
Воскликнула: «Ах, побейте вы камнями меня?»

Мной убиты муж и дети? — дико крикнула она. —
Драгоценности разбиты, их утрачена цена!
Со своими дорогими я навек разлучена?
Я свой дом опустошила! Вопиет моя вина!»

Этим плачем удивленный, Автандил сказал: «Открой,
В чем страдания причина, что за слезы, что с тобой?
Чем грозил тебе тот витязь, в чем проступок видел твой?
Успокойся и поведай, чем он занят, кто такой?»

«Я с ума схожу,— вскричала, проливая слез ручей, —
Не расспрашивай: ты видишь, расстаюсь я с жизнью сей!
Ведь своих собственноручно погубила я детей.
Я сама себя убила в слепоте любви своей.

Так окончит, кто обманчив, многословен и горяч,
Кто таить не в силах тайну, кто безумен и незряч.
Каждый, казнь мою узревший, да разделит этот плач.
Кто свою же кровь вкушает, как того излечит врач?

Лев, одно из двух ты сделай, я молю тебя о том:
Если можешь, этой ночью заколи его тайком,
Чтоб избавить от несчастий злополучный этот дом.
Расскажу, когда вернешься, о несчастьи своем.

Если нет, навьючив мулов, в эту ночь отправься вспять,
Всё возьми, к моим владеньям не ищи путей опять!
Из-за женщины преступной можешь тяжко пострадать.
Коль владыку он увидит — значит, всем нам пропадать».

Как слова услышал витязь, что она рекла, стена,
Булаву тогда схватил он, золотое солнце дня.
Объявил: «Позорным было б равнодушие для меня!»
Не найти ему подобных, преисполненных огня.

Молвил: «Дай мне человека, чтоб с дороги не свернуть;
Не помощника мне надо, надо знающего путь,
Ибо витязь тот не равен мне могуществом ничуть.
Жди желанного исхода и вполне спокойна будь!»

В путь Фатман дала спаспету провожатого тогда
И сказала: «Муки сердца облегчивший без труда,
Коль от недруга избавишь, то избавь и от стыда:
Он мое колечко носит — принеси его сюда».

СКАЗ 36
УБИЙСТВО ЧАЧНАГИРА
И ДВУХ ЕГО ТЕЛОХРАНИТЕЛЕЙ АВТАНДИЛОМ

Пересек весь город витязь, чудный станом и лицом,
И узрел он возле моря изумрудно-алый дом.
Под террасами террасы громоздились на нем,
Поражавшие размером, благолепьем и числом.

И услышал солнцеликий провожающего глас:
«Вот искомая обитель—видишь, радостный для глаз?
Прибывает он под кровлей наивысшей из террас;
Тим сидящим или спящим ты найдешь его сейчас».

Загражден был вход телами спящих воинов двоих.
Автандил прошел бесшумно, хоронясь в тенях густых;
Он, схватив за горло стражей, головами стукнул их,
И смешались с мозгом кудри задремавших часовых.

Витязь тот лежал, горюя в одиночестве своем.
С обагренными руками и с пылающим лицом
Автандил неуследимый, подобравшийся тайком,
Сбросил юношу с постели, заколол его ножом.

Он для зрящих — солнце, ужас — ратоборствующих с ним.
Перст, украшенный колечком, сняв ударом ножевым,
Из окна он бросил в море мертвеца, неуследим.
Молодца того могилу не найти очам людским.

Тайны той не разгласила быстролетная молва.
Без печали розоустый бросил место торжества,
Как сумел он скрыть убийство, не поведают слова.
Он ушел путем, которым к цели шествовал сперва.

Грозный лев, он возвратился в дом трепещущей Фатман,
Молвил: «Умерший не будет светом солнца осиян.
Твой служитель видел тело, заалевшее от ран.
Вот кольцо и палец трупа; и доселе нож багрян.

А теперь скажи, чего ты опасалась ночью той,
Чем грозил тебе убитый? Ныне истину открой».
Обнимающая ноги говорит ему: «Герой,
Твой огонь унять готова, исцеленная тобой.

Я, Усен и наши дети рождены сегодня вновь,
Чьи, о лев, тебя прославят славословья и любовь!
Если вправе похвалиться, что пролита вражья кровь,
То для повести немалой ты вниманье приготовь».

СКАЗ 37
ФАТМАН РАССКАЗЫВАЕТ АВТАНДИЛУ
ИСТОРИЮ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Все торжественно встречают в этом граде новый год,
И никто не уезжает и торговли не ведет.
Все мы, пышно разодеты, веселимся без забот,
И обед большой дается у владетельных господ.

Мы, богатые торговцы, во дворец дары несем,
И цари нас награждают по достоинству потом.
Десять дней не умолкает пенье арф, кимвальный гром,
Кони скачут, мяч летает на ристалище большом.

Мой Усен — глава торговцев, богачами правит он.
Не нуждаясь в приглашенье, как начальница их жен,
Привожу дары несущих я к царице на поклон.
Во дворце бывает бедный и богач увеселен.

В новый год пришли к царице, и, радушия полна,
Одаряемая нами, одаряла нас она.
После пира возвратиться воля нам была дана;
Снова сели без стеснения, веселились дотемна.

На закате я спустилась к зеленеющим садам,
И с подругами своими я прогуливалась там.
Сладкозвучнейшие песни петь велела я певцам.
Тешась, разные уборы примеряла к волосам.

Зданыя стройные вздымались над обильною листвою,
Окнам дали открывались над пучиною морской.
Увлекла я к этим зданьям развлекавшихся со мной,
И опять мы веселиться стали в горнице большой.

Как сестра, я занимала, угощала их питьем,
Но без видимой причины пригорюнилась потом;
Разошлись, увидев это; опустело всё кругом.
Я одна осталась, горечь в сердце чувствуя своем.

Лишь окно приотворила, море очи привлекло,
Разгоняя то унынье, что в душе моей росло.
Нечто малое по влаге колыхающейся шло
И сравниться лишь со зверем или с птицею могло.

Подошел предмет чудесный, оказался лодкой он.
Был ковчег на лодке этой посредине водружен,
Два раба с обличьем черным там стояли с двух сторон.
Изумительным виденьем был мой взор воспламенен.

Та ладья к садам примчалась, и причалила она;
Озираются и смотрят — всюду мир и тишина,
Им окрестностей безлюдность, очевидно, не страшна.
Я, сокрытая, за ними наблюдала из окна.

Из суденышка достали эти черные ковчег,
И, едва открыли крышку, вышла девушка на брег,
На челе покров чернеет, вся в зеленом пальма нег, —
Красоты такой хватило б солнцу красному навек.

Только дева повернулась, ярко вспыхнула скала,
От ланит ее сверкавших в небесах редела мгла,
Я, прищурясь, наблюдала; взор блистательная жгла;
Дверь закрыта незаметно мной, незримою, была.

Четырем рабам сказала я, припавшая к окну:
«Посмотрите, что за солнце держат черные в плену!»

Подберитесь осторожно, не нарушив тишину,
Дайте им любую цену, но купите ту луну!

Если торг они отвергнут, зарубите их скорей,
Постарайтесь, чтоб светило было в горнице моей».
Вниз рабы мои скользнули, птиц стремительных быстрей.
Торг не шел: заметно было по ужимкам тех людей.

Неуспех торговли видя, слугам крикнула: «Казни!»
Чернолицым отрубили тут же головы они,
В море бросили убитых, взяв мерцавшую в тени.
Устремилась им навстречу, мне навстречу шли они.

Как поведать совершенство юной девы неземной,
Солнцу солнцем как назваться перед этой красотой?
Кто сияние осилит, нестерпимый стерпит зной?
Я сгореть готова в блеске ослепительницы той!»

Принялась терзать ланиты рассказавшая о ней,
Из очей героя слезы заструились горячей.
О себе они забыли, обезумев от огней,
Из нарциссов на порошу перлов ринулся ручей.

Витязь вымолвил :«Всю повесть до конца поведай мне».
Отвечала: «Поклонилась я сияющей луне.
Руки, ноги целовала ей в вечерней тишине
И с прекрасною осталась говорить наедине.

Я спросила: «Где же страны светоносные лежат,
Привели тебя откуда, о владычица Плеяд?»
Отвечать не пожелало средоточие услад,
Светлых слез ее каскады заволакивали взгляд.

И, внимая неотвязно-вопрошающим словам,
Тихо всхлипывала дева, волю давшая слезам.
Шли потоки из нарциссов по гишерным желобам.
Созерцала я, и сердце разрывалось пополам.

«Ты мне матери любезней,— так ответила она, —
Но покажется рассказ мой дикой сказкой болтуна;
Некой страннице печальной, мне погибель суждена.
Ты дальнейших объяснений домогаться не должна».

Я подумала: не знаю, как светило сохранить,
Ведь хранящий, обезумев, разорвет сознанья нить.
В час удобный для прошенья можно просьбу повторить,
Но пока еще не время с этим солнцем говорить.

СКАЗ 38 КАК ФАТМАН ПРИВЕЛА НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К СЕБЕ И ПОВЕДАЛА О НЕЙ УСЕНУ

Я взяла красу, которой славословия не льстят;
Перед ней, чтоб не узрели золотых лучей каскад,
Опустила я свободно подымающийся плат.
От ресниц метель подула, на рубины падал град.

Так вошла в мой дом та пальма, что в эдеме возвращена;

В пышно убранных палатах поместилась она,
И была моею волей ото всех утаена.
Для услуг дала я негра и входила к ней одна.

Эта дева удивляла поведением своим,
День и ночь из глаз бежавший был поток неистощим;
Лишь на миг она смолкала, вняв молениям моим.
Как я жить могу в разлуке, предаваясь мукам злым!

Перед ней алмазным ливнем был всегда залит ковер,
И гишеровые копыя закрывали скорбный взор;
Чащи черные черпали черноту больших озер,
И просвечивали перлы сквозь коралловый раствор.

Не могла я выбрать время для расспросов и речей.
Если спрашивать пыталась: «В чем причина скорби сей?»
То в ответ она безмолвно изливала слез ручей.
Из людей никто не стерпит боль, доставшуюся ей.

И постель и одеяло отвергала та луна,
Одеянья и покрова не снимала и для сна;
Ей подушку заменяла лишь рука ее одна,
После сотни просьб лишь каплю съесть решалась она.

Описать должна подробно я сверкавшее на ней;
Хоть видала я немало самых редкостных вещей,
Тот покров казался чудом и для опытных очей,
Бархат мягкостью являл он, панцирь прочностью своей.

Так она довольно долго этот радовала дом.
Я старалась, чтобы с тайной муж остался незнаком;
Порешила: коль узнает, разболтает он о том;
То входила к ней, то снова выходила я тайком.

Я подумала: «Но как же, ничего не рассказав,
Мне искать ей утешенья, развлеченья и забав?
Если муж о ней узнает, обнаружит злобный нрав,
Как сокрою свет, что солнце затмевает, засияв?

Что одна я делать стану с нарастанием огня?
Лучше мужу повиниться, подозренья отгоня.
Перед тем да поклянется, что не выдаст он меня,
Не захочет он погибнуть, страшной клятве изменя.

Я его расположила нежной лаской, добротой,
Объявила: «Если хочешь знать о редкости одной,
Поклянись, что никому ты не откроешь тайны той».
Он сказал: «Пускай о скалы я ударюсь головой!

Что поведать пожелаешь, не скажу я никому:
Ни завистнику, ни другу, ни владыке своему».
И, открыв Усену тайну, объявила я ему:
«Ты за мною следуй к солнцу, разгоняющему тьму».

Лишь вошли в покои девы мы с особого крыльца,
Вопросил Усен, увидев уязвлявшую сердца:
«Из чего и кто содеял странный свет ее лица?

Если то земли творенье, пусть прогневаю творца!»

Я сказала: «Это призрак иль земное существо,
Кроме сказанного мною я не знаю ничего.
Спросим, кто она, откуда и скорбит из-за кого?
И ответить соизволит, если сердце не мертво».

Мы вдвоем вошли бесшумно, уважения полны,
Доложили ей: «Светило, мы тобою сожжены;
О, поведай, в чем лекарство для тускнеющей луны?
Несравненные рубины чем в шафран превращены?»

Слыша нас или не слыша, дева уст не разняла,
Не показывались перлы, роза связана была
Извивающихся змеек перепутались тела;
Затесненное драконом солнце сковывала мгла.

Эта дева не внимала нашим трепетным речам,
И сидела как тигрица, притаившаяся там.
Снова хлынувшие слезы уподобились ручьям.
«Я забыла всё! Уйдите!» — вот всё сказанное нам.

Возле плачущей мы сели, зарыдали вместе с ней,
Но, о сказанном жалея, не нашли иных путей.
Умалить едва смогли мы возрастание огней,
И от наших угощений отказался свет очей.

Муж сказал: «В ее сверканье всех печалей жар угас.
Как же смертный поцелует пламя щек и солнце глаз?
От нее вдали страданье возрастает в сотни раз.
Если дети мне дороже, пусть умрут они сейчас!»

От нее уйдя нескоро, свой мы прокляли удел,
Был приход пределом счастья, а уход — всему предел.
Близ нее мы забывали суету торговых дел,
Нам сердца источник света сетью крепкою одел.

СКАЗ 39 СООБЩЕНИЕ О НЕСТАН-ДАРЕДЖАН, УСЕНОМ ЦАРЮ СДЕЛАННОЕ

Ночь и день чередовались, много дней прошло потом.
Объявил Усен: «Давно уж не видался я с царем:
Не мешало бы с дарами мне поехать в царский дом».
Я сказала: «Зла не вижу я в желании твоём».

Взял он перлы и рубины. Я, спеша предостеречь,
Умоляла: «Опасайся ты придворных бражных встреч!
Если ты о ней расскажешь, то вонзишь мне в сердце меч!»
Клятву дал: «Не выдам тайну, пусть глава скатится с плеч!»

Пировал страны властитель той веселою порой,
Был Мелик-Сурхав с Усеном связан дружбою большой;
Принял царь подарки друга, усадил его с собой.
Ах, насколько опрометчив и смешон купец хмельной!

Много выпил царь с Усеном, стала речь их не строга.

Позабыл Усен о клятве, честь ему не дорога.
Что тому Коран и Мекка, кто нечистому слуга!
Не идет вороне роза, не идут ослу рога.

Обратился царь к Усену, опьяневшему вполне:
«Где камень ты находишь, неизвестные в стране?
Где найти рубины, перлы, даже меньшие втрое?
Всех сокровищ для оплаты, видит бог, не хватит мне!»

Отвечал Усен с поклоном: «Всё тебе подчинено,
О светило дня, тобою бытие озарено.
Всё Усеново именье, всё богатство — чье оно?
Я нагим рожден из чрева, мне царем добро дано.

Не пристало снисхожденье к незначительным дарам.
Что камень? Солнце мира для царевича отдам,
Этим делом несомненно угожу я господам,
И еще приятней станет ваше царствование вам!»

Ах, опору веры, клятву, без стыда нарушил он!
Рассказал царю о деве, озарявшей небосклон.
Так пирующей властитель был купцом увеселен,
Привести ее велел он; слово царское — закон.

Я была в своих покоях, не томил меня недуг.
Царской стражи предводитель на пороге вырос вдруг.
С ним, как водится, явилось шестьдесят дворцовых слуг.
«Нечто важное случилось», — я сказала сердцу вслух.

Слово царское промолвил предводитель стражи той:
«Преподнес Усен владыке свет затмившую красой,
Приведи скорее деву, уведем ее с собой!»
Тут гора повергла гору, небо пало надо мной.

Я спросила с удивленьем: «Что за деву надо вам?»
Был ответ: «Царю подарен лик, подобный небесам!»
Не могла я прекословить смертью дышащим словам,
Не могла ни приподняться, ни сидеть остаться там,

Я вошла, сидела дева светозарная в слезах;
Ей сказала: «Видишь, солнце, мы у злой судьбы в сетях.
Надо мной нависло небо, порождающее страх:
Царь забрать тебя желает. Я повергнута во прах».

Та сказала: «Что дивишься ты несчастьям сестры?
Ведь судьба меня терзает с незапамятной поры.
Было б дивным измененье роковой ее игры,
Для меня привычны горя и несчастья дары».

Слезы, падая, казались перлов крупных чередой.
Позабывшая различье между счастьем и бедой,
Встала дева без боязни, словно тигр или герой,
И окуталась поспешно ей протянутой чадрой.

Я в сокровищницу нашу несравненную вошла
Перлов царственных набрала, сколько вынести могла;
Равной ценности селенья ценность каждого была

Опоясала я ими древо света и тепла.

Я сказала: «Эти перлы никогда не повредят»,
И увел мое светило царских воинов отряд.
Царь узнал, навстречу вышел. Били бешено в набат.
Шла прекрасная безмолвно, устремляя долу взгляд.

Всё росла и расширялась любопытных череда,
Перед их напором стала стражи твердость не тверда
Созерцанием пришедшей наслаждавшийся тогда,
Ей сказал властитель: «Солнце, как попало ты сюда?»

Туг кругом нее заморгали, нестерпимый пламень жег.
Молвил царь: «Я, много знавший, был от знания далек.
Кроме бога всеблагого кто б увидеть это мог?
Кто влюблен в нее, в безумье вдаль ускачет без дорог».

Он расспрашивал светило, усадив его с собой:
«Кто ты, чья ты и откуда снизошла ты в город мой?»
Но уста не раскрывались бело-розовой зарей,
Что бестрепетно сидела со склоненной головой.

Не привлек вниманья девы ни один его вопрос:
Знать, поток иных раздумий далеко ее унес.
Жемчугами не сверкали лепестки сомкнутых роз.
Изумляла созерцавших доводившая до слез.

Царь сказал: «Что можно думать о безмолвии таком?
Есть на это два ответа: истомленная огнем,
Дева думает всё время о возлюбленном своем
И ни с кем иным не может молвить слова ни о чем.

Иль возвышенная мудрость небесами ей дана,
Горе горем не считает, радость — радостью она;
Для нее беда и счастье — сказка чудная одна;
Мысль ее на крыльях белых в синеву устремлена.

Дай царевичу, о боже, над врагами торжество
И заставь светило это встретить радостно его!
Может быть, немое станет говорящим существо.
Пусть грустит луна без солнца здесь до времени того».

О царевиче скажу я: хорошо сражался он,
Был отважен и прекрасен, добронравен и умен,
Сокрушал тогда он в битвах силу вражеских племен.
Для него отец готовил блеск, сжигавший небосклон.

Нарядили то светило, что затмило рой планет,
И камня засверкали, расточая яркий свет,
Был из цельного рубина на чело венец надет.
И прозрачные кристаллы украшали розы цвет.

Царь велел: «Украстье спальню озарившей высоту!»
И из золота литого ей поставили тахту.
Проявил владыка славный, как достойно, доброту —
Усадил собственноручно светозарнейшую ту.

Девять евнухов призвал он, стала стража у дверей;

Сел за пир, как подобало, царь, рожденный от царей,
И Усену дал подарки, злата чистого ценней.
Били громко барабаны, пели трубы трубачей.

Длился пир. И было ими много выпито питья.
Дева сердцу говорила: «Не легка судьба моя;
Ах, кому себя предаю я, страсть единую тая?
Чтобы этого избегнуть, что должна содеять я?

Пусть ланит розоподобных красота не отцветет,
Может быть, мне даст победу царь заоблачных высот.
Если разум не померкнет, кто же сам себя убьет?
Мудрость мудрому поможет уцелеть среди невзгод».

После евнухов созвало и сказало пламя дня:
«Поступаете вы глупо, несогласную храня.
Понапрасну ваш властитель счел невестою меня,
Понапрасну и кимвалы надрываются, звеня.

Не гожусь я вам в царицы, предстоит мне путь иной,
Нет, моим не станет мужем ваш сверкающий герой!
Прекратите уговоры, неизменен жребий мой,
Мне остаться в этом доме не положено судьбой.

Никогда не соглашусь я, заколю себя ножом,
И властитель вас, конечно, повелит казнить потом.
Лучше перлы вы возьмите, те, что в поясе моем,
Скрыться дайте мне возможность, отпустив меня тайком».

Перлы белые достала озарявшая дворец,
Из граненого рубина с головы сняла венец
И сказала: «Всё возьмите, не черня своих сердец, —
Мне свободу возвратите, не забудет вас творец!»

Те схватили украшения, что прекрасная сняла;
Своего царя забыли, так их жадность разожгла;
Тайно вывести решили ту, что солнечно-светла.
Посох дьявольского корня — злато — деет много зла!

Никогда отрады злато златолюбцу не дает;
Лишь со скрежетом зубовным в землю алчущий сойдет;
Злато входит и уходит, всё не сходится расчет;
Жадность к миру дух привяжет, отвлекая от высот.

Раб, один из одаренных, снял наряд презренный свой,
Дал в него переодеться одарительнице той.
В зале музыка гремела, ход избрали потайной,
И луна осталась полной, не проглоченной змеей.

Вслед и евнухи исчезли, проскользнувшие тайком.
Лучезарное светило постучалось в мой дом,
Вышла я, луну в объятья заключила с торжеством.
Не вошла она в жилище, хоть просила я о том.

Изрекла: «Я откупилась, отдала твои дары.
Милосердная, да будут небеса к тебе добры!
Дай мне лошадь поскорее, дай умчаться до поры,

Иль вернет меня властитель, чьи служители хитры!»

Я в конюшне отвязала наилучшего коня,
Село весело светило, не вздыхая, не стена.
Так на Льва садится солнце ярко блещущего дня.
Я посеяла, но жатва ускользнула от меня.

Потемнело. Слух пронесся. Стражи кинулись кругом,
Тесно город оцепили и ко мне ворвались в дом.
Я сказала: «Если солнце в доме спрятано моем,
Уличенная, да буду я наказана царем!»

Не нашли и устыдились, и пропал беглянки след.
С той поры дворец горюет, и нигде улыбки нет.
Фиолетовый все носят, вместо пурпурного, цвет,
И не радует державу золотого солнца свет.

Но пока прерву я повесть об источнике услад,
Расскажу об угрожавшем, что пучиною объят.
Я была его козлицей, стать он козлицем был рад
Мужа трусость опозорит, а жену распутный зад.

Не нашла я счастья в муже, неприглядном и худом.
Чачнагир же, витязь юный, был в монарший принят дом;
Хоть любила, не ношу я ныне траура по нем;
Кровь его мне, ненасытной, показалась бы вином.

Обезумев, я до слуха чачнагира довела,
Как явилась дева-солнце, как лисицею ушла.
Он грозил разоблаченьем, посулил немало зла.
Для меня он труп, не больше! Ах, как я себя спасла!

Он со мной, бывало, споря, не стыдился угрожать.
Пригласив тебя, не знала, что приедет он опять.
Сообщил он о желанье в нашем доме побывать;
Я гонца к тебе послала, чтобы ты вернулся вспять.

Не поехал ты обратно и лучом ворвался в дом;
Он вошел, и вы неожиданно в доме встретились моем,
Потому была я в страхе и охвачена огнем.
Смерти мне желал он сердцем, а не только языком.

Ко двору, когда б не умер, он явился бы опять,
Разъяренный, поспешил бы обо всем он рассказать;
Царь рассерженный велел бы дом Усена разметать
И, детей пожрать заставив, вслед за тем казнил бы мать.

Знай, за то тебе заплатит вседержитель всеблагой.
Ты меня от взгляда змия спас могучею рукой.
Ублажать отныне буду нрав судьбы уже не злой:
Гибель мне не угрожает, и смеюсь я над бедой».

Автандил сказал: «Об этом есть и в книгах мудрецов
Разъяренный друг страшнее самых яростных врагов —
Не доверится такому, кто не вовсе безголов.
Но не бойся, умерщвленный не войдет под этот кров.

После бегства светлой девы разве не было вестей?

Умоляю, Расскажи мне всё, что знаешь ты о ней!
Та ответила, потоки изливая из очей:
«Освещавшее долины скрылось полчище лучей!

О судьба, ты лжешь бесменно, твой прообраз — сатана.
В чем твоя измена скрыта и отколь идет она,
Где схоронена тобою несравненная луна?
Где ни будь, везде бесцельность мира этого видна».

СКАЗ 40
РАССКАЗ ФАТМАН
О ПЛЕНЕНИИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН КАДЖАМИ, АВТАНДИЛУ
ПЕРЕДАННЫЙ

Изрекла Фатман: «Всю землю озарявшая ушла,
Жизнь, которую случайно для себя я обрела;
С той поры я изнываю, душу сковывает мгла,
Из очей неистощимых слезы льются без числа.

Дом и дети мне постыли, жизнь казалась вечным злом,
В полусне я горевала, и во сне, и перед сном.
А Усен, клятвопреступник, представлялся мне лжецом;
Подойти ко мне не смел он и с опущенным лицом.

Как-то раз я проходила мимо стражи. Был закат.
Дом узрев странноприимный, я помедлила у врат.
Вспоминала то светило, чьи огни меня казнят,
Клятву каждого мужчины проклинала много крат.

Некий раб и три сопутных забрели в наш славный град.
У раба наряд был рабский, у других — простой наряд;
За гроши питья и пищи накупив, уселись в ряд,
Пили, ели, толковали, хохотали нараскат.

Я внимала, говорили: «Веселимся мы и пьем,
Но меж нами каждый знает очень мало о другом:
Кто, зачем, куда, откуда и каким идет путем.
Пусть же каждый без утайки всем объявит о своем».

Пересказывали вести, как давно заведено.
Молвил раб: «О братья, небом провидение дано!
Я собрал для вас алмазы, вы же сеяли пшено:
Восхваляю свое известье, ибо лучшее оно.

Я слуга царя, что правил всей Каджетскою страной.
Но однажды царь великий был сражен болезнью злой,
Вдов и сирот утешитель удалился в мир иной,
А царевичи царевой опекаемы сестрой.

Дулардухт — жена, но сердцем неподатливей камней;
Рать ее неуязвима, а сама разит людей.
Как сыны Росан и Роди, два племянника у ней.
Ныне власть ее простерлась над Каджетиею всей.

Мы узнали, что за морем умерла ее сестра.
Омрачились царедворцы, и никто не ждал добра.
Кто доложит о покойной, что пришла ее пора?

Раб Рошак был старшиною всех служителей двора.

Он сказал: «На плаче этом я не буду, хоть убей.
На разбой пойду в долины я с дружиною своей,
Возвращусь обогащенным, не промешкав много дней,
Провожать пойду царицу, о сестре поплачу с ней»,

Он созвал своих подручных, мы сошлись к нему на зов;

Из пришедших он с собою взял отборных сто рабов.
По ночам подстерегали, днем ловили мы купцов,
Караваны разоряли, изрубив проводников.

Так однажды ночью темной мы блуждали, сея зло;
Неожиданно равнина озаряется светло.
Мы сказали: «Неужели солнце на землю сошло?»
Пораженные, болтали всё, что в голову взбрело.

Что зарей одним казалось, то — луной другим очам;
Рассмотреть вблизи желая, приближались мы к лучам;
Окружить спеша сиянье, растянулись по полям.
Глас, из блеска исходящий, обратился властно к нам:

«Кто вы, всадники? Хочу я слышать ваши имена!
Я послем в Каджети еду! Сторонитесь от меня!»
Но, услышав, приближались мы, молчание храня;
Перед нами оказался всадник с обликом огня.

Взор был молнии подобен, пересекшей небосклон;
Был сияньем беспредельным сумрак ночи освещен,
Был тенистый строй гишерный блеском перлов озарен,
Но звучал сердито голос, хоть прекрасен был и он.

Обратились мы к светилу дружелюбным языком.
Ложь открылась — это солнце вовсе не было рабом,
В нем мы женщину узнали, подобрались мы тайком
И пленить дерзнули солнце, обступив его кругом.

Вновь ее мы попросили: «О себе поведай нам.
Чья ты, кто ты, в местность эту по каким пришла путям?»
Но в безмолвье пребывала волю давшая слезам.
Блеск драконом поглощен был, и тоскливо стало нам.

От сомкнутых уст прекрасной не дождались мы вестей:
Кто она, какой бездушный обманул ее злодей?
Не поведала, в досаде, нам истории своей,
Взором, аспиду подобно, цепенящая людей.

Нам Рошак велел: «Не смейте вы светлейшей докучать;
Дело дивного светила очень трудно изъяснять;
О судьбе царицы нашей люди могут лишь мечтать,
Ибо ей дарит создатель всё, что может удивлять.

Эта девушка нам богом вечноблагодным дана;
Отведем ее к могучей, осчастливит нас она.
Если скроем, то, конечно, обнаружится вина
И позорными навеки станут наши имена».

Мы с Рошаком согласились, прекратился этот спор;
Все отправились в Каджети с освещавшею простор;
Больше к ней не обращались, и не ранил разговор
Застилавшему слезами ослепительный свой взор.

Я сказал тогда Рошаку: «Отпусти меня пока,
Я заеду в Гуланшаро и вернусь наверняка».
Разрешил он. «В граде этом у меня лежат шелка,
Захвачу их и не медля догонять помчусь войска».

Был рассказ раби приятен для внимающих людей,
Слезы лить я перестала, стало на сердце светлей;
Я узнала каждый признак той, что всех надежд милей,
Успокоилась немного от нечаянных речей.

Привела того раба я, усадила пред собой,
Повелела: «Повтори-ка мне рассказ чудесный свой!»
И вторично рассказал он о беглянке молодой.
Умиравшая в мученьях, снова стала я живой.

Я тотчас же обратилась к черным двум моим рабам,
Что, волхвуй, становились недоступными очам,
И в Каджети их послала, чтоб они, не медля там,
Всё разведали о ясной и скорей вернулись к нам.

Через трое суток ими я была извещена,
Что царице, в путь спешащей, огнеликая дана;
От людей теперь сокрыта несравненная луна
И помолвлена с Росаном, малым юношей, она.

«Мы на ней Росана женим, — Дулардухт велела так, —
Не до свадьбы нам сегодня, торжествует в сердце мрак;
Возвратившись из-за моря, я устрою этот брак».
В замке евнух охраняет красоты небесной знак.

Чародеев знаменитых увезла она с собой,
Ибо долгий путь опасен и враги готовы в бой;
А войска ее остались за оградой крепостной,
И, отплывшая, не скоро приплывет она домой.

До сих пор столица каджей неприступною была;
Посредине их твердыни возвышается скала,
А в скале — проход, идущий от подножья до чела,
Где таится та зарница, что губительно светла.

У дверей прохода вечно стражи грозные стоят.
Там дозорных десять тысяч, имениты все подряд;
По три тысячи охраны у троих каджетских врат.
Сердце, с миром бессердечным как союз твой не разьят?»

Эти новости услышав, солнцеликий Автандил
Отцветающую розу снова ярко расцветил;
Полный радости великой, небеса благодарил,
Разузнав, куда сокрыли то светило из светил.

«О, любимая, — сказал он, — видно, я тобой любим,
Грусть развеяна рассказом увлекательным твоим,

Но давай беседу нашу о Каджети мы продлим!
Каждый каджи бестелесен, как же станет он земным?

Я скорблю о полоненной, и палят меня огни,
Только что ей смогут сделать бестелесные одни?»
Та ответила: «От сердца ты сомненье отгони!
Каджи — люди, а не бесы, хоть враждой полны они.

Люди каджами зовут их потому, что этот род
На высотах достигает волхвования высот,
Всем вредит и досаждаёт, недоступный для невзгод.
Тот ослепшим возвратится, кто на каджей нападет.

Чудеса они являют, поражают слепотой,
На ладьи врагов бросают злых смерчей свистящий строй,
По волнам шагают смело, воду делают сухой,
Знойный полдень затемняют, освещают мрак ночной.

Потому так называют окружающие их,
Хоть они не бестелесны, вроде всех людей земных».
Благодарность изъяснил он: «Мой огонь теперь утих.
Стало сердце светлее от чудесных слов твоих».

Автандил, рыдая, славил побеждающего тьму:
«Благодарностью безмерной я дары твои приму.
Ты, никем не изъяснимый, не доступный никому,
Боль нежданно исцеляя, внял моленью моему».

Вседержителя он славил за услышанный рассказ,
Но Фатман возревновала солнцеликого тотчас.
Не перечил распаленной притягательной для глаз:
Покоряясь, целовал он целовавшую не раз.

С Автандилом этой ночью тешилась она,
Хоть в объятья неохотно им была заключена;
Ведь мерещилась герою аравийская луна,
Обезумевшее сердце до утра не знало сна.

Слезы витязя стремились докатиться до морей,
И корабль гишёрный плавал в черном омуте очей.
Витязь думал: «Кто владеет ныне розою моей?
Я — как ворон на навозе, хоть рожден как соловей».

Мог растрогать даже камни плач рыдавшего тайком,
И затоном стало поле роз, обрызганных дождем.
Услаждалась, ликовала с ним лежащая вдвоем:
Ворон, розу обретая, стать захочет соловьем.

На заре пошел купаться лучезарный светоч стран;
Благовонья и одежды поднесла ему Фатман,
Много платьев подарила, не один дала тюрбан:
«Как угодно одевай же, без стеснения, статный стан!»

Он подумал: «Я сегодня о себе не умолчу!
Одеяние торговца променяю на парчу».
И оделся витязь в платье, подходящее к мечу,
Красоту свою умножил, уподобился лучу.

На обед к Фатман тогда же приглашен был Автандил,
Разукрашенный явился, весел сердцем, полон сил;
Он любовницу вельможным одеяньем удивил.
Улыбаясь, объявила: «Ты мне взоры усладил»,

Изумленная, безмерно восторгалась красотой;
Но, украдкой усмехаясь, говорил себе герой:
«И донине я не понят этой женщиной смешной».
Он терпел ее объятья. Разве был исход иной?

Пообедали, расстались, поскакал домой спаспет;
Задремал, хмелен и весел, в шелк и золото одет;
Только к вечеру проснулся, по полям рассыпал свет,
Пригласил Фатман: «Один я, никого со мною нет».

Лишь вошла, от изумленья перед ним упала ниц:
«Ах, убьет меня, алоэ, это полчище зарниц!»
Усадил ее поближе блеск, не знающий границ,
И на рощу роз упала тень от хижины ресниц.

Автандил сказал: «Быть может, словом сердце разобью,
Задрожешь, почуяв новость, словно в руки взяв змею.
Лишь теперь тебе откроюсь, ничего не утаю;
Знай, гишеровые стрелы пронизали жизнь мою.

Ты решила: он торговый возглавляет караван.
Знай, мне все войска вверяет царь великий Ростеван,
Многих ратей предводитель, я ношу спаспета сан,
Мне открыты арсеналы в городах аравитян.

Я в твоей надежной дружбе совершенно убежден.
Дочь царя лицом хрустальным озаряет небосклон,
И ее сверканьем нежным я расплавлен и сожжен,
На чужбину ею послан я, хранивший царский трон.

Я разыскиваю ныне деву, бывшую с тобой;
Ту луну ища повсюду, обошел я круг земной.
Льва я видел, что блуждает ради бедствующей той,
Сам себя уничтожая нескончаемой тоской».

О своих скитаньях долгих рассказал ей Автандил
И о том, кто стан прекрасный в шкуру тигра облачил
«Для неведомого мужа ты — бальзам, источник сил,
И осушишь ты ресницы цвета вороновых крыл.

Сделай так, Фатман, чтоб витязь огнеликий не угас.
Мы поможем вспыхнуть снова солнцам, гаснувшим сейчас;
Люди все, узнав об этом, славословить будут нас.
Может, вновь соединятся разлученные не раз:

Колдуна ко мне пришли ты, пусть в Каджети он пойдет,
Наши новости доложит солнцу в облаке невзгод;
Совершить нам подобает всё, что дева изберет.
Коли бог того желает, мы низвергнем тьмы оплот».

Изрекла Фатман: «Отрада мне создателем дана,
Весть, услышанная мною. лишь бессмертию равна!»

Мага, черного как ворон, привела тотчас она,
Повелев: «Спеши в Каджети, где скрывается луна.

Днесь узнаю, сколь полезна для меня волшебба твоя,
Из моей пронзенной жизни устрани ты острия,
Солнцу, жаждущему вести, дай целебного питья!»
И ответил тот: «До завтра всё узнать сумею я».

СКАЗ 41 ПИСЬМО ФАТМАН К НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Написала: «Солнце мира, озаряющее даль!
От кого ты удалилась, те утешатся едва ль,
Мудрый свет сладкоречивый, изгоняющий печаль,
С драгоценнейшим рубином вместе спаянный хрусталь;

Хоть историю свою ты не дала услышать мне,
Всё же я узнала правду про тебя на стороне.
Извести же Тариэля, что скорбит в чужой стране,
Пожелания все ваши да исполнятся вполне!

Ныне брат его по клятве к нам приехал за тобой,
Автандил, арабский витязь, славный славой боевой;

Он спасет царя Ростена, не затронутый хулой.
О себе самой вестями нас, благая, удостой!

Потому отправлен нами этот раб к тебе с письмом.
Если каджи возвратились, ты поведай нам о том,
Сообщи подробно: сколько войска в городе во всем,
Кто охрана и над нею кто поставлен главарем.

Напиши нам, что намерен предпринять коварный врат,
И какой-нибудь пришли ты для возлюбленного знак;
В расцветающую радость преврати унынья мрак.
Вашу встречу я устрою, коль творцу угодно так!»

Колдуну тому посланье было ею вручено:
«Вот письмо, солнцеподобной предназначено оно».
Ткань зеленую накинув, черный выпрыгнул в окно
И над кровлями растаял во мгновение одно.

Полетел колдун бывалый, словно ловкая стрела.
Долетел. Каджети скрыла предвечерней тени мгла.
Сквозь врата прошел незримый, где дозорным нет числа,
От Фатман привет он отдал той, что солнечно светла.

На замок был заперт замок, но замков для мага нет.
Негр вошел длинноволосый, в плащ таинственный одет,
Солнце вздрогнуло в испуге, ожидая новых бед.
Роза цвет прияла желтый, а фиалки — неба цвет.

Негр сказал: «Вотще трепещешь, сердце ужасом тесня.
Знай, Фатман сюда прислала с вестью радостной меня;
Я не лгу! Гляди! Посланье скажет, истину храня.
Не спеши увянуть, роза, поспешает пламя дня».

Удивилась этой вести та, не ждавшая чудес;

Тут миндалины раскрылись, задрожал гишерный лес.
Раб вручил письмо, и радость получила перевес,
Вся в слезах, читала дева, славя благостность небес.

Прочитав, она спросила: «Кто, скажи, спаситель мой?
Что топчу еще я землю, разве знает кто земной?»
Он ответил: «Доложу я только знаемое мной, —
С той поры, как ты исчезла, наше солнце стало тьмой.

С той поры она не может залечить сердечных ран,
Слезы льются бесконечно и втекают в океан.
О тебе уже однажды приносил я весть Фатман,
И с тех пор, не утихая, слезный дождь ее багрян.

Прибыл к нам какой-то витязь, обаятельный лицом,
Госпожа ему сказала о несчастье твоём.
Он — искатель твой отважный, ловкий в деле боевом,
Ими ведено мне было проскользнуть к тебе тайком».

Дева молвила: «Правдиво сей рассказ был изъяснен.
Как могла Фатман разведать, кто увел меня в полон?
Где-то есть, наверно, тополь, кем огонь мой разожжен,
Напишу я, ты же устно изъясни сердечный стон».

СКАЗ 42 ПИСЬМО НЕСТАНДАРЕДЖАН К ФАТМАН

Светлоликая писала: «Ты мне матери милей,
Посмотри, что мир содеял с бедной пленницей своей!
Он, терзающий мой разум, увеличил вихрь огней,
Но пришло твое посланье, стало на сердце светлей.

От волхвов двоих спасла ты горевавшую в плену.
Ныне, каджами хранимых, я ворот не отомкну,
Ибо тысячи злодеев стерегут меня одну,
И мои не тронут стоны роковую тишину!

О каких еще событиях написать возможно тут?
Дулардухт не возвратилась, каджи скоро не придут.
Но бесчисленные стражи замок зорко стерегут.
Будут поиски бесцельны и бесплоден всякий труд.

Кто искать меня приехал, жизнь цветущую казня,
Тот напрасно подвергает сердце ярости огня.
Всё же, солнце созерцавший, он счастливее меня,
И к нему питаю зависть я, не видящая дня.

Я тебе не рассказала нашей повести тогда:
Это стоило бы сердцу непосильного труда.
Пусть возлюбленный смягчится, или ждет меня беда,
Напиши ему, пускай он не является сюда.

Вез его мучений лютых здесь тоски довольно мне,
Коль его увижу мертвым, я умру в двойном огне,
Мне никто помочь не сможет в этой дьявольской стране.
Да побьют меня камнями, если этой быть войне!

Ты велишь прислать что-либо для того, кто мной любим.

Шлю обрывок покрывала, мне подаренного им.
Дар его являлся взору наслаждением неземным,
Хоть с моею долей черной он окраскою сравним».

СКАЗ 43
ПИСЬМО НЕСТАН-ДАРЕДЖАН
К ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

А теперь она, рыдая, шлет возлюбленному вдаль
То письмо, что раздирает сердце внемлющим, как сталь.
Слезы гасят жгучий пламень, что зажгла ее печаль,
И разорванная роза обнажает свой хрусталь.

«Из души письмо я выну, тело будет мне пером,
Горькой желчью напишу я, вспоминая о былом.
На листе трепещет сердце, как на сердце дорогом.
Сердце, к сердцу припадая, век останешься вдвоем!

Ты, мой свет необычайный, чародейных полный сил,
Без тебя темнеет сердце и сияние светил.
О, недаром взору мудрых мир неверностью не мил!
Без тебя меня безмерно гнет печали истомил.

Разлучили нас навеки жизнь тревожная и рок,
Я чужда теперь веселью — веселивший так далек.
Ах, оторванный от сердца, ты страдать его обрек!
Что таил доселе разум, то в узоре этих строк.

Я, клянусь твоим сияньем, мертвецом тебя сочла,
И была палящей скорбью радость выжжена дотла;
Но узнала — жив, и к небу вознеслась моя хвала.
Прежний мрак уравновесить весть отрадная пришла.

В сердце весть проникла светом дорогого бытия,
И оно презрело раны обожженные края.
Пусть к затерянной стремится греза нежная твоя
И растет любовь, что в сердце для тебя взрастила я.

Так пишу, но не опишешь всей истории моей,
Так язык иссохнет, правда станет вздором для ушей.
Помогла Фатман вначале; небеса молю о ней.
Снова мир меня терзает в злобной ярости своей.

И теперь, прибавив к горю горе горше во сто крат,
Он израненную ранить снова бедствиями рад.
Под конец меня он ввергнул в необорный этот ад.
Так, подосланные роком, нас случайности казнят.

До подножья этой башни не достигнет острый взор,
Вглубь скалы ведет дорога, и стоит на ней дозор.
Смена вовремя приходит по угрюмым ребрам гор,
Чужака хватая, стража превращается в костер.

Знай, что способом особым начинают битвы тут.
Горше этого мне будет, коль тебя они убьют.
И сгорю, как от огнива загорающийся трут.
Так смирись, храбрец хоть сердцем, как утес отвесный, крут!

Не хочу я, чтоб любимый так терзался и страдал.
Не подумай, что другому рок любовь твою отдал,
Не бывать тому вовеки! Обреченная меж скал,
Лучше брошусь я с обрыва или кинусь на кинжал.

Я, клянусь тобою, солнце, буду век твоей луной,
Я не дамся, если даже трое солнц придут за мной,
И скорей со скал низринусь в сумрак пропасти ночной.
Обратись, любимый, к небу с окрыленною мольбой!

Будь заступником пред богом. Тяжко мне в краю земном,
Окруженной гулким ветром, влагой, прахом и огнем.
Окрыли меня, всевышний, чтобы в сумраке и днем
Я с лучом не разлучалась и жила, как птица, в нем.

Без тебя погаснет солнце, ты ведь часть его огня,
Так сопутствуй же светилу, вечный жар его храня.
Буду зреть тебя, и сердце озарится у меня.
Жизнь горька, и смерть подходит, к темной пропасти маня.
Не страшит меня погибель. Возносясь к тебе душой,
Я любовь твою вобрала, и она во мне, со мной.
Хоть разлука ранит сердце и томит его тоской,
Не рыдай и не печалься, пламень сердца дорогой.

Мой родитель в затрудненье. Устремись туда, где он
Разъяренными врагами отовсюду окружен;
Бездочернему будь сыном и, сияньем озарен,
Помни деву, от которой мир слезами отделен.

Мой удел, достойный жалоб, мною ныне изъяснен,
Эта правда, тронув сердце, порождает долгий стон.
Скоро стану я причиной злого карканья ворон,
А пока жива я, будет взор твой влагой орошен.

Берегу я твой подарок, это чудо из чудес,
Символ радости, чей светоч неожиданно исчез.
Шлю герою покрывала, им подаренного, срез.
В гневе кружится над нами колесо семи небес».

Так любимому посланье дописала и потом
Край отрезала у шали, эту память о былом,
И открывшиеся косы чудным прянули ручьем.
Ворон пальмы ароматы развевал своим крылом.

В Гуланшаро возвратился к госпоже слуга опять,
Долгий путь он был способен во мгновенье совершать.
Он явился к Автандилу, не заставив долго ждать,
И восславил солнцеликий провиденья благодать.

Он Фатман с улыбкой молвил: «Я по милости твоей
Всё узнал, услуга эта мне сокровища ценней.
Пробил час. Приходит время. Надо рать собирать скорей.
В царство каджей приведу я их нежданных палачей».

Отвечала: «В отдаленье от живых твоих огней
Мне в страдающее сердце заползет орда теней,
Но не думай обо мне ты, следуй помыслом за ней.

Если каджи всё узнают, будет справиться трудней».

И прислужников созвал он, коих дал ему Придон.
Повелел он: «Каждый мертвый днесь да будет воскрешен!
Мы желанное узнали. Вестью падший окрылен.
В прах врагов пора повергнуть, слышать горестный их стон.

Передайте Нурадину, что пришлось увидеть вам.
С ним пока я не увижусь. Путь мой дальний скор и прям.
Пусть, возвысив мощный голос, он готовится к боям.
Всё, чем ныне я владею, вам, служители, отдам.

Остаюсь теперь я вашим благодарным должником,
Расплачусь, когда с Придоном повстречаемся потом.
Ныне выдам, что с пиратов общим взяли мы трудом
Здесь я больше не имею. Покажусь я вам скупцом.

Не при мне мои богатства, не смогу раздать наград».
Тут корабль им подарил он и для каждого наряд
И велел: «Дорогой прежней вы отправитесь назад!
Вот письмо. Придону дайте, я писал, как брату брат!»

СКАЗ 44 ПИСЬМО АВТАНДИЛА К ПРИДОНУ

Написал: «Придон державный, полный счастья, царь царей,
В ратоборстве лев могучий, солнце в полчище лучей,
Вражьей кровью затопивший ширь бескрайную полей,
Я — твой младший брат и брату шлю привет из-за морей.

Награжденный за страданья, что изведаны сперва,
В деле, мною предрешенном, я добился торжества
И узнал об испытаньях неземного существа,
О котором дума в муках всё ж поддерживает льва.

Каджи солнце полонили, к нам пришла оттуда весть.
Путь мне кажется игрою, хоть преград немало есть.
Под дождем хрустальным роза продолжает нежно цвести.
Каджей нет пока в Каджети, но воителей не счесть.

Я рыдаю от восторга, поредела ныне мгла.
Для союзной вашей силы выполнимы все дела;
Невозможно, чтоб удача вас, могучих, обошла.
Что противники? Отступит перед вами и скала.

Я не смог тебя увидеть, о прости мне! Дни летят,
Мне нельзя остановиться: ведь плененную томят.
Мы в веселье возвратимся, будешь встрече этой рад.
Больше нечего добавить. Помоги по-братски, брат!

Этих слуг не одарил я, пусть их бог вознаградит,
Пусть их ревностная служба ваше сердце веселит.
Долго с вами пребывая, каждый станет знаменит,
Ибо каждое подобье ряд подобий породит».

Написал письмо красиво, дал Придоновым рабам;
Розы цвет неизъяснимо шел фиалковым кудрям
Молвил: «Устно передайте вести, ведомые вам».

И коралловые двери открывались жемчугам.

Отыскав корабль, идущий до желаемой страны,
В путь отправилось светило, что прекраснее луны.
Для него часы прощанья были тягостно грустны,
Кровь и слезы проливали те, что с ним разлучены.

Все: Фатман, Усен и слуги слезы пролили из глаз,
Говорили: «Солнце скрылось, день ласкающий погас!
Почему во мрак ввергаешь ты сгорающих сейчас?»

Погреби врагов руками, погребающими нас?»

СКАЗ 45
ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА ИЗ ГУЛАНШАРО
И ВСТРЕЧА ЕГО С ТАРИЭЛЕМ

На галере быстроходной пересечь он море смог.
Ехал он верхом в веселье, совершенно одинок,
И, спеша скорей избавить Тариэля от тревог.
К небу руки простирая, славил господу и рок.

Было лета наступленье, на земле обилье трав;
Стали розы распускаться, перед встречей засверкав;
Солнце шло к созвездью Рака, достигая майских прав.
Он вздохнул, в цветке долины снова милую узнав.

Облака, гремя, омыли мир хрустальной водой;
Губы розу лобызали, ей подобные красой.
Он сказал: «Гляжу я нежно на расцвет прелестный твой;
Говоря с тобою, тешусь, как с палящей девой той».

Вспоминая Тариэля, предавался он слезам,
Путешествовал по трудным, утомительным путям,
По пустынным, бездорожным и неведомым краям;
Львов и тигров убивал он, приближаясь к тростникам.

И, узрев пещеру, молвил: «В этих скалах светоч есть,
Для которого пришлось мне слезы лить и вновь расцвести.
Я достоин видеть ныне воплощающего честь;
Если нет его — напрасна окрыляющая весть».

Если б он домой вернулся, задержался бы навряд;
Верно, снова устремился вдаль, куда глаза глядят.
Может, в зарослях сокрылся обезумевший мой брат».
С этой мыслью он поехал по равнине наугад.

Ехал он неспешной рысью, пел, отрадою влеком,
Окликал он Тариэля. всё оглядывал кругом.
Только в доли углубился — и зажглись они огнем:
Тариэль виднелся в чаще с обнаженным лезвием.

Льва убил солнцеподобный; меч широкий был пунцов,
Так стоял герой индийский, спешась возле тростников.
Он безмерно удивился, Автандила слыша зов,
Но узнал и устремился, словно луч из облаков.

Тариэль свой меч отбросил, к побратиму поспешив.

Был спаспет, с коня сходящий, ослепительно красив.
Те светила целовались, шеи белые скрестив,
Раскрывающейся розы сладкозвучен был призыв.

Причитанья Тариэля слыша, дрогнул бы утес;
Лес гишера стал багровым от кровавых этих рос
Тело тополя безмерно орошали токи слез:
«Ах, тебя ко мне принесший бог страдания унес!»

Тариэлю солнцеликий долгожданное изрек
И кораллы, улыбаясь, блеском жемчуга обжег:
«Мне порадовать страдальца бог всеблагостный помог,
Ныне розы отцветавшей обновляется цветок».

Молвил тот: «Меня безмерно твой обрадовал приход,
Твой лучистый взор снимает с сердца сдавленного гнет;
Пусть целителя иного мне создатель не пошлет,
Ничего без воли бога человек не обретет».

Было видно, что влюбленный не поверил ничему,
Солнцеликий это понял, поспешил он потому
Показать покров светила, отгоняющего тьму
Тариэль, его увидев, сразу бросился к нему.

Срез покрова и посланье разворачивает он
И, прижав к устам, склонился, розоцветности лишен.
Вмиг гишеровую стражу охватил глубокий сон.
Этих мук не снес бы Каис, Сал исторг бы тяжкий стон.

Автандил, узрев героя, вмиг окованного сном,
Устремился, беспокоясь о собрате дорогом.
Только чем поможешь телу, опаленному огнем?
Эта вещая примета завладела бытием.

Автандил присел; излился сладкозвучных слез поток;
Был разорван ворон, севший на хрустальный потолок;
По граненому рубину бил алмазный молоток
И коралловые струи из разбитого извлек.

Он лицо свое царапал, кровь текла обильней вод:
«Так не делал ни единый одержимый сумасброд.
Ах, зачем залить спешил я разъяренный пламень тот?
Как нечаянное счастье, столько вынесший, снесет!»

Ныне друга погубил я; как поднять мне к небу взор?
Я, пощады недостойный, непростительно был скор.
Безрассудный в деле трудном обретает лишь позор,
Пред неспешностью хулимой спешка славимая — вздор».

Отбежал спаспет от солнца, что склонилось, потемнев:
В тростниках воды искал он; там лежал сраженный лев.
Кровью льва спаспет решился злых огней умерить гнев,
Лишь на грудь он кровью брызнул, друг расцвел, порозовев.

Льву подобного обрызгал кровью львиною собрат,
И тогда индусов темных дрогнул мертвенный отряд.
Вот открыл глаза, поднялся восхваленный многократ
Блеском солнца ущербленный, голубеет лунный взгляд.

Розы вянуть заставляет зимний ветер ледяной;
Близость солнца их сжигает, обесцвечивает зной,
Хоть восторженно над ними соловей поет лесной;
Жжет жара, морозит стужа, больно летом и зимой.

Так и сердце человека не насытится никак:
Скорбь и радость порождают лишь безумие и мрак,
Сердце отдыха не знает, истязаемое так.
Тот лишь миру доверяет, кто себе великий враг.

Таризель вернулся к чтению смертоносного письма,
Вновь к очам своим приблизил он сводящее с ума;
Ослепленного слезами заволакивала тьма.
Автандил вскочил, и молвил он, рассерженный весьма:

«Так вести себя позорно тем, кто с мудрыми знаком!
Надлежит нам улыбаться, для чего же слезы льем
Встань, похищенное солнце мы разыскивать пойдем,
Вскоре встретятся два сердца и останутся вдвоем.

Брат, сперва, как подобает, мы сердца повеселим,
А затем коней направим мы к волшебникам лихим.
Лишь мечам своим дорогу нам указывать велим,
Без урона возвратимся, подлых в падаль превратим».

Таризель расспросы начал, стих страдания порыв.
Стрелы молний черно-белых он метал, глаза открыв,
Словно дал, пронзенный светом, разгорался он, красив;
Был он счастья достоин, милость неба заслужив.

Благодарность Автандилу оживленный изъявлял:
«Восхвалить едва ль возможно столь достойного похвал.
Оросил цветок равнины ты, струящийся со скал,
И сдержал бежавший бурно слез моих кипучий вал!

Отплатить я не сумею сокрушителю преград.
Но тебя за подвиг этот небеса вознаградят».
На коней они вскочили и в скалистый дом спешат.
Провиденье насыщает голодавшую Асмат.

У дверей Асмат сидела, не одетая, одна,
Пригляделась и узнала вороного скакуна.
Пели оба, и, услышав песню сладкую, она
Вмиг накинула одежду и вскочила, смятена.

До сих пор она встречала вечно плачущим его,
Ныне очень удивилась, видя смех и торжество,
Словно пьяная, в испуге вострепнулась оттого.
Ей в неведение казалось, что грядущее мертво.

От ликующих героев весть услышала она:
«О Асмат, нам божья милость неожиданно дана!
Мы узнали, где сокрыта долгожданная луна,
Вскоре будет жгучесть горя навсегда угашена».

Чтоб сестру обнять скорее, соскочил спаспет с коня.
Дева пальму охватила, ветки гибкие клоня,
Лик и шею целовала, причитая и стена:

«Если что-либо узнал ты, не таи же от меня!»

Излученное светилом, что во тьму заключено,
Было деве Автандилом то посланье вручено.
Он сказал: «Письмо ты видишь от исчезнувшей давно,
Солнце близится, и тени удалит от нас оно».

И когда узнала руку обожаемой, Асмат
Поразилась, ибо в мире не ждала она услад;
Удивленью отдаваясь вся от темени до пят,
Возгласила: «Сном иль явью ныне взор и слух объят?»

Автандил сказал: «Не бойся, эта весть вполне верна,
Нам дана отрада ныне, и печаль удалена.
Приближается светило, тьма отныне не темна.
Одолела добродетель, да главенствует она!»

Говорил с Асмат индиец, и ответствовала та.
Слезы радости рождала упоенья полнота,
И была с вороньих крыльев роза влагой залита.
В трудном деле человека не покинет высота.

Бога славили герои: «Нам ты лучшее послал
И горчайшего, как видим, никогда не присуждал».
Царь индийский, озаряясь, к небу длани простирал.
Угощать Асмат спешила их, вошедших в горло скал.

Тариеэль сказал: «Послушай, что поведаю я, брат,
Не подумай, что о добром я рассказывать не рад.
С той поры, как перебил я дэвов яростных отряд,
Здесь, лишенные владельцев, их сокровища лежат.

Тех богатств не пожелал я, скорбью скованный своей;
Мы пойдем туда, узнаем, скрыто много ли вещей?»
Встали оба, не, промедлив, не сиделось там и ей.
И легко они взломали сорок дьявольских дверей.

Увидали то, что, верно, никогда не видел глаз
В горах сложен был граненый драгоценнейший алмаз,
Жемчуг словно мяч, что с поля принесли сюда сейчас.
Разве можешь счесть то злато, что никто не счел хоть раз?

Горниц сорок осмотрели, был безмерен ценный клад.
Там нашли они и погреб, где оружие хранят.
Словно овощи на рынке, громоздились горы лат,
И один ковчег закрытый привлекал печатью взгляд.

А на нем виднелась надпись: «Ларь наполнен потайной
И басрийскими мечами и чудесною броней.
Если встретят каджей дэвы, то настанет день лихой;
Будет тот царевубийцей, кто откроет в час иной».

Тот ковчег они открыли и нашли доспехи в нем;
Было там брони довольно, чтоб одеться ею трем:
Мечи, латы и шеломы, наколенники — притом
В изумрудах, как на раках, пламенеющих огнем.

Львы примеривали латы и пытались их рубить:
Невозможно было тело в этих латах уязвить.

И ничто того оружия не могло бы заменить:
Стиль клинками рассекали, словно шелковую нить.

Изрекли: «Теперь-то будет наш губителен удар!
Бог на землю оглянулся, чтобы в нас утих пожар».
Латы витязи забрали, недоступные для чар,
Для себя доспехи взяли и набор Придону в дар.

Взяли злата и жемчужин, сколько вынести плечу,
Сорок горниц запечатав, вышли равные лучу.
Автандил сказал: «Отныне прикрепляю длань к мечу;
В эту ночь не ускачу я, на заре коня помчу».

СКАЗ 46 ПРИЕЗД ТАРИЭЛЯ И АВТАНДИЛА К ПРИДОНУ

Взяв Асмат, помчались братья, лишь вошло светило дня,
До границ страны сажали за собою на коня.
Там купец им продал лошадь, хоть недешево цена.
Находил спаспет дорогу, провожатых заменя.

С пастухами Нурадина братья встретились потом,
Лошадей табун узрели на просторе полевым
Таризель сказал спаспету: «Дай подшутим над царем
И охотиться за стадом Нурадиновым начнем.

Царь услышит, что чужие скот угнали, налетев
Мигом в поле он поскачет совершать кровавый сев,
Но узнает, удивится, позабудет лютый гнев.
Даже гордый станет весел, шутку добрую узрев».

Жеребцов забрали царских нагоняющие жуть.
Пастухи зажгли светильник, поспешив огонь раздуть,
Закричали: «Кто вы, сталью пролагающие путь?
Наш владыка дерзновенным свой клинок вонзает в грудь».

Тут взялись они за луки и погнали пастухов.
Пастухи кричали громко, был отчаянным их зов:
«Помогите, удержите необузданных бойцов!»
Шум поднялся, царь услышал донесение рабов.

На коня вскочил державный и тяжелый меч вознес;
Переключку совершая, строй воителей возрос;
Приближались ратоборцы, не страшившиеся гроз;
И забралами скрывали пышноцветность нежных роз.

Таризель, узнав Придона, молвил: «Вот кто нужен мне».
Снял тут шлем он, засмеялся, отблеск сея в вышине,
И добавил: «Знать, приход наш нежелателен стране,
И скупой на хлеб хозяин приготовился к резне».

Соскочил с коня державный, совершил земной поклон,
И друзьями дорогими был в объятья заключен.
К небу руки простирая, прославлял творца Придон.
Солнцеравных целовали охраняющие трон.

Царь сказал: «Не мало ждал я, что же мешкали вы там?
Разве стану я лениться, услужить желая вам?»

Солнц двоих с луною встреча здесь мерещилась рабам.
Быстро пастбища покинув, все направились к дворцам.

Вместе спешили у дома, что убранством знаменит.
Мулгазарец Автандила усадить с собой спешит,
На престоле Тариэлю расстелили аксамит.
Поднесли Придону братья те доспехи, меч и щит.

«Кроме этого, — сказали, — что дадим тебе, герой?
Но у нас еще богатства есть и в местности другой».
Отвечал Придон, к ногам их припадая головой:
«Мне скорее подобает поднести вам дар такой».

После отдыха ночного предложил купанье им,
И подарками осыпал их радушный побратим.
Одарил он их обоих одеяньем дорогим,
Перлы в чаше драгоценной дал товарищам своим.

Он сказал: «Хоть это слово мне не радостно ничуть,
Хоть отъезд гостей хозяин и желал бы оттянуть,
Промедление — смертельно, лучше ехать в дальний путь.
Если каджи подспеют, не позволят и вздохнуть.

Лучше с малым, но хорошим вдаль отправиться полком.
Человек примерно триста с нами двинутся верхом,
Сокрушим и завоюем мы Каджетию мечом
И, сердца людей томящий, тополь стройный обретем.

Я бывал у каджей прежде, их твердыня ранит взгляд,
Все подходы там скалисты, не исчислите преград.
Если двинемся открыто — нас, конечно, отразят;
Там скользкий незаметно, малый надобен отряд»,

Побратимы с мулгазарцем согласились под конец.
И Асмат гостеприимство оказал тогда дворец.
Триста всадников забрали озарители сердец.
Напоследок даст победу всем страдающим творец.

Через море побратимы переправились втроем;
Путешествовали ночью, путешествовали днем.
И сказал Придон: «Мы скоро до Каджетии дойдем.
Чтобы враг не заметил, ночью двинемся тайком».

Те послушали Придона, мудрой речь его была.
Их задерживало утро, им сопутствовала мгла
Скоро стены показались и охрана без числа,
И гудела часовыми окруженная скала.

У прохода десять тысяч охранявших увидав,
При луне узрели братья город с множеством застав
И шептали: «Мы обсудим, чем смирить их лютый нрав.
Сотня тысячу осилит, средства лучшие избрав».

Нурадин сказал: «Неверной будет речь моя навряд:
Лишь великими войсками можно взять подобный град;
Время ль хвастать? Мы имеем недостаточный отряд.
Коль замкнуты, мы напрасно простои́м века у врат.

Хорошо канатоходству я обучен с давних пор,
Научился всем уловкам, стал я ловок, смел и скор,
Как носился по канату, уследить не мог бы взор.
Подражать юнцы пытались, но терпели все позор.

Кто из вас аркан умеет лучше кинуть в высоту,
Тот один конец каната пусть метнет на башню ту.
По нему легко промчусь я и победу обрету.
Вы, войдя, внутри найдете вместо стражи пустоту

По канату в тяжких латах проскользну я без труда;
Налечу подобно ветру, спрыгнув дерзостно туда.

Всех убью, врата открою; устремитесь — и тогда
Устрашающе протрубят трубы нашего суда».

Автандил сказал Придону: «Для друзей ты не был лих;
Ты надеешься на крепость львиных мускулов своих,
Хоть тверды твои советы, хоть заплачет враг от них,
Но ужели ты не слышишь переключки постовых?

Зазвонит броня, узнают о прибытии твоём,
Сторожа твою веревку поспешат рассечь мечом.
Брат, подобная попытка не окончится добром.
Твой совет не пригодится, мы другое изберем.

Вы сокройтесь, и в засаду с вами войско пусть пойдёт.
Для купцов не закрывают в этом городе ворот,
В одеянии торговца я сыщу свободно вход
Мой клинок, шелом и панцирь мул за стены провезет.

Если все войдем — заметят, и немало будет ран.
Я один, переодетый, проберусь во вражий стан;
Тайно латы я надену, сторожей введу в обман,
И утес от вражьей крови станет влажен и багрян.

Быстро с внутренней охраной за стеной расправлюсь я
Вы, снаружи налетая, извлеките лезвия,
Все затворы и ворота распахнет рука моя.
Если лучшее найдете — будет принято, друзья».

Тариэль сказал: «Храбрейших вы, могучие, храбрей;
Сочетаете вы мудрость с непреклонностью своей,
Вам свирепый бой желанен, не бесцельный звон мечей;
Хорошо в разгаре битвы быть среди таких друзей.

Всё же дело изберите вы достойное и мне.
С высоты Нестан увидит, стоя с солнцем наравне,
Вас, врагов мечом разящих, Тариэля в стороне.
Не перечьте! Что поможет посрамленному втройне?

Мой совет скорей повергнет неприятелей во прах.
Мы возьмем по сотне каждый, чуть блеснет на небесах,

Трое с трех сторон к воротам устремимся на конях;
Те отряд увидят малый, но потом узнают страх.

Налетим молниеносно, затворить не смогут врат.
Хоть один вовнутрь ворвется, двое пусть извне разят;
Пусть вошедший не жалеет вражьей крови водопад.
Вновь да славится завтра в дланях дружеских булат!»

Нурадин сказал: «Всё это разъяснилось для меня.
Вряд ли кто у врат задержит Тариэлева коня:
Подарил, когда не снилась мне в Каджетии резня,
Если б знал я, то не отдал, как скупой его храня».

Нурадии шутил, толкуя о подарке дорогом,
И смеялись беззаботно острословные втроем;
Веселясь и забавляясь перед грозным ратным днем,
Скакунов они водили в облаченье боевом.

Мудрой речью услаждаясь и не споря меж собой,
С Тариэлем согласились вознесенные судьбой,
Взяли всадников по сотне, где героем был любой;
На коней воссели братья, каждый шлем скрывая свой.

СКАЗ 48 ВЗЯТИЕ КАДЖЕТСКОЙ КРЕПОСТИ И ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Видел я троих героев; блеск их ярче солнца был,
В световом столбе стояли под опекою светил,
Тариэль на вороного сел и поле осветил.
Враг от вида поражавших падал в прах, лишенный сил.

Мой рассказ необычайный только истиной богат:
Коль обрушится обильный ливень с облачных громад,
Трепещущих ущельях все потоки закипят,
Но когда да вольются в море, только гладь увидит взгляд.

Хоть славны своим геройством и Придон и Автандил,
Нет бойца, чтоб Тариэлю в ратном поле равен был.
Солнце сразу затмевает все созвездия светил.
Люди, слушайте, глядите, что содеет ратный пыл!

Поделили три героя трое вражеских ворот,
Каждый по сто взял из войска смельчаков наперечет
Чтобы всё разведать, ночью быстрый сделали обход.
Рассвело, и со щитами смело двинулись вперед.

Словно странники, сначала шли нестройною гурьбой,
И никто не распознал их, не окликнул часовой.
Встали вольно и спокойно перед вражеской стеной
Шлемы вовремя надели и сомкнули ратные строй.

Сразу плети засвистели, кони кинулись вперед.
Крик отчаянный раздался из незапертых ворот.
С трех сторон три друга в город сразу врезались вразлет,
И от грома труб их дрогнул вражий прорванный оплот.

Божья кара била каджей, возникая из высот.
Отвратясь от солнца, Кронос сумрак мертвенный несет.

Буйной бурей перевернут и низвергнут небосвод.
Поле павших не вмещает, тяжесть тел его гнетет.

Грозный голос Тариэля без меча людей сражал;
Он срывал с людей кольчуги и метал металл в металл.
У ворот сомкнулись в рубке, час решительный настал,
И ворвались все, и каждый стражу в ужас повергал.

Так ворвавшись, повстречались Автандил и лев-Придон,
Был весь город беспощадно кровью стражи обагрен.
Вскрикнув, радостно обнялись, больше не было препон.
Обернулись — только третий побратим не обретен.

Не узрели Тариэля, и никто не знал о нем.
Не теснимые врагами, к башне двинулись вдвоем,
Где виднелся холм доспехов, перерубленных мечом,
Десять тысяч тел застывших громоздились кругом.

Перебитые лежали перед башнею полки,
На изрубленных останках лат искрошенных куски.
От дверей, разбитых в щепки, не осталось ни доски:
Было видно — это дело Тариэлевой руки.

Видят оба: путь расчищен. Вмиг вошли в зиявший зев;
И змея, луну для солнца отпустив, забыла гнев.
Сняв шелом, с челом лучистым он предстал, похорошев.
С грудью грудь и с шеей шея райских двух слились дерев.

Обнимались и рыдали, в их сердцах огонь был яр,
Словно, встретившись в лазури, к Зуалу прильнул Муштар;
Солнце розу озаряет, и она горит, как жар.
До поры сердца страдали, днесь даны друг другу в дар.

Обнимались и стояли, шею к шее приложив,
Розы уст разверстых, юных вновь и вновь сливал порыв,
Подошли и побратимы. Был их облик горделив.
Славя солнце, перед светлой стали, головы склонив.

Их приветствовало солнце, блеск улыбки в них проник,
Лик с лобзанием приветным к двум спасителям приник,
Изъявляя благодарность, низко кланялся тростник;
И беседовали дружно, и сверкал речей родник.

Обратились к Тариэлю. Он, как тополь, в землю врос.
Говорили друг о друге, за вопросом шел вопрос.
Враг не тронул их доспехов и увечий не нанес,
Львам они подобны были, а враги их — стаду коз.

Шестьдесят и сто осталось у Придона от трехсот;
Жаль утраченных, но общий в деле радостен исход.
По врагам прошли с мечами: кто не умер — да умрет
И нашли казну, которой совершить нельзя подсчет.

Много мулов и верблюдов захватили из теснин,
Самоцветами навьючив, в караван свели один.
В каждом вьюке каждый камень — яхонт, жемчуг иль рубин.
Завоеванное солнце посадили в паланкин.

И, в Каджетии оставив славных стражей шестьдесят,
Повезли царевну — трудно отобрать ее назад!
Взяли путь на Гуланшаро. Хоть далек был этот град,
Благодарные решили, что Фатман вознаградят.

СКАЗ 49 ПРИБЫТИЕ ТАРИЭЛЯ К ЦАРЮ МОРЕЙ

И к царю морей с посланьем Тариэль послал гонца:
«Прибыл я, врагов разитель, рассекающий сердца.
Я везу свое светило из каджетского дворца
И тебя спешу увидеть, как родимого отца.

Ныне каджей покоривший, всем владею в тех местах.
Царь, тебе обязан счастьем их повергнувший во прах,
Солнцу став Фатман сестрою, помогла рассеять мрак.
Что же дам тебе в отплату я, посулов лживых враг?

Повидай же нас, покуда не прошли страны твоей,
Забери себе Каджети, всемогущий царь морей,
Завладей твердыней горной, там поставь своих людей;
Я спешу в края иные, выйди встретить поскорей.

От меня скажи Усену, чьи деяния светлы,
Пусть пришлет Фатман утешить солнце, вставшее из мглы
Избавительницу видеть жаждет пленница скалы,
Та, что солнце затмевает, как хрусталь—поток смолы ».

Был морского государства повелитель изумлен:
Кто не вздрогнет, если будет о подобном извещен!
Вседержителя прославил, был безмерно восхищен,
Из своих чертогов царских не замедля отбыл он.

И, желая справить свадьбу, весь весельем осиян,
Одеяньями и золотом нагрузил он караван,
Путешествовал дней десять, взяв с собою и Фатман,
Чтоб увидеть льва и солнце, яркий светоч многих стран.

Далеко навстречу вышли все к властителю морей,
Целовал и обнимал он и спаспета и царей.
Восхваляли Тариэля, он отвечивал щедрей.
Увидав Нестан, державный таял в зареве лучей.

Вновь была Фатман сверканьем солнцеликой пронзена,
С причитаньями лобзала ноги царственной она:
«Послужить хочу светилу, тьма отныне не темна.
Злобы краткость я познала, доброта твоя вечна».

У Фатман в объятых нежных сладко дева изрекла:
«Цвет увядший воскресает — это божий дела;
Днесь я столь же неущербна, как и прежде я была,
Роза снова расцветает возле света и тепла?»

Свадьбу пышную устроив новобрачным дорогим,
Царь семь дней не расставался с амирбаром молодым.
Рассыпающий подарки властелин неистощим,
И, стирая блеск, шагали по монетам золотым.

Там атлас и шелк узорный был кругом нагроможден.
Царь из золота литого подарил герою трон,
И поднес царю индийцев он корону из корон,
Был из яхонта большого дар бесценный сотворен.

Деве дивную одежду дал в подарок царь морей,
Бадахшанские рубины рдели заревом на ней.
Сели юноша и дева, лица — молнии ясней.
Созерцавшие прияли новых множество огней.

Что собратьям подарил он, я едва ли оценю:
По украшенному пышно, необгонному коню,
По одежде в самоцветах, подражающих огню.
И царя благодарили облаченные в броню.

Тариезь владыку славил сладкозвучным языком:
«Стал отрадою богат я, повстречавшийся с отцом,
И щедротами большими был осыпан я притом.
Поступили мы неплохо, что увиделись с царем».

Царь сказал: «О, лев державный и прославленный не раз,
Встреча с вами — воскрешенье, расставанье — смертный час.
Меж даров земного мира нет достойного для вас.
Как останусь без тебя я, лучезарный светоч глаз?»

Тариезь Фатман промолвил: «Ты сестрой наречена;
Я в долгу навек останусь, ты простить меня должна:
Все богатства, что таила чародейная страна,
О сестра, тебе дарю я, отдаю тебе сполна!»

Благодарность изъявила, низко кланяясь Фатман:
«Властелин, своим отъездом ты наносишь много ран.
Сразу мой затмится разум, лишь умчится стройный стан.
Тот горюет беспрерывно, кто тобой не осиян!»

И, сияя, возгласили те, достойные похвал,
Что меж раковин пурпурных скрыли искристый кристалл:
«Хоть без вас неблагозвучны и свирели и кимвал,
Но позвольте нам уехать, ибо срок наш миновал.

Будь родителем ты нашим, о владеющий страной,
Подари корабль скитальцам, быстроходный и большой».
Царь сказал: «Для вас без грусти я покину мир земной.
Ты спешишь. Иди, могучий, предводитель и герой!»

Оснастил корабль властитель, вокруг забегали ладьи.
Те поднялись. Поморяне застонали в забытьи,
Вырывали и бросали в воду бороды свои.
Океан переполняли слез Фатманиных ручьи.

СКАЗ 50 РАССТАВАНИЕ ТАРИЭЛЯ С ЦАРЕМ МОРЕЙ И ПРИБЫТИЕ ЕГО В ЦАРСТВО ПРИДОНА

Быстро море переплыли лучезарные втроем,
Новым словом укрепляли изреченное в былом.
Пели, сведущие в пенье, услаждались торжеством,
И лучи пурпурной розы отражались хрусталем.

С человеком весть оттуда львы отправили к Асмат:
«Нурадин с друзьями вскоре вступит радостно во град;
Вознеслось высоко солнце, и планет затмился ряд,
Замерзавшие донныне позабудут розы град».

Мчались берегом, светило усадивши в паланкин,
Словно юноши резвились, веселились, как один.
Только прибыли в державу, где владетель — Нурадин,
Загремело пенье хора над просторами равнин.

Им навстречу царедворцы Нурадиновы спешат,
И рабынею прекрасный стан владычицы объят.
Так обнявшихся едва ли и мечи разъединят.
Ныне кончила служенье царской дочери Асмат.

Обнимала, целовала госпожа служанку там,
Говоря: «Тебя доселе предавала я скорбям.
Днесь обласканные богом, обратимся к небесам,
Но не знаю, что в награду этой преданности дам».

Говорит Асмат: «О боже, заалел бледневший лал,
Показал нам вседержитель, что до времени скрывал.
В жизнь погибель обратилась, влажный взор возликовал».
Как прекрасно, если дружат повелитель и вассал!

Раздалась вельмож склоненных неподкупная хвала:
«Остается нам прославить милосердного дела,
Ибо только божья воля вас увидеть помогла.
Им же раненные тяжело исцеляет он тела».

Все прикладывались кротко к мощным дланям удалых.
Царь промолвил: «Братья ваши пострадали за других,
Наслажденье ожидает их в селениях святых.
Славе божьей причастившись, стала вечной слава их.

И хотя кончиной храбрых ныне сердце пронзено,
Но великое блаженство там за доблесть им дано».
Он замолк, заплакал скорбно, дождь и снег смешал в одно,
И метелью из нарциссов было всё занесено.

Слезы витязя увидев, зарыдали все кругом.
И, утраченных оплакав, робко молвили потом:
«Если мы тебя светилом, вместе с мудрыми, сочтем,
Веселиться, а не плакать должно в обществе твоём.

Кто достоин заморозить несравненной розы цвет?
Ради вас погибнуть лучше, чем скитаться в мире бед»
Нурадин царю промолвил: «В этом горе смысла нет
Много даст тебе всевышний и отрады и побед».

И спاسпет предался горю, сожалел о павших он,
Но промолвили другие: «Да прервется плач и стон!
Лик исчезнувшего солнца львом отважным обретен,
И поэтому не должно злой оплакивать урон».

Братья славные вступили в царский город Мулгазар:
Трубы громко зазвучали, веселился млад и стар;
Чудно грома сочетались барабанов и фанфар.
К ним стекались горожане, покидавшие базар.

Толпы зрителей сквозь толпы пробивались впопыхах,
Преграждала доступ стража им с оружием в руках
Семьи целые толпились, возбудив в охране страх,
Умоляли пропустить их к повергающим во прах.

Пригласил тогда в чертоги их державный побратим.
Опоясанные златом подбежали слуги к ним.
Путь торжественный был устлан аксамитом дорогим;
Тьмы народа проходили по монетам золотым.

СКАЗ 51 СВАДЬБА ТАРИЭЛЯ И НЕСТАН-ДАРЕДЖАН, ПРИДОНОМ УСТРОЕННАЯ

Для венчаемых поставил достославный царь Придон
Самоцветами покрытый желто-красный царский трон.
Для спасета желтый с черным повелел поставить он.
Был приходом долгожданных каждый зритель восхищен.

Поспевающих на праздник все услышали певцов.
Раздарив немало мягких, драгоценнейших шелков,
Всех Придон гостелюбивый тешил пышностью пиров.
Солнцеравной шла улыбка и сверкание зубов.

Вот с подарками Придона преступившие порог
Девять царственных жемчужин слуги вынесли в чертог
И еще бесценный камень, что сверканием обжег.
С ними ночью живописец написать картину мог.

А еще по ожерелью щедрый каждому поднес
Из граненых самоцветов, от которых блеск возрос.
Автандилу же Придоном, величавым, как утес.
Дан был бережно несомый драгоценнейший поднос.

Тот поднос переполняя, перлы крупные дрожат,
Автандил его приемлет, вознесенный многократ.
Всюду шелк и аксамиты многоцветные лежат.
Тариэль Придона славил за обилие наград.

Так Придон устроил свадьбу побратиму своему.
Не пришлось давать отдарок за подарок никому.
Восемь суток пели арфы и равняли свет и тьму.
Подходил тот витязь деде, дева — витязю тому.

Тариэль сказал Придону, размягчавшему и сталь:
«Брат родной такую службу сослужил бы мне едва ль;
За тебя погибнуть — мало, и души самой не жаль,
Ибо раненого спас ты, угасив его печаль.

Ради нас арабский витязь не щадил души своей.

Неужели окажусь я бережливей и скупей?
В чем нуждается теперь он, расспросить его сумеи;
Он задул мое горнило, я воздать хочу скорей.

Передай: „Ты ради друга грудью встретил лезвия,
Знай, что богом не забыта дружба верная твоя.
Если сделать не сумею им желаемого я,
То не надо мне ни дома, ни лачуги для жилья.

Изъясни, чего ты хочешь, как помочь твоим делам?
Я решил, поедем ныне мы в Аравию к царям.
Нет преград речам сладчайшим и воинственным мечам,
Если друга не женю я, не женюсь тогда и сам”».

Нурадином Тариэлев пересказан был совет;
Услыхал и улыбнулся ослепительно спаспет,
Объявил: «К чему помощник? У меня несчастий нет,
Далеко мое светило и от каджей и от бед.

Это солнце волей бога испытало торжество
И на троне восседает, не терпя ни от кого;
Не грозят ему ни каджи, ни другое колдовство.
Что за помощь мне потребна, ваши речи для чего?

День, судьбой определенный, будет милостью чреват,
Небеса пошлют утеху и горнила охладят.
Лишь тогда на это сердце снизойдет лучей каскад,
А дотоле не разрушу на пути моем преград.

Доложи: „Каким бы ни был ты сочувствием влеком,
Но за что платить стремишься, царь, не бывший должником?
Я с утробы материнской вашим должен быть рабом
И да буду прахом вечно перед блещущим царем!”

Ты сказал: „И я желаю, чтобы ваш свершился брак”.
Сострадательное сердце дружбу выказало так.
Но рубить мой меч не будет, там не будет встречен враг.
Лучше буду ждать, доколе небеса мне явят знак.

О своем стремленье давнем, не смущаясь, говорю;
Тариэля на престоле Индостана да узрю,
Чтоб с тобою села рядом излучившая зарю,
Чтобы сдался неприятель всемогущему царю!

Лишь когда осуществляются все желания вполне,
Я в Аравию отправлюсь, поспешу к своей луне.
Исцелить вольна царица истомленного в огне.
Ничего другого ныне от тебя не надо мне».

Передал Придон герою речь спаспетову сполна.
Тот ответил: «Нет, спаспету воля в этом не дана.
Как душа была собратом мертвецу возвращена,
Так и он пускай увидит, что любовь моя сильна.

Мой ответ ему поведай; не скажу я льстивых слов:
Пусть в Аравии увижу облик ласковый царев.
Ведь немало в исступленье я убил его рабов;
Без прощенья Ростевана не вернусь под отчий кров.

Ты скажи ему: напрасно начинать со мною спор.
Завтра в путь я отправляюсь, без сомненья буду скор.
Царь слова мои воспримет, не постигнет нас позор.
Умолю его, и выдаст улаждающую взор».

Передал Придон спаспету речь любезного очам:
«Не останется могучий — умолять напрасно нам».
Автандил таким ответом дымным предан был огням.
Но пристало ратоборцу уважение к царям.

Бил челом спаспет индийцу и ронял жемчужный град,
Говорил, целуя ноги, опуская долу взгляд:
«Я и так царя обидел и раскаяньем объят;
О вторичном вероломстве не проси, высокий брат.

Бог не даст на то согласия,— пылко вымолвил араб, —
Как наставнику изменой отплатить душа могла б,
Как я злом тому отвечу, кто, скорбя по мне, ослаб,
Как на сердце господина сможет меч обрушить раб?

Омрачит ее поступок необдуманный такой,
Опечалится царица и ответит мне враждой,
Не покажется и станет на известия скупой,
И не вымолвит прощенья для меня никто живой».

Тариэль, улыбкой солнца золотящий высоту,
Поднял верного спаспета, молвив: «Зла не обрету;
Я, твою неоднократно испытанный доброту,
Наших радостей слиянье разделенью предпочту.

Смелым, ясным, откровенным надо быть в любви своей,
Не терплю я вечно хмурых и задумчивых людей;
Кто любить меня желает, пусть приблизится скорей,
А не то разлука будет этой страсти веселей.

Знаю, ты владеешь сердцем озаряющей парчу,
Вряд ли этим посещеньем я царицу огорчу,
Никогда обиняками я царя не омрачу,
Я хочу лишь поклониться их блестящему лучу.

Знай, почтительно владыку попрошу я без угроз,
Чтоб тебе своею волей дар желанный преподнес.
Как печальную разлуку ты без стона перенес?
Украшайте же друг друга, не теряйте цвета роз».

Увидав, что Тариэля не совлечь с дороги той,
Согласился и оставил пререкания герой.
Нурадин, пересчитавший им же избранный конвой,
В путь отправился с друзьями, восхваленными молвой.

ТАРИЭЛЬ СНОВА НАПРАВЛЯЕТСЯ К ПЕЩЕРЕ И ВИДИТ СОКРОВИЩА

Нам Дионосом премудрым сумрак тайны озарен:
Не творит создатель злого, милосерд его закон,
Он добро возобновляет, сокращая долгий стон.
В совершенстве беспорочно совершенствуется он.

Вышли в путь из Мулгазара львы, убийцы темноты,
Увозившие с собою то светило высоты.
Над кристаллом нависали черных воронов хвосты.
Бадахшанские рубины не теряли красоты.

Деву-солнце в паланкине увлекая в край иной,
Братья тешились охотой, разливая кровь рекой.
Изо всех краев окрестных к порождавшим блеск и зной
Обитатели навстречу шли с дарами и хвалой.

Путешествовало солнце в окруженье нежных лун,
Путешествовали братья, сладкозвучней лирных струн.
Край открылся недоступный, к валуну припал валун.
Вот скала, где жил тот витязь, что прекрасен, славен, юн.

«В этих скалах я хозяин, — объявляет амирбар —
Я пойду туда, где прежде ощущал безумья жар;
Нас Асмаг копченым мясом угостит в пещерах чар;
Там чудеснейшие ткани поднесу я братьям в дар».

Подошли они к пещере в толще каменных громад.
Там оленина хранилась. Пир устроила Асмаг.
Вот в веселье побратимы о минувшем говорят,
За ниспосланную радость небеса благодарят.

Обошли они пещеры, ликовали в недрах гор,
Запечатанных собратом кладов делая обзор;
Тех сокровищ непомерных охватить не мог бы взор,
И от зрелища такого обрывался разговор.

Царь индийский не скупился, потеряв дареньям счет,
Весь Придоном предводимый одарил тогда народ.
Сделал каждого богатым и не знающим забот,
Но, казалось, в море блеска не убавилось красот.

Тариэль сказал Придону: «Я должник твой всё равно,
Но творящему благое быть счастливым суждено;
Всё богатство грозных дэвов, мной добытое давно,
Не считая и не меря, забери — твое оно».

Нурадин, склонясь, восславил нескрывающего благ:
«Неужели ты считаешь, что душою я простаг?
Пред тобой соломы мягче и скале подобный враг,
И пока ты мне сияешь, не проникнет в сердце мрак».

И обратно к Мулгазару понеслись гонцы верхом,
Чтоб сокровища доставить из пещер в Придонов дом.
И в Аравию ведущим львы направились путем.

Был спаспет, ущербный месяц, к солнцу яркому влеком.

Через много дней открылся край светлейшей из невест:
Стали частыми селенья многолюдных этих мест.
Вышли в синем и зеленом обитавшие окрест,
Восторгал их Автандилов неожиданный приезд.

К аравийскому владыке Тариэль послал гонца,
Молвит: «Будет наша встреча встречей сына и отца.
Подхожу я, царь индийцев, к двери вашего дворца
С неоторванным бутонем, не лишенным багреца.

Царь! Тебя при первой встрече омрачить случилось мне.
Повелел меня пленить ты, вслед помчался на коне.
Огорчил я помешавших сердцу плакать в тишине,
И рабов твоих не мало погубил я в той резне.

Чтобы вымолить прощенье, я свой путь оставил сам.
Не гневись, о повелитель, так угодно небесам.
Подношений не имею, это ведомо друзьям,
Только вашего спаспета приношу в подарок вам».

И едва вручил посланец весть, лишавшую кручин,
Был восторгом несказанным преисполнен властелин.
И утроилось блистанье на ланитах Тинатин,
И ресниц упали тени на хрусталь и на рубин.

Вот забили в барабаны, стало шумно и светло,
Много ратников навстречу к победителям пошло.
Лошадь вывел каждый воин, каждый взял свое седло,
Возросло и крепкоруких, смелых воинов число.

Вестник дружбы и отрады, общим счастьем окрылен,
На коня вскочив, помчался к Автандилу лев-Придон;
И спаспет не медля прибыл, но известьем был смущен,
И стыдился властелина торжествующего он.

Царь спаспету встал навстречу и к себе его привлек,
Тот поднес к лицу смущенье укрывающий платок.
Замораживая розы, сумрак солнце заволок,
Но укрыть необычайной красоты его не мог.

Грусть отрадою сменяя, царь героя целовал,
И, лучи потупив долу, тот к ногам его упал.
«Встань! — сказал ему властитель — Ты отвагу доказал
И достоин не укором, а награды и похвал».

Обнимая, говорил он: «Мой огонь ты остудил,
Удалил от сердца горечь; поспеши же, Автандил!
Смелый лев, соединишься со светилом всех светил,
Чье лицо гишерной бровью всемогущий наградил».

Миновали испытанья, груз которых был тяжел.
Обнял царь тогда героя; тот от радости расцвел.
Как приличествовал мужу солнцем блещущий престол!
Только тот блажен, кто в счастье сквозь несчастье вошел.

Витязь молвил: «Удивляюсь, что же медлишь ты, отец:

Неужель не хочешь видеть ты носящую венец
И ввести ее сердечно и радушно во дворец,
Чтоб, одет ее лучами, заблестал он наконец?»

Доложил и Тариэлю. Мчались вместе до шатра.
Рдели щеки голиафов ярким заревом утра,
Все исполнились мечтанья, и судьба была щедра,
И мечи их понапрасну не гремели у бедра.

Спешась несколько поодаль, светом девы осиян,
Вывел царь из паланкина и приветствовал Нестан
Ослепили властелина и глаза ее, и стан,
И на миг утратил разум престарелый Ростеван.

Он сказал: «О, светоч ясный, при тебе молчат уста!
Нет рассудку от безумья ни ограды, ни щита.
Видя светлую, в которой красота планет слита,
Разве может быть желанной роз, фиалок нищета?»

Ослепляла, расточала всем сияние свое,
Словно молния, сражала, поражала, как копье,
Опаляла, утешала, погружала в забытье.
И сбегались отовсюду любоваться на нее.

На коня воссел властитель, устремились к ним войска,
Приходили и другие, услышав, издалика;
Бога славящее пенье понеслось за облака:
«Доброта твоя и щедрость бесконечно велика!»

Обратился к Тариэлю солнцеликий Автандил,
Нежных слов красу являя, сладкозвучно говорил:
«Погляди, песок взметенный ширь равнинную покрыл;
Потому я погибаю среди пылающих горнил.

То спешит мой воспитатель, встретить вас желает он,
Я идти туда не в силах, пристыжен и распален.
Ни единый смертный в мире не был более смущен,
Ты же знаешь сам, что делать, это знает и Придон».

Тот в ответ: «Как должно, любишь господина ты, герой.
Не ходи туда, останься, без меня один постой.
Я пойду, скажу владыке: «Скрылся раб усердный твой».
С божьей помощью ты станешь рядом с стройной пальмой той».

Там в шатре остановился лев, не знающий границ.
И Нестан стояла там же, повергающая ниц;
Ветер северо-восточный веял сладостно с ресниц.
Не таясь, помчался быстро царь индийцев, свет зарниц.

Нурадин за ним поехал. Мчались, точно ураган.
Царь узнал: «Заколыхался Тариэля статный стан».
Слез с коня и поклонился властелин аравитян,
Как отец, почтил героя, чей не меньше славен сан.

Тариэль склонился долу, протянул рубины рта.
Царь, целуя лик светила, услаждал свои уста,

Удивляясь, говорил он, ободряла красота:
«Лишь исчезнешь ты, о солнце, — разольется темнота».

Был красою Тариэля созерцавший восхищен,
Восхвалял он раторборца, чей клинок не побежден.
И Придон перед Ростеном сотворил земной поклон.
Жаждой встречи с Автандилом воспитатель был пронзен.

От хвалений Тариэля царь, смутясь, поник челом.
Тариэль сказал: «Отныне я покорствую во всем.
Как сумел найти ты радость в созерцании моем?
Как владыке Автандила красоту найти в другом?»

Он замешкался немного, но придет на твой призыв.
Здесь, о царь, пока присядем — луг приятен и красив
Отчего не с ним явился, расскажу, — не буду лжив;
Должен я просить о деле, разрешенье испросив».

Сели рядом; вокруг пестрела аравийских ратей тьма.
Вспыхнул витязь, как лампада, что зажгла себя сама.
Был он так хорош собою, что людей сводил с ума.
К Ростевану обратился он изысканно весьма:

«Перед вами недостойн говорить об этом я,
Но пришел молить смиренно — за него мольба моя:
Просит он, подобно солнцу согревающий края,
Свет очей, рассвет сердечный, мощь целебного питья.

Мы вдвоем с мольбою слезной прибегаем ныне к вам.
Мне, больному, солнцеликий дал целительный бальзам;
О себе забыл для друга, хоть страдал не меньше сам.
Я боюсь беспокоить, ибо нет конца речам.

Ваши связаны любовью витязь тот и ваша дочь.
Помню я, слезами витязь обливался день и ночь.
Я молю: не дай, владыка, распаленным изнемочь
Непреклонному герою вы отдайте вашу дочь!

Кроме этого, властитель, не прошу я ни о чем».
Шею белую прекрасный обвязал тогда платком
И, колена преклоняя, говорил, как сын с отцом.
Слыша солнце, удивлялись обступившие кругом.

Царь смутился, видя в прахе запылившийся алмаз,
Отдалился он от солнца и на землю пал тотчас,
Возгласил: «Державный, в сердце отблеск радости погас,
Ужаснулся я, увидев столь унижившимся вас.

Как же смертный не исполнит всё желательное вам?
Вам и в вечные рабыни дочь я радостно отдам.
Даже зло от вас приемля, не предамся я слезам.
Не сыщу ему подобных и взлетая к небесам.

Разве лучше Автандила для меня возможен зять?
Царство дочери я отдал, самому не совладать.

Розе время распускаться, мне — тускнеть и увядать;
Я отказывать не в силах, должен дочь ему отдать.

Я б тебе позволил даже обвенчать ее с рабом,
Ведь с тобою станет спорить лишь расставшийся с умом!
Коль спасета не люблю я, то зачем к нему влеком?
Боже, это подтверждаю я в присутствии твоём!»

Тариэль услышал это, дрогнул черный строй ресниц,
Перед славным Ростеваном пал могучий витязь ниц.
Старец снова поклонился самой яркой из зарниц,
И цари не гнев, а радость умножали без границ.

И Нестан, что затмевала семь блистающих планет,
Чьей красе непостижимой меры не было и нет,
Понесли в носилках дальше, а герои шли вослед
К цитадели Ростевана, где царил он много лет.

Шла порфира восседавшей на престоле Тинатин,
Чьих томящих душу взоров не избегнул ни один;
И вошли в ее сиянье царства новый властелин
И отважный царь индийский, солнцеликий исполин.

Поклонились ей супруги, как источнику зарниц.
Восторгались все улыбкой и беседою цариц;
И, чертоги озаряя, брызнул пламень их зениц,
И ланит пылали лалы, и чернел гишер ресниц.

Приглашен царицей к трону, Тариэль сказал: «Сперва
Сядь сама на трон высокий — это воля божества.
Ты корону заслужила и достойна торжества;
На престол, светило мира, посажу с тобою льва».

Царь индийский и царица свой исполнили обет.
И, желаньем уязвленный, был посажен с ней спаспет,
Поблднел пред их союзом и луны и солнца свет,
И союз Рамина с Висой, что в сказаниях воспет.

Видя рядом Автандила, восприявшего венец,
От стыда бледнеет дева, но промолвил ей отец:
«Не стыдись, дитя родное: неспроста изрек мудрец,
Что прекраснейшее чувство ждет счастливейший конец».

Дети! Счастья вам желаю, как желал уже давно,
И да будет вам навеки благоденствие дано.
Чтоб ясны, как небо, были, неизменны, как оно,
Чтоб земле Ростена тело было вами отдано».

И к присяге Автандилу он привел свои войска:
«Это царь ваш — указывает вседержителя рука!
Дан ему отныне трон мой, мне — предсмертная тоска,
И ему, как мне, да будет ваша верность велика!»

И ответствовало войско: «Царь божественный, внемли!
Будем пылью тех, что, смертных, подобрали нас в пыли,
Возвеличили покорных, а строптивых низвели
И спасли от поражения храбрецов родной земли».

Тариэль могучий также прославлению отдал дань:
«Лев красивейший с тобою, о стыдливейшая лань!
Твой супруг мне брат названный, ты сестрой моею стань,
И тебе отрадой будут этот меч и эта длань!»

СКАЗ 53 СВАДЬБА АВТАНДИЛА И ТИНАТИН, ЦАРЕМ АРАБОВ УСТРОЕННАЯ

На престоле восседает Автандил, сразивший зло,
Рядом радостью сияет Тариэлево чело,
С Тинатин Нестан блистает, всем от этого светло.
Подружились два светила, небо на землю сошло.

Суетились хлебодары, насыщавшие войска,
Пали овцы и коровы — многочисленной песка.
Не скудела по значенью одарявшая рука,
И на пир от лиц прекрасных потекла лучей река.

Чаши все из гиацинта, а стаканы — ценный дал,
Разноцветною посудой пир торжественный блистал.
Эту свадьбу восхвалявший сам добился бы похвал.
Здесь навеки бы остаться каждый зритель пожелал!

Бадахшанские рубины были свалены горой,
Цимбалисты новобрачных громкой тешили игрой,
У ключей вина толпились простолюдин и герой,
И до самого рассвета шел в чертоге пир горой.

Одаряли и слепого и увечного друга
И раскидывали жемчуг, и катился он, скользя.
Утомились гости, золото и атласы увозя.
Тариэль был верным дружкой, и вернее быть нельзя.

День спустя, владыка молвит, духом светел и высок:
«Тариэль! Твоя супруга — пламенеющий восток.
Ты, властитель, ей — владычицы венки;
Подобает целовать нам отпечатки ваших ног.

Высшим с низшими не должно находиться наравне!»
И престол четы индийской он поставил в вышине.
Ниже — троны приготовил Автандилу и жене,
И дары царям горами громоздили в стороне.

Угощал их царь арабский, как товарищ дум и дел,
И служил им, забывая венценосный свой удел,
И, подарки раздавая, он на цену не глядел.
Нурадин близ Автандила по достоинству сидел.

Выражал свое почтенье Тариэлю и Нестан,
Словно зятя и невестку одарил их Ростеван.
Он короны подарил им и алмазы дальних стран.
Кто считал их — становился бессловесен, бездыхан.

Подарил он им порфиры, их достойные венца,
Драгоценные камни, украшение дворца.
И жемчужины, что больше голубинога яйца,
А отборными конями он дарил их без конца.

Девять кубков с жемчугами получил тогда Придон,
Девять коней и в придачу девять седел и попон.
Царь индийский вел беседу, и, хоть был уже хмелен,
Говорил с Ростеном мудро и величественно он.

Что могу еще сказать я? Миновало тридцать дней;
Торжества их становились всё шумнее и хмельней.
Тариэлю подарили много огненных камней,
И сверкали те камни солнца яркого сильней.

Тариэль сиянье сеял, освещая всё окрест.
У царя через спаспета стал проситься он в отъезд:
«Мне с тобою быть отрадно, нет желательнее мест,
Но, я знаю, враг — в отчизне; как шакал он всё поест.

Я раздумьем неразумных уничтожу без труда.
Знаю, вас бы огорчила Тариэлева беда,
Поспешу я, опасаясь наихудшего вреда.
Вновь наступит и свиданий и лобзаний череда».

Царь ответил: «Странно медлить, если царство грабит тать.
Будь решительным и зорким, чтоб беды не испытать.
Автандил пойдет с тобою, взяв бесчисленную рать,
И врагов своих коварных сможешь быстро покарать».

Передал слова владыки другу витязь молодой,
Но ответил царь индийский: «Жемчуга свои прикрой!
Как уехать может солнце, обрученное с луной?»
— «Не поддамся я соблазну!» — возразил ему герой.

«Порицать меня ты станешь и подумаешь: „Каков?!
Из любви к своей супруге он забыть меня готов”.
Как могу тебя оставить одного среди врагов?
Брата в горести покинуть — самый тяжкий из грехов».

Царь индийский засмеялся, розы сыпали хрусталь:
«Тариэлю с Автандилом разлучиться было б жаль.
Если твердо ты решился, поспеши со мною вдаль».
И по зову Автандила облачилось войско в сталь.

Он собрал полки арабов, не теряя даже дня.
И сошлись, вооруженьем и доспехами звеня,
Копий восемьдесят тысяч, хорезмийская броня.
И заплакал царь арабский, и заплакала родня.

Тариэлеву супругу провожая в дальний путь,
Аравийская царица прошептала: «Не забудь?»
Обнялись они, как сестры, шея к шее, грудь на грудь.
Кто бы мог, прощанье это созерцая, не вздохнуть?

Если с утренней звездой бледный луч луна сольет,
То тогда одновременно светят оба нам с высот,
Но вращенье сфер небесных их друг с другом разведет.

Кто увидать их захочет — на вершину пусть взойдет.

Как небесные светила разлучает бог один,
Разлучаются лишь небом и Нестан и Тинатин,
Розы с розами сливаются и томят сердца мужчин,
И не рады больше жизни ни бедняк, ни властелин.

И Нестан сказала: «Если б не была ты солнцем, знай:
Разлученная с тобою не утратила бы рай.
Говори со мною в письмах, как вернусь в родимый край.
По Аравии сгораю, ты по Индии сгорай!»

Тинатин ей отвечала: «Светозарная, поверь,
Для меня разлука будет самой тяжелой из потерь.
Пусть затворится за мною гроба сумрачная дверь!
Столько лет живи, царица, сколько слез пролью теперь!»

Расставаясь, обменялись поцелуями опять.
Тинатин бессильна очи от ушедшей оторвать,
А Нестан, огнем палима, обращает взоры вспять.
Только тысячную долю я способен описать.

Царь Аравии терзался, как лишившийся ума,
Говоря тысячекратно: «Горе мне! На сердце тьма».
И с лица струились слезы, как ручьи текут с холма;
А ланиты Тариэля скрыла белая зима.

Царь прощался с Тариэлем, не сводя стерся глаз,
Говоря: «Твое явленье грезой кажется для нас.
Стало горе наше злее и сильнее в двадцать раз.
Оживляли нас доселе — убиваете сейчас!»

На коня вскочил индеец, отъезжая в край родной.
Люди плакали, прощаясь с покидаемой страной.
И сказал он: «Был счастливец даже Сал передо мной!»
И с печалью отвечали: «Солнце, следуй за луной!»

С гордой ратью и поклажей трое двинулись за ней.
Тариэля, Автандила и Придона — нет сильней!
С ними восемьдесят тысяч ратоборцев и коней,
И вперед скакали трое, всех отважней и дружней.

Несравненны были — бога я в свидетели беру;
Преграждать им путь боялись: не вело оно к добру.
У хребта остановившись, пировали ввечеру
И вина не разбавляли на торжественном пиру.

СКАЗ 54

СВАДЬБА ТАРИЭЛЯ И НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Венценосцы получили их могущества оплот —
Семь подвластных царских тронов, умножающих почет,
Испытали утешенье и забвение невзгод.
Только муки переживший наслаждение поймет!

Было больно оку смертных на блистающих смотреть.
Загремела, загудела оглушающая медь,
И народ индийский славу не устал царю греметь

И просил: «Распоряжайся, царь, сокровищами впредь!»

Автандилу и Придону трон поставили тотчас.
В честь героев своды зданья крик приветственный потряс.
Зрелищ не было чудесней и отраднее для глаз.
Об изведанных невзгодах снова вспомнили не раз.

Пили весело, и челядь приумножил государь,
И отпраздновал он свадьбу так, как праздновали встарь.
В равной мере всем дарил он безоары и янтарь,
Подаяньем для убогих не один был полон ларь.

Заслужили поклоненье и Придон и Автандил.
«Избавители вы наши!» — каждый в Индии твердил,
Исполнял владык желанья, как царям, хвалу кадил
И для дружеской беседы, словно к братьям, приходил.

Тариэль Асमत заметил и сердечно молвил ей:
«Клятву дам, что всех наставниц и служанок ты верней.
Возвышайся и седьмою частью Индии владей,
И да будет это царство вечной вотчиной твоей?»

Царствуй славно и супруга по желанью избери,
И служите нам отныне, как вассальные цари!»
Но Асमत ему сказала: «Отсвет утренней зари!
Быть рабыней вашей — счастье. Об ином не говори!»

В шумных пиршествах герои провели немало дней,
На охоте и в забавах братьев не было дружной,
Им дарили редкий жемчуг и отборнейших коней;

Но тоска овладевала Автандилом всё сильнее.

Тариэль увидел: витязь о жене затосковал,
И сказал: «Печалью сердца ты мне сердце пронизал.
Горе мне, твои страданья семикратно я познал,
Ты уедешь — рок желает, чтобы я один вздыхал».

Вслед за другом отпросился и Придон к себе домой:
«Как вассал, служить готов я Тариэлю всей душой,
И по первому же зову я знакомою тропой
Устремлюсь к тебе, как серна к роднику в палящий зной».

И ответил царь индийский: «Омрачились торжества.
Возвращайся же скорее, помни, друг, свои слова».
Автандилу же промолвил: «Вновь душа моя мертва
Но удерживать не смею, ибо солнце манит льва».

Царь отправил с Автандилом ряд сосудов золотых,
Много кубков ограненных и нарядов дорогих:
«От меня отдай Ростену ты почтительнейше их!»
И ответил тот: «Не знаю, как останусь я в живых!»

А Нестан сестре послала платье царское и шаль, —
Стан и лик не столь прекрасный тем украсить было б жаль.
И карбункул драгоценный, отгоняющий печаль,
Что, сияя словно солнце, освещал ночную даль.

Попрощавшись с Тариэлем, сели оба на коней.

Всех троих тоска терзала всё острее и больней.
Все индийцы наблюдали расставание друзей,
Автандил воскликнул: «Снова яд разлуки жжет сильней!»

Вместе ехали недолго, час прощанья наступил,
И слезами на распутье каждый землю оросил.
Был поход благоприятен для сверкающих светил,
И в Аравию спокойно возвратился Автандил.

Был он подданными встречен и в чертоги был введен,
Он свое увидел солнце, скорбь исчезла, словно сон.
С Тинатин при громких кликах он воссел на царский трон
И священною короной был от бога награжден.

Властелины дружны были и удачливы во всем,
В дружелюбные чертоги как в родной входили дом,
Преступавшего законы усмиряли, как в былом,
И расширили владенья благодетельным мечом.

Всех подвластных одарили, царский выполнили долг,
Вдов и сирот защитили, плач обиженных умолк.
Покарали злодеянье и нагих одели в шелк,
Жили мирно в их владеньях и коза и хищный волк.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СТРОФЫ

Так окончилась их повесть, словно смутный сон ночной,
И ушли они. Смотрите на коварство жизни злой:
Мнится долгой, но промчится лишь минутою одной.
Месх безвестный из Рустави, написал я сказ простой.

Царь Давид наш солнцеликий, славный в думах и делах,
От Восхода до Заката на врагов наводит страх.
Двоедушного сражает, хвалит преданность в сынах, —
И сложил ему в усладу я предание в стихах.

Недостойный петь Давида, преисполненного сил,
Я нашел преданье это и в стихи переложил.
Иноземных государей и судьбу, и бранный пыл,
И обычаев старинных справедливость восхвалил.

Мир обманчив и неверен; мчится жизненный ручей
Быстротечное миганья человеческих очей.
Упования напрасны: рок — жесточе палачей
И, царя в мирах обоих, не щадит главы ничьей.

Амирана восхваленье у Хонели мы найдем,
Славных дел Абдул-Мессии сам Шавтели был певцом,
Диларгета пел Тмогвели, неустанный языком.
Тариэля же — Руствели, вечно плачущий о нем.

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ
Перевод Н.А.Заболоцкого

ВСТУПЛЕНИЕ

Тот, кто силою своею основал чертог вселенной,
Ради нас украсил землю красотой несравненной.
Животворное дыханье даровал он твари брэнной.
Отражен в земных владыках лик благословенный.

Боже, ты единый создал образ каждого творенья! его
Укрепи меня, владыка, сатане на посрамленье!
Дай гореть огнем миджнура до последнего мгновенья!
Не карай меня по смерти за былые прегрешенья!

Лев, служба Тамар-царице, держит меч ее и щит.
Мне ж, певцу, каким деяньем послужить ей надлежит?
Косы царственной — агаты, ярче лалов жар ланит.
Упивается нектаром тот, кто солнце лицезрит.

Воспоем Тамар-царицу, почитаемую свято!
Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то.
Мне пером была тростинка, тушью — озеро агата.
Кто внимал моим твореньям, был сражен клинком булата.

Мне приказано царицу славословить новым словом,
Описать ресницы, очи на лице агатобровом,
Перлы уст ее румяных под рубиновым покровом —
Даже камень разбивают мягким молотом свинцовым!

Мастерство, язык и сердце мне нужны, чтоб петь о ней.
Дай мне силы, вдохновенье! Разум сам послужит ей.
Мы прославим Тариэла, утешителя людей,
Трех героев лучезарных, трех испытанных друзей.

Сядем, братья, и восплачем о несчастном Тариэле!
Скорбь о нем копьем печали ранит сердце мне доселе.
Это древнее сказанье я, чье имя Руставели,
Нанизал, как цепь жемчужин, чтоб его стихами пели

Страсть любви меня, миджнура, к этой повести склонила:
Та, кому подвластны рати, для меня светлей светила.
Пораженный ею в сердце, я горю в огне горнила.
Коль не сжалится светило, ждет безумного могила.

Эта повесть, из Ирана занесенная давно,
По рукам людей катилась, как жемчужное зерно.
Спеть ее грузинским складом было мне лишь суждено
Ради той, из-за которой сердце горестью полно.

Ослепленный взор безумца к ней стремится поневоле.
Сердце, сделавшись миджнуром, в отдаленном бродит поле.
Пусть она спасет мне душу, предавая плотской боли!
Как воспеть мне трех героев, если сил не станет боле?

Что кому дано судьбою — то ему и утешенье:
Пусть работает работник, воин рубится в сраженье.,
Пусть, безумствуя, влюбленный познает любви лишенья—
Не суди других, коль скоро сам боишься поношенья!

Стихотворство — род познания, возвышающего дух.
Речь божественная с пользой услаждает людям слух.
Мерным словом упиваться может каждый, кто не глух....
Речь обычная пространна, стих же краток и упруг.

Испытаньем иноходцу служит дальняя дорога,
Игроку — удар искусный, если мяч рассчитан строго.
Для певца же дело чести — ширь стихов, богатство слога.
Он и сам коня осадит, увидав, что речь убога.

Если вдруг в стихотворенье речь становится невнятна,
Увидав свою ошибку, он попытается обратно
Присмотреться к стихотворцу и полезно и приятно:
И, геройски в мяч ударив, победит неоднократно!.....

Кто два-три стишка скропает, тот, конечно, не творец.
Пусть себя он не считает покорителем сердец.
Ведь иной, придумав глупость, свяжет рифмою конец
И твердит, как мул упрямый: «Вот искусства образец!»

Небольшой стишок—творенье стихотворца небольшого,
Не захватывает сердца незначительное слово.
Это жалкий лук в ручонках у стрелочка молодого:
Крупных он зверей боится, бьет зверушек бестолково.

Мелкий стих подчас пригоден для пиров, увеселений,
Для любезностей веселых, милых шуток, развлечений.
Если он составлен бойко, он достоин одобрений.
Но певец лишь тот, кто создан для значительных творений..

Надо, чтобы стихотворец свой талант не расточал,
Чтоб единственно любимой труд упорный посвящал.
Пусть она в стихах искусных, пламенея, как кристалл,
Удостоится созвучий музыкальных и похвал.

Той, кого я раньше славил, продолжаю я гордиться.
Я пою ее усердно, мне ли этого стыдиться!
Мне она дороже жизни, беспощадная тигрица.
Пусть, не названная мною, здесь она отобразится!

Есть любовь высоких духом, отблеск высшего начала.
Чтобы дать о ней понятие, языка земного мало.
Дар небес, она нередко нас, людей, преображала
И терзала тех несчастных, чья душа ее взалкала.

Объяснить ее не в силах ни мудрец, ни чародей,
Понапрасну пустословы утомляют слух людей.
Но и тот, кто предан плоти, подражать стремится ей,
Если он вдали страдает от возлюбленной своей.

Называется миджнуром у арабов тот влюбленный,
Кто стремится к совершенству, как безумец исступленный.

Ведь один изнемогает, к горным высям устремленный,
А другой бежит к красоткам, сластолюбец развращенный.

Должен истинно влюбленный быть прекраснее светила,
Для него приличны мудрость, красноречие и сила,
Он богат, великодушен, он всегда исполнен пыла...
Те не в счет, кого природа этих доблестей лишила.

Суть любви всегда прекрасна, непостижна и верна,
Ни с каким любодееanjem не равняется она:
Блуд — одно, любовь — другое, разделяет их стена.
Человеку не пристало путать эти имена.

Нрав миджнура постоянен: не чета он блудодею,
Верен он своей любимой и скорбит в разлуке с нею.
Будь любимая сурова — он и так доволен ею...
В мимолетных поцелуях я любви не разумею.

Не годится звать любовью шутки взбалмошные эти.
То одна у ветрогона, то другая на примете.
Развлекаться столь беспечно лишь дурные могут дети.
Долг миджнура: если нужно, обо всем забыть на свете.

У влюбленного миджнура свой единственный закон:
Затаив свои страдания, о любимой грезит он.
Пламенеет он в разлуке, беспредельно исступлен,
Подчиняется смиренно той, в которую влюблен.

Тайну раненого сердца не откроет он другому.
Он любимую позорить не захочет по-пустому,
Он свои скрывает чувства, он к ее не ходит дому,
Он за счастье почитает эту сладкую истому.

Трудно верить в человека, коль о милой он бормочет.
Сам себе он вред приносит,— что ж он попусту хлопочет?
Чем он милую прославит, если тут же опорочит?
Почему он сердцу милой причинить страданье хочет?

Не пойму я: чем притворство привлекает сумасброда?
Если он не любит деву, разве нет ему исхода?
Почему ж ее он хочет запятнать в глазах народа?
Но злодею злое слово слаще сахара и меда!

Плач миджнура о любимой — украшенье, не вина.
На земле его скитанья почитают издавна.
И в душе его и в сердце вечно царствует одна,
Но толпе любовь миджнура открываться не должна.

1. НАЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О РОСТЕВАНЕ,

ЦАРЕ АРАВИЙСКОМ

Жил в Аравии когда-то царь от бога, царь счастливый,

Ростеван, искусный воин и владыка справедливый.
Снисходительный и щедрый, величавый и правдивый,
Был он грозный полководец и мудрец красноречивый.

Кроме дочери, владыка не имел другого чада.
Дочь его звездой сияла и была ему отрада.
Славных витязей царевна с одного пленяла взгляда.
Чтоб воспеть ее достойно, мудрецов немало надо.

Тинатин ей дали имя. Лишь царевна подросла
И затмила свет светила блеском юного чела,
Царь собрал своих вазиров, знатоков добра и зла,
И завел беседу с ними про высокие дела.

Царь сказал: «Когда под старость сохнет роза, увядая,
Вместо этой старой розы расцветает молодая.
Вот и я не вижу света, меркнет взор, изнемогая.
Справедливого совета жду от вашего ума я.

Жизнь моя к концу подходит, старость хуже всякой боли.
Завтра, если не сегодня, я умру по божьей воле.
Для чего и свет, коль мрака не избегнуть в сей юдоли!
Пусть же дочь, мое светило, воцарится на престоле».

Но вазирьы отвечали: «Царь, с ущербною луной,
Как бы звезды не сияли, не сравниться ни одной.
Увядаящая роза дышит слаще молодой.
Что ж ты сетуешь на старость и зовешь ее бедой?»

Нет, не вянет наша роза, не тверди нам, царь, об этом!
Но совет твой, даже худший, не чета другим советам.
Делай так, как ты задумал, коль другой исход неведом.
Пусть воссядет на престоле та, чей лик сияет светом!

Хоть и женщина, но богом утверждается царица.
Мы не льстим: она способна на престоле потрудиться.
Не напрасно лик царевны светит миру, как денница:
Дети льва равны друг другу, будь то львенок или львица».

Сын вельможи-полководца, сам прославленный спасет,
Автандил-военачальник был в расцвете юных лет.
Стройный станом, почитался он соперником планет,
Но ресницы солнцеликой довели его до бед.

Затаив, любовь к царевне, он страдал, испепеленный.
Розы щек его бледнели в тишине уединенной,
И росло при каждой встрече пламя страсти затаенной...
Сколь достоин сожаленья унывающий влюбленный!

В день, когда решилось дело с солнцеликою царевной,
Боль души его сменилась светлой радостью душевной.
Он сказал: «Теперь всё больше, с каждой встречей ежедневной
Буду я освобождаться от судьбы моей плачевной».

Ростеван по всей державе разослал такой указ:
«Тинатин на царском троне будет править вместо нас.
Пусть она сияет миру, словно царственный алмаз!
Дочь-царицу славословить приходите в добрый час!»

И сошлись к царю арабы, и приехали вельможи,
И Сограт, вазир любимый, с Автандилом прибыл тоже,
И, когда они воздвигли трон, устроенный пригоже,
Весь народ сказал в восторге: «Нет цены ему, о боже!»

И когда на трон царевну царь возвел пред всем собором,
И когда ее венчал он дивным царственным убором,—
С царским скипетром, в короне, восхваляемая хором,
На людей смотрела дева вдохновенно-кротким взором.

И склонились перед нею все собравшиеся ниц,
И признали эту деву величайшей из цариц,
И ударили кимвалы, и, как крылья черных птиц,
Все в слезах, затрепетали стрелы девичьих ресниц.

Ей казалось: трон отцовский отдан ей не по заслугам,
Потому в слезах томился садик роз, возвращенный югом.
Царь сказал: «Отцы и дети, мы царим здесь друг за другом.
Не отдав тебе престола, был бы я убит недугом!»

Не томись напрасно, дочка! — он просил, увещевая. —
Ты теперь надежда наша, отдал все тебе права я.
Аравийская царица, будь правительницей края,
Мудро, скромно, прозорливо государством управляя.

Как бурьяну, так и розам солнце светит круглый год, —
Будь и ты таким же солнцем для рабов и для господ.
Царской щедростью и лаской привлеки к себе народ,
Помни: море не иссякнет, расточая бездны вод.

Щедрость — слава государей и премудрости основа.
Дивной щедростью владыки покоряют даже злого.
Есть и пить любому нужно, в том не вижу я плохого.
Что припрядешь — то погубишь, что раздашь — вернется снова».

Поучениям отцовским дочь послушная внимала,
Светлым разумом без скуки в наставленья проникала.
Царь устроил пир веселый, веселился сам немало,
Солнце дивной красотой юной деве подражало,

И царица повелела вызвать дядьку-пестуна:
«Под печатями твоими сохраняется казна.
Сундуки открой с деньгами и очисти их до дна:
Дочь царя, своим богатством поделиться я должна».

Раздала всё то царица, что своим считала сроду.
Всем — и знатным и незнатным — поприбавилось доходу.
Дева так и говорила: «Пусть родителю в угоду
Ныне всё мое богатство будет роздано народу.

Открывайте кладовые, отпирайте все подвалы!
Выводи коней, конюший! Выносите перлы, лалы!
Ничего не пожалею!» И войска, наполнив залы,
На сокровища царицы устремились, как шакалы.

КАК законную добычу завоеванных земель,
Всех коней они угнали, столь лелеемых досель.
И была похожа дева на небесную метель,
Чтоб любой ее дарами мог наполнить свой кошель.

Первый день прошел в забавах. Пили, ели, пировали.
Многочисленные гости властелина окружали.
Вдруг поник он головою, преисполненный печали.
«Что с владыкой приключилось?» — перешептываться стали

Автандил-военачальник с добродетельным Согратом
Во главе иных придворных на пиру сидели рядом.
Увидав отца царицы странной горестью объатым,
«Что с царем?» — они невольно стали спрашивать себя там.

И решили: «Наш владыка стал задумчив не к добру,
Ведь никто не мог обидеть государя на пиру!»
Автандил сказал Сограту: «Эту странную хандру
Постараемся рассеять: нам она не по нутру».

Встал Сограт седобородый, встал воитель, стройный станом,
Подошли они к владыке — каждый с поднятым стаканом, —
Опустились на колени на ковре золототканом,
И Сограт вступил в беседу с престарелым Ростеваном:

«Загрустил ты, царь великий! Взор твой больше не смеется
Что ж, ты прав! В твоих подвалах даже драхмы не найдется.
Дочь твоя свои богатства раздала кому придется.
Лучше б ей не быть царицей, чем с нуждой тебе бороться!»

Оглянувшись на вазира, усмехнулся царь-отец,
Удивился: как он смеет упрекать его, наглец?
«Одолжил меня ты славно, мой прославленный мудрец,
Но ошибся, утверждая, что арабский царь — скупец!

Нет, вазир, не эти мысли доставляют мне мученье!
Стар я стал, уходят годы, чую смерти приближенье.
Кто, скажи, теперь возьмется заменить меня в сраженье?
Кто сумеет в ратном деле перенять мое уменье?

Не дала судьба мне сына. Жизнь моя — сплошная мука.
И хотя привычна стала для меня земная скука,
Сын сравнялся бы со мною, как лихой стрелок из лука...
Лишь отчасти Автандилу впрок пошла моя наука».

Слово царское услышав, улыбнулся Автандил,
Светозарною улыбкой всю долину озарил.
Пред царем потупив очи, был он молод, полон сил.
«Ты чему смеешься, витязь? — царь, нахмурившись, спросил. —

Разве речь моя безумна и достойна порицанья?»
— «Государь, — ответил витязь, — дай сперва мне обещанье,
Что меня ты не осудишь за обидное признание,
Не предашь меня на муки, не придешь в негодованье».

Милой дочерью поклявшись, что, как солнце, пламенела,
Царь сказал: «Не бойся, витязь, говори мне правду смело».
— «Царь, — сказал отважный витязь, — предан я тебе всецело,
Но напрасно ты кичишься, недостойно это дело!

Я, твой верный полководец, только пыль у царских ног,
Но пускай решает войско, кто искуснее стрелок.
Выходи ж на состязанье, государь, и, видит бог,
Лук и стрелы нас рассудят и дадут тебе урок».

Царь воскликнул: «Я с тобою говорю не для забавы.
Коль со мной ты спор затеял, не уйдешь ты от расправы!
Мы в свидетели поставим лучших воинов державы,
Поле быстро обнаружит, кто из нас достоин славы».

Так они договорились в этот вечер меж собою.
Царь шутил и улыбался, расположенный к герою.
В заключение решили: кто не справится с стрельбою,
Тот проходит трое суток с непокрытой головою.

И приказ владыка отдал: «Пусть двенадцать верных слуг
Подают мне стрелы в поле, всюду ездят для услуг,
Пусть они сочтут добычу, объезжая лес и луг.
Автандилу их заменит Шермадин, слуга и друг».

И загонщикам велел он: «Рассыпаясь цепью длинной,
Ваше дело — из трущобы гнать на нас косяк звериный».
И бойцов на состязанье пригласил он всей дружиной,
И закончил пир веселый, и расстался с чашей винной.

В золотой чалме, в оружье, как лилея, строен станом,
На рассвете прибыл витязь ко дворцу за Ростеваном.
С высоко подъятым ликом, светозарным и румяным,
На коне он красовался в одеянье златотканом.

Скоро выехал владыка, для охоты снаряжен.
Луг, назначенный заране, был народом окружен.
Вдалеке звучали крики — начался звериный гон,
И стрелки схватили луки, как предписывал закон.

Царь двенадцати любимцам приказал: «Вперед, за мною!
Лук держите наготове, приготовьте стрелы к бою!
Подсчитайте, сколько дичи я убью моей рукою!»
Между тем лесные звери приближались к зверобою.

Многочисленное стадо появилось в отдаленье,
На охотников бежали серны, лани и олени.
Царь и витязь их встречали градом стрел, не зная лени.
Созерцая их проворство, люди были в изумленьи.

Пыль, поднявшаяся к небу, солнце кутала во мглу,
Кровь лилась вокруг рекою, пот струился по челу.
Но любой из нападавших за стрелою слал стрелу,
И нельзя укрыться было ни оленю, ни козлу.

Поле быстро проскакали, всё зверье поразогнали,
Многих насмерть уложили, землю кровью запятнали.
«Кипарис в садах эдемских! Есть другой такой едва ли!» —
Так о витязе твердили те, кто спор их наблюдали.

Поле кончилось, за полем поднимался лес дремучий,
Вдалеке торчали скалы, громоздясь на кручу кручей.
Звери прянули в трущобу, там их спас счастливый случай,
Ибо в чаще их настигнуть даже конь не мог могучий.

Царь, усталый, но довольный, возгласил: «Моя взяла!»
Автандил не соглашался, отирая пот с чела.
Услыхав их спор веселый, к ним дружина подошла.
Царь сказал: «Без всякой лести расскажите, как дела?»

«Государь, — сказали слуги — чтоб тебе не заблуждаться,
Знай, что с юным Автандилом ты не можешь состязаться.
Мы помочь тебе не в силах, мы обязаны признаться,
Что от стрел его оленям было некуда деваться.

Двадцать раз по сто животных мы за вами прикололи,
Только счет у Автандила штук на двадцать будет боле.
Он без промаха стреляет, ты же, царь, помимо воли,
Много стрел своих напрасно разметал на этом поле».

Царь забавной схваткой в нарды посчитал событие это.
Был ему успех питомца слаще солнечного света.
Соловей не любит розу так, как он любил спаспета.
И печаль его исчезла, и душа была согрета.

Оба сели под деревья, дали воинам сигнал.
И войска, как строй колосьев, устремились на привал,
И двенадцать слуг царевых, каждый строен и удал,
Наблюдали за рекою и за выступами скал.

2. АРАВИЙСКИЙ ЦАРЬ ВСТРЕЧАЕТ ВИТЯЗЯ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Вдруг заметили арабы чужестранца молодого.
Опечаленный, держал он за поводья вороного.
Крупным жемчугом сверкало снаряжение верхового,
Роза инеем покрылась, как от ветра ледяного.

Облаченный в шкуру тигра и в такой же шапке странной,
Он сидел и горько плакал, этот витязь чужестранный.
Толщиной в мужскую руку, плеть его была чеканной.
«Что за странное виденье!» — думал царь со всей охраной.

Наконец, чтобы знакомству положить скорей почин,
Своего раба отправил за пришельцем властелин.
Но струился дождь хрустальный из агатовых стремнин,
И не смог ни слова молвить, подскакав, престолюдин.

Произнести не мог ни слова чужеземцу раб смущенный.
Наконец, придя в сознание, он воскликнул, восхищенный:
«Царь велел!..» И вновь умолкнул, безгранично удивленный.
Но его не видел даже витязь тот иноплеменный.

Ничего не слышал витязь и не понял этой речи.
Невдомек страдальцу было, что войска шумят далече.
Сердце в пламени пылало, тихо вздрагивали плечи,
Кровь мешалась со слезами, как на поле грозной сечи.

Ум его витал далёко, грез не в силах отряхнуть.
И, когда его посланец пригласил с собою в путь,
Не сказал ни слова витязь, только слезы лил на грудь,
Не хотела эта роза уст прекрасных разомкнуть.

И посланец к Ростевану возвратился без ответа:
«Царь, не хочет этот витязь слышать царского привета,
Ослепил мои глаза он блеском солнечного света,
Только время потерял я, не вини меня за это».

Удивился царь и в гневе приказал немедля слугам:

«Поезжайте все двенадцать, каждый с палицей и луком!
Если этот незнакомец не ответит мне ни звуком,
В плен его возьмите силой и воздайте по заслугам».

Вот рабы, гремя оружием, к незнакомцу подошли,
И очнулся этот витязь, сын неведомой земли.
Оглянулся он внезапно, увидал войска вдали.
«Горе мне!» — сказал, и слезы по лицу его текли.

И смахнул он эти слезы, и отер лицо рукою,
Меч на поясе поправил, лук повесил за спиною,
Сел в седло неторопливо и поехал стороною,
Не послушал, что хотели доложить рабы герою.

Руки воины простерли, задержать его хотели.
Горе, что он с ними сделал! Их враги бы пожалели!
Он валил их друг на друга, как никто другой доселе,
Рассекал по пояс плетью, пробивая в латах щели!

Царь был взбешен, и в погоню полетел другой отряд.
Вьется пыль, несутся кони, латы в воздухе горят.
Витязь снова оглянулся и, мешая с рядом ряд,
Стал рабов метать друг в друга, лютым пламенем объят.

Царь вскочил и с Автандилом поспешил на поле брани.
Стройный станом незнакомец тихо двигался в тумане.
Лик его светился светом, конь ярился, как Мерани.
Приближенье государя заметил он заране.

Он хлестнул коня, и взвился чудный конь, покорный воле
Седока, и всё исчезло — никого не видно боле:
Ни коня, ни чужестранца... Вознеслись на небо, что ли,
Или в землю провалились — но следы исчезли в поле.

Как их люди ни искали — не нашли. И царский стан
Порешил, что это демон напустил на них дурман.
Люди плакали по мертвым, обмывали язвы ран.
«Час настал, конец веселью! — скорбно молвил Ростеван. —

Видно, богу надоело созерцать мое веселье,
Потому он посылает вслед за радостью похмелье.
Всё мне в тягость, жизнь постыла, как губительное зелье...
Сохрани меня, создатель, как сохранен был досель я!»

И уехал царь, вздыхая, полный горя и заботы,
Никого не пригласил он к продолжению охоты.
Разошлись и те, кто раньше испытал его щедроты.
Говорил один: «Причуда!» А другие: «Прав он, что ты!»

Скрылся царь в опочивальне. Автандил, названный сын,
Возвратившийся с охоты, провожал его один.
Никого из всех домашних не заметил властелин,
Замолчали в знак печали и кимвал и тамбурин.

Приходила дочь-царица, света белого кристальной,
У дворецкого пытала перед той опочивальней:
«Спит иль бодрствует родитель?» — «Возвратясь с охоты дальней,
Государь наш с каждым часом всё становится печальней.

Говорят, ему явилась на охоте вражья сила,
Он скорбит и не внимает утешеньям Автандила». —
«Я уйду, — сказала дева и потом проговорила: —
Если спросит о царице, доложи, что приходила».

Наконец спросил владыка: «Где же юная луна?
Лишь она, роса живая, исцелит меня одна!»
— «Государь, — сказал дворецкий, — приходила уж она,
Но, узнав, что ты невесел, удалилась, смущена».

«Ты сходи, — сказал владыка, — и скажи ей, ради бога:
Отчего ты удалилась от отцовского порога?
Приходи скорее, радость, будь родителю подмога,
Расскажу тебе я, дочка, какова моя тревога».

И пришла, не задержалась дочь послушная царева,
Как луна небеснолика, утешать царя готова.
Усадил ее владыка, целовал и нежил снова,
Говорил: «Зачем ты, радость, не пришла ко мне без зова?»

«Государь, когда ты мрачен, — отвечала дочь царя, —
Не войдет к тебе и дерзкий, твой покой боготворя.
Увидав тебя печальным, потухает и заря.
Но полезней вникнуть в дело, чем отчаиваться зря».

«О дитя, — сказал владыка, — в час, когда приходит горе,
Нахожу я утешенье лишь в твоём прекрасном взоре.
Только ты одна сумеешь исцелить меня от хвори
И корить меня не будешь, о моем узнав позоре».

Некий витязь чужестранный повстречался мне в долине,
Лик его, подобный солнцу, не забуду я отныне.
Он сидел и горько плакал по неведомой причине,
Не хотел он с добрым словом подойти к моей дружине».

Увидав, что я разгневан, он помчался на коне.
Я рабов послал вдогонку — он их плетью по спине.
Он, как бес, исчез в пространстве, не вернулся он ко мне.
Наяву ль его я видел, или грезил я во сне?»

И внезапно стал мне горек сладкий дар творца вселенной,
Позабылись дни, когда я веселился, как блаженный.
Возмутил мое сознание этот витязь дерзновенный,
Сколько дней ни проживу я, не утешусь жизнью брэнной!»

«Царь, — в ответ сказала дева, — ты мое послушай слово.
Почему судьбу и бога осудил ты столь сурово?
Не того ль клянешь, кто в жизни не лишал тебя покрова?
Благосклонный к человеку не умыслит дела злого!»

Ты — владыка над царями! Вот тебе он, мой совет:
Безграничными краями ты владеешь много лет.
Так пошли людей надежных, пусть объедут целый свет.
Пусть узнают, человек он, этот витязь, или нет».

Если он такой же смертный, человек, как мы с тобою, —
Он со временем найдется. Если ж нет, тогда, не скрою,
Был, как видно, это дьявол, нам ниспосланный судьбою
Не томи себя печалью, не терзай себя тоскою!»

И в четыре части света полетели скороходы.
Им сказали: «Будьте смелы, поборите все невзгоды,
Разузайте, кто тот витязь нам неведомой породы,
В захоlustья шлите письма, не скупитесь на расходы»

Целый год гонцы скитались, исходили полземли.
Всех знакомых, незнакомых расспросили, как могли.
Но того, кто знал страдальца, как ни бились, не нашли
И с досадой возвратились, истомленные, в пыли.

«Государь, — они сказали, — мы повсюду побывали,
Но не встретился нам витязь, преисполненный печали.
Ничего о нем доселе чужестранцы не слыхали.
Делай что тебе угодно, но найдешь его едва ли!»

«Ах, — ответил царь, — я вижу, что права была царица:
В сети адские попал я, начал плакать и томиться.
То не витязь был, но дьявол, улетевший, точно птица.
Прочь печали и тревоги! Будем жить и веселиться!»

И опять открылись игры, и сошлись на царский двор
И певцы и лицедеи, услаждающие взор.
Раздал царь даров немало, во дворце устроил сбор, —
Говорят: людей столь щедрых бог не создал до сих пор.

Автандил в своем чертоге, сбросив платье дорогое,
Наслаждался звоном арфы, вспоминая про былое.
Вдруг явился негр-служитель той, чей стан стройней алоэ.
«Солнцеликая, — сказал он, — ждет тебя в своем покое».

И почудилось спаспету, что сбылось его мечтанье,
И облекся он немедля в дорогое одеянье.
В первый раз без посторонних был он призван на свиданье.
Сладко быть вблизи любимой, созерцать ее сиянье!

Не смущаясь, подошел он ко дворцу, красив и смел,
Ради той, из-за которой столько горя претерпел.
Но печальный взор царицы, словно молния, горел,
И луна в его блистанье проклинала свой удел.

Грудь заботливо ей кутал мех прекрасный горностая,
С головы фата спадала, тканью сладостной блистая,
Мрак ресниц впивался в сердце, словно черных копий стая,
Шею локоны лобзали, с плеч коса вилась густая.

Но мрачна была царица под прозрачною фатою,
Нежным голосом, однако, приказала сесть герою.
Подал стул ему невольник. Сев, поник он головою
И, лицом к лицу с любимой, упивался красотой.

Витязь молвил: «Что скажу я, коль душа твоя мрачна?
Говорят, при встрече с солнцем потухает и луна.
Я не в силах больше мыслить, словно есть на мне вина.
Чем, скажи, тебя утешу? Чем ты ныне смущена?»

«Витязь, — дева отвечала благосклонно и учтиво, —
От меня ты был доселе отдален несправедливо.
И хотя свиданье наше почитаешь ты за диво,
О беде моей великой я скажу тебе правдиво.

Помнишь, как совсем недавно, состязаясь с Ростеваном,
Повстречался ты на поле с незнакомцем чужестранным?
С той поры о нем я мыслю, плачу в горе непрестанном.
Разыщи его мне, витязь! Поезжай по дальним странам!

И хотя не мог ты видеть до сих пор свою луну,
Знаю я: в уединенье любишь ты меня одну,
Непрестанно слезы точишь, таешь каждую весну,
Что твое томится сердце у меня одной в плену.

Слушай, витязь. Ты обязан мне служить по двум причинам:
Ты, во-первых, славный воин, одаренный духом львиным,
Во-вторых, ты стал миджнуром, подчиняться мне повинным, —
Потому прошу тебя я: незнакомца отыщи нам!

Я люблю тебя безмерно, но любить я буду боле,
Если ты исчадье это победишь на бранном поле.
Дай взрасти цветам надежды в бедном сердце, полном боли!
Знай, мой лев: тебя я встречу, восседая на престоле.

Ты ищи его три года и, напав на верный след,
Возвращайся, победитель, с величайшей из побед.
Не найдешь, так я уверюсь, что его на свете нет,
И отдам тебе навеки непоблекшей розы цвет.

Я клянусь тебе, мой витязь: если выйду за другого,
Будь он даже солнцем мира в виде юноши земного, —
Пусть тогда лишусь я рая! Я и в ад сойти готова!
Хоть пронзи меня кинжалом, не скажу тебе ни слова!»

«О, — воскликнул витязь, — дева, чьи ресницы из агата!
Что скажу тебе на это? Вся душа огнем объята!
Ты меня вернула к жизни, вот за горести расплата!
За тебя, твой раб, пойду я на любого супостата!

Бог тебя подобной солнцу сотворил над миром зла,
Подчинил тебе он в небе все небесные тела.
Оттого твоим щедротам нет ни меры, ни числа,
Оттого в твоём сиянье роза снова ожила!»

Поклялись они друг другу дивной клятвой крепче стали
И, беседуя друг с другом, успокаиваться стали,
И счастливые минуты для влюбленного настали,
Жемчуга из уст открытых, словно молнии, блистали.

Сели вместе, улыбнулись и в лобзании невинном
Обнялись агат с агатом и слились рубин с рубином.
Он сказал: «Лишить рассудка можешь взглядом ты единым,
Лишь мое больное сердце наполняешь духом львиным!»

И расстался с девой витязь, и вернулся он назад.
Озираясь, как безумный, шел он ночью наугад.
На сияющие розы сыпал он хрустальный град,
Обручил он с сердцем сердце, чтобы верным быть стократ.

Говорил он: «О светило! Поражен судьбой коварной,
Я — кристалл, рубин и роза — принимаю цвет янтарный.
Как три года проживу я вдалеке от светозарной?
Изнывая от печали, я умру, неблагодарный!»

Лег на ложе, горько плачет, слезы вытереть не может,
Гнется тополем по ветру, но тоска всё больше гложет.
Лишь задремлет — образ милой сердце снова растревожит,
Вскрикнет витязь и, проснувшись, в двадцать раз печаль умножит.

Так ему знакомы стали муки пламенных сердец.
Жемчуг слез сиял на розе и ласкал ее багрец.
Утром встал он, облачился, кликнул слуг и, наконец,
На коне своем любимом устремился во дворец.

И послал он царедворца к Ростевану с донесеньем:
«Царь, осмелюсь обратиться за твоим распоряженьем.
Славен меч твой, все народы чтут его повиновеньем.
Это должен я напомнить всем соседним поселеньям.

Ныне я идти обязан на противников войною,
Славной вестью о царице положить конец разбою.
Я обрадую покорных, непокорных успокою,
Я пришлю даров немало, лишь дела твои устрою».

И сказал ему владыка, услышав его слова:
«Лев, от боя уклоняться недостойно званья льва.
Мы обязаны с тобою охранять свои права.
Поезжай, но что мне делать, коль проездишь года два?»

И вошел к владыке витязь, и сказал ему с поклоном:
«Государь, не думал быть я столь высоко восхваленным!
Бог, быть может, озарит мне дальний путь под небосклоном,
И тебя я вновь увижу неизменно благосклонным».

Обнял царь его, как сына, целовал его, вздыхая.
Воспитатель и питомец — есть ли где чета такая?
И покинул в день разлуки Автандил владыку края.
Ростеван мягкосердечный плакал, слезы проливая.

И покинул витязь город и скитался двадцать дней,
Постепенно приближаясь к дальней вотчине своей.
Величавый и отважный, радость мира и людей,
В вечных думах о любимой пламенел он всё сильнее.

И когда он, странник, прибыл в пограничные владенья,
Поднесли ему вельможи дорогие подношенья.
Всякий, кто его увидел, расцветал от лицезренья.
Но спешил в дорогу витязь и боялся промедленья.

Здесь, в середине скал природных, где конца не видно кручам,
Славным городом владел он, неприступным и могучим.
Трое суток жил тут витязь, бил зверей в лесу дремучем,
Совещался с Шермадином, верным другом наилучшим.

Шермадин, кого я раньше помянул стихом моим,
Был рабом у Автандила, но воспитывался с ним.
Он не знал, какой печалью славный витязь был томим,
И герой не стал таиться пред наперсником своим.

«Шермадин, — промолвил витязь, — повинюсь чистосердечно,
Виноват я пред тобою: ты служил мне безупречно,
Я ж, любовь мою скрывая, тосковал и плакал вечно.
Ныне я моей любимой обнадежен бесконечно.

Тинатин меня пленила, и нарциссы в день печали
На заснеженные розы слезы жгучие роняли.
Не хотел я, чтобы люди о любви моей узнали,
Но теперь слова надежды скорбь мою уврачевали.

Мне царица повелела: «Тайну витязя открой,
И, когда назад вернешься, буду я твоей женой.
За другого я не выйду, будь он райской купиной!»
Речь ее — бальзам для сердца, истомленного тоской.

Я, владыка твой, обязан власть царя считать верховной
И служить ему повинен, как слуга беспрекословный, —
Это первое. Второе: заключив союз любовный,
Робость в годы испытаний почитаю я греховной.

Из владык и подчиненных только мы друзья друг другу.
Умоляю, окажи мне беспримерную услугу.
На тебя я оставляю все войска и всю округу,
Одному тебе я верю, обреченный на разлуку.

Предводительствуй войсками, охраняй страну от бед,
Узнавай через посланцев, весел царь наш или нет,
Шли ему дары и письма в продолжение трех лет.
Пусть никто в стране не знает, что исчез его спасет.

На охоте и в сраженьях принимай мое обличье,
Сохраняй три года тайну и блюди благоприличие.
Я еще вернусь, быть может, — слово мне дано девичье.
Не вернусь — простись со мною и оплачь мое величие.

В этот день с печальной вестью ты предстань пред Ростеваном
И во всем ему откройся, как пристало только пьяным.
Расскажи, что я скончался — всем ведь гибель суждена нам, —
И раздай мои богатства неимущим поселянам.

Сам же, в город возвратившись, будь мне преданным вдвойне:
Не забудь меня внезапно, вечно помни обо мне.
Все дела мои устроив, помолись наедине,
Вспоминай о нашем детстве на родимой стороне».

И была для Шермадина эта весть подобна грому,
И заплакал он внезапно, и почувствовал истому.
Он сказал: «Какая радость без тебя рабу простому?
Но мольбы мои напрасны: всё равно уйдешь из дому.

Ты велел мне быть владыкой и вождем твоей дружине.
Разве это мне по силам — заменять тебя отныне?
Как забуду я, что, бедный, ты скитаешься в пустыне?
Лучше я с тобой поеду мыкать горе на чужбине!»

«Нет, — ответил витязь, — должен я поставить на своем:
Коль миджнур бежит в пустыню, он не странствует вдвоем.
Мы ценой великих бедствий дивный жемчуг достаем.
Да погибнет вероломный, умирая под копьем!

С кем я мог, коль не с тобою, поделиться этой тайной?
Мог ли я другим доверить этот труд необычайный?
Укрепляй мои границы, наблюдая за окраиной.
Я еще вернусь, быть может, избежав беды случайной.

Погибают от несчастья и один, и сто за раз.
Одиночество — не гибель, если бог спасает нас.
Коль не справлюсь за три года, плачь по мне в печальный час.
На владение страну я даю тебе указ».

3. УКАЗ АВТАНДИЛА ЕГО ПОДДАННЫМ

Вот указ его: «Вельможи! Воспитатели и дети!
Мужи, преданные сердцем и надежные в совете!
Вы — моих желаний тени, предо мною вы в ответе!
Соберитесь ныне вкупе, чтоб слова услышать эти!

Автандил, ваш прах, пишу я ради вас своей рукою:
На короткий срок расстаться я решил с моей страной,
Предпочел скитанья — пиру, путешествия — покою,
Возложил на лук заботу добывать еду стрелою.

Некий умысел имея, покидаю я страну.
Целый год я пыль скитаний с ног моих не отряхну.
Заклинаю вас: в разлуке чтите заповедь одну —
Охраняйте наше царство, как хранили в старину.

Я владыкою над вами оставляю Шермадина,
И, пока он не узнает, что пришла моя кончина,
Пусть он здесь, лелея розу, будет вам за господина.
Пусть пред ним злодеи тают, как на пламени вощина!

Шермадин, как вам известно, для меня дороже брата,
Вы его, как Автандила, почитайте ныне свято.
Вместе с ним, лишь грянут трубы, сокрушайте супостата.
Не вернусь, так вместе плачьте: велика его утрата».

Изукрасивший посланье столь искусным языком,
В пояс он насыпал злата и на лошадь сел верхом.
«На охоту!» — крикнул витязь, и войска сошлись кругом,
И, не мешкая нимало, он покинул отчий дом.

И велел он на охоте провожатым удалиться:
«Мне помощников не нужно, я хочу уединиться».
И по чаще тростниковой полетел он, точно птица,
И в его царила мыслях Тинатин, его убийца.

Проскакал он через поле и войска вдали оставил,
И никто за ним не гнался и вернуться не заставил.
Не страшился он булата, исполнитель высших правил,
Но, придавлен грузом горя, раны сердца окровавил.

Люди кончили охоту, спохватились: где же он?
И, не видя господина, каждый плакал, поражен,
И великое веселье превратилось в горький стон,
И на розыски помчались ездоки со всех сторон.

«Где ты, лев, надежда наша? — приближенные зывали. —
На кого ты нас покинул?» И гонцов повсюду слали.
Но, увы, не отыскался тот, которого искали,
И в слезах поникло войско, и народ поник в печали.

Шермадин, собрав придворных и иных достойных чести,
Показал указ владыки, и его читали вместе.

14

С пораженными сердцами все внимали этой вести,
Рвали волосы от горя, уподобленные персти.

И сказали Шермадину: «Хоть сменял он свет на тьму,
Без тебя доверить трона он не мог бы никому.
Как велел нам повелитель, так и быть теперь тому!»
И, признав раба владыкой, поклонились все ему.

4. АВТАНДИЛ УЕЗЖАЕТ НА ПОИСКИ ВИТЯЗЯ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Мудрый Эзрос в «Дионосе» нам оставил назиданье:
«Замерзающая роза вызывает состраданье».
Сострадания достоин также тот, кто в дни скитанья,
С милой родиной расставшись, обречен на увяданье.

Всю Аравию проехав за четыре перехода,
Автандил скитался в землях чужестранного народа.
И твердил печальный витязь, увядая год от года:
«Если б я вернулся к деве, миновала бы невзгода!»

Свежий иней пал на розу, и цветок утратил цвет,
Уж хотел себя кинжалом заколоть он в цветке лет...
«Возложил мне мир на плечи не одну, но сотни бед!
Нет, увы, со мною арфы и свирели больше нет!»

Вяла роза, увядала, не согретая светилом,
Но крепился он, чтоб сердцу были горести по силам,
И расспрашивал он встречных, по местам бродя унылым,
И немало их в дороге говорило с Автандилом.

И неслись к морям далеким слезы витязя рекою.
Спать на землю он ложился, подперев щеку рукою.
«Сердце с милой неразлучно, — рассуждал он сам с собою, —
За нее умру без страха, если ведено судьбою!»

По лицу земли скитаясь, бесприютен и убог,
Посетил он за три года каждый малый уголок.
Лишь три месяца осталось, истекал условный срок,
Но напасть на след скитальца Автандил еще не мог.

Удрученный, целый месяц он бродил в краю пустынном,
Изо всех сынов Адама не встречаясь ни с единым.
Страшных бед таких не знали Вис прекрасная с Рамином!
Он же думал лишь о милой, разъезжая по долинам.

Раз, об отдыхе мечтая, он доехал до привала.
На семь дней пути долина перед ним внизу лежала.
У подошвы скал высоких речка мелкая бежала,
К ней с горы леса спускались и трущобы буревала.

Стал считать он на досуге, сколько дней провел в пути, —
Лишь два месяца осталось эти поиски вести!
«Целый мир теперь узнает, как метался я в сети,
Не поправить это горе, новой жизни не найти!»

И задумался он крепко: «Коль ни с чем вернусь я к дому.
Для чего всё это время я потратил по-пустому?
Чем обрадую царицу, погруженную в истому,
Если путь не отыскал я к незнакомцу молодому?»

Если ж мне без доброй вести непристойно возвращаться,
Сколько времени я должен по земле еще скитаться?
Будут щеки Шермадина день и ночь в слезах купаться,
И пойдет он к Ростевану, чтоб во всем ему признаться.

Он обязан по условию известить царя и знать.
О моей узнав кончине, будут люди горевать.
После этого смогу ли перед ними я предстать?» —
Так сказал несчастный витязь и задумался опять.

«Справедлива ли, о боже, — он твердил, — твоя десница?
Почему я должен тщетно по лицу земли влачиться?
Вырвал радость ты из сердца, дал в нем горю угнездиться.
Из очей моих до смерти не устанут слезы литься!»

Но потом сказал себе он: «Все ж разумнее терпенье.
Чтоб не сгинуть раньше срока, пересилю огорченье.
Против бога я бессилен, слезы мне не избавленье,
Воля смертного не может повлиять на провиденье.

Но погибель, — продолжал он, — предпочтительней стыда!
Будет день, и предо мною заблестит моя звезда.
Путешественник злосчастный, что скажу я ей тогда?»
И болотистой опушкой он спешил невесть куда.

«Всех людей перевидал я, — говорил себе он снова, —
Но никто мне о пропавшем не сумел сказать ни слова.
Видно, царь не без причины счел его за духа злого.
Для чего же я скитаюсь и горюю бестолково?»

Перебравшись через речку, Автандил поехал чашей
Наводил на сердце скуку шум осоки шелестящей.
Сила рук его иссякла, помутился взор горящий,
Черной порослью покрылся лик унылый и скорбящий.

И решил он возвратиться, надрывая стоном грудь,
И коня в глухие степи поспешил он повернуть.
Без людей он целый месяц продолжал печальный путь,
И охота на животных не влекла его ничуть.

Одичав в сердечной муке, продолжал он жить в томленье,
Но, как всякий сын Адама, вдруг взалкал в уединенье,
И длинной руки Ростома он стрелу пустил в оленя,
И костер в глухой трущобе он развел без промедленья.

Он пастись поставил лошадь и, насытившись дичиной,
Шестерых людей увидел, проезжающих долиной.
«То разбойники, — решил он, — те, что грабят люд невинный,
Кроме них, никто не ездит в этой местности пустынной».

Взяв оружие, поспешил он, чтобы встретить их вдали.
Там два мужа бородатых безбородого вели.
Безбородый был изранен, был в крови он и в пыли.
Рвался дух его из тела, улетаая от земли.

«Вижу я, — воскликнул витязь, — что живете вы разбоем!»
— Нет, — ответили пришельцы. — Помогите нам, зверобоям!
Если ж ты помочь не можешь, посочувствуй нам обоим,
Плачь сегодня вместе с нами, ибо жалости мы стоим!»

Автандил подъехал ближе, и, рыдая, люди эти
Рассказали, как в дороге был изранен путник третий:
«Витязь, мы — родные братья, одного отца мы дети,
Город, нам принадлежащий, расположен в Хатаети.

Мы о месте этом диком услышали от людей
И пришли сюда с дружиной многочисленной своей.
По горам и по долинам мы скитались тридцать дней,
И немало на охоте постреляли мы зверей.

Оказались мы в дружине наилучшими стрелками,
И великий спор внезапно разгорелся между нами.
«Я искусней всех стреляю!», «Я — сильнейший между вами!» —
Так мы трое препирались неразумными словами.

Отвести оленьи шкуры поручили мы дружине
И решили состязаться без загонщиков отныне.
Мы условились, чтоб каждый лишь по той стрелял дичине,
След которой приметит на горе и на равнине.

Отослав домой сегодня многочисленную рать,
Только трех оруженосцев мы с собой решили взять.
Мы зверей стреляли в поле, в чаще рыскали опять,
Не давали мы пернатым над собою пролетать.

Вдруг пред нами некий витязь появился на поляне.
Мрачный ликом и печальный, восседал он на Мерани.
Весь закутан в шкуру тигра, в меховом своем тюрбане,
Он сиял такой красою, о какой не знали ране.

Нетерпимые для взора он метал очами грозы.
Мы сказали: «Вот светило, погрузившееся в грезы!»
Мы схватить его хотели, мы дерзнули на угрозы,
Оттого-то мы и стонем, проливая эти слезы.

Я мечтал тогда, как старший, чтобы всадник стал моим,
Средний брат очаровался скакуном его лихим.
Младший жаждал поединка. Мы помчались вслед за ним.
Но спокойно ехал витязь, горделив и нелюдим.

Лал и жемчуг драгоценный розы уст его скрывали.
Погруженный в размышленья, был он в горе и печали.
Он на нас не бросил взгляда, но, когда мы закричали,
Плеть тяжелую приподнял и поехал молча дале.

Отстранив меня рукою, младший крикнул супостату:
«Стой!» — и к витязю рванулся, не подумав про расплату.
Витязь| встретил нападение, не притронувшись к булату:
Златокотованною плетью раздробил он череп брату.

Он одним ударом плети череп юноше разбил,
Он свалил его на землю без сознания и без сил,
Он смешал беднягу с прахом, оскорбленья не простил
И умчался, горделивый, как светило из светил.

Он назад не возвратился, не промолвил он ни слова.
Вон он движется, как солнце, скрыться в облако готово!»
И скиталец в отдаленье вдруг заметил вороного —
Дивный всадник солнцеликий перед ним явился снова.

И ланиты Автандила слезы больше не кололи:
Не напрасно на чужбине он отведал горькой доли!
Кто желанного достигнет, пострадав в земной юдоли,
Тот уже не вспоминает о своей минувшей боли.

«Братья, — он сказал, — я странник, потерявший свой приют.
С милой родиной расставшись, я искал скитальца тут.
Вы его мне указали, душу вынули из пут,
Пусть за это вам сторицей силы неба воздадут!

Так же как достиг я ныне исполнения желаний,
Пусть ваш юноша несчастный исцелится от страданий».
Показав свою стоянку, он прибавил на прощанье:
«Положите в тень страдальца, отдохните от скитаний!»

Тут коня пришпорил витязь и, не медля ни минуты,
Полетел, как вольный сокол, разорвавший клювом путы.
Как луна, навстречу солнцу он спешил, избегнув смуты,
Потушил он в юном сердце беспощадный пламень лютый.

Приближаясь к незнакомцу, так он начал размышлять:
«Необдуманное слово прогневит его опять.
Только мудрый это дело может толком распознать,
Он спокойствия не должен в затруднениях терять.

Этот витязь столь безумен, что боится каждой встречи,
Он людей не хочет видеть и людские слышать речи.
Значит, мы убьем друг друга, коль сойдемся в лютой сече!» —
Так он думал, за скитальцем наблюдая издалече.

Прячась в зарослях, твердил он: «Нет, не зря пропали годы!
Даже зверь приют имеет, чтоб спастись от непогоды;
Не стремится ль витязь к дому через горные проходы?
Поспешив за ним, быть может, я забуду про невзгоды».

Так они два дня, две ночи продолжали этот путь,
Оба не пили, не ели, не хотели отдохнуть.
Ни на миг очей усталых не могли они сомкнуть,
Лишь бесчисленные слезы упали им на грудь.

Лишь на третий день под вечер, в горной местности далекой,
Добрались они, скитальцы, до пещеры одинокой.
Под горой река шумела, окруженная осокой,
Подпирая свод небесный, рядом лес стоял высокий.

Витязь, речку переехав, поскакал по горным склонам.
Автандил коня спешно привязал под старым кленом,
Сам на дерево взобрался и, припав к листьям зеленым,
Стал следить из-за укрытья за скитальцем истомленным.

Только витязь в шкуре тигра чащу леса миновал,
Дева в черном одеянье появилась возле скал.
Слез поток неудержимый из очей ее бежал.
Витязь спешился и деву, наклонясь, поцеловал.

Он сказал: «Асмаг, сестрица, мост надежды рухнул в море.
Не найти нам больше девы, безутешно наше горе!»
Витязь в грудь себя ударил и замолк с тоской во взоре,
И в ответ ему рыдала дева в траурном уборе.

Рвали волосы безумцы, чаша пасмурнее стала,
Утешал скиталец деву, дева друга утешала,
Эхо сотней отголосков их стенанья повторяло,—
Автандил следил за ними и дивился им немало.

Успокоившись, девица снова сделалась бодра,
Отвела коня в пещеру, где не мучила жара,
Расстегнула панцирь другу, как любимая сестра,
И в пещеру с незнакомцем удалилась до утра.

Автандил тревожно думал: «Как от них добиться слова?»
Дева в черном одеянье на рассвете вышла снова
И обмыла на дорогу и взнуздавала вороного,
Принесла вооруженье незнакомца молодого.

Снова этот незнакомец уходил от Автандила!
Дева плакала, прощаясь, в грудь себя руками била.
Обнял он ее, целуя, на Мерани сел уныло,
И опять его подруга в путь-дорогу проводила.

Сходный с запахом алоэ ощущая аромат,
Автандил из-за деревьев осторожный кинул взгляд.
Видит: витязь солнцеликий безбород, едва усат,
Но и львы ему, как видно, не опаснее ягнят.

Всадник, с девою простившись, ехал старою тропею,
Через заросли осоки степью двигался глухою.
Автандил ему дивился, рассуждая сам с собою:
«Бог мне это всё устроил всемогущею рукою!

Мог ли он устроить лучше, чтоб помочь в опасном деле?
Дева тайну мне откроет, о моем узнав уделе.
Я и сам открою деве, как я мучился доселе,
Чтоб не биться с незнакомцем в этом каменном ущелье».

Слез он с дерева, и быстро переехал речку вброд,
И приблизился к пещере, где зиял открытый вход.
И опять навстречу вышла дева, полная забот, —
Верно, думала бедняжка, что вернулся витязь тот.

Но при виде незнакомца, осененная догадкой,
Дева кинулась в пещеру, чтобы скрыться в ней украдкой.
Автандил настиг беглянку и схватил могучей хваткой,
И она пред ним в испуге заметалась куропаткой.

Вырывалась и кричала, на пришельца не глядела,
Угодив к орлу в неволю, подчиниться не хотела,
Всё какого-то на помощь призывала Таризэла,
И не мог ей долго витязь своего поведать дела.

Он твердил ей: «Успокойся! Я — простой Адамов сын!
Видел я, как роза мая увядает среди долин.
Расскажи, открой мне тайну, кто он, этот райский крин?
Зла тебе я не желаю, нужен сердцу он один!»

Дева, словно размышляя, говорила сквозь рыданья:
«Если в здравом ты рассудке, брось напрасные старанья!
Непростое это дело — описать его деянья,
Невозможного не требуй от меня повествованья.

Для чего, не понимаю, вышла я к тебе навстречу!
Описать перо не в силах эту душу человечью.
“Расскажи!” — ты мне прикажешь. „Нет! — стократно я отвечу. —
Не от счастья льются слезы, вот что я тебе замечу”».

«Дева, ты меня не знаешь! Я объехал целый свет,
Тщетно витязя искал я и немало вынес бед.
Наконец тебя нашел я, — умоляю, дай ответ,
Расскажи про незнакомца: без него мне счастья нет!»

«Кто ты, витязь неизвестный? — зарыдала дева снова. —
В час, когда исчезло солнце, ты страшной мороза злого!
Мы с тобою длить не будем спора этого пустого.
Поступай со мной как хочешь — не скажу тебе ни слова».

Витязь, деву заклиная, пал пред нею на колени,
Но, ни слова не добившись, изнемог он от молений,
И, объятый лютым гневом, прекратил мольбы и пени,
И клинок занес над девой в беспримерном исступленьи.

«Ты умножила, — сказал он, — муку смертную мою!
Неужели ты не видишь, почему я слезы лью?
Коль не скажешь мне ни слова, бог свидетель — пусть в бою
Так же недруг мой погибнет, как и я тебя убью!»

«Витязь, — дева отвечала, — средство выбрал ты дурное.
Рассказать тебе при жизни не могу я о герое.
Если ты меня заколешь, непреклонней буду вдвое,
Ибо что тебе откроет тело девы неживое?

Почему же ты не хочешь прекратить своих попыток?
Говорить мне запрещает горя вечного избыток.
Лучше ты меня прикончи, толку нет от этих пыток.
Разорви меня без страха, как ненужный людям свиток!

Ты не думай, что кончина мне, страдальце, страшна.
Море слез моих осушит, благодатная, она.
Жизнь моя — пучок соломы. Велика ли ей цена?
Что еще, тебя не зная, я сказать тебе должна?»

И тогда подумал витязь: «Чтобы нам договориться,
Нужно выбрать новый способ, ибо старый не годится».
Отпустил он незнакомку, дал слезам своим излиться
И сказал: «Зачем я, глупый, огорчил тебя, девица!»

Сел он в сторону, заплакал, не сказав ни слова боле.
Дева, сумрачная ликом, о своей грустила доле.
Были залиты слезами розы, выросшие в холе.
Наконец она вздохнула и смягчилась поневоле.

Зарыдала, пожалела незнакомца всей душой,
Но молчала, как и прежде, и была ему чужой.
Автандил заметил это и с поникшей головой
Встал пред девой на колени и воскликнул сам не свой:

«Дева, больше о доверье я молить тебя не смею!
Огорчил тебя я тяжело и об этом сожалею.
Но прошу тебя я, сжался, будь заступницей моею,
Ибо семь грехов, не меньше, отпускается злодею.

Пусть слова мои вначале были гневны и сердиты —
Пожалеть миджнура надо, вот что, девушка, пойми ты!
Без тебя мне в этом мире не останется защиты.
Душу я отдам за сердце, лишь меня не оттолкни ты!»

Лишь услышала девица на любовь его намеков,
Во сто раз печальней стала, проливая слез поток.
И от горести сердечной цвет ланит ее поблек,
И моления Автандила наконец услышал бог.

Витязь понял: не случайно горем девушка объята,
Видно, девушку тревожит участь горестная чья-то!
Он сказал: «Жалеть миджнура даже враг обязан свято,
Ведь миджнур стремится к смерти, если к жизни нет возврата.

Я — миджнур, невольник страсти, в жизни мне ничто не мило.
Твоего ищу я друга по велению светила.
Там, где был я, даже туча никогда не проходила.
Но нашел сердца я ваши, и ко мне вернулась сила.

Образ витязя ношу я в глубине души моей.
Ради витязя скитаясь, я не вижу светлых дней.
Возврати же мне свободу, вырви душу из цепей,
Дай мне жить во имя счастья, а не можешь, так убей!»

И тогда девица стала благосклоннее, чем ране:
«Ты придумал лучший способ исцелить свое страданье.
Раньше спорил ты со мною и привел в негодование,
А теперь нашел ты друга в столь великом испытанье.

Ты любовью заклинаешь, чтобы встретились вы, братья.
Как сестра, тебе, миджнуру, неспособна отказать я.
Значит, здесь тебе усердно обещаюсь помогать я,
Значит, жизнь отдам тебе я,— что еще могу отдать я!

Если будешь ты отныне мне послушен навсегда,
Знай: того, кого ты ищешь, повстречаешь без труда.
А поссоришься со мною — он исчезнет без следа
И свершить своих желаний ты не сможешь никогда».

«Это дело, — молвил витязь, — сходно с притчею старинной:
Два каких-то человека шли дорогою пустынной.
Вдруг один, упав в колодец, стал захлебываться тиной,
А другой воскликнул сверху, воспылав душой невинной:

«Подожди меня, приятель! Нам не время расставаться!
Я пойду искать веревку, чтоб наверх тебе взобраться».
Тот, кто был внизу, в колодце, начал весело смеяться:
«Как могу не подождать я, если некуда деваться?»

Ты судьбы моей веревку держишь, милая сестра!
Если ты не пожелаешь, не увижу я добра.
Ты — бальзам больному сердцу. Сжался, девушка, пора!
Кто с петлей на шее ходит, коль душа его бодра?»

«Витязь, — девушка сказала, — мне приятны эти речи.
Многих ты похвал достоин за свое чистосердечье.
Вижу я, что ты немало пострадал до нашей встречи.
Но не вечно будут длиться испытанья человечьи.

Здесь никто о незнакомце рассказать тебе не может,
Ничего ты не добьешься, если сам он не поможет.
Жди, покуда он вернется и надежды приумножит,
Пусть истерзанную розу холод больше не тревожит.

Я скажу тебе немного из того, что ты хотел:
Люди этого безумца называют Тариэл.
Я — Асмат, его рабыня, в чьей душе немало стрел,
Десять тысяч тяжких вздохов — завидный мой удел.

Кроме этого, мой витязь, не узнаешь ничего ты.
Рыщет в поле он, безумец, полный горя и заботы.
Я питаюсь мясом дичи, что приносит он с охоты.
И не знаю я, как долго должен ждать теперь его ты.

Но советую тебе я дожидаться Тариэла.
Умолять его я буду настоятельно и смело;
Пусть он встретится с тобою, про свое расскажет дело,
Чтоб душа твоей любимой понапрасну не болела».

И миджнур повиноваться этой девушке решил.
Вдруг с реки донесся топот, плеск воды и звон удил,
И возник из влаги всадник, как светило из светил,
И отпрянул в глубь пещеры пораженный Автандил.

«Бог послал тебе удачу, — дева молвила герою. —
Поспешి скорей за мною, я тебя в пещере скрою.
Кто посмеет с ним тягаться, тот заплатит головою,
Я же так теперь устрою, что поладит он с тобою».

Дева, спрятав Автандила, с братом встретила названным.
Витязь спешил и деве снова отдал лук с колчаном.
Слезы их текли рекою и сливались с океаном.
Автандил следил за девой и пришельцем долгожданным.

Лица их в слезах купались, янтарем казался лал.
Долго девушка рыдала, долго витязь с ней рыдал.
Наконец они умолкли и вошли под своды скал.
Взмах ресниц, как взмах кинжалов, слезы горя оборвал.

Автандил следил за ними сквозь расщелину провала.
Видит: тигровую шкуру дева брату разостлала.
Тариэл присел на шкуру и задумался устало,
И наполнились слезами глаз агатовые жала.

Дева высекла поспешно искру с помощью огнива,
Развела огонь и ужин приготовила на диво.
Тариэл, отрезав мяса, оттолкнул его брезгливо:
Он не мог смотреть на пищу, голодая терпеливо.

Повалился он на шкуру, задремал, заснул на миг,
Вдруг, чего-то испугавшись, испустил безумный крик,
Камнем в грудь себя ударил, застонал, угрюм и дик,
И Асмат над ним рыдала, истерзав ногтями лик.

«Что с тобой?» — она твердила. И ответил черноокий:
«Повстречался мне однажды государь один жестокий.
Он выслеживал в долине зверя, скрытого осокой.
Рать загонщиков по степи цепью двигалась широкой.

Горько было мне увидеть предающихся забаве!
Не приблизился к царю я, не примкнул к его облаве.
Бледный ликом, я укрылся от охотников в дубраве.
И с рассветом удалиться посчитал себя я вправе».

И тогда сказала дева, зарыдав еще сильнее:
«Ты скитаешься в трущобах посреди лесных зверей,
Никого ты знать не хочешь, убегаешь от людей,
Пропадаешь ты без пользы для возлюбленной твоей!

По лицу земли скитаясь и блуждая по пустыне,
Как ты преданного друга не нашел себе донине?
Он бы странствовал с тобою, утешал бы на чужбине...
Коль умрете вы с царевной, что за толк в твоей гордыне?»

«О сестра, — ответил витязь, — ты исполнена участия,
Но на свете нет лекарства от подобного несчастья.
Не пришел еще собрат мой в этот мир, где должен пасть я,
Смерть — одна моя отрада, признаю ее лишь власть я.

Под несчастною планетой только я один рожден.
Не найти мне в мире друга, как ни дорог сердцу он.
Кто мое разделит горе? Кто услышит горький стон?
Лишь одной тобой, сестрица, я утешен и смирен».

И тогда сказала дева: «Не сердись на слово это.
Бог меня к тебе приставил для разумного совета.
Я тебе открою, витязь: есть на лучшее примета.
Свыше сил нельзя томиться отрешенному от света».

«Объяснись, — ответил витязь, — я тебя не понимаю.
Кто поможет мне скитаться по неведомому краю?
Создал бог меня несчастным, оттого я и страдаю,
Оттого похож на зверя, прежний облик свой теряю».

И тогда Асमत сказала: «Хоть тебе и недосуг,
Но клянись мне головою, что, когда найдется друг,
Тот, который за тобою будет ездить для услуг, —
Ты ему не пожелаешь ни опасностей, ни мук».

И тогда ответил деве этот витязь светлолицый:
«Если я его увижу, то, клянусь моей царицей,
Зла ему не пожелаю, не коснусь его десницей,
Но за преданность и дружбу отплачу ему сторицей».

Встала девушка, ликуя, и пошла за Автандилом.
«Он не злобствует, — сказала, — будь ему собратом милым!»
И когда предстал пришелец перед витязем унылым,
Тариэлу показался он сверкающим светилом.

Словно два огромных солнца, словно две больших луны,
Были витязи друг к другу в этот миг устремлены.
Что пред ними цвет алоэ, древо райской стороны?
Семь планет и те бледнели, видя братьев с вышины!

Обнялись, поцеловались, хоть и виделись впервые,
И скрестили, обнимаясь, несгибаемые выи.
Капли слез в очах блеснули, в розах — перлы снеговые,
Неживыми янтарями стали яхонты живые.

Пожимая руку гостя, витязь с ним уселся рядом.
Трудно было им не плакать, смертной мукою объатым.
«Полно, братья, убиваться, — говорила дева взглядом, —
Не скрывайте свет светила, не поите душу ядом!»

В стужу роза Тариэла, охладев, не умерла.
Он спросил: «Какую тайну ты скрываешь в мире зла?
Кто ты сам? Откуда родом? Где Асмат тебя нашла?
О себе скажу, что мною даже смерть пренебрегла».

И тогда ему ответил Автандил красноречивый:
«Тариэл, прекрасный витязь! Лев могучий и учтивый!
Я сюда к тебе приехал из Аравии счастливой.
Жжет меня огонь любовный, пламя страсти молчаливой!

Дочь царя меня пленила, обладательница трона.
Крепкорукими рабами ныне ей дана корона.
Ты меня однажды видел, — вспомни, как во время оно
Царских воинов побил ты, не отдав царю поклона.

За тобою на охоте царь послал своих рабов.
Ты сидел и, горько плача, не откликнулся на зов.
Рассердился наш владыка, приказал устроить лов,
Обагрил ты поле кровью, взвил коня и был таков!

Ты меча тогда не вынул, плетью ты рубил с размаха,
Но и след твой обнаружить не могли мы в груди праха.
Ты исчез, подобно каджу, улетел ты, словно птаха.
Царь был взбешен, а дружина обезумела от страха.

Закручинился владыка — избалован царский разум!
Чтоб найти тебя, к народу обратился царь с указом,
Но никто тебя доселе ни одним не видел глазом,
Даже та, пред кем померкнут и эфир и солнце разом.

И сказала мне царица: «Коль узнаешь ты о нем,
Мы с тобою, мой любимый, будем счастливы вдвоем!»
Приказала мне три года убиваться день за днем,
И не диво ли, что жив я, сожигаемый огнем?

Я людей, тебя встречавших, не видал еще доселе,
Лишь разбойников я встретил, что пленить тебя хотели, —
Одного побил ты плетью, он уж дышит еле-еле,
Два другие мне решились рассказать об этом деле».

И тогда припомнил витязь бой с рабами Ростевана:
«Стародавний этот случай вспоминаю я туманно.
Ты с царем седобородым там стоял в середине стана,
Я ж, о деве вспоминая, плакал в поле неустанно.

Для чего, не понимаю, был вам нужен Тариэл?
Вы охотой забавлялись, я же плакал и скорбел.
И царю, когда он силой захватить меня хотел,
Вместо пленника досталась только груда мертвых тел.

Но когда за мной в погоню повелитель твой пустился,
На него поднять оружие я, подумав, не решился.
Не сказав ему ни слова, я поспешно удалился,
Конь мой несся невидимкой, — с кем бы он еще сравнился?

От назойливых, мой витязь, улетаю я мгновенно,
Тот, кто гонится за мною, отступает неизменно.
Люди, кроме тех хатавов, что вели себя надменно,
Враждовать со мной не смеют и ведут себя смиренно

Ныне ты как друг явился, сердцу твой приятен вид.
Ты подобен кипарису, солнцелик и именит.
И хотя ты вынес много затруднений и обид,
Человек бывает редко всемогущим позабыт».

Автандил ему ответил: «Я похвал твоих не стою,
Славословия приличны одному тебе, герою,
Ибо ты — прообраз солнца, что восходит над землею, —
Не затмить твое сиянье даже мукою земною!

Ту, что сердце мне пленила, забываю в этот день я,
Для тебя я отрекаюсь от любовного служенья.
С хрусталем я не сравню драгоценные камни,
Оттого тебя не брошу до последнего мгновенья».

Таризл воскликнул: «Витязь, вижу твой сердечный нрав!
На любовь твою и дружбу мало я имею прав.
Но миджнур миджнура любит — это общий наш устав.
Чем воздать тебе смогу я, от любимой оторвав?

Ты искать меня пустился по велению любимой,
И нашел меня ты ныне, силой божией хранимый.
Но коль свой рассказ начну я, по лицу земли гонимый,
Опалит мне душу снова пламя скорби нестерпимой».

И сказал девице витязь, лютым пламенем объятый:
«Дева, в горестных скитаньях не покинула меня ты,
Знаешь ты, что я не в силах возратить моей утраты...
Ныне этот юный витязь опалил меня трикраты.

То, что бог еще не создал, не видать нам и во сне,
Потому и человеку суждено гореть в огне.
Перерезаны дороги, я в сети и в западне,
Только бурка да солома от судьбы достались мне.

Но творец, который миру явлен в образе светила,
Два послал мне утешенья, чтоб душа моя не ныла:
Деве царственной, во-первых, возвращу я Автандила,
Во-вторых, сгорю навеки в лютом пламени горнила.

Если друг возлюбит друга, то, не мысля о покое,
Он готов во имя дружбы время вынести любое.
Чтоб спасти одно созданье, должен бог казнить другое.
Сядь, мой витязь, расскажу я про житье мое бывшее.

Сядь и ты, — сказал он деве, — и со мною здесь побудь.
Как начну терять сознание, окропи водою грудь.
Плачь, печалься, если очи суждено мне здесь сомкнуть,
Вырой темную могилу, проводи в последний путь».

Сел на землю он и плечи обнажил рукой могучей,
И померк, подобно солнцу, занавешенному тучей,

И, открыть уста не в силах, изнемог в печали жгучей,
И холодные ланиты оросил слезой горючей.

«О возлюбленная дева! — он рыдал, тоской объят. —
Жизнь моя, моя надежда и услада из услад!
Кто срубил тебя, алоэ, украшающее сад?
Как ты, сердце, не сгорело, истомленное стократ?»

5. ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ ТАРИЭЛА, РАССКАЗАННАЯ АВТАНДИЛУ ПРИ ПЕРВОЙ ВСТРЕЧЕ

«Будь внимателен, мой витязь, к моему повествованию.
Лишь с трудом события эти поддаются описанию,
Ибо та, из-за которой сердце отдано терзанию,
Мне отрадою не будет, вопреки ее желанью!

Семь царей когда-то были господами Индостана.
Шесть из них своим владыкой почитали Фарсадана.
Царь царей, богатый, щедрый, равный льву красною стана,
Мудро правил он страну и сражался неустанно.

Мой отец, седьмой на троне, Саридан, гроза врагов,
Управлял своим уделом, супостатов поборов.
Был счастливец он при жизни, весельчак и зверолов.
Порицать его боялись и мудрец и суеслов.

Стал со временем родитель одиночеством томиться.
Он подумал: «Враг мой сломлен, и крепка моя граница.
Сам я, грозный и могучий, смог на троне утвердиться, —
Пусть же будет мне оплотом Фарсаданова десница».

И посла он к Фарсадану снарядил, не медля боле:
«Государь, велик и славен на индийском ты престоле!
Я тебе мои владенья отдаю по доброй воле,
Пусть об этом помнят люди, существует мир доколе».

Фарсадан ему ответил. «Я, владыка этих стран,
Воздаю хваленье богу, светом счастья осиян,
Ибо власть мою признал ты, хоть имел такой же сан!
Приезжай и будь мне братом, благородный Саридан!»

Царь ему оставил царство и назначил амирбаром,
Амирбар же в Индостане служит главным спасаларом.
Отказавшись от престола и владея царским даром,
Мой отец единовластно управлял уделом старым.

В эти годы мой родитель был царю всего дороже.
Царь твердил: «На целом свете нет достойнее вельможи!»
Оба тешились охотой и врагов карали тоже.
Мы с отцом, как вы со мною, друг на друга не похожи.

Горевали царь с царицей: не давал им бог детей,
Горевала и дружина, и народ индийский с ней.
В это время я родился. Царь решил с женой своей:
«Будет он нам вместо сына, ведь и он — дитя царей».

Стал я жить в чертоге царском, окруженный мудрецами,
Обучался править царством и начальствовать войсками.
Обиход познав державный и освоившись с делами,
Я возрос и стал как солнце — лев, сильнейший между львами.

Уличи меня, сестрица, если я скажу неправо!
Лет пяти я стал как роза, что сияет величаво.
Львят душил я, как пичужек, — то была моя забава.
Любовались мной невольно царь и вся его держава.

Лишь тебе. Ас мат, известно, как поблек я в цвете лет.
Был же я прекрасней солнца, как прекрасней тьмы рассвет.
Всякий, кто со мной встречался, восклицал: «Эдемов цвет!»
Ныне я — лишь тень былого, тень того, кого уж нет!

На шестом году узнал я, что беременна царица.
Срок прошел, настало время царской дочери родиться...»
Витязь смолк... Ему водою окропила грудь девица...
Он сказал: «Родилась дочка, светозарна, как денница!

Мой язык, увы, не в силах описать ее красоты!
Фарсадан, весь день пируя, позабыл свои заботы.
Драгоценные подарки привозили доброхоты,
И посыпались на войско бесконечные щедроты.

Шло посланье за посланьем, за послом летел посол.
По лицу земли индийской слух неслыханный прошел.
Ликовало солнце в небе, веселился каждый дол,
Торжествующие гости царский славили престол.

Справив пышные родины, стали нас растить супруги.
Дочь царя, подобно солнцу, стала счастьем для округи.
Одинаково любили нас родители и слуги...
Но смогу ль назвать я имя дорогой моей подруги!»

Снова смертная усталость Таризлом овладела.
Автандил заплакал тоже, огорченный до предела.
Но когда Асмат водою оживила Таризла,
Он сказал, вздыхая горько: «Как душа не отлетела!

Эту девушку, мой витязь, звали Нестан-Дареджан.
Доброта ее и разум удивляли горожан.
Лет семи она сияла, словно солнце южных стран.
Потеряв ее, заплачет и бездушный истукан!

В год, когда она созрела, стал я воином отважным.
Царь воспитывал царевну и к делам готовил важным.
Возвращенный в дом отцовский, но привыкший к царским брашнам,
Львов душил я, словно кошек, в состязанье рукопашном.

Безоаровую башню царь воздвиг для черноокой,
Был рубинами украшен паланкин ее высокий.
Перед башней, среди деревьев, водоем сиял глубокий.
Здесь меня царевна наша болью ранила жестокой,

Здесь курильницы курились, арфы слышался напев.

То скрывалась в башне дева, то гуляла средь дерев.
И Давар, сестра царева, в царстве каджей овдовев,
Всем премудростям учила эту лучшую из дев.

За прекрасною завесой аксамита и виссона
Взросла она, царевна, словно пальма Габаона,
Но жила вдали от мира, как всегда уединенно,
Лишь Асमत и две рабыни у ее служили трона.

Мне пятнадцать лет минуло, царским сыном я считался,
Во дворце у властелина день и ночь я оставался.
Кипарис в садах Эдемских, силой я со львом сравнился,
Бил без промаха из лука и с друзьями состязался.

Стрелы, пущенные мною, были смертью для зверей.
Возвратившись, в мяч играл я на ристалище царей,
Пристрастившийся к веселью, пировал среди друзей...
Ныне я лишился жизни для возлюбленной моей.

Мой отец внезапно умер, и отцовская кончина
Пресекла увеселенья во дворце у властелина.
Сокрушенный враг воспрянул и сомкнулся воедино,
Спустаты ликовали, горевала вся дружина.

Целый год, одетый в траур, плакал я в уединенье,
Целый год ни днем ни ночью я не знал успокоенья.
Наконец от Фарсадана получил я повеленье:
«Тариэл, сними свой траур, прекрати свои мученья!

Смертью равного по сану ведь и мы удручены!»
Царь велел мне сто сокровищ дать в подарок от казны.
Он сулил мне сан отцовский — полководца всей страны:
«Будь отныне амирбаром, чтоб решать дела войны!»

Изнемогшего от горя и сгоревшего от муки,
Повели меня к владыке врачеватели и слуги.
И, устроив пир веселый, венценосные супруги
Вновь меня обლობызали, как родители и други.

На пиру меня владыки возле трона посадили
И о сани амирбара вновь со мной заговорили.
Я, покорный царской воле, отказаться был не в силе
И, склонившись перед троном, принял то, о чем просили.

Уж всего мне не припомнить. Много времени прошло.
О событиях лет минувших вспоминать мне тяжело.
Мир изменчивый и лживый непрестанно сеет зло,
Пламя искр его, навеки обреченного, сожгло!»

6. ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ ТАРИЭЛА, ВПЕРВЫЕ ПОЛЮБИВШЕГО

Стал рассказывать он снова, пересиливая муку:
Раз, с охоты возвращаясь, Фарсадан мне подал руку.
Он сказал: «Пойдем к царевне и ее развеем скуку».
Боже, как я жив доселе, обреченный на разлуку!

Дивный сад, приют блаженства, я увидел пред собою.
Там, как сирины из сказки, птицы пели над листвою.
Благовонные фонтаны били розовой водою.
Вход в покои был завешен аксамитовой тафтою.

За оградой изумрудной, в окруженье тополей,
Царь сошел с коня у башни безоаровой своей.
Драгоценная завеса колыхалась у дверей.
В этот день копые печали над душой взвилось моей!

Турачей, убитых в поле, царь велел отдать прекрасной.
Я понес их за владыкой и попал в огонь, несчастный!
С той поры оброк тяжелый стал платить я муке страстной:
Ранит доблестное сердце лишь один клинок алмазный.

Царь скрывал свою царевну от вельмож и от народа.
Не желая быть невежей, задержался я у входа.
Царь вошел, сказав рабыне: «Здесь со мною воевода,
Он привез царевне дичи для домашнего расхода».

Тут Асмат открыла полог, и увидел я на миг
Ту, чей взор копьем алмазным прямо в сердце мне проник.
Турачей Асмат я отдал, сам, задумавшись, поник.
Горе мне! С тех пор горю я, вспоминая милый лик!

Ныне та, что краше солнца, уж не льет свое сиянье!»
Удручен воспоминаньем, Тариэл терял сознание.
Автандил с Асмат рыдали, эхо множило рыданья:
«Силу рук его сломили безутешные страданья!»

И опять Асмат водою окропила Тариэла.
Долго он молчал, очнувшись: мука сердцем овладела.
Слезы он мешал с землею, он тоске не знал предела.
Он твердил, изнемогая: «Как душа не отлетела!

Тот, кто предан брэнной жизни, свято чтит ее дары,
Но, познав ее измену, забывает про пиры.
И недаром спорят с нею те, кто разумом мудры...
Возвратимся же к рассказу, коль я жив до сей поры.

Турачей Асмат я отдал, свет померк передо мною.
Я упал, не в силах двинуть ни рукою, ни ногою.
И когда вернулся к жизни, плач услышал над собою:
Словно челн перед отплытьем, окружен я был толпою.

В царской горнице огромной, под охраной караула,
Я лежал на пышном ложе посреди людского гула.
Царь с царицею рыдали. Муллы, сгорбившись сутуло,
Мой припадок объясняли чародейством Вельзевула.

Только я открыл зеницы, царь упал ко мне на грудь.
Он твердил: «Сынок любимый, хоть скажи мне что-нибудь!»
Но, увы, как одержимый, уст не мог я разомкнуть
И опять, теряя силы, стал в беспамятство тонуть.

Слаб я был, мешались мысли, неземным огнем палимы.

Надо мной. Коран читая, пели мукры и муллимы.
Им казалось, что больного бесы мучают незримо.
В этой глупости вовеки разобраться б не смогли мы.

Врачеватели, собравшись, удивлялись странной хвори:
«Здесь лекарства бесполезны, у него иное горе».
Я же вскакивал с постели, бормотал о разном вздоре.
Слезы плачущей царицы переполнили бы море.

Так лежал я трое суток, то ли мертвый, то ль живой,
Наконец, очнувшись снова, понял, что стряслось со мной.
Я подумал: «Неужели я не умер, боже мой!»
И к создателю с горячей обратился я мольбой.

Я сказал: «Великий боже, дай мне силы приподняться!
Невозможно мне, больному, у владыки оставаться:
Самого себя я выдам, только стану забываться!»
И творец меня услышал: сердце стало укрепляться.

Я привстал... И к государю полетел гонец счастливый,
И вошла ко мне царица с речью ласково-учливой,
С обнаженной головою царь явился торопливый,
Он хвалил и славил бога пред толпою молчаливой.

Сели оба у постели, принесли отвару мне.
Я сказал: «Теперь, владыка, я оправился вполне.
Снова по полю хотел бы я проехать на коне».
И отправился в дорогу я с царем наедине.

Миновав большую площадь, мы помчались вдоль потока.
Проводив меня, владыка возвратился одиноко.
Дома сделалось мне хуже. Я твердил, томясь жестоко:
«Смерть, возьми меня скорее! Ибо что мне ждать от рока?»

Всё лицо мое от скорби, как шафран, позолотилось,
Десять тысяч острых копий в сердце яростно вонзилось.
Вдруг дворецкого позвали. Я подумал: «Что случилось?
Неужели догадались, что со мною приключилось?»

То Асмат гонца прислала. Я сказал: «Позвать гонца!»
И любовное посланье получил от пришлеца.
Сердцем горестным пылая, я дивился без конца:
Мог ли я в моей печали покушаться на сердца!

Это смелое посланье счел неслыханным я дивом,
Но молчать в ответ девице было делом неучтивым,
Дал бы повод я к упрекам, порицаниям ревнивым, —
И ответил на признание я письмом красноречивым.

Миновали дни за днями, с каждым днем я таял боле,
Уж не в силах с игроками выходить я был на поле.
Ко дворцу я не являлся, и лечился поневоле,
И долги платил исправно человечьей горькой доле.

Докучали мне лекарства, падал на сердце туман,
И никто не мог почуять жар моих сердечных ран.
Посоветовал не медля кровь пустить мне Фарсадан.
Я на это согласился: был на пользу мне обман.

Мне пустили кровь, и, грустный, снова я лежал в постели,
И опять гонец явился, как являлся он доселе.
Я велел ввести посланца и подумал: «Неужели
Это будет продолжаться? Кто я ей, на самом деле?»

Подал мне письмо посланец. Я прочел его до слова.
Эта девушка писала, что прийти ко мне готова.
Я ответил: «Приходи же, не вини меня сурово,
Я и сам приду не медля, твоего дождавшись зова».

Стал я думать: «Это дело неприятнее копья,—
Амирбар я, вождь индийцев, дорога мне честь моя.
Коль меня застанут с девой, опозорен буду я,
Навсегда меня изгонят в зарубежные края».

В этот день ко мне явился человек от Фарсадана.
Царь справлялся о здоровье, не сочтется ль кровью рана.
Я ответил: «Успокойся, я очнулся от дурмана,
Скоро я к тебе приеду, милость мне твоя желанна».

Я поехал к государю. Он сказал: «Болезнь не надо!»
И заставил сесть на лошадь без военного наряда,
И взвилась за турачами быстрых соколов плеяда,
И стреляли там пернатых царедворцы из отряда.

И великий пир устроил, возвратившись, царь-отец.
На пиру звенели арфы, услаждал гостей певец.
Раздал царь даров немало — самоцветов и колец.
Удостоились награды все, кто прибыл во дворец.

Побороть тоски не в силах, вечно думал я о милой,
И огонь любовный в сердце бушевал с великой силой,
И собрал своих друзей я, и прикинулся кутилой,
Пировал и пил я с ними, чтобы скрыть мой вид унылый.

Вдруг шепнул мне мой дворецкий: «Господин, у входа в зданье
Просит некая девица амирбарова вниманья,
Лик ее закрыт вуалью, но достоин почитанья».
Я сказал: «Проси в покои. Я назначил ей свиданье».

Гости стали подниматься. «Стойте, — я сказал гостям, —
Продолжайте пир, покуда не вернусь я снова к вам».
И прислужнику велел я не пускать гостей к дверям,
И свое скрепил я сердце, чтоб не впасть в великий срам.

Я вошел в опочивальню. Дева, кланяясь, сказала:
«Слава той благословенной, что к тебе меня послала!»
— «Кто ж так кланяется милым? — удивился я немало. —
Будь она поискусенней, так вести б себя не стала».

«Стыдно мне перед тобою! — продолжала речь девица. —
Ты подумал, вероятно, что посмела я влюбиться.
Хорошо, что ты спокойно можешь к делу относиться.
Бережет меня, я вижу, всемогущая десница!

Витязь, я дрожу от страха, ибо втайне от людей
Ныне послана к тебе я девой царственной моей.
Столь неслыханная смелость подобает только ей.

Прочитай же эти строки и тоску свою развей!»

7. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

И увидел я посланье той, что сердце опалила.
«Лев, скрывай от света рану! — так вещал мне луч светила —
Я твоя, но что достойней — слабость жалкая иль сила?
Пусть Асмат тебе расскажет то, что я ей говорила.

Жалкий обморок и слабость — их ли ты зовешь любовью?
Не приятней ли мидждуру слава, купленная кровью?
Нам обязаны хатавы дань представить по условию, —
Отчего ж мы потакаем их обману и злословию?

Я желаю выйти замуж за тебя давным-давно,
Но увидеться доселе было нам не суждено.
Лишь твой обморок недавно я заметила в окно,
Разузнать о происшедшем было мне немудрено.

Вот совет тебе разумный: объяви войну хатавам,
Заслужи почет и славу в столкновении кровавом.
Чем кропить слезами розу, укрепись в сраженье правом!
Я ль твой мрак не осветила блеском солнца величавым!»

Тут Асмат, забыв смущенье, речь со мною повела.
О себе скажу немного: радость душу залила,
Сердце сладко трепетало, стал кристален блеск чела,
Зарубинились ланиты жаждой счастья и тепла.

8. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ТАРИЭЛА ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

И писал я, созерцая это дивное посланье:
«О луна, как может солнце превзойти твое сиянье?
Пусть тебя не опечалит ни одно мое деянье!
Как во сне я, и не верю, что прошло мое страданье!»

Я сказал Асмат: «Не в силах ничего писать я боле!
Ты скажи ей: „О царевна, ты как солнце в ореоле!
Ты меня вернула к жизни, исцелив от тяжкой боли!
Я служить тебе отныне по своей желаю воле!“»

И опять сказала дева: «Осторожен будь, мой брат!
Если ты проговоришься, сам ты будешь виноват.
Ты прикинуться обязан, будто любишь ты Асмат, —
Так велит тебе царевна, чтоб ты мог проникнуть в сад».

Показалось мне разумным то, что дева говорила, —
Состязаться с ней не может и небесное светило,
Свет дневной ее сиянье в сумрак ночи превратило,
И Асмат ее заветы мне послушно повторила.

Дал Асмат я самоцветов в чаше золота литого.
«Не возьму, — она сказала, — подношенья дорогого!»
Лишь колечко весом в драхму приняла, промолвив слово:

«Пусть останется на память от безумца молодого!»

Так копьё она из сердца извлекла рукой своей,
И ушла, и погасила жар губительных огней.
И к столу я возвратился, и обрадовал гостей,
И немалыми дарами одарил своих друзей.

9. ПОСЛАНИЕ ТАРИЭЛА К ХАТАВАМ И СВИДАНИЕ ЕГО С ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

И приказ врагам хатавам я послал, составив строго:
«Всемогущий царь индийцев — царь, ниспосланный от бога.
Тот, кто голоден, но предан, — от него получит много,
Тот же, кто ему изменит, — ищет сам к беде предлога.

Господин и брат на троне! Чтобы рознь была забыта,
Приезжай ко мне не медля — ты и царственная свита.
Не приедете, так сами к вам мы явимся открыто,
И тогда своей вы кровью напитаетесь досыта».

Я возрадовался духом, лишь гонец отъехал прочь.
Потушив огонь смертельный, ликовал я день и ночь.
Мне судьба тогда давала всё, к чему я был охоч,
А теперь со мной, безумцем, зверь способен изнемочь!

Рвался в путь я, но рассудок заставлял меня смириться,
Предо мной моих собратьев пиновала вереница,
Я ж, охвачен пылкой страстью, был не в силах веселиться.
Проклиная мир мгновенный, снова начал я томиться.

Раз вернулся из дворца я, удостоенный почета.
Истомленного мечтами, не брала меня дремота.
Перечитывал письмо я, ждал я жизни поворота.
Вдруг слугу привратник кликнул и ему промолвил что-то.

Прибыл посланный рабыни. Вновь писала мне Асмат,
Чтобы я, пронзенный в сердце, приходил не медля в сад.
Радость душу озарила, развязала цепь преград.
Взяв слугу, я в путь пустился, нетерпением объят.

Сад был пуст. Войдя в ворота, здесь не встретил никого я.
Вдруг Асмат, сияя, вышла из заветного покоя.
«Извлекла, как видишь, витязь, шип из сердца твоего я:
Расцветающая роза ждет любимого героя!»

Подняла она завесу. Я увидел трон из золота,
Бадахшанскими камнями изукрашенный богато.
И на нем сияло солнце, не познавшее заката, —
В душу мне смотрели очи, как озера из агата.

Так стоял я, но ни слова не сказала дева мне,
Только ласково смотрела, как на близкого вполне.
«Уходи, — Асмат шепнула, — здесь с тобой наедине
Говорить она не будет». И ушел я, весь в огне.

До ворот меня рабыня в этот день сопровождала.

Я роптал: «Судьба, не ты ли здесь меня у врачевала?
Отчего же, дав надежду, ты еще суровой стала?»
Но наперсница царевны в утешенье мне сказала:

«Не горюй, что вы ни словом обменяться не успели!
Затвори приют страданья, пригласи к себе веселье!
Пред тобой она смутилась — дева, гордая доселе,
И девическую скромность предпочла в любовном деле».

«О сестра,— сказал я деве,— для меня лишь ты бальзам!
Заклинаю, будь мне другом, я за всё тебе воздам.
Шли ко мне свои посланья и, со мною пополам,
Благосклонное вниманье прояви к моим делам».

На коня я сел, поехал, не обласканный приветом,
До утра в опочивальне просидел я нераздетым.
Я, кристалл, рубин и роза, стал синей индиго цветом,
Утешался тьмою ночи, унывал перед рассветом.

Тут посланцы от хатавов возвратились налегке.
Изъяснялся хан подвластный на враждебном языке:
«Мы, хатавы, не трусливы, наша крепость на замке.
Что нам царь земли индийской? Разве мы в его руке?»

10. ОТВЕТ РАМАЗА И ПОХОД ТАРИЭЛА НА ХАТАВОВ

«Я, Рамаз, — писал властитель, — извещаю Тариэла:
Удивляюсь, как дерзнул ты говорить со мною смело.
Разве ты указчик хану, чьим владеньям нет предела?
Прекрати свои писанья, до тебя мне нету дела!»

И тотчас же за войсками понеслись мои старшины.
Многочисленны, как звезды, были Индии дружины.
Из далеких мест и близких устремились их лавины
И заполнили собою горы, скалы и долины,

Не задерживаясь дома, шли они на голос мой
Я собравшемуся войску смотр устроил боевой.
Похвалил его убранство, быстроту и ратный строй,
Хорезмийское оружие, легкость конницы лихой.

Тут я поднял над войсками стяг владыки черно-красный
И велел без промедленья собираться в путь опасный,
Сам же плакал и томился, удручен судьбой злосчастной:
«Как покину я столицу, не увидевши прекрасной?»

Я пришел домой, не в силах превозмочь сердечной скуки,
И сочились из запруды слезы горести и муки.
«О судьба, к чему ты клонишь? — я твердил, ломая руки. —
Для чего безумцу роза, если с нею он в разлуке?»

И письмо — не диво ль это! — подал мне слуга опять.
И опять Асмаг писала мне, возглавившему рать.
«Приходи! Тебя царевна снова хочет увидеть.
Это лучше, чем томиться и в разлуке увядать!»

И воспрянул я душою, положив конец заботам.
Были сумерки, когда я подъезжал к ее воротам.
Кроме девушки-рабыни, я не встретил никого там.
«Поспеши, о лев, к светилу и дивись его щедротам!»

В многоярусную башню я поднялся вслед за нею
И увидел то светило, о котором пламенею.
В изумрудном одеянье, среди ковров, любимых ею,
Мне напомнила царевна станом стройную лилею.

Близ ковра остановившись, перед нею я поник,
Свет блаженства и надежды, словно столп, в душе возник.
Был красив, как луч светила, молодой царевны лик,
Но она его стыдливо приоткрыла лишь на миг.

«Дай, Асмаг, подушку гостю», — дева вдруг проговорила.
Я послушно сел напротив той, чей лик светлей светила.
Сердце, отданное року, радость снова озарила.
Удивляюсь, как живу я, вспоминая то, что было!

«Витязь мой, — сказала дева, — я тебе при первой встрече
Не промолвила ни слова, презирая красноречье.
Увыдал ты, как растенье, от возлюбленной далече,
Но и мне ведь подошли скромность и чистосердечье.

Знаю: женщины обычно пред мужчинами молчат,
Но молчать о тайнах сердца тяжелее во сто крат.
Для людей я улыбалась, а в душе таила яд.
Вот зачем к тебе, мой витязь, посылала я Асмаг.

С той поры, когда ты страстью воспылал ко мне мгновенно,
Одного тебя, мой витязь, я любила неизменно.
И клянусь: коль в этих чувствах вдруг наступит перемена, —
Девяти небес лишая, пусть сожжет меня геенна!

Стали дерзкими хатавы, рвутся к нашему порогу, —
Поезжай, разбей хатавов, если то угодно богу!
Только что я буду делать, погруженная в тревогу?
Ах, оставь свое мне сердце, а мое возьми в дорогу!»

Я сказал: «Такого счастья ждать доселе я не мог.
Коль меня ты полюбила, значит, так устроил бог.
Ты наполнила лучами сердце, полное тревог.
Буду я твоим, доколе не наступит смерти срок».

Клялся я над книгой клятвы, и она клялась со мною,
Подтвердив свои признанья этой клятвою святою.
«Если я, — она сказала, — изменю тебе, герою,
Пусть убьет меня создатель всемогущею рукою».

Ели сладкие плоды мы в этот сладкий миг свиданья,
Столь же сладостными были наши нежные признанья.
И когда настало время горьких слез и расставанья,
От лучей ее горело сердце, полное сиянья.

Трудно было мне расстаться с лалом девственных ланит.
Мне казалось: мир мгновенный принимает новый вид.

Мне казалось: солнце в небе для меня лучи струит...
Ныне сердце без любимой затвердело, как гранит!

На коня вскочил я утром и велел трубить к походу.
Рать моя была готова сквозь огонь пройти и воду.
Лев, я вел ее к хатавам, деве царственной в угоду,
По нехоженным дорогам, недоступным пешеходу.

Я прошел рубеж индийский, шел с восхода до заката.
Мне посол навстречу вышел от Рамаза-супостата.
Речь его была искусна и притом замысловата:
«Задержут волков хатавских индостанские козлята».

Мне подарок драгоценный повелел вручить Рамаз
Со словами: «Умоляю, не ходи с войной на нас!
Мы, с ярмом твоим на шее, обещаем в этот раз,
Что детей и всё богатство отдадим тебе тотчас.

Ты прости нас и не сетуй на былые прегрешенья.
Если ты страну избавишь от войны и разрушенья,
Можешь с малою дружиной к нам прийти без промедленья:
Мы сдадим тебе без боя крепостные укрепления».

Я собрал моих вазиров, и вазирь мне сказали:
«Витязь, ты куда молод и поймешь врагов едва ли,
Мы ж коварство их на деле, как ты знаешь, испытали:
Смерть тебе они готовят, нам же — скорби и печали.

Ты возьми с собой дружину копьеносцев удалых,
Пусть войска идут за вами, посылая к вам связных.
Коль хатавы не обманут, ты заставь поклясться их,
А не так — великим гневом покарай врагов своих».

Я послушался вазиров и послал известье хану:
«Мне твои -известны мысли, спорить я с тобой не стану.
Жизнь тебе дороже смерти, — бойся, если я нагряну!
Нынче с малою дружиной к твоему я еду стану».

Триста витязей отважных я в своей оставил свите,
Но поблизости велел я войску следовать в укрытье.
Я сказал: «Куда б ни шел я, вслед за мною вы идите
И, когда пошлю за вами, мне не медля помогите».

Шел три дня я, и навстречу новый выехал гонец.
Хан мне слал одежд немало, и запястий, и колец.
Он писал мне: «Поскорее приезжай ко мне, храбрец, —
Всех даров моих прекрасных не вмещает мой дворец».

Он писал еще яснее: «Верь мне, витязь с сердцем львиным:
Я спешу к тебе навстречу по горам и по долинам».
— «По душе мне, — я ответил, — повидаться с властелином,
Встретив радостно друг друга, будем мы отцом и сыном».

Раз, когда мы задержались на окраине дубравы,
Снова, кланяясь бесстыдно, подошли ко мне хатавы,
Привели коней в подарок и воскликнули, лукавы:
«Хан тебя желает видеть, ибо ты достоин славы!

Хан клянется амирбару, что, забыв свои пиры,
Завтра встретит он героя и вручит ему дары».
Я из войлока поставил тем посланникам шатры,
Принял ласково и выдал для ночлега им ковры.

Не проходит в этом мире дело доброе бесследно!
Раз один из тех хатавов к нам пробрался незаметно.
«Послужить тебе,— сказал он, — я давно пытаюсь тщетно,
Оказать тебе услугу, ибо предан беззаветно.

Дело в том, что твой родитель воспитал меня когда-то.
Я обязан об измене известить тебя, как брата.
Страшно мне, что будет роза ныне сорвана и смята.
Слушай, я тебе открою замышленья супостата.

Знай, мой витязь: эти люди обмануть тебя хотят.
В некоем месте их сигнала ждет стотысячный отряд.
Втрое большая дружина выйдет к вам наперехват.
Если ты не примешь меры — не воротись назад.

Хан тебя с дарами встретит, будет льстить и унижаться.
Усыпив твоё вниманье, хитрецы вооружатся.
Войско выйдет из засады, лишь костры их задымятся.
Если ж тысячи нагрянут — одному куда деваться?»

Благодарностью ответил я на это извещение.
Я сказал: «Коль уцелею, дам тебе вознаграждение.
Уходи теперь обратно, чтоб не вызвать подозренья,
Если я тебя забуду, буду проклят в тот же день я».

Тайну вражескую эту не открыл я никому, —
Будь что будет, все советы одинаковы уму!
Но приказ с гонцом надежным выслал войску моему:
«Поспешите через горы к амирбару своему!»

Утром я велел хатавам передать письмо Рамазу:
«Хан Рамаз, спеши навстречу, я явился по указу!»
Снова шел я до обеда, не боясь дурного глаза,
Ведь кого судьба захочет, всё равно прикончит сразу.

Наконец завесу пыли за приметил я с кургана.
«Вот идет Рамаз, — сказал я, — он раскинул сеть обмана,
Пусть мой меч непобедимый поразит злодея хана!»
И тогда мою дружину со всего собрал я стана.

Я сказал дружине: «Братья, наши недруги — лгуны,
Обессилеть наши руки перед ними не должны.
Те, кто пал за государя,— к небесам вознесены.
Нам ли меч таскать без дела, коль настали дни войны?»

Зычным голосом в доспехи приказал себя облечь я,
И надели мы кольчуги, и надвинули оплечья,
И построил я дружину, и повесил сбоку меч я,
И обрек в тот день хатавов на страданья и увечья.

Мы приблизились. Хатавы, увидав сверканье стали,
Мне с великою досадой приближенного послали:

0

16.

«Почему вы не свершили то, что нам пообещали?
Видя вас в вооруженье, мы в заботе и печали».

Я велел сказать Рамазу: «Знаю умысел я твой,
Но не быть тому, изменник, что задумано тобой!
Как велит обычай предков, выходи на смертный бой!
Взял я меч — и, значит, скоро ты простишься с головой!»

Удалился тот посланец, и его не слали боле.
Выдав замысел Рамаза, дым столбом поднялся в поле.
Войско вышло из засады, незаметное дотоле,
Но нанести мне поражение не смогло по божьей воле.

Взяв копье, простер я руку и закрыл лицо забралом
И в сраженье, полный рвенья, полетел с отрядом малым.
Я продвинулся на стадий в наступленье небывалом.
Но враги стояли твердо, образуя вал за валом.

Увидав густые толпы, прямо к ним рванулся я.
«Он безумец!» — закричали люди, в грудь себя бия.
Я пронзил передового, но сломал конец копья.
Меч! Хвала руке, которой сталь наточена твоя!

Я на стаю куропаток как орел слетел могучий,
Я бросал их друг на друга, громоздил из трупов кучи.
Те, кого метал я в воздух, камнем падали из тучи.
Перебил я в двух отрядах цвет их войска наилучший.

Но враги сомкнулись снова, окружив меня толпою,
Я разил их без пощады, проливая кровь рекою.
На седло мертвец валился переметною сумою.
Где лишь я ни появлялся, всё бежало предо мною.

Поздно вечером с кургана крикнул вражий караул:
«Не задерживайтесь боле! Божий гнев на нас дохнул!
Пыль над полем за клубилась, слышен грохот там и гул.
Неужели, вызвав войско, нас противник обманул?»

Оказалось: в самом деле, то индийцы подоспели,
День и ночь они спешили, чтоб помочь мне в трудном деле.
Не вмещали их долины, не хватало им ущелий,
Громко били их литавры, выли трубы и свирели.

В бегство кинулись хатавы, не противясь нашей силе,
По полям кровавой битвы мы в погоню поспешили.
Из седла я выбил хана, мы мечи в бою скрестили,
Подоспевшие отряды всех людей его пленили.

Замыкающие наши брали всадников в полон,
Перепуганных и бледных, из седла их рвали вон.
За труды бессонной ночи каждый был вознагражден:
Вопль испуганных хатавов долетал со всех сторон.

Наконец с коней усталых мы сошли на поле брани.
Я, мечом поранен в руку, не заботился о ране.
Вкруг меня, дивясь, толпились все мои однополчане
И в восторге не решались нарушать мое молчанье.

И великого почета был тогда я удостоен:
Мне свои благословенья слал, ликуя, каждый воин.
Воспитатели дивились, как урок их был усвоен,
Ибо много я оставил ран глубоких и пробоин.

Я отряды за добычей разослал кого куда,
И они, обогатившись, возвратились без труда.
Тех, кто жаждал нашей крови, усмирил я навсегда,
И без боя предо мною отворились города.

Обратился я к Рамазу: «О твоей я знал измене!
Постарайся же загладить это злое преступленье,
Сдай войскам моим не медля крепостные укрепления,
Если будешь препираться, не видать тебе прощенья».

Отвечал Рамаз: «Отныне нет конца моим невздам,
Но доверь ты мне вельможу из моих владений родом,
Я пошлю его с указом к подчиненным воеводам,
Чтобы мог ты утвердиться над страной и народом».

С тем доверенным вельможей я послал моих людей.
Крепостные воеводы появились у дверей.
И сдалось мне без сраженья много разных крепостей...
С чем сравню я груды злата в новой вотчине моей!

Лишь тогда по Хатаети я прошел как победитель.
Мне казну сдавал не медля в каждом городе правитель
Я сказал: «Пускай индийцев не страшится мирный житель
Я людей не жгу лучами, ибо я не погубитель!»

Все сокровищницы были переполнены казною.
Я не мог бы перечислить всех богатств, добытых мною
В некоем месте я пленился удивительной чалмою, —
Ты, вуаль ее увидев, любовался б ей одною

Из какой, не понимаю, изготовленная ткани,
Всех она очаровала, как небесное созданье.
Ни парчи она, ни пряжи не имела в основанье,
Но была подобна стали, изливающей сиянье.

Ту чалму с вуалью дивной я для девы приберег
И на тысяче верблюдов отослал царю оброк, —
Был любой из тех верблюдов и красив, и крепконог...
Я хотел, чтоб доброй вести царь порадоваться мог.

11. ПОСЛАНИЕ ТАРИЭЛА ЦАРЮ ИНДИЙСКОМУ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕГО НА РОДИНУ

«Счастлив ты, о царь великий! — написал я Фарсадану. —
Вероломство и измена не пошли на пользу хану.
Не кори, что с запозданием шлю я вести Индостану:
Скоро я с плененным ханом пред тобою сам предстану».

Я привел страну в порядок и, как требовал обычай,
Поспешил из Хатаети с драгоценною добычей.
Мне верблюдов не хватило, снарядил я поезд бычий,

Увенчал себя я славой, удостоенный отличий.

Повелителя хатавов вез с собой я на коне.
Фарсадан, отец названный, встретил нас в родной стране.
Он хвалил меня и славил, и, утешенный вполне,
Мягкой белою повязкой повязал он рану мне.

И уставили всю площадь драгоценными шатрами.
Чтоб на радостях со всеми мог я видеться друзьями.
Здесь возлюбленный владыка пировал, ликуя с нами,
И сидел со мною рядом, и дарил меня дарами.

До утра мы веселились, пили снова мы и снова
И в столицу возвратились после пиршества ночного.
Царь сказал: «Позвать дружину! Ради праздника такого
Я желаю видеть пленных и Рамаза-пустослова!»

И плененного Рамаза я доставил в зал дворца.
На него взглянул владыка, как на глупого юнца.
Не хотел и я порочить двоедушного лжеца:
Униженье беззащитных недостойно храбреца.

Фарсадан ласкал хатава, угощал его обедом,
Как заботливый хозяин, снисходил к его беседам.
Наконец меня позвал он и спросил перед рассветом:
«Заслужил ли он прощенья, находясь в позоре этом?»

Я осмелился ответить: «Так как бог прощает грешным,
Будь и ты добросердечен с этим плутом безутешным».
Царь сказал ему: «Прощаю и тебе и всем мятежным,
Но смотри, не попадайся, коль к делам вернешься прежним!»

Десять тысяч драхм владыке уплатить поклялся хан,
Сверх того шелков хатавских привезти из дальних стран.
Царь одел его и свиту, выдал каждому кафтан
И вернул им всем свободу, невзирая на обман.

С благодарностью смиренной принял пленник эти вести:
«Бог меня жалеть заставил, что пошел я против чести,
Если снова согрешу я, заколи меня на месте!»
И уехал он, и свита ускакала с ханом вместе.

На заре от Фарсадана человек ко мне явился:
«Уж три месяца, мой витязь, как с тобой я распростился!
Я не ездил на охоту и по дичи истомился, —
Приезжай ко мне не медля, если ты не утомился».

Нас охотничьи гепарды ожидали с ранних пор,
Статных соколов сокольник выносил на царский двор.
Мой владыка солнцеликий был одет в простой убор,
Лишь вошел я — и весельем загорелся царский взор.

В это утро втихомолку царь сказал своей супруге:
«Посмотреть на Тариэла рвутся люди из округа,
Веселит он людям сердце, исцеляет их недуги,
Потому тебя, царица, об одной прошу услуге:

Так как нашей юной дочке быть назначено царицей,

Пусть она, краса Эдема, поразит сердца сторицей.
Посади ее с собою на пиру пред всей столицей,
Я приду, вернувшись с поля, любоваться светлолицей».

Мы охотились в долине у подножья диких скал.
Много было гончих в поле, сокол в воздухе витал.
Но, не кончив перехода, царь вернуться пожелал,
Даже тех, что в мяч играли, на второй игре прервал.

Люди ждали нас на кровлях и толпились на майдане.
Я, как воин-победитель, ехал в пышном одеянье.
Бледнолицый, словно роза, привлекал я их вниманье,
И немало любопытных потеряло там сознание.

Я украшен был чалмою, что судьба мне в дар послала,
И она своей красою мне величья придавала.
Царь сошел с коня, и вместе мы вошли под своды зала.
И увидел я светило, и душа затрепетала!

В золотистом одеянье, роем дев окружена,
Появилась предо мною, лучезарная, она.
Блеском дивного сиянья озарилась вся страна,
В розах губ блистали перлы, изливая пламена.

Руку я носил в повязке из тончайшего виссона.
Увидав меня, царица поднялась, ликуя, с трона,
Целовала, словно сына, говорила благосклонно:
«Не оправятся хатавы после этого урона».

Сел я рядом с государем, это мне приятно было:
Предо мною восседала та, чей лик светлей светила.
Я тайком смотрел на деву, взор она не отводила,
Без нее мне жизнь казалась ненавистной, как могила.

И опять приличный сану царь устроил пышный пир,
И таких пиров веселых не видал доселе мир.
Там на кубках красовались бирюза, рубин, сапфир,
Там не смел остаться трезвым ни дружинник, ни вазир.

Отдавался я веселью, обожанием томимый,
Потухал от нежных взоров мой огонь неугасимый,
Но, людей остерегаясь, я скрывал восторг незримый...
Есть ли что на свете слаще созерцания любимой?

Царь велел певцам умолкнуть. Люди головы склонили.
«Таризэл, — сказал владыка, — нас обрадовал не ты ли?
Мы, как видишь, веселимся, а хатавы приуныли.
Весь народ тобой гордится и твоей дивится силе.

В драгоценные одежды мы должны тебя облечь,
Твоего, однако, платья мы снимать не будем с плеч.
Сто сокровищниц в награду дам тебе я, кончив речь,
Можешь сшить наряд по вкусу, остальное приберечь».

Снова царь воссел довольный. Снова арфы заиграли,
Снова мы, певцам внимая, безмятежно пировали.
Нас покинула царица, только сумерки настали,

Мы ж до ночи веселились, позабыв свои печали.

Наконец из достаканов больше пить не стало мочи.
Я ушел в опочивальню, лишь настало время ночи.
Жег меня огонь любовный с каждым часом всё жесточе,
Ликовал я, вспоминая, как ее смотрели очи.

И сказал мне мой прислужник: «Вся закутана чадрой,
Витязь, некая девица хочет видеться с тобой».
Я вскочил с дрожащим сердцем, встретил деву как шальной,
И наперсница царевны проскользнула в мой покой.

Встретил я Асма с восторгом, не позволил поклониться,
Посадил с собою рядом, чтоб беседой насладиться,
Стал расспрашивать: «Скажи мне, как живет моя царица —
Та, с кем дерево алоэ красотой не сравнится?

Говори о том светиле, что свело меня с ума!» —
«Витязь, — молвила девица, — всё скажу тебе сама.
Во дворце друг другу нынче вы понравились весьма.
Остальное, коль захочешь, ты узнаешь из письма».

12. ПОСЛАНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К ЕЕ ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

Вот посланье той, чей образ пламенеет над вселенной:
«Витязь, ты сиял сегодня, словно камень драгоценный!
На коне ты мчался лихо, красотой дивил отменной, —
Сладких слез моих причина мне казалась несравненной.

Восхвалять тебя должна я от восхода до заката,
Но, увы, с тобой в разлуке я отчаяньем объята.
Ради льва лелеет солнце прелесть розы и агата,
И клянусь тебе светилом, что верна тебе я свято.

И хотя ты не напрасно проливаешь слез поток,
Не печалься, умоляю, — горе витязю не впрок.
Кто их нас собою краше, это знает только бог.
Я хочу, чтоб ты чалмою красоту мою облек.

Ты укрась меня своею чужестранною чалмою,
Чтоб прекрасный твой подарок неразлучен был со мною.
Сам носи мое запястье, я дарю его герою, —
Память этой дивной ночи да пребудет век с тобою!»

Застонав при этом слове, словно зверь в ночи туманной,
Тириэл запястье тронул: «Вот он, дар моей желанной!»
Снял с руки его, рыдая, удручен душевной раной,
И, прильнув к нему устами, пал на землю бездыханный.

Как мертвец перед могилой, он лежал, тоской убит.
На груди темнели пятна от ударов о гранит.
Бледный лик Асма терзала, исторгая кровь ланит,
И водою орошала друга, мертвого на вид.

Автандил смотрел на брата, полный горя и волненья.

Слезы девы прожигали неподвижные каменя.
Наконец очнулся витязь и сказал через мгновенье:
«Кровь моя — добыча рока. Как не умер в этот день я?»

Бледный, он присел на ложе, посмотрел, как бесноватый.
Принимая цвет шафрана, роза стала желтоватой.
И молчал он долго-долго, удручен своей утратой,
И не радовался жизни, безнадежностью объятый.

И сказал он Автандилу: «Хоть темно мое сознание,
Для тебя я попытаюсь довершить повествование,
Потому что встреча с другом порождает упования...
Удивляюсь, как живу я, несмотря на все терзанья.

Так Асмаг сестры дорожке стала сердцу моему,
Мне дала она запястье — дар, приложенный к письму.
Я надел его на руку, ей же дал вуаль-чалму
Из блестящей черной ткани, не известной никому.

13. ПОСЛАНИЕ ТАРИЭЛА ВОЗЛЮБЛЕННОЙ И СВАТОВСТВО НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Я писал в ответ: «О солнце! Свет, ниспосланный тобою,
Усмирив мою отвагу, овладел сегодня мною.
Как безумец, упиваюсь я твоею красотой...
Чем воздам тебе за это, если я вниманья стою?»

Раньше я в живых остался по твоей лишь благостыне.
И опять меня, безумца, осчастливила ты ныне.
Для меня твое запястье драгоценнее святыни —
С ним, веселием объятый, забываю я унынье.

Видит бог, твое желанье я хотел предупредить!
Я чалму тебе за счастье почитал бы подарить.
О, приди ко мне на помощь! Помоги безумцу жить!
Разве я кого другого в состоянье полюбить?»

Дева тотчас удалилась. Я задумался устало.
И царевна предо мною в сновидении предстала.
Вздрогнул я и пробудился, и ее как не бывало.
Вспоминая голос милый, я уже не спал нимало.

Рано утром царь с царицей во дворец меня позвали.
Я, покорный властелину, появился в царском зале.
Царь с царицей, три вазира там большой совет держали.
Мне они, как амирбару, сесть напротив приказали.

Царь сказал: «По божьей воле мы — на склоне наших дней.
Время старости подходит, время бедствий и скорбей.
Даровал нам бог царевну, не послал нам сыновей.
Мы ее, как сына, любим и заботимся о ней.

Нынче мы царевну браком сочетать должны законным.
Ей супруг достойный нужен. Где, скажи, найти его нам?
Будет он хранить державу и владеть индийским тронем,
Угрожать стране войною он не даст иноплеменным»,

Я сказал: «Прискорбно сердцу, что творец вам не дал сына?
Но прекрасная царевна — упование господина.
Породниться с вами — счастье для любого властелина.
Вам, правителям, известен образ свадебного чина».

Мы советоваться стали. Я от горя помертвел,
Понимая, что не в силах изменить течение дел.
Царь сказал мне: «Шах Хорезма горделив, могуч и смел,—
Если он отдаст нам сына, будет сладок наш удел».

Было видно: царь с царицей предрешили всё заранее,
Слишком явно на совете совпадали их желанья.
Я вступить с моим владыкой не решился в пререканье
И молчал, как прах ничтожный, потерять боясь сознание.

«Шах,— промолвила царица,— государь весьма отменный,
Будет сын его под пару нашей дочке несравненной».
Что я мог сказать на это ей, владычице надменной?
Согласился я, несчастный, запятнал себя изменой.

Царь отправил к хорезмийцу наилучших из людей:
«Шах! Наследника престола я лишен в семье моей.
Я взрастил царевну-дочку, не имея сыновей,
Да прибудет твой царевич и супругом будет ей!»

Люди быстро возвратились, отягченные дарами.
Шах ответил им такими благосклонными словами:
«Даровал нам вседержитель то, что мы желаем сами.
Кто ж откажется от девы? Нет такого между нами!»

И опять за нареченным царедворцы полетели:
«Не задерживайся, витязь, и не медли в этом деле!»
Как-то раз, устав на поле, я лежал в своей постели.
Сердце, горестью томимо, не мечтало о веселье.

Мне ножом пронзить хотелось сердце, полное тоской...
Вдруг Асмаг слугу прислала с вестью краткою такой:
«Та, чей стан стройней алоэ, хочет видеться с тобой.
Приходи не медля, витязь, в башню девы молодой!»

На коня я сел, поехал, и вошел в ее ограду,
И Асмаг у входа в башню повстречал, пройдя по саду.
Я печаль ее заметил по слезам ее и взгляду,
И, встревоженный, не смел я про свою спросить отраду.

Скорбь сестры моей названной в этот день меня смутила —
Дева, как бывало раньше, не смеялась, не шутила
Не сказала мне ни слова, только плакала уныло,
Заронив тревогу в сердце, ран моих не исцелила.

Эта плачущая дева, не вступая в разговор,
Провела меня в покои и откинула ковер,
И увидел я царевну, и узнал ее убор,
Но лучи ее не грели, как бывало до сих пор.

Упадало на завесу от нее подобье света,
Но чалма была небрежно на красавице надета.
В том же платье изумрудном, на тахте того же цвета
Вся в слезах сидела дева, на поклон не дав ответа.

Как на выступе утеса громоносная тигрица,
На меня смотрела гневно омраченная девица.
Ни луна, ни солнце в небе не могли бы с ней сравниться..
Наконец она привстала предо мной, молниелица.

«Лжец! — воскликнула царица. — Верно, нет в тебе стыда,
Коль, нарушив слово клятвы, ты посмел войти сюда!
Бог воздаст тебе за это, жди теперь его суда!»
Я сказал: «Открой, о солнце, в чем она, моя беда?»

Как могу я оправдаться, коль тебя не разумею?
За какие преступления пред тобою я бледнею?»
Но она мне отвечала: «Что слова тебе, злодею!
Обманулась я по-женски, став возлюбленной твоею!

Отдают меня насильно за царевича чужого,
Ты на это согласился, не сказав отцу ни слова.
Ты свою нарушил клятву, ты похож на пустослова,
И отныне за притворство я отмстить тебе готова.

Иль не помнишь, вероломный, как ты плакал и стонал,
Как тебе лекарства лекарь приносил и подавал?
С кем теперь сравню тебя я, переменчивый бахвал?
От тебя я отрекаюсь, ибо ты неверен стал.

Будь владыки наши правы, будь они совсем не правы, —
Кто б ни правил Индостаном, я — наследница державы!
Я не дам тебе, изменник, продолжать твои забавы:
Ты лукав, и все стремленья у тебя, как ты, лукавы.

Я тебя заставлю скрыться из отцовского предела.
Не уйдешь по доброй воле — улетит душа из тела!
Ты подобной мне не сыщешь, как бы сердце ни болело!»
— «Горе мне! — при этом слове стон раздался Тариэла. —

Я тогда воспрянул духом от таких ее речей.
И взглянул, подняв зеницы, в глубину ее очей.
Удивляюсь, как живу я, разлучен навеки с ней!
Почему, о мир коварный, жаждешь крови ты моей!

На ковре Коран открытый я заметил пред царевной.
Взяв Коран, прославил бога я молитвою душевной.
Я сказал: «Меня, о солнце, ты спалила речью гневной,
Но послушай, что скажу я о судьбе моей плачевной.

То, о чем скажу тебе я, будет правдою святою,
Коль солгу, пускай всё небо потемнеет надо мною!
Ты сама сейчас увидишь: не запятнан я виною!»
— «Говори!»— она сказала и кивнула головою.

Я сказал: «Коль словом клятвы я, несчастный, пренебрег.
Пусть и молнии и громы на меня обрушит бог!
Разве я любви блаженство без тебя изведать мог?
Разве я живым останусь, коль пронзит меня клинок?»

Царь меня в свои чертоги пригласил на совещанье.
Чужестранного супруга он избрал тебе заране.

Что я мог с царем поделаться, затевая пререканья?
Согласился я, на время затаив свои страдания.

Как я мог с владыкой спорить, если он не понял ясно,
Что стране без государя быть поистине опасно?
Я один имею право здесь царить единовластно.
Пусть идет сюда царевич. Он идет сюда напрасно!

Я сказал себе: «Подумай, нужно выбрать новый путь,
Поразмыслив на досуге, легкомысленным не будь».
Уж хотелось мне, как зверю, убежать куда-нибудь,
Но тебя, мое светило, разве мог я обмануть?

Ради сердца, как на рынке, торговал я там душою...»
Ливень, розу леденивший, вдруг повеял теплотою.
Ряд сияющих жемчужин приоткрылся предо мною.
«Если так, — сказала дева, — не запятнан ты виною.

Разве я могу поверить, что избрал ты путь обмана,
Что грешишь ты против бога над страницами Корана!
Ты руки моей немедля попроси у Фарсадана,
Чтоб воссесть тебе на троне государем Индостана!»

Тут она, забыв о гневе, стала ласкова со мной, —
То ль сошло на землю солнце, то ли месяц молодой.
Обласкала и впервые усадила пред собой,
В сердце нежными словами потушила пламень мой.

«Мудрецу, — она сказала, — торопиться не пристало,
Поступать он так обязан, чтоб душа не горевала.
Если ты удержишь гостя, поразит тебя опала,
И тогда над Индостаном разразится бед немало.

Если ж гость сюда приедет и решит на мне жениться,
Мы расстанемся и в траур обратится багряница.
Будем мы с тобою плакать, а владыки веселиться.
Нет, не должно чужестранцу в Индостане утвердиться!»

Я сказал: «Не дай-то боже, чтоб приехал к нам жених!
Лишь придут хорезмийцы, я сумею встретить их.
Пусть они узнают силу и проворство рук моих.
После битвы мы посмотрим, что останется от них!»

Но царевна отвечала: «Не велит рассудок здравый,
Чтобы я была причиной этой ярости кровавой.
Лишь царевича убей ты, не грози другим расправой.
Куст сухой зазеленеет там, где суд творится правый.

Сделай так, герой отважный, наделенный силой львиной:
Жениха убив украдкой, не сражайся ты с дружиной.
Ты его единоверцев не равняй с простой скотиной,—
Сердце вынести не в силах этой крови неповинной.

Объяви ты Фарсадану, чтоб не впасть в великий срам:
«Наша Индия вовеки не достанется врагам.
Из отцовского наследья я ни драхмы не отдам.
Я сожгу твою столицу, если будешь ты упрямым!»

Обо мне не начинай ты с государем разговора,
Пусть не думает владыка, что любовь — причина спора.
Будет царь молить и плакать, он не вынесет позора,
Я в твои отдамся руки, и на трон взодем мы скоро».

Этот замысел царевны мне, безумцу, полюбился,
И опять, с мечом в деснице, сердцем я воспламенился.
Хоть удерживала дева, с нею быстро я простился,
Но обнять мое светило на прощанье не решился.

С болью очи оторвал я от девических красот,
И вела меня рабыня, провожая до ворот,
И ушел я, как безумный, и в печальный вечер тот
За единственную радость вынес тысячу невзгод.

14. ПРИЕЗД ХОРЕЗМИЙСКОГО ЦАРЕВИЧА И ГИБЕЛЬ ЕГО ОТ РУКИ ТАРИЭЛА

«Государь, жених приехал!» — объявил царю глашатай.
Мог ли знать жених, какую бог грозит ему расплатой?
Позабыл печаль владыка, светлой радостью объятый,
И велел мне сесть с собою в царской горнице богатой.

Царь сказал: «Да будет ныне день великого веселья?
Свадьбу радостную справлю посреди своих земель я.
Пусть сокровища не медля принесут из подземелья!
Скупость — признак скудоумья. Все раздам, чем жил досель я!»

За сокровищами тотчас я послал моих людей.
Хорезмиец вскоре прибыл с пышной свитой своей.
Горожане и вельможи вышли чествовать гостей.
Для собравшегося войска не хватало площадей.

Царь сказал: «Украсьте город драгоценными шатрами!
Пусть приехавший царевич отдыхает там с друзьями.
Прикажи войскам, чтоб вышли пир отпраздновать с гостями.
Сам же, встретив хорезмийца, оставайся вместе с нами».

Площадь красными шатрами мы оставили мгновенно.
Хорезмиец въехал в город и сошел с коня степенно.
Царедворцы из покоев шли к нему — за сменой смена,
И войска вокруг стояли, собираясь постепенно.

Всё, что надобно, исполнив, я к себе вернулся в дом.
Утомившись на приеме, я хотел забыться сном.
Вдруг Асмат раба прислала с запечатанным письмом:
«Та, чей стан стройней алоэ, ждет тебя в саду своем».

Я поехал, но у башни лишь одна Асмат рыдала.
Я спросил: «О чем ты плачешь, завернувшись в покрывало?»
— «Витязь, — молвила девица, — больше сил уже не стало
Защищать твои поступки. Я гожусь на это мало».

Мы вошли. И, словно солнце, освещая тьму алькова,
На меня взглянула дева раздраженно и сурово.
«Что ты ждешь? — она спросила. — Разве жертва не готова?
Иль опять меня забыл ты? Иль обманываешь снова?»

Прочь я бросился от девы и воскликнул, весь в огне:

«Будешь знать, кого люблю я и на чьей я стороне!
Разве доблесть полководца изменила нынче мне,
Чтобы деве приходилось понуждать меня к войне?»

Сотню воинов я поднял и сказал: «Готовьтесь к бою!»
И на площадь через город полетели мы стрелою.
Возлежал жених на ложе, распростертый предо мною.
Не пролив ни капли крови, он простился с головою.

Я схватил его за ноги и о столб шатра с размаха
Головой его ударил. Стража вскрикнула от страха.
Я вскочил в седло, помчался, поднимая тучи праха.
Был на мне шелом походный и кольчужная рубаха.

Слух прошел среди народа, что на площади резня.
Отбиваясь от погони, гнал я верного коня.
Некий город укрепленный был в то время у меня.
Там я скрылся за стеною, участь горькую кляня.

И приказ войскам отправил с человеком в тот же день я:
«Тот, кто мне помочь желает, пусть придет без промедленья».
И до полночи глубокой, исполняя повеленье,
К крепостным моим воротам подходили подкрепленья.

Встал я с утренней зарею, свел отряды воедино
И увидел трех придворных, что пришли от властелина.
Царь вешал мне: «Бог свидетель, я взрастил тебя как сына.
Ныне я в тоске и горе. Ты один тому причина.

Ты зачем мой дом, безумец, этой кровью запятнал?
Если дочь мою любил ты, отчего мне не сказал?
Престарелый твой наставник, от страданий я устал
И тебя перед кончиной безвозвратно потерял!»

«Царь, — ответил я владыке, — я выносливей металла.
Оттого меня доселе пламя смерти не пожрало.
Но царям, владыкам нашим, правый суд творить пристало!
Знай же, царь: твоей царевны не желаю я нимало.

Города, дворцы и троны украшают нам державу.
Я — законный их наследник по рождению и праву.
Все цари поумирали, ты стяжал на троне славу.—
Твой престол теперь за мною остается по уставу.

Царь, ты сына не имеешь, у тебя лишь дочь — девица.
Если ты на трон индийский нам посадишь хорезмийца,
Что взамен себе добуду я, законный сын индийца?
Нет, покуда меч со мною, здесь пришлец не воцарится!

Выдавай царевну замуж, не давай видаться нам,
Я же Индию другому добровольно не отдам.
Тех, кто будет мне перечить, разорву я пополам,
Мне помощников не нужно, я расправлюсь с ними сам».

15. ТАРИЭЛ УЗНАЕТ О ПОХИЩЕНИИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Отослав вельмож обратно, я с ума сходил от боли:
Солнцеликую покинув, о ее не знал я доле.
Раз поднялся я на башню, и с тоской взглянул на поле,
И тому, что там увидел, ужаснулся поневоле.

Два каких-то пешехода шли дорогою степною —
То Асмаг ко мне спешила с провожающим слугою.
Вся в крови, без покрывала, с обнаженной головою,
Мне она не улыбалась, не здоровалась со мною.

Я едва не обезумел, полный горя и забот.
«Что случилось? — я воскликнул. — И к чему он, твой приход?»
И ответила мне дева, восклицая у ворот:
«Почернело наше небо от страданий и невзгод!»

Я спустился к ней навстречу, стал расспрашивать я снова.
Дева горько зарыдала, безутешна и сурова.
Долго мне она, бедняжка, не могла сказать ни слова.
Кровь из ран ее сочилась и текла на грудь, багрова.

Наконец она сказала: «Не избыть судьбы постылой!
Как обрадую тебя я, так и ты меня помилуй,
Будь ко мне добросердечен, обручи меня с могилой,
Разлучи с мгновенной жизнью, столь жестокой и немилой.

Лишь убил ты хорезмийца, разнеслась о том молва.
Царь, услышав об убийстве, был в отчаянье сперва.
За тобой послал он стражу, сыпал гневные слова.
Люди в поисках убийцы с ног не падали едва.

Наконец царю сказали: «За ворота витязь скрылся!»
Царь ответил: «Понимаю, как на это он решился, —
Он любил мою царевну, за нее с врагами бился,
Чтобы ею любоваться, увидеть ее стремился.

Но клянусь я головою, что разделаюсь с сестрою, —
Божий путь она забыла и связалась с сатаною,
В сеть бесовскую толкнула деву собственной рукою...
Будь я проклят, коль оставлю эту сводницу живою!»

Царь не клялся головою, даже гневом обуян,
А поклявшись этой клятвой, не вводил людей в обман.
Тотчас кто-то из придворных, позабыв высокий сан,
Рассказал Давар-колдунье, что задумал Фарсадан.

Вот что он донес, проклятый, той колдунье из Каджети:
«Брат твой клялся головою, что не жить тебе на свете».
— «Видит бог, — Давар сказала, — понапрасну я в ответе!
Невиновна я, но знаю, кто подстроил козни эти!»

В дорогой своей вуали, истомленная душевно,
Как всегда, красой сияла госпожа моя царевна.
Вдруг Давар вбежала в башню и, бранясь, вскричала гневно:
«Это ты мне, потаскуха, здесь вредила ежедневно!

Ты, блудница, амирбара на убийство навела!
Почему должна я кровью за твои платить дела?»

Разве я была с тобою неуживчива и зла?
Дай же бог, чтоб Таризла ты вовеки не нашла!»

И Давар с великой бранью на царевну напустилась,
С криком волосы рвала ей, колотила и глумилась.
Солнцеликая царевна лишь вздыхала и томилась,
И помочь ей, беззащитной, я от страха не решилась.

И тогда вошли с ковчегом два раба, по виду каджи.
Лица были их ужасны и тела чернее сажи.
И втокнули в глубь ковчега нашу деву эти стражи
И ни просьб ее, ни стонов не хотели слушать даже.

И ушли они и к морю унесли ее в челнок.
«Горе мне!— Давар вскричала.— Истекает жизни срок!
Но не царь со мной покончит, а железный мой клинок!» —
И, пронзив себя кинжалом, пала мертвой на порог.

Отчего ж ты не дивишься, что осталась я живою?
Возвестительница горя, я сочувствия не стою!
Поступай со мной как хочешь, разлучи меня с душою!» —
Так Асмаг мне говорила и рыдала предо мною.

Я сказал: «Сестра, опомнись! Смерти ты не заслужила!
Что, скажи, я должен сделать, чтоб найти мое светило?
Все моря я вслед за нею обойду, подняв ветрило!»
Так ответил я, но сердце, словно камень, вдруг застыло.

Обезумел я от скорби, охватил меня озноб.
Но подумал я: «Безумец! Ты сведешь себя во гроб!
Лучше странствовать по морю и скитаться среди трущоб,
Пусть друзья идут с тобою, не боясь пустынных троп!»

Возвратился я в покои и надел вооруженье,
Полтора ста добровольцев взял с собой для услуженья.
Отворили мне ворота, миновали укрепленья,
И с дружиною у моря очутился в тот же день я.

На корабль я погрузился, по морским поплыл просторам,
Проходящие галеры стал держать я под надзором,
Но не встретил я царевну, и скорбел с потухшим взором,
И безумствовал, бессильный перед божьим приговором.

Год прошел, и каждый месяц был длиннее двадцати.
Даже тех, кто знал о деве, я не в силах был найти.
Друг за другом умирали корабельщики в пути.
Божья воля! Человеку против бога не идти!

Я корабль направил к суше. Мне скитанья надоели.
Как у загнанного зверя, затвердело сердце в теле.
Все, кто жив со мной остался, разбрелись куда хотели.
Но не бросит бог скитальца, столь гонимого доселе!

Два раба со мной остались и несчастная Асмаг.
Мне служили утешеньем много дней они подряд.
Малой вести, весом в драхму, был бы я в то время рад!
Плач казался мне отрадой, слезы падали, как град.

16. ВСТРЕЧА ТАРИЭЛА С НУРАДИН-ФРИДОНОМ

Раз по берегу я ехал, посреди садов зеленых,

Вдалеке виднелся город и пещеры в горных склонах.
Люди были мне противны, изливал я душу в столах,
И коня остановил я средь деревьев густокронных.

Я заснул среди деревьев, слуги хлебы преломили.
Пробудившись, я заплакал, удержать печаль не в силе.
Не слышал я о царевне ни случайной лжи, ни были,
Оттого поля и степи слезы горькие кропили.

Вдруг раздался крик у моря. Я взглянул перед собой,
Вижу: мчится гордый витязь, в руку раненный стрелой.
Он держал меча осколок, кровь текла с него струей,
Он выкрикивал угрозы, вызывал врага на бой.

Вороным конем он правил — тем, которым я владею,
Конь летел, подобно ветру, на лету сгибая шею.
Я уведомил пришельца, что о нем я сожалею,
Я велел спросить, какому угрожает он злодею.

Не сказал ни слова витязь. И вскочил тут на коня я,
И помчался, и воскликнул, незнакомца нагоняя:
«Ты куда несешься, витязь, дух во мне воспламеня?»
И понравился герою полный жгучего огня я.

«Это древо, — он промолвил, — краше всех иных дерев!
Я тебе открою, витязь, отчего я впал во гнев.
Враг мой, слабый, как козленок, возгордился, словно лев.
Он разбил нас, безоружных, и рассеял, одолев».

Я ответил: «Успокойся, отдохни под дубом старым!
Добрый витязь не робеет, поражен меча ударом».
И пошли мы, словно братья, разговаривая с жаром,
И красой его чудесной любовался я недаром.

Мой слуга, искусный лекарь, с кем я странствовал доселе,
Быстро вынул стрел осколки, обнаруженные в теле.
Стал я спрашивать героя, как убить его хотели,
И тогда мне этот витязь о своем поведал деле.

Он сказал мне: «Я не знаю, кто ты, славный мой ездок,
Почему, гонимый роком, побледнел ты и поблек,
Отчего утратил свежесть и увянул, как цветок,
Почему свой дивный светоч потушить решился бог!

Государь Мульгазанзара, Нурадин-Фридон, отныне
Я и сам перед тобою в униженье и унынье.
Ты теперь в моих владеньях. Город мой внизу, в долине.
Невелик он, но красивей ты не встретишь на чужбине.

Дед мой, царь земель окрестных, чуя смерти приближенье,
Меж отцом моим и дядей поделил свои владенья.
Остров — тот, что виден в море, — составлял мое именье,
Ныне дядя с сыновьями захватил его в сраженье.

Соколиную охоту я затеял нынче днем,
Побывать хотел я также и на острове моем.
Я сказал моей дружине: «Ждите нас, и мы придем»,—

И с сокольничими в лодку мы уселись впятером.

Отказавшись от охраны, мы проехали заливом
И на острове нежданно с дядей встретились спесивым.
Я его не остерегся и, охотясь над обрывом,
Оглашал окрестность криком, своевольным и счастливым .

Нужно было мне на дядю обратить тогда вниманье!
Он расправиться со мною отдал людям приказанье,
Сам же сел с сынами в лодку, чтоб отрезать путь к охране.
Вместе с ловчими моими очутился я в капкане.

Услыхав чужие крики и заметив блеск мечей,
Я от берега отчалить поспешил в ладье моей.
Враг встречал меня повсюду, налетев, как вал морей,
Но не мог со мною сладить ради прихоти своей.

Вижу: с острова погоня вслед за мною поспешила,
Ведь лицом к лицу сражаться им со мною трудно было,
Потому меня из луков поразить старались с тыла...
Пополам мой меч сломался, стрел в колчане не хватило.

В руку раненный стрелою, окруженный супостатом,
Я из лодки прыгнул в море на коне моем крылатом,
И, хотя погибших ловчих я оставил навсегда там,
Сам живым я возвратился, отразив врага булатом.

Всё грядущее от бога. Ныне я убог и сир,
Но за кровь мою сумею образумить я задир.
Будет жаловаться дядя, проклянет он божий мир,
Стаи воронов слетятся на его заgrabный пир!»

Мне, убогому скитальцу, полюбился витязь встречный.
Я сказал: «Спешить не надо, мой воитель безупречный!
Мы с тобой врагов накажем, заключив союз сердечный, —
Нам ли, воинам, страшиться их победы скоротечной!

Ты еще не знаешь, витязь, как судьба играет мною.
Будет время — на досуге душу я тебе открою».
Он ответил: «Что сравниться может с радостью такою?
Должником до самой смерти буду я тебе, герою!»

Невелик был, но прекрасен град Фридона. В знак печали
Пеплом голову посыпав, нас войска его встречали,
Рвали волосы от горя, на себе одежды рвали,
Рукоять меча владыки, обнимая, целовали.

Другу новому Фридона, мне они твердили вслед:
«Ты несешь нам, о светило, избавление от бед!»
И вошли мы в дивный город, полный редкостных примет,
Где в парчовую одежду каждый житель был одет.

17. ТАРИЭЛ ПОМОГАЕТ ФРИДОНУ ПОБЕДИТЬ ВРАГА

Скоро витязь исцелился и со мной сравнялся в силе.
Войско мы вооружили и галеры оснастили.
Сколь отраднo было видеть наших ратей изобилье!
Вот мое повествованье, как врага мы истребили:

Враг в железные шеломы нарядил свою дружину,
На восьми ладьях огромных он явился к властелину.
Я, завидев эти лодки, устремился в середину
И, толкнув одну ногою, погрузил ее в пучину.

Тотчас я руками за нос взял соседнюю ладью
И мгновенно опрокинул, сокрушив ее в бою.
Остальные друг за другом в гавань бросились свою.
Все, кто были в том сраженье, храбрость славили мою!

Предназначив наши жизни переменным судьбам боя,
Мы в погоню за врагами понеслись под шум приборя.
Мне понравилась в сраженье доблесть юного героя:
Храбр — как лев, лицо — как солнце, стан — как дерево алоэ.

Он из седел друг за другом выбил дядю с сыновьями,
Он велел отсечь им руки перед нашими рядами
Враг, захваченный в неволю, плакал горькими слезами.
Царь же в радости сердечной веселился вместе с нами.

Мы злодеев разогнали, окружили вражий стан,
Захватили их столицу — город, полный горожан,
Закидали их камнями, перемяли, как сафьян,
Нагрузили их богатством не один мы караван.

Царь Фридон своей печатью опечатал эти клады,
Дядю он увез с собою и пленил семейство дяди.
Про меня же, возвратившись, он твердил в своем отряде:
«Это дерево алоэ бог послал нам счастья ради!»

Скоро мы вернулись в город, чтоб с народом веселиться
Вид наказанных злодеев заставлял сердца смягчиться.
Мне и витязю Фридону говорила вся столица:
«С вашей помощью, герои, кровь насильников струится!»

Увенчав царя Фридона, называл меня народ
Властелином властелинов, воеводой воевод.
Но грустил я, ибо розу потерял среди невзгод
И не мог знакомым людям открывать своих забот.

18. РАССКАЗ ФРИДОНА О НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Как-то раз с царем Фридоном мы охотились и вскоре
Поднялись на мыс высокий, сильно выдвинутый в море.
Новый друг мой был задумчив и сказал мне в разговоре:
«Удивительные вещи видел я на этом взгорье».

И свои воспоминанья он доверить мне решился:
«Раз на этом я утесе отдохнуть остановился.
Конь мой плавал, словно утка, в поле соколом носился.
Стал смотреть я, как над морем коршун в воздухе кружился.

Я поглядывал на небо и на море заодно.
Вдруг на море показалось чуть заметное пятно.

Приближаясь к побережью, быстро двигалось оно.
Отгадать, то зверь иль птица, было сверху мудрено.

Но не зверь то был, не птица — лодка на море мелькала
В той ладье ковчег виднелся, на ковчеге — покрывало.
Два раба чернее сажи лодкой правили устало.
Заключенное в ковчеге солнце дивное сияло.

Лодка достигла, вышла на берег девица.
Я ее увидел косы и не мог не подивиться:
Что могло на белом свете с красотой ее сравниться!
Перед блеском этих молний потускнела б и денница.

Задрожал я в нетерпенье, полный страстного огня, —
Роза, инеем покрыта, в сердце ранила меня!
И решил я этих стражей захватить средь бела дня, —
Мне казалось: было трудно убежать им от коня.

Тростники ломая с треском, закусил мой конь удило.
Стража топот услышала и меня опередила.
Прискакал я и увидел заходящий луч светила:
Наполняя сердце горем, лодка в море уходила!»

Услыхав рассказ Фридона, позабыл я о покое
И с коня упал на землю, осрамившись при герое.
Кровь ланит моих струилась на оружие дорогое.
«Пусть умру, коль я не знаю это дерево алоэ!»

Невдомек Фридону было, почему его рассказ
Породил во мне безумье и отчаяньем потряс.
Словно сын, ко мне на помощь витязь бросился тотчас,
Градом сладостных жемчужин слезы хлынули из глаз.

«Горе мне! — воскликнул витязь. — Для чего сказал я это!»
— «Не печалься,— я ответил. — Уж таков обычай света
Я с прекрасной той луною связан узами обета.
Ныне я твои расспросы не оставлю без ответа».

И поведал я Фридону о судьбе моей злосчастной.
Он сказал: «Зачем не скрыл я этой новости опасной!
Прибыл ты ко мне по делу, царь индийцев полновластный,
Ты владеть достоин тронem и страной своей прекрасной!

Бог, который дал герою кипариса стройный вид,
Истерзав герою сердце, нож от сердца удалит.
Он пошлет скитальцу милость, он избавит от обид,
Словно гром слетев из тучи, горе в радость обратит».

Орошенные слезами, во дворце мы рядом сели.
Я сказал Фридону: «Витязь, помоги мне в этом деле!
Ведь таких, как ты, героев в мире не было доселе,
Мы вдвоем всего достигнем, что бы мы ни захотели.

Отплачу тебе я, витязь, крепкой дружбой нерушимой,
Но сперва пускай твой разум даст ответ необходимый.
Посоветуй, что мне делать, чтобы снова быть с любимой?
Без возлюбленной царевны я умру, судьбой гонимый».

Мне Фридон сказал на это: «Возвеличен я судьбой
Тем, что ты, владыка индов, ныне прибыл в город мой.
О какой могу мечтать я благодарности иной?
Я, как раб служить готовый, здесь стою перед тобой.

Всем купцам и мореходам здесь проезжая дорога,
Дивных новостей и слухов к нам они привозят много.
Не дойдет ли весть о деве и до нашего чертога,
Чтобы все свои страданья ты забыл по воле бога?

Мы отправим мореходов по различным дальним странам,
Пусть они разыщут деву — ту, которая нужна нам.
Будь дотоле терпеливым, вопреки душевным ранам!
Человеческое горе не бывает постоянным!»

И тотчас же мореходам он велел объехать свет.
«Все моря избороздите! — приказал он им вослед. —
Отыщите нам царевну — ту, которой краше нет,
Семь иль восемь бед изведав, не страшитесь сотен бед!»

Говорил он этим людям, в дальний путь их отпуская:
«Вас на верный след царевны наведет молва людская!»
Позабыл я о печалях, мореходов ожидая, —
До сих пор, припомнив это, умираю от стыда я.

И престол в чертоге царском был поставлен мне Фридоном.
«Я узнал тебя не сразу, — молвил витязь мне с поклоном, —
Ты — великий царь индийцев, ты владеть достоин троном.
Где тот смертный, кто не хочет быть рабом твоим законным?»

Тяжко длить повествованье!.. Возвратились корабли,
Понапрасну мореходы исходили край земли —
Никаких следов царевны эти люди не нашли...
По моим ланитам снова слезы горя потекли.

Я сказал Фридону: «Витязь, нелегко сказать словами,
Как ужасно это горе, приключившееся с нами!
Без тебя мне нет утехи, дни сливаются с ночами,
Сердце сковано печалью, очи залиты слезами.

Так как ныне о царевне ничего не мог узнать я,
Должен я тебя покинуть. Мы расстанемся, как братья!»
Царь Фридон, услышав это, заключил меня в объятья,
Он сказал: «Ужель с тобою не порадуюсь опять я?»

И меня, как ни старался, не сумел он удержать.
Преклонив в пыли колени, предо мной стояла рать,
Обнимала, целовала, говорила мне опять:
«За тебя мы все готовы наши головы отдать!»

Я сказал: «Расстаться с вами нелегко и мне, конечно,
Но, увь, без солнцеликой я терзаться буду вечно.
Если сами эту деву вы жалеете сердечно,
Не задерживайте гостя, чтобы жил он здесь беспечно!»

И тогда Фридон, прощаясь, подарил мне вороного.
Он сказал: «Тебе, о солнце, послужить душа готова,
Ты, однако, подношенья не возьмешь себе другого.

Пусть же конь мой быстроногий скорбь твою развеет снова!»

Провожаемый Фридоном, погрузился я в печаль,
И ему и мне, скитальцу, расставаться было жаль.
Горько плакала дружина, но коня пустил я вдаль, —
Воспитатели и дети так прощаются едва ль...

Я уехал от Фридона и, скитаясь в зной и стужу,
Вместе с верными рабами обошел моря и сушу.
Но вестями о царевне исцелить не мог я душу,
И подобен стал я зверю, а не доблестному мужу.

И подумал я, несчастный: «Для чего скитаться доле?
Может быть, я успокоюсь среди зверей в пустынном поле?»
И к Асмаат я обратился и к рабам своим: «Доколе
Вслед за мною вам влачиться и страдать по доброй воле?»

Вы меня теперь оставьте и заботьтесь о себе,
Одному мне должно плакать и взывать к моей судьбе!»
Но рабы мне отвечали, искушенные в борьбе:
«Не гони нас, солнцеликий! Все мы преданы тебе!

Пожелать себе не можем мы другого господина,
С прахом ног твоих, о витязь, мы сольемся воедино.
Нас с тобою, столь прекрасным, разлучит одна кончина.
Злобный рок, коль он захочет, сокрушит и исполина!»

Так остался я с рабами, внял молениям их и стонам,
Но с тех пор не стал скитаться по долинам населенным.
Я в урочища олени убежал по горным склонам,
Обошел луга и горы по тропам уединенным.

Дэвы высекли пещеры посредине этих скал,
Я нашел их и чудовищ перебил и разогнал,
Но рабы мои погибли, не спустив своих забрал, —
Злобный рок меня, скитальца, снова кровью запятнал.

Вопли падающих дэвов достигали поднебесья,
От ударов их дубинок содрогались все предместья,
Солнце пылью затянулось, пошатнулось мелколосье...
Сто неистовых чудовищ истребил в то время здесь я.

Вот, мой брат, с тех пор в пещере и живу я горемыкой,
По полям брожу окрестным и томлюсь в пустыне дикой.
Лишь Асмаат одна со мною делит скорбь о солнцеликой...
Смерть — одна моя отрада в этой немощи великой.

Образ пламенной тигрицы сходен с девою моей,
Потому мне шкура тигра из одежд всего милей.
Мне Асмаат ее сшивает, плачет, сетует над ней,
И не в силах я покончить с жизнью горестной своей!

Лишь мудрец мою царевну оценил бы в полной мере!
Я терплю земные муки, вспоминая о потере,
Я брожу, подобно зверю, там, где бродят злые звери,
Об одном прошу я бога — умертвить меня в пещере!»

Таризэл умолк, терзая розу щек своих, и стала

Янтарем прозрачным роза, и распался блеск кристалла.
Утешая Тариэла, на колени дева пала,
Автандил, внимая другу, огорчался сам немало.

И к нему, изнемогая, обратился Тариэл:
«Рассказал тебе я, витязь, то, что ты узнать хотел.
Ты достиг сегодня цели, я же плакал и скорбел.
Возвращайся же к светилу: час свиданья подоспел».

Автандил ему ответил: «Я не вынесу разлуки.
Коль расстанусь я с тобою, обезумею от муки.
Но поверь мне: ты обязан побороть свои недуги,
Смерть твоя не будет счастьем для потерянной подруги.

Не сердись на эту смелость, но мое послушай слово:
Если лекарь заболает, он зовет к себе другого.
Тот причину всякой боли объяснит ему толково, —
Посторонний знает лучше, как лечить ему больного.

Мудрым словом я отвечу на печальный твой рассказ.
Ты не раз его обдумай, поразмысли сотню раз:
Пылкость пламенного сердца не спасет от горя вас.
Я ж к царице возвратиться должен, выполнив приказ.

Чтоб любовь ее окрепла, я обязан возвратиться.
Пусть о всех твоих печалях знает юная царица.
Но с тобою, бог свидетель, не хочу я разлучиться.
Поклянемся же друг другу в нашей дружбе утвердиться.

Если ты мне обещаешь ждать меня на этом месте,
Я тебя уже не брошу, уверяю словом чести.
Я вернусь в твою пещеру, чтоб с тобой скитаться вместе,
Не позволю убиваться и верну тебя невесте».

«Как же ты, — воскликнул витязь, — стал чужому как родной?
Соловью расстаться с розой легче, чем тебе со мной,
Я навек тебя запомню, не забуду образ твой.
Дай мне бог тебя дожидаться, кипарис мой молодой!

Если ты, подобно древу, лик ко мне преклонишь снова,
Сердце, сделавшись оленем, не уйдет от зверолова.
Коль солгу, пускай погибну от десницы всеблагого!
Ты меня своим приездом исцелишь от горя злого».

Поклялись они друг другу помнить эти обещанья.
Лалы стали их янтарны, затуманилось сознанье,
Но огонь любви взаимной жег сердца их на прощанье,
И в пещере до рассвета продолжалось их свиданье.

С приближением рассвета встрепенулся Автандил
И простился с Тариэлом, опечален и уныл.
Тариэл не знал, что делать, он утратил прежний пыл.
Друг его, минуя чашу, слезы горестные лил.

Лишь одна Асмат, рыдая, Автандила провожала,
В знак мольбы простосердечной палец горестно сгибала,
Возвратиться умоляла, как фиалка, увядала...
«О сестра, — ответил витязь, — будет так, как ты сказала.

Я вернусь без промедленья, не останусь долго дома.
Наблюдай, чтоб не скитался витязь в чаще бурелома.
Мне двух месяцев довольно, ведь дорога мне знакома.
Не приду — так, значит, буду я убит ударом грома».

Но как только он отъехал, испустил протяжный стон,
Острый палицей десницы окровавил роз бутон.
Звери кровь его лизали, набежав со всех сторон,
И неистовую скачкой сокращал пространство он.

19. ВОЗВРАЩЕНИЕ АВТАНДИЛА В АРАВИЮ

Автандил вернулся в город, где оставил он дружину,
И войска, его увидев, были рады господину.
Люди быстро побежали, сообщили Шермадину:
«Прибыл тот, кто нас печалил, удалившись на чужбину».

Шермадин навстречу вышел, обнял витязя в волненье,
Проливая слезы счастья, целовал его колени.
Говорил он: «Ты ли это, или только сновиденье?
Неужели ты здоровым прибыл, нам на удивленье?»

Витязь низко поклонился, приложил лицо к лицу.
Он сказал: «За то, что жив ты, благодарен я творцу».
И почтительно вельможи подходили к пришлецу,
И великое веселье разливалось по дворцу.

Так добрался юный витязь до отеческого крова,
И собрался целый город, чтоб увидеть удалого.
Жизнерадостный, веселый, он за пир уселся снова.
Радость этого свиданья описать не в силах слово!

И, пируя, Шермадину рассказал он на досуге,
Как нашел он Тариэла, пребывавшего в недуге.
Еле сдерживая слезы, о своем твердил он друге:
«Без него не успокоюсь ни в чертоге, ни в лачуге!»

Шермадин в ответ на это солнцеликому сказал:
«От царя твою поездку я старательно скрывал».
В этот день усталый витязь отдыхал и пировал,
Но с зарею сел на лошадь и в столицу поскакал.

Позабыв про утомленье, он спешил к своей невесте,
Шермадин, глашатай славный, о его вещал приезде.
Долгий путь десятидневный за три дня закончив вместе,
Привезли они в столицу долгожданное известье.

«Веселись, о царь могучий! — говорилось в донесенье. —
Я, твой раб, перед тобою полон страха и смиренья.
Тайны витязя не зная, угрызался каждый день я.
Ныне с добрыми вестями прибыл я в твои владенья».

И предстал пред Ростеваном Шермадин, честной гонец:
«Отыскавший чужеземца витязь едет во дворец!»
Своенравный и счастливый, восхитился царь-отец:

«То, что я просил у бога, получил я наконец!»

И сказал гонец царице, затмевающей светила:
«Ныне добрые известья, дева, жди от Автандила». —
И царица ярче солнца землю светом озарила
И великими дарами Шермадина наградила.

Целый двор навстречу вышел. Ростеван явился тоже,
Оказал он Автандилу честь, которой нет дороже.
И была счастливой встреча, так что многие вельможи
На подвыпивших пьянчужек стали с радости похожи.

Витязь спешился и низко преклонился пред царем.
Обнял царь его великий и повел, ликуя, в дом.
Так, довольные друг другом, шли они, как сын с отцом,
И собравшиеся люди гостя славили кругом.

Лев, сильнейший между львами, к солнцу солнц пришел с приветом.
Вновь агат, кристалл и роза засияли пред спаспетом.
Солнцеликая царица озарилась нежным светом, —
В небе жить ей надлежало, а не в царском доме этом!

Учредили пир веселый, пили-ели до отвала.
Царь гордился Автандилом, как владыке надлежало.
Снежный иней красил старца, роза юношу венчала.
Жемчуга, подобно драхам, получал там кто попало.

Наконец иссякли вина. Те, кто выпили, ушли.
Начал царь свои расспросы, и рассказы потекли.
Обо всем поведал витязь: как он странствовал вдали,
Как нашел он чужеземца посреди чужой земли.

Он сказал: «Не удивляйтесь, что жалею я собрата!
С ним сравнится лишь светило, не познавшее заката,
Тот, кто витязя увидит, ум теряет без возврата.
Но, увы, желтеет роза, опечалена и смята!

Если рок немилосердный сердце смертное изранит,
Роза примет вид шафрана, а тростник колючкой станет!»
Автандил, вспоминая, как несчастный витязь вянет,
Описал его несчастья и поведал, чем он занят:

«Захватив пещеры дэвов, он доверился мечу.
С ним наперсница царевны — дева, равная лучу.
Он закутан в шкуру тигра, презирает он парчу.
Жжет его огонь смертельный и сжигает, как свечу».

И когда о чужестранце кончил он повествованье, —
Как обрел он это диво и узрел его сиянье —
В похвалу ему, герою, говорило всё собранье:
«Совершил ты высший подвиг! Утолил свое желанье!»

Тинатин, ему внимая, ликовала всей душою,
Пировала, не гнушалась ни весельем, ни едою,
О свиданье после пира весть послала со слугою, —
Что еще могло сравниться с дивной радостью такою!

И пошел он, милосердный, не впадающий во гнев,
Проживающий со львами бледноликий юный лев...

Витязь мира, лал бесценный, кипарис среди дерев,
Сердце он сменял на сердце, сердцем девы овладев.

Словно райское алоэ над долиною Евфрата,
Тинатин ждала на троне, изукрашенном богато.
Чтоб воспеть ланиты эти, эти косы из агата,
По примеру древних греков мудрецов нужна палата!

Дева встретила героя, сесть на стул ему велела,
И приличная свиданью радость ими овладела.
Речь была их благородна и достойна их удела.
«Сколько мук, — она сказала, — вынес ты для Тариэла!»

Он ответил: «Коль желанья исполняет людям бог,
Вспоминать не подобает время горя и тревог.
Но теперь алоэ-дерево изливает слезный ток,
Юный лик его, как роза, побледнел и изнемог.

Кипарис розоподобный, он утратил силу воли.
Он твердил: «Кристалл точеный потерял я в сей юдоли!»
Мы огнем невыносимым с ним пылаем поневоле.
И царице рассказал он всё, что знал о нем дотолле.

Рассказал, какие беды перенес он в жизни брэнной,
Как помог ему миджнура отыскать творец вселенной.
«Он, как зверь людей чуждаясь, ненавидит мир мгновенный,
Вместе с хищниками бродит и скорбит о несравненной.

Я сказать тебе не в силах, как прекрасен Тариэл!
Ни на что смотреть не может тот, кто раз его узрел.
Созерцающие слепнут от сиянья этих стрел.
Но шафраном стала роза, лик фиалки побледнел».

Рассказал он ей подробно про скитальца молодого:
«Он, как тигр, ютится в скалах, не имея в жизни крова,
Лишь наперсница царевны утешать его готова...
Ах, судьба, зачем ты смертных угнетаешь столь сурово!»

И когда достигла дева исполнения желанья,
Лик ее солнцеподобный преисполнился сиянья.
«Чем же мне, — она спросила, — облегчить его страданья?
Где найти ему спасенье и бальзам для врачеванья?»

«Хвастунам, — ответил витязь, — от людей доверья нет.
Чужестранец, мне поверив, погибает в цвете лет.
Обещал я возвратиться, чтоб спасти его от бед,
Я ему поклялся солнцем этот выполнить обет.

Верный друг, спеша на помощь, не дрожит перед напастью,
Посвятит он сердце сердцу, ведь любовь — дорога к счастью
Боль миджнура разделяет всякий, кто охвачен страстью.
Без него я безутешен: нет прощенья безучастью!»

Солнцеликая сказала: «Всё сбылось, как я хотела:
Ты, во-первых, возвратился и нашел нам Тариэла,
Во-вторых, любовь тобою с новой силой овладела —
Значит, есть бальзам для сердца, что неистово горело!

Наши судьбы, как погода, переменны с каждым днем:
То горит над нами солнце, то гремит над нами гром.
Ныне радость вместо горя в сердце вспыхнула огнем.
Если ж мир приносит радость, для чего грустить о нем?

Хорошо, что, верен клятве, ты спешишь на помощь другу.
Нас обязывает дружба оказать ему услугу,
Мы должны его утешить и помочь его недугу...
Но какие испытанья ждут меня, твою подругу!»

Он сказал: «К семи печалям ты прибавила восьмую!
Только я один дыханьем грею воду ледяную,
Заходящее светило только я один целую,
Без тебя изнемогаю и с тобою не ликую!»

Горе мне! Опять, скитаясь, я увижу много зла.
Как в мишень, вонзилась в сердце беспощадная стрела,
Сократилась на две трети жизнь, разбитая дотла, —
И хотел бы скрыть я горе, да пора на то прошла.

Дева, речь твою услышав, понял я твое веленье.
Знать, тому, кто ищет розу, и шипы — не затрудненье.
Будь же полным мне светилом, утоли мое волненье —
Подари мне в путь-дорогу знак надежды на спасенье!»

Добродетельный, достойный, этот витязь светлолицый
Говорил благоразумно, как наставник с ученицей.
И браслет из дивных перлов был вручен ему царицей.
Да пошлет им бог блаженство всемогущею десницей!

Сладко сердцу, коль к рубину прикасается агат,
Сладко вырастить алоэ с кипарисом стройным в ряд,
Сладко радовать миджнура, устремляющего взгляд, —
Но, увы, беда влюбленным — тем, которых разлучат!

Хоть не мог налюбоваться на влюбленную влюбленный,
Скоро он простился с нею и ушел, ошеломленный.
Из кровавых слез царицы океан возник бездонный.
«Мир не сыт, — она рыдала, — нашей кровью напоенный!»

Ударяя в грудь руками, витязь шел к себе уныло, —
В час любви мягкосердечна человеческая сила!
Покрывает землю мраком заходящее светило,
Не заря зажглась на небе — ночь пришла для Автандила.

Слезы, смешанные с кровью, по щекам его текли.
«Даже солнце мне не в радость, — говорил он, сын земли. —
Алмазовое сердце брови милой обожгли,
Не хочу я утешаться от возлюбленной вдали!»

Был вчера я цвет Эдема, уподобленный алоэ,
Но теперь судьба вонзила в грудь мою копьё златое.
Сердце в огненном аркане позабыло о покое,
И постиг я, безутешный, сколь безумно всё земное».

Витязь с этими словами сотрясался, как в падучей,
С воздыханием и стоном гнулся стан его могучий.

Так закончилось свиданье и сменилось скорбью жгучей.
Всех со временем покроет саван скорби неминучей!

В свой дворец вернулся витязь и рыдал в тиши дворца,
И возлюбленную деву вспоминал он без конца.
Снежным инеем покрытый, блекнул цвет его лица.
Словно розы без светила, вянут юные сердца!

«Человеческое сердце богом проклято от века —
То оно о счастье молит, то стонет, как калека.
В слепоте оно не верит даже глазу человека.
Не страшат его ни гибель, ни господская опека!»

Заклеймив людское сердце столь жестокими словами,
Он прижал к губам запястье с дорогими жемчугами.
И блеснули эти перлы наравне с его зубами,
И кровавыми от горя обагрился он слезами.

Утром некого посланца государь за ним послал.
Поспешил к владыке витязь, хоть и с вечера не спал.
Вкруг него народ толпился и ему надоедал.
Царь готовился к охоте, пели трубы и кимвал.

И помчались на охоту царедворцы Ростевана.
Можно было там оглохнуть от ударов барабана.
Солнце соколы затмили, псы скакали неустанно,
Кровью раненых животных обагрилась вся поляна.

И с полей вернулись люди, поохотившись с задором, —
Царедворцы, и вельможи, и дружина — полным сбором.
В изукрашенном чертоге царь воссел, сияя взором,
Арфы громко заиграли, и певцы запели хором.

Витязь, сидя с Ростеваном, вел беседу с ним опять.
Были губы их, как лалы, зубы — жемчугу под стать.
По бокам народ толпился, впереди сидела знать.
Целый день не уставая о герое толковать.

Но, исполненный печали, возвратился витязь к дому.
О любви душа взывала, погруженная в истому.
То вставал он, то ложился. Сон не шел к нему, больному.
Чье прислушалось бы сердце к несчастливцу молодому?

И подумал он: «Какое дам я сердцу утешенье,
Коль с тобой я разлучился, о Эдема украшенья!
Для взирающих ты — радость, невзирающих — мученье.
Если б мог тебя увидеть я хотя бы в сновиденья!»

Так твердил он, заливаясь безутешными слезами,
Но решил: «Одно терпенье нас равняет с мудрецами.
Не приученный к терпению разве справится с делами?
Тот, кто хочет в жизни счастья, не гнушается скорбями».

И тогда сказал он сердцу: «Убиваешься ты вновь.
Жизнь, однако, лучше смерти. Жизни ты не прекословь.
Не показывай народу, как в тебе бушует кровь:
Непристойно человеку разглашать свою любовь».

20. ПРОСЬБА АВТАНДИЛА О НОВОЙ ПОЕЗДКЕ И РАЗГОВОР ВАЗИРА С ЦАРЕМ

Утром витязь облачился и из дома вышел рано.
«Боже,—он молил,—да будет сокровенна эта рана!
Помоги мне скрыть от мира, как царица мне желанна!»
И поехал он к вазиру, царедворцу Ростевана.

Тот сказал: «Над нашим домом загорелся луч рассвета,
Значит, радость не напрасно предвещала мне примета!»
И с глубоким он поклоном встретил славного спасета:
Если гость приятен сердцу, он дороже самоцвета.

Добродетельный хозяин слезть помог ему с коня.
До крыльца ему коврами уложила путь родня.
И внезапно дом вазира озарился светом дня.
«Запах роз, — сказал хозяин, — долетел и до меня!»

Витязь сел, и домочадцы погрузились в лицезренье,
И сердца их задрожали в безграничном восхищенье, —
Десять тысяч воздыханий здесь послышалось, не мене...
Но вазир велел им выйти, и они ушли в смятенье.

И сказал вазиру витязь, подобрав слова по нраву:
«Во дворце у Ростевана первенствуешь ты по праву.
Царь во всем тебе послушен, ты блюдешь его державу.
Помоги же мне сегодня, заслужи почет и славу!

Этот витязь солнцеликий истомил меня и сжег!
Разлученный с Таризлом, я от боли изнемог!
Для меня не избегает он ни горя, ни тревог, —
Бескорыстие и щедрость — дружбы подлинный залог.

Словно сеть, тоска о друге ныне сердцем овладела, —
Сам я здесь, перед тобою, сердце — возле Таризла:
Он сжигает всех, как солнце! Нет красе его предела!
И Асмаг за это время стать сестрою мне успела.

Я поклялся страшной клятвой, уезжая от собрата:
«Я вернусь к тебе, приятный даже глазу супостата!
Я найду твою царевну, что пропала без возврата!»
И теперь перед отъездом грудь моя огнем объята.

Я тебе открою правду: коль, безумный, как всегда
Он надеется на друга, как не ехать мне туда?
Ведь в беде миджнур миджнура не бросает никогда.
Нарушающему клятву не укрыться от стыда.

Ты скажи царю об этом, и, клянусь его главою,
Если он меня отпустит, я вернусь к тому герою.
Если ж он меня задержит, сердца я не успокою.
Помоги же мне сегодня, дай мне справиться с бедою!

Передай царю: „Владыка, почитаемый народом!
Горько мне тебя сегодня огорчать своим уходом!
Но прекрасный этот витязь жжет мне душу год за годом,
Завладел моим он сердцем и обрек его невзгодам.

Царь! Без этого миджнура жить я больше не могу!
Он и разума и сердца твоего лишил слугу.
Ты же сам стяжаешь славу, коль ему я помогу,
А постигнет неудача — всё ж не буду я в долгу.

На уход мой, царь великий, понапрасну ты не сетуй.
То, что бог нам уготовал, да свершится в жизни этой!
Может быть, из стран далеких я вернусь к тебе с победой.
Не вернусь, так благоденствуй и врагов один преследуй!”».

Автандил сказал вазиру: «Изъясняться не умея,
Рассказал тебе я кратко, что имею на уме я.
Ты же царского согласия добивайся не робея, —
Чистым золотом сто тысяч за услугу дам тебе я».

Но вазир сказал с улыбкой: «Не бросайся ты казной,
Мне довольно, что к богатству указал ты путь прямой.
Лишь открою Ростевану этот замысел я твой,
Царь, без всякого сомненья, одарит меня с лихвой.

Так меня он осчастливит, что, клянусь душой и телом,
С головой я вмиг расстанусь, занимаясь этим делом.
А дороже этой жизни есть ли что на свете белом?
Хоть убей, не вижу смысла я в таком поступке смелом.

Не могу же я напрасно погибать тебе в угоду!
Царь мне скажет: «Как ты смеешь потакать его уходу?
Где твой ум, коль дать острастки не умеешь сумасброду?»
Нет, уж лучше мне погибнуть, чем нажать себе невзгону!

Но коль царь и согласится, что на это скажет рать?
Для чего ей полководца на чужбину отпускать?
Ведь, соперничая с нами, враг поднимется опять, —
Воробей и тот стремится в небе коршуном летать!»

Автандил сказал, заплакав: «Умереть мне лишь осталось!
Видно, ты, вазир, не знаешь, каковы любовь и жалость!
Неужели клятва дружбы для тебя — пустая малость?
Как могу я жить без друга, чтоб душа не убивалась?

Повернулось наше солнце и уже не светит ясно,
Нужно нам помочь светилу, чтоб не сетовать напрасно.
Что мне выгодно, что вредно — это знаю я прекрасно
Неразумною беседой утешать себя опасно.

Что за польза Ростевану, что за выгода войскам,
Если их военачальник предан горю и слезам?
Лучше я опять уеду, чтоб не впасть в великий срам,—
Кто, скажи мне, так страдает, как страдает витязь там?

Отчего же на миджнура смотришь ты неблагосклонно?
Сталь и та, подобно воску, от его растает стона!
Не залить мне слез страдальца всеми волнами Геона!
Коль поможешь, и тебе я помогу, служа у трона.

Если царь меня не пустит, всё равно тайком уеду,
Пусть погибну ради друга, лишь послал бы бог победу!

Царь тебя не покарает за пристойную беседу, —
Помоги же мне в несчастье! Окажи услугу эту!»

И вазир ему ответил: «Я огнем твоим объят!
Эти жалобы и слезы ранят сердце и томят.
Хорошо, коль к месту скажешь, но беда, коль невпопад.
Так и быть, пойду с докладом. Пусть я буду виноват!»

И вазир, промолвив это, поспешил к царю, и скоро
Царь предстал ему, сияя дивной роскошью убора.
Оробел вазир смущенный, и не начал разговора,
И не смел поднять в молчанье опечаленного взора.

Увидав его безмолвным, царь воскликнул: «Что с тобою?
Почему в такой тревоге ты стоишь передо мною?»
— «Государь, — вазир ответил, — ныне я объят тоскою:
Волен ты со мной покончить, услышав, что я открою!

Скорбь души моей, владыка, не умножит прочих бед.
Я боюсь, хотя бояться мне, посланцу, пользы нет
Дозволения уехать ныне просит твой спаспет,
Ни во что он жизнь не ставит, свой не выполнив обет».

И, смущенный, рассказал он всё, что знал об Автандиле:
«Я любви его великой описать тебе не в силе.
Он настаивает, просит, льет он слезы в изобилье...
Гнев твой будет справедливым, что бы там ни говорили!»

У царя при этой вести затуманилось сознание.
Будь тут люди, гнев владыки устранил бы всё собрание.
«Что сказал ты мне, безумец! — он вскричал в негодованье. —
Лишь злодей спешит повсюду злое выискать деянье!

Почему ты вдруг примчался, словно с радостью какой?
Лишь изменник вероломный нож готовит за спиной!
Как язык твой повернулся, чтоб нарушить мой покой?
Недостойн быть безумец ни вазиром, ни слугой!

Почему ты с господином непочтителен при встрече?
Позволительно ли сдуру говорить такие речи?
Лучше б я оглох внезапно, видя дурня издалече!
Жаль, что смерть твоя, несчастный, грузом ляжет мне на плечи!

Если б не был ты подослан Автандилом, — бог свидетель,
Снес бы голову тебе я за такую добродетель!
Уходи же прочь отсюда, по чужим делам радетель!
Ах, как чудно ты устроил! Ах, какой ты благодетель!»

И нагнулся царь и стулом запустил в него тотчас,
Хорошо, что промахнулся: стул был крепок, как алмаз.
«Как ты смел сказать, что витязь покидает снова нас!»
И у старого вазира слезы хлынули из глаз.

Не посмея с владыкой спорить и желая удалиться,
Старец выскочил за двери, как побитая лисица.
Во дворец вошел он смело; возвратясь, не стал гордиться...
Как вредим себе мы сами, враг вредить нам не решится!

Он сказал: «Создатель видит — во грехе живу едином,

Ослеплен я и обманут, счастья нет моим сединам!
Ведь любой, кто столь же дерзко обойдется с господином,
За грехи, как я, ответит по обычаям старинным!»

И, жестоко посрамленный, он ушел, покинув зал,
И, нахмурясь, Автандилу укоризненно сказал:
«Подослав меня к владыке, ты ли ждешь моих похвал?
Хорошо, что я, несчастный, головы не потерял!»

И напомнил он о взятке, намекнул о ней лукаво, —
Как он мог сказать об этом, не могу понять я, право!
«Кто свое не держит слово — оскорбляет моурава!
Злато даже в преисподней все дела решает здраво!»

Как бранил меня владыка, передать нельзя рассказом!
Он назвал меня злодеем, не моргнув при этом глазом!
Я утратил честь мужскую, потерял я прежний разум!
Не пошли творец терпенья, он со мной бы кончил разом!

Понимал и я, конечно, на какое дело шел.
Знал, что буду я несчастен, а владыка будет зол.
Но судьбу не переспоришь, и, как верный твой посол,
За твое благополучье я погибнуть предпочел!»

Автандил ему ответил: «Медлить мне не подобает.
Соловью грозит гибель, если роза увядает.
За целебною росой он тотчас же улетает,
И не знает он, что делать, коль ее не обретает.

Видишь сам: ни днем ни ночью не имею я покоя.
Лучше мне блуждать, как зверю, угнетенному тоскою!
Зря меня владыка просит на врагов идти с войною.
Без слуги куда спокойней, чем с обиженным слугою!

Как ни сердится владыка, доложу ему опять, —
Он еще поймет, быть может, то, чего не мог понять.
Если он меня не пустит, я тайком покину рать.
Коль настало время смерти, ничего не жаль терять!»

Собеседники, поладив, заключили дело пиром,
И подарков там немало было роздано вазиром:
Дал он старым, дал он малым, дал богатым, дал и сирым.
Лишь когда садилось солнце, отпустил он гостя с миром.

И тогда сто тысяч злата вынул витязь из подвала,
Триста свертков аксамита, тоже стоящих немало,
Шестьдесят отличных лалов — что ни лал, то лучше лала, —
И послал их в дар вазиру, так, как это надлежало.

Он велел сказать вазиру: «За меня ты принял муку,
Как могу я соразмерно оплатить твою услугу!
Буду я твоим слугою, коль придет конец недугу,
И воздам тебе любовью, как защитнику и другу!»

Чтоб воспеть его щедроты, слов я ныне не найду!
Знать, ему немалый подвиг был написан на роду.
Так и мы должны с другими жить в согласье и в ладу,

Верный друг не бросит друга, если тот попал в беду.

21. БЕСЕДА АВТАНДИЛА С ШЕРМАДИНОМ ПЕРЕД ВТОРЫМ, ТАЙНЫМ, ЕГО ОТЪЕЗДОМ

И промолвил солнцеликий Шермадину в день прощанья:
«Ныне день моей надежды, исцеляющей страданья.
Он покажет, чем поможешь ты мне в годы испытанья». —
Чтец поистине обязан славословить их деянья!

Он сказал: «О расставанье царь не хочет слышать слова,
Ведь ему непостижимо то, что свято для другого!
Я ж без друга не желаю ни скитания, ни крова, —
Не прощает человеку бог деяния дурного.

Я обдумал это дело и решился на уход.
Лишь изменник и предатель богохульствует и лжет.
Сердце здесь без Таризла изнывает от забот,
Стонет, мечется, вздыхает, слезы горестные льет.

Доказательствами дружбы служат три великих дела:
Друг не может жить без друга, чтобы сердце не болело,
С ним он делится достатком, предан он ему всецело,
Если надобность случится, поспешит на помощь смело.

Но не буду многословен, приступая к порученьям.
Тайный мой уход отсюда мне послужит утешеньем.
Так прислушайся, молю я, ты к моим установленьям.
То, о чем тебя прошу я, исполняй с благоговеньем.

Первым делом — неподкупный государев будь слуга,
Докажи, что добродетель и в разлуке дорога.
Управляй моей дружиной, не щади в бою врага,
Будь защитником народа и родного очага.

Стереги мои границы, будь главой в моем отряде,
Пусть изменник вероломный не мечтает о пощаде.
Коль вернусь, тебя, как друга, награжу я службы ради, —
Послуживший господину не останется в накладе».

Шермадин, услышав это, отвечал ему, рыдая:
«В одиночестве все беды одолею без труда я,
Но, коль тьма покроет сердце, что поделаю тогда я?
Был бы счастлив я безмерно, лишь с тобой одним блуждая.

Мы доселе не слыхали, чтобы верный раб в пути
Не обязан был владыку от опасностей спасти.
Что я, грешный, буду делать, если дам тебе уйти?»
Но ответил юный витязь: «Не возьму тебя, прости!

Помыкать твоей любовью не имею я предлога,
Но и взять тебя с собою не могу по воле бога, —
Коль не ты, то кто сумеет здесь блюсти порядок строго?
Не тебе, но мне, скитальцу, суждена теперь дорога.

Я — миджнур. Миджнур обязан в одиночестве скитаться.
Разве он не должен плакать без людей и убиваться?
Дальний путь — удел влюбленных. Им ли дома оставаться?
Уж таков наш мир мгновенный, в том не надо сомневаться.

В день, когда меня не будет, вспоминай, люби меня.
Сам себе слугой я буду, не страшна мне западня.
Неприлично удалому унывать средь бела дня.
Горе тем, кто дел позорных не боится, как огня!

Я из тех, кто жизнь не ценит выше гнили огуречной.
Смерть за друга я считаю лишь утехой сердечной.
И теперь, когда я снова в путь отпущен бесконечный,
Бросив дом, я не оставлю друга в жизни скоротечной.

Уходя, я завещанье оставляю для царя,
Я ему тебя вручаю, власть его боготворя.
Если я умру в разлуке, обо мне не сетуй зря,
Только плачь и сокрушайся, поминание творя».

22. ЗАВЕЩАНИЕ АВТАНДИЛА ЦАРЮ РОСТЕВАНУ

Витязь сел и, скорбный сердцем, так составил завещанье:
«Царь, к покинутому другу я спешу без колебанья.
Не могу его я бросить, он — души моей пыланье.
Будь ко мне добросердечен и прости мои деянья!

Не осудишь ты, я знаю, государь, мое решенье.
Мудрый друг не бросит друга, несмотря на все лишенья.
Вспомни, царь, Платон-философ нам оставил поученье:
«Ложь несет душе и телу бесконечные мученья».

Так как ложь — источник горя, то, покинув царский кров,
Ради страждущего друга ухожу я от пиров.
Для чего и мудрость людям, коль не чтить ее даров?
Знанья мудрых приобщают нас к гармонии миров.

О любви ты, верно, помнишь, что апостолы гласили,
Как в кимвалы ей бряцали, как в Писанье возносили?
«Возвышает человека лишь любовь!» — они твердили.
Прежде всех живущих в мире должен верить им не ты ли?

Тот, кто дал мне крепость тела и открыл мои зеницы,
Чьим могуществом незримым звери созданы и птицы,
Кто конечному созданью начертал его границы, —
Сто низводит к единице, сто творит из единицы.

То, что богу не угодно, — не случится на земле.
Вянут роза и фиалка, коль останутся во мгле.
Всякий взор к добру стремится, нет достоинства во зле.
Как могу я жить без друга с тяжелой думой на челе!

Как бы ни был ты разгневан, не лишай меня прощенья:
Я не в силах был исполнить твоего предназначенья.
Мне отъезд послужит средством от тоски и огорченья.
Пусть я буду жить в пустыне, лишь бы жить без принужденья.

Не найдешь ты утешенья, слезы горя проливая.
Ничего не в силах сделать против воли божества я.
Муж обязан быть вынослив, в тяжких бедах пребывая.
От судьбы уйти не может ни одна душа живая.

Что творец мне предназначил, то и сбудется сполна.
Коль вернусь назад, то в сердце потушу я пламена,
Встречусь радостно с тобою, как в былые времена...
Каково служенье дружбе, такова и мне цена.

Царь, коль кто меня осудит, осуди и ты всецело!
Неужели царским сердцем скорбь разлуки овладела?
Обмануть я и покинуть неспособен Таризла,
Он в лицо меня за гробом осрамит за это смело.

О друзьях иметь заботу никогда не вредно людям!
Презирая лицемеров, мы лжецов сурово судим.
Как же мог я, царь великий, стать предательства орудьем?
Хорошо ли, коль на помощь мы спешить к друзьям не будем?

Есть ли кто презренней труса, удрученного борьбой.
Кто теряется и медлит, смерть увидев пред собой?
Чем он лучше слабой пряжи, этот воин удалой?
Лучше нам гордиться славой, чем добычею иной.

Смерть сквозь горы и ущелья прилетит в одно мгновенье,
Храбрецов она и трусов — всех возьмет без промедленья.
И детей и престарелых ожидает погребенье.
Лучше славная кончина, чем постыдное спасенье!

Царь! Осмелюсь я напомнить: ничего не понимает
Тот, кто смерти ежедневно для себя не ожидает.
Ведь приходит днем и ночью та, что нас соединяет!
Не вернусь — так, значит, сердце снова боль претерпевает

Если ж рок меня захочет погубить в чужой стране, —
Странник, я умру в дороге, сам с собой наедине.
Не сошьют друзья мне саван, не схоронят в тишине.
И тогда, незлобный сердцем, вспомни, царь мой, обо мне!

Многочисленным богатством я владел тебе в угоду.
Ты раздай богатство бедным, возврати рабам свободу.
Надели сирот несчастных, обреченных на невзгodu, —
Пусть я буду и по смерти дорог нашему народу.

Коль не все мои богатства пожелаешь взять в казну ты,
Пусть на них мосты построят и сиротские приюты.
Раздавай мои именья, не колеблясь ни минуты,
Ибо только ты сумеешь погасить мой пламень лютый.

От меня, владыка, больше не получишь ты вестей.
Поручил тебе я душу доброй волею своей.
Сатанинские затеи не пойдут на пользу ей.
Опочившего прости ты и слезу о нем пролей!

И еще, о царь могучий, я молю за Шермадина.
Ныне, горечью объятый, он лишился господина.

Обласкай его, как раньше я ласкал простолюдина,
Пусть не точит слез кровавых у порога властелина!

Написавший завещанье, я его теперь кончаю.
Царь, отец и воспитатель! Вновь тебя я покидаю!
Я тебе желаю счастья! Я в тоске изнемогаю!
Не давай врагам отчизны угрожать родному краю!»

Кончил он и Шермадину завещание вручил:
«Доложить царю об этом у тебя довольно сил,
Ведь никто служить не может так, как ты мне послужил!» —
И, обняв слугу, заплакал изнемогший Автандил

23. МОЛИТВА АВТАНДИЛА ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Он возвал: «Великий боже, господин и царь вселенной,
Воздающий по заслугам неразумной твари брэнной,
Повелитель горних стражей, свет души неизреченный,
Укрепи во мне желанье послужить любви нетленной!

Боже, царь земли и неба, ты словам моим внемли!
Ты велел любить друг друга бедным жителям земли.
Ныне я один страдаю от возлюбленной вдали.
Не гаси любви, чтоб в сердце семена ее взошли!

Боже, боже милосердный, ты один — моя основа!
Не покинь меня в сраженье, не лиши в скитанье крова,
Защити меня от бури и от дьявола ночного!
Если я в живых останусь, послужу тебе я снова!»

Помолившись, из столицы витязь выехал один.
И, покинут Автандилом, горько плакал Шермадин.
Он точил слезами камни и сжигал песок долин.
Что слугу утешит в горе, если скрылся господин?

24. РОСТЕВАН УЗНАЕТ О ТАЙНОМ ОТЪЕЗДЕ АВТАНДИЛА

Вот рассказ о Ростеване, преисполненном печали:
В этот вечер царь с царицей никого не принимали.
Утром царь проснулся мрачный, очи молнии метали,
И велел он, чтоб вазира во дворец к нему позвали.

И когда вазир явился и потупился уныло,
Царь сказал ему: «Не помню, что вчера со мною было!
Не твое ли сообщенье сердце мне ожесточило,
Если я тебя, вазира, поносил за Автандила?»

Что такое он задумал, рассердив меня с утра?
Мудрость нам гласит: «Не ждите от рассерженных добра!»
Да и ты не будь беспечным! Образумиться пора!
Доложи теперь мне снова, что докладывал вчера».

И вазир ему вторично рассказал об этом деле.
Царь ему ответил кратко, гнев удерживая еле:
«Пусть я буду иудеем, коль не спятил ты доселе!
Не пытайся мне перечить: худо будет пустомеле!»

Поспешил вазир к спаспету, и ему сказали слуги,

Что хозяин их покинул и исчез из той округи.
«Не пойду к царю я больше, — прошептал старик в испуге, —
Пусть ему доложит смелый, я же в горе и недуге».

Царь, вазира не дождавшись, снарядил за ним гонца,
Но гонец не возвратился, разузнав про беглеца.
И внезапная догадка потрясла царя-отца:
«Тот, кого боялись сотни, верно, скрылся из дворца!»

Государь, склонившись долу, погрузился в размышление
И рабу с тяжелым вздохом скоро отдал повеленье:
«Пусть ко мне лукавец этот вновь придет для объяснения!»
И когда вазир явился, стал он бледен от волнения.

Был вазир угрюм и скучен. Царь спросил его неожиданно:
«Неужели наше солнце, как луна, непостоянно?»
И вазир ему в испуге всё поведал без обмана:
«Не желая быть светилом, солнце скрылось средь тумана?»

Услыхав, что витязь скрылся, горя царь не превозмог:
«Неужели я навеки потерял тебя, сынок?»
Рвал он волосы от горя, говорил ему в упрек:
«Отчего ты, столп сиянья, ныне сгинул и поблек!»

Ты бродягою не станешь, если ты в ладах с собою,
Но зачем ты, мой питомец, омрачил мой дом бедою?
Ты меня оставил сирым и покинул сиротою...
Для чего ж я так стремился постоянно быть с тобою!

Не видать тебя мне больше, прискакавшего с охоты,
Не видать, как ты с друзьями в мяч играешь без заботы,
Не услышать сладкий голос, улетающий в высоты...
Для чего престол мне царский, коль уходишь от него ты!

Ты от голода не сгинешь, где бы жить ни захотел, —
Верный лук тебя прокормит и стальные жала стрел,
Бог тебя спасет, быть может, положив беде предел, —
Но, коль ты умрешь в дороге, кто оплачет мой удел?»

Ко двору, внимая слухам, прибежала вся столица.
Рвали волосы вельможи и свои терзали лица,
Толковали меж собою: «Нам ли ныне веселиться,
Если мы достойны мрака и не светит нам денница!»

Увидав своих придворных, царь сказал им со слезами:
«Уж не светит нам светило, это видите вы сами!
Чем его мы прогневили? Как он мог расстаться с нами?
Кто из вас теперь сумеет управлять его войсками?»

Наконец иссякли слезы, и промолвил властелин:
«Расскажите, как ушел он — с провожатым иль один?»
В это время с завещаньем появился Шермадин,
Безутешный, полный страха, ибо скрылся господин.

Раб сказал: «В его покоях я нашел посланье это.
Там осталась только челядь, провожавшая спаспета.
Он один ушел в дорогу, связан узами обета.
Царь, пошли меня на плаху, чтобы я не видел света!»

Прочитавши завещанье, царь промолвил « В этот год
Пусть не носят украшений ни дружина, ни народ.
Пусть усердно молят бога толпы нищих и сирот,
Чтобы он хранил скитальца от лишений и невзгод!»

25. ВТОРОЙ, ТАЙНЫЙ, ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА К ТАРИЭЛУ

Лик луны вдали от солнца полон дивного сиянья.
Рядом с солнцем он сгорает, обречен на умиранье.
Но без солнца вянет роза — беззащитное созданье.
Так и мы в разлуке с милой умираем от страданья.

Лишь теперь я продолжаю мой рассказ об Автандиле.
Ехал он с кипящим сердцем, удержать тоску не в силе.
Образ девы солнцеликой узнавал в дневном светиле,
Отводя глаза от солнца, сеял слезы в изобилье.

Иногда, позабываясь, слова он сказать не мог.
Из очей, подобно Тигру, падал слез его поток.
Оборачиваясь к дому, тосковал он, одинок,
И не знал, куда несется без тропинок и дорог.

«О любимая! — рыдал он.— Как в разлуке не томиться!
Разум мой с тобой остался, и душа к тебе стремится!
Жаждет взор мой изнемогший на тебя взглянуть, царица.
Плохо сделает влюбленный, коль любви не подчинится!

Где искать мне утешенья, как прожить до новой встречи
Уж давно б я закололся, чем вести такие речи,
Но тебя сразит известье, что скончался я далече...
Пусть же льются, словно реки, эти слезы человечьи!

Десять копий, рать индийцев — чаши глаз во тьме ресниц —
Грудь мою тоской пронзили и меня повергли ниц.
Я сражен очей агатом — красотой твоих зениц,
От очей и уст любимых нет страданию границ!»

И воззвал он к солнцу: «Солнце! Ночи солнечной сиянье!
Ты есть образ всеблагого и его напоминанье!
Не ему ли хор созвездий служит в бездне мирозданья?
Примири меня с судьбою, не отринь мои рыданья!

Ты, в котором виден образ создателя вселенной,
Помоги мне снять оковы, ибо я страдаю, пленный!
Потеряв свои агаты, я ищу рубин бесценный
И томлюсь один в разлуке, как когда-то с незабвенной!»

Так молился он и таял, как горящая свеча,
Но спешил на помощь другу, путь томительный влача.
Ночью сравнивал он деву с блеском звездного луча,
И беседовал он с небом, речи жаркие шепча.

Божьим именем скиталец заклинал луну, взывая:
«От тебя в сердцах миджнуров страсть пылает роковая!
Дай же мне терпенье сердца, чтоб не тратил зря слова я,
Чтобы лик, тебе подобный, вновь увидел, изнывая!»

День его терзал и мучил, ночь несла ему отраду.
Иногда, к реке спускаясь, он вдыхал ее прохладу.
Слезный ток его кровавый был подобен водопаду.
И, взнуздав коня поспешно, вновь скакал он до упаду.

Стройный станом, как алоэ, плакал он, угрюм и дик,
И, убив козу из лука, ел у скал береговых,
И, насытясь, снова ехал, ибо грудь пронзал Марих,
И твердил он: «Нет мне счастья без любимых роз моих!»

Передать слова скитальца я уже не в силах ныне, —
Как он жаловался звездам, как скитался по пустыне,
Как сжигал слезами очи, как терзал себя в кручине...
Наконец пещеры дэвов он заметил на чужбине.

И Асмат, увидев гостя, вышла к витязю поспешно,
И не знала, что ей делать, и рыдала безутешно.
Витязь спешился и деву обнял горестно и нежно, —
Люди радуются встрече — те, кто ждет ее прилежно.

Автандил спросил у девы: «Где твой брат и господин?»
Слезы девы покатались из агатовых стремнин.
«Без тебя, — она сказала, — он не мог страдать один.
Я не знаю, где он бродит среди ущелий и долин».

Содрогнулся юный витязь, словно грудь копьё пронзило:
«О сестра, позор герою, коль его исчезла сила!
Как он мог, нарушив слово, позабыть про Автандила?
Для чего он мне поклялся, если трудно это было?»

Ведь и я терпел лишенья, изнывая от разлуки!
Отчего ж он сумасбродом снова сделался от скуки?
Как он смел нарушить клятву, если мы пожали руки?
Мне ль, однако, удивляться, обреченному на муки!»

Но ему сказала дева: «Витязь, ты, возможно, прав,
Но не думай, мне внимая, будто мой угодлив нрав.
Мог ли он, лишенный сердца, клятвы выполнить устав ,?
А ведь он покончил с сердцем, счета с жизнью оборвав!»

Сердце, разум и сознание цепью связаны одною.
Если сердце умирает, остальных берет с собою.
Человек, лишенный сердца, жизнью брезгает земною.
Ты еще не знаешь, витязь, каково ему, герою!

Не застав в пещере друга, был ты вправе рассердиться,
Я же толком не умею за миджнура заступиться:
Говорить язык устанет, сердце в пепел обратится, —
Рождена я, видно, в горе, чтобы с витязем томиться.

Муки этого миджнура столь безмерно велики,
Что страшатся даже камни, не стерпев его тоски.
Слезы витязя могли бы затопить русло реки...
Впрочем, все в чужих страданиях мы большие знатоки.

Провожая Тариэла, я спросила на прощанье:
«Что же делать Автандилу, коль приедет на свиданье?»

Он ответил: «Пусть поищет, как искал когда-то ране,
Далеко я не уеду, не нарушу обещанье.

Я исполню эту клятву, хоть страдаю я жестоко.
Буду ждать я, как ни тяжело, до назначенного срока.
Коль найдет меня умершим, путь схоронит недалёко,
А найдет живым — дивится, ибо жизнь — мгновенье ока!»

Скрылось солнце за горами для меня, и с этих пор
Я горячими слезами орошаю камни гор,
Как безумная, стенаю, проклиная свой затвор, —
Смерть и та меня забыла: вот он, божий приговор!

Есть в Китае некий камень с мудрой надписью такою:
«Кто друзей себе не ищет, тот враждует сам с собою».
Ныне стал шафранным витязь, сходный с розой молодою.
Поищи его, исполни то, что ведено судьбою!»

«Ты права, — ответил странник, — мне не нужно оправданья!
Но не я ль, миджнур, миджнура не оставил без вниманья?
Увидав источник жизни, прибежал к нему как лань я,
Все поля вокруг обрыскал ради этого свиданья!

Ту жемчужину, с которой сочетается кристалл,
Я покинул, и на счастье уповать я перестал
Уезжая самовольно, я доверье потерял:
Огорчил царя с царицей, недостойный их похвал.

Господин мой воспитатель — государь весьма могучий.
На меня его щедроты, словно снег, летят из тучи.
Но ушел я, вероломный, всё забыл в печали жгучей...
Согрешил перед владыкой, уж не жду я жизни лучшей!

Я для друга эти беды, о сестра, претерпеваю!
Чтоб свое исполнить слово, по чужому ежжу краю!
Он же скрылся из пещеры — тот, по ком я умираю,
И теперь, устав смертельно, я в тоске изнемогаю!

Но оставим эти речи. Мешкать в поисках грешно.
Сожаленья не изменят то, что минуло давно.
Иль найду его, иль сам я с ним погибну заодно, —
Богохульствовать не буду, если это суждено!»

Не сказав ни слова больше, он помчался сквозь теснину.
Пересек ручей и лесом устремился на равнину.
Леденил холодный ветер розу, равную рубину, —
«Никогда, — шептал он, — больше солнцеликой не покину».

«В чем мой грех, великий боже? — говорил он божеству. —
Почему я не с друзьями, обездоленный, живу?
О двоих зачем тоскую, вижу гибель наяву?
Пусть же кровь моя, о боже, на мою падет главу!»

26. АВТАНДИЛ В ПОИСКАХ ТАРИЭЛА. ПЛАЧ ЕГО И СТЕНАНИЕ

«Связкой роз меня ударив, друг меня поранил ею.

Я исполнил нашу клятву, он не стал считаться с нею.
Потеряв его навеки, я душою оскудею,
Без него любого друга уподоблю я злодею.

Не к лицу ему, герою, эта вечная тоска.
Разве витязю поможет слез обильная река?
Нужно после размышлений путь избрать наверняка.
Где ж оно, светило это с тонким станом тростника?»

Обессиленный слезами, витязь в поиски пустился,
Не смыкая глаз бессонных, кликал друга и томился.
По полям, лесам, долинам трое суток он кружился,
Но пропавшего скитальца не нашел он, как ни бился.

И молился он: «О боже, чем я грешен пред тобой?
Почему меня ты гонишь, угнетенного судьбой?
Судия мой милосердный, я пришел к тебе с мольбой:
Сократи мои страданья, утешенья удостой!»

27. АВТАНДИЛ НАХОДИТ ТАРИЭЛА ВО ВТОРОЙ РАЗ

Раз на холм поднялся витязь, изнемогший от молений,
И взглянул он на долину, где играли свет и тени,
И среди зарослей заметил вороного в отдаленьи.
«Это он! — воскликнул витязь. — В том не может быть сомнений!»

И воспрянул он, и сердце у него затрепетало,
Радость выросла внезапно, и отчаянье пропало.
К потускневшему кристаллу возвратился блеск кристалла.
И как вихрь в долину эту он помчался с перевала.

И, увидев Таризэла, отшатнулся он назад:
Полумертвый лик скитальца был отчаяньем объят.
Ворот был его разорван, по щекам струился град.
Покидая мир мгновенный, не смотрел на брата брат.

Справа возле Таризэла лев лежал и меч чеканный,
Слева — рухнувший на землю тигр виднелся бездыханный.
По лицу из глаз страдальца ток струился непрерывный,
Лютым пламенем пылало сердце в скорби несказанной.

Разомкнуть очей не в силах, без сознания и воли,
Витязь был готов покинуть этот мир земной юдоли.
Автандил его окликнул, оглашая лес и поле,
И сошел с коня поспешно, не желая медлить боле.

И лицо он Таризэлу рукавом отер своим,
И на землю опустил, и сказал, тоской томим:
«Иль не слышишь Автандила? Я — твой друг и побратим?»
Но, открыв глаза, страдалец был безмолвен перед ним.

То, о чем я повествую, с ним действительно случилось!
Вздрогнул витязь, и сознание в нем внезапно прояснилось.
Крепко обнял он собрата и прославил божью милость.
Видит бог, таких героев в мире больше не родилось!

«Брат, — сказал он, — я исполнил слово, данное в пещере.

Ты меня не бездыханным здесь нашел, по крайней мере.
Но теперь стремлюсь я к смерти и вхожу в ее преддверье, —
Опусти мой труп в могилу, чтоб его не грызли звери!»

Автандил ему ответил: «Это — худшее из дел!
Кто из нас не ведал страсти, кто в горниле не горел?
По никто ж не рвался к смерти, проклиная свой удел!
Почему твоим рассудком ныне дьявол овладел?

Коль ты мудр, то знай, что мудрость так вещает нам с тобою:
Муж не должен убиваться в столкновении с судьбою.
Муж в беде стоять обязан неприступною стеною.
Коль заходит ум за разум, всё кончается бедою!

Как ты, мудрый, забываешь это мудрое реченье?
Чем тебе помогут звери утолить твоё влечение?
Где найдешь ты, умирая, ту, чей лик — твоё мученье?
Если ты еще не ранен, брось о ранах попечение!

Кто из нас миджнуром не был? Кто любви не перенес?
Кто, сознание теряя, на себе не рвал волос?
Разве это необычно? Для чего ж потоки слез?
Без шипов, как всем известно, не бывает в мире роз.

Как-то раз спросили розу: «Отчего, чаруя око,
Ты колючими шипами нас царапаешь жестоко?» —
«Чтобы сладкого добиться, — отвечал цветок Востока, —
Испытай сначала горечь. В даровщине мало прока!»

Если дал цветок бездушный столь ответ красноречивый,
Как достигнуть можешь счастья ты, искатель нерадивый?
Сатанинские внушенья не ведут тропой счастливой!
Что же ты с судьбою споришь и зовешь несправедливой?

Ты мое послушай слово: сядь скорее на коня
И забудься на мгновение, мысли черные гоня.
Пересиль свои желанья, сделай это для меня:
Мне известно, как развеять жар сердечного огня!»

Таризэл ему ответил: «Мне слова твои постыли!
Чтоб тебе повиноваться, не имею больше силы.
Ты не прав, что здесь, в пустыне, для меня страдания милы —
Я свою увижу радость лишь на дне моей могилы.

Одного лишь я желаю, умирая от недуга:
Чтобы встретились за гробом я и милая подруга.
Чтобы мы, покинув землю, вновь увидели друг друга...
Пусть друзья меня схоронят: это лучшая услуга.

Разве может быть влюбленный, если милой больше нет?
Ныне радостно иду я за возлюбленной вослед.
Горько милая заплачет — зарыдаю я в ответ!
Мне дороже ста советов сердца собственный совет.

Знай, скажу тебе всю правду: к жизни мне не возвратиться.

Смерть витает надо мною, сердце хочет позабыться.
Уходи же прочь отсюда! Время плоти разложиться,
К сонму духов бестелесных дух мой немощный стремится.

Проникать в твои советы не имею я желанья.
Смерть близка, и жизнь земная — только краткое дыханье.
Мир претит душе безумной, преступил земную грань я.
Я уж там, куда струятся слезы нашего страданья.

Мудрый! Что на свете мудро? Разве будет мудрым тот,
Кто, безумием объятый, умирает от невзгод?
Отрешенная от солнца, роза долго не живет.
Уходи! Твоя забота давит сердце и гнетет!»

Автандил его не слушал, продолжая уговоры:
«Для чего ты перед смертью затеваешь эти споры?
Если стал себе врагом ты, где искать тебе опоры?»
Но не мог он Таризла увести с собою в горы.

Он сказал: «Коль ты не хочешь братским следовать советам,
Докучать тебе не буду. Расставайся с белым светом.
Умирай, коль хочешь смерти! Пусть увянет роза летом!
Об одном тебя прошу я... — И заплакал он при этом. —

Ты, чьи розы осеняет копий сомкнутых агат,
Я покинул ради друга, как союзник и собрат.
Царь отеческой беседой не увлек меня назад.
Ты ж отверг меня, и снова я отчаяньем объят!

Не гони меня обратно, продолжая препираться,
Сядь хоть раз на вороного, дай тобой полюбоваться!
Может быть, тебя увидев, я не стану убиваться
И уеду, насладившись, ты же можешь оставаться.

Сядь в седло!» — молил он брата, нареченного светилом.
Ибо знал, что верховому невозможно быть унылым.
И ресницы в знак согласия тот склонил пред Автандилом
И внезапно подчинился, убежден собратом милым.

«Приведи коня! Поеду!» — молвил он, подняв чело.
Автандил, исполнив просьбу, сесть помог ему в седло.
И поехал скорбный витязь, стан колебля тяжело,
И от сердца у миджнура понемногу отлегло.

Автандил поехал рядом, продолжая с ним беседу.
Губ кораллы шевелились, сердце верило в победу.
Речь его вернула б силы даже старцу-домоседу.
Ныне он, утешив брата, вел назад его по следу.

Лекарь скорби, он заметил, что настало облегченье,
И лицо его, как роза, засияло в восхищенье.
Исцеление разумных, неразумных огорченье,
Слово разума безумцу он промолвил в заключенье.

«Утоли мое желанье, — так промолвил Автандил. —
Ты запястье солнцеликой всей душою возлюбил.
Правда, это знак вниманья от соперницы светил.

Но признайся, неужели он тебе настолько мил?»

Тариэл ему ответил: «Что с подарком тем сравнится?
Он один — причина вздохов, он — судьбы моей частица.
Краше вод, земли и неба эта малая вещица!
Но бессмысленные речи неприятны, как горчица».

«Ждал и я, — воскликнул витязь, — от тебя подобной вести!
Но послушай, что скажу я, избегая всякой лести.
Тот браслет тебе дороже иль Асмат? Скажи по чести!
Сознаюсь, другой бы выбор на твоём я сделал месте!

Тот браслет чеканил мастер, он — простая мишура!
Он безжизнен, безучастен, чуть дороже серебра!
Почему ж ты забываешь, как Асмат к тебе добра?
Ведь она — твоя подруга и названная сестра!

Не она ли здесь в пустыне подружила нас с тобою?
Не она ли опекала вас с царевной молодою?
Ради той, кого растила, грудь ее полна тоскою!
Как же ты ее бросаешь? Так ли нужно жить герою?!»

«Правда, — вымолвил страдалец, — В том не может б сомненья!
Лишь Асмат верна мне в горе и достойна сожаленья!
Так пойдем же к ней скорее, коль не умер в этот день я!
Не хотел я жить на свете, ты принес мне исцеленье!»

И отправились герои повидать сестру свою.
Как я слабыми словами красоту их воспою!
В розах губ блистали зубы, как жемчужины в строю...
Из норы сердечным словом можно вызвать и змею!

Автандил промолвил другу: «Мне служить тебе — отрада,
Но и ты забудь о ранах и не пей напрасно яда.
Бесполезна нам наука, коль творим не то, что надо, —
Посуди, какая польза от закопанного клада?

Мало толку, если горе несчастливому снесает:
До назначенного срока человек не умирает.
Роза, солнца ожидая, по три дня не увядает.
Смелость, счастье и победа — вот что смертным подобает!»

Друг сказал: «Дороже жизни сердцу эти назиданья!
Мудрецов благословляют все разумные созданья.
Но поверь, что не могу я превозмочь мои страданья!
Сам миджнур, ужель миджнуру ты не видишь оправданья?

Воск затем горит, что сутью однороден он с огнем,
Но вода огню враждебна — не ужиться им вдвоем.
Так и мы: страдая сами, всё страдальцу отдаем...
Ты же мне не доверяешь в одиночестве моем...»

28. РАССКАЗ ТАРИЭЛА О ТОМ, КАК ОН УБИЛ ЛЬВА И ТИГРИЦУ

«Расскажу тебе, мой витязь, что со мной случилось в поле,
Сам тогда судить ты сможешь о моей несчастной доле.

Проводив тебя, в пещере я не мог томиться боле
И, вскочив на вороного, устремился на приволье.

Я сквозь заросли проехал и на холм поднялся скоро.
Вижу: лев спешит к тигрице, полный страсти и задора.
Их любовные забавы были радостны для взора,
Но затем меня смутила непонятная их ссора.

Видел я с холма, как звери пробирались среди дерев,
И мое смирилось сердце, счастье любящих узрев.
Но они бороться стали и почувствовали гнев.
Побежала прочь тигрица, вслед за ней погнался лев.

Эти яростные звери, столь беззлобные вначале,
Вдруг напали друг на друга и от злобы зарычали.
И отпрянула тигрица, словно женщина в печали.
Лев почуял запах крови и за ней пустился дале.

Рассердился я на зверя и сказал: «Умалишенный!
Разве с милою подругой может ссориться влюбленный?»
И пронзил его мечом я, сам на муки обреченный,
И свалился лев, от жизни навсегда освобожденный.

Меч я бросил и тигрицу, спрыгнув на землю, схватил.
Я искал ее лобзаний ради той, кого любил.
Но она рвала мне кожу и рычала что есть сил.
Распалился я от боли и прекрасную убил.

Ничего не мог я сделать с тварью той неукротимой,
Я ее ударил оземь, гневом яростным палимый.
И припомнил я внезапно, как я ссорился с любимой,
И едва в тот миг не умер от тоски невыносимой.

Вот, мой брат, какие беды должен я претерпевать!
Почему же ты дивишься, что решил я умирать?
Я уже простился с жизнью, мне не жаль ее отдать...»
И замолк печальный витязь, и заплакал он опять.

29. ВОЗВРАЩЕНИЕ ВИТЯЗЕЙ В ПЕЩЕРУ И СВИДАНИЕ ИХ С АСМАТ

Автандил внимал рассказу и скорбел о Таризле,
Он твердил: «Не убивайся! Бог поможет в этом деле!
Он, хотя ты и страдаешь, приведет влюбленных к цели.
Вы без божьего веленья не сошлись бы с колыбели!

Зачастую жизнь миджнуров омрачается бедою,
Но утешатся страдальцы, удрученные нуждою.
И хоть ты убит любовью, лишь она одна, не скрою,
Мудрых разума лишая, учит неучей порою!»

И к пещере повернули эти витязи коней,
И Асмаат навстречу вышла, увидав, что едут к ней.
Слезы плачущей рабыни бороздили грудь камней.
Братья спешили и с девой поздоровались своей.

«Боже мой, — она сказала, — царь царей неизреченный,
Озаряющий лучами бедных жителей вселенной!
Как тебя прославить может человечесий разум бренный?
Ниспослал ты утешенье мне, страдалице смиренной!»

Тариэл сказал: «Сестрица, тяжела для нас расплата
За блаженство дней минувших, улетевших без возврата.
То закон старинный мира, в этом ты не виновата.
Жаль тебя, но лишь кончина твоего пленяет брата.

Если жаждущий разумен, воду наземь он не льет.
Для чего ж точу я слезы в дни страданий и невзгод?
Нас безволье убивает, но поит источник вод!
Горе мне: потерял жемчуг, роза больше не цветет!»

И свое припомнил солнце Автандил, ему внимая.
Он воскликнул: «О царица, без тебя схожу с ума я!
В отдалении от милой безутешна жизнь земная!
Кто тебе сказать сумеет, как я плачу, изнывая?

Как подумать может роза: «Я без солнца не увяну»?
Коль погаснет вдруг светило, что я в мире делать стану?
Уподобься же, о сердце, неживому истукану!
Чтобы вновь увидеть деву, пусть душа скрывает рану!»

И умолкли побратимы, и любимая сестра
Проводила их в пещеру, безутешна и добра,
Разостлала шкуру тигра, усадила у костра,
И друзья вели беседу вплоть до самого утра.

Славный пир, зажарив мясо, братья справили сначала.
Правда, пир тот был без хлеба и гостей недоставало.
«Ешь!» — твердили Тариэлу, но не слушал он нимало.
Лишь кусочек весом в драхму съел, и силы есть не стало.

Есть ли что на свете лучше, чем разумная беседа?
Не пройдет она бесследно, коль послушаешь соседа.
Сердце стихнет понемногу, дружелюбием согрето.
Сладко горем поделиться, если можно сделать это!

Львам подобные герои продолжали разговор,
Поверяли то друг другу, что скрывали до сих пор,
И, когда наутро солнце засияло из-за гор,
Новой клятвой подтвердили стародавний уговор.

Тариэл сказал: «Не нужно тратить лишние слова нам!
Бог воздаст тебе за дружбу с побратимом чужестранным.
Разве, дав друг другу клятву, были мы подобны пьяным?
Буду помнить я до смерти о тебе, моем желанном!

Чтоб уменьшить пламень сердца, поразмысли терпеливо,
Ведь огонь, во мне горящий, зажигало не огниво!
Потушить его желая, самому сгореть не диво!
Возвращайся же к царице, путешествуя счастливо!

Облегчить мои страданья не сумеет даже бог,
Потому я и блуждаю без путей и без дорог.

Посреди мужей разумных жил и я немалый срок,
Но пришел черед безумью — и теперь я изнемог».

Автандил ему ответил: «Что сказать тебе на это!
Ты и сам судить умеешь, как мудрец и муж совета.
Но неужто бог бессилен, если он создатель света,
Если всё, что здесь мы видим, возвращено им и согрето?»

Для чего же вас он создал, если вы, его созданья,
Умираете, расставшись, от великого страданья?
Пусть миджнур пока не может утолить свои желанья, —
Заколи меня, коль снова не дождется он свиданья!

Разве муж достоин чести, коль он бед не поборол?
Неприлично от несчастий убежать в соседний дол!
Вседержитель милосерден, это мир исполнен зол?
Помни это изречение, ибо неуч есть осел.

Я сказал тебе довольно, чтобы мог ты поучиться.
Я молил мое светило перед тем, как отлучиться:
«Если друга не увижу, сердце в пепел обратится!
Чем тебя, испепеленный, я обрадую, царица?»

«Эта речь достойна мужа, — отвечала мне подруга, —
Ибо помощь Тариэлу — перед милою заслуга!»
Не без спроса я уехал, как какой-нибудь пьянчуга.
«Трус!» — в лицо мне скажет дева, если я покину друга.

Чем вести пустые речи, ты прислушайся к моим:
Для разумного созданья труд земной необходим.
Для чего нам цвет увядший? Кто утешен будет им?
Коль ты сам себе не нужен, будь другому побратим.

Странствуй, где тебе угодно — по пустыням и по чашам,
Если хочешь — с мудрым сердцем, нет — так с разумом болящим,
Но, всегда учтивый, стройный, будь ты мужем настоящим,
Не давай погибнуть сердцу в лютом пламени палящем.

Об одном тебя сегодня мы с царицей умоляем:
Через год приди в пещеру, где с тобой мы отдыхаем.
Я вернусь, как только розы расцветут, согреты маем.
Пусть они тебя разбудят, словно псы могучим лаем!

Если ж с радостною вестью я к пещере не приду,
Значит, в поисках царевны я и сам попал в беду.
Это будет знак, чтоб слезы проливал ты в том году,
Что была погибель злая суждена мне на роду.

В этом случае не надо сокрушаться слишком много:
На коне умру иль в лодке — всё равно одна дорога!
Но молчать, подобно зверю, не могу: томит тревога.
Как мне знать, какая участь мне готовится от бога?»

Тариэл сказал: «Не буду утомлять тебя беседой,
Ты меня не будешь слушать, что тебе ни посоветуй.
Если друг нейдет с тобою, значит, ты за ним последуй!
Понемногу станет ясным то, что скрыто в жизни этой.

Ты со временем увидишь, как печален мой удел.
Всё равно мне — плакать дома иль покинуть мой предел.
Всё я выполню, безумец, что бы ты ни захотел,
Но, коль долго не вернешься, для земных погибну дел».

Братья в поле поспешили, захватив с собою луки,
И, убив по горной лани, привезли их в дар подруге.
Их сердца точили слезы, мысль о завтрашней разлуке
К неизбежным старым мукам прибавляла новой муки.

Пусть читатели отныне обливаются слезами!
Сердце с сердцем расстается — как тут быть, судите сами!
Нелегко дается людям расставание с друзьями!
Тот, кто этого не знает, горевать не будет с нами.

Утром братья пробудились, из пещеры вышли вон
И, с невольницей прощаясь, испустили горький стон.
Запылали их ланиты ярче пурпурных знамен,
Каждый лев, подобно зверю, был тоской испепелен.

С громким воплем ехал витязь, провожая Автандила.
«Кто вас, львы мои, прославит? — им невольница твердила. —
Солнце вас сожгло навеки, о небесные светила!
Горе мне! Ничто на свете мне, страдалице, не мило!»

В этот день, не расставаясь от восхода до заката,
Путь держали прямо к морю два могучие собрата.
Здесь они остановились, тяготила их утрата,
Тяжким пламенем разлуки их душа была объята.

Автандил промолвил другу: «Высох слез моих ручей!
Почему с царем Фридоном ты провел так мало дней?
Там узнать возможно вести о возлюбленной твоей.
Как мне к витязю проехать, расскажи мне поскорей!»

Юный витязь, не желая препираться по-пустому,
Показал ему дорогу к властелину молодому:
«Отправляйся ты к востоку вдоль по берегу морскому,
Передай поклон Фридону, коль к его прибудешь дому».

Застрелив козу из лука, оба сели у привала,
Пили-ели ровно столько, сколько в горе подобало,
Ночью их листва деревьев на ночлеге укрывала...
Рок земной непостоянен: то он много даст, то мало.

На заре они проснулись, чтоб надолго распрощаться.
Расставанью их и горю каждый мог бы подивиться,
Слезы их, не уставая, снова начали струиться,
Груды, слившись воедино, не могли разъединиться.

Наконец они расстались, и, рыдая, в тот же миг
Этот в горы устремился, тот — в колеблемый тростник.
Озираясь друг на друга, выпускали братья крик.
Солнце, видя их в печали, затуманивало лик.

30. ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА К ФРИДОНУ, ПРАВИТЕЛЮ МУЛЬГАЗАНЗАРА

Что ты вертишь нас и крутишь, бессердечный мир земной?
Всякий, кто тебе поверит, будет сетовать со мной.
Ты откуда нас приводишь, где сровняешь нас с землей?
Только бог один заступник всем отвергнутым тобой!

Витязь плакал и до неба возносил свои стенанья:
«Снова кровь я проливаю, обреченный на скитанья!
Тяжела друзьям разлука, как загробные свиданья!»
Не равны друг другу люди, и не сходны их желанья!

Звери вокруг него толпились, слезы горестные пили.
Чистым пламенем пылая, он горел в своем горниле.
Не видал он утешенья, вспоминая о светиле.
Перлы уст полуоткрытых розам в сумраке светили.

Вяла роза, увядала ветвь алоэ, и кристалл
Уподобился лазури и светиться перестал.
Но крепился он и думал, бесприютен и устал:
«Для чего дивиться мраку, если свет невидим стал?»

И воззвал он к Солнцу: «Солнце! Тинатин ты в мире этом!
Оба вы на землю льете дивный свет зимой и летом!
Я, безумный, я, влюбленный, упиваюсь вашим светом!
Отчего ж мое вы сердце оттолкнули несогретым?»

На один лишь зимний месяц Солнце прячется, не боле!
Я ж покинул два светила — в небесах и на престоле.
Как же мне в беде не плакать? Лишь утес не знает боли.
Нож плохой больному лекарь: ранит тело поневоле».

И опять молил он Солнце, проезжая средь долин:
«Солнце, ты владыка мира, властелинов властелин!
Слабый раб тобой возвышен и утешен господин!
Не гаси мой день, о Солнце! Дай увидеть Тинатин!

О Зуал, планета скорби, не щади меня нимало!
Ты мое закутай сердце в гробовое покрывало!
Как осла, гони и мучай от привала до привала!
Но скажи моей любимой, чтоб меня не забывала.

О Муштар, над всей землею ты судья и вождь верховный!
Вот пришли к тебе два сердца. Разреши их спор любовный!
Не наказывай невинных, чтоб не впасть в обман греховный!
Отчего ж, изранен девай, вновь я ранен, невинный?»

О Марих, звезда сражений, бей меня своим копьем!
Пусть багрянными от крови будем мы с тобой вдвоем.
Но скажи ей, как безумно плачу ночью я и днем,
Ты ведь знаешь, что я вынес в одиночестве моем!

Аспироз, звезда любви, мне союз с тобою нужен!
Жгут меня уста-кораллы, что скрывают ряд жемчужин!
Красоту даешь ты девам, ею я обезоружен!
Отчего ж ты мне не светишь, коль тебе я так послушен?»

Отарид, планета странствий, нас судьба соединила:
Ты горишь в круженье Солнца, я горю в огне светила.
Опиши мои мученья! Вот из слез моих чернила.
Пусть пером тебе послужит стан иссохший Автандила.

О, приди ко мне и сжался над душой моей, Луна!
Ты, как я, по воле Солнца то ущербна, то полна.
Расскажи ей, как я стражду! Пусть услышит вновь она:
«За тебя я умираю! Будь же витязю верна!»

Семь светил вещают ныне то, что высказано мною!
Солнце, Отарид с Муштаром и Зуал полны мольбою.
С ними Аспироз взывает, и Марих твердит с Луною:
«Дева, пламенем пылая, я пленен одной тобою!»

И тогда сказал он сердцу: «Для чего твои стенанья?
Сатана в тебя вселяет столь великие терзанья!
Та, чьи волосы, как ворон, обрекла нас на скитанья.
Счастье вынести нетрудно, научись сносить страданья!»

Если я в живых останусь, то, судьбой не обескрылен,
Я еще вернусь к царице, телом бодр и духом силен!» —
Так он пел, рыдая горько, сладкозвучен и умилен.
Соловей пред Автандилом был не более как филин.

Звери, слыша Автандила, шли толпою из дубрав,
Из реки на берег камни выходили, зарыдав,
И внимали, и дивились на его сердечный нрав,
И свои точили слезы, орошая листья трав.

31. ПРИБЫТИЕ АВТАНДИЛА К ФРИДОНУ ПОСЛЕ РАЗЛУКИ ЕГО С ТАРИЭЛОМ

Долго ехал юный витязь. Лишь на день семидесятый
Он корабль заметил в море, — странник, горестью объятый.
Корабельщики, причалив, вышли на берег покатый.
И спросил он: «Кто вы, люди? Чей он, этот край богатый?»

«О прекрасный чужестранец! — те сказали изумленно. —
Образ твой чарует душу, словно солнце небосклона!
Там — турецкая граница, здесь — владения Фридона.
Обо всем тебе расскажем, коль посмотришь благосклонно.

Нурадин-Фридон отважный правит в этой стороне.
Витязь щедрый и бесстрашный, горделивый на коне.
Никакой ему противник не опасен на войне.
Нам он с самого рожденья светит с солнцем наравне».

Автандил сказал им: «Братья, вы достойны уваженья!
Я ищу царя Фридона и терплю в пути лишенья.
Как проехать мне в столицу, если здесь его владенья?»
И они его решили проводить без промедленья.

«Этот путь, — они сказали, — приведет к Мультгазанзару.
Там живет наш царь, который одному тебе под пару.

Десять дней — и ты приедешь, уподобленный чинару!
Ах, зачем зажег ты в сердце пламя, равное пожару!»

«Отчего, — воскликнул витязь, — мною вы удивлены?
Коль зимой увяли розы, им не может быть цены.
Если б вы их увидали с наступлением весны,
В дни, когда на них дивится весь народ моей страны!»

Тот, чей стан стройней алоэ. чья десница крепче стали,
С мореходами простившись, поспешил в дорогу дале.
Он пустил коня галопом, позабыв свои печали,
Но нарциссы, как и прежде, слезы горькие роняли.

И пленял он чужестранцев, проезжая в диком поле,
И они чудесным гостем любовались поневоле,
И в минуту расставанья о его грустили доле,
И давали провожатых — что им было делать боле!

Наконец к Мульгазанзару он приблизился и вдруг
Увидал перед собою окруженный цепью луг.
То стрелки пускали стрелы, быстро вскидывая лук.
Словно скошенные стебли, звери падали вокруг.

И к прохожему с вопросом поспешил он обратиться:
«Что за шум стоит на поле? Отчего народ толпится?»
Тот сказал: «Царю Фридону здесь угодно веселиться.
Здесь, на поле тростниковом, двор и вся его столица!»

И направился он к войску, позабыв свое страданье.
Я воспеть его не в силах, несмотря на всё старанье!
Встреча с ним — пыланье солнца, а разлука — прозябанье,
Тростниковый стан героя заставлял терять сознание!

Вдруг над самую охотой взмыл орел, и, полный сил,
Он, прицелившись из лука, птицу в воздухе скошил.
И упал орел и кровью луг зеленый оросил,
И ему подрезал крылья подоспевший Автандил.

Расступился круг широкий, люди луки опустили,
И, сбежавшись отовсюду, незнакомца окружили,
И не знали, что подумать о прекрасном том светиле,
И за ним спешили следом, слова вымолвить не в силе.

Царь Фридон смотрел на поле с возвышения крутого.
Сорок ловчих окружали государя молодого.
Видя в поле беспорядок, государь спросил сурово:
«Отчего стрелки на поле разбежались бестолково?»

И раба послал не медля, осерчав на них, Фридон:
«Что они, ослепли, что ли, коль бегут со всех сторон?»
Но при виде незнакомца раб отпрянул, поражен,
И, забыв про всё на свете, не промолвил слова он.

Автандил, остановившись пред слугою оробелым,
Приказал: «Скажи владыке, что приехал я за делом.
Брат названный Тариэла, к этим я пришел пределам,
Миновал чужие земли, ибо послан Тариэлом».

Возвратился раб к владыке и сказал ему с поклоном:
«Царь, подобный солнцу витязь на лугу стоит зеленом
Он — загадка для премудрых, странно слышать речь его нам:
„Я пришел от Тариэла, чтоб увидиться с Фридоном“».

Царь, как только это имя произнес его слуга,
Взволновался и на розы слез исторгнул жемчуга,
И, с ресниц его слетая, вдруг повеяла пурга.
Так сошлись они, два брата, недоступных для врага.

Царь Фридон с холма спустился и, увидев Автандила,
Вскрикнул: «Кто он, этот витязь, коль не дивное светило?
Описать его красоты невдомек посланцу было!»
Оба спешились, и радость их слезами окропила.

Обнялись, и, хоть впервые витязь был в Мульгазанзаре,
Царь души не чаял в госте, гость же — в юном государе.
Люди солнце разлюбили, присмотревшись к этой паре.
Ведь подобных им героев не увидишь на базаре!

Равных витязю Фридону среди людей на свете нет,
Не затмил его красою добродетельный спаспет.
В блеске утреннего солнца исчезает вид планет.
Лишь во тьме свеча сияет, днем ее невидим свет.

На коней они вскочили, во дворец помчались рядом.
Царь велел кончать охоту и домой идти отрядам.
Все собравшиеся гостя провожали долгим взглядом.
«Сам творец, — они твердили, — одарил нас этим чадом!»

И сказал Фридону витязь: «Ты спешишь услышать вести —
Кто я, еду я откуда. Всё скажу, коль будем вместе.
Расскажу о Тариэле, о Нестан, его невесте...
Он мой друг, хоть я, по правде, недостоин этой чести.

Знатный витязь аравийский, полководец Автандил,
Я — любимец Ростевана и начальник ратных сил.
Из высокого я дома, царь меня усыновил.
Тех, кто мне сопротивлялся, я разбил и усмирил.

Раз, когда мы на охоте забавлялись с Ростеваном,
С неким плачущим скитальцем повстречались чужестранным.
На призыв он не явился, это нам казалось странным:
Мы цены еще не знали ни слезам его, ни ранам.

Царь велел схватить невежу и послал людей из свиты.
Но недолго думал витязь, где искать ему защиты.
Многих он перекалечил, были многие убиты.
Кто луну столкнуть сумеет с предначертанной орбиты?

Царь разгневался, увидев, что обидел витязь нас,
Сел в седло и, горделивый, поспешил за ним тотчас.
Биться с нами незнакомец не решился в этот раз,
Опустил он вдруг поводья и исчез из наших глаз.

След его не обнаружив, мы сочли его виденьем.
Царь, унынием объятый, охладел к увеселеньям.
Был и я смущен немало тем загадочным явленьем
И на поиски пустился, весь охваченный томленьем.

Я искал его три года, исходив земные дали.
Наконец на незнакомца мне хатавы указали.
И нашел тогда я розу, чуть живую от печали,
И с тех пор мы друг для друга как родные братья стали.

Захватив пещеры дэвов, витязь с помощью Асмат
Жизнь влачит вдали от мира, лютым пламенем объят.
Он горит в огне разлуки, мой названный старший брат.
В знак печали подобает повязать нам черный плат.

Плачет девушка в пещере, опекаемая братом:
Витязь пищу ей приносит, словно лев любимым львьятам,
Сам же мечется по свету с сердцем, горестью объятым.
Кроме этой юной девы, всех он гонит от себя там.

Незнакомец незнакомцу, рассказал он мне, рыдая,
Как навеки разлучилась с ним царевна молодая.
Описать его мученья не сумею никогда я, —
Вечно плачет он о милой, по урочищам блуждая.

Всё он странствует, тот витязь, сходный с юною луной,
День и ночь скитальца носит конь, подаренный тобой.
Он людей, как зверь, боится, проезжая стороной...
Горе мне, его собрату! Горе деве молодой!

Пламя этого безумца и меня спалило вскоре.
Увидав, как он страдает, сам почувствовал я горе.
Для него прошел я сушу, для него объехал море,
И с царем по возвращенье оказался я в раздоре.

Я хотел вернуться к другу — отказал мне царь сурово.
Я ушел без разрешенья и покинул войско снова.
Снова я ищу лекарство для страдальца молодого
И опять кружусь по свету, не имея на ночь крова.

О братании с тобою рассказал мне тот беглец,
И тебя, о несравненный, разыскал я наконец.
Где, скажи, искать мне солнце и владычицу сердец,
Перед кем в восторге зрячий и в отчаянье слепец?»

Царь Фридон в ответ заплакал. И, томителен и строен,
Плач их был подобен песне и сочувствия достоин.
В рощах глаз кипели слезы, и, тоскуя, каждый воин
Заставлял их течь на розы из агатовых промоин.

Увидав царя в печали, стража громко зарыдала.
Те себя по лицам били, те швыряли покрывала.
Семилетнею разлукой огорчился царь немало:
«О коварный мир мгновенный! Тяжела твоя опала!

Для тебя, мой витязь дальний, и похвал достойных нет?
Солнце ты с пути низводишь, сам сияя, точно свет!
Не тобой ли каждый смертный осчастливлен и согрет,
О дыханье нашей жизни! О сияние планет!

С той поры, как мы расстались, стала жизнь невыносимой!
Пусть ты сам меня покинул, я стремлюсь к тебе, любимый!
Ты меня не замечаешь, я метусь, тоской томимый!
Жизнь пуста, и мир несносен для души моей гонимой!»

Наконец они умолкли и, не кончив разговора,
Поспешили по дороге и вошли в столицу скоро.
Автандил небесноликий был отрадою для взора:
Под шатром ресниц тяжелых он таил очей озера.

Скоро витязи вступили в изукрашенный чертог,
Где блюдут страну вельможи от раздоров и тревог.
В дорогих одеждах слуги охраняли там порог,
И любой из них приедем любоваться ныне мог.

Вышли к гостю домочадцы, время трапезы пришло.
Сто вельможных царедворцев по бокам от них сидело.
Автандил сидел с Фридоном, вспоминая Тариэла.
Лал, кристалл, агат и роза — всё цвело и пламенело.

Ели-пили, пировали, поднимали в кубках вина,
Автандила, словно свата, угощали благочинно,
Утварь дивная явилась по приказу Нурадина,
Но огнем души героя пламенела вся дружина.

Пир до вечера тянулся. Упивался тот, кто пил.
Утром после омовенья был наряжен Автандил.
Я в сто тысяч драхм, не меньше, тот наряд бы оценил.
Оценить же редкий пояс у меня не хватит сил.

И хотя остерегался юный витязь промедленья,
Он являлся на охоту, посещал увеселенья.
Много дичи пострелял он, показал свое уменье,—
Бил без промаха по зверю, всем стрелкам на посрамленье.

Наконец сказал он другу: «Царь, томит меня тревога!
Трудно мне с тобой расстаться, не сердись же, ради бога.
Не могу я больше медлить, слишком дней уходит много,
Предстоит мне труд великий и нелегкая дорога.

Кто, тебя покинув, плачет, тот не может быть не прав,
Но могу ль я не уехать, жаром сердца воспылав?
Хорошо ли, если путник тратит время для забав?
Покажи мне, где стоял ты, это солнце увидав!»

Царь Фридон ответил: «Знаю, бесполезен спор с судьбою:
Ты, иным копьём пронзенный, не останешься со мною.
Пусть же враг твой погибает! Отправляйся, бог с тобою!
Только, брошенный друзьями, чем я душу успокою?

В одиночестве отныне ты не должен находиться.
Дам тебе рабов я верных — помощь всюду пригодится.
Пусть везут твою поклажу конь проворный и ослица.

Ведь без них тебе в пустыне трудно будет обходиться».

Четырех рабов он выбрал, верных дому с давних пор.
Подарил вооруженье, полный панцирный убор,
Шестьдесят талантов злата и велел привести во двор
Дорогого иноходца, изумляющего взор.

Привели затем ослицу и навьючили постелью.
Витязь в дальний путь собрался, не приученный к безделью.
В ожидании разлуки охладел Фридон к веселью,
Он твердил; «Исчезнет солнце, и придет зима с метелью!»

Люди в городе узнали об отъезде том заране.
Продавцы плодов и шелка взволновались на майдане.
Голоса их раздавались, словно гром на поле брани:
«Исчезает наше солнце! Плачьте, плачьте, горожане!»

И когда на берег моря вышли путники, тотчас,
Как из озера страданий, слезы хлынули из глаз.
И поведал Автандилу царь печальный свой рассказ,
Как он видел здесь царевну, но, увы, ее не спас.

«Под охраной двух дозорных к нам явилась та девица;
Оба были словно сажа, только дева — светлолица.
Взял я меч, коня прищпорил, чтоб со стражами сразиться,
Но неведомая лодка скрылась в море, точно птица».

Братья обняли друг друга, испустили горький стон,
И огонь, томивший сердце, снова вспыхнул, распален,
И расстались побратимы, полководцы двух племен,
И остался одиноким опечаленный Фридон.

32. ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА НА ПОИСКИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Автандил с рабами ехал вдоль по берегу морскому,
Он искал бальзам целебный побратиму молодому.
День и ночь носил он в сердце беспредельную истому,
Целый мир с его делами отметал он, как солому.

Много встречных за сто суток расспросил он по базарам,
Но о деве не услышал, лишь потратил время даром.
Раз увидел он верблюдов и на них тюки с товаром.
Караванчики у моря с вожакom стояли старым.

Автандил с холма крутого заприметил их вдали.
Лица были их печальны, одеяния в пыли.
Дальше ехать эти люди, очевидно, не могли.
И спросил у них скиталец, из какой они земли.

Предводитель каравана был Усам, старик почтенный.
На приветствие ответил похвалою он отменной.
Он сказал: «Светило наше, утешитель драгоценный,

Преклони свой слух сегодня к нашей повести смиренной»

И сказали незнакомцы, окружившие спасета:
«Мы — торговцы из Багдада, люди веры Магомета.
Не берем мы в рот хмельного, помним правила запрета.
Царь морей торгует с нами, для него поклажа эта.

Здесь нашли мы человека, изнемогшего от ран,
Привели его в сознание, из каких, спросили, стран.
И ответил нам бедняга, болью тела обуян:
«Горе вам, коль выйдет в море ваш торговый караван!

Я по морю из Египта направлялся к дальним странам,
Нагрузив корабль богатый дивным шелком чужестранным,
Но пираты наше судно протаранили тараном...
Не пойму, как я добрался к этим отмелям песчаным».

Сам ты видишь, лев и солнце: наше горе необъятно.
Разоримся мы до нитки, коль воротимся обратно.
Если ж двинемся мы в море, то погибнем безвозвратно, —
Нам с пиратами сражаться непривычно и накладно».

«Тот не прав, кто унывает, — Автандил сказал в ответ. —
Мы ниспосланных от бога не минуем в жизни бед.
Но залогом вашей крови буду я во цвете лет.
Горе тем, кто нам на море нанести захочет вред!»

Караванщики сказали, обнадежены героем:
«Если витязь не испуган столь неслыханным разбоем,
Нагрузим скорее судно, зря себя мы беспокоим!»
И поспешно вышли в море, огорченные простоем.

Шли они с попутным ветром, без особых затруднений.
Автандил, отважный витязь, вел их в нужном направлении.
Вдруг корабль с огромным флагом показался в отдаленье.
Был на нем отряд пиратов и таран для нападений.

Шли грабители навстречу, воя в трубы и крича.
Караванщики смутились, слыша голос трубача.
Витязь им сказал: «Не бойтесь! Иль умру от их меча,
Или все они погибнут, не дождавшись палача!

Провидение сильнее всех воителей вселенной,
Лишь когда настанет время, я покину мир мгновенный.
Ни друзья тогда, ни башни не спасут мне жизни брэнной.
Тот, кто это понимает, тверд душою неизменной.

Вы, купцы, я вижу, трусы! Не сражались вы с врагами!
Чтобы нас не перебили, лучше спрячьтесь за дверями.
Посмотрите, как я буду драться львиными руками,
Как пролью потоки крови, если враг сразится с нами!»

Не имея в сердце страха, уподобившийся льву,
Облачился он в доспехи, шлем надвинул на голову

И над самую кормою смело поднял булаву...
Меч его грозил пиратам не во сне, а наяву.

Приближаясь с каждым мигом, громко хищники вопили
И бревно с железным бивнем прямо в судно устремили.
Витязь с тяжелой булавою укрепился на кормиле
И ударил по тарану, с львом соперничая в силе.

И таран переломился, и осталось судно целым,
И внезапно прыгнул витязь к супостатам оробелым,
И бежать им было поздно, и в отраженье этом смелом
Смерть, достойная злодеев, стала горьким их уделом.

Словно лев на козье стадо, витязь кинулся на них.
Он одних швырял в пучину, бил о палубу других.
Восьмерых схватив в охапку, он разил девятерых.
Укрывался в груде трупов, кто остался там в живых.

Одержал победу витязь, утолил свое желанье.
Богом хищники молили не карать за злодеянье.
Витязь раненых не тронул, обнаружил состраданье,
Ибо страх ведет к любви, как вещает нам Писанье.

Не гордитесь, люди, силой! Бросьте глупую забаву!
Людям сила бесполезна, если богу не по нраву.
Ведь довольно малой искры, чтоб большую сжечь дубраву.
И с дубьем, коль бог захочет, и с мечом добудешь славу

Много редкостных сокровищ те разбойники везли.
Увидал добычу витязь, и сцепил он корабли,
И на зов его немедля караванщики пришли,
И Усам, воспрянув духом, славил витязя вдали.

Десять сотен уст потребно, чтоб прославить Автандила,
Красоту его измерить нет достойного мерила!
Караванщики вскричали: «Помогла нам божья сила,
Ночь прошла, настало утро, загорелся луч светила?»

Подошли они к герою, целовали руки-ноги,
Осыпали похвалами, спасены среди дороги.
Мудрецы, его увидев, стали б разумом убоги!
«Спас ты наше достоянье и избавил от тревоги!»

«Слава богу! — он ответил. — Стороной прошла беда!
Предначертанное богом исполняется всегда.
Бог землею правит втайне, въяве — только иногда.
Нужно нам, по слову мудрых, верить в лучшие года!

Вседержитель оказался нам защитою надежной.
Это он послал мне силы, без него я прах ничтожный!
Ныне я разбил пиратов, верен клятве непреложной.
Поделитесь их добычей и поклажею дорожной».

Счастливы доблестный воитель, победивший супостата!
Все сподвижники героя дружно чувствуют собрата,
Перед ним, неустрашимым, их душа стыдом объята,
А герою даже рана — украшеньё, не утрата!

В тот же день корабль пиратов мореходы обошли,
И, сокровища увидев, сосчитать их не могли,
И собрали их не медля, и к себе перенесли,
И корабль, разбитый в щепки, бросив в море, подожгли.

И вручил Усам герою от купцов уведомленье:
«Пристыженные тобою, мы спаслись от нападения.
Ныне мы свои товары отдаем в твоё владенье.
Поделись, коль хочешь, с нами. Это общее решенье».

Автандил ответил: «Братья, я сказал вам ясным слогом:
Бог заметил ваши слезы, спасены вы только богом.
Я всего лишь бедный странник и нуждаюсь не во многом:
Был бы сам да конь послушный, чтобы ездить по дорогам.

Если б я искал сокровищ, всё имел бы, что хочу:
Драгоценные каменья, украшенья и парчу.
Для чего дары мне ваши? Я доверился мечу
И совсем не о богатстве, разъезжая, хлопочу.

Из бесчисленных сокровищ, нам ниспосланных судьбою,
Каждый пусть возьмет что хочет, — ничего от вас не скрою.
Об одном прошу вас, братья: если вы довольны мною,
Дайте мне покуда скрыться под одеждою простою.

Кроме вас, никто не должен обо мне иметь понятия.
Притворившись старшиною, я надену ваше платье.
Как простой купец, отныне буду с вами торговать я.
Вы ж меня не выдавайте, ибо мы отныне братья!»

По душе пришлась торговцам эта просьба Автандила.
«Витязь, ты надежда наша! — так решенье их гласило. —
Умолять тебя об этом нам самим бы нужно было.
Будь же нашим старшиною ты, чей лик светлей светила!»

Путешествуя по морю, дальше двинулись они,
И была благоприятна им погода в эти дни,
И дарили Автандилу только перлы, и сродни
Были этим дивным перлам зубы витязя одни.

33. ПРИБЫТИЕ АВТАНДИЛА В ПРИМОРСКИЙ ГОРОД ГУЛАНШАРО

Автандил проехал море и окинул берег взглядом.
Перед ним открылся город, окруженный пышным садом.
Цветники оттенков разных в том саду цвели богатом.
Как тебе его представить, коль ты не был никогда там!

Привязав к причалам сада свой корабль тремя цепями,
Автандил, в торговом платье, сел на стул под деревьями,
И пришли к нему торговцы с полновесными деньгами,
И, свое скрывая званье, занялся герой делами.

И пришел к нему садовник, надзиратель тех садов,
И, увидев лик героя, изумиться был готов.
Но спросил его приезжий: «Чей здесь город и каков?
Как зовется повелитель этих пышных берегов?»

Расскажи мне без утайки, — он сказал, — какие ткани
Здесь в цене, какие сходят за бесценок на майдане?»
— «О купец, — сказал садовник, — изливаешь ты сиянье!
Всё скажу тебе правдиво, утолю твоё желанье.

В год едва ли ты объедешь этот край благословенный.
Дивный город Гуланшаро полон роскоши отменной.
К нам ее сюда привозят корабли со всей вселенной
Царь морей Мелик Сурхави — наш владыка несравненный.

Молодеют даже старцы, приезжая к нам сюда.
Здесь всегда пиры да пляски, пенье, музыка, еда.
Здесь цветы благоухают и не вянут никогда.
Даже те на нас дивятся, кто желает нам вреда!

Именитые торговцы здесь на дело тороваты:
Продают и покупают, наживаются трикраты.
Бедняки и те за месяц могут сделаться богаты,
Коль добра себе закупят без особенной затраты.

Я смотритель и садовник именитого Усена,
Он глава торговцев здешних, вся ему подвластна мена.
Чужестранцев он встречает здесь в саду обыкновенно,
Ибо видеть все товары он обязан непременно.

Все прибывшие Усену поднести спешат дары
И в другом не могут месте разбивать свои шатры.
Для царя он покупает ткани, золото, ковры,
И торгуют где угодно чужестранцы с той поры.

Для таких, как ты, почтенных мореходов и героев
Он велит отвести покои содержателям покоев.
Но теперь Усен в отъезде. Все дела свои устроив,
Он тебя обязан встретить, высшей чести удостоив.

Здесь Фатьма-хатун при доме, госпожа его супруга,
Весела она, любезна, любит гостя в час досуга.
Лишь скажу, она не медля пригласит тебя, как друга,
Во дворец ее богатый проведет тебя прислуга».

Автандил ему ответил: «Делай так, как ты сказал!»
И слуга, облившись потом, к госпоже своей вбежал.
«Госпожа моя, — он крикнул, — удостой меня похвал:

Некий витязь солнцеликий в нашей гавани пристал!

Он торговец именитый и хозяин каравана,
Словно месяц семидневный, он красивее платана.
Как идет к его одежде цвет коралловый тюрбана!
Он справляется о ценах гуланшарского майдана».

Десять слуг Фатьма послала провести купца столицей,
В караван-сарай товары потянулись вереницей.
И вошел в ее покои лал-агат розоволицый,
И подобен льву и тигру был он шуйцей и десницей.

И народ, услышав новость, собрался со всех сторон.
Волновались, говорили: «Не покажется ли он?»
Этот был восторга полон, тот — до смерти поражен,
О мужьях забыли жены, и мужья корили жен.

34. ВСТРЕЧА АВТАНДИЛА С ФАТЬМОЮ

У дверей жена Усена гостя встретила с поклоном.
Взор ее сиял довольством и казался благосклонным.
Привела и посадила, как предписано законом,
Было видно: не гнушалась тем купцом иноплеменным.

По летам немолодая, но красивая собою,
Смуглолица хозяйка притворялась молодою.
По душе ей были пляски, а не то и пир горою.
Песни, музыка, наряды не давали ей покоя.

Засидевшись за обедом, гость подарки ей дарил.
Удивленная хозяйка говорила: «Как он мил!
Дай же бог, чтоб не впустую этот пир устроен был!»
Наконец в опочивальню был отпущен Автандил.

Утром он, открыв товары, выбрал шелка дорогого
И послал его владыке края этого морского.
Остальное он торговцам возвратил, напомнив снова:
«Продавайте, как хотите, но о витязе — ни слова!»

Даже в скромном одеянье витязь всех сводил с ума!
То он шел к хозяйке в гости, то к нему — она сама.
Речи были их красивые, встречи — длительны весьма.
Как влюбилась Вис в Рамина, так и в витязя — Фатьма.

35. ФАТЬМА ВЛЮБЛЯЕТСЯ В АВТАНДИЛА

Лучше с женщиной не знаться тем, кому под силу это:
Ты отдашь жене всё сердце, нежной ласкою согрето,
А она тебе изменит, позабыв слова обета.
Доверять не нужно женам даже малого секрета!

Вожделенье к Автандилу в сердце женщины запало.
Как Фатьма ни огорчалась, пламя крепло, возрастало.
Обнаруживалась тайна, как хозяйка ни скрывала.
«Как мне быть и что мне делать? — день и ночь она рыдала. —

Если я ему откроюсь, он, быть может, удалится.
Промолчу — еще ужасней буду в пламени томиться.
Объяснюсь я, будь что будет, коль я в мире не жилица!
Не открыв врачу болезни, разве можно исцелиться?»

И письмо она решила написать купцу и в нем
Рассказала, как страдает, угасая с каждым днем.
Зачастую эти письма опаляют нас огнем.
Их беречь на память надо, мы ж теряем их и рвем.

36. ЛЮБОВНОЕ ПОСЛАНИЕ, НАПИСАННОЕ ФАТЬМОЙ АВТАНДИЛУ

«Создал бог тебя, о солнце, всемогущею рукою,
Без тебя любая радость людям кажется бедою,
Но вблизи ты нас сжигаешь дивной силой огневою...
Сонмы звезд тобой гордятся и любят тебя тобою!

Всякий, кто тебя увидит, обезумев от страсти.
Соловьи трепещут, роза, у тебя одной во власти!
Все цветы вокруг увяли, да и я теперь в напасти:
Сердце, бедствуя в разлуке, разрывается на части.

Тяжело мне, бог свидетель, о любви писать моей!
Что, однако, мне поделать, если нет пределов ей?
В сердце черные ресницы проникают всё сильней.
Не лишай меня рассудка, помоги и пожалей!

И пока ты мне ответа не пошлешь по доброй воле,
Чтоб лишить меня надежды иль помочь в несчастной доле, —
До тех пор, изнемогая, не умру я поневоле.
Жизнь иль смерть, реши скорее! Я страдать не в силах боле!»

Как обычную записку, без особого вниманья
Автандил в своем покое прочитал ее признанья.
Он сказал: «Фатьма не знает, каковы мои желанья.
Я ль сравню ее с любимой, забыв мои мечтанья?

Не чета вороне роза! Непристойна эта связь!
Соловей и тот над розой не певал воспламенясь.
Всё дурное и бесплодно и противно, словно грязь.
Что за вздор она мне пишет? И откуда дурь взялась?»

Но потом он так подумал: «Посреди чужого люда
Я один себе помощник, одному же в мире худо.
Чтоб вернуть страдальцу другу то потерянное чудо,
Обо всем ином на свете должен я забыть покуда.

Эта женщина привыкла принимать к себе гостей,
Видеть множество приезжих, слышать множество вестей.
Если я, испепеленный, повинуюсь нынче ей,
Может быть, она поможет мне по прихоти своей.

Ведь коль женщина полюбит, к нам она при первом слове
Рада будет прилепиться, как уток к своей основе,
Всё расскажет, разболтает... Ей позор и стыд не внове.
Видно, мне не подобает уклоняться от любви.

Под несчастною звездою не добьешься ничего.
То, что нужно, — не имею, а иное — для чего?
Мир — как сумерки ночные, тьма наполнила его.
Что содержится в кувшине, то и льется из него!»

37. ОТВЕТ АВТАНДИЛА И ВСТРЕЧА ЕГО С ЧАЧНАГИРОМ

Автандил Фатьме ответил: «Я прочел твои хваленья.
Ты меня предупредила: сам пылаю каждый день я.
Как и ты, я умираю от любовного влеченья.
То, что сладостно обоим, недостойно осужденья».

Как Фатьма возликовала, не умею рассказать я!
«Уж не буду, написала, больше слезы проливать я!
Только сумерки настанут, приходи в мои объятия,
С нетерпением великим буду ночи ожидать я».

Но как только он собрался на свидание идти,
Некий раб ему в потемках повстречался на пути.
«Задержись! — Фатьма писала. — Не готова я, прости!»
«Что за вздор! — подумал витязь. — Что могло произойти?»

Несмотря на запрещенье, распахнул он дверь алькова.
Перед ним Фатьма сидела, и мила и черноброва.
Автандил заметил сразу, что рыдать она готова,
Но влюбленная хозяйка не промолвила ни слова.

Сели вместе, целовались за беседую совместной.
Вдруг явился на пороге некий витязь неизвестный.
Вслед за гостем нес невольник меч его и щит железный,
Но при виде Автандила оба встали, как над бездной.

И Фатьма, заметив гостя, побледнела, словно мел.
С удивленьем незнакомец на любовников глядел.
Он сказал Фатьме: «Не буду прерывать я ваших дел,
Но клянусь тебе, что завтра будет горек твой удел!

Ты меня своим распутством затоптала в грязь, срамница!
Отомщу тебе я завтра, как тебе еще не снится:
Всех детей своих от страха загрызешь ты, как волчица!
Плюнь мне в бороду, злодейка, если это не случится!»

Тронув бороду рукою, удалился гость сердитый.
Залилась Фатьма слезами, принялась терзать ланиты.
«Горе мне! — она вскричала. — Все грехи мои открыты!
Пусть побьют меня камнями! Недостойна я защиты!»

Погубила я супруга и детей не сберегла,
Потеряла самоцветы, разоренная дотла!
Разлучилась я с родными, натворив немало зла,
Кров разрушила домашний, где так радостно жила!»

С удивленьем слушал витязь эти горькие стенанья.
«Что с тобою? — он воскликнул. — Как понять твои рыданья?
Кто такой он, этот витязь, наши видевший лобзанья?
За какие он грозился рассчитаться злодеянья?»

«Лев, теряю я рассудок! — так Фатьма ему сказала. —
Не спрашивай напрасно, говорить мне не пристало.
И детей я погубила, и сама теперь пропала, —
Красота твоя, любимый, сердце мне околдовала.

Тот, кто в жизни неразумен и ведет себя, как лжец,
Кто сбережь не может тайны — погибает наконец.
Пусть же плачут о несчастной, не жалеющей сердец!
Кто своей желает крови, тот на свете не жилец.

Ты одно из двух обязан совершить без промедленья:
Иль убей ты чачнагира, замышляющего мщенье, —
Ты спасешь поступком этим и меня и всё именье,
Я ж тебе потом открою все былые прегрешенья;

Или, если ты не можешь, погрузи на мулов вьюки
И покинь мои владенья, как ни горек час разлуки.
Буду я тебе противна, коль, попавшись в злые руки,
Загрызу своих детей я, обреченная на муки».

Автандил, бесстрашный витязь, воспылал, подобно льву.
Смелый, доблестный и гордый, взял он в руки булаву.
Он сказал: «Забудь об этом! До тех пор, пока живу.
Беззащитному погибнуть не позволю существу!»

Мне помощников не нужно, нужен только провожатый,
Чтобы знал я, где живет он, этот витязь бородатый.
Он не справится со мною, лютой яростью объятый.
Жди меня и будь спокойна, не пугай себя расплатой!»

И хозяйка к Автандилу провожатого прислала
И, прощаясь, понемногу успокаиваться стала.
«Коль убьешь его сегодня, — так она ему сказала, —
Не забудь, сними мой перстень с пальца этого бахвала».

Автандил из дома вышел, и прошел сквозь город он.
Был дворец красно-зеленый возле моря возведен.
Окружая ряд чертогов, над балконом шел балкон,
Строй бесчисленных балконов упирался в небосклон.

Провожатый Автандилу показал на это зданье:
«Тот, кого ты ныне ищешь, здесь имеет пребыванье.
Ты на верхнюю террасу поднимись без колебанья:
Отдыхает там хозяин, возвратившись со свиданья».

Двух привратников заметил возле дома Автандил,
И подкрался к ним бесшумно, и за горло их схватил,
И приподнял, и ударил друг о Друга что есть сил.
Черепу разбил обоим и мгновенно умертвил.

38. АВТАНДИЛ УБИВАЕТ ЧАЧНАГИРА

Чачнагир лежал на ложе в огорчении немалом.
Автандил к нему ворвался, обогрен потоком алым.
Сбросив витязя с кровати, он пронзил его кинжалом
И расправился без шума с этим воином удалым.

Для друзей — светило жизни, для врагов — гроза и горе,
Отрубил он палец с перстнем, не забыв об уговоре,
И безжизненное тело из окна он бросил в море,
И нашло оно могилу в беспредельном том просторе.

Дело втайне совершилось. Кто об этом мог узнать?
Уподобясь сладкой розе, устремился витязь вспять.
Как решился он на это, невозможно нам понять,
Но знакомою дорогой возвратился он опять.

И когда к Фатьме явился этот лев и солнце света,
Он сказал ей: «Твой обидчик не проспится до рассвета:
Он убит моим кинжалом, провожатый видел это.
Вот тебе в утеху палец, и кольцо на нем надето!

Объясни же мне без страха, почему ты так несчастна?
Чем грозил тебе тот витязь, порицая громогласно?»
И Фатьма ему призналась: «О возлюбленный! Не властна
Посмотреть тебе в лицо я, хоть люблю тебя я страстно.

Возвратил ты ныне к жизни и меня и всю семью.
Чем тебя я, лев, прославлю? Как твой подвиг воспую?
Так как ты убил сегодня эту злобную змею,
Приготовься, солнцеликий, повесть выслушать мою».

39. ФАТЬМА РАССКАЗЫВАЕТ АВТАНДИЛУ ИСТОРИЮ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

«Новый год мы здесь справляем по своим заветам старым:
Не торгуем, как обычно, и не ездим по базарам.
В этот день, принарядившись, мы, подобно знатным барам,
Во дворец на пир веселый с дорогим приходим даром.

В этот день купцы приносят государю подношенья,
Царь их также оделяет сообразно положенья.

Десять дней играют арфы, всюду музыка и пенье.
Игры в мяч, бега и скачки развлекают население.

Здесь делами всех торговцев управляет мой супруг,
Я считаюсь у царицы госпожою их подруг.
Захватив с собой подарки и собравшись в тесный круг,
Мы проводим вместе с нею новогодний свой досуг.

Как-то в праздник новогодний принимала нас царица,
Одевая нас дарами, весела и светлолица.
Вслед за тем мои подруги поспешили удалиться
И зашли ко мне в покои, продолжая веселиться.

В сад мы вечером спустились и певцов с собою взяли,
И певцы веселым пеньем нас искусно развлекали.
Забавляясь, я меняла и прически и вуали
И с подругами болтала без заботы и печали.

В том саду, над самым морем, прихотлива и стройна,
Средь кустов была беседка на скале возведена.
И пришла я в ту беседку, роем жен окружена,
И велела дать подругам угощенья и вина.

Занимала я соседок, чтобы им не скучно было,
Но в разгаре удовольствий вдруг душа моя заныла.
Гости стали расходиться, увидав, что я уныла,
И печаль, подобно саже, разом сердце мне покрыла.

Я окно приотворила, устремила взгляд на море
И смотреть на волны стала, чтоб свое развеять горе.
Что-то темное мелькало в беспредельном том просторе,
То ли зверя, то ли птицу разглядела там я вскоре.

Но не зверь то был, не птица: море там несло ладью,
Два каких-то чернокожих плыли к нашему жилью,
И везли они с собою ту, о ком я слезы лью,
Чье чудесное виденье душу ранило мою.

Скоро маленькое судно оказалось у причала.
Озираясь, оба стража вышли на берег сначала, —
Сонный берег был безлюден, их ничто не испугало,
Лишь одна я незаметно из окошка наблюдала.

И тогда они из лодки извлекли ковчег, откуда
Вышла девушка на берег, где камней лежала груды:
В черной редкостной вуали, в платье цвета изумруда,
Затмевало образ солнца то неведомое чудо.

Повела очами дева — засиял вокруг гранит,
Над землей возник и небом нежный свет ее ланит.
Я глаза мои закрыла, ибо девы этой вид

Ослепил меня внезапно так, как солнце нас слепит.

Четырем рабам отважным я приблизиться велела.
«Посмотрите, что за дивом эта шайка овладела!
Нужно выкупить бедняжку. Отправляйтесь, люди, смело,
Что запросят, то и дайте, но устройте это дело.

Если ж торг не состоится, то убейте этих стражей
И луну ко мне доставьте, чтоб жила под кровлей нашей».
Тут рабы мои, подкравшись, подошли к стоянке вражьей,
Но приезжие и слушать не хотели о продаже.

Видя это, я вскричала: «Смерть им! Смерть!» И предо мной
Два убитые злодея скоро скрылись под водой.
Люди деву окружили, повели ее домой,
И спустилась я навстречу к незнакомке молодой.

Как была она прекрасна, рассказать я не умею!
Назовут ли солнце солнцем, сопоставив солнце с нею!
Не под силу этот образ начертать и чародею!
Я в лучах его доселе вся горю и пламенею!»

Тут Фатьма, заплакав, стала бить руками по ланитам.
Скорбь, как видно, овладела и торговцем именитым:
Позабыв друг друга, оба с сердцем плакали разбитым,
Растопив нега в долинах, слезы реками текли там.

Плач умолк, и друг промолвил: «Продолжай, молю, рассказ!»
— «Деве той, — Фатьма сказала, — я доверилась тотчас.
Всё я ей надоедала, целовала много раз,
Усадив, не отводила от нее влюбленных глаз.

Я ее спросила: «Солнце! Дочь какого ты народа?
Где тебя, краса созвездий, взяли эти два урода?»
Но она не отвечала мне и с самого прихода
Слезы горькие точила, словно в поле непогода.

Утомившись от расспросов и моих надоеданий,
Не могло мое светило удержаться от рыданий.
Из нарциссов сквозь агаты тек на лалы ток страданий.
Изнывала я, не в силах утолить ее желаний.

Наконец она сказала: «Ты мне матери дороже,
Но мое существованье лишь на вымысел похоже.
Не пытай меня, коль бога прогневить боишься тоже.
Я — скиталица простая, мне роптать на жизнь негоже».

Я решила: «Тот, кто ночью кличет солнце на восток,
Тот поистине несчастен, скудоумен и убог.
Нужно утром ждать рассвета, чтоб из дела вышел прок.
Подожду, пока очнется эта дева от тревог».

40. ФАТЬМА СПАСАЕТ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН И РАССКАЗЫВАЕТ О НЕЙ УСЕНУ

Солнцеликую, которой похвалы обычной мало,
Я, клянусь ее любовью, никому не показала,
Но она струила слезы, завернувшись в покрывало,
Роза инеем покрылась, из ресниц метель взлетала.

Эту деву молодую, станом сходную с алоэ,
Привела я незаметно в помещенье потайное.
Скрыла я от любопытных это диво неземное,
Только негр, слуга мой верный, ей прислуживал в покое.

Описать ее страдания не умею я вполне.
День и ночь она рыдала, не смолкая и во сне,
Утихала на минуту лишь со мной наедине...
Отчего в разлуке с нею я не гибну? Горе мне!

День и ночь пред нею стыли слез глубокие криницы,
Над пучиной глаз чернильных висли копьями ресницы,
Как агатовые чаши, влагу черпали зеницы,
Близнецы зубов сияли из волшебных уст девицы.

Видя девушку в печали, допытаться не могла я,
Кто она, откуда родом, в чем ее кручина злая.
Видно, вынесла бедняжка, слез потоки проливая,
То, что вынести не в силах ни одна душа живая.

Ни ковра, ни одеяла эта дева не брала,
Лишь вуаль из черной ткани покрывалом ей была.
Руку под голову клала — так, бывало, и спала,
И едва касалась пищи, торопясь из-за стола.

Расскажу я о вуали и чалме ее прелестной.
Много я перевидала всякой роскоши чудесной,
Но такой я не встречала дивной ткани неизвестной:
Хоть она казалась мягкой, но была прочней железной.

Уж давно в поместье нашем незнакомка укрывалась,
Рассказать о ней Усену я, однако, не решалась.
«Для него любую тайну разболтать — пустая малость» —
Так я думала о муже и, увы, не ошибалась.

Но потом я спохватилась: «Коль о деве я смолчу,
Не смогу ничем помочь ей так, как этого хочу,
Лишь со временем от мужа по заслугам получу...
Так зачем же о бедняжке я напрасно хлопочу?»

Что могу одна я сделать, истомленная тоскою?
Будет лучше, коль Усену эту тайну я открою.
Пусть он только поклянется предо мной, своей женою,
Что нигде не будет хвастать незнакомкой молодою».

И пришла тогда я к мужу, и, обняв его, сказала:
«Расскажу тебе я, милый, то, что ранее скрывала,
Но держать всё это в тайне головой клянись сначала!»
Муж сказал: «Коль проболтаюсь, мне с горы свалиться мало!

То, о чем ты мне расскажешь, сохранить я в тайне рад,
Не пронюхают об этом ни собрат, ни супостат!»
И сказала я Усену, хоть мой муж и простоват:
«Встань, пойдём! Увидишь солнце, ослепляющее взгляд!»

И когда пришли мы с мужем в потайное помещение,
Вздрогнул муж, увидев деву, и воскликнул в восхищенье:
«Что я вижу пред собою? Что за дивное виденье!
Неужели это солнце — нам подобное творенье?»

«Ничего о ней не знаю, — отвечала я супругу, —
Знаю только, что явилась из-за моря к нам в округу.
Пусть она сама расскажет, как помочь ее недугу,
Пусть свое откроет имя и окажет нам услугу».

И почтительно сказали мы, склонившись перед ней:
«Нас лучи твои, светило, обжигают всё сильнее.
Как же нам луну избавить от скопления теней?
Отчего желтей шафрана стал рубин в расцвете дней?»

Услыхала нас девица или вовсе не слыхала,
Но уста свои, как розы, над жемчужинами сжала,
Над челом, подобным саду, змеи кос простерли жала,
Солнце, скрытое драконом, людям больше не блистало.

И ни слова не сказала наша юная жилица,
Только сумрачно смотрела, как угрюмая тигрица.
Но когда ручьи устали из очей прекрасных литься,
«Уходите! — прошептала. — Дайте мне уединиться!»

И заплакали мы с мужем, севши около нее,
И самих себя винили за невежество свое.
Но безмолвствовала дева, погружившись в забытье,
И напрасно мы плодами угощали там ее.

Муж сказал: «Она мне будет утешением на свете!
Только солнце и достойно целовать ланиты эти!
Тот, кто девушку обидит, сам окажется в ответе!
Если дети мне дороже, пусть мои погибнут дети!»

И опять мы любовались на нее среди забот.
Было радостно свиданье, да нерадостен уход.
И не раз потом мы с нею отдыхали от хлопот,
И сердца томились наши в западне ее красот.

41. УСЕН ВЫДАЕТ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН ЦАРЮ МОРЕЙ

Как-то раз в мои покои муж явился со словами:
«Редко стал царя я видеть, вечно занятый делами.
Что ты скажешь, коль сегодня я пойду к нему с дарами?»
— «Отправляйся, — я сказала, — ты глава над всеми нами».

Встав, Усен наполнил блюдо дивным жемчугом и лалом.
Я сказала: «Много пьяных там ты встретишь за бокалом.
Не болтай, смотри, о деве! На пиру не будь бахвалом!»
— «Не скажу, — Усен поклялся,— хоть коли меня кинжалом!»

Муж явился прямо к пиру. Навещая царский дом,
Был царю он друг-приятель и давно ему знаком.
Царь, приняв его подарок, стал поить его вином,
И смотрите, что случилось с опрометчивым купцом!

Гости пили, пировали, как положено от века,
И подвыпившего мужа не спасла моя опека:
Позабыл свою он клятву — что ему Коран и Мекка!
Не идут рога ослице, хмель не красит человека!

Государь сказал Усену, приказав сменить кувшины:
«Порицать твои каменья не имею я причины.
Удивляюсь, где берешь ты эти перлы и рубины!
Я за них тебе не в силах заплатить и половины!»

Отвечал Усен с поклоном: «О великий властелин!
Ты, как солнце, нас питаешь, всех творений господин!
Чье оно, мое богатство? Чей он, этот мой рубин?
Всё, что ныне я имею, даровал мне ты один!

Царь, тебе не подобает восхищаться этим даром,
Не таким еще готов я услужить тебе товаром.
Я нашел тебе невестку — деву, сходную с чинаром.
Получив ее, ты скажешь, что поцарствовал недаром».

Так мой муж нарушил клятву, не сдержал обет священный,
Выдал он царю девицу, запятнал себя изменой.
Государь развеселился, и позвал дозор военный,
И послал его не медля за красавицею пленной.

О беде не помышляя, я сидела здесь одна.
Вдруг явился на пороге государев старшина.
Шестьдесят ему подручных полагалось издавна.
«Что случилось?» — я спросила, видом их удивлена.

«О Фатьма, — сказала стража, — нам приказано владыкой.
Чтобы мы к нему вернулись вместе с девой солнцеликой —
В дар царю ее приносит твой Усен, богач великий».
Небо рухнуло на землю предо мною, горемыкой!

Я спросила с удивленьем: «Кто ж она, девица эта?»
— «Лик ее, — сказала стража, — изливает волны света».
У кого, объята горем, я могла просить совета?
Задрожала я, смешалась, не сумела дать ответа.

Поспешила я к девице, жизнь несчастную кляня.
«О светило, изменила нам судьба средь бела дня,
Отвернулось в лютом гневе небо, полное огня:
Отдал муж тебя владыке, выдал, бедную, меня!»

Отвечала мне девица: «Не дивись, моя сестрица:
Зло не стоит удивленья, горю нечего дивиться,
Удивляться нужно счастью, ибо счастье — небылица.
Все я беды испытала, новых бед не приключится».

Орошенная слезами, но бесстрашная душою,
Эта юная тигрица поднялась передо мною.
Равнодушная отныне перед счастьем и бедою,
Лишь чадру она спросила и закуталась чадрою.

Тут, истерзанная горем, поспешила я в подвал
И взяла пригоршню лалов, удостоенных похвал.
Был ценою в целый город в том подвале каждый лал.
Опясав ими деву, я вернулась с нею в зал.

Я сказала: «Эти камни сберегут тебя в неволе» —
И вручила царской страже деву, скрытую дотоле.
Услыхав трезвон и крики, царь поднялся на престоле
Но была спокойна дева, не сказав ни слова боле.

Вкруг нее народ толпился и дивился ей, покуда
Шла она, потупив очи, посреди простого люда.
И когда перед владыкой появилось это чудо,
Царь воскликнул в изумленье: «Кто ты, солнце, и откуда?»

Очи девушки слепили всех прибывших во дворец.
Царь твердил: «Видавший виды, я пред нею как слепец,
Сотворить ее для мира мог единый лишь творец.
Горе тем, кто очарован этой радостью сердец!»

Усадив девицу рядом, царь сказал ей: «О светило,
Из какой земли явившись, ты наш город посетило?»
Но она в ответ владыке ничего не говорила,
Только голову склоняла безнадежно и уныло.

Не услышала девица обращения царева.
Мыслью странствуя далече, не ответила ни слова,
Затаила блеск жемчужин, розы стиснула сурово...
Красотою эта дева изумить могла любого!

«Как понять ее молчанье? — удивился царь морей. —
Только два предположенья извиненьем служат ей:
Иль она кого-то любит, и сгорает от огней,
И не может нам признаться в страсти девичьей своей;

Или, избранное небом ясновидящее око,
В смене радости и горя здесь она не видит прока.
Ей они напоминают сказку смутную Востока,

И душа ее, как голубь, над людьми парит высоко.

Поскорей бы сын мой милый возвращался с поля брани!
Я хочу, чтоб эта дева приготовилась заране.
Пусть она ему расскажет то, что хочет, при свиданье,
А пока в разлуке с солнцем, как луна, живет в тумане».

Расскажу о царском сыне. Он, царевич здешних мест.
Красотой своей и силой всюду славится окрест.
Предводительствуя войском, он задерживал приезд.
Для него отец готовил здесь невесту из невест.

Тут на девушку надели дорогое покрывало,
Ожерелье из камней, тоже стоящих немало.
Был венец ее искусный дивно выточен из лала,
И сияла наша роза в блеске этого кристалла.

Приказав опочивальню ей устроить в лучшем месте,
Царь из западного злата дивный трон возвел невесте,
И, когда настало время, в знак особой царской чести
Он ее на сон грядущий проводил с другими вместе.

Девять евнухов надежных у дверей поставил он
И за стол опять уселся, соблюдая свой закон.
Был Усен-клятвопреступник от царя вознагражден.
Рокот труб и барабанов долетал со всех сторон.

И тогда с судьбою спорить стала дева молодая:
«Отчего меня ты гонишь, сердце горестью снедая?
Кто теперь владеет мною? Для чего пришла сюда я?
Что должна я ныне делать, чтоб не плакать, увядая?»

Не хочу я, точно роза, расставаться с красотой,
С божьей помощью я ныне вражки помыслы расстрою.
Не дожив еще до смерти, кто кончает сам с собою?
Нужен разум человеку, чтобы справиться с бедою».

И сказала дева стражам: «Преклоните, люди, слух.
Все вы ныне в заблужденье — царь, вельможа и евнух.
Я невестою не буду — знайте каждый, кто не глух.
Зря вы бьете в барабаны и трубите во весь дух.

У меня своя дорога, не гожусь я вам в царицы,
Мне не может быть супругом ваш царевич светлолицый.
Для чего ж просить согласия у неведомой девицы,
Чтоб она осталась с вами государыней столицы?»

Если ж я у вас в неволе заколю себя кинжалом,
Царь и вас пошлет на плаху в огорчении немалом.
Лучше я отдам вам пояс, полный жемчугом и лалом,
Вы ж позвольте мне исчезнуть, скрыв лицо под покрывалом».

Тут сняла она камень и с высокого чела
Свой венец, рубин прозрачный, караульным отдала.

«Отпустите,— прошептала,— и не делайте мне зла,
Вседержителю угодны милосердные дела!»

И рабы воззрились жадно на роскошные камни,
И мгновенно позабыли государевы веленья,
И решили эту деву отпустить без промедленья,—
Вот что делает богатство — корень чертова растенья!

Нет тому на свете счастья, кто живет во имя злата.
Жадный шелкает зубами от восхода до заката:
Всё ему, бедняге, мнится, будто денег маловато,
И душа его во прахе погибает без возврата.

С девой так и поступили. Лишь настало время сна,
Дал ей раб свою одежду, и накрылась ей она,
И была сквозь черный выход дева в сад уведена...
Так от страшного дракона скрылась юная луна.

Только девушка сбежала, вслед за ней исчезли слуги.
Скоро я внизу у двери услышала зов подруги.
Вышла я навстречу деве, обняла ее в испуге,
Но она побыть со мною не хотела на досуге.

«Жемчуг твой, — она сказала, — спас меня от лютых стражей.
Да воздаст тебе спаситель, покровитель дружбы нашей!
Дай теперь мне аргамака, ибо, взбешенный пропажей,
Скоро вышлет вслед за мною свой отряд владыка вражий».

Привела я из конюшни быстроногого коня,
И в седло уселась дева, твердость редкую храня.
Так порой на Льва садится Солнце, полное огня...
Урожай, что я растила, созрел не для меня!

Город скоро оцепили, свет мелькнул, заржали кони,
И ко мне ворвались снова верховые из погони.
«В этом доме, — я сказала, — нет той девушки в короне.
Коль найдете, то хозяйку обвините в беззаконье».

Не нашли беглянку стражи и в смущенье возвратились.
Царь и все его вельможи бесконечно огорчились,
Позабыли про веселье, в черный траур облачились:
«Закатилось наше солнце, очи в сумраке затмились».

Я о той луне прекрасной расскажу еще потом,
А теперь о чачнагире расскажу я молодом:
Я была ему козою, он же был моим козлом.
Блуд жены и мерзость мужа покрывают нас стыдом.

Надоел мне муж-торговец, неказистый, тощий, вздорный,
Чачнагир же был красавец, да к тому же и придворный.
Мы сошлись, хотя я ныне не ношу одежды черной,

Ибо кровь его, злодея, не считаю я зазорной.

Я любовнику, рехнувшись, всё о деве рассказала —
Как она ко мне явилась, как ее я в путь послала.
С той поры, его увидев, я от страха трепетала,
Лишь теперь, когда он умер, я опять свободна стала.

На меня при каждой ссоре он грозился донести...
Раз, когда он был в отъезде, я звала тебя, прости!
Он же в город возвратился и решил ко мне прийти.
Оттого тебя и встретил мой посланец на пути.

Ты назад не возвратился, ты моей не понял вести,
И в моей опочивальне чачнагир нас видел вместе.
Я от страха чуть дышала, я его боялась мести,
Он решил пред государем уличить меня в бесчестье.

Если б ты, мой гость прекрасный, не убил его, злодея,
Он бы всё открыл владыке, сам собою не владея.
Царь бы сжег мой дом богатый, и, по слову лиходея,
Ожидая лютой казни, пожрала б своих детей я.

Да воздаст тебе создатель наилучшей из щедрот!
Мне тот змей зловещим взором сердце больше не гнетет!
Я судьбой моей довольна, миновали дни невзгод!
Не грозит мне больше гибель! Удивительный исход!»

«Книги, — ей ответил витязь, — говорят царям и слугам:
«Из врагов всего опасней враг, прикинувшийся другом».
Мудрый муж ему не верит, воздавая по заслугам.
Твой же враг теперь в пучине, ты отделалась испугом.

Я прошу тебя закончить о девице свой рассказ.
Что потом случилось с нею, ускакавшей в поздний час?»
Тут Фатьма опять поникла, слезы хлынули из глаз:
«Луч зари, упав на землю, вспыхнул ярко и погас!»

42. ПОВЕСТЬ О ПЛЕНЕНИИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН КАДЖАМИ, РАССКАЗАННАЯ ФАТЬМОЙ АВТАНДИЛУ

О судьба, своим коварством ты поспоришь с сатаною!
Кто тебя на свете создал столь опасной и дурною?
Что ты сделала, злодейка, с той прекрасною луною?
Вижу я, что в этом мире всё мгновенно предо мною!

Вновь Фатьма заговорила: «Лишь исчезло солнце света,
Чьим сиянием доселе жизнь моя была согрета, —
Стала огненным горнилом для меня разлука эта,
И рыдала я о деве и стонала до рассвета.

Стал мне дом мой ненавистен, охладела я к родне,

Всё мерещилась беглянка наяву мне и во сне,
И Усен-клятвопреступник, позабывший о жене,
Убоюсь моих проклятий, подходить не смел ко мне.

Как-то раз, когда садилось солнце, в воздухе сверкая,
Шла я около харчевни, от тоски изнемогая.
Вспоминая незнакомку, я твердила, не смолкая:
«Будь ты проклята навеки, клятва лживая мужская!»

Некий раб с тремя другими восседал в харчевне рядом,
Средь товарищей невзрачных выделялся он нарядом.
Закупив на драхму пищи и блестя довольным взглядом,
Путешественники ели, задержав меня не зря там.

Эти люди говорили: «Все мы здесь как на подбор,
Но, за трапезой пируя, незнакомы до сих пор.
Ни один из нас не знает, с кем ведет он разговор.
О себе сказать полезней, чем болтать различный вздор».

Начались повествованья, и, когда кончался ужин,
Раб заметил: «Воле неба жребий путников послушен.
Вы посеяли здесь просо, я ж посею горсть жемчужин.
Пусть мою оценит повесть тот, кто здесь со мною дружен.

Раб великого царя я, повелителя Каджети.
Пораженный злым недугом, умер он в години эти.
Много льется слез сиротских без него на белом свете.
У сестры его, царицы, все его остались дети.

Дулардухт, сестра царева, величава, как скала.
И никто ее дружине причинить не смеет зла.
Двух сирот, Росана с Родьей, под присмотр она взяла
И, воссев на трон Каджети, правит царские дела.

У нее сестра внезапно где-то за морем скончалась.
Услышав про это горе, наша знать перепугалась:
Как сказать о том царице, чтоб она не убивалась?
И велел Рошак дружине, чтоб она вооружалась.

Он сказал нам: «Хоть убейте, не желаю слушать воя.
Лучше мы пойдем в долину для потехи и разбоя.
Возвратимся мы не скоро, но богаче станем вдвое,
К поминанью я успею, хоть не жалею его я».

Приказал нам предводитель: «Люди добрые, вперед!»
Сто рабов себе он выбрал и повел с собой в поход.
Ночью мы дозор держали, днем мы грабили народ
И, напав на караваны, умножали свой доход.

Как-то раз туманной ночью наш отряд в степи скитался.
Вдруг какой-то свет чудесный перед нами показался.
«Неужели луч светила через облако прорвался?» —
Так мы думали, и каждый, рассуждая, удивлялся.

«То луна, — мы говорили, — или свет зари за тучей!»
И к чудесному виденью понеслись тропой дремучей.
И, безлюдную равнину оцепив на всякий случай,
Мы услышали из света голос нежный и певучий:

«Кто вы, всадники ночные? Что хотите здесь найти?
Я, посол из Гуланшаро, еду к каджам. Прочь с пути!»
Мы, услышав этот голос, поспешили подойти,
И возник пред нами всадник, словно солнце во плоти.

Всё лицо его в тумане точно молния сверкало,
Это дивное виденье всю окрестность озаряло.
И хотя ездок учтивым не старался быть нимало,
Он склонял свои ресницы, как агатовые жала.

Тут расспрашивать мы стали и разглядывать светило.
Всадник тот посланцем не был, это людям ясно было.
Вдруг Рошак, признав в нем деву, дернул лошадь за удило,
И дружина незнакомку в плен тотчас же захватила.

Снова мы спросили деву: «Ты откуда, дивный свет?
И зачем ты здесь блуждаешь, наподобие планет?»
Но она, дрожа от гнева, только плакала в ответ.
Плохо, коль луну драконы пожирают в цвете лет!

Не прислушалась девица ни к мольбам, ни к уговорам,
Не сказала, кто велел ей по степным скакать просторам,
Только сумрачно молчала пред разбойничьим дозором,
И людей она, как аспид, обливала гневным взором.

И сказал Рошак нам: «Братья, не простое это дело:
Нелегко ей нам открыться, если б даже захотела.
Но удел царицы нашей лучше всякого удела,
Так как бог свои щедроты посылает ей всецело.

Ниспослав нам эту деву, видно, хочет наш творец,
Чтобы мы ее к царице проводили во дворец.
Мы скрывать ее не в силах от владычицы сердец,
Если деву обнаружат, то и нам придет конец!»

Возражать мы не решились и, в ответ на речи эти,
Вместе с пленною девицей понеслись назад в Каджети.
Больше ей не докучая, мы в ее купались свете,
Но она рыдала горько, словно пойманная в сети.

Обратился я к Рошаку: „Витязь, шелковые ткани
Я купил себе недавно в Гуланшаро на майдане.
Отпусти меня за ними! Приложу я всё старанье,
Чтоб догнать твою дружину и служить тебе, как ране”».

Я возрадовалась духом, услышав того раба.
Знать, до праведного неба донеслась моя мольба!
На следы моей беглянки навела меня судьба,

И зажглась во мне надежда, хоть была еще слаба.

Я рассказчика не медля привела в свое жилище
И сказала: «Повтори мне, что сказал ты им, дружище!»
Повторил он всё до слова, что поведал братье нищей,
И вернул меня он к жизни, не отправил на кладбище.

Двух искусных чернокожих я держу для услуженья,
И любой из них умеет стать невидимым для зренья.
С поручением в Каджети их послала в тот же день я:
«Отыщите эту деву, если хватит вам уменья!»

За три дня слетали к каджам оба эти колдуна.
«Дулардухт, — они сказали, — ехать за море должна.
Взор же девы солнцеликой изливает пламена,
И с царевичем Росаном уж помолвлена она.

«Быть девице за Росаном! — возвестила там царица. —
Но теперь мне не до свадьбы: умерла моя сестрица.
К обручению их, однако, я успею возвратиться».
В башне деве служит евнух, и устроена светлица.

Колдунов и чародеев Дулардухт берет с собою,
Ибо путь ее опасен, а враги готовы к бою.
Крепость каджей остается под охраной боевою,
И теперь уже царица, верно, плачет над сестрою.

Крепость каджей неприступна. Под охраной трех ворот
Там скала стоит крутая, упираясь в небосвод,
И внутри скалы той чудной проведен подземный ход,
Он на самую вершину в башню пленницы ведет.

Там всегда стоит у входа боевое охраненье.
Десять тысяч лучших стражей охраняют укрепление,
Их не менее трех тысяч насчитал я в каждой смене...»
Мир обрек тебя, о сердце, на заботу и томленье!»

Так открылось Автандилу, погруженному в заботы,
Где скрывается светило, унесенное в высоты.
И вознес хвалу он богу за великие щедроты,
И сказал Фатьме: «Смягчила горе сердца моего ты!

Ты, любимая, достойна благосклонности моей,
Ты обрадовала сердце дивной повестью твоей.
Но коль каджи бестелесны, словно духи, — хоть убей,
Не пойму, зачем их племя так похоже на людей?

Я и сам скорблю о деве, но весьма дивлюсь, не зная,
Для чего бесплотным духам эта женщина земная?»
И Фатьма в ответ сказала: «Объяснить тебе должна я,
Что они совсем не духи, это выдумка сплошная.

Каджи — это те же люди, только, тайнами владея,

Каждый кадж напоминает колдуна и чародея.
Ослепить он нас сумеет лучше всякого злодея,
И сражаться с ним, проклятым, — бесполезная затея.

Что они творят над нами, эти изверги земли!
Поднимают ураганы, топят лодки, корабли,
По морям умеют бегать и, кощунствуя вдали,
Ночь в сиянии скрывают, день — в тумане и пыли.

Потому названье каджей и дано им здесь народом,
Что они, людьми рождаясь, помыкают нашим родом»
Молвил витязь: «Положила ты конец моим невздам,
Ибо радостные вести здесь узнал я мимоходом».

Проливая слезы счастья, он воскликнул: «Вседержитель!
Ты мне в скорби утешитель и от горя избавитель!
Ты, которого не узрит и не выразит мыслитель,
Даровал свою мне милость, посетив мою обитель!»

Так хвалил и славил бога юный витязь, но Фатьма,
Истомленная желаньем, ревновала без ума.
Хоть и сдержан был любовник и почтителен весьма,
Пав на грудь, его лобзала эта женщина сама.

В эту ночь она на ложе счастье полное вкусила,
Хоть, по правде, неохотны были ласки Автандила.
Тайным трепетом печали Тинатин его томила,
Обезумевшее сердце словно зверь в лесу бродило.

Слезы тайные точил он, изнывая от позора.
Плыл агатовый кораблик сквозь чернильные озера.
«Соловей, считал я розу утешительницей взора,
Но в разлуке, став вороной, ныне сел на кучу сора».

Сквозь агатовые рощи слезы он точил ручьем,
Растопить могли бы камни на пути они своим.
Но Фатьма торжествовала, с милым будучи вдвоем:
Рядом с розой и ворона хочет щелкать соловьем.

На рассвете солнце мира совершило омовенье.
Поднесла ему хозяйка дорогое подношенье —
Плащ, чалму, наряд богатый, благовонные куренья:
«Выбирай себе что хочешь! Наряжайся без стеснения!»

Автандил же солнцеликий, сердцем преданный надежде,
Снял купеческое платье и оделся так, как прежде.
В этот день он появился в дорогой своей одежде.
Лев подобен стал светилу, не барышнику-невежде.

В этот день Фатьма роскошный приготовила обед.
Видит: гость идет в покои, славным витязем одет.
Удивилась, что торговец нарядился, как спаспет:
«Тем, кто здесь пленен тобою, ты сулишь немало бед!»

Как она ни восхищалась видом гостя молодого,
Солнцеликий этот витязь не ответил ей ни слова,
Лишь смеялся он, заметив, сколь хозяйка бестолкова...
Чтоб спасти от смерти друга, он не знал пути иного!

После трапезы расстались, и, испив из чаши винной,
Он заснул в своем покое, полон радости невинной.
Вечеру проснулось солнце, свет рассыпав над долиной,
И Фатьме сказать велело: «Приходи в мой сад пустынный!»

И Фатьма к нему явилась и пред ним склонилась ниц:
«Ты мое похитил сердце, мой убийца из убийц!»
Но велел ей сесть поближе этот витязь, светлолиц,
И на садик роз упала тень от хижины ресниц.

«О Фатьма, — сказал ей витязь, — то, что я тебе открою,
Может быть, тебя ужалит подколенную змеею,
Ибо ты еще не знаешь, кто беседует с тобою...
Лес агатовых деревьев, лес ресниц владеет мною!

Не торговец я заезжий, не начальник каравана,
Я — великий полководец государя Ростевана.
Рать моя неисчислима и его достойна сана.
Кроме рати мне подвластны арсенал и зарадхана.

Ныне я с тобой, как с другом, без утайки говорю.
Дочь царя похожа ликом на небесную зарю.
Лишь о ней вспоминая, я пылаю и горю,
По ее скитаясь воле, не служу теперь царю.

По желанию царицы в дальний путь я ныне еду
За девицей, о которой ты вела со мной беседу.
Бледный лев, ее любимый, по ее скитаясь следу,
Уж отчаялся, и гибнет, и не верует в победу.

О Фатьма, не понапрасну повествую эту быль я,
Как одетый в шкуру тигра терпит горя изобилье!
Ты должна помочь герою, чтобы он, собрав усилья,
Поднял вновь свои ресницы, словно вороновы крылья!

Помоги, Фатьма, миджнуру, ибо ты ему бальзам!
Может быть, светила эти сочетать удастся нам!
Благодарные потомки воздадут нам по делам,
А влюбленные разделят радость жизни пополам.

Приведи раба скорее, я пошлю его в Каджети,
Пусть колдун плененной деве про дела расскажет эти.
Дева нам помочь сумеет — мы нуждаемся в совете,
Мы хотим, чтоб этих каджей больше не было на свете».

«Славен бог! — Фатьма сказала. — Этой вестью животворной
Исцелил меня ты ныне от печали непритворной!»
За рабом она послала. Тот пришел, как ворон, черный.

И послал его не медля Автандил к твердыне горной.

Он сказал: «Коль ты и вправду чародей, а не хвастун.
Потуши мое горнило ради двух прекрасных лун!
„Наступил,— скажи ты деве, — избавления канун!“»
— «Всё, что надобно, исполню!» — отвечал ему колдун.

43. ПОСЛАНИЕ ФАТЬМЫ К НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Вот письмо жены Усена: «Солнце мира! Свет вселенной!
Весь народ скорбит и плачет о тебе, царевне пленной!
Ты нас голосом чаруешь и красою несравненной,
Сочетавшийся с кристаллом дивный камень драгоценный!

Ты сказать мне не хотела о судьбе твоей постылой,
Но узнала я всю правду, и опять полна я силой.
Дай же весточку миджнуру, чтоб воспрянул он, унылый.
Будет он твоею розой, ты ж ему — фиалкой милой.

Прибыл брат его названный из Аравии ко мне.
Автандил, могучий витязь, он велик в своей стране.
Полководец Ростевана, он прославлен на войне.
Получить хотим мы вести о тебе, моей луне.

Ты с гонцом моим искусным сообщи нам, бога ради,
Возвратилась ли царица, сколько душ в ее отряде,
Велико ли ополчение у ворот и на огаде,
Кто начальствует над стражей при тебе, моей отраде.

Всё, что знаешь ты, светило, напиши нам без пристрастья
И пошли и письме миджнуру знак любви и участия.
Пусть послужат испытанья для тебя залогом счастья!
Если мне творец поможет, не позволю вам пропасть я!

Быстрокрылое посланье, отправляйся в свой полет!
Мне судьба твоя завидна: лал-кристалл тебя возьмет,
Разовьет, и прочитает, и слезами обольет...
Пожалей о тех, светило, кто безрадостно живет!»

И Фатьма раба не медля в край послала отдаленный:
«Передай посланье это нашей девушке плененной!»
И колдун тотчас покрылся некой мантией зеленой
И над крышами помчался, словно призрак окрыленный.

Словно пущенный из лука, улетел он вдаль стрелою
И достиг ворот Каджети, лишь поля покрылись мглою.
И прошел он сквозь ворота, не замеченный толпою,
И принес посланье деве, сочиненное Фатьмою.

Сквозь закрытые ворота в башню девы он проник
И вошел, завернут в бурку, волосат и чернолик.
И царевне показалось: не с добром пришел старик.
И шафраном стала роза, и осыпался цветник.

Но сказал пришлец царевне: «О небесное создание!
Раб Фатьмы, к тебе я послан госпожою на свиданье.
Правду слов моих смиренных подтвердит ее посланье.
Скоро вновь осветит розу долгожданное сиянье!»

Удивленная царевна глаз миндалины открыла,
И агаты задрожали над зеницами светила.
Отдал раб посланье деве, и она его схватила,
И, вздыхая, прочитала, и слезами окропила.

«Что за гость, — она спросила, — мой разыскивает след?
И кого еще тревожит, есть я в мире или нет?»
— «Я открою то, что знаю, — чародей сказал в ответ. —
С той поры, как ты исчезла, потускнел над нами свет.

С той поры, как ты исчезла, мы с Фатьмой копьём пробиты,
Госпожа моя не видит, где искать себе защиты.
Посчастливилось узнать мне, как живешь от нас вдали ты,
И, увы, не просыхают с той поры ее ланиты.

Ныне прибыл некий витязь, и Фатьма, его устроая,
Рассказала, как ты, дева, стала жертвою разбоя.
Этот витязь — твой искатель, человек с рукой героя.
Посетить твою темницу постарался для него я».

«Ты, пришлец, — сказала дева, — мне не кажешься лгуном.
Но откуда вы узнали о несчастьи моем?
Верно, жив еще доселе тот, кто жжет меня огнем!
Напишу Фатьме посланье я, скорбящая о нем».

44. ПОСЛАНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К ФАТЬМЕ

«Ты, Фатьма-хатун, дана мне вместо матери судьбою!
Посмотри, что хочет сделать этот мир с своей рабою!
В довершенье к прежним бедам он подверг меня разбою.
Лишь теперь, письмо читая, я утешена тобою!

Ты спасла меня когда-то от врагов моих. Однако
В руки каджей я попала, погоняя аргамака.
На меня одну отныне ополчилось царство мрака.
Где искать мне утешенья, предназначенной для брака?

О других моих несчастьях что могу я написать?
Дулардухт еще в отъезде, с ней кудесники и знать.
Стережет меня в неволе многочисленная рать.
Как спасти меня отсюда — бесполезно и гадать!

Зря томится мой искатель, по лицу земли гонимый,
Зря он ездит вслед за мною, лютым пламенем палимый!
Но завидую ему я: с ним встречался мой любимый,
Без кого отныне стала жизнь моя невыносимой!

До сих пор с тобой об этом говорить я не хотела —
И сказать я не умела и сама себя жалела.
Но теперь я умоляю: извести ты Тариэла,
Чтобы он сюда не ездил из далекого предела.

Не хочу я новой муки, мне довольно униженья!
Я умру двойною смертью, коль умрет он в день сраженья.
Нет мне более спасенья, это помню каждый день я.
Если милый не поверит, да побьют меня каменья!

Пишешь ты, что знак любви я послать ему должна.
Шлю ему кусок вуали, тяжкой горести полна.
Та вуаль отбита милым у хатавов, и она,
Всюду странствуя со мною. как судьба моя, черна!»

45. ПОСЛАНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

Лишь теперь она к миджнуру начала писать посланье,
И слова ее доселе причиняют нам страданье...
Слезы пленницы тушили лютой горести пыланье,
Сквозь разорванную розу жемчуг лил свое сиянье.

«О мой милый! Эти строки я рукой моей чертила.
Стан мой сделался тростинкой, превратилась скорбь в чернила.
Два несчастных наших сердца я в одно соединила
И на нем, как на бумаге, эти буквы выводила.

Посмотри на мир, мой витязь, что он делает со мной!
Мудрецы земли недаром нарекли его тюрьмой.
Сколько б солнце ни сияло, жизнь моя покрыта мглой.
Как я только не погибла, разлученная с тобой!

Мир и время нас с тобою оторвали друг от друга.
Уж давно тебя, мой милый, я не вижу в час досуга.
Острием копья пробито, сердце страждет от недуга,
Постарайся же постигнуть, как скорбит твоя подруга.

Жив ли ты, о мой любимый, я не ведала доселе,
У меня же, мне казалось, не осталось жизни в теле.
Но прославила я бога, услышав о Тариэле,
И одним мерилom стала мерить горе и веселье.

Возвратил ты мне надежду тем, что сам не изнемог,
Хоть израненное сердце сожжено огнем тревог...
Вспоминай меня в разлуке, нелюдим и одинок.
Знай, любовь к тебе, мой витязь, я лелею, как цветок.

Как сумею рассказать я о былой моей печали?
Удивится каждый смертный, но поверит мне едва ли.
Хоть Фатьма от двух злодеев и спасла меня вначале,

Но теперь для сердца снова дни тяжелые настали.

Мир страданиями моими не насытился доныне.
Снова он великой мукой досадил своей рабыне:
В руки каджей я попала, проезжая по пустыне,—
Нам судьба не пожалела даже этой благостыни!

В башне я сижу высокой вдалеке от всех людей,
И ведет лишь ход подземный к келье каменной моей.
Днем и ночью злые стражи у моих стоят дверей.
Тот, кто с каджами сразится, погибает от огней.

Каджи — люди не простые, умереть от них — не диво.
Если ты погибнешь в битве, прискакав нетерпеливо,
Я сгорю, подобно труту, что сгорает от огнива!
Будь же, витязь, крепок сердцем и живи один счастливо.

О, не думай, мой любимый, что достанусь я другому!
Если нет тебя со мною, я чужда всему земному.
Лучше нож вонзить мне в сердце, погруженное в истому,
Или броситься в ущелье, чем достаться каджу злому.

Я клянусь великим солнцем, что верна тебе луна,
Даже трем светилам неба не достанется она!
Если в пропасть гор высоких я низринусь из окна,
Помолись, чтоб крылья неба душу подняли со дна!

Помолись, мой милый, богу, чтоб послал он мне спасенье!
Со стихиями земными тяжко мне соединенье.
Воспарив на легких крыльях, я постигну обновленье,
Днем и ночью буду видеть солнца дивное горенье.

Без тебя не светит солнце, ибо ты — его частица!
Зодиак его любимый, ты обязан с солнцем слиться!
Я в лучах тебя увижу — сердце светом озарится!
Горько было жить на свете — сладко с жизнью распроститься

Душу я тебе вручила, умереть не страшно мне.
Жар любви твоей сокрыла я в сердечной глубине.
Лишь припомнив о разлуке, снова я горю в огне.
Обо мне не плачь, любимый, в чужедальной стороне!

Лучше в Индию, мой витязь, отправляйся ты с полками.
Там беспомощный отец мой окружен теперь врагами.
Ты утешь его, больного,— он скорбит в разлуке с нами.
Вспоминай меня, царевну, орошенную слезами.

Долго я себя жалела, но теперь излишни пени.
Знай: идет от сердца к сердцу правда искренних стремлений
Скоро будет каркать ворон близ моей могильной сени.
Жизнь моя, увы, достойна слез твоих и сожалений!

Так как ты, о мой любимый, для меня теперь воскрес,

Шлю тебе кусок вуали — это чудо из чудес.
Горе мне! Надежды призрак навсегда от нас исчез,
Повернулось к нам с угрозой колесо семи небес!»

И окончила посланье дева, полная печали,
И отрезала на память лоскуток своей вуали.
Не покрытые чалмою косы деву украшали,
Благовонием алоэ крылья ворона дышали.

Чародей из Гуланшаро полетел назад стрелою
И, исполнив порученье, дома встречен был Фатьмою.
Автандил, его увидев, был обрадован судьбою,
И воздел он руки к небу с благодарственной мольбою.

Он сказал Фатьме: «Посланец просьбу выполнил мою.
Что тебе я дам в награду за отзывчивость твою?
Ныне я, Фатьма, обязан в чужедальнем быть краю,
Привести того, кто каджей разобьет в честном бою».

«Лев, — Фатьма ему сказала, — с каждым днем горю я боле.
Сердце с солнцем растается, как ему не ведать боли?
Но спеши скорей к мидждуру. о моей не сетуй доле:
Если каджи возвратятся, не бывать луне на воле».

Подозвав рабов Фридона, витязь им сказал: «Отныне
Возродился я для жизни, пребывающий в кручине.
Я узнал всё то, что нужно, и теперь моей дружине
Покажу, как истребляют супостатов в их твердыне.

Передайте вы Фридону эту радостную весть,
Я же к другу спешаю, как велят мне долг и честь.
Пусть Фридон дружину кличет, призывая всех. кто ест
Вы ж возьмите столько злата, сколько каждый может снести».

Эти деньги за отвагу — недостаточная плата,
Но, коль я вернусь к Фридону, награжу я вас богато.
Забирайте то, что в море я отбил от супостата!
Не скупец я, но сегодня не имею больше злата».

В земли чуждые заброшен и от дома отдален,
Тем рабам корабль богатый подарил за службу он.
«Возвращайтесь, — приказал он. — ожидает вас Фридон.
Вы письмо ему отдайте и свезите мой поклон».

46. ПОСЛАНИЕ АВТАНДИЛА К ФРИДОНУ

Он писал: «Фридон счастливый, царь царей, владыка края,
Юный лев, подобный солнцу, к нам ниспосланный из рая!
Государь, от чьей десницы кровь врагов струится злая?
Младший брат твой, издалече я пишу, к тебе взывая.

За невзгоды и лишения ныне, к радости великой,
Бог воздал мне полной мерой, а не малою толикой:

Достоверные я вести получил о солнцеликой —
Той царевне, о которой страждет лев в пустыне дикой.

У правительницы каджей солнцеликая в плену.
Без особых затруднений мы проникнем в ту страну.
Там с нарциссов дождь хрустальный льет, и юную луну
Многочисленные стражи стерегут в ночи одну.

Я возрадовался сердцем и забыл о горьком плаче,
Ибо ты и брат твой старший разрешите все задачи.
Что бы вы ни затевали, вам сопутствуют удачи.
Даже горы перед вами отступают, не иначе.

Я к тебе не заезжаю, и за это не взыщи ты,
Я спешу затем, что дева остается без защиты.
Мы приедем с Тариэлом лобызать твои ланиты,
И коль ты поможешь брату, будут недруги разбиты!

Я не мог в достойной мере отплатить твоим рабам,
Ведь они со мной делили скорбь и радость пополам.
Но возвращенные тобою равнодушны к похвалам.
«Сходный сходное рождает», — мудрецы вещают нам».

Витязь свиток запечатал и вручил охране ратной,
И прислужников Фридона в путь отправил он обратный.
Приоткрыв уста-кораллы, где светился жемчуг скатный,
Рассказать велел он брату о судьбе своей превратной.

Отыскав себе галеру и велев поднять ветрило,
Снова двинулось в дорогу луноликое светило.
Но Фатьме-хатун расстаться нелегко с героем было.
Вместе с ней Усен и слуги провожали Автандила.

Плача горькими слезами, говорил народ ему:
«Ты сожгло нас, о светило, непостижное уму!
Отчего же, уезжая, ты на нас наводишь тьму,
Зарываешь нас в могилу по желанью своему?»

47. ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА ИЗ ГУЛАНШАРО И ВСТРЕЧА ЕГО С ТАРИЭЛОМ

Переехав через море на попутной той галере,
Автандил с веселым сердцем поскакал верхом к пещере.
Торопясь на помощь к другу, был он счастлив в полной мере
И, вздымая к небу руки, по своей молился вере.

Наступало время лета, трав весенних прозябанья.
В доме Рака восседало Солнце, полное сиянья.
Уж цвели повсюду розы, приближая миг свиданья,
И вздыхал над ними витязь, погружен в воспоминанья.

Небо вешнее гремело, ночью падала роса.
Розой уст лобзал он розу, проезжая сквозь леса.
Он шептал ей: «Вместо девы лишь тебя, моя краса,

В собеседницы сегодня мне послали небеса!»

Витязь, друга вспоминая, много видел бедствий новых.
По дороге к Тариэлу он блуждал в местах суровых,
И в пустынях он скитался и в неведомых дубровах,
Убивал он львов и тигров в диких чащах тростниковых.

Увидав вдали пещеру, он сказал: «Мой друг любимый
Здесь живет вдали от мира, лютым пламенем палимый.
Мой рассказ его излечит от болезни нестерпимой.
Если ж нет его на месте, что я сделаю, гонимый?»

Здесь, в пещере, без сомненья, он бывает только миг,
Он в степи обычно рыщет, словно зверь, угрюм и дик.
Лучше мне объехать поле, где колышется тростник!»
И коня направил витязь к тем трущобам напрямик.

Он скакал туда, и сердце ликовало в нем и пело,
Громко кликал он собрата, чтоб свое поведать дело.
Наконец, подъехав ближе, он увидел Тариэла.
Тот стоял у края чащи, и лицо его горело.

Перед ним, сраженный насмерть, лев виднелся бездыханный,
Обагряла меч героя кровь, исторгнутая раной.
Услышав в степи далекой окрик витязя неожиданный,
Тариэл забыл мгновенно о своей потехе бранной.

Поспешил он встретить гостя и, исполнив свой обет,
Слез с коня пред ним соперник звезд небесных и планет.
И опять скрестили выи тот страдалец и спаспет.
И, открывшись, роза розе слала сладостный привет.

Благозвучны и красивы были сетованья брата:
«Без тебя в багрец окрасил я ресницы из агата,
Без тебя поил слезами я алоэ в час заката,
Но с тобой я забываю, что душа тоской объята!»

И в ответ на эти речи из отверстого коралла
Автандилова улыбка словно молния сверкала:
«Не с худой я прибыл вестью! Я хочу, чтоб засияла
И воскресла наша роза —та, что раньше увядала!»

«Брат, — миджнур ему промолвил, — мне достаточно того,
Что, приехав, облегчил ты тяжесть горя моего.
Пусть, скитаясь на чужбине, не узнал ты ничего, —
Если нет от бога счастья, не найти и нам его!»

Недоверчивости друга Автандил не стал дивиться,
Но с известием о деде он решил поторопиться.
Вынул он вуаль царевны, дал ей медленно развиться,
И страдалец к той вуали не замедлил устремиться.

Он схватил ее, расправил, и увидел в ней посланье,
И, прижав его к ланитам, пал на землю без сознания.
По сравнению с этим горем недостойны описанья
Саламановы печали и Каисовы страданья.

В этот миг, когда, как мертвый, распростерся Тариэл,

Автандил к нему на помощь словно птица полетел.
Но не мог он, как ни бился, облегчить его удел:
Дар царевны солнцеликой жизнью друга овладел.

И заплакал сладким плачем Автандил испепеленный.
Был истерзан черный ворон, над кристаллом вознесенный.
Булавою из алмаза ранил витязь лал граненый
И коралловою кровью лик окрасил истомленный.

Он терзал свои ланиты, умирая от испуга:
«Что наделал я, безумец! Я убил сегодня друга!
Разве можно столь поспешно заливать огонь недуга?
Неожиданная радость — человеку не услуга.

Погубила побратима слишком радостная весть!
Поспешил я, неразумный, не обдумал всё как есть...
Из беды глупец не может выход правильный обрести.
В жизни надобно терпенье, а не спешку предпочесть».

Тариэл лежал безмолвно, как застигнутый кончиной,
И воды не видно было в этой местности пустынной.
Автандил, блуждая взглядом, снова труп заметил львиный,
И на грудь больного друга брызнул кровью он звериной.

И ко льву вернулась сила, кровью львиною согрета.
Задрожали над очами стрелы траурного цвета.
Тариэл открыл зеницы и увидел вновь спасета.
Луч луны казался синим в блеске солнечного света.

Розам смерть несут зимою и морозы и ветра.
Летом, в засуху, на солнце убивает их жара.
И хотя весной над ними соловьи поют с утра,
Ни зимой нельзя, ни летом от судьбы им ждать добра.

Человек, подобно розе, обделен своей судьбою.
Ведь ни в радости, ни в горе не в ладу он сам с собою.
Весь израненный, разбитый, вечно занят он борьбою...
Недруг тот себе, кто миру доверяет всей душою!

Тариэл читал посланье той, что жизнь его разбила.
Речь ее томила сердце и с ума его сводила.
Перед витязем сквозь слезы мерк туманный луч светила.
И великая досада охватила Автандила.

Он сказал: «Коль ты разумен, отчего не рад письму?
Не к лицу счастливцу слезы! Счастье выпало ему!
Встань, пойдем, поищем солнце, заключенное в тюрьму,
Я сведу тебя к светилу дорогому твоему.

Ныне мы должны покончить с безутешными слезами
И к твердыне злобных каджей проложить дорогу сами.
Пусть одни мечи стальные служат нам проводниками.
Мы сюда еще вернемся, если справимся с врагами».

И тогда миджнур, воспрянув, понял, что вокруг творится,
И в очах его блеснула черно-белая зарница.
Как рубин на ярком солнце, снова начал он светиться.
Милосердна к человеку всемогущая десница!

Прочитав посланье девы, он прославил пришлеца:
«Чем воздам тебе, достойный восхвалений мудреца!
Ты поишь цветок долины, утешаешь ты сердца,
Осушаешь ты нарциссы истомленного лица!

Отплатить тебе достойно не сумею никогда я.
Пусть хранит тебя создатель, за любовь вознаграждая!»
Братья двинулись к пещере, и рабыня молодая
Наконец вкусила счастья, по утехам голодая.

Дева, сидя близ пещеры, не совсем была одета.
Вдруг бедняжка увидала амирбара и спаспета.
Оба пели соловьями, что поют в начале лета.
И рабыню испугала радость пламенная эта.

До сих пор миджнур являлся, проливая реки слез. —
Ныне пел он, и смеялся, и не рвал своих волос.
И Асмат была не в силах ни один задать вопрос
И, как пьяная, гадала, что с собою он принес.

И улыбка побратимов перед нею засветилась.
«О Асмат! — вскричали братья. — Снизошла к нам божья милость
Обрели мы в этом мире то, к чему душа стремилась!
Наш огонь теперь погаснет: горе в радость превратилось!»

Автандил сошел на землю и, счастливый, обнял деву,
И она его лобзала, прислонясь к алоэ-древу,
И твердила, удивляясь непривычному напеву:
«Отчего поешь ты, витязь, не внимая божью гневу?»

И письмо луны плененной, побледневшей от утрат,
Показал с улыбкой витязь недогадливой Асмат:
«Вот что пишет Тариэлу претерпевшая стократ!
Скоро дивное светило возвратится к нам назад».

Увидав знакомый почерк госпожи своей гонимой,
Громко вскрикнула рабыня и, подобно одержимой,
Затряслась, как в лихорадке, и сказала: «Брат любимый,
Неужели это правда — твой рассказ непостижимый?»

Автандил сказал: «Не бойся, справедливо это дело!
Снова к нам явилось счастье, а несчастье отлетело,
Встало солнце над землею, бездна мрака просветлела,
Зло убито доброю, доброте же нет предела!»

И Асмат и царь индийцев, слыша эти чудеса,
Обнимались и сливали воедино голоса.
С перьев ворона на розы снова капала роса...
Тех, кто помощи достоин, не покинут небеса!

Простирая к небу руки, все твердили в умиленье:
«Не беду нам бог готовил, но от скорби исцеленье!»
И вошли друзья в пещеру, забывая утомленье,
И рабыня им, голодным, предложила угощенье.

И промолвил витязь гостю: «Поделюсь с тобою тайной,
Ибо друг тебе я верный и рассказчик не случайный.
С той поры, как завладел я этой дикою окраиной,

Перешел ко мне от дэвов некий клад необычайный.

Я его еще не видел, разгромив своих врагов,
Но теперь с тобою вместе осмотреть его готов».
И друзья, позвав рабыню и не тратя лишних слов,
Сорок входов отворили в сорок дальних тайников.

Помещения эти были переполнены казною.
Самоцветы там лежали, кучей свалены сплошною.
Много было там жемчужин с крупный мяч величиною.
Кто несчитанное золото оценить бы мог ценою!

Но в палате для оружия было редкостей поболее,
И, вступив в нее, два брата удивились поневоле:
Там покоились доспехи, словно овощи в засоле,
И стоял ковчег чудесный, запечатанный дотоле.

И была на крышке надпись: «Здесь, врагу наперекор,
Острый меч лежит басрийский и военный весь убор.
Дэвы витязей каджетских отобьют от этих гор,
Но убьет царя, кто крышку приподнимет до тех пор».

Таризэл приподнял крышку. В ложах, сделанных из лала,
Там бесценное оружие словно молния сверкало:
Три меча и три кольчуги, три шелома, три забрала —
То, в чем быть на поле битвы трем героям надлежало.

И когда они оделись, сразу выяснила проба,
Что невиданным оружием одарила их трущоба:
Словно тонкую бумагу, сталь они рубили оба.
А ведь меч дороже жизни ценят витязи до гроба!

«Славный знак! — сказали братья.—Видно, бог, увидев нас,
Ниспослал нам эту милость и помог на этот раз».
И чудесные доспехи братья вынесли тотчас,
И оружие Фридону захватили про запас.

Отобрав пригоршню перлов, чтоб на всю хватило братью,
Побратимы сорок входов опечатали печатью.
Гость сказал: «С моей ладонью меч мой сросся рукоятью.
Завтра выедем в дорогу, чтоб сразиться с вражьей ратью».

Нарисуй мне здесь, художник, этих преданных друзей,
Этих витязей отважных посреди дружины всей!
Покорили их светила дивным пламенем лучей!
Скоро их узнают каджи по ударам их мечей!

48. ОТЪЕЗД ВИТЯЗЕЙ К ФРИДОНУ

Утром братья в край Фридона степью двинулись глухою,
И везли они рабыню, посадив ее с собою.
Там купец коня им продал, соблазнен большой ценою.
Автандил без провожатых вел дорогой их степною.

Скоро путники столкнулись с пастухами Нурадина.
Табуном царя Фридона занята была долина.

Тариэл сказал спаспету: «Шутка добрая невинна,
Не напасть ли нам на стадо, чтоб потешить властелина?»

Нурадин о том узнает и пошлет за нами рать,
Чтоб отбить коней обратно и виновных покарать,
Но, увидев нас с тобою, станет весел он опять,—
И гордец, с которым шутят, добродушным может стать!»

И помчались побратимы по зеленым этим нивам.
Пастухи схватили факел, искру высекли огнивом.
«Кто идет? — они вскричали. — Стыд воякам нечестивым!
Нурадин — наш повелитель! Быть теперь без головы вам!»

Услыхав пастушьи вопли, братья выхватили луки.
Громче прежнего вскричали пастухи, ломая руки:
«Помогите! Помогите! Гибнем мы, царевы слуги!»
И народ на эти крики собрался со всей округи.

Нурадин, вооружившись, в поле выехал верхом,
И войска, перекликаясь, оцепили степь кругом,
И увидел царь два солнца, но забрало и шелом
Укрывали незнакомцев, учиняющих погром.

Тариэл узнал Фридона: «Вот он—тот, который нужен!»
Снял он шлем и засмеялся, открывая ряд жемчужин.
«Для чего ты, царь, примчался, караульными разбужен?
Чем соперничать с друзьями, пригласил бы нас на ужин?»

Слез Фридон с коня и низко поклонился им обоим,
И они, раскрыв объятия, поздоровались с героем.
И прославил витязь бога, ниспославшего добро им,
И лобзали их вельможи, окружив веселым роем.

«Отчего вы задержались? — обратился витязь к ним. —
Уж давно я ожидаю, одиночеством томим!»
И поехали два солнца вместе с месяцем своим
В славный город Нурадина. провожаемые им.

Дом его в Мульгазанзаре отличался дивным видом.
Сел хозяин с Автандилом, побратимом именитым.
Царский трон для Тариэла был украшен аксамитом.
И оружие Фридону побратимы поднесли там.

«Здесь, — они ему сказали. — кроме этого булата,
Ничего мы не имеем, хоть у нас довольно золота».
Отвечал с поклоном витязь: «Если б каждого собрата
Одарить я мог дарами столь же пышно и богато!»

После пира и купанья, как предписывал закон,
Утомленные скитальцы погрузились в крепкий сон.
Утром каждый был наряжен в пурпур, золото и виссон.
И большую чашу перлов подарил им царь Фридон.

«Речь моя, — сказал он братьям, — речь хозяина плохого,
Словно вас, как сумасбродов, я лишить желаю крова.
Но пора уж нам в дорогу, если всё у нас готово.
Каджи, в крепость возвратившись, повстречают нас сурово.

Многочисленного войска брать с собою нам не надо.
Триста всадников довольно для отборного отряда.
Мы клинки свои заправим и, лишь кончится осада,
Отобьем у супостатов ту, чей стан — души отрада.

Был я в крепости Каджети. Непрístupная, она
Цепью скал непроходимых от врагов ограждена.
Если скрытно не пробраться, там немислима война.
Оттого и рать большая нам сегодня не нужна».

Побратимы с Нурадином заключили соглашение
И, оставив там рабыню, собрались без промедленья.
Триста всадников отважных повели они в сраженье.
Будет праздновать победу претерпевший огорченье!

Братья, море переехав, продвигались по пустыне.
День и ночь они спешили, не давая спать дружине.
Но сказал Фридон однажды: «Приближаемся к твердыне.
Можно будет только ночью путешествовать отныне».

С той поры они внимали лишь Фридоновым советам —
Ночью быстро продвигались и кончали путь с рассветом.
И возник пред ними город, непрístupный по приметам,
Где конца не видно было стражам, в панцири одетым.

Десять тысяч храбрых стражей там стояло у ворот.
Восходил над башней месяц, освещая небосвод.
«Здесь, в горах, — решили братья, — битву выиграет тот,
Кто, имея сто героев, опрокинет десять сот».

49. СОВЕТ ВИТЯЗЕЙ У КРЕПОСТИ КАДЖЕТИ

Нурадин сказал героям: «Велика моя забота:
Никому такую крепость невозможно взять с налета.
Нас же так ничтожно мало, что и хвастать нет расчета.
Тут хоть сотню лет сражайся, не откроются ворота.

В детстве, силу развивая, был я славным акробатом,
Перепрыгивал канавы, ловко бегал по канатам,
Обучался я уловкам и скачкам замысловатым.
Подражали мне, бывало, все, кто видели меня там.

На уступ соседней башни кто забросит мой аркан?
Перебравшись по аркану, спрыгну я во вражий стан.
Я пройду, как по тропинке, и ворвусь как ураган,
Чтоб увидели в твердыне умирающих от ран.

Щит и меч таща с собою, я пройду вооруженным,
Я как вихрь, ворвусь внезапно к этим стражам пораженным,
Я открою вам ворота, лишь разделаюсь с заслоном,
Вы ж, заслышав шум и крики, поспешите за Фридоном».

Автандил сказал Фридону: «Ты в сраженье не впервые,
Знаем мы твой норов львиный, помним раны боевые.
От твоих советов мудрых у врагов ярмо на вые.

Но взгляни, как близко к башне ходят эти часовые!
Если в воздухе внезапно заскрежешет твой доспех,
Вскочит стража и веревку перережет раньше всех.
Понапрасну ты погибнешь, коль случится этот грех!
Хоть совет твой и отважен, но сомнителен успех.

Будет правильнее, братья, оставаться вам в засаде!
Здесь купцов не обижают, здесь торговцы не в накладе,
Потому пойду я в крепость как купец, в простом наряде,
А оружие на мула приспособлю в виде клади.

Если мы втроем подступим, не укрыться нам от каджей,
Я ж, купец, пройду спокойно, занят куплей и продажей.
Там надену я доспехи и рассею этих стражей.
Дай-то бог в потоке крови затопить мне город вражий!

Те, кто в крепости засели, не доставят мне хлопот.
Вам останется ударить, осадив наружный вход.
Чтобы вы попали в крепость, я собью замки с ворот.
Кто придумал лучший способ, пусть его откроет тот».

Таризэл сказал им: «Братья! Два достойные героя!
Дали вы мне два совета, планы доблестные строя.
Вы не зря махать мечами собрались в разгаре боя.
Бить злодеев вместе с вами ныне жажду оттого я.

Но и мне вы дайте дело. Ведь, заслышав шум, девица
Поглядит с вершины башни, словно солнце светлолица.
Как посмею, не сражаясь, я потом за ней явиться?
Опозорюсь я навеки, коль с врагом не буду биться!

Мой совет удачней ваших и достоин храбрецов:
Мы разделим на три сотни наших верных удалцов.
Лишь заря займется в небе, к трем воротам с трех концов
Подлетим мы и с собою приведем своих бойцов.

Стражи выйдут к нам навстречу, но сражаться нам не внове.
От ворот мы их отрежем, так как будем наготове.
Кто ворвется в крепость первый, пусть прольет потоки крови.
Быть решительным в сраженье — это первое условие».

Нурадин сказал со смехом: «Понял я, что это значит!
Он моим конем владеет и быстрее всех доскачет!
Знал бы я, что он в Каджети нас, несчастных, одурачит,
Поскупился б на подарок, посмотрел бы, как он плачет!»

Нурадин шутил с друзьями, и за этим разговором
Веселились побратимы и смеялись дружным хором.
Так они договорились и, сверкающие взором,
Перед битвой грудь покрыли металлическим убором.

Знали трое полководцев по примеру прежних дней:
Предложенье Таризэла и удачней и верней.
Поделив свою дружину, чтоб сражаться вместе с ней,
Взяли витязи по шлему и воссели на коней.

50. ВЗЯТИЕ КАДЖЕТИ

И ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Видел этих я героев, лучезарных, как светило.
От семи планет небесных к ним сиянье нисходило.
Вороной под Тариэлом в нетерпенье грыз удило.
Как сердца они сжигали, так оружие их грозило.

Этих витязей отважных с горным я сравню потоком:
После яростного ливня мчит в ущелье он глубоко,
И ревет он, и грохочет, и, уже незримый оком,
Успокоенный, смолкает только на море широком.

Хоть соперников не знали ни Фридон, ни Автандил,
Состязаться с Тариэлом не хватало братьям сил,
Ибо солнце затмевает даже яркий свет светил...
Вот рассказ о том, как витязь вражье племя истребил.

Поле битвы побратимы поделили меж собою.
Каждый воин в их отряде уподобился герою.
Ночью, выставив дозорных, предались они покою,
Но с рассветом появились, щит имея под рукою.

Словно путники простые, братья ехали вначале.
Караульные в воротах без опаски их встречали:
Ничего не замечали, лишь стояли да скучали,
Вдруг надели братья шлемы и вперед как вихрь помчали.

В скакуна вонзая шпоры, под веселый свист кнута
Каждый бросился к воротам под прикрытием щита.
Стража пала бездыханной, не успев закрыть врата.
Бил набат, ревели трубы, начиналась суета.

И решил творец покончить с этой крепостью бесчестной:
Отвратил свой лик от солнца Кронос, злобствуя над бездной,
Опрокинул он на землю колесо и свод небесный,
И повергнутые трупы полегли в долине тесной.

Мощный голос Тариэла заставлял терять сознание.
Витязь рвал мечом кольчуги, рушил латы, одеянья.
С трех сторон ворвавшись в город, где творились злодеянья,
Братья яростно рубились, очищая эти зданья.

С полководцем Автандилом скоро встретился Фридон.
Враг был смят и уничтожен, кровь текла со всех сторон.
Но, оглядываясь, думал каждый витязь, поражен:
«Что случилось с Тариэлом? Почему не виден он?»

И встревоженные братья к третьим бросились воротам,
Но в живых от целой стражи не осталось никого там.
Десять тысяч там злодеев облились кровавым потом,
Вал разбитого оружия не давал пройти к высотам.

Полегли, как от недуга, в этом месте супостаты —
У того в крови кольчуга, у того в обломках латы,
С петель сорваны ворота, опрокинуты и смяты...
«Узнаем,— сказали братья,— чьи здесь руки виноваты!»

Поднялись они на башню и увидели: луна,

Устремившаяся к солнцу, от дракона спасена.
Тариэл стоял без шлема, в косы куталась она,
Грудь к груди была прижата, шея с шеей сплетена.

Обнимались, целовались, прижимали лалы к лалам.
Так Муштар, сияя в небе, обнимается с Зуалом...
На заре оттенок розы снова делается алым, —
Пусть и к ним вернется радость, злополучным и усталым!

Разойтись была не в силах эта пара, светлолица.
Розы губ, припав друг к другу, не могли разъединиться.
Наконец они очнулись — юный витязь и девица,
И царевне два героя поспешили поклониться.

И счастливая царевна обняла, ликуя, их,
Благородных и бесстрашных избавителей своих,
И от ласкового слова гнев их яростный утих,
И беседовали с ними там невеста и жених.

И приветствовали братья станом стройного собрата
И друг друга поздравляли с одоленьем супостата.
Полегли в бою злодеи и исчезли без возврата,
Ибо львов они страшились, словно малые козлята.

Но когда узнали братья, что от верной их дружины
После боя уцелело чуть побольше половины —
Перебили тех, кто скрылся за уступами теснины,
И великие богатства повезли домой с чужбины.

На три тысячи животных — вьючных мулов и верблюдов —
Был погружен крупный жемчуг из подвалов и сосудов.
Было много там рубинов и граненых изумрудов...
Дева села в паланкине, всю фатой себя закутав.

Шестьдесят оставив стражей в той твердыне у дверей,
Повезли они царевну в славный град царя морей.
«Хоть длинна туда дорога, — говорили братья ей, —
Мы Фатьму лишить не можем благодарности своей!»

51. ПРИБЫТИЕ ТАРИЭЛА К ЦАРЮ МОРЕЙ

Прибыл вестник в Гуланшаро и привез царю посланье:
«Тариэл, гроза неверных, я свершил свое желанье.
Вывел я из стен Каджети солнце, полное сиянья,
И к тебе, подобно сыну, нынче еду на свиданье.

Царь! Разбив в сраженье каджей и владея их страной,
Одному тебе обязан я победою такою,
Ибо ранее царевна спасена была Фатьмою...
Чем воздам тебе я нынче, очастливленный тобою?

Выйди, царь, ко мне навстречу: ныне я в твоём краю.
Я тебе всё царство каджей, благодарный, отдаю.
Укрепи же их твердыню, защищай ее в бою.
Я же с милою невестой еду в вотчину свою.

От меня скажи Усену, чтоб прислал свою супругу,
Пусть она ко мне приедет и обрадует подругу.
Не она ль нам оказала столь великую услугу?
Ждет ее мое светило, озарившее округу!»

Царь морей, приняв посланца и услышав эти речи,
Удивленья и восторга скрыть не мог в простосердечье.
Он хвалил и славил бога за успех каджетской сечи
И с великою поклажей поспешил на место встречи.

Он решил сыграть их свадьбу и, исполненный забот,
Взял с собой добра немало в этот свадебный поход.
Десять дней они с Фатьмою бодро ехали вперед,
Чтоб увидеть Льва и Солнце, восхитившие народ.

Братья спешились при встрече, поздоровались с владыкой,
И владыка целовал их с благодарностью великой.
Поздравлял он Таризэла, беглеца пустыни дикой,
И, взирая на царевну, любовался солнцеликой.

И Фатьма при виде девы, возвратившейся из плена,
Обняла ее, рыдая, целовала ей колена.
«Слава богу, тьма исчезла, — говорила ей смиренно, —
Зло мгновенно в этом мире, доброта же неизменна!»

Обняла Фатьму царевна, и сказала ей она:
«Пожалел создатель сердце, пробудил его от сна!
Раньше я была ущербна, ныне радостью полна,
Как оттаявшая роза, снова солнцем спасена».

В благодарность за Каджети царь в течение недели
Пировал на этой свадьбе, сам участвуя в веселье.
Много роздал он подарков — дивных кубков, ожерелий,
По червонцам там ходили и под ноги не глядели.

Горы шелка там лежали и атлас, царем даренный.
Увенчал гостей владыка гиацинтовой короной.
Оценить подарок этот не сумел бы и ученый,
Таризэлу же вдобавок трон поставлен был червонный.

Государь поднес невесте одеянье, и на нем
Бадахшанские рубины рдели пурпурным огнем.
Дева молнией светилась, сидя с юношей вдвоем,
И дивились им вельможи, приезжая на прием.

Автандилу и Фридону царь того морского края
Подарил по иноходцу, по заслугам воздавая.
Были им даны и седла и одежда дорогая.
«Благодарствуй, царь великий!» — братья молвили, вставая.

Таризэл же к государю обратился со словами:
«Рады мы, что ты, владыка, здесь пируешь вместе с нами.
Одарил ты нас сегодня драгоценными дарами!
Хорошо, что я заехал навестить тебя с друзьями».

«Лев достойный и властитель! — отозвался царь морей. —

Ты печалишь нас разлукой, тешишь близостью своей!
Неужели дар мой скудный равен доблести твоей?
Тяжко мне с тобой расстаться, наилучший из людей!»

Витязь речи вел с Фатьмою, как с названою сестрою:
«В неоплатном, в небывалом я долгу перед тобою?
Ныне все богатства каджей, привезенные с собою,
Я дарю тебе, сестрице, мне ниспосланной судьбою!»

И Фатьма пред ним колени, благодарная, склонила:
«Без тебя я, повелитель, сожжена огнем светила!
Ты лишил меня рассудка, погрузил меня в горнило!
Счастье — взысканным тобою, а покинутым — могила!»

И царю морей сказала новобрачная чета,
Чью кристальную улыбку льют жемчужные уста:
«Без тебя, о царь, свирели умолкают неспроста,
Но, увы, пора вернуться нам в родимые места.

Ты отец наш и наставник, наша жизнь и упование!
Дай же нам корабль, владыка! Окажи благодеянье!»
Царь ответил: «Я исполню ваше каждое желанье, —
Что еще могу я сделать, коль настало расставанье?»

Судно быстро снарядили и наполнили добром,
И отъехал славный витязь на богатом судне том.
Провожавшие рыдали, били в темя кулаком,
И от слез Фатьмы вздувалось море синее кругом.

52. ПРИБЫТИЕ ТАРИЭЛА В ЦАРСТВО ФРИДОНА

Переплыли через море братья, верные обету,
И в дороге подтвердили клятву дружескую эту.
Смех и пенье усаждали их, блуждающих по свету
Разливался блеск жемчужин по кристаллу-самоцвету.

И с дороги некий вестник послан был к Асмат-рабыне,
Чтоб сказать девице этой и Фридоновой дружине:
«Вот грядет светило наше, восседая в паланкине!
Погибавшие от стужи, мы не сетуем отныне!»

Вдоль по берегу морскому братья тронулись верхом
И, как дети, веселились, вспоминая о былом.
Наконец страна Фридона показалась за холмом,
Где приветственное пенье раздавалось, словно гром.

Повстречали их вельможи посреди большого луга,
И Асмат, обняв царевну, исцелилась от недуга.
Не смогла бы и секира оторвать их друг от друга!
Верной службой послужила деве царственной подруга!

И твердила ей царевна, челядинку обнимая:
«Всю тебя я истомила! Горе мне, моя родная!
Ныне бог послал нам милость, о печалях наших зная.
За твое большое сердце чем воздать тебе должна я?»

Та сказала: «Нашу розу не засыпали снега,
И сокрытое открылось нам, спасенным от врага:
Возвращенная к веселью, ты, как жизнь, мне дорога!
Средь друзей всего достойней повелитель и слуга!»

Низко кланяясь, вельможи говорили в восхищенье:
«Мы должны прославить бога за его благоволение.
Возвратил он вас с победой, даровал нам утешенье.
Сам он ранит наше сердце, сам приносит исцеленье!»

Подходили эти люди, руки братьям целовали.
Царь сказал: «Собратья ваши ради нас в сраженье пали, —
Вместо прежних упований и земной своей печали
Приобшились к вечной жизни и стократ блаженны стали.

И хотя по тем убитым пролил я потоки слез,
Души их творец вселенной в кущи райские вознес!»
Царь заплакал, безутешный, и с ресниц дохнул мороз
И, мешая дождь со снегом, заморозил купу роз.

Увидав царя в печали, зарыдали и вельможи
И оплакивать убитых принялись усердно тоже.
Но потом они сказали: «На светила вы похожи,
Так неужто нам стенанья всякой радости дороже?

Кто достоин в этом мире ваших горестных рыданий?
Смерть за вас, герои наши, лучше жизненных скитаний!»
И Фридон сказал собрату: «Здесь не место для стенаний!
Бог тебе готовит радость вместо этих испытаний!»

И когда погибшим в битве Автандил вознес хвалу,
Все решили: «Пусть улыбка разольется по челу!
Так как лев обрел светило и пресек дорогу злу,
Мы оплакивать не будем то, что кануло во мглу!»

И тогда великий праздник наступил в Мульгазанзаре.
Барабаны и кимвалы пели песнь о государе.
Горожане и торговцы шли навстречу юной паре,
Так что всякая торговля прекратилась на базаре.

Были улицы забиты многочисленной толпою,
Впереди стояла стража длинной цепью круговою.
Больше всех ей досаждали те, кто шли со всей семьею,
Ибо все они стремились заглянуть в лицо герою.

У дворца царя Фридона братья кончили поход.
В поясах своих червонных челядь стала у ворот.
По ковру, бросая деньги, гости двинулись вперед,
И ловил червонцы эти торжествующий народ.

53. СВАДЬБА ТАРИЭЛА И НЕСТАН-ДАРЕДЖАН, УСТРОЕННАЯ ЦАРЕМ НУРАДИН-ФРИДОНОМ

Пышный трон бело-пурпурный, изукрашенный Фридоном,
Весь в камнях красно-желтых, возвели молодоженам.
Желтый трон для Автандила посредине был черненым.
Двор собрался, и герои по своим расселись тронам.

И явились сладкопевцы и свои запели гимны,
И друзьям шелков немало царь поднес гостеприимный,
И отпраздновал он свадьбу ради их любви взаимной,
И пленяла приглашенных красота царевны дивной.

Девять перлов драгоценных царь поднес им в честь побед.
Каждый был с яйцо гусыни и струил туманный свет.
Но зато подобен солнцу был там некий самоцвет —
С этим светочем художник ночью мог писать портрет.

Дорогим молодоженам, приглашая их на ужин,
Царь поднес по ожерелью из рубинов и жемчужин.
Автандилу дал он блюдо в знак того, что с ним он дружен.
Чтоб внести такое блюдо, был немалый навык нужен.

Был насыпан крупный жемчуг на огромном блюде этом.
Царь поднес его герою с поздравленьем и приветом.
Там ковры и аксамиты отличались дивным цветом.
Благодарность Тариэла на дары была ответом.

Восемь дней, играя свадьбу, веселилась вся страна.
Ежедневно новобрачным подносила дар казна.
Били бубны и кимвалы, арфы пели дотемна.
Как достался витязь деве, так и витязю — она.

Как-то раз сказал Фридону Тариэл такое слово:
«Мне любой из вас, герои, ближе брата дорогого.
Чтоб воздать вам по заслугам, сердце всё отдать готово,
Ибо, вами исцеленный, я вернулся к жизни снова.

Есть ли что прекрасней жертвы, принесенной Автандилом?
Оказать спасету помощь нам с тобой теперь по силам.
Ты сходи к нему, разведай, как нам быть с собратом милым?
Потушив мое горнило, он сожжен своим горнилом!

От меня спрости ты брата: „Как избыть твою беду?
Богом посланную с неба, ты свою получишь мзду,
Но, коль я тебя забуду и на помощь не приду,
Пусть нигде себе приюта я, бездомный, не найду.

Чем тебе помочь я должен, верным будучи собратом?
Я в Аравию с тобою рад, коль надо, ехать сватом.
Где словами, где мечами, все устроим мы дела там.
Не женив тебя на деве, не хочу я быть женатым!”».

Лишь дошло до Автандила предложенье Тариэла,
Безграничная веселость Автандилом овладела.
«Для чего мне эта помощь? — он воскликнул. — В чем тут дело?
Ведь луна моя от каджей бед пока не претерпела.

Ведь она по божьей воле занимает свой престол,
Почитается народом, никаких не знает зол,
Ни один колдун на свете козней ей пока не плел.
Почему ж ты с этим делом, милый друг, ко мне пришел?

Лишь когда творец исполнит все свои предназначенья
И пошлет мне утешенье за минувшие страданья, —

Лишь тогда я вновь увижу солнце, полное сиянья...
До тех пор, увы, напрасны будут все мои метанья.

Вот что должен Таризлу я сказать по доброй воле:
„Я похвал твоих не стою, царь, рожденный на престоле!
С материнской я утробы предназначен рабской доле,
Пусть же я останусь прахом, не займешь ты трон доколе!

Ты сказал: „Желаю справить свадьбу славную твою!”
Голос любящего сердца в этом слове узнаю!
Но ни меч, ни красноречье не помогут в том краю,
Где послал мне бог царицу солнцеликую мою!

Лучше ждать решенья свыше, чтоб душа не унывала!
Но тебе индийским тронном овладеть пора настала,
Чтоб с тобой твое светило словно молния блистало,
Чтоб, рассеянный тобою, враг бежал куда попало.

В день, когда осуществляются эти наши замышленья,
Я в Аравию, мой витязь, возвращусь без промедленья.
Там, коль солнце пожелает, я уйму огонь томленья
Ни к чему иному больше не имею я стремленья”».

И когда о том услышал от Фридона Таризл,
Он сказал: «Не с колдунами я сражаться захотел.
Так же как источник счастья возвратить он мне сумел,
Ныне я отдам всё сердце ради этих важных дел.

Передай ему всё это и скажи: „Воитель славный,
На меня давно в обиде воспитатель твой державный.
Много слуг его когда-то я убил в борьбе неравной.
Я хочу просить прощенья за поступок своенравный”.

Ты скажи: „Со мною больше не веди переговоров.
Завтра двинусь я в дорогу, мне не нужно долгих сборов.
Царь Аравии забудет для меня упрямый норов
И меня, как свата, встретит без упреков и раздоров”».

С этим словом к Автандилу Нурадин пришел опять.
Он сказал: «Решилось дело. Поздно споры затевать».
И хотя спаспета стала боль души одолевать,
Уважения к владыке он не мог позабывать.

Он явился к Таризлу, и склонил пред ним колени,
И, поднять очей не в силах, говорил ему в волненье:
«Грешен я пред Ростеваном, не свершил его велений, —
Не зови меня с собою ради новых преступлений?

Если мы туда поедем, взяв с собою Нурадина,
Никому я не позволю нападать на властелина!
Уж и так пред государем голова моя повинна!
Разве смеет раб ничтожный меч поднять на господина!

Между мною и царицей вы посеете раздор.
Горе мне, коль то светило потускнеет с этих пор!
Оттолкнет меня царица, позабудет уговор,
Не простит, не пожалеет, всем мольбам наперекор!»

Тариэл, светило мира, поднял брата со словами:
«Ты помог мне в затрудненье и советом и делами:
Ныне мы познали счастье, но, разделавшись с врагами,
Ты и сам обязан ныне утешаться вместе с нами.

Не могу хвалить я друга, если он со мной чинится,
Слезы льет в уединенье, убивается, томится...
Кто меня считает братом, должен мне во всем открыться,
Если ж нет, то нам обоим лучше будет разлучиться.

Обладая сердцем девы, ты меня от смерти спас.
Вряд ли дева огорчится, если вдруг увидит нас.
Задавать царю загадки я не буду в этот раз —
У меня одно желанье: позаботиться о вас.

Буду я молить владыку, чтоб, радея о престоле,
Он тебе свое светило уступил по доброй воле.
Нужно вам соединиться, для чего страдать вам боле?
Украшать друг друга нужно, а не вянуть в диком поле!»

Увидав, что не отступит от решенья Тариэл,
Автандил противоречить побратиму не посмел.
Нурадин собрал охрану, счел ее и осмотрел
И с любимыми друзьями в дальний двинулся предел.

54. ТАРИЭЛ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ПЕЩЕРЕ И ВИДИТ СВОИ СОКРОВИЩА

Мудрый Дивное человека учит тайне сокровенной:
«Нам добро ниспосылает, а не зло творец вселенной.
Он добру отводит вечность, злу дает он срок мгновенный.
Он стремится к совершенству, сам от века совершенный».

Львы, покинув край Фридона, шли в веселье небывалом.
Новобрачная скрывалась под дорожным покрывалом.
Крылья ворона, чернея, колыхались над кристаллом,
И казалось то светило бадахшанским дивным лалом.

В паланкине ту царевну проносили средь долин.
Братья тешились охотой, окружая паланкин.
Где б они ни проходили, каждый встречный селянин
Торопился к ним с дарами, созерцая тот рубин.

И казалось всем прохожим, что высоко над землею
Три луны сопровождают солнце стражею тройною.
Наконец они достигли диких скал, где над рекою
Витязь жил в своей пещере, опекаемый сестрою.

Тариэл сказал братьям: «Вот она, моя округа!
Здесь я странствовал и плакал, умирая от недуга.
Пусть же здесь нехитрый ужин соберет Асмат-подруга,
И любой из вас получит дар от преданного друга!»

Братья слезли у пещеры, и устроили привал,
И оленины поели, отдыхая возле скал.
Вспоминая о минувшем, каждый витязь ликовал,

И хвалил, и славил бога, столь достойного похвал.

Обошли они пещеры, опечатанные братом,
И опять они немало обнаружили добра там.
Кто считал свои богатства, обладая этим златом?
Попадая в те пещеры, каждый делался богатым!

Много роздал там сокровищ Тариэл непобедимый.
Награжден был каждый воин, Нурадином предводимый.
Никого не позабыл он, путешествуя с любимой,
Но нетронутым казался клад его неисчислимый!

И сказал Фридону витязь: «Я должник твой, милый брат!
Но на свете добродетель возмещается стократ.
Потому тебе в подарок отдаю я этот клад,
Увези его с собою как награду из наград».

С благодарностью ответил витязь брату дороговому:
«Ты меня, как видно, хочешь уподобить скопидому!
Даже тех, кто крепче дуба, ты ломаешь, как солому!
Буду счастлив я, покуда твоему служу я дому!»

Чтобы выслали верблюдов, он послал домой известье
И сокровища пещеры перевез в свое поместье.
И тогда в страну арабов братья выехали вместе:
Автандил, ущербный месяц, к молодой спешил невесте.

В некий день они достигли Аравийской стороны,
Где повсюду были села или крепости видны.
В синих траурных одеждах, по заветам старины,
Люди бегством Автандила были там огорчены.

Прибыл вестник Тариэла и предстал пред Ростеваном:
«Благоденствуй, о владыка, в ликование непрерывном!
Ныне я к тебе явился — царь, рожденный Индостаном, —
Чтоб бутон прекрасной розы возвратить тебе сохранным.

Я, твой прах, при первой встрече неприветлив был с тобою,
Но и ты напрасно вздумал поскакать вослед за мною.
Не сдержав своей досады, я расправился с толпою,
И рабов твоих немало распростилось с головою.

Ныне прибыл я, владыка, после многих трудных лет,
Чтоб молить тебя усердно о забвенье этих бед.
Подтвердят Фридон и стража, что даров со мною нет,
Лишь один со мной подарок — твой возлюбленный спасет»

В день, когда к царю явился вестник этих сообщений,
Царь возрадовался духом и заплакал в восхищенье,
И с ресниц на лик царевны опустились стрелы теней,
И краса ее рубинов стала втрое совершенней.

Загремели барабаны, взволновалась вся столица,
Вышли воины на площадь, чтоб навстречу устремиться.
Выносили седла, сбрую, запрягал коней возница,
Храбрых витязей проворных потянулась вереница.

Сел и царь на иноходца, и по знаку воевод
Войско двинулось навстречу из распахнутых ворот.
И хвалил и славил бога весь собравшийся народ:
«Лишь добро одно бессмертно, зло подолгу не живет!»

И когда заметно стало приближенье каравана,
Автандил сказал собрату, опечалившись нежданно:
«Посмотри, как в туче пыли степь далекая туманна!
Там горит мое горнило, пламенея непрестанно!

Там мой царь и воспитатель. Он спешит к тебе навстречу.
Я идти с тобой не в силах, ибо что ему отведу?
Кто, как я, себя унизил, честь утратив человечью?
Без меня вам надо встретить государя мудрой речью!»

Тариэл сказал: «Похвально почитание царя!
Оставайся же на месте, не ходи со мною зря.
Я добьюсь его согласия, и, сиянием горя,
Станет витязю женою та небесная заря».

Был шатер для Автандила на лугу разбит зеленом,
И Нестан в шатре осталась вместе с братом нареченным.
Вздых ресниц ее казался легким ветром благовонным.
Тариэл, простившись с нею, дальше двинулся с Фридоном.

И воскликнул царь арабов, проезжая по долинам:
«Тариэл, прекрасный станом, шлет приветствие вдали нам!
И, подъехав, поклонился властелину с сердцем лвиным,
Обошелся он с индийцем, как отец с любезным сыном.

И пред ним склонился витязь, посетивший те места.
Целовал его владыка, чтоб порадовать уста.
Говорил он Тариэлу, удивляясь неспроста:
«Ты как солнце над землею! Без тебя и жизнь пуста!»

И проворство рук героя, и краса его, и сила —
Всё в нем старого владыку привлекало и дивило.
Похвалил он и Фридона, но ему печально было,
Что среди гостей приезжих он не видел Автандила.

Увидав, что царь печален, Тариэл промолвил слово:
«Царь, тебе повиноваться сердце путника готово.
Но дивлюсь я, как ты можешь возносить меня, чужого?
Разве можно быть милее Автандила молодого?

Не дивись, что появиться было брату недосуг.
Лучше сядь со мной, владыка. Как прекрасен этот луг!
Я сказать тебе осмелюсь, почему не прибыл друг,
И просить о нем я буду ради всех его заслуг».

Сели рядом два владыки. Окружили их отряды.
Свет блеснул в очах героя, как мерцание лампы.
Тот, кто видел Тариэла, не искал другой отрады.

Речь его была достойна и вниманья и награды.

«Царь, — сказал он Ростевану, — не гневись на слово это,
Но пришел к тебе я ныне ради славного спасета.
Умоляет этот витязь, чье лицо светлее света,
Чтобы ты его прошенье не оставил без ответа.

Оба мы к тебе взываем, о светило из светил!
Сообразно разуменья дал мне счастье Автандил!
Он возлюбленную деву ради друга позабыл!
Чтоб о том распространяться, не достанет наших сил!

Царь, давно друг друга любят этот витязь и девица!
Вижу я, как он в разлуке и тоскует и томится!
Я молю, склонив колена: дай им счастьем насладиться!
Пусть ему женою будет солнцеликая царица!

Ничего прибавить больше к этой речи я не смею...»
Тут платок расправил витязь, повязал петлей на шею,
И упал он на колени с дивной просьбою своею...
Тот, кто слышал эту просьбу, был смущен немало ею.

Увидав царя индийцев распростертого в ногах,
Ростеван и сам склонился со слезами на глазах.
Он сказал: «Принес ты радость, но ее развеял в прах,
Ибо эти униженья на меня наводят страх.

Разве может не исполнить человек твое желанье?
Для тебя я дочь родную свел бы даже на закланье,
Я б ее в рабыни отдал, будь на это приказанье...
Автандил же — зять достойный и любви и почитанья.

Разве кто другой на свете мне понравиться сумеет?
Царство дочери я отдал, им она теперь владеет.
Юный цвет произрастает, старый сохнет и желтеет...
Как могу я ей перечить, коль она любовь лелеет?

Я ее, коль ты прикажешь, выдам даже за раба!
Лишь безумного не тронет столь великая мольба!
Но отверг бы я спасета, будь любовь моя слаба!
Говорю, как перед богом: такова ее судьба!»

Тариэл, владыка индов, услышав такое слово,
С благодарностью великой поклонился старцу снова.
Царь ему ответил тем же. Ради гостя дорогого
Он забыл свои печали и не хмурился сурово.

Нурадин с веселой вестью поскакал за братом милым.
Новость радостную эту встретил он с великим пылом.
Скоро он на место встречи возвратился с Автандилом,
Но смущенный этот витязь смутным выглядел светилом.

Он предстал пред государем, и в томлении поник,
И платком закрыть пытался беспокойный бледный лик.
Солнце, спрятавшись за тучу, затуманило цветник,
Но отнять красу у розы не сумело ни на миг.

Царь хотел обнять героя, но в печали и смущенье
Витязь, лик не поднимая, целовал его колени.
«Встань! — сказал ему владыка. — Ты отважен был в сраженье!
Не смущайся, я не буду обвинять тебя в измене!»

Обнял царь его великий, целовал его ланиты,
Говорил: «Живой водою потушил мои огни ты!
Так пойдем же, лев, к светилу, где агат с агатом слиты!
Я сведу вас воедино, не лишу своей защиты!»

Лев, обласканный владыкой, исцелился от забот.
Сидя рядом с Ростеваном, он вкусил его щедрот.
Был жены он и престола удостоен в этот год.
Только тот оценит радость, кто печаль переживет!

И сказал владыке витязь: «Кончив дело непростое,
Отчего ты, царь, не хочешь встретить солнце золотое?
Отведи ее в чертоги, посели в своем покое,
Пусть дворец в ее сиянье лучезарней станет вдвое!»

Взяв с собою Таризэла, все к царевне поскакали,
И ланиты голиафов, словно солнце, просияли:
Всех побед достигли братья, получили, что искали,
И мечи не понапрасну бедра их отягощали.

Увидав вдали царевну, государь сошел с седла.
Ослепил его внезапно дивный свет ее чела.
Дева, сидя в паланкине, старца радостно ждала,
И сказал ей царь великий, позабыв про все дела:

«Свет пресветлый, не сравнимый ни с кристаллом, ни с
алмазом! Не напрасно пред тобою мудрецы теряют разум!
Посреди светил небесных ты — луна и солнце разом!
Увидав тебя, на розы не взгляну я больше глазом!»

Любовались все арабы светозарной той зарницей,
Всем очам она сияла благодатною денницей.
Люди счастье находили в созерцанье светлолицей
И, узнав ее, спешили вслед за нею вереницей.

И повез ее с собою престарелый царь-отец
И в семи планетах неба находил ей образец.
Но красу ее постигнуть не сумел бы и мудрец.
И явились в город гости, и вступили во дворец.

И явилась перед ними Тинатин, надежда трона.
Были ей к лицу порфира, царский скипетр и корона.
На гостей она взглянула, словно солнце с небосклона:
Таризэл, владыка индов, к ней приехал для поклона.

С молодой своей женою поклонился он трикраты.
Повели они беседу, светлой радостью объаты.
Лучезарным их сияньем осветились все палаты.
Стали ликами рубины и ресницами агаты.

Но когда им трон воздвигла эта лучшая из дев,
Молвил витязь: «Ты приводишь судию судей во гнев?
Будь сама царицей нашей, на престоле этом сев!
Пусть сильнейший между львами с солнцем солнц воссядет лев!»

Усадил царицу витязь на престоле том старинном,
И велел он Автандилу с нею сесть под балдахином.
Кто, подобно им, на свете пламенел огнем единым?
Не могли б сравниться с ними даже Вис с ее Рамином!

И смутилась эта дева, увидав героя рядом,
Побледнела и взглянула на отца пытливым взглядом.
«Не страшись! — сказал родитель.— Мудрецы вещают чадам:
«Возлюбившие друг друга все дела кончают ладом».

Дай вам бог удачи, дети, чтобы с этого вы дня
Благоденствовали вместе, доблесть царскую храня?
Будьте верными, как небо, вечно полное огня,
И своими вы руками положите в гроб меня».

Указав на Автандила, царь сказал своей дружине:
«Вот ваш царь. По воле божьей он царит в моей твердыне.
Утвердив его на троне, я готов теперь к кончине.
Так же как вы мне служили, и ему служите ныне!»

И ответила дружина, преклоняясь пред царями:
«Мы, цари, лишь пыль земная, возвеличенная вами!
Благосклонные к покорным, непреклонные с врагами,
Доблесть нашу и отвагу умножаете вы сами!»

И к царице царь индийский обратился с похвалой:
«Возвращен тебе твой витязь и огонь потушен твой.
Твой супруг — мой брат названный, будь и ты моей сестрой!
Посрамлю я всех неверных, кто нарушит твой покой!»

55. СВАДЬБА АВТАНДИЛА И ТИНАТИН, УСТРОЕННАЯ ЦАРЕМ АРАБОВ

В этот день на царском троне величали Автандила.
Таризлу нежность сердца украшением служила.
Тинатин с Нестан сидела, и толпа о них твердила.
Что сошли с небес на землю два сияющих светила.

Чтоб дружинников насытить, принесли там хлеба, соли
И немало там баранов и коров перекололи.
Раздавали там подарки сообразно царской воле,
И цари, подобно солнцу, там сияли на престоле.

Был там дивного чекана каждый свадебный бокал,
Гиацинтовые чаши, кубки — выдолбленный лал.
Ты, увидев эту свадьбу, сам бы сердцу приказал:
«Погуляй с гостями, сердце! Не спеши покинуть зал!»

И гремели там кимвалы, и по воле властелина

Сто фонтанов источали удивительные вина,
И сияли там созвездья бадахшанского рубина,
И гуляла там до света Ростеванова дружина.

Не остался без подарка ни хромой там, ни увечный.
Рассыпали там горстями дивный жемчуг безупречный.
Набивали там карманы каждый встречный-поперечный...
Дружкой был у Автандила Тариэл добросердечный.

Ночь прошла, и на рассвете Тариэлу, выбрав срок,
Царь промолвил: «Вы с царицей озарили мой чертог!
Вы — владыки над царями, и подковки с ваших ног
Мы должны носить на лицах, наподобие серег.

Восседать нам вместе с вами, царь великий, не годится!»
И престол на возвышенье был поставлен для индийца.
Автандил воссел пониже, рядом — юная царица.
Дар, врученный Тариэлу, и с горой не мог сравниться!

Царь их потчевал, как равных, по законам царской чести,
Подходил с своим бокалом то к герою, то к невесте,
За свои благодеянья был хвалим без всякой лести...
Царь Фридон близ Автандила восседал на царском месте.

И индийского владыку и владычицу сердец,
Словно зятя и невестку, одарил старик отец.
Малой доли тех подарков сосчитать не мог мудрец.
Был там скипетр, и порфира, и рубиновый венец.

Соответствовали сану эти дивные подарки:
Самоцветы из Романы, сходны с яйцами цесарки,
Перлы, крупные как сливы, многочисленны и яркие,
Кони, рослые как горы,— скакуны, не перестарки.

Девять полных блюд Фридону царь насыпал жемчугами,
Девять редких иноходцев отдал вместе с чепраками...
Отвечал владыка индов благодарными словами
И вполне казался трезвым, хоть немало пил с друзьями.

Лишних слов не буду тратить: день за днем летели дни.
Целый месяц с Тариэлом пировали там они.
Царь дарил владыке индов лалы дивные одни,
И горели эти лалы, как небесные огни.

Тариэл сиял, как роза, но, прервав увеселенья,
С Автандилом государю он послал уведомленья:
«Был бы рад с тобой, владыка, развлекаться каждый день я,
Но боюсь, что край индийский враг пожрет без промедленья.

Чтоб тебя не огорчала ни одна моя утрата,
Должен знаньем и искусством я низвергнуть супостата.
Ныне я спешу в отчизну, покидаю я собрата,
Но надеюсь вас увидеть после скорого возврата!»

«Не смущайся! — царь ответил, ожиданьям вопреки. —
Делай то, что нужно делать, коль враги недалеки.

Автандил тебе на помощь поведет свои полки.
Бей коварных супостатов, разрывай их на куски!»

Автандил сказал мидждуру о решении царевом.
Тот ответил: «Спрячь свой жемчуг под рубиновым покровом!
Как ты можешь, поженившись, распроститься с мирным кровом?»
Но ему собрат любимый возразил шутливым словом:

«Ты, я вижу, уезжаешь, чтоб потом злословить друга:
«Он в беде меня оставил! Для него милей супруга!»
Я же буду здесь томиться, погасив огонь недуга.
Нет! Покинуть побратима — невеликая заслуга!»

Смех веселый Таризэла рассыпался, как кристалл.
Он сказал: «И я б в разлуке горевать не перестал!
Торопись же, если хочешь, и не жди моих похвал!»
И дружинам аравийским царь собратся приказал.

Он не мешкал и составил свой отряд в престольном граде.
Ровно восемьдесят тысяч было всадников в отряде,
Все в доспехах хорезмийских и воинственном наряде.
Царь-отец, увидев это, приуныл разлуки ради.

С грудью грудь и с шеей шею на прощание сливая,
Там сестру свою царица провожала молодая.
Дав друг другу слово клятвы, обнялись они, рыдая,
И народ на них дивился, со всего собравшись края.

Вместе с утренней звездой и луна горит с утра,
Но сестру потом бросает бледноликая сестра,
Коль они не разойдутся, небо скажет им: пора!
Чтобы их увидеть вместе, будь высоким, как гора.

Точно так же тот, кто создал и земные два светила,
Отведет их друг от друга, как бы им ни трудно было.
Розы, слитые в лобзанье, вновь судьба разъединила.
Тем, кто с ними разлучался, оставалась лишь могила!

«Если б мы, — Нестан сказала. — здесь не встретились с тобою,
Никогда бы и разлуку не считала я бедою.
Не забудь, пиши мне письма, если я вниманья стою!
Как сгораю по тебе я, так и ты томись тоскою!»

«О пленительное солнце! — Тинатин сказала ей. —
Как могу я отказаться от тебя, сестры моей!
Без тебя просить о смерти буду я царя царей!
Сколько слез я потеряю, столько ты процарствуй дней!».

Так расстались две царицы, столь счастливые дотолле
Та, что дома оставалась, вдаль смотрела поневоле.
Оборачивалась к дому та, что выехала в поле...
Я не мог из тех страданий описать десятой доли!

Провожая побратимов, убивался царь могучий.
«Горе мне!» — твердил владыка, трепеща от скорби жгучей.
Видно, сердце в нем кипело, как котел кипит кипучий?
Таризэл был хмур, как солнце, занавешенное тучей.

Старый царь, прощаясь с гостем, поминутно говорил:
«Сладким кажешься виденьем ты, светило из светил!
В двадцать раз я стал печальней, потеряв остаток сил.
Сам меня вернул ты к жизни, сам теперь и погубил!»

Витязь сел на вороного, опечаленный немало.
Стража, вышедшая в поле, дол слезами орошала.
«Близ тебя, — она твердила, — даже солнце темным стало!»
Он в ответ: «Мои страданья тяжелей страданий Сала!»

Так они в поход пустились, и под стягом Тариэла
Автандил с царем Фридоном войском правили умело,
С ними восемьдесят тысяч шло в неведомое дело,
И сердца их там друг другу были преданы всецело.

Славных витязей подобных в мире нет уже давно!
Спорить встречным-поперечным было с ними мудрено.
На привалах эти братья расстилали полотно
И не сыворотку пили, а как водится — вино!

56. ТАРИЭЛ УЗНАЕТ О СМЕРТИ ИНДИЙСКОГО ЦАРЯ

Раз заметили арабы караван на перевале.
В черных траурных одеждах караванчики шагали.
Неподрезанные космы их затылки украшали.
Царь сказал торговцам этим: «Задержитесь на привале!»

Стал расспрашивать владыка старшину и верховода:
«Отчего вы в черном платье? Из какого вы народа?»
Тот сказал: «Одеты в траур инды с нынешнего года.
Мы ж торопимся в Египет из торгового похода».

Рад был царь от тех торговцев о своей узнать стране,
Но таился перед ними, как таятся на войне.
Был к тому ж язык индийцев недоступен старшине,
Он с царем лишь по-арабски изъясняться мог вполне.

«Расскажи, — сказал владыка, — что творится в Индостане?»
— «Индостан, — купец ответил, — терпит божье наказание.
Там теперь в великом горе и вельможи и селяне,
И лишился там рассудка тот, кто был премудрым ране».

Вот что гости рассказали языком красноречивым:
«Фарсадан, владыка индов, был царем весьма счастливым.
Дочь его, светило светило, редким выглядела дивом:
Стан как дерево алоэ, щеки — с розовым отливом.

Полюбил там полководец солнцеликую Нестан,
С женихом ее покончил и исчез из этих стран.
Деву ту растила тетка, как велит высокий сан.
От нее-то в Индостане и поднялся ураган.

Злополучная колдунья, овдовевшая в Каджети,
Предпочла она погибнуть, услышав про беды эти.
Дева тотчас же исчезла, уподобившись планете, —
Где теперь алоэ-дерево, не поймет никто на свете.

Лев искать пустился деву — ту, которой нет дороже,
Но пропал: вослед за солнцем и луна исчезла тоже.
Отыскать безумцев этих не надеются вельможи.
Царь сказал: «Огнем смертельным ты спалил меня, о боже!»

Милой дочери лишившись, обессилел царь-отец.
Смолкли арфы и кимвалы, впал в уныние дворец.
Но недолго этим горем досаждал царю творец:
Ныне умер и владыка, положив пирам конец».

Лишь купец промолвил это, громко женщина вскричала
И лицо свое открыла, быстро сбросив покрывало.
Витязь вскрикнул вместе с нею, и ручьи светлей кристалла
Заструились из нарциссов, как потоки с перевала.

Не могло бы и светило с этой женщиной сравниться!
Словно мак, она поникла, и нежна и светлолица.
Будь певцом ей сладкопевец — «Замолчи, скажу, тупица!»
В дивной раковине этой только жемчуг и гнездится,!

Соловьиным сладким стоном застонала там она
И рвала густые косы, безнадежности полна.
Розы сделались шафраном, лал — белее полотна,
Солнце тучею закрылось, потушило пламена.

Истерзав свои ланиты, слезы горя проливая,
Громко женщина кричала, лютым пламенем пылая:
«Пусть и я, отец, погибну, дочь твоя, смутьянка злая,
Коль ничем тебя утешить в этой жизни не смогла я!

Свет очей моих померкший, мой родитель безутешный!
Уж никто тебе не скажет обо мне, царевне грешной!
Для чего ж ты светишь, солнце, над равниною безбрежной?
Почему, гора крутая, к высоте стремишься снежной?»

Наконец она очнулась от великих этих бед.
Старшина не знал, что думать: виноват он или нет?
Увидав его в раздумье, Тариэл сказал в ответ:
«Это нас с женою ищут те вельможи с давних лет.

Что ж, купец, случилось дальше?» — снова молвил солнцеликий.
«Индостан, — купец ответил, — ныне в горести великой.
Подошли к нему хатавы, обступили ратью дикой.
Хан Рамаз у тех хатавов называется владыкой.

Чуть жива теперь от горя Фарсаданова вдовица.
Правда, бой еще не кончен, но слаба уже столица.
В пограничные заставы враг давно успел вломиться.
Встань над Индией, светило! Не давай над ней глумиться!

Уж давно там все индийцы ходят в черном одеянье.
Мы едва сумели скрыться, как торговцы-египтяне.
Хан Рамаз с царем Египта не вступает в пререканье,

Оттого и нас, торговцев, не коснулось злодеянье».

Тариэл, услышав это, медлить долее не стал,
И трехдневную дорогу он за сутки проскакал.
Поднял он свои знамена над высоким гребнем скал,
Грудь и сердце Голиафа крепкой сталью оковал.

57. ПРИБЫТИЕ ТАРИЭЛА В ИНДИЮ И ПОКОРЕНИЕ ХАТАВОВ

У границы Индостана был хребет с большой вершиной,
Под горой была долина, вражьей занята дружиной.
Тариэл воскликнул: «Братья! Жду от вас отваги львиной!
Скоро я с врагом покончу, в том свидетель — бог единый!

Эти воины со мною как-то раз вступили в сечу.
Порубил я их доспехи, только вышел к ним навстречу!»
Автандил сказал: «Не нужно затрудняться этой речью:
Ты с землею их сровняешь, да и я перекалечу».

Снарядились к наступленью, сели, грозные, верхом
И с горы в долину вражью поскакали напролом.
Созерцая их проворство, удивлялись все кругом:
Только пыль одна кружилась над дорогою столбом.

Те, что были попроворней, доскакали до заставы.
Скоро были в столкновенье с седел сброшены хатавы.
И когда к царю индийцев привели их для расправы,
Тот спросил их: «Кто вы, люди? Для чего пришли сюда вы?»

«Славный наш! — они сказали. — Не виновны мы в измене —
Обманул нас хан, назначив в боевое охраненье!»
— «Вы ему, — ответил витязь, — отвезите извещение:
Люди, храбрые сердцами, изготовились в сраженье!

Тариэл, властитель грозный, посылаю я приказ;
Все враги меня страшатся, не один лишь ты, Рамаз!
Пусть тебе расскажет стража всё, что ведомо о нас,
Но ни страх тебя, ни слезы не спасут на этот раз.

Лишь безумец может думать, что храбрец его боится!
О безумец из безумцев! Как ты смел сюда явиться?
Прибыл я, огонь великий, чтоб на лагерь твой излиться!
На твоём отныне теле острый меч мой притупится!

Приготовься же заране! Медлить больше я не буду!
Приведи войска в порядок, чтоб не быть в сраженье худу!
Я воздам тебе стократно, хвастуну и словоблуду,
Разобью твой шлем кольчужный, как негодную посуду!»

**Побежали друг за другом стражи в лагерь смельчака,
Всё Рамазу рассказали, не сдержали языка:
«Прибыл царь земли индийской, с ним отборные войска.
Каждый справится с двоими: так их доблесть велика!»**

Тут дружина Таризэла стяг индийский водрузила,
Рядом с ним взметнулся в небо стяг арабский Автандила.
Знают все: копьё арабам в битвах издавна служило.
Там же был искатель крови Нурадин-Фридон, светило.

Вдруг с полтысячи хатавов появилось в отдаленье.
Уж хотели к ним арабы устремиться в наступленье,
Но сказал им царь индийцев: «Соберите-ка терпенье!»
Это шел Рамаз с дружиной, сняв с себя вооруженье.

Опустившись на колени, он простерся пред конем:
«Сжался, царь, во имя бога! Вспомни, праведный, о нем!
Сделай этот день свиданья для меня последним днем,
Ибо сердце за измену сожигается огнем!

С той поры, как ты уехал, десять лет прошло и боле.
Без орла остались птицы, он же сгинул в диком поле.
Потому и свел я счеты, не желая жить в неволе.
Как нашивки с одеянья, счастье вы с меня спорили!

Ты убей меня не медля, удостой меня кончины!
Здесь со мной пятьсот вазиров и начальников дружины,
Заруби и их, коль хочешь, чтобы кровь текла в долины.
Только воинов не трогай: эти люди неповинны!»

Божье имя призывая, все склонились перед ним:
«Пощади, коль сам создатель породил тебя таким!»
Не сказал ни слова витязь, размышлением томим.
Но раскаявшийся грешник силой божией храним!

Кто на свете столь безгрешен, чтоб карать людей без страха?
Пришлецы, как ниневийцы, распростерлись в груди праха.
Оттого-то их, мятежных, миновала снова плаха!
Что рассучено судьбою, вновь спрядет она, как пряжа!

Изучая книги мудрых, я набрел на указанье:
«Тот, кто подлинно отважен, презирает злодеянье.
Он врага не убивает, обуздав его дерзанье».
Если хочешь быть отважным, помни это назиданье!

И смягчился царь индийский, стал подобьем высших сил.
«Пусть живут, коль поумнели! — про себя проговорил. —
Но пускай мой недруг скрутит то, что ныне раскрутил!
Я же грех его исправил и закон восстановил».

И тогда благословили милосердного хатавы
И молились о спасенье посреди чужой державы.
Так спаслись они от смерти, уцелели от расправы,
Только меч в руках героя голодал, желая славы!

И Муштар явился в небе, чтоб увидеть Таризэла,
Ибо царь во имя правды укротил свирепость тела.
И пришли войска Рамаза, им же не было предела,

И, как столп, сиянье неба над странюю пламенело.

Возгласил войскам Рамаза некий посланный послом:
«Царь прощает вас, хатавы! Забывает о былом!»
И ударили литавры, и раздался меди гром.
«Мы его уже узнали!» — войско грянуло кругом.

Увидав свой стяг индийский через узкие бойницы,
Вдалеке ему дивились обитатели столицы.
«Это вражеская хитрость!» — так подумали индийцы.
Разве ждали там героя с милой дочерью царицы!

«Царь я ваш! — вскричал им витязь. — Прибыл я врагам на горе
И привез мое светило с дивной молнией во взоре.
На крылах моих орлиных облетел я сушу, море.
Выходите же навстречу! Не сидите на запоре!»

Тут, узнав его, забегал на ограде караул,
На террасах и на кровлях свет от факелов блеснул.
«Отступают супостаты! — прокатился громкий гул. —
Не оставил нас всевышний и надежд не обманул!»

Принесли ключи вельможи и ворота им открыли.
В черных траурных одеждах все встречающие были.
И заплакал царь с женою, пролил слезы в изобилье,
И упали на кристаллы пряди вороновых крылий.

Обезумел там питомец, о царе тоскуя старом.
Слезы падали на щеки, опалая щеки жаром.
Ударял себя он в темя, и не знал числа ударам,
И агатовую рощу рвал на темени недаром.

И когда, одеты в траур, собрались вазирьы вкруг,
Снова он исторг рыданье, не стерпев великих мук.
Слезы, смешанные с кровью, он ронял на этот луг
И, лобзаемый друзьями, лобызал царевых слуг.

Подле милого супруга о родителе рыдая,
Потеряла там сознание дочь, царица молодая.
Опустились ветки розы, с дивной купы ниспадая.
Ни утехи, ни веселья не заметил там тогда я!

Прибежала мать-царица, говоря молодоженам:
«Что вы плачете, безумцы, надрывая душу стоном!
Бог сменил свой гнев на милость, славить надобно его нам!
Не печалиться нам надо, а идти к нему с поклоном!»

И, рыдая, Таризла обняла царица-мать:
«Перестал огонь несчастья сердце матери сжигать!
Замолчи и успокойся, чтобы вести разузнать.
Бог сирот не оставляет: все мы счастливы опять».

Отвечала ей, рыдая, дочь—супруга Таризла:
«Ты всегда ходила в красном, ныне черное надела!»

Нет родителя на троне! Нет тоске моей предела!»
Но утерла мать ей слезы и утешиться велела.

В розы уст поцеловала там дитя она родное,
Лепестки она измяла цвету дерева-алоэ.
«Для чего, — она сказала, — говорить нам про былое,
Если можем наслаждаться и блаженствовать в покое!»

Время быстро проходило, и собравшиеся днем
Все индийские вельможи устремились на прием.
Солнцеликие супруги снова вышли к ним вдвоем,
Обнимали, говорили о родителе своем.

Автандил с царем Фридоном преклонились пред царицей.
«Посмотри на них, царица! — молвил витязь светлолицый. —
Соумышленники наши, люди с крепкою десницей,
Мне они вернули деву, истомленную темницей!»

Тут они вступили в город и вошли в свою палату.
И сказала там царица слово каждому собрату:
«Покарал творец злодеев, не дал воли супостату,
Потому и радо сердце, позабыв свою утрату!

Сбросьте траур! Бейте в бубны! Пойте, арфа и кимвал!
Да наполнится весельем молчаливый этот зал!
Золотыми поясами опояштесь, стар и мал!
Пусть поет и веселится тот, кто плакал и стонал!»

58. СВАДЬБА ТАРИЭЛА И НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Позвала детей царица, руки их соединила
И на трон земли индийской в царском зале посадила,
Исстрадавшееся сердце новой силой укрепила,
Позабыв свои печали, светлой радости вкусила.

На высоком царском троне Таризэл воссел с женою,
Оба равные друг другу и любимые строною.
Кто сумел бы в полной мере возвеличить их хвалою?
Кто из всех сынов Адама спорил с ними красотою?

Мать-царица нарядилась, траур горестный сняла,
Всех вельмож в парчу одеда, всем подарки раздала.
Веселилась, говорила: «Позабудем время зла!
Для чего нам убиваться, если радость к нам пришла!»

Семь престолов Индостана — все отцовские владенья —
Получили там супруги, утолив свои стремленья.
Наконец они, страдальцы, позабыли про мученья:
Только тот оценит радость, кто познает огорченья.

Даже солнце ликовало, отражаясь в тех героях!
Люди били там в литавры, громыхали на гобоях.
Принесли ключи хранилищ и, собравшись в тех покоях,
«Вот наш царь с своей царицей», — говорили про обоих.

На отдельных сели тронах там Фридон и Автандил.
Хор вельмож, представ пред ними, их деяния хвалил.
Бог подобных им героев на земле не сотворил,
И любой из них о прошлом там с гостями говорил.

Пили, ели, круг придворных становился больше, шире,
Свадьбу радостно справляли, как справляют свадьбы в мире.
Драгоценные подарки получили все четыре.
Много нищих вспоминает о великом этом пире.

Говорила мать-царица: «Где же вдовы и сироты?
Одарите их дарами, утолите их заботы!»
Языка земного мало описать ее щедроты!
«Пусть о счастье новобрачных молят бога доброхоты!»

Тариэл сказал: «Царица, просьбу выслушай мою:
Не наказывай Рамаза, вспомни вышнего судью!
Я помиловал злодея, устранив его в бою.
Кто покается пред богом — утешается в раю».

«Пусть живет!» — в ответ сказала милосердная царица
И заставила Рамаза новобрачным поклониться.
Хор певцов сменялся хором, пели арфа и цевница.
Тот, кто бедствовал и плакал, мог теперь возвеселиться.

Жемчуг, золото и камни, равноценные рубину,
Упадали там на землю, словно росы на долину.
По желанью брал их каждый приглашенный к господину,
Ведь гостей слуга-дворецкий не рассаживал по чину.

И к дружинникам арабам обратился Тариэл:
«Пейте, гости дорогие! Нынче отдых — ваш удел!»
Торбу с жемчугом и мула дать он каждому велел,
Остальных его подарков я и счесть бы не сумел!

Кто бы счел число подарков, поднесенных побратимам?
Нем язык, ошеломленный кладом тем неисчислимым!
Всё, что было под запором в том краю богохранимом,
Подарила мать-царица этим витязям любимым!

Ублажали их индийцы, как спасителей народа:
«Возродились мы для жизни после вашего прихода!»
Был любой из них прославлен, как герой и воевода,
И всегда толпа придворных ожидала их у входа.

Царь на радостях Рамаза одарил насколько мог.
«Продолжай платить, — сказал он, — обусловленный оброк!»
Распростерся хан коварный перед ним не чуя ног
И прославил Тариэла, покидая тот чертог.

И тогда владыка индов объявил Асмат-рабыне:
«Верной службой ты служила нам с царицею в пустыне?
Из семи моих престолов дам тебе один отныне,

Будь на нем такой же верной, как в пещере на чужбине.

Управляя этим царством, позаботься и о муже,
Послужи нам верной службой, став счастливою к тому же!»
Но Асма́т упала в ноги: «Есть ли что на свете хуже,
Чем покинуть вас с царицей и о вас томиться вчуже!

Не прогневайся, властитель, на немудрый мой ответ:
Не могу я вас с царицей обменять на целый свет!
Я в лучах твоих купалась, ей служила много лет, —
Как покину я светило после этих тяжких бед?»

Снова ей сказал владыка: «Полно, девушка, томиться!
Пролила ты слез немало ради нас, моя сестрица!
Ныне, зло сменив на благо, нужно долгу подчиниться,
Укрепить мою державу и мечом вооружиться!»

И Асма́т повиновалась: «Ни одно не вечно горе!»
Подыскали ей супруга и сыграли свадьбу вскоре.
И когда сошлись вельможи и была дружина в сборе,
Увенчали их на царство в подобающем уборе.

В Индостане трое братьев проводили день за днем,
Позабавиться охотой удосужились втроем.
Наделен был каждый витязь дивным жемчугом, конем...
Автандил один, тоскуя, вечно думал о своем.

Увидав, что сердце друга вновь охвачено тоскою,
Тариэл сказал: «Я вижу, нелегко тебе со мною!
Семь напастей без супруги увеличил ты восьмью.
Рок, завидуя счастливым, разлучает нас с тобою!»

Царь Фридон за Автандилом стал отпрашиваться следом:
«Путь к земле твоей индийской мне отныне будет вedom.
Можешь мной распоряжаться, как сосед своим соседом.
Я примчусь быстрее лани, чтоб помочь твоим победам!»

И тогда их царь индийский отпустил в обратный путь,
Но напомнил он Фридону: «Возвратись же, не забудь!»
Автандилу же прибавил: «Без тебя изноет грудь!
Как мне быть, коль солнцу мира льва обязан я вернуть!»

Царь в подарок Ростевану слал одежд различных груду,
Из граненых самоцветов драгоценную посуду.
«Отвези, — сказал, — всё это, утоли мою причуду!»
— «Без тебя, — ответил витязь, — что теперь я делать буду?»

Шубу с редкостной вуалью Дареджан сестре дарила.
И была ее достойна лишь супруга Автандила.
Был на шубе этой камень, весь горящий, как светило,
В темноте его сиянье отовсюду видно было.

Попрошавшись с Тариэлом, удалился верный друг.
Запылал огонь разлуки и в сердцах воспрянул вдруг.

Горько плакали индийцы, слезы падали на луг.
«Яд судьбы,— промолвил витязь,— умножает мой недуг!»

Долго ехали два брата через горные отроги.
Наконец они расстались: расходились их дороги.
Все желанья их свершились, уничтожились тревоги.
Так вернулся царь арабов в Ростевановы чертоги.

Украшение державы, был он встречен там с почетом
И, свое увидев солнце, положил конец заботам.
Вместе с юною царицей возвели на трон его там,
И вознес его корону бог к сияющим высотам.

Были преданы друг другу три державные собрата:
Часто все они встречались, победивши супостата.
Нарушители их воли исчезали без возврата,
И росли их государства вместе с мощью их булата.

Милосердные дела их всюду сыпались, как снег.
Вдов, сирот они кормили, престарелых и калек.
Усмирен был в их владеньях недостойный человек
И на пастбище с козю волк не ссорился вовек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пронеслась их жизнь земная, как ночное сновиденье,
И ушли они из мира — таково его веленье!
Даже тот, кто долговечен, проживет одно мгновенье!
Месх безвестный из Рустави, кончил я мое творенье.

Божеству грузин — Давиду, что грядет путем светила,
Чья с Восхода до Заката на земле известна сила,
Кто для преданных — опора, для изменников — могила, —
Написал я эту повесть, чтоб досуг его делила.

Мне ли петь дела Давида, возглашая славу слав?
Я служил ему стихами, эту повесть отыскав.
В ней прославлены владыки многочисленных держав,
Их чудесные деянья и величественный нрав.

Никому на жизнь земную невозможно положиться:
И моргнуть мы не успеем, как она уже промчится.
Для чего ж нам то, что ищем? Подведет судьба-срамница!
Благо тем, кто ладит с нею и кончины не боится!

Мы в стихах Мосэ Хонели Амирана узнаем.
Прочитав «Абдул-Мессию», дань Шавтели воздаем.
Диларгета пел Тмогвели, сожигаемый огнем,
Тариэла — Руставели, горько плачущий о нем.

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэма Руставели дошла до нас в рукописных копиях не ранее XVII в.
К этому времени ее текст уже подвергся значительным изменениям и

искажениям, засорился многочисленными вставками, «продолжениями» и дополнениями переписчиков. Эти искажения и наслоения впоследствии перешли в печатные тексты (грузинские и переводные).

Первое издание поэмы появилось в 1712 г. под редакцией и с толкованиями царя Вахтанга VI (1675 — 1737). Мало отличаются от вахтанговского текста известные издания М. Броссе (Спб., 1841), Д. Чубинашвили (Спб., 1860), Д. Каричашвили (Тифлис, 1904; Тбилиси, 1920) и др. К изданиям, имеющим текстологическое значение, следует отнести тбилисские издания: подготовленное под руководством И. Чавчавадзе (1888), Ю. Абуладзе (1926), С. Какабадзе (1927), К. Чичинадзе (1934), юбилейное издание (1937), А. Шанидзе и А. Барамидзе (1966), Г. Церетели и И. Абашидзе (1966), П. Ингорква (1970). В основном закончено академическое издание поэмы в нескольких томах (с полными вариантами, комментариями, словарем), осуществленное специальной Комиссией при АН Груз. ССР (гл. редакторы Г. Церетели, А. Барамидзе). К настоящему времени вышло 66 изданий памятника на языке оригинала.

В Большой серии «Библиотеки поэта» произведение Руставели в переводе Н. Заболоцкого издавалось дважды (в 1966 и 1977 гг.). В настоящем издании «Витязь в тигровой шкуре» печатается в трех наиболее известных переводах — К. Бальмонта, П. Петренко и Н. Заболоцкого. Сведения о публикации этих переводов и об источниках текста, по которым они здесь печатаются, приведены в справках, предваряющих примечания к соответствующим переводам.

Русские переводчики по-разному воспроизводят имена героев поэмы. Например: Таризель — Таризэл, Фатъма — Фатман, Фарсадан — Парсадан, Дулярдукхт — Дулардукт, Дивнос — Дионос, Гуляншаро — Гуланшаро, Кхатаети — Хатайя, Мульхгазанзар — Мульгазанзар и т. д. Подобные разночтения, как правило, сохраняются. Унификации подверглись лишь те написания, которые не влияют на произношение слова (Ростэван — Ростеван и т. п.).

Читателю этой книги следует иметь в виду, что переводчики поэмы Руставели имели дело с разными текстами оригинала. Различия в их составе и смысловые расхождения отражали разные стадии в изучении памятника. Так, значительные куски текста были признаны интерполяциями переписчиков и удалены из поэмы, многие строфы даны в другой редакции и т. п. Имеются несовпадения в разбивке текста на главы, в их количестве и в названиях.

Несколько слов о заглавии произведения. По-грузински оно звучит «Вепхисткаосани». Первое упоминание поэмы на русском языке зафиксировано в книге Евгения Болховитинова «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и ученом ее состоянии» (Спб., 1802). В книге Болховитинова заглавие поэмы Руставели — «Барсова кожа» (у Болховитинова были консультанты-грузины, знающие русский язык). У Бальмонта новое и правильное название — «Носящий барсову шкуру» (у него тоже были консультанты-грузины, кроме того, в его распоряжении был и английский перевод М. Уордропа).

Редакция изданий 1936 — 1937 гг. переделала заглавие на «Витязь в тигровой шкуре», довольствуясь спорным заявлением, что это — «точный перевод грузинского названия поэмы». Однако лишь в новогрузинском языке слово «вепхи» значит «тигр», тогда как в древнегрузинском — «барс»

(«пантера», «леопард»). Академик Н. Я. Марр, превосходный знаток грузинского языка и замечательный руствелолог, предлагал несколько вариантов русского перевода «Вепхисткаосани»: «Некто в барсовой шкуре», «Юноша в барсовой шкуре», «Человек в барсовой шкуре», «Рыцарь в барсовой шкуре», «Витязь в барсовой шкуре». Знаменательно, что все варианты Марра обязательно предполагают человека, облаченного в одежду из барсовой шкуры. Нужно помнить, также, что в представлении главного героя произведения эта шкура -напоминание, символ пропавшей без вести Нестан-Дареджан. Потому-то он был неразлучен со шкурой этого красивого зверя.

Наиболее адекватным грузинскому оригиналу названием поэмы Руставели по-русски нужно считать «Витязь в барсовой шкуре». Впрочем, допустимо и заглавие перевода Бальмонта — «Носящий барсову шкуру»³² Общее название настоящей книги сохраняет традиционное для большинства русских переводов и привычное русскому читателю наименование поэмы.

ПЕРЕВОД К. Д. БАЛЬМОНТА

В деле популяризации поэмы Руставели исключительную роль сыграл перевод Константина Дмитриевича Бальмонта (1867 — 1942). О том, как переводчик впервые «прикоснулся» к поэме Руставели в 1912 г., мы знаем с его собственных слов: «Я впервые узнал Руставели в океанском просторе, невдали от Канарских островов, на английском корабле, носившим имя красиво-мудрой богини Афины, где я познако-мился с Оливером Уордропом, который дал мне прочесть находившийся при нем в корректурах английский перевод «Барсовой шкуры», сделанный с великой любовью его сестрой, Марджори Скотт Уордроп (1869 — 1909)». «Вернувшись в Россию, — продолжает свой рассказ Бальмонт, — я посетил Грузию и, ободряемый в трудной задаче грузинскими друзьями, приступил к подробному изучению великой поэмы Руставели».³³ Бальмонт знакомится с доступной ему на русском и европейских языках литературой об истории и культуре Грузии. Он начинает серьезно изучать грузинский язык, чтобы иметь возможность в какой-то мере читать поэму в оригинале.³⁴ Среди его консультантов были поэт Тициан Табидзе, академик Н. Я. Марр. Во многих городах России Бальмонт выступал с лекциями о древней культуре Грузии и о ее великом поэте. Лекции сопровождалась чтениями уже переведенных отрывков. Эти

³² П. Н. Берков предложил еще одно название поэмы — «Шкура тигрицы» («барса»), которое, по его мнению, «глубже, философичнее и поэтичнее»; кроме того, образом «барсовой кожи» (или «шкуры тигрицы») Руставели якобы предвосхитил знаменитый образ «шагреневого кожи» Бальзака (см.: Б е р к о в П.Н. О композиции «Витязя в тигровой шкуре» // «Лит. Грузия». 1964, № 9. С. 70 — 78). Можно еще спорить о том, как передать по-русски «вепхи» — в значении «барса» («пантеры») или «тигра», но совершенно бесспорно единственно возможное значение второй половины композита — «ткаосани» — «носящий шкуру» («кожу»),

³³ Р у с т а в е л и Ш. Носящий барсову шкуру: Грузинская поэма XII века / Перевод К. Д. Бальмонта. Париж, 1933. С. XX. Упомянутый здесь английский перевод поэмы Руставели издан в Лондоне в 1912 г. под редакцией, со вступ. статьей и примеч. Оливера Уордропа.

³⁴ См.: А н д г у л а д з е Л., Бальмонт и Грузия. Тбилиси, 1972, С. 176.

выступления имели огромный успех. Особенно восхищались ими в Грузии. Бальмонт часто печатал статьи о Руставели и отрывки своего перевода, первый из которых появился в альм. «Отечество». Пг., [1916]. Кн. I³⁵

В 1917 г. в Москве был выпущен отдельной книгой неполный перевод поэмы Руставели (вступление и песни 1 — 8,47) под названием «Носящий барсову шкуру».³⁶ Полностью перевод с предисловием и обширной вступ. статьей (на русском, французском и английском языках) был издан в Париже в 1933 г. Это богато оформленное изд. было украшено иллюстрациями венгерского художника Михая Зичи (ранее сделанными для грузинского изд. поэмы), портретами Бальмонта, Руставели и царицы Тамар. Перевод парижского изд. поэмы четырежды издавался в Ленинграде и Москве («Academia», 1936 и 1937; ГИХЛ, 1937 и 1938) в сопровождении отрывка «Из предисловия переводчика» и с предисловием «От редакции». Хотя это и не оговорено, но известно, что заметка «От редакции» принадлежит А. С. Сванидзе (1867 — 1937). В московских изданиях бальмонтовское загл. перевода было изменено на «Витязя в тигровой шкуре». В самом тексте перевода появились новые, дополнительные главы. Редакция поясняет: «Перевод Бальмонта сделан с ваханговской редакции, и поэтому отсутствующие в нем три последние главы (принадлежность которых перу Руставели все-таки оспаривается рядом грузинских литературоведов) даны в этом издании в другом переводе». В примеч. же оговорено: «Перевод этих глав выполнила Е. Тарловская». В конце книги (после оглавления) уточняется: «Вступление и главы 1 — 47 переведены К. Бальмонтом, главы 48 — 50 и заключительные строфы — Е. Тарловской».³⁷

Еще раньше, в 1935 г., перевод Бальмонта по тексту парижского изд. полностью (включая предисловие и вступ. статьи на русском языке) был выпущен в Тбилиси на правах рукописи.³⁸

В настоящей книге текст поэмы печ. по московским изданиям (в которых устранены многие опечатки парижского издания) с изъятием дополнительных стрóf в переводе Е. Тарловской и с восстановлением 19-ти заключительных стрóf по парижскому изданию.

³⁵ Сводку данных о работе Бальмонта над переводом поэмы и его грузинских связях см. в коммент. к изд.: Б а л ь м о н т К. Д. Стихотворения / Вступ. статья, составление, подгот. текста и примеч. Вл. Орлова. Л., 1969. С.659 — 660. Бальмонту как переводчику Руставели посвящены след. статьи и публикации: Из писем К. Бальмонта о переводе «Витязя в тигровой шкуре»//«Лит. Грузия». 1957, №6. С. 112 — 116; Д о н д у а М. К. Бальмонт на уроках грузинского языка // «Лит. Грузия». 1962, № 9. С. 91 — 92; Б а л у а ш в и л и В. В содружестве с переводчиком поэмы Руставели//«Лит. Грузия». 1963, №12.С.87—91; Б а л ь м о н т - Б р у н и Н. Бальмонт и Грузия // «Лит. Грузия». 1966, № 9/10. С. 113 — 121; Т а б и д з е Т. Бальмонт и Грузия//«Лит. Грузия». 1967, № 6. С. 61 — 62; Публикация писем Бальмонта//Там же. С. 66 — 71. См. также публикацию статьи: Б а л ь м о н т К. Шота Руставели и другие мировые гении как певцы любви//«Дружба народов». 1966, № 9. С. 203 — 209.

³⁶ Предисловие Бальмонта к этому изд. написано во Владивостоке и датировано 24 апреля 1916 г.

³⁷ См.: Б а р а м и д з е А. Из истории одного перевода поэмы Руставели на русский язык // Очерки и исследования из истории грузинской литературы. Тбилиси, 1975. Т. 6. С. 96.

³⁸ Издание Юбилейного комитета при Совнаркомом ССРГ

Перевод Бальмонта нельзя считать переводом в обычном смысле слова. Бальмонт сам поясняет: «Нельзя воссоздать живое лицо способами, которые называются, несправедливо называются, точными, — фотографией или наложением гипсовой маски. Но можно воссоздать его творчески, если я художник и смотрю на изображаемое мною лицо напряженно-зорким магнетическим взглядом художника» (с. XXI). Бальмонт называет свой перевод поэмы Руставели «перепевом». Действительно, он допускает немало вольностей при передаче стихов оригинала. Он даже опустил несколько строк и целый ряд строк (иногда перемещая их в четверостишиях), не перевел ряд афоризмов, изменил смысловые оттенки отдельных стихов. Бальмонт не придерживается точного размера поэмы, оговариваясь: «Я перевожу поэму Руставели размером подлинника, лишь с некоторыми изменениями в порядке рифм» (там же). Не учтены в переводе и разновидности шестнадцати сложных стихов грузинского шаира. Бальмонт усложняет и перегружает стихи несвойственными руставелиевскому шаиру внутренними рифмами. Известный автор русского подстрочного перевода «Витязя» С. Г. Иорданишвили, тщательно сличивший бальмонтский текст с грузинским оригиналом и выявивший почти все расхождения смыслового характера, все-таки пришел к выводу о больших достоинствах этого перевода.³⁹

Вступление. *Льва, что знает меч блестящий.* Очевидно, подразумевается Давид Сослани (см. Словарь). *По-арабски, кто влюбленный, тот безумный.* См. пояснение слова «меджнун» в Словаре.

1. Имя *Тинатин*, по-видимому, грузинского происхождения, широко распространено в грузинской ономастике (особенно в сокращенной форме — Тина). Древние грузинские лексикографы производили его от слова, обозначающего отблеск солнечных лучей. Имя *Автандил* некоторые исследователи связывают с арабско-персидской лексикой, например *avtan+dil*, т. е. «сердце родины» (Ю. Абуладзе). Это имя как в полной (Автандил), так и сокращенной форме (Тандила) издревле имеет широкое распространение в грузинской ономастике. Академик Н. Я. Марр считал, что оно возникло на грузинской почве (см.: Марр Н. Я. Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре». Пг., 1917. С. 428). *Будь как бы щедротной твердью.* Слово «твердь» здесь означает: небо, т. е. речь идет о высочайшем покровительстве.

2. *Шермадин* — это имя, по мнению Н. Я. Марра, «буквально значит по-персидски „совесть веры“, что вполне соответствует характеристике Шермадина в поэме» (см.: Марр Н. Я. Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре». Пг., 1917. С. 427).

3. *Рог — ему.* Автандил передает Шермадину свой рог — сигнальный инструмент во время охоты и сражений.

4. Имя *Тариэля* некоторые исследователи связывают с персидским «Шахриар» (Н. Я. Марр), некоторые же — с персидским «Дариэл», означающим «царь-герой» (Ю. Абуладзе). Уже в одной грузинской хронике IX в. упоминается сокращенная форма этого имени — «Тарика». Аналогичная краткая форма — «Тария» встречается и в тексте Руставели.

³⁹ См.: И о р д а н и ш в и л и С. Г. Русский перевод Бальмонта «Носящий барсову шкуру». Тбилиси, 1964. С. 28 (на груз. яз.).

Гумны цеп ни разу не пробил, т. е. цеп для обмолотки зерна не касался площадки со злаками. Эта метафора означает, что уединенная жизнь Таризла была недоступна какому-либо постороннему вмешательству. *Мы должны давать прошение, и не раз, а до семи*. См. ниже примеч. к сказу 4 (в переводе Петренко). *Семь планет*. В средневековой мусульманской космогонии небо представлялось разделенным на семь движущихся сфер (одна внутри другой), каждая из которой управлялась Солнцем, Луной и пятью известными в то время планетами: Меркурием (Утарид), Венерой (Зухра), Марсом (Маррих), Юпитером (Муштари), Сатурном (Кейван). Считалось, что за этими сферами находились еще две непланетарные сферы, за которыми следует «неподвижное небо». *Гиацинт горит прекрасно. Но хочу эмали страстно*. Т. е. красному (или розовому) цвету гиацинта Автандил предпочитает небесно-голубой цвет эмали.

5. Имя *Нестан-Дареджан* связывают с персидским выражением «нист андаре-джехан», что означает: «нет подобной (красавицы) в мире» (Марр Н. Я. Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре». Пг., 1917. С. 428).

6. *Стало ныне цвет шафрана*, т. е. желтым или светло-коричневым.

15. *Фридон* (Придон) — широко распространенное на Востоке имя, в частности в персидской классической литературе.

17. *На девятом небе*, т. е. на вершине мироздания, рядом с богом. См. выше примеч. к сказу 4 (к словам «семь планет»).

21. *Мысль Платона: «Ложь двуличья—порчи лоно и для тела и души»*. В диалогах «Критон» и «Горгий» древнегреческий философ Платон (427—347 до н. э.), чьи идеи были широко известны в средневековой Грузии, утверждал, что справедливость является благом, а ложь — своего рода болезнью души. *Потоки — пути: часть возьми ты на мосты*. Это предложение объясняется тем, что строительство мостов считалось богоугодным делом.

23. *Скаты* — здесь: порода рыб.

28. *В град царя морей* — в Гуланшаро, царем которого был Мелик-Суркхави.

41. *Жемчуг-скаты*, т. е. скатный жемчуг — крупный, отборный.

43. *По семи идет планетам*. В данном случае подразумеваются семь светил: Солнце, Луна и пять известных в средние века планет (см. выше примеч. к сказу 4).

47. *Для грузинской я богини* — для Тамар.

ПЕРЕВОД П. А. ПЕТРЕНКО

Пантелеймон Антонович Петренко (1908 — 1936) родился на Украине, неподалеку от Киева. Еще в детстве он переехал в Грузию, где сначала жил в Батуми, а с 1932 г. — в Тбилиси. С этого времени он сближается с грузинскими писателями и переводчиками. Молодой талантливый поэт (он писал как на украинском, так и на русском языках) к тому времени был автором ряда оригинальных стихотворений. Им были

выполнены переводы стихотворений французских символистов (Ш. Бодлера, П. Верлена, А. Рембо и др.), а также грузинских, армянских и азербайджанских поэтов. Именно в это время по инициативе и при поддержке грузинских поэтов и переводчиков Петренко берется за перевод поэмы Руставели, известной тогда русскому читателю фактически только по неполному переводу К. Д. Бальмонта (в издании 1917 г.). Хотя перевод был выполнен крупным мастером поэтического слова, но самый метод, который избрал Бальмонт, не удовлетворял требованию адекватности оригиналу. В этом отношении Петренко принципиально отличается от своего предшественника. В переводе Петренко успешно преодолены некоторые трудности, связанные с передачей метафорических образов. В ряде случаев им искусно переданы философские максимы поэмы.⁴⁰ Переводчик, правда, не воспроизводит разновидности стихов шаири — высокого и низкого (см. вступ. статью, с. 32), но последовательно выдерживает схему рифмовки. Не лишенный и других существенных недостатков, отмеченных в свое время в специальной литературе, перевод Петренко, благодаря своим определенным достоинствам, с полным правом может считаться одним из удачных русских переводов поэмы, и в наши дни не утративших художественного значения. По сохранившимся сведениям, молодой поэт намеревался в дальнейшем продолжить работу над текстом своего перевода с целью его совершенствования. Намерение это осталось неосуществленным из-за трагической гибели переводчика.

Перевод Петренко издавался трижды:

1) Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре/Перевод с древнегрузинского Пантелеймона Петренко при участии и под редакцией Константина Чичинадзе. Портрет и иллюстрации Сергея Кобуладзе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 (ответственный редактор академик Иосиф Орбели, он же — автор предисловия). Часть тиража этого изд. была допечатана в 1938 г.

2) 2-е изд. / С иллюстрациями Ладо Гудиашвили и вступ. статьей К. Чичинадзе. М., ГИХЛ, 1939. Это издание имеет специальное примеч.: «В литературно-стилистической работе над текстом настоящего издания принял участие и строфы 1602 — 1744 перевел поэт Борис Брик».

3) 3-е изд./Под редакцией и со вступ. статьей члена-корр. АН ГССР Саргиса Цаишвили, Тбилиси, 1985.

Текст перевода Петренко печ. по его первому изд. без строф, принадлежащих Б. Брику.

Вступление. *Льву приличны меч и пика.* См. примеч. к вступлению (в переводе Бальмонта), с. 632. *По-арабски однозвучны и «безумец» и «влюблен».* См. примеч. к слову «меджнун» в Словаре.

4. *О подобном кипарису.* В восточной классической поэзии кипарис — символ стройности. *Ибо сказано в Писанье: грех прощается семь раз.* Под «Писаньем» подразумевается Евангелие от Луки (XVII, 4), где говорится: «И

⁴⁰ Ч и л а ч а в а Р. П. Петренко — переводчик «Витязя в тигровой шкуре». Тбилиси, 1984. С. 42 — 43, 51 — 52.

если семь раз в день согрешит против тебя и семь раз в день обратится и скажет: „каюсь“, — прости ему». *Нож гишерный срезал слезы.* Этот метафорический оборот означает, что Автандил перестал лить слезы. *В строй гишерных стрел прекрасных лалов пламя вплетено.* Метафорический образ ресниц и сверкающих у огня очей Таризэла. *Как семи светил сверканье.* См. примеч. к словам «семь планет» (в переводе Бальмонта), с. 633.

9. *Хорезмийскою броней.* Средневековый Хорезм (см. Словарь) славился выделкой стального оружия. *Я над книгою поклялся.* Подразумевается клятва на Коране. *Зять приехал, день, казалось, был не пятницей страстной.* Т. е. день этот не предвещал ничего утешительного, ибо он не походил на страстную пятницу (дни страстной недели непосредственно предшествуют празднику Пасхи). Здесь перевод неточен: в оригинале говорится о празднике Пасхи.

17. *Краше всех семи небес.* См. примеч. к словам «семь планет» (в переводе Бальмонта), с. 633.

18. *Был гишером изукрашен бело-розовый рубин.* Т. е. черные волосы Тинатин оттеняли бело-розовый цвет ее щек.

21. *То, что сказано Платоном... «Вслед за телом губит душу двоедушье и обман».* См. примеч. к аналогичному месту в переводе Бальмонта, с. 633. *Апостолов читал ты.* Намек на апологию любви в «Первом послании к коринфянам» апостола Павла (XIII, 4 —8), входящем в состав Нового завета.

24. *Розу казни предавал он, снег — потокам кровавым,* т. е. красавица то бледнела, то краснела.

25. *Опускал шатры гишера тростника склоненный ствол.* Склоняя стан, стройный, как тростник, он смыкал гишероподобные ресницы.

30. *Магомета почитаем и не ведаем вина.* Согласно Корану, правоверным мусульманам надлежит воздерживаться от употребления вина.

37. *Из нарциссов на порошу перлов ринулся ручей,* т. е. из очей хлынули слезы. *По гишерным желобам — по черным ресницам.*

38. *Чащи черные черпали черноту больших озер,* т. е. ресницы увлажнились и стали еще чернее от заплаканных черных глаз. *Просвечивали перлы сквозь коралловый раствор — между алых губ показывались белые зубы.*

39. *Фиолетовый все носят вместо пурпурного цвет.* Фиолетовый цвет — знак траура.

40. *Был тенистый строй гишерный блеском перлов озарен.* На ресницах засверкали слезы. *И корабль гишерный плавал в черном омуте очей.* Гишерный корабль здесь: черный зрачок, как бы плавающий в переполненном слезами глазу. *И на роцу роз упала тень от хижины ресниц.* Необыкновенной длины ресницы способны были заслонять лучи света на розовых щеках.

43. *Ворон пальмы ароматы, развевал своим крылом.* Черные волосы распространяли аромат.

45. *Вмиг гишеровую стражу охватил глубокий сон.* Ресницы

сомкнулись, ибо Тариэл упал в обморок.

48. *И змея, луну для солнца отпустив, забыла гнев.* Образ, подсказанный мифом о драконе (змее), проглотившем луну (см. вступ. статью, с. 27).

52. *Над кристаллом нависали черных воронов хвосты* — пряди черных волос закрывали глаза.

ПЕРЕВОД Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО

В предисловии к двухтомнику своих переводов грузинской классической поэзии Николай Алексеевич Заболоцкий (1903 — 1958) писал: «Поэт Симон Чиковани еще в довоенное время познакомил меня с Грузией, ее историей и культурой и привлек мое внимание к ее литературе. Он редактировал мой перевод поэмы Руставели и в течение многих лет помогал мне своими советами и многочисленными указаниями».⁴¹ Действительно, Заболоцкий серьезно занимался вопросами грузинской культуры, часто приезжал в Грузию и долго там оставался, изучал ее природу, ее историю, ее литературу, жизнь и быт ее народа, дружил с грузинскими писателями и учеными, пользовался их советами и консультациями. Не случайно переводы Заболоцкого как классической, так и современной грузинской поэзии в целом выполнены с большим знанием дела, на высоком художественном уровне. Предметом особого увлечения Заболоцкого был «Витязь в тигровой шкуре». Еще в 1937 г. он опубликовал свой перевод поэмы в сокращенной обработке для юношества.⁴² Готовясь к этой публикации, Заболоцкий, в частности, писал поэту Тициану Табидзе: «Я должен буду связаться с Институтом Руставели и с людьми, подготовляющими его юбилей. Необходимо подышать воздухом Грузии и почувствовать Руставели на его родине».⁴³ В дальнейшем Заболоцкий вдохновенно продолжал трудиться над поэмой Руставели, и только через 20 лет (после создания текста для юношества) он выпустил ее полный поэтический перевод.

Несомненно, что и Симон Чиковани (1902—1966) и Николай Заболоцкий в нужных случаях обращались к подстрочнику известного руствелолога и переводчика С. Г. Иорданишвили (1898—1953). Заболоцкий прямо об этом говорит в упомянутом выше письме к Т. Табидзе: «Наш друг Микола Бажан... завещает мне свой подстрочник (Иорданишвили) с транскрипцией».⁴⁴ До 1966 г. подстрочник этот ходил по рукам в машинописном виде. В 1966 г. он появился в печати, предварительно подвергнувшись редактуре.⁴⁵ Тем более странно, что у Заболоцкого

⁴¹ Грузинская классическая поэзия в переводах Н. Заболоцкого. Тбилиси, 1958. Т. 1. С. 3.

⁴² Р у с т а в е л и Ш. Витязь в тигровой шкуре / Перевел с грузинского и для юношества обработал Николай Заболоцкий. М.; Л.; 1937.

⁴³ «Деятели русской культуры о Шота Руставели». Тбилиси, 1966. С. 68.

⁴⁴ М. Бажан перевел «Витязя в тигровой шкуре» на украинский язык.

⁴⁵ Р у с т а в е л и Ш. Витязь в тигровой шкуре / Подстрочный перевод с грузинского С.

отсутствуют 10 безусловно руставелиевских строф, имеющих как в подстрочнике Иорданишвили, так и в грузинских изд. поэмы. Это строфы 110, 124, 298 — 299, 366, 408, 480, 1013 — 1014, 1164 (по печатному подстрочнику Иорданишвили). В качестве примера сошлемся на три строфы (123 — 125) из подстрочника Иорданишвили (им предшествует рассказ о том, как Тинатин впервые позвала к себе Автандила, узнав от отца о чужеземном загадочном витязе:

Хмуро она (Тинатин) сидела под пурпурным покрывалом;
Спокойно и тихо предложила она Автандилу сесть.
Раб поставил ему дорогую скамью, сел он скромно и почтительно.
Вблизи взирал он на лик ее, полный великой радости.

Дева молвила: «Я боюсь рассказать об этом,
Хотела умолчать о том, чего не могу снести,
Но знаешь ли ты, почему тебя пригласила сюда,
Почему я сию хмурая и печальная, с затуманенным рассудком?»

Витязь молвил: «Как смею я говорить об ужасающем?
Когда луна встречается с солнцем, она идет на убыль, блекнет.
Я более не способен мыслить здраво, я сомневаюсь в себе самом,
Сами поведайте мне, что вас угнетает или чем можно вас исцелить».

Цитированному тексту соответствуют следующие две строфы текста Заболоцкого:

Но мрачна была царица под прозрачною фатою.
Нежным голосом, однако, приказала сесть герою.
Подав стул ему невольник. Сев, поник он головою
И, лицом к лицу с любимой, упивался красотою.

Витязь молвил: «Что скажу я, коль душа твоя мрачна?
Говорят, при встрече с солнцем потухает и луна.
Я не в силах больше мыслить, словно есть на мне вина.
Чем, скажи, тебя утешу? Чем ты ныне смущена?»

Таким образом, в переводе налицо текстуальный пробел, пробел тем более досадный, что он искажает смысл ситуации. Строфа «Витязь молвил...» — прямой ответ на вопрос царицы («Но знаешь ли ты, почему тебя пригласила сюда...» и т. д.). Однако как мог учтивый рыцарь и царедворец первым заговорить в присутствии царицы (без ее разрешения или не в ответ на заданный ему вопрос) да еще разглагольствовать о своем душевном состоянии? Диалог между царицей и царедворцем у Заболоцкого завязывается немотивированно, нелогично. Строфа 124—крайне необходимый элемент текста. Примерно такое же значение имеют и остальные отсутствующие у Заболоцкого строфы из подстрочника Иорданишвили. В перевод Заболоцкого включен финальный эпизод «Витязя», так называемый «Сказ об индо-хатайцах» (возвращение Тариэла и Нестан-Дареджан в Индию и изгнание хатайцев). В сюжетном отношении этот эпизод вполне уместен, однако некоторые исследователи считают, что он не принадлежит Руставели.

Первое полное издание поэмы в переводе Заболоцкого вышло под редакцией Симона Чиковани в Москве в 1957 г. Вскоре перевод появился в составе издания «Грузинская классическая поэзия в переводах Н. Заболоцкого» (Тбилиси, 1958. Т. I), причем в основу перевода на этот раз легла пространная редакция поэмы. Именно этот текст и печ. в наст. издании. Читателю дается, таким образом, возможность ознакомиться с творением Руставели как в краткой (Бальмонт, Петренко), так и в пространной редакциях. Последующие издания перевода Заболоцкого таковы: М., 1962 / Предисловие И. Абашидзе; М., 1966; М.; Л., 1966 / Вступ. статья С. Цаишвили (Б-ка поэта, МС); Тбилиси, 1966; М., 1969 / Вступ. статья И. Абашидзе, примеч. С. Цаишвили (Б-ка всемирной литературы); Тбилиси, 1975 / Предисловие И. Абашидзе, словарь С. Цаишвили (богато оформленное изд.); М.; Л., 1977 / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. Г. Барамидзе (Б-ка поэта, БС); Тбилиси, 1983 / Предисловие И. Абашидзе, примеч. С. Цаишвили; М., 1984 / Вступ. статья И. Абашидзе.

Вступление. *Лев, служба Тamar-царице, держит меч ее и щит.* См. примеч. к вступлению (в переводе Бальмонта). Перевод Заболоцкого неточен в оригинале: «Льву царицы Тamar приличествует копьё, щит и меч».

1. *Тот проходит трое суток, с непокрытой головой.* В средневековой Грузии считалось унижительным ходить с непокрытой головой.

10. *Девяти небес лишая, пусть сожжет меня геенна!* См. примеч. к словам «Семь планет» (в переводе Бальмонта), с. 633.

22. *О любви ты, верно, помнишь, что апостолы гласили.* См. выше примеч. к сказу 4 (в переводе Петренко).

47. *В доме Рака восседало Солнце.* Солнце наблюдается в зодиакальном созвездии Рака в июне, значит, Автандил вернулся к Тариэлу в начале лета.

55. *Самоцветы из Романьи сходны с яйцами цесарки.* Перевод неточен: в оригинале Романья — слово персидского происхождения, означающее гранатовое дерево. Следовательно, речь идет о рубинах, подобных зернам граната.

СЛОВАРЬ

Пояснения

собственных имен, географических названий и терминов грузинского, арабско-персидского и библейского происхождения ⁴⁶

«Абдул-мессия» (араб.) — дословно: раб мессии; вероятно, название оды «Царице Тамар и Давиду», сложенной грузинским поэтом XII в. Иоанном Шавтели.

Абсаль — героиня распространенного в средние века на Востоке сказания о любви греческого царевича Саламана и его юной, прекрасной кормилицы Абсаль; к этому сюжету неоднократно обращались видные поэты мусульманского Востока.

Адам — библейский Адам, прародитель людей.

Алоэ — благовонное дерево, сжигаемое в курильницах; его привозили чаще всего из Индии.

Амиран—древнегрузинский мифологический герой, который был наказан богами и прикован к скале на Кавказском хребте. Образ Амирана использовал Мосе Хонели (см.).

Амирбар — по некоторым восточным источникам, «амирбар» означает: морской министр или министр двора; Руставели, скорее всего, имеет в виду последнее значение.

Амир- спасалар — см.: спасалар.

Арабия, Аравия — в поэме — условная страна, родина главных героев — Тинатни и Автандила; некоторые реалии в описании Аравии, как и Индии, явно грузинского происхождения.

Арабы — жители Аравии (см.).

Аспироз — название планеты Венера; согласно древним восточным поверьям, обладала исцеляющим воздействием; покровительница любви.

Афины — подразумеваются мудрецы из Афин (в Древней Греции).

Бадахшан — страна в Южном Памире (на границе с Афганистаном), где добывали рубин, называвшийся бадахшанским камнем или сокращенно бадахшем. В поэме рубин (лал, бадахшан) — метафора, обозначающая алый цвет лица или уст.

Басра — город на побережье Персидского залива, при впадении в него рек Тигра (см.) и Евфрата; славился выделкой стали и оружия.

Безоар (перс.) — драгоценный камень органического происхождения, отличается необычным блеском; ему приписывались целебные свойства.

Вазир, визир, визирь — главный советник царя.

Веельзевул — сатана, демон.

⁴⁶ В Словаре представлены разные варианты написания собственных имен и терминов, используемых переводчиками Руставели.

Вис — главная героиня поэмы персидского поэта Фахр ад-дина Асада Гургани (XI в.) «Вис и Рамин», на сюжет парфянской повести о любви царицы Вис к брату царя Рамину. Грузинский перевод этого произведения приписывается Саргису Тмогвели (см.).

Габаон—гористая местность вблизи Иерусалима, почитавшаяся как священная земля; произраставшие там ели и кипарисы считались самыми прекрасными.

Геон — см.: Джеон.

Гиацинтовые чаши — чаши из драгоценных камней красного цвета.

Гишер — гагат, черный камень, отвердевшая горная смола; в поэзии гишер — традиционная метафора, означающая черный цвет ресниц, бровей, волос, а также и сами ресницы (или брови).

Голиаф — чудовищный великан, которого, по библейской легенде, убил из пращи юный пастух Давид; в переносном смысле Голиаф — богатырь.

Гуланишаро, Гулянишаро — вымышленный город и государство, называемое в поэме царством морей, происходит от персидских слов «гулан» (мн. число от «гул») и «шахр» (город) — город роз.

Давид — видимо, Давид Сослани (ум. 1207), супруг царицы Тамар (см.), осетинский царевич и выдающийся полководец. Давид подразумевается также под словом «лев» в строфе 3 первого сказа поэмы.

Джеон (Геон) — Джейхун, река Амударья.

Джинн — злой дух.

Дивное — см.: Дионос.

Диларгет — видимо, главный герой не дошедшего до нас произведения «Диларгетиани», приписываемого С. Тмогвели (см.).

Дионос (Дивнос) — Псевдо-Дионисий Ареопагит, христианский философ V в., автор учения, известного под названием ареопагитика. Его сочинения оказали большое влияние на христианскую философию последующих веков. Как выяснено в последнее время, под именем Дионисия скрывался подвизавшийся в Палестине грузинский философ Петр Ибер, бывший одно время епископом г. Майюмы (Газа) в Палестине. Его учение было хорошо известно в грузинской литературе. В поэме Руставели явно заметны некоторые отголоски отдельных положений ареопагитики.

Достакан (перс.) — большая чаша, заздравный кубок.

Драхами, драхма, драма — мелкая единица веса, серебряная монета.

Дэв — в персидской и грузинской мифологии демон, злой великан.

Ездра, Эзрос — подразумевается какой-то древний мудрец; по мнению некоторых исследователей, здесь говорится о древнееврейском поэте XII в.

Зарадхана (перс.) — оружейная палата.

Зуаль — Зухал (араб.), планета Сатурн (то же, что Кронос); по учению астрологов, предвещала несчастья и беды.

Кадж — сказочное существо, злой дух; в поэме — человекоподобное

существо, коварный чародей. *Каджети* — страна каджей.

Каис — имя главного героя поэмы Низами Гянджеви (1140 — 1202) «Лейли и Меджнун» (см.: Меджнун).

Караван-сарай — постоянный двор для торговых караванов на Востоке.

Кронос — см.: Зуаль.

Кулан (тюркск.) — дикий осел.

Куран — Коран, священная религиозная книга мусульман.

Кхатаэт — см.: Хатайя.

Лал — рубин, в поэме часто служит метафорой алых уст и щек.

Лееи, Левий — видимо, библейский персонаж, сын Иакова.

Магомет — пророк Муххамед (VII в.) — основоположник мусульманской религии; в грузинских памятниках, в том числе и в поэме Руставели, упоминается в форме Махмад.

Марикх, Маррих (араб.) — планета Марс, считавшаяся предвестием войны.

Мейдан — место для игр, ристалище, а также базарная площадь.

Меджнун, Миджнур (араб.), прозвище Кайса (см.), главного героя поэмы Низами «Лейли и Меджнун», обезумевшего от любви (слово «меджнун» буквально означает: безумец); впоследствии стало нарицательным именем страстно влюбленного человека.

Мекка — священный город мусульман в Аравии, родина Магомета (см.).

Меран, Мерани — быстроходный скакун; в грузинской мифологии — крылатый конь, быстрый, как молния.

Месх — житель Месхети, одной из провинций Южной Грузии.

Мисрети — Миср (араб.), т. е. Египет.

Моурав — управитель.

Мукри (араб.) — отец Корана.

Мулгазар. Мутьгхазанзар — вымышленная, сказочная страна, название которой происходит от персидского слова «мургзар» (лужайка).

Муллим (араб.) — мусульманский богослов.

Муштар, Муштар — Муштари (арабск.) — планета Юпитер; по учению астрологов, покровительствует мудрости.

Най — небольшая тростниковая флейта, звуками которой подавали сигнал к началу сражения.

Нарды — род игры в шашки, распространенной на Востоке; ходы шашек определялись количеством цифр, выпадавших на игральных костях.

Ниневийцы — население Ниневии, древнего города в Месопотамии, одно время бывшего столицей Ассирии; в 612 г. до н. э. Ниневия была до основания разрушена мидийским царем.

Отарид — Утарид (араб.), планета Меркурий; считалась покровительницей наук.

Персы — см.: Хорезм.

Платон — древнегреческий философ (427 — 347 до н. э.), широко известный на Востоке.

Рак — подразумевается созвездие Зодиака; в пределах этого созвездия Солнце наблюдается в июне.

Рамин — см.: Вис.

Романья. — одна из европейских стран, населенная романскими народами.

Ростом — Рустам, могучий богатырь-великан; главный герой эпопеи персидского поэта Фирдоуси (936 — 1020) «Шахнаме».

Рустави — название местности и замка в Месхети, в южной Грузии.

Сал, Сало — Саламан, см.: Абсаль.

Сирена, сирин (груз. форма: сирино) — в греч. миф. птица с ликом девы, которая сладостным пением заманивает и губит мореплавателей.

Спасалар — распространенное в грузинском языке персидское слово, обозначающее командующего войсками; амир-спасалар — верховный главнокомандующий.

Спаснет — персидский военный термин, получивший распространение и в Грузии; означает: командующий войсками.

Стадий (греч.) — мера длины в древности (ок. 200 м).

Талант — мера веса и денежная единица в древности.

Тамар — царица Грузии (1184 — 1213), при которой страна достигла зенита своего могущества и культурного расцвета.

Тигр — река в Месопотамии.

Тмогвели Саргис — грузинский писатель XII в., которому приписывается перевод романа Гургани «Вис и Рамин» (см.: Вис): в эпилоге поэмы Руставели упоминается как автор произведения о Диларгете (см.).

Турция — страна в Средней Азии, населенная тюрками.

Хатайя, Хатаэти, Кхатаэт — видимо, подразумевается страна хатавов, расположенная к северу от Китая и населенная тюрками.

Хатун — ханум (тюркск.), знатная дама, госпожа.

Хваразмийский — см.: Хорезм.

Хонели Мосе — грузинский писатель XII в., которому традиция приписывает рыцарский авантюрно-приключенческий роман «Амиран Дареджаниани».

Хорезм — могущественное царство в Средней Азии; в поэме хорезмийское государство входит в персидское царство.

Хорезмша — шах Хорезма.

Чадана, чанг (тюркск.) — струнный инструмент, подобие арфы, распространен на Востоке.

Чоган (човган) — клюшка для игры в мяч, которой всадники отбивают его друг у друга, чтобы загнать в ворота.

Эдем — по библейской легенде, райская страна, где будто бы обитали первые люди на Земле.

Эзрос — см.: Ездра.

Пояснения малоупотребительных слов русского языка

Адамант — алмаз, бриллиант; в поэтическом языке — метафора твердости, несокрушимости.

Аксамит — драгоценная ткань наподобие бархата.

Аргамак — порода быстрых и легких скаковых лошадей восточного происхождения.

Аспид — ядовитая змея, чей взгляд, согласно поверьям, обращал человека в камень.

Багрец — ярко-красная краска.

Багряница — пурпурная мантия царей.

Брашно — еда, кушанье.

Василиск — сказочный змей, убивающий своим взглядом.

Ветрило — парус.

Виссон — драгоценная ткань, употреблялась в одеянии царей и вельмож.

Гепард — зверь из семейства кошачьих, похожий на крупного леопарда; дрессированные гепарды в старину использовались во время охоты царей и богатых феодалов.

Зодиак — двенадцать созвездий, носящих названия живых существ (Рак, Лебедь, Телец, Скорпион, Лев и др.), в пределах которых наблюдается видимое годичное перемещение Солнца.

Индиго — синяя краска растительного происхождения для тканей.

Кимвал — древний музыкальный ударный инструмент, состоящий из двух металлических чаш.

Клир — хор.

Ковчег — ларец, сундук.

Крин — лилия.

Криница — источник, родник.

Кутина — куст, роща.

Основа — см.: уток.

Пени — жалобы, упреки.

Персть — пыль, прах, тлен.

Рака — усыпальница.

Ристалище — площадь для состязаний разного рода (бег, скачки и т. д.).

Скатный (о жемчуге) — отборный, крупный; скатный жемчуг — метафора красивых зубов.

Стольник—придворный чин, распорядитель царской трапезы.

Стремянный — конюх-слуга, ухаживающий за верховой лошастью господина, а также слуга, сопровождающий его на охоте.

Тамбурин — небольшой барабан, иногда с бубенцами.

Твердь — небо.

Турач — редкая порода птиц, похожих на фазана.

Уток — в ткачестве поперечные нити, которые переплетаются с продольными, называемыми основой.

Фиал — кубок.

Цезарство — царская (диктаторская вообще) власть.

Чинар — платан.

Шелом — шлем.

Шуйца — левая рука.

Юдоль — долина, в переносном смысле: земная жизнь с ее невзгодами и страданиями.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. Таризэл и Автандил. Рис. Л. Гудиашвили.

2—5. Барельеф «Руставели» Я. Николадзе. Гос. музей грузинского искусства.

На обороте: Автандил и Тинатин. Рис. И. Тоидзе.

Таризэл у ручья. Рис. И. Тоидзе.

На обороте: Автандил пишет завещание. Рис. И. Тоидзе.

6—9. Встреча Таризэла с Автандилом в пещере. Рис. И. Тоидзе.

На обороте: Нестан-Дареджан пишет письмо Таризэлу. Рис. С. Кобуладзе.

Три витязя (Тариэл, Фридон, Автандил). Рис. Т. Абакелия.

На обороте: Освобождение Нестан-Дареджан из Каджетской крепости. Рис. С. Кобуладзе.

10. Схватка Тариэла с тигром. Рис. Л. Гудиашвили.

11—14. Миниатюра неизвестного автора, изображающая писца или сочинителя. Из рукописи XVI—XVII вв.

На обороте: Тариэл. Рис. Т. Абакелия.

Встреча Автандила с Тариэлом. Рис. С. Кобуладзе.

На обороте: Пленение царя Рамаза Тариэлом. Рис. М. Зичи.

15—18. *Между с. 480 и 481.*

«Разъяренная пантера» — Нестан-Дареджан. Рис. М. Зичи.

На обороте: Автандил и Фатман. Рис. М. Зичи.

Прощание Нестан-Дареджан с Фатман. Рис. И. Тоидзе.

На обороте: Нестан-Дареджан, пишущая письмо в Каджетской крепости. Рис. У. Джапаридзе.

19. Три богатыря (Тариэл, Автандил, Фридон) с войском у Каджетской крепости. Рис. Л. Гудиашвили.